

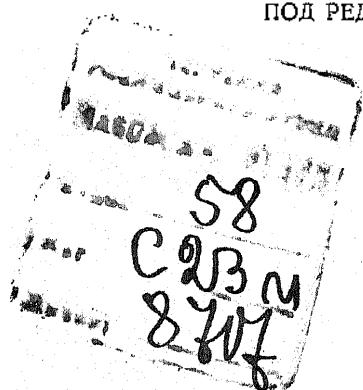
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИНСТИТУТА
НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР ИМ. П. Г. СМИДОВИЧА
ТРУДЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ

Т. I

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ПО ЭВЕНКИЙСКОМУ (ТУНГУССКОМУ) Ф О Л Ь К Л О Р У

СОСТАВИЛА Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. П. АЛЬКОРА

The Scientific Research Association of the Smidowitch Institute of the
Peoples of North under the Central Executive Committee of USSR

TRANSACTIONS TO FOLKLORE — VOL. I

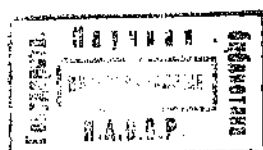
MATERIALS TO EWENKEE (TUNGUS) FOLKLORE

Prepared by G. M. WASILEWITCH

Preface by I. P. ALCOR, Editor

Leningrad. 1936

Напечатано по заказу Комитета нового алфавита народов Севера при ВЦКНА

Ответств. редактор Я. П. Алькор

Техн. редактор Д. И. Кологради

Сдана в производство 30 XI 1934. Подписана к печати 15 X 1935. Кол. тип. зн. в 1 л. 95.000.
Ст-ф. 72X110. Авт. л. 22. Бум. л. 97. Тираж 1.400 экз. Ленгторлит № 33180. Зак. № 1753.

Тип. „Коминтерн“ и школа ФЗУ им. КИМ'а, Ленинград, Красная, 1

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящим сборником Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР имени П. Г. Сидовича начинает серию своих публикаций, посвященную фольклору народов Севера. Ближайшие очередные выпуски этой серии отведены мансийскому (вогульскому), селкупскому (остяко-самоедскому) и нанайскому (гольдскому) фольклору.

Большая часть материала, помещенная в сборнике, собрана сотрудниками Института народов Севера по преимуществу в 1925—1931 годах, во время экспедиционных исследований. Исключение представляют: „Материалы по устному творчеству эвенков“, записанные дальневосточным этнографом и писателем Е. И. Титовым, и „Две сказки талочских эвенков“, записанные местным эвенкийским поэтом Г. А. Ниргунеевым.

В приложении к сборнику даны опубликованные ранее эвенкийские фольклорные материалы. — кстати сказать, помещенные в мало доступных для читателя изданиях, — а также рукописные материалы Б. Иттера и учителя-эвенка В. С. Пежемского, записанные по-русски. Первые на русском языке появляются: фольклорный отрывок из „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772“¹ И. Георги и статья Г. Гута „Die Tungusische Volksliteratur und ihre Ethnologische Ausbeute“², причем, кроме статьи, нами даются два ненапечатанных автором варианта, хранящиеся в его бумагах в архиве Академии Наук СССР. Помещенное в приложении в основном исчерпывает материал по эвенкийскому фольклору, появившийся в свет до издания настоящего сборника. Необходимо заметить, что этот материал, кроме работы Г. Гута, не имеет эвенкийских текстов, а в ряде случаев является вольным пересказом, что в огромной мере снижает его значение. Несмотря на указанный дефект, мы все же сочли необходимым поместить этот материал в наш сборник, ибо он расширяет представление о сюжетах эвенкийского фольклора. Кроме фольклорных материалов, включен в наш сборник также перевод статьи Е. Широкогоровой „The folk music in China“³, дающей запись мотивов 13 песен эвенков (тунгусов) Маньчжурии. Не вошли в сборник тексты баргузинских эвенков, помещенные в „Материалах для исследования тунгусского языка“⁴ Н. Н. Поппе, ибо нам казалось, что нет основания перепечатывать работу, которая легко доступна читателю.

Преобладающую часть настоящего сборника занимают „Материалы по фольклору сибирских эвенков“ Г. М. Василевич. Этой энтузиастке изучения эвенков и в частности их фольклора удалось во время своих многочисленных экспедиций на Север, в труднейших условиях передвижения, то верхом на оленях, то в утлой лодке, собрать ценнейший фольклорный материал.

В текстах Г. М. Василевич имеются образцы: 1) северного диалекта (илимпийский и ербогаченский говоры), 2) южного диалекта (сымский, подкаменно-тунгусский, непский, токминский, верхне-ленский и северо-байкальский говоры) и 3) восточного диалекта (олекминский, урмийский и сахалинский говоры). Собранные ею фольклорные материалы сгруппированы по следующим разделам: 1) сказки о животных, 2) мифы, 3) предания, 4) бытовые сказки, 5) загадки, 6) шаманские песни, 7) песни и припевы, 8) современные произведения.

В эвенкийских сказках о животных огромное внимание уделяется лисе. Она считается хитрым и умным животным, способным на различные превращения. В этом отношении фольклор эвенков сближается с фольклором китайским и отделяется от фольклора ряда северных народов, например ненцев, в сказках которых лиса вовсе не фигурирует как хитрое и умное животное, а скорее напротив.

¹ Erster Band, St.-Petersburg, 1775, SS. 288—295.

² „Известия Академии Наук“, т. XIV, № 3, СПб, 1901.

³ The China journal of sciences and arts, № 2, Shanghai 1924, pp. 116—121.

⁴ Ленинград, 1927.

Большое значение имеют приведенные Г. М. Василевич предания для восстановления исторических судеб эвенков. В частности в них впервые отмечаются некоторые формы родового ополчения: отряды лучников и мечников и роль шаманов во время военных действий.

В виде упрека Г. М. Василевич можно было бы сказать, что она чрезвычайно скупа к этнографическим примечаниям, столь важным для подлинного понимания фольклора. Казалось бы, что и перевод местами слишком дословен, что затрудняет понимание.

Тексты, записанные Т. И. Петровой, охватывают район расселения эвенков Приангарья. В последнее столетие ангарским эвенкам пришлось иметь частые сношения с русскими, в итоге чего они претерпели ряд изменений в быту и в языке. Эти изменения отразились и на фольклоре. Так, темы, бывшие когда-то общими для эвенков Обь-Енисейского водораздела и Приангарья, перемешались; сравни, например, Акагэсэ Т. И. Петровой и тексты №№ 19, 20, записанные Г. М. Василевич у сымских эвенков; сравни также „Ніркісэп“ и текст № 42 Г. М. Василевич. Частично темы забылись, сравни: „Karānda“ и текст № 37 Г. М. Василевич. О животных в материалах Т. И. Петровой передаются мотивы, характерные для всех эвенков, но в несколько своеобразной комбинации фактов.

Записанные эвенком Г. А. Ниргунеевым две сказки у известного сказочника Г. Г. Торгонова заимствованы из монгольского фольклора, очевидно, в то время, когда талочские эвенки жили южнее, где-то на истоках Амура.

Тексты Е. И. Титова записаны им от эвенков южного диалекта: №№ 1—15 — от эвенков, живущих по верхнему бассейну р. Лены (верхне-ленский говор); №№ 16—58 — от эвенков Верхней Ангары (северо-байкальский говор); №№ 59—73 — от эвенков со средних левых притоков реки Витима, преимущественно с реки Цины (баунтовский говор). К сожалению, собиратель не отметил более точно названий родов рассказчиков, указав только их фамилии и административные названия родов. Указания на принадлежность рассказчика к определенному роду и некоторые данные по истории этих родов обеспечивают возможность точнее определить говор, на котором говорит рассказчик.

Предлагаемый в работе Е. И. Титова материал в значительной своей части не характерен для эвенкийского фольклора. Так, тексты, записанные от верхне-ленских тунгусов (Карамы, Тутура, Лена, Киренга), по тематике представляют собою заимствования из русского и бурятского фольклора. Русские темы в эвенкийской передаче настолько сильны, что передаются не только отдельные русские слова, могущие быть замененными эвенкийскими (еще, потом, богатырь, лестница, пушай, несколько, опять, последний, весь, самый, раньше и т. д.), но даже по-русски передаются отдельные выражения: слава богу, делать-то нечего, надо достать, до конца и др. Влияние русского языка в этом говоре распространяется и на эвенкийскую морфологию, например: *pāda vāke!* — русское слово и эвенкийский глагол в повелительном наклонении, что дословно обозначает „надо дай“ вместо „необходимо дать“, что по-эвенкийски звучит „vāwka“; или „могу dājakal“ („могу спрятать“ — „спрятать“) вместо „dājakara visim“ и т. д.

Но это — детали, главное — содержание и форма передачи. Если бы тексты являлись точным переводом русской или бурятской темы, их не имело бы смысла печатать как материалы по устному творчеству эвенков. Тексты эти интересны тем, что темы их хоть и заимствуются, но передаются по-своему, переплетаясь с рядом моментов из эвенкийского фольклора. Так, в текст „Чагалай-Чакулай“ (№ 1) вплетен излюбленный мотив состязания в прыжках. Текст „Мальчик“ (№ 4) начинается с исчезновения членов семьи, но оканчивается мотивом с „живой водой“ и оживлением, несомненно заимствованным. В текст „Хали Хубун Хохор Богдо“ (№ 6) вплетается излюбленный мотив искания насекомых, как способ убивания. В текст „Учаний“ (№ 8) введен момент борьбы и помощи порока-быка. В сказки №№ 9—10 введен элемент путешествия двух сестер и превращения их (ср. текст „Mundukār“ Василевич). Тема текста № 7 характерна для эвенкийского фольклора. Также и тема текста № 11 о голодных стариках, но здесь она дана в сокращенном виде.

Необходимо отметить, что верхне-ленские эвенки, живя и кочуя около русских и бурят, быстро поддаются влиянию последних. Если в фольклоре эвенков мы до сих пор нигде не встречали русских частушек и песен, то у верхне-ленских эвенков они уже заменяют национальные песни. Заимствуется не только тематика, но и форма передачи. В целом тексты, представленные в работе Е. И. Титова, дают некоторое представление о тех путях, по которым идет дальнейшее превращение эвенкийского фольклора.

Сказки В. И. Левина записаны им в Аяне на Охотском побережье и являются первыми фольклорными текстами, записанными среди эвенков побережья Охотского моря.

Материал А. И. Козловского дает отрывки ряда сказок и преданий тунгусо-оленкиных эвенков, записанных у молодежи.

Как видно из вышеизложенного, сборник охватывает записи фольклорных текстов почти со всех районов расселения эвенков на советской территории, главным образом Восточной Сибири и частично Якутии и Дальне-Восточного края. Приведенный материал выявляет исключительное богатство и красочность эвенкийского фольклора. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что имеющиеся тексты, по всей видимости, представляют собою осколки более крупных вещей, и нужно полагать, что развернувшееся в советских условиях систематическое и интенсивное изучение эвенкийского фольклора и вовлечение в это прекрасное дело все больших и больших кругов эвенков, в особенности учащихся Института народов Севера и других национальных школ, местных учителей и краеведов, дадут возможность найти и записать цельные эпические сказания.

Нет особой надобности специально останавливаться на этнографической, лингвистической и т. д. значимости материалов настоящего сборника, ярко отражающих мировоззрение, социальный строй и хозяйство эвенков и дающих полное представление о гибкости эвенкийского языка и его способности к точному отражению тончайших оттенков мысли и действий. Хочется лишь подчеркнуть значение фольклора для развития молодой эвенкийской литературы и выработки стиля начинающих эвенкийских литераторов.

Для многих читателей, возможно, покажется странным само упоминание об эвенкийской (тунгусской) литературе и литераторах. Но эвенкийская литература и литераторы — уже реальность. В условиях строительства национальных культур и огромной помощи всей советской страны Северу в течение 1931—1934 гг. создана начальная учебная и массовая литература, издан ряд переводных и оригинальных художественных произведений, обеспечен регулярный выход газет и т. д. на пятнадцать языках Севера, в том числе и эвенкийском, который идет впереди остальных по размаху развития своей литературы. В настоящее время нет уже ни одного бесписьменного народа Севера, и за один лишь 1931 год издано на северных языках больше книг, чем за все время многовекового господства царизма на Севере.

Развивается работа первых классов северной национальной школы на родном языке, преподавание родного языка как предмета преподавания осуществляется на остальных классах начальной и средней школы, положено начало северному театру (уже работают в Институте народов Севера и отдельных национальных районах намайские и эвенкийские театральные студии, в большей мере черпающие свой материал из фольклора). В этой связи большое значение приобретает вопрос об использовании фольклора как одного из средств для развития художественной речи, для оживления сухого, подчас, языка книг и газет и т. д.

С особой силой подчеркнул важность фольклора для молодой литературы Максим Горький в своей заключительной речи на съезде писателей, произведшей незабываемое впечатление на всех присутствовавших: „Начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте наш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много даст материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза“.

К слову сказать, Алексей Максимович проявляет и специальный интерес к северному фольклору. Еще во время своего пребывания в Ленинграде в беседе с пишущим эти строки он выразил горячее пожелание, чтобы скорее и полнее было записано и издано весьма своеобразное устное творчество народов Севера. Настоящим сборником Институт народов Севера и приступает к осуществлению пожелания Алексея Максимовича.

Помещенный в эвенкийском сборнике обширный материал требует самого тщательного изучения. Предстоит огромная работа по классификации сюжета, выявлению влияния якутского бурятского русского, китайского и т. д. фольклора на эвенкийский фольклор, установлению общемировых тем и их стадийного распределения, наконец, использованию фольклорных материалов при строительстве национальной литературы и извлечению из них обильных этнографических и лингвистических данных.

В заключение отметим, что настоящий том — лишь начало эвенкийских фольклорных сборов и что огромное внимание нашей страны к народному творчеству обязывает всех исследователей и местных работников удесятить свои усилия, с тем чтобы в ближайшее время дать новые сборники, охватывающие как героический эпос эвенков, так и их современный революционный фольклор.

Сборник подготовлен к печати Г. М. Василевич, ей же принадлежат все пояснения в текстах, поставленные в скобках, а также сноски. Ею же переписаны материалы Г. Гута, Т. И. Петровой, Г. А. Ниргунеева, Е. И. Титова и В. И. Левина в транскрипции, принятой для настоящего издания. Перевод материалов И. Георги и Г. Гута просмотрен В. П. Андреевой.

Я. П. Алыков

Объяснение транскрипции

Гласные:

- а — нормальный а заднего ряда, нижнего подъема, соответствующий русскому а.
 ʌ — а среднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованный.
 ʌ̣ — а переднего ряда, нижнего подъема нелабиализованный.
 о — нормальный о заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный, соответствующий русскому о.
 ɔ — о среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный.
 ɛ — гласный переднего ряда, несколько более задний и более верхнего подъема, чем ʌ̣, нелабиализованный, соответствующий русскому э.
 и — нормальный и заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный, соответствующий русскому у.
 y — и среднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный.
 i — i среднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный.
 ị — i переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный, сходный с русским и.

Все гласные могут быть долгими и краткими. Долгота обозначается знаком „—“ над гласным. Палатализация обозначается знаком „‘“ под соответствующей графемой.

а, ʌ, ɔ соответствуют литературному э

ʌ̣, ɔ̣ „ „ э

и, y, u, ỵ „ „ u

i, ị, i̥, i̥̣ „ „ i

Согласные:

- b, c, d, j, g }
 j, k, m, n, } соответствуют русским б, ч, д, ф, г, й, к, м, н, п, р, с, ш, т, в¹.
 p, r, s, ʃ, t, v }

ɕ — палатализованный переднеязычный звонкий смычный в произношении эвенков бассейна Средней Катанги (Тунгуски), в произношении эвенков Бурято-Монголии и Дальнего Востока почти переходящий в звонкий аффрикат з (dz), в связи с чем обозначается при помощи знака з. Литературная транскрипция ɕ — з.

dʒ — звонкий аффрикат, состоящий из переднеязычного звонкого смычного и дрожащего.

tʃ — глухой аффрикат, состоящий из переднеязычного глухого смычного и дрожащего.

Последние два звука встречаются только в сымском поддиалекте.

ɣ — заднеязычный звонкий спирант. Литературная транскрипция — g.

h — гортанный глухой спирант.

l — переднеязычный боковой сонорный.

ŋ — заднеязычный носовой смычный.

w — губногубной звонкий спирант.

¹ В литературной транскрипции для ɕ (ч) принят знак с, но в связи с тем, что в эвенкийском языке нет звука с (ц), знак с в настоящем сборнике используется для обозначения звука ɕ (ч).

По техническим соображениям вместо ʒ для обозначения звука ʒ̣ (щ) везде дается знак ʒ.

МАТЕРИАЛЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ СИБИРСКИХ ЭВЕНКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Большинство приводимых в настоящей работе текстов записано мною в итоге ряда командировок к эвенкам—бродячим охотникам-оленьводам Восточно-Сибирского края¹. Часть текстов записана мною у ряда слушателей Института народов Севера в 1928—29 г.² Во всех текстах сохранены особенности говоров.

В текстах имеются образцы: 1) северного диалекта (илимпийский говор—Туру, Ингаригда, ербогоченский говор—Нгоконно, Ербогочен), 2) южного диалекта (сымский говор—Сым-Чиромбу, подкаменно-тунгусский говор—Ср. Катанга, Подкаменная Тунгуска, нелский говор—Непа, Ика, токминский говор—Токма, верхне-ленский говор—Тутура, северо-байкальский говор—В. Ангара) и 3) восточного диалекта (олекминский говор—Тунгир-Калар и Олекма, куро-урмийский—Кур, Урми и сахалинский говор—Сахалин). Словарный материал в принятой в настоящей статье транскрипции вошел в мой „Эвенкийско-русский диалектологический словарь“ (Ленинград, 1934), к которому приложена карта распространения диалектов и в введении дана характеристика диалектов и говоров эвенков, кочующих к западу от Лены³. Перевод фольклорных текстов дается точный, но с учетом требований литературного изложения. Для большей ясности в некоторых местах перевода даны в скобках пояснительные слова. В виду отсутствия в эвенкийском языке союзов в переводе опущен союз „и“.

Собирание и изучение в течение ряда лет эвенкийского фольклора дали мне возможность сделать ряд наблюдений над его распространением и бытованием. Многочисленные сказки, мифы, предания, загадки и т. д. говорят о богатстве тематики эвенкийского фольклора. Жизнь в тайге, охота за зверями, межродовые отношения—все это дало богатый материал фантазии и творчеству эвенков.

¹ а) от Комитета Севера при ВЦИК: в 1925 г. на истоки Нижней и Подкаменной Тунгуски—Токминский район, в 1926—27 г. в среднюю часть бассейна Подкаменной Тунгуски в 1929 г. в Витимо-Олекминский национальный округ; б) от Института по изучению народов СССР Академии Наук в 1930 г. клымским эвенкам Туруханского района; в) от Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера и Комитета нового алфавита народов Севера при ВЦКНА в 1931 г. по Н. Тунгуске через Катангский национальный район и Эвенкийский национальный округ. Соответствующие этнографические и экономические очерки помещены мною в журн. „Советский Север“ № 3, 5 за 1930 г., № 2, 10 за 1931 г.; в журн. „Этнография“ № 3 за 1930 г.; в журн. „Северная Азия“ № 4 за 1926 г.; в журн. „Этнограф-исследователь“ № 1 за 1927 г.

² От П. и В. Путугиров, И. и В. Увочанов, Н. Каплина из Ербогочена; от А. Камбагира из Нгоконны, от И. Зуева из Тутуры, от Д. Воуля с Ангара; от О., Н., А. Салаткиных, В. Лонтонгира и А. Чаронкина из Непы—Катангского национального района, от В. Эдяя с р. Урми Дальневосточного края, от А. Афанасьевой и от Слепцовой с Сахалина.

³ Краткая характеристика восточного диалекта имеется в объяснительной записке к составленному мною эвенкийскому букварю „Омакта hokto“, Ленинград, 1933 (отдельное приложение).

✓ Еще не так давно фольклор у эвенков в основной своей части являлся выражением определенного мировоззрения, верований и представлений. В настоящее время роль его меняется. Широко развернувшееся социалистическое строительство на крайнем Севере быстро ломает старые патриархально-родовые отношения, меняет психику и мировоззрение народов Севера, что находит свое отражение и на современном фольклоре. Это довольно ярко сказывается как на тематике произведений, на отношении к нему самого населения, так и, наконец, на форме произведений.

✓ В настоящее время можно отметить постепенное и повсеместное угасание эвенкийской сказки, мифов и преданий. Все реже и реже встречаются эвенки, знающие свои предания и сказки. Наиболее развернутые, законченные мифы, сказки, предания можно встретить сейчас только в отдаленных уголках тайги, мало затронутых влиянием культуры. Такие пятна сохранения сказки, мифов и преданий у эвенков Восточной и Западной Сибири можно наметить на Обско-Енисейском водоразделе, по бассейну р. Комо¹ (левый приток Подкаменной Тунгуски), в северной части Катангского национального района и в Илимийском районе Эвенкийского национального округа.

В тех местах, где шаманство отмирает или его совсем нет, почти исчезла и своя тема, а если она и существует, то в большинстве случаев темы сказок заимствованы от соседей, а из своего фольклора передаются только отдельные мотивы². В лучшем случае в таких районах можно встретить людей, „знающих сказки“, точнее—знающих отдельные мотивы, своеобразно сокращенные и измененные. Примером могут служить сказки, записанные в разных районах на одну и ту же тему (№№ 56, 60, 67, 68 у Василевич и № 17 у Титова). Тема — столкновение эвенков людоедов с эвенками не людоедами, обмен женщинами невестами; кочевание людоедов с полученной в обмен женщиной; сборы к жертвоприношению ее и бегство ее. Или еще тема — о глупце (№№ 85, 87): отдельные моменты из походов лисы здесь рассказываются как самостоятельные короткие сказки.

В районах оседлых эвенков отношение к сказке иное. В то время как в глухой тайге мифы и сказки, охватывающие моменты, связанные с мировоззрением и рисующие идеал человека-охотника, до развертывания работы школ отвечали молодежи на многие вопросы и имели большое значение, здесь очень давно появилось другое отношение. Для этих мест характерны следующие реплики: „врешь, лисица не может говорить“, „медведь ведь зверь, он не может говорить, однако наврал“, „это так, зря, люди не могут друг друга есть“ и т. д. В таких районах мы уже не встречаем сказок, характеризующих мировоззрение и мифологию.

Отмечая отрицательное значение сказки как воспитателя анимистического мировоззрения, отмирающего естественным путем с введением школ и культурно-просветительной работы, мы одновременно должны отметить положительную сторону влияния сказки как воспитателя речи. В местностях, где сказка исчезла, не встретишь красочного и яркого рассказа, подобный рассказ является просто перечислением фактов, в то время как от эвенков из районов бытования сказки рассказ какого-нибудь обыденного факта можно слушать как хорошую сказку. Значение сказки как воспитателя речи могло бы оказать ценную услугу в развитии речи и литературы. Положительное влияние фольклора особенно заметно на воспитанниках Института народов Севера: те из них, которые слышали в детстве сказки, пишут сочинения на вольные темы на родном языке значительно красочнее и подробнее, чем те, которые никогда не слыхали сказок; последним нужно было вложить много труда, чтобы написать хотя бы более или менее связный рассказ.

Сказки рассказываются эвенками обычно во время охоты, когда большие морозы или пурга заставляют охотников отсиживаться в шалаши или в юрте.

¹ См. „Сказки эвенков Приангарья“ Т. И. Петровой.

² Ср., например, „Материалы по устному творчеству эвенков Прибайкалья“ Е. Титова.

Разговоры об охоте вызывают в памяти сначала сказки о животных, об охотниках, потом и другие. Иногда, чаще зимою, старухи за легкой ручной работой рассказывают сказки детям и подросткам. К сказкам прислушиваются и взрослые, продолжая свое дело и ведя между собою тихий разговор.

Способы передачи сказок зависят от их содержания. Предания и сказки о животных передаются обычно прозой. Известные взрослым, они не всегда слушаются ими внимательно. Несколько иное отношение к сказкам мифического характера и к преданиям или былинам о бесконечных похождениях богатырей. В них проза чередуется с стихотворной формой, которая передается речитативом или поется, причем каждый абзац имеет свою мелодию. При передаче рассказчику вторят все присутствующие, что значительно оживляет процесс передачи и слушания.

Особых сказочников, какие встречаются среди других народностей, у эвенков нет. Сказки знают и рассказывают в одинаковой степени как мужчины, так и женщины, но загадки больше знают женщины.

Здесь я привожу краткие характеристики некоторых сказочников, с которыми мне пришлось иметь дело в тайге:

1. Шомирча Кима, 26 л., с бассейна р. Чиромбу-Сым. Середняк. Человек с крайне повышенной нервностью, с исключительно острой памятью и восприимчивостью. Имел в роду ряд шаманов: прабабку, деда, двоюродного брата (умерших) и дядю. Детство прожил с прабабкой, большой шаманкой. Один из первых воспринял все новое. Среди эвенков пользовался большим уважением и играл не малую общественную роль. Сравнительно хорошо говорил по-русски. Во время рассказывания сильно увлекался и рассказ сопровождал исключительной мимикой. К сожалению, этот талантливый эвенки умер в 1931 г. От него записаны сказки №№ 22, 25, 37, 40, 41, 43, 69, 70, 71, 98, 104.

2. Нётурча Баяки, 44 л., из того же района. Очень бедный, в роду имел шаманов (отец и дядя). По характеру отличался теми же особенностями, что и Шомирча. В детстве немного „кружал“. Среди своих пользовался скорее сожалением, чем уважением. Свои обычаи знал довольно хорошо. По-русски почти не говорил. От него записаны сказки №№ 3, 21, 44, 52, 83, 84.

3. Семен Кильтыно, 65 л., из района рек Тым (прав. прит. Оби) и Чиромбу-Сым. Середняк, шаман. В среде эвенков как шаман большого уважения не имел. По-русски почти не говорил. От него записаны сказки №№ 42, 45, 46, 53.

4. Илья Каплин, 65 л., из района рек Лимты-Илимпей и Ингаригды (лев. прит. Н. Тунгуски). Середняк, умный, бывалый старик и хороший хозяин. В роду была бабка шаманка. До 1929 г. играл большую роль в общественной жизни нгоконновских эвенков. Был членом Нгоконновской коммуны, но на первом году ее существования, когда хозяйственная жизнь коммуны еще не стала на правильные рельсы, вышел из коммуны. „Душно там, много людей, все живут вместе, свежее (мясо и рыбу) едят редко. В тайге жить лучше. Сам знаю, где какая рыба есть, где зверя больше. Сам добуду, свежее всегда ем“,—говорил мне летом 1931 г., мечтая об организации „настоящей“ небольшой артели, куда бы вошли только хорошие охотники и хорошие хозяева. По-русски говорил хорошо. Артель, о которой он мечтал, организовалась зимою 1931—32 г. От него записаны сказки №№ 2, 7, 38, 49, 50, 62.

5. Михаил Йолигир, 37 л., из района Туринской культурной базы. Середняк, развитой, умный и хитрый, по отзывам некоторых эвенков. В роду были шаманы. Играет большую роль в общественной жизни эвенков. По-русски говорит хорошо. От него записаны №№ 1, 11, 23, 30, 33, 73.

Помимо фольклорный материал, в значительной части представляющий собою частицы или остатки сказок и мифов, сгруппирован по следующим разделам: 1) сказки о животных (№№ 1—29); 2) мифы (№№ 30—58), сюда относятся мифы о сотворении мира, человека, животных, об устрой-

стве вселенной, о верхнем и нижнем мире, о шаманском мире, о сверхъестественных существах и культурных героях; 3) исторические предания (№№ 59—84) о межродовых столкновениях, о сношениях с русскими и былинны (№№ 79—81); 4) бытовые, главным образом юмористические и детские сказки (№№ 85—102); 5) загадки (№№ 102, 1—67); 7) шаманские песни (№№ 103—105); 8) песни и припевы (№№ 109—112) и 9) современные произведения (№№ 112—120).

В сказках о животных больше всего внимания уделяется лисе, производившей, повидимому, очень сильное впечатление на первобытного охотника-эвенка. Многие мотивы в сказках о лисе и других животных являются мотивами мировыми, характерными для ступени охотничьего хозяйства (ужение хвостом в проруби, кража рыбы или мяса, состязание в беге лисы и рыбы, лисица и птичка на дереве, разговор рябчика с лисой, когда та несет его во рту, заноза в лапе медведя и др.). Любопытно отметить, что общемировые мотивы изменяются, варьируются в зависимости от хозяйственного уклада той среды, в которой они бытуют. Так, в теме лиса-вор мы встречаем объект кражи: рыбу (№ 3), сушеное мясо (№№ 1, 6, 7), масло (№ 6); способ передвижения: плот (№ 5), лодка (№ 7), сани (№ 3), вычюные сумы (№ 1), охотничья ручная нарточка (№ 6).

Несколько особой и, пожалуй, характерной для эвенкийского фольклора является тема о медведе с лисицей (№№ 12, 13, 14), или о медведе с волком (№ 11), или о медведе с соболем (№ 15) и объектах их страха. Каждый из них обещает убить объект страха другого. Объектом страха лисы, соболя или волка являются „поперечные глаза—эwпкi эsатарi“, „пенек с поперечными глазами—пугдэкэл эwпкiн эsal“ и просто человек—„вэjэ“. Медведь идет добывать эти „поперечные глаза“. Но убить „поперечные глаза“—своих младших братьев он не может и убивается ими¹.

Некоторые мотивы, встречающиеся в сказках о животных, встречаются и в сказках, где участвуют люди: мотив ночевки лисы с медведем на крутом месте (№№ 8, 9, 10), мотив прыжка через костер (№№ 4, 42), мотив способа убийства уколom во время искания насекомых (№№ 4, 42) и др.

Сказки о трехглавой змее и табакерке (№№ 25, 26) попали к эвенкам, повидимому, от бурят, тем более, что записаны они мною от эвенка, родители которого долгое время жили на Шилке.

Мифы, рисующие представления первобытного человека о мире и развитии религиозных представлений, имеют не мало общемировых и общих для всех урало-алтайских народностей тем.

К общемировым темам относятся:

Тема о дуализме при сотворении земли, человека и животных. В творении участвуют два брата: младший и старший — доброе и злое начало. Младший — хозяин верхнего мира, старший — нижнего. Младший творит среднюю — нашу землю. У него помощники гоголь и гагара. Вместо земли существует вода. Он заставляет гагару нырнуть и достать землю. Гагара не может принести, за это хозяин наказывает ее, раздвигая ей лапы. Второй помощник — гоголь — приносит в клюве со дна немного земли. За это хозяин целует его, и у гоголя остается навсегда белый след на голове. Тогда хозяин кладет этот кусок земли на воду, и она начинает постепенно расти. Однажды он отдыхает на этом куске земли. Старший брат его, пытаясь украсть землю, тянет ее из-под спящего. Но вместо вытаскивания он только растягивает землю. Земля постепенно вырастает до современных размеров. К сожалению, этот текст мне не удалось подробно записать, ибо он был рассказан в пути случайным попутчиком.

¹ Эти варианты, как мне кажется, проливают свет на происхождение самоназвания „эwпкi“. Объект страха медведя, „поперечные глаза“, рисующийся в виде чего-то неопределенного в виде пня (а в пне, по представлению эвенков, живут умершие, в пне не так давно еще ставили цокоников), в виде человека, эвенка, а также родство эвенков с медведем, выявляющееся здесь и во многих сохранившихся до сих пор обрядах, свидетельствуют, что „эwпкi эsатар“ (поперечные глаза), и „эwэлкi“, по всей вероятности, одного происхождения.

Дуализм прослеживается в творении животных и птиц (№№ 30, 32, 39) верхним хозяином (№ 30), в наличии двух братьев—первых работников на средней земле (№№ 30, 31, 32). Во всех вариантах доброе начало творит души людей. Души делаются из камня и земли (№ 31) и из кости (№ 32). Первый вариант записан у эвенков южного диалекта. Он указывает на существование у эвенков гончарства. Многие другие данные указывают на отдаленные кочевания эвенков южного диалекта в пределах верхней части бассейна Амура. Наличие у них мифа о творении человека из глины и камня и исторические данные о существовании гончарства у манчжуров в очень отдаленные эпохи подтверждают если не единство происхождения эвенков—тунгусов и манчжур, то их близкое родство.

Тема о помощнике при творении и наказании его. Помощником верхнего хозяина по южному варианту является собака (№№ 31, 32), по северному варианту—ворон (№ 30). Во всех вариантах верхний хозяин, кончив работу творения, которая происходит на средней земле, уходит, предоставив охрану людей своему помощнику. Последний соблазняется обещаниями нижнего хозяина и предоставляет ему посмотреть сделанное верхним хозяином. За эту измену помощник карается. Мотив кары, наказания мы прослеживаем не только в теме творения человека, но, как видели выше, и в теме творения средней земли. Он же прослеживается в теме о зайцах (№ 22). Зайцы были жителями верхнего мира, но за шаманство у людей они были изгнаны на среднюю землю. К сожалению, не удалось записать более подробный рассказ.

Шаманство зайцев у людей и значение вещания в камлании дают повод думать, что зайцы были изгнаны за какое-то сообщение, что подводит к мировую тему о ложной вести.

Не могло не отразиться на фольклоре и представление о небесном своде. Как и следовало ожидать, мы имеем здесь отражение охотничьего быта. Большая Медведица—лось и охотники. Млечный Путь—след лыж охотника. Полярная звезда—дыра, вход в верхний мир. Солнце по представлению эвенков—женщина (№ 45). Но в тексте № 54 мы видим другой мотив, а именно: солнце берет к себе обижаемую девочку-водоноску. Последняя тема, к сожалению, передана очень кратко, но во всяком случае этот отрывок указывает на существование у эвенков мирового мифа о Воде и Солнце.

Далее в мифах мы имеем ряд тем, свойственных народам Евразии. Это—тема о девочке, просящей перелетных птиц унести ее от угнетателя (№ 42). Птицы бросают ей ло перу и помогают улететь. В. Г. Богораз¹ связывает эту тему с отступлением ледников и перелетом птиц на север.

Тема об отвержении младшей дочери и передаче ее на верную гибель (№№ 40, 42). В тексте № 40, повидимому, имеются шаманские наслоения, ибо река, по которой плывет девочка на льдине—главная шаманская река, соединяющая верхний и нижний шаманские миры. По берегам реки живут шаманки, одна из них помогает девочке выбраться на землю. Тема отвержения и передачи воде встречается и в других мифах (№№ 50, 51, 100). Сестра сплавляет своих братьев вином, забивает их в ящик и спускает в Байкал. Последняя сказка (№ 100) заимствована из русского фольклора, но любопытна своим преломлением.

Тема о магическом бегстве и превращениях (№ 45).

Тема о герое-мстителе, родившемся из гусиного помета у старухи (№ 42).

Кроме этих тем, общих для евразийского фольклора, мы имеем здесь темы характерные для фольклора урало-алтайских народов, а именно:

Темы путешествий в верхний и нижний миры (№№ 36—39). Невидимость посетителей с средней земли, миролюбивое отношение к этим посетителям, сексуальные моменты. Указание на существование кузнечного ремесла в нижнем мире.

¹ „Художественный фольклор“, 1926, I, стр. 68.

Темы о сверхъестественных чудовищах: одноглазое, одно-рукое железное чудовище, имеющее одно уязвимое место — глаз (№№ 48, 49), многоголовые чудовища (№№ 50, 53), волосатые люди (№ 52).

Но темы об оленях-чудовищах — олень-великан (№№ 43, 44), десяти-ногий олень (№ 45), олень со свинцовыми рогами (№ 47) — повидимому, характерны только для фольклора оленеводов и связаны с периодом приручения оленя. Сюда же можно отнести и тему о медведе как культурном герое и предке эвенков. Самопожертвование медведя дало эвенкам домашних оленей и все, что связано с производством из оленьего сырья (№№ 40, 42), а из частей оленя образовались люди. В группу мифов отнесена и сказка о Муривуле (№ 46), искусном фокуснике, а также и некоторые другие.

В преданиях в первую очередь выступают группы эвенков-людоедов и не людоедов (№№ 59—63, 65—67, 77—78). Герои преданий рисуются идеальными людьми, со всеми чертами, к которым может стремиться первобытный охотник: особой силой — „медведей через голову бросал“ (№ 79), умением превращаться (№ 69), исключительной ловкостью — „железные стрелы сделал, стал стрелять, мальчик увертывался“ (№ 73), богатством (№ 76). Эти качества естественно порождают стремления к состязаниям — „они сговорились стрелять друг в друга луками. Стреляли, стреляли, пока колчаны не опустели. Тогда взяли мечи, начали рубиться. Никак не могли убить друг друга. Уставши, оба заплакали“ (№ 69). Иногда эти силачи уводят к себе женщин, и тогда на сцену выступает организованная борьба. Герои собирают лучшие и мечные отряды (№ 70), одновременно с ними на борьбу идут и шаманы (№ 70). Борьба происходит двояко: в виде состязаний героев и шаманов и в виде боев отрядов. Победители уводят женщин (№№ 65, 71, 76).

Герои бывают и сиротами. За малейшую неудачу их бьют, отнимают оленей, но потом им удается восстановить все отобранное и победить своих притеснителей (№№ 77, 78).

В ряде преданий мы имеем указания на определенных героев, принадлежащих к определенным родам. Шиктовуль был Кима (№ 69), Гагдэра был Танимо (№ 70), Илудон был Кима (№ 84). От Чоро произошли эвенки, живущие на средней части бассейна Нижней Тунгуски (№ 76). В позднейших преданиях мы имеем описание сношения с русскими (№№ 84, 86).

Предания восточных эвенков, рисующие бесконечные фантастические похождения богатырей, скорее можно назвать былинами (№№ 79, 80, 81).

В бытовых сказках особо подчеркивается глупость (№№ 85, 86, 87, 97), хитрость (№№ 88, 90, 91), лень (92). Здесь же имеется и отражение классовой борьбы (№ 93). Детские сказки, к сожалению, встретились в ничтожном количестве. № 98 представляет собою диалог, весьма любимый детьми. № 99 рассказывается детям для ознакомления с животными и № 100 — сказка, заимствованная из русского фольклора.

Эвенкийские мифы, сказки и т. д. не имеют своих названий, заголовки даны составителем настоящего сборника.

Эвенкийские загадки по тематике отгадок можно разделить на следующие группы: а) человеческое тело (№№ 1—18), б) предметы домашнего обихода и орудия труда (№№ 19—55), в) природа (№№ 56—63), г) животные и растения (№№ 64—67). В связи с предметной природой самой загадки и конкретным мышлением эвенков мы имеем больше всего загадок в первых двух группах. В загадках зачастую одним словом отмечается основной признак предмета и функция его: *ajilun?* — (что за) промышленник? — ум; *ekun gaqraan?* — что выстрелило? — глаз; *ekun dagiwulan?* — что (за) измеритель? — посох и т. д.

Архаизмы, непонятные и чуждые для современной речи особенно ярко выступают в шаманских песнях и в припевах к импровизациям. Многие шаманские песни уже непонятны не только для современных эвенков, но и сами шаманы затрудняются точно объяснить содержание отдельных строф; поэтому в ряде песен-обращений к духам не удалось дать точного, подробного подстрочного перевода, и здесь не решаюсь их приводить. Как образцы здесь приведено несколько песен, связанных с похоронным обрядом (№№ 105—108).

Одна из них — обращение с просьбой послать хороший промысел (№ 108). Песнь № 104 сообщена мне как очень древняя, забытая теперь шаманами, представляющая собою шаманскую философию о происхождении первого шаманского дара и шаманского мира (№ 104).

Особо стоит вопрос о песне. Песен с определенным, вполне устоявшимся текстом у эвенков нет. Мне удалось записать только один образец старинной, как мне сообщили, песни (№ 109), представляющей собою художественное произведение с устоявшимся текстом. Все песни импровизируются. К каждой строчке или к каждому абзацу добавляется один из припевов (№№ 111, 1—13). Образцом импровизации является текст № 112 — жалоба девушки-сироты.

Из новых художественных произведений здесь приводятся некоторые образцы (№№ 113—120), представляющие собою первые попытки современного художественного творчества эвенков. Необходимо отметить, что развитие фольклора в этом направлении идет широко и быстро. Воспитанники Института народов Севера, возвращаясь после производственной практики с родины, приносят и новые песни¹.

Октябрь 1932 г.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

М. Јолигир. Туру

1. Hulakī

Kōkšicān gūnən: „Hulakija! kōkšicān āmuttul“ āmut būldimēktā, hōmanā būldimēktākān. Kōkšicān, kōkšicān hūrurān hulakīnūn dūktā. Kōkšicān dāgmāi āqana, hulakī upkacitpi halgarqīwi. Hulakī ājērān tādu; mēldərgārān dūkə, hulakī gūnən: „Kōkšicān, nəlgejə əmēpkəl“. Kōkšicān gūnən: „Əmāvqəm, əmāvqəm, alatkail!“
 5 Kōkšicān nəlget tirārān dōskī. Hulakī dōskī iruqana, vakarān pējucānmə. Pējucār ənīntin būşşəqārān. Hulakī gūnən: „Nimjanikta əninməhun“. Pējucār gūnən: „O-o! nimjanqāt“. Hulakī gūnən: „Jūwkəldə hūtelwān tuliskī“. Jūrə hūtelin tuliskī, hūrurə. Jūrəktin, əninməwān hukitəwə hūptirān purtatpi. Əninmətin wākānim, dəwārān hulakī upkatpān. Pējucār hūtelin hoqoldo. ehəlwār hōlwargaklantın hoqoro. ehəlwāna
 10 hōlwama ōra ərməklā.

Hulakī hēnānma vakarān, gūnən: „Kōkšicān būrawa əjəkt“. Hēnān hēnəhəlwə gūnən: „Hulakī ərihinəkin, hū zəwūnəkaidu“. Hulakīnin kukcān əhilə digniləšinən.

М. Йолигир. Туру

1. Лисица

Пташка сказала: „Лисичка! попрыгаем (поцелуем лапками) по озеру!“ Озеро покрыто шугой, сильно покрыто шугой. Отправились прыгать, пташка пошла с лисицей вместе. Пташка слегка вспархивая, лисица всеми лапами. Лисица утонула там; продавился лед, лисица сказала: „Пташка, коряжину притащи“. Пташка сказала: „Принесу, принесу, подожди!“ Пташка коряжиной надавила внутрь. Лисица, внутрь двигаясь, нашла сорогу. Мать сорог хворают. Лисица сказала: „Пошаманю я на мать вашу“. Сорога сказала: „О-о! пошаманим“. Лисица сказала: „Выведите ребят вон“. Вышли дети вон, ушли. Когда (они) вышли, (она) живот матери разрезала ножом. Убивши мать их, лисица съела всю. Дети сороги стали плакать. До покраснения глаз плакали.
 10 (Плакали до того, что глаза покраснели). Глаза их красными стали до сих пор. Лисица встретила налима, сказала: „Попрыгаем вниз по реке“. Налим налимам сказал: „Когда лисица крикнет, вы откликайтесь“. Лисица теперь побежала.

¹ Более подробно вопрос об эвенкийской песне разобран мною в статье „К характеристике эвенкийской песни“, сб. Советский фольклор, в. II (печатается).

2. Hulakī, čantakī

- Čantakī nadanma ororbi ɲənəwɯtcerən, olgotcerən. Arcaran hulakiwa. Hulakī gūnən: „Ororbi ekur čalanaltin, minə talä ajakākun dunnə bihin, bi bɯrgugikta nadalladu“. Tērdəcerən čantakī, hulakidu buren ororbi. Hulakī olgohinən ororbon.
- 5 Tarkakāndulä ɲənərən, ororwo təputtən, čəwərən. Nadalladu manaran nadanma oror.
- 10 Nadalla iltənən, čantakī hɯrɯrən, ororbo gəlnəhinən hulakiduk, arcaran hulakiwa „Ir ororbi?“—„Ororbo čəpcəw, nadalladu manacəw“. Hɯptirən hulakī. Amardukin jəkətcərən, čantakī hɯrɯrən čūlin. Ahinan čantakī hanjuktaran: „əwa jəkəčərən?“—„Ami jəkəčərən“, hɯtəlin gūnə. „Ororboŋ bɯrgicə bičəw, kəŋaktakānmə ɯyikəllu igrigəw“, hulakī gūnən. Nuɟartin ɯjje kəŋaktakānmə; hulakī hɯktillən.
- 15 ɲənəčənə, bakaran kəkəkīwə. „Dəktə ɲəŋəlwət“, hulakī gundərən. Nəŋəlle əhilə. „Kəl bəje, əjəkī čawrəktəčəwət bičərīduk“. Čawrəhinə. „Bi əhinikə, hi ət-wɯskəl“. Hulakī əhinən. „Bəje“, gūnən: „hi əskəl“. Kəkəkī əhinən, hulakī holohinən bɯrawa holokī hɯrɯrən, čūwa lupimnak čawrərən. Əjəhinən bɯrah. „Bəje! təčəkəl, bɯliwə, ɯlgucəmətkət“. Čawrəčəra, kəkəkī gūnən: „Bəje, icəciŋəkəl, bəje! əyiltin“.
- 20 ɲəŋə ɲilɯdutin, hulakī, gūnən hipkəčərən: „Hi əŋnəkəl buhɯ, hata garpatcaŋnəkəl nuɟarbatin, on-da gundəktin—wəkəl“. Əhilə kəkəkī gūncən: „Hi tar čūwa nɯrməkəl, bi əwə nɯrməkta“. Bəritta čūbar. Nɯrməhinə, hulakī cɯmkawa garpatan. Kəkəkī wəčəwki hɯtəbi, ənəl döldira; wərə ɯpkacilwa. Hulakī əcə wərə, ɯčəkitpi garpačaran. Kəkəkī icərən, hɯtəbi wəcə, hoɟoron əhilə. Ilanma anɟanil hoɟoron igdəgəknən.
- 25 Boloron əhilə, čəkəkər doɟotəɟnoro, kəkəkī burdəktəčərən. Hulakī gūnən: „Bəje holədoɟəs“. Hulakī kəkəkī ɯčəlin burdəhinən, əjūən. Jəkəllən kəkəkidu: „Nəlgəkcənmə bükəl“. Moɟnon bičən kəkəkī, nəlgəwə buren. Hulakī jūrən mōduk, hɯktillən. Kəkəkī hɯjullən.

И. Каплин. Ингаригда

2. Лисица, росомаха

- Росомаха ведет семь оленей. Встретила лисицу. Лисица сказала: „Какие костлявые олени твои, у меня там хорошая земля есть, я (их) поправлю в неделю“. Поверила росомаха, лисице отдала оленей. Лисица увела оленей. Далеко ушла, оленей убила, съела. В неделю кончила семь оленей. Неделя
- 5 прошла, росомаха ушла привести от лисицы оленей, встретила лисицу: „Где олени?“—„Оленей съела (я), в неделю кончила“. Убежала лисица. Позади закричала, ушла (лисица) к дому росомахи. Жена росомахи спросила: „Кто кричит?“—„Отец кричит“, дети сказали. „(Я) оленей жирными сделала (поправила), колокольчик подвесьте на хвост“, лисица сказала. Они привязали коло-
- 10 кольчик, лисица убежала.
- Идя, встретила кукушу. „Вместе пойдем“, лисица говорит. Весна стала в это время. „Ну, мужичок, поплывем вниз от живущих“. Поплыли (в лодке). „Я посплю, ты веди(лодку)“. Лисица заснула. „Мужик“, сказала: „Ты спи“. Кукуша заснула, лиса поехала вверх по реке, вверх пошла, мимо юрт проплыла. Спускаться стала по реке. „Мужик, вставай, скучно, поговорим“. Едут в лодке, кукуша
- 15 говорит: „Мужичок, взгляни, людские пристани“. Пристали на пристанях их, лисица сказала, предупредила: „Ты не пугайся, сильнее стреляй их, как бы ни говорили—убивай“. Теперь кукуша сказала: „Ты ту юрту скрадывай (подкрадывайся), я эту скрадывать буду“. Поделили юрты свои. Стали подкрадываться, лисица в среднюю жердь (юрты) стреляла. Кукуша бьет своих детей, не слушая; убила всех. Лисица не убила, ложно стреляла. Кукуша увидала, детей своих убила, заплакала тогда. Три года плакала, до побурения.
- 20 В это время осень становилась, льдинки замерзали, кукуша прыгает (по льду). Лисица сказала: „Мужик, пойдешь вверх“. Лисица по следам кукуши запрыгала, утонула. Стала кричать кукуше: „Коряжинку дай“. Глупая была кукуша, коряжину дала. Лисица выскочила с дерева (по стволу), убежала. Кукуша в водоворот (от утопленной коряжины) ушла.

3. Şulakī, jantakī

Şulakī əmərən jantakītkī. Jantakī taktikānma ogocō, kiglələdīrən, pəşilnəcə Şulakī amjaduwī ciməcinnmə nəkcəqədən, bülkiqırən. Jantakī günən: „əwa bülki-qāndī?“—„Urwəptinmi“. Jantakī günən: „Alagdi?“—„Alagdi! alagdi!“ Jantakī həyrən urwəptinmi, həyrən, günən: „Ənükā! ənükā!“ gorowo günən „ənükā“. Buddən tərē jantakī. Budākin, əsilə nupanmān əkülərən ələtpi-li buddən, təqəksirən—bucə ələtpi, ərūktarən. Ətəcə əridəmi, ərūktami. qalild'an, günən: „ilə şurūqam?“

Jantakī ūdālın şururən; pənərən, pənərən, tälə qūn icəwuld'ən jantakī. Pənərən qūlən. Jantakī hūrilin jərə qūdukpar, günə: „Aba! aba əmərən“. Jantakī hūrilin güld'ən: „ön carilicās?“—„Kigləlwer oşqacaw“. İrən qūlən jantakī, təgərən sedu. Tə 10 gərən jantakī aşın kiradun. Aşinən, doləorōkin, inən, ānətcən, inərən tımātna. Tımātna nən şururən, hawalild'an.

Tälə bakaran ətirikənma lucawa. Murdakittulin pənərən. Murdakittukī pənərən, güld'ən: „Cankidus uguwānikta“. ıyrıən cankidu. Ətirikən murinnmi olgoqorən. Şulakī old'ogilwān awşawān cəştrānən. Nodurən old'owo manawuknanin. „Ətirikən“, 25 güld'ən: „guleş icəwuld'ən həkuşiniktə“. Jürən cankiduk, aməşki şururən, ətəcild'an oduranın old'owo. Ətutt'ən, ətutt'ən, tādük amunignāraən, İdu nōcən old'owo, cıkōn-qən tādū.

Ətirikən əmərən qūtkiwī, old'ogilwī ərūktarən, əmac ācın. Şulakītkī şururən, hangūktarən: „Old'ogilwa icənəndi?“—„On ətəm icərə? hawaldaqtu, icātka! amunmi 20 tən, cikənni tən“. Ətirikən hangūlirən, hangūlirən şulakīwa, tādük hūkuşinən, ācır, ımyükəməc əşin vakara. „Əşilə ulbinqam“, günən. Şogold'ən. qūduwī ācın qəptiləl, huru bişin. Şulakī günən: „icəktə ön-ka soqoqorən“, qūlən pənərən. Hūrilin bişi, ələtpi ācır, əmac ācır. Şulakī güld'ən: „əmat-cā ögnəndi, hūrilwī ıykel, hawalidātın“.

3. Лисица, россوماха

Лисица пришла к россوماхе. Россوماха кедр свалила, лыжи делает, стругала. Лисица во рту жир с крестца очищает, ест. Россوماха спросила: „Что ешь?“— 5 „Репis свой“. Россوماха сказала: „Вкусный?“—„Вкусный, вкусный!“ Россوماха отрубила свой Рenis, сказала: „Больно! больно!“ долго говорила: „больно!“ Умерла поэтому россوماха. Когда (она) умерла, тогда ее (лисица) перевернула, 10 верно ли умерла, проверила—на самом деле умерла—увидела. Перестала дышать, смотреть. Подумала, сказала: „Куда пойду?“

Пошла по следам россوماхи, шла, шла, там дом россوماхи виднеться стал. Пошла к дому ее. Дети россوماхи выскочили из дома, говоря: „Папа! папа 15 пришел“. Дети россوماхи сказали: „Как сторбился?“—„Лыжи выделывал“. Вошла в дом россوماхи (лисица), села на боковое место. Села жена россوماхи у двери. Легла спать, когда ночь настала. Продневала, ночевала, прожила до завтрашнего утра. Утром опять ушла, стала ходить.

Там встретила старика русского. По санной дороге его пошла. По дороге 20 шла, сказала: „В санку твою сяду-ка“. Влезла в санку. Старик коня своего ведет. Лисица сумку рыбно прорвала. Бросала рыбу, пока не кончилась. „Старик“, сказала: „дом твой виднеется, слезу-ка“. Выскочила с санки, обратно ушла, стала раскладывать выброшенную рыбу. Раскладывала, раскладывала, потом испражнялась (в том месте), где бросала рыбу, там (и) мочилась.

Старик пришел домой, рыбы свои посмотрел, нет ничего. К лисице пошел, спросил: „Рыб ходила смотреть?“—„Как не стану видеть (увиджу)? на 25 троле посмотри, то испражнения, то моча“. Старик спрашивал, спрашивал лисицу, потом вернулся, нет ни одной не нашел. „Теперь пропаду с голоду“, сказал. Заплакал. Дома еды нет, семья. Лисица сказала: „Посмотрю-ка, как плачет“, к дому его пошла. Дети есть, последнее нет (кончилось), ничего нет. Лисица сказала: „Как ничего не делаешь, детей пошли, чтобы ходили“

25 Əcəl hawald'a ėmac. Şulakı güld'ən: „İduk ajıcās? Şuruyət ajıqaktıqı!“ — „Amuttuk ajıcaw“. Şururə qıktə amuttukı. Amuc mıçə, həgdıne mü öcə. Ətirikən günən: „ədu ajıcaw old'owo. Mıdəcə ajıqakıw“. Əwileşanı öda. Şulakı günən: „Əri uqawı duqutəkəl“. Ətirikən şurırən, duutərən, əjurən.

P. Putugır. Norbokö

4. Hulakı, ırgıcı

Hulakı əməcə ırgıcı qılən, gılən: „Bi ororvos umukəndü bəgadu burğuyıçəñəw, mindu bükəl, ororvı ətəjtəw. Bəgaja wıkenim gənnəcəji“. ırgıcı burən ororvı. Hulakı, hurıwkənım, ororvön qəwrən, upkatpa manarən. qəpıtcənə ıktəji kaputtən.

25 Bəyawa wıkenim, əməqırən ırgıcı. Hulakı ıcərən, dıpnıləhinən ırgıcı qılən, gılən: „bıkəndüw imurənə ujkəllu! ırgıdu kögaktaja ujkəllu“. ujkəttınun dıpnıləhinən. Hulakı bakarən qalvı, umukəndü gulucailan. Əməqərən ırgıcı, əmərən, guluwunma bargımnak mıkəpən, ırgıji ılarən, hulakıl ınjəktəllə ırgıcıt. ırgıcı ıcərən ıktən kapur-gacəwə, gılən: „Tiləməcılət“. Tiləməcille. ırgıcı gıdalərən, hulakıl upkat dıpnıləhiutə.

I. Uwocən. Norbokö

5. Hulakı, iləl

Hulakı bakaran iləlwə, qırwə ahəlwə, gılən: „Mınə təmudıwər uyrkəllə, vı ənə ıcətə ulgucəldıgəw vıral daptılwatın, mınə daskəllə əllurıwə“. Əhilə əjə-hinə. ıcərə vıral daptıwən, hanjuktəllə hulakıduk: „əkuma gərbin vıraja?“ Hulakı əllun hərgidədu, kərciməwə qəvçənə, günən: „Əjəlge“. Təduq günən: „Dulılga“

(бродили, добывали пищу). Не ходили никак. Лисица сказала: „Откуда добыл? пойдём к месту добывания“. — „Из озера добыл“. Пошли вместе к озеру. 25 Озеро с водою, вода высокая стала. Старик сказал: „Здесь добыл рыбу. Вода поднялась, после того как добывал“. Весна настала. Лисица сказала: „По этой тропке переиди“. Старик пошел, пошел через, утонул.

П. Путугир. Ербогочен

4. Лисица, волк

Лисица пришла в дом волка, сказала: „Я твоих оленей в один месяц поправлю, дай мне оленей караулить. Через месяц придешь, возьмешь“. Волк отдал оленей. Лисица, уведя оленей, съела, всех кончила. Во время еды сломала зуб.

25 По прошествии месяца приходит волк. Лисица увидела, убежала к дому волка, сказала: „Привяжите на шею мою сало! на хвост привяжите колокольчик“. С привязанным убежала. Лисица нашла родню свою, вместе стала жить. Приходит волк, пришел, через костер перепрыгнул¹, хвост поджег, лисицы стали смеяться над волком. Волк увидел сломанный зуб, сказал: „Давай поищем вшей“. Стали искать вшей. Волк заколол (лисицу), лисицы все убежали.

И. Увочан. Ербогочен

5. Лисица, эвенки (люди)

Лисица встретила людей, двух женщин, сказала: „Посадите меня на плот. я, не глядя, расскажу (назову) устья рек, покройте меня нюками“. Теперь поплыли. Увидали устье реки, спросили лисицу: „Какое название у реки?“ Лисица под нюком, поедая сушеное мясо, сказала: „Верхняя“. Потом сказала: „Средняя“

¹ Раньше при обучении ловкости подростки, забавляясь, увертывались от стрел и прыгали через костер. Неудачные прыжки всегда вызывали смех. Тема неудачного прыжка для встречается часто.

Tāduk nān hanguktālā, gūnən: „Hərəlge“. Hulakī, manakānım, gūnən: ākkəllə“. Āgrə, hulakī diğnīlēhinən. Nuğanmā ahaktalla tarıqlın. Nuğan mōlā tuktirān. Nuğanmān badaranə. Tarıqlın gūllən: „Kokollodımātje hulakallu!“

B. Ədən. Urmı

6. Sulakī, bəje

Umnəkən umun bəje tugə bəjuhinən tolgokīt. Tar bəje, gənədənə, qulgidəduwi sulakīwa icərən. Bəje sulakīnı garparan. Sulakī tiktən. Sulakī bəjəkī gundəran: „Ədə sī minəwə garpanı; halganma həkəlını? Minəwə tolgokīduwi hərəkəll“

Bəjənin hərəkərən tolgokīdu, mənin tolgokīwi ırđaran. Tolgokīdun sulakīnı kapukađaran. Bəje qulgumirən:— „Sulakī, sī əđanı?“ Sulakī gundəran: „Akī, ekunmakat əcəw ərə. Hujəwi dogotonowōn cīwđam“. Bəje, ənə kīhana, gənəđərən. Siksə ānqaktulā ihıksākān, sulakīnı gurərən. Sulakīnı gūnən: „Akī! sī sōmat dārını bīdiğən. Sī ətuwi əkəl, bī mōjawar mōlāktə“. Bəje sūkəwi bürən, gūnən: „Gəl mōlākəl!“ Sulakīnı gənərən. Bəjənin sulakīnı amardukın imuksəni dəptiləwi icənən, pətun-ru ācın. Sulakīnı dəpcə. Bəje qaldıwi guncəđərən: „Bəje-kə varaksan əmə-điğəs, icəğəwəs ɔđiğəw“.

Sulakījan tar gənətpi əcə mucura. Matanı dəptiləwən, imuksəngən qawıksəkən, ɔləkkicəksəkən, sulakīnı cucaran.

I. Kaplin. Inarigda

7. Hulakī, ahāl

İlan ahāl qawrəđərə, ilan inməkil korcımotın. Hulakī jəkərən: „Ahāl! minə gākallı qawduwar“. Gədə nuğanmān, qawrəđəna, gūnən hulakī: „Minə təwıskəllı daskallı. Bı ırləɔ, ırləla icəmi, ekuma ırlə, ırlə gərəin ɔlgucəđiğəw, ađənə“. Nuğan

Потом опять спросили, сказала: „Нижняя“. Лисица, съевши, сказала: „Пристаньте“. Пристали, лисица убежала. Те ее преследовали. Она на дерево влезла. Его подожгли. Та стала говорить (просить): „Хоть с рукавицу оставьте!“

B. Эдян. Урми

6. Лисица, человек

Однажды один человек зимою промышлял с нарточкой. Тот человек, идя, перед собою лису увидел. Человек в лису выстрелил. Лиса упала. Лиса человеку говорит: „Ты зачем в меня стреляешь, ногу мою ранишь? Меня на нарточку привяжи!“

Человек привязал на нарточку, сам нарточку тащит. На нарточке лисица пощелкивает. Человек спросил: „Лиса, ты что делаешь?“ Лиса говорит: „Дядюшка, ничего же не делаю. Раны, отмороженное (место) лижу“. Человек, не беспокоясь, идет. Вечером на ночлег придя, лису отвязал. Лиса сказала: „Дядюшка! ты очень устал. Ты костер делай, я по дрова схожу“. Человек топор дал, сказал: „Ну! иди по дрова!“ Лисица пошла. Человек после лисы масло, еду по-смотрел, совсем (ничего) нет. Лиса съела. Человек в уме подумал: „Мужик-то обождавши придешь, морду сделаю (убью—ругательное слово)“.

Лиса с ухода не вернулась. Молодца (богатыря) еду, масло съевши, обманувши, лиса скрылась.

И. Каплин. Ингаригда

7. Лисица, женщины

Три женщины едут в лодке, три торсука вяленого мяса (с ними). Лисица крикнула: „Женщины, возьмите меня в лодку“. Взяли ее. Во время движения лодки лисица сказала: „Везите меня, покройте. Я, сля, увидя горы, реки, расскажу, как называется река, гора“. Она

ahinən. „ēkuma tar icəwullən bira?“ hanpuktalla. „Huləlgə! huləlgə“. Ğənəğənəl
 5 hanpuktalla: „ēkuma tar bira icəwullən?“ — „uhilgā! uhilgā!“ Tāduk nan ğənərə. „Hula!
 ēkuma bira icəwullən?“ — „Kumkəlkā! kumkəlkā! Akkalu“, ğūnən: „cikənmulca
 bihim“. Agra, cikənnəhinən hulakī. Cikəlçənə, injəktəlcə, jəkəcə: „Ha! ha! ha!
 kərcim wə upkatwa manam“. Ahāl əhilə nuğanmān ahahna möldi. Hulakī mōwa
 10 tuktirən uşiski. Nuğanmān togot badaralla. Togowo hulakī ğüllən: „Əkəl qəwrə upkat-
 pān, uksədikən hulakal“. Togo uksədikən hulapcān. Ərdük hulakī irgin uksədikən
 ocān.

I. Uwocān. Norwokō

8. Hulakī, amākā

Hulakī ğənəğəcən, ğənəğəcən amākāw arcaran. Hakturalcā bicən. Hulakī ğūnən
 amākadu: „ahinmāt ēksa ojodun, pōllakadu“. Amāka urərən, hulakī ğūnən: „diskī
 ğünəkiw, diskī öpnākāl“, tuğı kənəl ahına. Dolboni dulindun öfərəkın, hulakī
 5 mikcənən digidələn, ğüllən: „Diskī! diskī!“ Amākā amiduǰi ənə hərə, həkələhinən,
 ēksa hərgiskin, bürən. Hulakī qəwrən huluktalwān kuciǰnən.

Tāduk hururən, ğənəğicən, ğənəğicən, icərən qantakī möldağarıwān killeǰəji.
 Kuciǰnı ammalıǰi dirən hulakī. Hulakī ğüllən: „Bi cōliǰi qəpiǰnəm, alarpcu biǰnəğən;
 mal amtakal“. qantakī qəwrən, ğūnən „Alarpcu“. Tāduk mənǰiǰi cōliǰi həğrən qantakī,
 10 bürən.

Hulakī husmähimān qantakī uqalın. Killeğətibwən ğärən. İstan qulān. Haktural-
 çarəkin, hulakī ahıllan qantakī ahınunın. qantakī ahın ğüllən: „önpur bihinna
 pəltumə?“ Omolgılın huǰtəcillə, nuğanmān təkəllə. Tuğı kəğənəl nuğanmān, əǰinmə
 təkəhina cəğdimnək, hulakī adayarān. Ərdələ qantakī uǰumkūn ödan.

заснула. „Какая река там виднеется?“ спросили. „Вязки (от торсука верхние)
 5 вязки!“ Идя, спросили: „Какая там река виднеется?“ — „Уздовая, уздовая“. Потом
 еще прошли. „Лиса! какая река показалась?“ — „Вшивая! вшивая! пристаньте“,
 сказала: „Я помочиться хочу!“ Пристали, пошла лисица. Захохотала, крикнула:
 „Ха-ха-ха! вяленое мясо все съела“. Тогда женщины стали ее преследовать пал-
 10 ками. Лисица влезла вверх на дерево. Его подожгли. Лисица огню сказала:
 „Не ешь меня всю, с рукавчик оставь“. Огонь оставил с рукавчик. С этих
 пор лисий хвост с рукав (величиною) стал.

И. Увочан. Ербогочен

8. Лисица, медведь (дед)¹

Лисица шла, шла, встретила медведя. Темно было. Лисица сказала мед-
 ведю: „Ляжем спать на верхушке скалы, на гладкой“. Медведь согласился,
 лисица сказала: „Если скажу повыше, двинься повыше“. Так заснули. Когда
 настала полночь, лисица перескочила через, сказала: „Выше! выше!“ Медведь
 5 во сне, не понимая, покатылся, разбился у подножия скалы. Лисица съела кишки,
 сделала колбасу.

Потом ушла, шла, шла, увидела росссомаху, рубящую из дерева лыжи.
 Колбасу в рот сунула лисица. Лисица сказала: „Я ем язык свой, вкусный, на!
 попробуй“. Росссомаха съела, сказала: „Вкусно“. Потом свой язык отрезала
 росссомаху, умерла.

10 Лисица последовала по следу росссомахи. Лыжные доски взяла. Дошла до
 дому. Когда начало темнеть, лисица стала ложиться спать с женой росссомахи.
 Жена росссомахи сказала: „С чего такой верткий“. Парни стали чужим призна-
 вать его, стали бить. Так колотя его, разрубили мать свою поперек, лисица
 увернулась. До сих пор росссомаха осталась короткой.

¹ В эвенкийском языке для названия „медведь“ имеется более двадцати терминов. Наиболь-
 шее распространение имеют „amākā“—дед и „amikān“—отец.

9. Hulakī, amākā

Hulakī amākāwə bakaran ēksadu, jaŋul ɖapkadutin. Hulakī gūnən amākāwə: „Amākā! ɖūktə ahinmāt“. — „Kəl ahinmāt“, gūnən amākā. „Hi ŋəli ahkəl“. Amākā ŋəli ahinan, hulakī dili. Hulakī aɖəne gūniwki: „Ŋəskī! ŋəskī! amākā“. Amākā ahinan. Ahicālān, hulakī amākāwə anaran ēksa hərgiskīn. Amākā buɖəɖəne ēksaduk giramnalsi kapuran, buknən buɖurən. Hulakī ŋənərən amākālā, amākāwə təlillən. 15 Ətərən təlire, amākā imuksəɖin kuciŋnan. Hulakī təlilbi nəkuren.

Tāduk hulakī huɖurən, irgihejəwi huɖurən kuciŋni. Gorowo ŋənəkənim, arcaran iləwə. Hulakī hanŋūktallan: „Ilə ŋənəɖənnə?“ — „ɖəpiilələwi gələktəɖəm“. — „Mingi bihin təlilbi, tālā huɖuwət“, gūnən hulakī. Huɖurə ɖūktə, ŋənərə goromomowə. 20 Gurkin ɖəmmukin, alsallan ŋənəɖəmi. „Hata ŋənəwət?“ gūndəwki: „Dagamaran“, gūnən hulakī: „Hi təli biɖəkəl, bi gənnəktə“. Ilə əmənmuɖən. Hulakī huɖurən, gən-nəhinən təlilbi. Tarkəndulā ŋənəkənim, hulakī hɖpkiɖillan. Ilə hukuləttən, hukuləttən bolonɪ dolboniwan, ɖəmmukin alsaran tərətəmi — doŋotorən. Buɖələn, hulakī təlirən iləwə tuɖə ɖəmməcinəwi.

O. Salatkin. Nəpa

10. Sulakī, ilə

Umnəkən bakaldicātin ilə sulakīɖun. Sulakī gūllən nuɖantukin: „Miti ɖuksə wənəsinnmāt kupkuwə“. Ilə gūnən: „Kəl suruwət!“ Nuɖartin ŋənərə dolbodolən bira-jawa solokɪ. Icəwullən curbuka. Sulakī gūllən: „Curbukawa iswāt, tuktiɖəŋəp ojolən, 15 tādu āŋgəcilɖəŋəp“.

B. Увочан. Ербогочен

9. Лисица, медведь

Лисица встретила медведя на скале, на краю гольцов. Лисица сказа-зала медведю: „Дед! вместе спать ляжем“. — „Ну, ляжем спать“, сказал медведь. „Ты внизу ложись“. Медведь лег пониже, лисица повыше. Лисица, спя, гово-рила: „Ниже! ниже! дед“. Медведь заснул. После того как заснул (он), лисица 20 столкнула его со скалы вниз. Медведь, падая со скалы, разбил свои кости, летел до смерти. Лисица пришла к медведю, стала вялить медведя. Не став (перестав) вялить, сделала из жира колбасу. Вяленое мясо лисица положила на лабаз.

Потом лисица ушла, подорожник-колбасу унесла. Долго идя, встретила человека. Лисица спросила: „Куда идешь?“ — „Еду ищу“. — „У меня есть вяленое 25 мясо, пойдем туда“, сказала лисица. Пошли вместе, долго шли. Товарищ ее проголодался, стал (не в силах) итти. „Еще пройдем? говорит: Приближается“, говорит лисица: „Ты побудь тогда, я принесу“. Человек остался. Лисица ушла принести вяленое мясо. Пройдя недалеко, лисица стала следить. Человек лежал, лежал в осеннюю ночь, голодный, не мог выдержать — замерз. После того как (он) умер, лисица завялила (мясо) человека для зимнего запаса.

О. Салаткин. Непа

10. Лисица, эвенки

Однажды встретился эвенки с лисцей. Лисица сказала ему: „Пойдем вместе убивать медведя“. Эвенки сказал: „Ну, пойдем“. Они шли до ночи вверх по реке. Показался холм. Лисица сказала: „До холма дойдем, влезем на 30 верх, там переночуем“.

Nugartin isna curreukawa, āngəsna. Ila mōlallān, sulakī uləllən cəjəwaw: jəprə, āngəsina. Sulakī güllən ilətki: „Si āskəl dili, bi gēli“. Ila günən: „Kəl āsingāp!“ Nugartin āsinə. Sulakī dolbo təgərən, iləwə gıranan dıgıdälən kərən iləwə anammen. Ila cugurisanan nəski. Cugurrən birajalā, möldu wätsən, mənmi cugurmi günən: „Sulakinun, ēkun ilən gırkicān, targacıngun uləkkun“. Sulakī, anađamı güncən: „Nugan minə buwkənəwi kərən, bi səcaw ərə dəpmi ərupcu ödan, tarit bi nuganman anacaw“.

M. Joligir. Turu

11. Amākā

Irgici əmərən amākālā. Əməkənim, hanğuktaldan: „Hi əduk gələcində?“ — „Ədukpi“, günən amākā, „Hi əduk gələcində?“ — „Bəjəduk gələcim“. Amākā günən: „e—e! hi bəjəduk gələcində, bi əgnəm gələttə“ — „Bəjəjə hakalatkat, hi bəjərikta əməwkəl, bi ağılwə əməwqəm“, günən irgici.

qalum jəpkəkəwə əməwrən irgici, amākāwə albaran alatcamı. Albakajim alatcamı, gələktildən irgici amākāwə. Amākāwə bakaran bucwə. qür bəjə wəcäl, nəkunin bəjə. Irgici gücə: „Əđacəs əməwrə, umukənə əđacəs əməwrə“, Amākā günən: „Nadan bəjəl biçətin, haltin tuksahicətin, qür bəjə nəkunin əwkil hujunə, albam wassalandamı hōda qür bəjə nəkun biwki. Əduk quləski ēkun-da əyin irə“, amākā günən: „hujətkət“.

Hurukənim, amākā ulgukıwə bakaran. ulgukıwə günən: „qiktəkərə gənnəkəl, jəwdəw. qiktəwə əməwrəkis, əja-da ətəm dəwrə quləski“. ulgukı günən: „Hi əja qudəndə?“ — „əja-kə wıjəm, irəksəwəs oqoqom“. ulgukı qiktəwə adikənmə əməwrən. Əməwrəkin, günən amākā: „e—e! bi manatpi bulihinqəm“. Tarıqın ulgukıqı irəksə qocə ödan.

Они дошли до холма, собрались спать. Эвенки пошел рубить дрова, лисица тала варить чай. Поели, легли спать. Лисица сказала эвенки: „Ты ложись выше, я пониже“. Эвенки сказал: „Ну, заснем!“ Они заснули. Лисица ночью стала, перешагнула через эвенки, стала эвенки толкать. Эвенки скатился вниз. Скатился к реке, о дерево убился, сам себе, катясь, говорил: „Лисенка, какой худой приятелишка, такая лгунишка“. Лисица, столкнувши, сказала: „Он меня собирался отравить, я знала, что от съедания этого худо будет, поэтому я его толкнула“.

M. Йолигир. Туру

11. Медведь

Волк пришел к медведю. Придя, спросил: „Ты чего боишься?“ — „Рябчика“, сказал медведь: „Ты чего боишься?“ — „Человека боюсь“. Медведь сказал: „Э! ты человека боишься, я не боюсь“. — „Мужичок, поищем, ты только человека принеси, я рябчиков принесу“, сказал волк.

Полную ямку притащил волк, медведя не мог дожидаться. Не могли ждать, пошел искать волк медведя. Нашел медведя мертвого. Два человека убили, младшие (братья) человека. Волк сказал: „Почему не принес, ни одного не принес“. Медведь сказал: „Семь человек было, часть убежала, двух мужиков младших братьев не ранят, не мог попытаться убивать сильно, два (двух) человек(а)—младшие братья. С этих пор (и) впредь ничто пусть не слышится“. Медведь сказал: „Разделимся“.

Уйдя, медведь встретил бурундука. Бурундуку сказал: „Принеси ягод поесть. Если принесешь ягод, впредь ничего не стану есть“. Бурундук сказал: „Ты что дашь?“ — „Что же дам, шкуру покрашу“. Бурундук принес немного ягод. Когда (он) принес, медведь сказал: „Э-э, я лапой поглажу“. Таким образом шкурка бурундука (раскрашенной) разрисованной стала.

Taduk hūrūrən amākā, hulakīwa bakaran. Hulakī gūnən „e-e! amākā! aḡayāt!“ — „āskānən“, gūnən amākā, „ḡanmaktaja ācın sīnən ḡəkəjə“. Tādu āhīna. Amākā hōt āmulcā. Ahīktadun hulakī digidēlən ōdan. „O-o! amākā hūkəmūlcā bihim! diskī!“ ōkal! Amākā diskī ōran, hūkēldən, burūrən. Burūkənini lūhū tūkaladu biḡərən, 20 dūndədu. Nonon nuḡan ūyilā biḡəcən.

P. Сѣмба. Сігѣмву

12. Şulakī amikānnun

Şulakī amikānnun arcaldıra. Amikān gūnən: „Şulakī ēwa bəjuşcındı?“ — Cīnē-kālwal! ələptikīnmā! Şi ēlaḡəwūḡnəndı?“ — „dujāpcalwa, ḡanjalwal“ — „Şi ēdu āḡḡacındı?“ — „Bi āḡḡacīḡnām dōlāl! Şi ēdu āḡḡacındı?“ — „Bi nālg du āḡḡacīḡnām, ələptikīn ḡəwūḡnəm mōdowı“. — O! ələptikī mindū ḡələmūḡdı“. — „Bi ḡələcīḡnəm mūḡdə-kōḡḡı əwūnikin ēşal“. — „O! bi adija-wal əwūnikin ēşal ərūbdām“ — „Şi ḡələktikəl mūḡdəkən əwūnikin ēsalwa, bi ələptikīlwa ajdam“.

Şurūrā. Amikān ḡələktildən, talā arcaran mūḡdəkən şēcīwa, „Amikān“, gūnən mūḡdəkən, nəlḡə şēcī: „ilā ḡənəḡəndı?“ Amikān gūnən: „Bi şinə şurūbdām“. Mūḡdəkən ḡarparan amikānmā əşilā, hīḡrən irəksewə, ḡaktawān huşşan, əḡəktəwən 30 ḡulirən cūkiḡnən. İḡawān ūḡkūrən tūlilā.

Āşınan bəjə. Tīmātḡa ḡəḡərən, ḡaktan oror ōcā.

Amikān şulakītki əḡnən əmərə. Şulakī nuḡanmān alattən, alattən, ḡələktē-nəşşən. Bakaran amikān dūlın cūkīdu.

W. Putugir. Ногвokō

13. Hulakī amākānun

Hulakīja amākānun bakaldıra. Hulakī gūnən: „Bi əwūnkī ēhacīlduk hōmat ḡələ-cīḡnəm“. — „ēt? əwūnkīlwər ēhacīlduk ḡələcīḡnənnā?“ gūnən amākā. „Hi ēt ḡələcīḡ-

Потом пошел медведь, лисицу встретил. Лисица сказала: „Э-э, дед, поспим“. — „Для сна“, сказал медведь: „есть без комаров утес“. Там заснули. Медведь сильно хотел спать. Во время сна лисица перешла через (него). „О, дед, хочу скатиться, повыше подвинься!“ Дед повыше подвинулся, пока- 20 тился, упал. Упавши, все время живет на земле. Раньше он вверх жил.

П. Чѣмба. Чиромбу

12. Лисица с медведем

Лисица встретила с медведем. Медведь сказал: „Лисица! что промышляешь?“ — „Птичек, внезапно вылетающих! Ты что ешь?“ — „Бруснику, шишки!“ — „Ты где ночуешь?“ — „Я ночую внутри (в дупле)! Ты где ночуешь?“ — „Я ночую в коряжине, внезапно вылетающих птиц ем в дереве“. — „О! я боюсь внезапных 30 птиц“. — „Я боюсь пенька с поперечными глазами“. — „О! я сколько поперечных глаз убивал“. — „Ты поищи пенек с поперечными глазами, я внезапно вылетающих птиц принесу“.

Ушли. Медведь пошел искать, там встретил ушастый пенек. „Медведь“, сказал пень, коряга с ушами: „Куда идешь?“ Медведь сказал: „Я тебя унесу“. Пень выстрелил в медведя, тогда ободрал шкуру, шерсть раздул, нос пове- 40 сил на дерево. Шерсть высыпал снаружи.

Заснул человек. Утром проснулся, шерсть в оленей превратилась.

Медведь не мог притти к лисице. Лисица его ждала, ждала, пошла искать. Нашла медвежью голову на лабазе.

В. Путугир. Ербогочен

13. Лисица с медведем

Лисица встретила с медведем. Лисица сказала: „Я боюсь сильно попе- речных глаз“. — „Чего? поперечных глаз боишься?“ сказал медведь. „Ты чего

В. Эдэн. Урми

15. Эһэ, нэкэ

Умнэкэн эһэҥүн нэкэ бакалдара. Нэкэҥин амҥадууи амууҥдэсэҥн элэптикиҥа. Эһэҥин элэптикиҥа икэксэкэн, нэкэдук улҥумиллан. „Он нэкэксэкэн элэптикиҥа ʋәnnи? Би элэптикидук сөмат нэлэцим, бөјөдук эһим нэлэрэ“. Нэкэҥин гундөрөн: „Би элэптикидук эһим нэлэрэ, нуҥан би дөптилэҥ. Бөјөдук би сөмат нэлэм. Нуҥан, нэкэлэ ʋәттән“. Эһэҥин гүнән: „Си элэптикидук әми нэлэрэ, әр бугалә баран элэптикија амууҥкөл. Би нәнә баран бөјөје ʋәксәкән, амууҥдиҥэҥ“. Нэкәкүн эһэ һујә-цилдирә.

Нэкэҥин бими инәҥитикин элэптикиҥа амууҥдәҥки бисә. Эһәҥә ʋәксәкән ала-цими, эһәҥи уҥаҥан уҥаллан. Эһәҥән нэкәҥиҥә әҥәнкил ʋәцәл. Эһәҥиҥә дилҥан гүлҥцәл.

Эһэ бөјәҥә ʋәцә биһикин, нуҥан әҥәнкилә дөптиләтимсә. Бөјә нуҥандукин әҥәһитмәр бнан тәкәнин бисә. Нэкэҥин элэптикији ʋәнәтпи, тарит нуҥан дөптиләлҥисә элэптикиҥа.

Ав. Путугир. Нэкәннә

16. Hulakī hēḡannun

Nonon biḡecōtin hulakī koḡnomo, hēḡdin irḡicidin. Hulakī ḡirkuḡacān ʋira ḡapkaḡin; ḡirkuḡana ʋakaraḡ hēḡanma biḡerīʋә ʋira ḡapkaḡun. Hulakī ḡүнән hēḡan-
tikī: „Gukcanmāt gurukamija!“ — „Kә! gukcanmāt“, hēḡan ḡүнән: „әһikәnә alātmәlcә-
kәl minә. Әrtikī ḡәnәmәlcәktә әdu, alātmәlcәkәl minә!“.

В. Эдян. Урми

15. Медведь, соболь

Однажды с медведем соболь встретился. Соболь во рту внезапно выле-
тающую (птичку) нес. Медведь, птичку увидевши, соболя спросил: „Как собрав-
шись птичку убил? Я птичек очень боюсь, человека не боюсь“. Соболь гово-
рит: „Я птички не боюсь, она—моя еда. Человека я очень боюсь. Он соболей
бьет“. Медведь сказал: „Ты птичек если не боишься, в это место много птичек
принеси. Я опять же много людей, убивши, принесу. С соболем медведь
расстался.“

Соболь будучи ежедневно птичек приносил. Медведя долго ждавши, по
слеу медведя пошел. Медведя соболева эвенки убили. Медведя голову на
10 (специальный лабаз) положили.

Если бы медведь человека убил, он эвенков едой сделал бы. Человек его
сильнее творения основой (при сотворении) был. У соболя внезапно вылетаю-
щие птички добыча, поэтому он (соболь) едой сделал птичек.

Ав. Путугир. Нгоконно

16. Лисица с налимом

Вначале лисица была черная, большая с волка. Лисица шла по берегу
реки; идя, встретила налима, живущего на берегу реки. Лисица сказала налиму:
„Побежим взапуски по плесу“. — „Ну, побежим“, сказал налим: „немножко по-
дожди меня. Сюда (моментально) приду, подожди (немножко) меня!“

⁵ Hēgan hūrurēn. Dənərēn hēgan daltikiwi, gūnēn: „Hulakī ʔrihinēkin, ɬawurpa-kallu ɬulāskīn“. Hēgan tūy hipkūrēn ɬalduwī upkattikī.

Hēgan, gorokōnmə bikəjim, əmərēn hulakīn biɬərēn, gūllēn hulakitki: „Kə gukcanmāt“ — „Kə!“ gūnēn hulakī. Hēgan buktunēn, tāduda biillēn. Hulakī digniləhinēn. Gukcahina umūkēnmə gurukawa, hulakī jəkərēn „Hēgan!“ — „Ho! Ho!“
¹⁰ ɬawran hēgan amaskīn. Hulakī urunēn, gūnə: „Huktum“. Hulakī digniləhinēn, digniləhinēn tarjalā, illan, ʔrihinēn „Hēgan!“ Tar gurukadu gūnēn „Ho!“ Hulakī əlētpi digniləhinēn, digniləhinēn gurukamiwa, dūtərēn kocowo, əwrēn wiralā, ʔrihinēn hēganma. Tar nān tarjalā gurukadu ɬawran. Hēgan əcə buktussemətirə, tāduda cūcincəllēn. Hulakī dignilənēn, dignilənēn igɬargaknan. ʔrdələ igɬama ʔdan, ɬəltumə,
¹⁵ mudurēn ʔdan.

I. Uwocān. Norwokō

17. Hulakī, kəkəkī

Hulakija bakaldira kəkəkīnūn. Urinə umūkəndu. Hulakī gūnēn: „Hūrūyət, ilələ wānāhinmāt, bi əjəkī ɬawrāsina kiw, hi ahinignakal“. Holokī ɬawrahinēn. Hulakī icərēn ilələ, kəkəkīwə həriwrēn āyrə, nurnāhinə, dūrpə biɬərə. „Hi nēwuwa pəktirūkəl, nugartūn uləkitpər gūldiɬētīn „aməja-!“ gūldiɬētīn „əgnəkəl ətəkəl wərə!“ hi pəkti-
⁵ rūkəl“. Upkatpa tərurə. Hulakī cimkaji pəktirūɬəcə. Kəkəkī icərēn hoɬollon, ginnun dūyɬdun hoɬorēn cumiknanmī.

Bira ələkəs dogotolɬorōkin, kəkəkī burdaktiduran wiradu. Hulakī icətcirēn, gū-
 nən: „Kōkcārri ɛda nihintidannu?“ „Burdalilyāt!“ kəkəkī gūnēn. Hulakī burdaɬena,
 əjūrēn. Bira doyiɬəlin hūrurēn, bakaran ollolwo. Ollol əpintin uɬəɬərēn. Hulakī
¹⁰ gūnən: „Bi hamān bihim uɬiskī turujə ʔkallu!“ ʔrā. Hulakī tuktirēn, huktillən ɬulāji.

⁵ Налим ушел. Пошел налим к родне, сказал: „Когда лисица крикнет, откликаться впереди“. Таким образом налим предупредил родню свою всю.

Немного погодя, налим пришел к месту лисицы, сказал лисице: „Ну, победим!“ — „Ну“, сказала лисица. Налим плюхнулся (в воду), там (и) остался. Лисица побежала. Пробежавши один плес, лисица крикнула: „Налим!“ — „Хой!“
¹⁰ хой!“ откликнулся налим позади. Лисица обрадовалась, говоря: „Убегу“. Лисица бежала, бежала далеко, остановилась, крикнула: „Налим!“ Тот на плесе ответил: „Хой!“ Лисица из всех сил побежала, пробежала плес, пересекла мыс, дошла до реки, покричала налим. Тот опять там на плесе откликнулся. Налим не плыл, там же остановился. Лисица бежала, бежала до побурения. До сих
¹⁵ пор рыже-бурая стала, верткая, хитрая стала.

И. Увочан. Ербогочен

17. Лисица, кукуша

Лисичка встретила с кукушей. Жили вместе. Лисица сказала: „Пойдем людей убивать, я вверх поплыву в лодке, ты спи“. Вверх поплыла. Лисица увидела людей, разбудила кукушу. Пристали, отправились скрадывать, две юрты (стоят) есть. „Ты нижнюю стреляй, они нарочно будут говорить: „Отец“,
⁵ будут говорить: „не стреляй“ — ты стреляй“. Всех убили. Лисица стреляла в среднюю жердь¹. Кукуша увидела, заплакала, на вершинке сухого дерева плакала до уменьшения.

— Когда река только что начала замерзать, кукуша прыгала по реке. Лисица увидела, сказала: „Зачем лапками щелкаешь?“ — „Попрыгаем!“ сказала кукуша. Лисица, прыгая, утонула. Внутрь реки ушла, встретила рыб. Мать рыб болеет.
¹⁰ Лисица сказала: „Я — шаман, постройте вверх столб“. Сделали. Лисица убежала домой.

¹ Средняя жердь юрты стоит внутри между входом и костром. К ней привязывают попечную жердь для подвешивания крюков.

21. Mund'ukātkār

- Amikān əmərən mund'ukātkārtıki. Mund'ukātkār tuktirā kımkalı, gūnə: „Amikān jajald'an", huld'aldulıwar ukcaksärwə tipcəl. Amikān dawarən şəraılduktın şamāh-
ld'an, gūnən: „Mund'ukātkār əpıləltin cənes! cənes!“ Mund'ukātkār gūnə: „İñəkə
ēdan? eşalıwı turakal“. Tāduk kapurıldulıwar tipcəl eşaldun uñkurə. Amikān balıran,
5 Mund'ukātkār gundərə: „İñəkə ıdan? inıktəkərə ırmaktal! İñəkə, lapulwı-yu lapucul!“
İñəkə, gərbici Kanđıkā, əmərən mund'ukātkārtıki, hanğuktaran: „Amikān İñ
şurucən?“ — „Ərjəklə şurucən!“ Tələ bakaran, dawaldırən, gūnən mund'ukātkārtıki:
„oştoljo əməpkəllə“. Tədu baldapkanən amikān. İñəkə mucurən qıləwı. „İñəkə! ucıl-
d'əp, şurudəp“.
10 Şururə mund'ukātkār, İñəkəşın gūnən: „Kökcamalı şurukəld'u, ənəl kukcumalı
şururə“. Nuğartın şururə kukcumalı. Tələ hujəldikicitin, ələkəş gūnən: „İli şurudəp“,
gə gūnən: „Kökcamalı“. — „Ətəp! dawaldıp“. Dawaldırə. „İr dawdıdan, kukcumalı
şurudəp“. Nəkundimər dawdırən, dükərə şururə kukcumalı. Dənərə, dənərə, tədu
hakuwrə. Mund'ukātkār gūnən: „Cijikən bınə juktə!“ Gə gūnən: „Cındalbukı bınə“.
15 Cijikən bınə jürən. Cındalbukı jürən tuğı. Uğaşınən nəkənın nuğanman, mugdəkə-
cəndu nərən, inamuld'an. əksamradu nərən, nən inamuld'an, takındu nərən, nən
inamuld'an. Nən əksamradu nərən, əmənen eşilə. Dənərən ərəkiltiki. Ərəkildu işinən.
Ərəkıtkı gūnən: „nağumalıqā(t)!“ Mund'ukātkār şələməwə ayawa gadan, ərəki alıcā:
„Ajawa ayawal“ Ərəki gūnən: „Uramakən ayaw, kipeş ökal!“ Kipeş öran, ərəkıtkı
20 gūnən: „Nağumalıqā(t)!“ Mund'ukār şururən. Tələ işşan, əkinin əmədənen əksəridu
mirəçə. Tədu orowı kaşalıburə nəlgə şağərdulı. Əkinin gūnən: „Kaşalıbulkal!“ Kaşal-

21. Зайцы (сестры)

- Медведь пришел к зайцам. Зайцы влезли по средней жерди (юрты), говоря:
„Медведь стал шаманить“. Под одеяла сунули гнилушки. Медведь схватил за
жердь, стал шаманить, сказал: „Легкие зайцев, чанес! ченёс!“ Зайцы сказали:
„Бабушка что делает? глаза открой“. Потом ноговицы открыли, в глаза насы-
5 пали (песок)¹. Медведь ослеп. Зайцы говорят: „Бабушка что делает? Черемуха²
поспела! Бабушка, уши мохнатые“ (дразнят).
Бабушка, по имени Кандика, пришла к зайцам, спросила: „Медведь куда
ушел?“ — „Сюда ушел!“ Там нашла, схватилась (с медведем), сказала зайцам:
„Стол принесите“. Там (на этом) заставила скатиться (спустила) медведя.
Бабушка вернулась домой. „Бабушка, соскучились (мы), уйдем!“
10 Ушли зайцы, бабушка сказала: „Идите по копытообразной, не идя по ку-
леобразной (дороге)³“. Они пошли по кулеобразной (дороге). Там на месте раз-
ветвления первый сказал: „Где идем?“ Другой сказал: „По копытообразной“. —
„Стой! поборемся!“ Схватились. „Кто победит, по кулеобразной пойдем“. Млад-
ший победил, пошли вместе по кулеобразной. Шли, шли, там закрылась со-
15 всех сторон (дорога). Заяц сказал: „Хвоинкой будучи, выскочу-ка“. Второй
сказал: „Шишкой будучи“. Сделавшийся хвоинкой проскочил. Шишкой (сделав-
шийся)⁴ выскочил тоже. Потянул младший его, на цепек положил, заплакал.
На скалу положил, опять заплакал, на колоду положил, опять заплакал. Опять
на скалу положил, оставил тогда. Пошел к лягушке. У лягушки жил. Лягушке
сказал: „Погощу у родни“. Заяц железный игольник взял, лягушке похвастался:
„Хороший, красивый“. Лягушка сказала: „Стальной игольник, звон сделай“.
20 Позвонил, лягушке сказал: „Погостим“. Заяц ушел. Дошел до того места,
старшая сестра (заяц), оставленная, вышла замуж за бога. Там олени побра-
кивают через дыры коряжины. Старшая сестра сказала: „Позвони“. Позвонило

¹ У зайцев был набран в чулки и ноговицы песок.

² Глаза медведя называют иносказательно черемуха, уши—мохнатки, сердце—железное и т. д.

³ Кулеобразная дорога приводит в тупик.

⁴ Заяц, превратившийся в шишку, сделал попытку проскочить в щель, но застрял. Другой заяц потянул его и оторвал голову.

burān tukšiməwən. Əməre oror. Oror tuymə həgdimər. Mund'ukātkān ororwo həgdilwə əkinduk şurawrən qūlawi. İşşan qūwi. Ərəki əməpcən kumikārwa. Oror şurawrə kökcarduwar kumikārwa. Ərəkiki gūnən mund'ukān, tukşağana qūwi: „Hiyin əməqərən!“ Hiyin dəgiwuşna qūwān ərəkin. Ərəki amutkānduli hırrən.

Ş. Kımā. Cırəmbu

22. Mund'ukār, jantaki

Jantaki qəwrən mund'ukār əninmətin, tādük qūlātin əmərən. Mund'ukār aşın-murə ukcaşşārwa huld'aldıwar, untaldıwar tukalawa təwrə, ikəptindüliwər tuktirə Jantaki əmərən, həkimnəldən, gūndānā: „Mund'ukātkār əptiləltin coşu! tepu! coşu! tepu!“ Mund'ukār gūnā: „Amākā ədāndı?“ İcəşnən jantaki uyışki, mundru-kātkār tukalawa uşkurə jantaki eşaldun, tādük mişərə. Atrikān qūlān gənərə. Atrikān qūduwi acın, bəjuca. Atrikān imukşəgilwān qəwrə, qikildə kalandun. Atrikān əmərən dolboltono, togowı ilald'ān. Nupandulin bicətin hawalışal ələtin itigəlin. „İwəld'əl əməkəld'ə, togo dəgdəkəl!“ İwəld'əl mənəkər əməre, togo mənəkən, dəg-dəwrən. „Haga mültünəkəl“. Haga mültülirən: „Kalan əməkəl!“ Kalan ənnərən əməre
 10 „Kıg!“ oqan ələ. Atrikān tukuld'ān, şolwūnnı gādan, iktərən kalanma. Mund'ukātkār injəktəld'ə, kalanduk jürə. Atrikān gūld'ān: „Nikā! ewa-ka qikilkātcuş? Mindü ucunigdə umukəndü! Nikā, mindü işkəld'əl!“ İşnə. Nupan bəjuşipki amikārwa, əp-
 15 nəptündüwi əməwıwki amikānma. Mund'ukār həgdimukər oda, gūnā: „Bu uculd'əw, bu-wə-li bəjuşnəw, gıdawı bükəl mındü“. Hanşuktara atrikāntiki, on ərişnəran.
 15 „Nāmənd'əjə əli! əli!“

Mund'ukātkār hoktorönmo işşa, təgenəkər ərilde nāmənd'əjəwə. Nāmənd'əjə əmərən, nupartin icərə, jəşaw mişərə, gıdawān əmənə. İnəkələ mücürə gūnā: „Nələ-

за облаками. Пришли олени. Олени очень большие. Заяц больших оленей от старшей сестры увел домой. Дошел до дому. Лягушка принесла насекомых. Олени унесли на своих копытах насекомых. Лягушке заяц сказал, убегая домой:
 23 „Ветер идет“. Буря снесла дом лягушки. Лягушка нырнула в озеро.

Ш. Кима. Чиромбу

22. Зайцы, россобаха

Россобаха съела мать зайцев, потом в их дом пришла. Зайцы положили спать под одеяло гнилое дерево, в унты набили земли, по жерди юрты влезли. Россобаха пришла стала топтаться, говоря: „Легкие зайцев (сьем) чон-гуш! топуш! чонгуш! топуш!“ Зайцы сказали: „Дедушка, что делаешь?“ По-
 5 смотрела россобаха вверх, зайцы высыпали в глаза россобахи землю, потом исчезли. К старухе домой пошли. Старухи нет дома, ушла про-мышлять. Сало старухи съели, спрятались в котле. Старуха пришла вече-ром, огонь начала разжигать. У нее были работниками все вещи. „Дрова, придите! огонь, зажгись!“ Дрова сами пришли, огонь сам зажегся. „Чуман, приди, наполнись водою“. Чуман наполнился водою. „Котел, приди!“ Котел
 10 не мог притти. „Кинг!“ только (и) сделал. Старуха рассердилась, взяла палку (для закрывания двери), ударила котел. Зайцы засмеялись, из котла вылезли. Старуха сказала: „Малыши! для чего же спрятались? Мне одной скучно! Малыши, у меня живите!“ Жили. Она промышляла медведя, за поясом прита-скивала медведя. Зайцы подросли, сказали: „Мы соскучились, попробуем-ка мы промышлять, копые дай нам“. Спросили у старухи, как кричит (она). „Мед-
 15 ведь сюда! сюда!“

Зайцы пошли по тропинке; севши, начали кричать медведя. Медведь пришел, они увидали, с испугу убежали, оставя копые. К бабушке вернулись, говоря: „Страш-

mupcəkəkun! gıdawas əmənə!“ İpəkə gūnān: „Bı şunə gıcəw ɣələmupcə cıpkən!“ ipəkə gəlnərən.

20 Nān mund'ukār ijəcild'ə gırkuqıdāwər, gūnā: „uçıld'əw“. Nuɣnərən atırıkān: „Ələ şurukəld'ə, tälə ödan kökcama, kukcama“.

Şururə mund'ukār, tälə işsa ūda qünmämən. Əkindi omgorən: „ipəkə gıcən kukcumalı şurudāt“. — „Əşin, ipəkə gıcən, kokcumalı şurudāt“. Əkindi gūnān: „Dör-cagāt, iduk daşdıqap, şı daşdırakış, şurudəp kökcumalı, bı — kukcumalı“. Dörcald'ə,

25 şagdamar daşdırən. Şururə kukcumalı, ɣənərə guləkəntiki, guləkən hakura nuɣar-watın haktıragdıdu. „Hırıld'əp!“ Nəkündi gūnən: „ıktadin, cıjədin!“ Əkindi gıld'an: „Cındəlbədikən öktal!“ Gə cıjədin öran, jürən gula şajalın. Şagdak cındəlbukı ödan, dılrıktawı jürən, mirəldukpi tagawrən. Nəkünmi təcild'ən dılwān, dılwān pəstirgarən, nuɣanman uyaşnan. Darımı, əmənen təkəndu dılwān. Amaşkı ətəşnən, əkinin şoɣolcə.

30 Nān gədan əkinmi dılwān, caskı şururən, həkşamradu lokurən. Amaşkı ətəşnən, əkinin injəktəlcə, əmənen tədu. Əkinin gūnān: „Nəkə, şukşalı lukuhld'əktin, ənə bəl-gənəld'ə ekurdu-wal qawunan“. Nəkə şururən şukşan lukurgaran, bəl-gənəşnən: „Əkinduwi-wal şoɣojo ödakiw, ekundı şukşalı lukuja ödan?“ Ərəki qawrən. ɣənərən ərəkitki, işnən ərəkinın. Ərəki ɣəcıktəld'ən, ıqumıqədəwər „Mund'ukən ıqumı-qayāt“. — „Minı ıqulwı acır!“ Ərəki şururən dölboltəno əməwrən ororowı — kumi-kərwə. Mund'ukatən şururən əkintikiwi. Əkinin ədlilcə agdıwa. Hırilin bışı nuɣan-ɣacının dıld'agdal. Əkinin gūnən: „Alatkal, awusı ıncə əməqān!“ Əmərən dölboltəno awuşın. Əməmi ıdışikələn öran, ororon anıran. Nuɣan ərəkitki əməwrən. Ədild'ən,

35 ərəki qıwı tukşald'ən, ədin şuruwrən qıwān. Ororowən ərəki mund'ukən oronı kök-carwar şajaldutın şuruwrə. Ərəki albaran tukşacəqəmi, gūnən: „Şı-mət mömat wəkuj həgidun!“ Ərəki wəjətpi hırrən müli. Tikindülə ərəki müdu inqərən, mödu ərəki papandukın mö halaktan öcən.

ный, копье оставили!“ Бабушка сказала: „Я вам говорила, (что) страшный зверь!“ Бабушка принесла.

20 Опять зайцы (сестры) стали проситься побродить, говоря: „Соскучились“. Указала (дорогу) старуха: „Здесь идите, там будет копытообразная (и) кулеобразная“.

Ушли зайцы, до того (места) раздвоения дороги дошли. Старшая забыла: „Бабушка говорила, чтобы шли по кулеобразной“. — „Нет, бабушка говорила, чтобы шли по копытообразной“. Старшая сказала: „Поборемся, как победим: если ты победишь, пойдем по копытообразной, если я — по кулеобразной. Стали 25 бороться, старшая победила. Пошли по кулеобразной, дошли до избушки, избушка окружила их в темноте. „Давай заговорим!“ Младшая сказала: „Шерстинкой, хвoinкой (стану)“. Старшая сказала: „Шишкой стану“. Вторая хвoinкой стала, выскочила в щель избы. Старшая шишкой стала, только голова прошла, плечами застряла. Младшая стала тащить голову, голову оторвала, ее потащила. Уставши, оставила голову на колоде. Оглянулась обратно, старшая плачет. Опять 30 взяла голову старшей, дальше пошла, на разломанное молнией дерево повесила. Обратно оглянулась, старшая начала смеяться, там (и) оставила. Старшая сказала: „Малыш, когда вязки (на унтах) развяжутся, не ругайся, где-нибудь откликнется“. Меньшая пошла, вязка развязалась, ругнулась: „У старшей какой, плаксой стану когда, с чего (это) вязки развязались“. Лягушка откликнулась. Пошла к лягушке, стала жить с лягушкой. Лягушка предложила погостить 35 у родни. „Заяц, погостим“. — „У меня нет родни“. Лягушка ушла, вечером привела оленей — насекомых. Заяц пошел к старшей. Старшая (заяц-сестра) вышла замуж за гром. Дети ее такие же как она — только головы. Старшая сказала: „Подожди, зять рано придет“. Вечером пришел зять. Придя, поясное украшение сделал, оленей подарил. Она (младшая сестра-заяц) привела к лягушке. Ветер начался, лягушка дом тисками покрыла, ветер унес дом ее. 40 Оленей лягушки, заячьи олени в щелях копытных унесли. Лягушка не могла убежать, сказала: „Хоть бы тебе деревянный Penis“. Лягушка сама (телом своим) нырнула в воду. До сих пор лягушка в воде живет, на дереве из Penis'a лягушки теперь трещина (откуда течет смола) стала.

M. Joligir. Turu

23. Mundukān

Ətirkān buşşədəren. Mundukān tarā nımpaldan. Mundukān günən: „İləbə gəlnəktə, qarıtcağatın“. Ətirkān tādū günən: „Atırkākun! mundukānmə dəwuldıgət! Bi nuğanmān hamānıktə. Əkəl ılgucəne əwa-da, ırkəje ajamamat hōmkal, bi buşşə-likte, mindū əldənmə tutāncəməwə əməpkəl“. Nımpaldan. Mundukān günən: „Tukşə-
 5 nılđı horontılđa“. Mundukānmə ətirkān duktaldan. Duktaldəkin, atırkānın tıgıcıldən. Ətirkānın əldəndıjı ələ iktəren, koğnomo hənin mundukān ödan. Tāduk atırkānın iktətpi wəren ımukənmə. Tarıyn iktəlin həgdikəkyn ödan mundukānı ırənə.

Mundukān hənin koğnomo ödan ər bihilət. Mundukān tukşədu əwki gırkırā
 10 ödan, dındədu təyətnə ödan upkatpa ırğanıwa. Tukşəcıdu ırğanıdu tuğı təyətnə ödan. ırğanıdu tukşəje acındı nuğan həktalwa dəwuldən.

D. Woul. Anğara

24. Atırkān tukşəkīnun

Umnakān biqacətin atırkācān, ətirkācən. Dəmuqəcətin nuğartın. Ətirkācən günən: „dəmülikşəl, atırkān, tukşəkīl şamānatın şamālākəl. Bi buğləlikşən ödəlm?“ Atırkān şırırān. Dənəqāwki. Dənərān, dənərān, bakaran tukşəkīl şamānmətin. Günən tukşəkīl şamān-
 5 tıktın atırkācān: „şamālārāndı! Mınpı ətirkānmı buğləlcə“. Tukşəkī günən: „ərdət şırıqəjəw!“ Tar atırkācān dənəştən dılāwı, tukşəkī tar şırırān. Atırkācān istan arannı. Tar ətirkānmı aşınmurān, tāduk qıktəbə ətirkānmı oğoktohn təwdən. Tāduk atırkān ətirkāndıwı wırən mōwa, arannı qəkərən şayşəlbə, ədətın tukşəkīl ıktıldə. Şırırān tukşəkī şaman, amardın bodoşto əşil şamār bışi, kətə tukşəkīl. Əməre

M. Йолигир. Туру

23. Заяц

Старик хвораєт. Заяц на него шаманит. Заяц сказав: „Пойду приведу людей (зайцев), подпевать будут“. Старик тогда сказал: „Старушка, зайца съедем! я его зашаманю (обману). Не рассказывай ничего, дверь хорошенько прикрой, я захвораю, принеси мне железный меч“. Стал шаманить. Заяц сказал: „Обла-
 5 ками покрывается“. Зайца старик ударил. Когда ударял, старуха стала караулить. Старик ударил только железом, почернело ухо зайца. Потом старуха зубом одного убила. Зубы того (зайца) большими стали подобно заячьим (со-временным).

Заячье ухо почернело до настоящего времени. Заяц не смог по облаку
 10 ходить, весь день стал сидеть (жить) на земле. В облачный день—также сидит (живет) на земле. В безоблачный день он стал есть талинки.

Д. Воуль. Верхн. Ангара (С. Байк. район)

24. Старуха с зайцем

Однажды жили старик (и) старуха. Захотели есть они. Старичок сказал. „Голодные (мы), старуха, заячьего шамана позови шаманить, я болящим сделаюсь“. Старуха ушла. Идет. Шла, шла, нашла заячьего шамана. Сказала старуха заячьему шаману: „Пошаманишы! Мой старик заболел“. Заяц сказал: „Вот погода пойду!“,
 5 Та старуха дошла до дому, заяц тот ушел. Дошла старуха до юрты. Того старика уложила спать, потом воткнула ягоды в нос старика. Потом старуха дала старику палку, в юрте дыры заткнула, чтобы зайцы не могли убежать. Пошел заяц-шаман, за ним вслед не шаманы, много зайцев. Пришли

tuksakīl, təyəre aranmə mürəli. Nimğaldən tuksakī: „Pun! pun! pun!“ Ətirkan butiləsn
 10 dıptən mǝjəksitmi. Ətirkan ildakāttan, gadan möwa tar nimğatcarilba tuksakīlba
 tijəwunđiwi təpuldən. Tuksakīlbə təpürən, təpürən, kətəwə wərən tuksakīlbə. Tuk-
 şakīl şamānmətin təputtən şərdulin, urərən. Tuksakīl şamāntin jürən şənalı. Ətirkan,
 atırkan inistə iləlgəcin.

Ş. Kimā. Cırəmbu

25. Amikān koləmtēnun

Amikān koləmtēnun muşcaməltə. Amikān gūnān: „şi mingidu inəninduw aşu-
 mātə ətəndi inə“. — „inđəm! Şi tugi ətəndə inəninduw inə!“ Həpkətmətrə, həpkət-
 mətrə, koləmtə jürən mǝdük dund'alə. Dund'adu həkuləşnən. Əbəj hırrən mǝli,
 təli əməlcə amaşkī, təduk nān hırrən mǝli, nān əməlcə, lopurorən amaşkī. İliwrān
 5 hırrən mǝli, aşumātə əşin məpicərə. Koləmtətki ənkəcildən: „Bi ətəm şingidu
 dund'aduş inə“. Koləmtə ımuntiki ukəlsidən. Əbəj tikuld'an koləmtə həkimnəşnən
 mǝlə. Ərdük koləmtə kapakta odan.

S. Bukocār. Tıgır

26. Atırkan, amikān

Umukān atırkan vici omolgti. Nupartin orortin acın vici, umukān murin
 vici. Bilgatin manawrān, omolgti hırrən, vəjurān. Hırrəbə, gūnān əşindıwi:
 „Bi tımi əməđiğaw“. Əşinin anğaitān umukān dolboniwa, əməđiğadu inəjidun alāt-
 cıq. Alāttān, alāttān omolgti ecə əmərə tar inəjidu. Atırkan gəran şəkəwi gələktəyinən
 5 omolgtıduwi. Dənərān, nənərān nıqawān vakaran omolgtıduwi. Udayınən omolgti nıqawān

зайцы, сели вокруг костра. За шаманил заяц: „Пун! Пун! Пун!“ Старика
 10 болезнь не мог до конца (вылечить). Старик встал, взял палку, стал бить тех
 шаманящих (подпевающих) зайцев. Заяцев бил, бил, много набил зайцев. Ша-
 мана заячьего ударил по (около) ушам, мимо пёпал. Заячий шаман выскочил
 в дымовое отверстие. Старик (и) старуха стали жить, как люди.

Ш. Кима. Чиромбу

25. Медведь с карасем

Медведь с карасем заспорили. Медведь сказал: „Ты на моей земле совсем
 не сможешь жить“. — „Проживу, ты тоже не сможешь на моей земле жить!“ Спо-
 рили, спорили, карась выскочил из воды на землю. На земле лег. Медведь
 нырнул в воду, тотчас выскочил обратно, потом опять нырнул в воду, опять
 5 выскочил, вылетел обратно. В третий раз нырнул в воду, нисколько не выдер-
 жал. Карасю сказал: „Я не могу на твоей земле жить“. Карась на одном месте
 лежал. Медведь рассердился, притопнул карася (столкнул) в воду. С этих пор
 карась плоским стал.

С. Букочар. Тунгир

26. Старуха, медведь

Одна старуха жила с сыном. У них не было оленей, один конь был.
 Еда кончилась, парень ушел, промышлять пошел. Уходя, сказал матери:
 „Я завтра приду“. Мать ночевала одну ночь, поджидая день прихода.
 Ждала, ждала парень не пришел в тот день. Старуха взяла топор,
 5 пошла искать парня. Шла, шла след парня нашла. Пошла по следу парня.

wān. Uđalin urəkəcānma tuktirān. Urəduk icəcillān ərgiskākī, araj icārān urə ərədun uklāqirān kulin ilan dılıci. Atırkān araj mēdārān „Muka omolgiwə dəptān ər kulin“.

Atırkān məcūrān qūlawi, gārān porōkwa, təwrān porukıı hütəkəcāndı, ərkerān ulawə utəkəcān amnadun. Məcūrınan amāškākī uđalıwı, əmərān urələwi, nullan 10 gāndit ulawı; nōdarān kuhndulā. Kulin icəqəkān, laɣalırān utəkəcānmān, nımjərān. Atırkān olgumālān urədu, aləcillān ökm-ka tilkeqān hütəkəcānīn. Olgumādalan, utəkəcānīn kulin urin dōndun dıkerān. Dıkerəkin, atırkān tuksaran kuhndulā, icārān omolgiwı kulin urdun. Omolgiwı ɣıramkına tadu-dāt ərān, dınnədu imārān. Iməksək, atırkān qūlawi nənəqəyınən, qūdun ɣılɣan acın ɣıcān. Ələ nuɣurnı ərān, atırkān 15 togojowı ıların tılılā. Əhilə āyınən togoduwi. Dolao atırkān mēhlıan. Togotkırı tcarān, toɣon bargıdādun nılgımāqırān amıkān, ɣələwi icəwkəcānə. Atırkān daɣamadawı nuɣandulan ɣələqəwki. Atırkān ajamamat icəcəliksek, icārān ɣələdun suptıləwə. Atırkān tēli dagamaran amıkāndulā. Ələ cuktuqırān ɣələdukin suptıləwə. Amıkān məcūrınān, atırkān ɣələdiwkə ādawı. Təyəksek, təyəksek, atırkān āyınān. Təyeltənə 20 atırkān, mēlıksək, icārān toɣon bargıdādun huklāqırā bəjır. Amıkān cuktalımaln ɣıcā. Atırkān, tarıt ılləqtəqənə. ɣıllān.

S. Bukocār. Tıɣır

27. Əwənkı kulınnun

Umıkān əwənkı, bəjıqāna, dōldırān təkənmə. Tar təkəndulā tuksaran, icārān ılandılıci kulin amıkānnun kuhıqərā. Amıkān, əwənkıwə icəksək, təkəllān: „Mindı 1 vələtkəll vələtnəlis ɣı sindı bəjıɣə əmıwqıɣaw, qawaksək“. Kulin təkəndəwki: „Bı 5 sınılə mılā ɣənəwqıɣaw, icəwkāndıɣaw ələniɣə“. Əwənkı qalduwi ɣıyincārān, ɣıyincārān: „Bələciktə kulınma, mıɣdu ənəwi icərā, icəqıɣaw“. Qalduwi ɣıyincārān, pəktırəwınnı gārān, otdārān amıkānmə. Kulin ɣınnān: „əkkal mindı səgdənnələ, ɣı sınıwə əməwqıɣaw mılā, icəwkāndıɣaw ələniɣə“. Əwənkı ıyran səgdənnələ, kulin

След на горку поднялся. С горы посмотрела вниз, увидала, (что) у подошвы горы лежит трехголовая змея. Старуха сразу догадалась (почувствовала): „Кажется, парня съела эта змея“.

Старуха вернулась домой, взяла порох, набила порох в мешочек, привязала трут у связки мешочка. Вернулась обратно по следу, пришла к горе, зажгла 10 огнивом трут, бросила к змее. Змея, увидев, схватила мешочек, проглотила. Старуха остановилась на горе, ждала, когда взорвется мешочек. До ожидания, мешок взорвался в брюхе змеи. Когда взорвался, старуха побежала к змее, увидела парня в брюхе змеи. Вытащила оттуда кости парня, закопала в землю. Схоронивши, старуха пошла домой. Дома еды не было. Тогда вечер настал, 15 старуха разожгла снаружи огонь. Легла у огня спать. Ночью старуха проснулась. На огонь посмотрела, за огнем подходит медведь, руку (лапу) свою показывая. Старуха боится приблизиться к нему. Старуха, приглядевшись хорошенько, увидела в руке занозу. Тогда старуха приблизилась к медведю. Тогда вытащила из руки занозу. Медведь вернулся, чтобы старуха побоялась спать. Сидевши, сидевши, 20 старуха заснула. На утро старуха, проснувшись, увидела—за костром звери лежат. Медведь дал за вытаскивание. Старуха стала жить тем мясом.

С. Букочар. Тунгир

27. Эвенки со змеей

Один эвенки, промышляя, услышал шум. На тот шум побежал, увидел трехголовая змея с медведем дерутся. Медведь, увидя эвенки, крикнул: „Мне помоги! за помощь я тебе зверей принесу поймавши“. Змея 5 кричит: „Я тебя через воду перенесу, покажу всякое“. Эвенки в уме рассуждал, рассуждал: „Помогу змее, „не видя в воде, увижу“. В уме рассудил, взял ружье, выстрелил в медведя. Змея сказала: „Садись верхом мне на спину, я тебя унесу в воду, покажу всякое“. Эвенки сел верхом на спину, змея

dəyiwrān əwənkīwə mīlā. Mū dōndun kulngi qān. Kuln, qūlāwī qənəwūksək, əwənkīwə būrān bəlētnelin damgarukka. Əwənkī gaksək, qənəhinən qūtkakīwi. Qə-
10 nədānā, ērukallān damgarukki. Niptān, niptān, damgarukīn əwki qīwrā.

Əwənkī, tukuhksək, nōddarān damgarukin mugdəkəcāndulā. Damgarukin, naksək mugdəkəcānma, qīwrān. Ōran ostol ələni bilga, arakī ələni. Əwənkī, arakī umıksək, damgarukki gāran sāmnan. Əwənkī sālān; dəpmūnmi, əwənkī nōddawki mugdəkəcāndulā. Tarigin ostol ōwki, arakī, bilga ələni. Əwənkī, sāmıksā, nān damgarukki
15 karmanduwi nāwki.

Qūlāwī əməksək, ulgucəniwki on bəlētçawki. Gorokōn bıksək, əwənkī lucamārān lucaldulā. Əmərān umūkən qūlā, lucadu icəwkəcillān damgarukin. Luca mēdərān damgarukka, tītārān, əwənkīwə ərəstə. Əwənkī qənəqəyinən qūlāwī. Qənəqənā, icərān qiktəlsə qūr qiktəmkurə. Umūkən qiktəmkurdu hularin qiktə, gedu koqnorin qiktə.
20 Əwənkī hularinma qiktəwə garan, dəpillən. Dildun əwənkīdu baldıra ijəl. Baldikūtta, ōn-kat əwki dəgdərā dilwi. Qənəyindəwī nəkəwki—tikiwki. Koqnorin qiktəmkurə mirkiyinən, gāran, koqnorinma qiktəwə, dəptān, araj ijəlin bururā. Əwənkī mēdərān, garan koqnorin qiktəwə, hularinma. Hularinma qiktəlsə təwləksək, hururān lucaldulā. Əmərān tar qūlā talaqarīklātun damgarukka, təpkəllən: „əkun qiktəjə gāqinān“. Luca
25 talaqarī damgarukka, dōldırān, qūnān omolgicānma „ganākəl umūkənə qiktəjə“. Omolgicān gāran umūkən qiktəwə hularinma, huruwrān lucalā. qiktəwə huruwrəqə-
kūnān lucalā, əwənkī nōdarān qiktəgilbi, tuxsəyinən qūtkakīwi.

Gorokokun bıksək, lucaldulā qənəyinən əwənkī. Əmərān lucaplāwī, lucəndun ijəl baldicā. Luca hanguktallan əwənkīwə: „Ajittāwī sənmi?“ Əwənkī gūnān: „səm!
30 mingi qūlāw hurugət, tādū ajitçat“. Lucawa murıqı huruwrə qūlān.

Əwənkī gūllān qūduwi: „minqiwə damgarukka būqinās, təlī ajçinās“. — „Būqināw! ajıwkal-nun minəwə“. Luca gōrbacınin gənnərān damgarukka. Damgarukka mürəktun əwənkī nımqəyinən. Nımqənəksək, koqnorin qiktəwə būrān lucadu, dəbdən. Luca dəptān koqnorin qiktəwə, araj ijəlin bururā. Luca hururān, əwənkī damgarukkinun biqəllān.

унесла эвенки в воду. Внутри воды дом змеи. Змея, придя домой, дала эвенки за помощь табакерку. Эвенки, взявши, пошел домой. Идя, посмотрел
10 на табакерку. Открывал, открывал, табакерка не открылась.

Эвенки, рассердившись, бросил табакерку о пенек. Табакерка, ударившись о пенек, открылась. Появился стол, полон еды, всякой водки. Эвенки, попивши водки, табакерку взял, закрыл. Эвенки узнал, захотевши есть, эвенки бросал к пеньку. От этого появлялся стол, водка, еда всякая. Эвенки, закрывши, клал
15 опять табакерку в карман.

Придя домой, рассказал (о том), как помогал. Долго ли прошло, эвенки пошел в гости к русским. Пришел в один дом, показал русскому табакерку. Русский рассмотрел табакерку, отнял, выгнавши эвенки. Эвенки пошел домой. Идя, увидал ягоды, два куста. На одном кусте красная ягода, на другом черная
20 ягода. Эвенки красную ягоду взял, съел. На голове у эвенки выросли рога. Сильно растут, никак нельзя поднять головы. Итти хочет—падает. К черной ягоде приполз, взял черную ягоду, съел, сразу рога отпали. Эвенки узнал, взял черную (и) красную (ягоду). Красные ягоды собравши, пошел к русским. Пришел в дом, (где) отобрали табакерку, закричал: „Кто ягоду возьмет?“
25 Русский, отнявший табакерку, услышал, послал парнишку: „Купи одну ягоду“. Парнишка взял одну красную ягоду, принес русскому. Снеся ягоду русскому, эвенки бросил ягоды свои, убежал домой.

Сколько-то прошло, к русскому отправился эвенки. Пришел к русскому, у русского рога выросли. Русский спросил эвенки: „Вылечить умеешь?“ Эвенки
30 сказал: „Умею! пойдем в мой дом, там вылечу“. Русского на лошадях привезли в дом его.

Эвенки дома сказал: „Дашь мою табакерку, тогда вылечу“. — „Дам! вылечи меня“. Работник русского принес табакерку. Над табакеркой эвенки зашаманил. Пошаманив, дал черную ягоду русскому, чтобы съел. Русский съел черную ягоду, рога сразу отпали. Русский ушел, эвенки стал жить с табакеркой.

В. Эдэн. Урми

28. Torokī mūky

Umnākēn mūky torokīnūn bakaldīran. Torokī surkan bicē kirakūcān, mūkyūnīn surkan bicē hēgdīqēmijē. Torokī mūkytkī gūnēn: „Sindū hēgdīqē surka ēkun qarn? Mindu hēgdīqē surka bīmī — aja. Bī mol tēkərwətin ūlēcim, tadukkar wəjələ, nimala minədəw. Sindū kira surka ləwūktəwə tənərīdus — aja“. Mūky gūnēn: „Gəl tar bihikin, 5 dūgətkət“. Torokīnūn mūky surkalbar dūgəcildirə.

В. Эдэн. Урми

29. Nəkə, soligā

Umnākēn nəkə soligawa bakaldica. Nəkənin iṇṇaktan sōma uhā bicē. Soliga iṇṇaktan sō aja bicē. Nəkənin soligatki gūncə: „Mit iṇṇaktawar, dūgətkət“. Soliga- 5 nin gūncə. „Bī ətəm dūgəttə“. Nəkənin gūncə: „Sī əhikis dūgəttə, niriṇə nōrcanā- gāt. — Sī minəwə garandārakis, bi iṇṇaktaw siṇarin oḍiṇān“.

Nəkənin soliga rənəwə nōrcanāmī. Nōrcadanal, nəkənin soligawa mūlṇə ga- randārān. Soliga iṇṇaktan siṇarin oḍan. Oṇoktokōndun soligadu ajargu iṇṇaktan 5 əmənṇurən. Nəkə iṇṇaktan sōma aja oḍan. Nəkə soligan iṇṇaktawān tītərən.

М И Ф Ы

М. Јолигир. Туру

30. Ōi

Nonon ilan dūndəl biṇkitin. Uḡilṇə biṇkin howokī, hēḡilṇə biṇkin akīnīn — hatana. Dulgudu dūndədu howokī hawalcān, hatana tuḡi hawalcān.

В. Эдын. Урми

28. Кабан, кабарга

Однажды кабарга с кабаном встретилась. Кабана клык маленький был, кабарги клык большущий был. Кабан кабарге сказал: „Тебе большой клык для чего? У меня большой клык был бы — хорошо. Я деревьев основания рою, 5 потом людей, собак режу. Тебе маленький клык мха (для) объеданию — хорошо“. Кабарга сказала: „Ну! так если есть, обменяемся!“ С кабаном кабарга клыками обменялась.

В. Эдын. Урми

29. Соболь, хорек

Однажды соболь с хорьком встретился. Соболя шерсть очень плохая была. Хорька шерсть очень хорошая была. Соболь хорьку сказал: „Мы шерстью об- 5 меняемся“. Хорек сказал: „Я не стану меняться“. Соболь сказал: „Ты не станешь меняться, к ручейку (минеральному) пойдем бороться. Ты меня если побо- решь, моя шерсть желтой станет“.

С соболем хорек пошли бороться. Борясь, соболь хорька в воду бро- сил. Хорька шерсть желтой стала. На носике у хорька хорошая (старая) шерсть осталась. Соболя шерсть очень хорошая стала. Соболь хорька шерсть 5 отобрал.

М. Йолигир. Туру

30. Ворон

Вначале три земли было. Вверху жил бог (ховоки), внизу жил старший брат его — сатана. На средней земле бог работал, сатана тоже работал.

Howokī ōran ciwkānmə, hatana ōran tuḡi, nuṇanṇācin, ukəḡmə. Howokī ōran ḡḡwə, hatana ōran kirəktəwə; howokī ōran ɕantakīwa, hatana ōran amākāciwa;
6 howokī ōran hulakīwa, hatana ōran ḡuskəwə.

Howokī upkattu ḡərbilwətin būrən. Upkat hatana ōwcāwān nuṇan əcən burə iləldu, ɕəptətin. Təduk howokī ōran bəjəwə, ahiwa. Nuṇanṇin bələmnī ōli bi cən. Tar ōli ətəjətcəcən ōnalwān. Howokī hanṇūktaran: „əɕara nuṇartun?“ — „Biɕərə, kuṇar-kār wə baldiɕara, kətə iləl ora. Bəjumətcərə nuṇartun, wəɕərə hulakilwa, ɕantakilwa“.
10 ōli ḡundəcən. Ōlidu əmərən hatana əjətcəcən: „Mindu būkəl ōnalwan, ərucktadāw; bi hindu ajamawa ɕəptiləwə būɕəm — hiḡɕəṇ nimdəwə būɕəm bi“. Ōli būrən, ɕəwrəkən, „Alapcu“, ḡūnən. Təduk howokī hanṇūktaran: „ōn iləl biɕərə?“ Ōli ḡūnən: „Bi nuṇarwatun hatanadu būm, ərucktadan“.

Howokī tukulcən ōliwə, ɕəwkənən nuṇanmān munupcəwə, kirəwə.

I. Lōpal. D. Kātəṇṇā

31. Idupk būkit əmərān

Šowokī ōrān hišəwə, tukalawa: „ōḡin manṇikākun ōmi“, ḡūnən. Olḡrān hišəwə, tukalawa oldoksodu olḡrān, ṇinakn tuḡicillan. Šowokī šururān, hawalnā-šṇan. Šatana əmərən, ḡūnən ṇinakāndu: „Ši ṇinakān ɕulākn bišinni, šowokī ōnalḡulwan mindu būkəl, ərucktadāw, bi sindu šṇə būɕəm“. ərucktallun šatana
5 ōmilwa, tumnirān.

Dolboltono šowokī əmərən, ṇinakn ḡullān: „Mindu šatana šṇə būcən“. Šowokī ḡullān: „Ši əwa būnnā šatanadu“ — „Bi ōmilwa, būm nuḡandun“. Šowokī hanṇūktaran: „Ši əkumal ōmilwa būnnā?“ — „Šiḡilwə ōnalwas“.

10 Šowokī sogollon. Šatana tumnindukin iləl būllə.

Бог сделал утку, сатана сделал тоже, подобно ему, гагару. Бог сделал лебедя, сатана сделал дятла; бог сделал росомаху, сатана сделал медведя; бог
5 сделал лисицу, сатана сделал волка.

Бог дал всем имена. Все, сделанное сатаной, он запретил (не дал) людям есть. Потом бог сделал мужчину (и) женщину. Его помощник был ворон. Этот ворон (караулил) охранял творения его. Бог спрашивал его: „Что делают они?“ — „Живут, детей рожают, много людей стало. Промышляют они, убивают лисиц,
10 росомах“, говорил ворон. К ворону пришел сатана, просил: „Мне дай творения его посмотреть, я тебе дам хорошую еду — содержимое желудка дам тебе“. Ворону дал. Съевши, сказал: „Вкусно“. Потом бог спросил: „Как люди живут?“ Ворон сказал: „Я дал их сатане посмотреть (чтобы он посмотрел)“.

Бог рассердился на ворона, заставил его есть гнилье (и) помет.

И. Лопаль. Ср. Катонга

31. Откуда смерть пришла

Бог (шовоки) делал (обрабатывал) камень (и) землю. „Пусть будет крепкая душа“, сказал. Положил камень (и) землю на доску, сушил, собака караулила. Бог ушел, работать пошел. Сатана пришел, сказал собаке: „Ты собака голая (есть), богом сделанные души дай мне посмотреть, я тебе кафтан дам“. По-
5 смотрел сатана на души (и) плюнул.

Вечером пришел бог, собака сказала: „Мне сатана кафтан дал“. Бог сказал: „Ты что дала сатане?“ — „Я души дала ему“. Бог спросил: „Ты какие души дала?“ — „Твое творение“.

Бог заплакал, от плевка сатаны люди стали умирать.

32. Dūr nəkūnəhəl

Utələ (bilir) dūr nəkūnəhəl bicəl, dūnnə ələkəs əwɔdərəkīn. Tar nəkūnəhəl əwkił ajaməttə bicəl.

Akīndiyu ərɔmākicina ɔɔawki bicə, kuhkərbə. Nəkūndiyu ɔɔacə bəjəlbə. Akīndiyu hərgudū buɔadu buɔatəlcə, nəkūndiyu uɔudū buɔadu buɔatəlcə.

⁵ Nəkūndiyu ɔɔnakicī bicə, ɔɔnakīn tətəkəjə ācin bicə. Nuɔan bəjəlbə ɔcə ijeməl iləcīlbə. Tar ɔnalbī bəjəɔilbī ampārduwī, kulustāksə, nəcə. Huɔtūlbə ɔnalduławī hūɔhīlɔənə, ɔɔnakīnduwī kuluswī būcə. Kuluswī būɔənə ɔɔnakīnduwī gūcə: „Akīnnī əmərəkīn, ampārwer ənnə nīrə, ɔn-da gūnəkīn, ənnə nīrə“.

¹⁰ ɔɔnakīn ɔɔduwī ampārwi ətəjəɔəlcə. ɔɔduwī biɔərəkīn, ɔɔnakīndulā akīnīn əməcə. ɔɔnakīnduk hanɔuktəlcə: „Nəkūnnī ilā hūɔrəcən? okīn əməɔəɔən? ekura ɔcən?“ ɔɔnakīn gūcə: „Uɔiskī hūɔrəcən, okīn-ka əməɔən, ekura-ka ɔrka, əcəw sərə“. Akīnīn ɔɔnakīnma gūlcə: „Amrārwi nīkəl“. ɔɔnakīn gūncə: „Əɔnəm nīrə, ətəm nīrə“. Akīnīn gūlcə ɔɔnakīndulā: „Ampārwi nīrəkīs, tətəkəjəs būɔəɔəw, tigɔadū əhiɔəs sulapta, həkudū əhiɔəs həkūɔnərə, iɔīndū əhiɔəs hīktərəwrə, tətəkəjəs būɔəɔəw“. Tikā gūnəkīn, ɔɔnakīn ampārwi nīcə. Nəkūnnī ɔnalbān bəjəɔilbān huwtiwəc; tar huwtīrəkīn, bəjəl buɔlālcəl. ɔɔnakīndu ıgaktalan ɔcə. Tikā nəkəksə akīnīn hūɔrəcə.

¹⁵ Tar cukacālan ɔalləwə-wəl bīksə, nəkūnnīn əməlcə ɔulāwī. ɔulāwī issana, icəcə ıgaktacī ɔcəwə ɔɔnakīnnī. ɔɔnakīndukki hanɔuktəlcə: „ekunduk tətəkəjəwī gānnī?“ ɔɔnakīn gūlcə: „Akīnnī əməksə, būrən“. — „ədaka nīnnī ampārwar?“ — Tətəkəjəs būɔəɔəw gūnnəkīn, nīcəw“. Nəkūnnīn ampārław icə, bəjəɔilīn həltīn būticəl, həltīn ıɔɔəcəl. Tar ıɔɔərītkułə huwtihicə „Səksəcīl ɔkallu“, gūnən. Tar bəjəɔilīn awɔarəcəl, səksəcīl ɔcəl. „ɔɔnakīnnī“, gūcə nəkūn: „bəjəl amərīlduktīn wodoktoɔowki ɔkal, bəjənnūn, wārəkīn, bultagəjə ɔəpīnəkəl“.

И. Букоchar. Олекма

32. Два брата

Давно два брата были, земля тогда только что сделалась. Те братья друг друга не любили.

Старший очень худое делал — насекомых. Младший делал людей. Старший на нижней земле жил, младший на верхней жил.

⁵ У младшего была собака, собака была без одежды. Он (младший) делал людей костяных с мясом. Тех сделанных людей, закрывши на ключ, в амбаре положил. К другим творениям собираясь уходить, собаке отдал ключ. Ключ отдавая собаке, сказал: „Старший когда (если) придет, амбар не открывай, как бы ни говорил, не открывай“. Собака дома амбар охраняла. Когда она ¹⁰ была дома, к собаке пришел старший. У собаки спросил: „Младший куда ушел? когда придет? что сделал?“ Собака сказала: „Вверх ушел, когда придет, что сделал, не знаю“. Старший собаке сказал: „Амбар открой“. Собака сказала: „Не открою, не стану открывать“. Старший сказал собаке: „Амбар если откроешь, одежду дам, на дожде не промокнешь, в жару не нагреешься, в холоде не замрзнешь, одежду дам“. Так когда сказал, собака амбар открыла. На сотворенных младшим людей подул; после того как подул, люди стали болеть. Собака с шерстью стала. Так сделавши, старший (брат) ушел.

¹⁵ После этой порчи, десятидневка прошла, младший пришел домой. Домой доходя, увидел с шерстью ставшую собаку. У собаки спросил: „Откуда одежду взяла?“ Собака сказала: „Старший, придя, дал“. — „Зачем открыла амбар?“ — „Одежду дам, когда сказал, открыла“. Младший в амбар вошел, люди его часть болеют, часть живут. На тех живущих дуя, „Кровяными станьте“, сказал. Те люди поправились, с кровью стали. „Собака“, сказал младший: „За людьми ходящей стань, вместе с человеком, когда убьет (он), добычу от охоты ешь“.

33. Hinuki

Nonon hinuki hagdikəkun bicən. Howokī ələren nuğandukin. Howokī vəjəwə, Əna, ƣalıdırən, tarıgı vürirən dündədu. Bürirəkīn akīnīn — hatana bulkuran ilksaldı Ənaldun. Hatana ƣünən: „Tumıcıl, ilksacıł öktin, ərıt buşşənəl öktin“. Howokī tikuldan, hinukīwə börticən ıldəwən. „Duğnakıdu buđəm ıldədukis, həlakıdu buđəm, ƣəlıdu buđəm, horokıdu buđəm, huwıldu olloldu buđəm mändu hujukükən ödəj; minə ələwkənīn-də, vəjəl əwkil buđdə bımıcıl, əcəl vürürə bımı“. Əhī iləl buwki ödə.

A. Kambagir. Dəkənnə

34. Hinukicən

Nonon hinukicən həgdımə bicən, mötiduk həgdımər bicən. Umnə əksəri nənə-ƣəcə. Tar əksəriwə ələwkəcə hinukicən. Əksəriwə ələwkənəkīn, ılləwən hinukicən həƣnacə; əksəri həlğəran ıllədukin. Nuğan börticpkonən upkattun indərıdu hinukicən ılləwən. Əhikəkən tarıtpar hinukicən hujukükən öcən.

A. Kambagir. Dəkənnə

35. Horokī

Nonon horokī ƣərbin əcın bicən. Umnə horokī, tāduk ıptulgucən binəl, huwərə əksərił, upkildimətnəhina. İsta əksəriwə, upkildiməcıl; horokī ƣıllən: „İptulgucən minə ƣawawki“. Ƣıccə ıptulgucən: „Bi əlahə-də əcın bihim ƣawawrə horokıwa, horokı ƣawawki ƣəkcən horokı“. Horokī həmamat həlğərən, hiplğəndulə, uwgaknan, vırcə, Əhikəkən tarıt hiplğəndu uwƣucawki öcə. Əksəri ƣıccə: „Aktınmat horokı“. Tarıtpar ƣərbin horokı öcə.

33. Рябчик

Вначале рябчик большой был. Бога испугал он (бог испугался от него). Бог, человека делая, держал, тот упал на землю. Когда упал, старший брат-сатана плюнул слюною на творение его. Сатана сказал: „Пусть будут со слюною, с соплями, от этого болящими пусть будут“. Бог рассердился на рябчика, разделил мясо (его). „Собаке дам от твоего мяса, куропатке дам, таймену дам, тетереву дам, всем рыбам дам, самому чтобы немного осталось; меня бы не испугал бы, люди бы не умирали, не упали бы“. Теперь люди смертными стали.

A. Камбагир. Нгоконно

34. Рябчик

Вначаче рябчик большой был, лося больше был. Однажды шел бог. Бога испугал рябчик. После того, как заставил испугаться, (бог) мясо рябчика рассек, бог отбавил от мяса его. Он поделил всем живущим мясо рябчика. Поэтому сейчас рябчик маленький стал.

A. Камбагир. Нгоконно.

35. Тетерев

Вначале у тетерева не было имени. Однажды тетерев, потом сова будучи, пошли к богу, жалуясь друг на друга. Дошли до бога, стали жаловаться друг на друга; тетерев сказал: „Сова меня хватает“. Сказала сова: „Я никогда не хватала тетерева, тетерева хватает тетерев-ястреб“. Тетерев сильно устыдился, в снег упал, под снегом насквозь. Поэтому теперь под снегом лазающим стал. Бог сказал: „Дикий тетерев“. От этого имя (его) тетерев стало.

36. On ʏmʏkən vəjə vər kət cən

Umükən bəjə biddəcən hütəlünmü. Nuğan tülətcəwki sicə bərkərbə, munnu-
kərsə dəmnə tuxəwki. Umnə dolbotono tüləcən bərkənmə munnukən uđarandun.
Tımatnə icənəhicən tarıy. Dənəđərən ǵaldujı gundəǵa: „Taǵanan-mu? ənǵan-mu?“
İhıldana. İcərən bərkənin tıləcə.

Təli tar bəjə vurunən. Bərkəndulə istan, icərən munnukəngin həgədənə huruçə. Tarigū ūdāhinən; ūdādacān, ūdādacān, icərən munnukəngin ugdussan həkta hərgidəlin. Tar bəjə ugdūhinən ūdālin munnukān. Nuḡan haḡārdulə əwrən. Əwrən bəjə, hərəwən əcə ista, hururən caski. Dənədənə icərən hoktoronmo. „icənəkta, ekur iltin“, ḡunə, hururən. Dənədənə icərən balagawa; irən dōyidalān, tādū biḡərə iləl. Hanḡuktaran nūḡan: „on biḡəs?“ Nugartin ḡūnə: „ət toyo hiḡkəriḡərən?“ Tar bəjə ḡəwrən hanḡuktaran, tarigiltin ḡunə: „ət toyo hiḡkəriḡə ḡdan?“ Tar bəjə ostolduktin ūlləsə ḡānə, ḡəwrən. Tarigilin ḡūllə: „ēda ūlləl manabḡərə“. Tūk kəḡərəkting, dolboron. Əməḡəwki bəjə umukənnun ilənən əhullen, tarigūn ḡrellan. ḡalin təḡərə ḡūnə: „Hu-cuḡullən, hamānə ərikəllə“. Təli dolbo əcəl ərə. Təyemiktədin əməwərə hamānmə, tarigitin həwəncəḡərən, əwa-da əcə icərə. Ərirə həḡdəmərwe hamānmə, tarigitin tūk-sə əcə icərə. Uḡəḡəwkiḡitin mohorən. Hiwran hamālārən həḡdəməməwə hamānmə. Tarigitin, iḡəksə ənə, icərən iləwə. Hamān ḡūnən: „Ər biḡərən“. Hamān tar bəjə hanḡuktaran: „iḡuk əməcəs?“ Tar bəjə ḡūnən: „Bi əməcəw qiyit, munnukənmə ūḡana. Tūmətnə icənəcəw bərkənni, tarigiw tilpəcə biḡən. Munnukān, həgədənə, huruçə biḡən. Bi ūḡassāw nūḡanmān. Tarigūn ugdūhinən həkta hərgidəlin, bi təli ugdussāw; əḡḡəcəw, əḡḡəcəw iḡim ūḡakittulā. Tūk kənə, əməcəw əlā“. Hamān bəjəwə ūlirən, uḡnən amaskin. Tar bəjə mucurən amaskiḡ, tāduk ḡaldūḡ ūḡucənən, on ḡirkunajū hərgiski.

И. Увочан. Ербогочон

36. Как один мужчина настораживал самострел

Один мужчина жил с сыновьями. Он настораживал самострелы, зайцев для пищи на зиму (запасал). Однажды вечером настораживал самострел на заячьей тропинке. Утром пошел посмотреть его. Идет, в уме говоря: „Попал ли, нет ли?“ Доходя, увидел спущенный самострел. Тогда тот мужчина обрадовался. До самострела дошел, увидел, (что) заяц ушел, истекая кровью. Тот по следу пошел; шел, шел, увидел, (что) заяц влез под тальник. Тот мужчина влез по следу зайца. По отверстию спустился. Спустился мужчина, до дна не дошел, пошел дальше. Идя, увидел тропинку. „Пойду-ка посмотрю, что (в чем) дело“. Сказавши, пошел. Идя, увидел балаган, вошел внутрь, там живут люди. Он спросил: „Как живете?“ Они сказали: „Зачем огонь щелкает?“ Тот мужчина опять спросил, те сказали: „Зачем огонь щелкает?“ Тот мужчина, со стола мясо беря, съел. Те сказали: „Почему мясо кончается?“ Так когда продолжалось, ночь настала. Пришедший мужчина стал ложиться спать с одним человеком, тот закричал. Товарищи встали, говоря: „(В бок) кольнуло, позовите шамана“. — Ту ночь не спали. На утро привели шамана, тот шаманил, ничего не видно. Позвали большого шамана, тот также ничего не увидел. Большой расхворался. В третий раз привели самого большого шамана. Тот, еще не войдя, увидел человека. Шаман сказал: „Вот он“. Шаман спросил того мужчину: „Откуда пришел“. Тот мужчина сказал: „Я пришел сверху, преследуя зайца. Утром смотрел самострел, тот спущен был. Заяц окровавленный ушел. Я пошел по следу его. Тот влез под тальник, я туда влез, спускался, спускался, дошел до тропы. Так пришел сюда“. Шаман накормил мужчину, отправил обратно. Тот мужчина вернулся обратно, потом родственным рассказывал о походе своем в нижнюю тайгу.

37. On ʔmukēn bəjə dʔndʔa hərgulə şurucān

Umukēn bəjə indəcən. Şururān hʔtəwī, kuculərən; əñin gūnən: „İlə? əkəl-də hawalđıra, doləoltonotcə“. Nuğan əşin dölcatşə əñinmi, şururān. Şururān, şururān, kuculərən gorolə. Tʔk-də haktıra iwrān. İşşan cogiwə, işşə cogiwə, hʔrrān. Hʔrrān, hərgiskī buruşnan. Buruşnan, şəwa gorowo buruđırān bəjə.

⁵ İşşan dʔndʔawə, bururān hoktokittu. Hoktokittuli şururān, əructadəna oror ʔdaltin, bəjəl ʔdaltin. İcərən bəjəlwə, tojuş doldırən tawicariwatın bəjəlɬə: tak-tuk, tak-tuk. ʔənərən tar bəjəltiki. Oron hawalđaran ijadutin. İscākın, oron buđdān. İşşan ijawatın, bəjəl hanğuktaldʔa nuğanmān: „İdʔk əməndʔi?“ — „Bikəjəm kojəw“, tādʔk şururān dʔyildulātın. Dʔwatın işşakın-nun, aşı buđdān. Tar bəjəl guldʔə: „əkun
¹⁰ targācin əmərən, şamāntukī əñkəcildʔə“. Şamān nuğanmān hanğuktaldʔan: „əduşk əməndʔi?“ Nuğan gūnən: „bi kojəw“. Şamānmə ipkərə, jajadān. Şamān jajaldʔan, jajarān, jajarān, gūnən bəjətki: „Şi ʔyigic əməcəş“. Təli nuğan, dōnan, gūnən: „Ələtpi, bi ʔyigic buruşəw, minə aməşki tikəl dʔlāwi“.

Ələtin bəjəl hanğəkəcildʔə şamāntukī: „Ən-mal dəkıpkəkəl nuğanmān aməşki“. ¹⁵ Şamān jajarān, jajarān ʔdajān bəjə. Ətəmi jajadāmi ʔnəcildʔən, şurudən dʔlāwi. Bəjə gūnən: „Ən işşam dʔwi? minji dʔw ʔyilə“. Dəhlidırān, dəhlidırān bəjə, şururān. Şamān gūnən: „Əli şurudəndʔi ər oktokittuli“. Bəjə dəhlidırān daldʔwi: „Ən-ka işcam dʔwi? İləm-mət əgiw əda“. Şururān oktokittuli, şamān gūnnəlin. Şururān, şururān icərən tuktıwunma, tuktıwun bəjərən ʔyiskī. Tuktışnan tuktıwundulə; tukturān, ²⁰ tukturān şəma gorowo. İşşan əjəđəkpī, hʔdəktıwī, tādʔu iwəñkiwə gəđan şururān dʔlāwi.

Ш. Кима. Чиромбу

37. Как один мужчина ходил на нижнюю землю

Жил один мужчина. Пошел за гнилушками сыну, мать сказала: „Куда? не ходи ночью“. Он не послушал мать, ушел. Шел, шел за гнилушками далеко. Темнота спустилась. Дошел до болота, вошел (когда) на болото, нырнул. Нырнул, вниз упал. Полетел, очень долго падал мужчина.

⁵ Достиг земли, упал на тропу. По тропе пошел, рассматривая следы оленей, следы людей. Увидел людей, звук кованья кузнецов услышал: Так-тук! так-тук! Пошел к людям. Олень ходит по кузнице. Когда он дошел, олень умер. Дошел до кузницы, люди спросили его: „Откуда пришел?“ — „Я заблудился“, потом ушел к юртам их. Когда он дошел до юрт, умерла женщина. Те люди ¹⁰ стали говорить: „Какой-такой пришел, спросите у шамана“. Шаман спросил его: „Откуда пришел?“ Он сказал: „Я заблудился“. Шамана заставили шаманить. Шаман начал шаманить, шаманил, шаманил, сказал мужчине: „Ты сверху пришел“. Тогда он вспомнил: „Верно, я сверху упал, отпусти меня обратно домой“.

Все люди стали просить шамана: „Как-нибудь отправь его обратно“. Ша- ¹⁵ ман шаманил, шаманил на (след) человека. Кончивши шаманить, стал отправлять, чтобы ушел (он) домой. Мужчина сказал: „Как дойду до дома? мой дом вверх“. Подумал, подумал мужчина, ушел. Шаман сказал: „Вот по этой дорожке пойдешь“. Мужчина подумал: „Как дойду до дома? без помощи не сделаю (пройду). Пошел по дороге, указанной шаманом. Шел, шел, увидел лестницу, лестница стоит вверх. Полез по лестнице; лез, лез очень ²⁰ долго. Дошел до места, где провалился, где нырнул, там пешню взял, ушел домой

38. Carcikan

Bicēn umūkēn ilə, gərsin Carcikan. qoromocōn nuḡan hitāndūk dəgiwki Kiḡittuk hūtəlbēn. Tar hūrwṛən nuḡanmān qūlawi. ihwṛən qūlawi. ilan hūtəlin. Nuḡan hūtəlbēn ətəjətcəwki. Hūtəlin əwiwqntəwki Carcikanḡi. qūṛə, ilana anḡanila birkə. Tūk kəqəṇə Kiḡit dōkicān bihin, tālā təgətcəṇə, Kiḡit hoḡoḡowki. „Eda hoḡo-
 5 qonṇā?“ hanḡuktaran bəjə. Kiḡit ḡūṇən: „ət ajdāwi hanḡuktaqanṇi minə, ḡinakun omolgīn hi“. Gorowo hanḡuktawki nuḡan, darullan, hanḡuktaḡarākin əṛ dəgiwki. „Təgami turgakakin qūwa agdi hēḡmacin“, Kiḡit ḡūṇən: „Hūtəlwən wāmməcin“ — „Bi ajmčāw hūtəlbēn, əmcə wərə“, bəjə ḡūṇən, hūrkəjīm əhilə. Təgami ɔllan, bəjə hilə hūtəlbēn olḡohinən hitāndūlā dūnnələ gorokōndulā. Issan dūlwan hūtəlbēn.
 10 Nuḡartin albaḡaḡnərə Carcikanmə olḡotcomi.

Ihikajīm, agdikākun əməḡərən. Qənəḡəṇə əhilə agdi ʊṛə upkatpān kapuran, hūtəlin bṛdə amakākun, da arūṛə ḡāṇə. Biḡəḡnərə ətəcə.ən, əməṛən Kiḡitin, hoḡo-
 qono, ḡələktəwki hūtəlbə. Bakaran nuḡan hūtəlbə, ʊṛənən. Hūrwṛən əhilə hūtəlbə,
 15 ilin əwiwki hūrwṛən, qūwi takustan. Hanḡuktaran Kiḡit bəjəduk: „Hūtəlbə ajḡolin, hūṛḡūḡilinni əhilə ilə dūnnələ?“ Carcikan ḡūṇən: „Minə ḡənəwkəl ʊṛiskī, ḡaḡḡa haḡārdulān“. — „Həḡdiwə kəhāwə ḡənəwkīt“, ḡūṇən Kiḡit.

Kiḡit hūrwṛən qūrwə bəjṛ irkihəl, ḡūṇən: „Əjəttəkiw amḡaliw diḡnəkəl“. Əhilə dəḡilcən, Carcikanmə hūrwṛən. Qənəḡəṇə, həṛəḡəṇə, dəḡḡəwki ʊṛiskī. Diḡil-
 20 ləwə ḡənəṛə, icəwullən ḡaḡḡa haḡāḡḡ. Kiḡit ḡūṇən: „Əḡnəkəl ʊḡucəṇə, ni-wəl ba-
 kamī, Kiḡit əməṛcən“.

Bəjəwə tinən, bəjə hūrwṛən. Dūnnəkəkun, ajakəkun, cəkaci, ilə tiḡa ācin, ekunda ācin. Biḡəḡnərən, ḡirkuḡaḡnaran. Tāduk icəṛən qā biḡərən, qūlā hūrwṛən istan. Ahī biḡərən, aḡərən; ahikākun, ajamama ʊḡiḡiṛən.

38. Чарчикан

Был один человек (эвенки), по имени Чарчикан. Украл он от глупой птицы Кингит сыновей. Та унесла его домой. Довела до дому. Трое сыновей. Он детей караулил. Дети играли с Чарчиканом (с его волосами). Два, три года прошло. Так шло, Кингит села (спустилась), сидя там, Кингит плачет. „Почему плачешь?“
 5 спросил мужчина. Кингит сказала: „Чем успокоить (вместо того, чтобы), спрашиваешь меня, собачий сын ты“. Долго он спрашивал; надоело, (когда) спрашивал птицу. „Завтра в полдень гром, по всей вероятности, дом свернет“, Кингит сказала: „Сыновей наверное убьет“. — „Я спрятал (спас) бы детей, чтобы не убило“, мужчина сказал, уйдя тогда. Утро настало, мужчина сыновей ее
 10 повел в глухую землю, далеко. Дошел (довел) головы сыновей ее. Они не могут теребить (голову) Чарчикана (играть волосами).

Когда дошел, гром (гроза) сильный подходит. Идя, гром теперь всю гору разбил, дети быстро умерли, да ожили вновь. После окончания (громы) живут, пришла Кингит, плача, ищет своих детей. Нашла она детей, обрадовалась. Унесла тогда детей, игру, (в которую) играли, унесла, дом починила. Спросила Кингит
 15 человека: „За спасение детей хочешь отправиться теперь в какую землю?“ Чарчикан сказал: „Унеси меня вверх, в отверстие неба“. — „Большое мучение путь (этот)“, сказала Кингит.

Кингит унесла двух зверей с ободранными рогами, сказала: „Когда спрошу, в рот мой засунь“. Теперь полетела, унесла Чарчикана. Идя, планируя, летит вверх. Четверо суток шли, показалось отверстие неба. Кингит сказала: „Не
 20 смей рассказывать, встретивши кого-нибудь, (что) Кингит принесла“.

Мужчину отпустила, мужчина пошел. Земля большая, хорошая, травянистая, следа человека нет, ничего нет. Живет, ходит. Потом увидел, дом стоит, к дому пошел, дошел. Женщина живет, спит; хорошая женщина, красивая, вышивает.

Hangūktaran nuḡan, ahi aḡnārən dōldıra. „ēwa togo hiḡkārən?“ ḡūnən ahi, 25 bəjəwə əwki icərə. Ilallawa, digilləwə bəjə biḡəcən, ḡəptilə ḡəpiḡnərən. „əkundī ḡəptilə manawuḡnārən?“ ḡūnən ahi. Tuḡ biḡəcən, əsmulcā nuḡannun. Dolbo əhilə oḡolōn tūktirən ahīmācillan ahīwa. Hiragullan, mokocillan bəjə ahīwa. Təli mədərən, icərən ahi bəjəwə. „əkun əməpcən hinə? Kḡḡit əməwrən?“ — „Bi mənəkən əməcəw“. — „Əhilə minə ḡələmdu nənne. Hi əhilə ətənnə ədu biḡəmi, tukałaja ācin. Tukałakanə 30 dunnətki ḡəlnəkəl“, ahi ḡūnən. Bəjə ḡūnən: „Bi-kə ōn ḡənnəḡəm?“ Ahi munma ahākiḡwə būrən, bəjə ḡənnəḡhinən. Ahi ḡūnən: „niḡə-wəl bakaḡuḡas, ōn-da ḡūnḡərək-tin, əkəl dōlcatta, hokōskal, əməskəl amaskī, murinmi əməvḡən“.

Nuḡanmān həkərən murindu. Murin būrurən hapārdul. ḡənəḡəḡnərə dunnələ. İsta dunnədu. Būrurən uḡakittu. Atırkākakun tolgokīn kḡmtəpcə, aḡicḡcamī albaḡaran. 35 Būrurən Carcīkən tolgokī daḡın. Atırkən, nuḡanmān icəkəḡim, ḡūnən: „aḡipkal, bələ-kəl tolgokīwo təwəkəkəl“. Bəjə lukcamaran murindukki ḡhiḡi mənḡi luktan, aḡicillan tolgokīwə, bələllən atırkākakundu. Atırkən ḡələdukin Carcīkənme ḡawaran. „Bi, ḡū-nim: ilanma anḡanīl hokorcə bihin. Būkit ḡawaran nuḡanmān. İlandu anḡanil untalə, tolgokīwān hənkiḡə“. Carcīkən icəttən, murin ḡəḡillən huskī. Murin isḡālən, hənḡəwə 40 dōlcacawki: „Minə ḡələmdu nənne, hinə ḡuncəw: əḡnənnə dōlcatta, əcəs dōldıra minə“.

W. Uwocan. Ногвоко

39. Umḡkən bəjə ḡḡilə dunnələ tūkticən

Umḡkən bəjə biḡəcən ḡūduḡi, nuḡanḡın ḡərbin biḡən ḡidələ. ḡidələ biḡən baḡi-kākun. Biḡərīn dunnədu nīdə ācin biḡən targācin baḡ. ḡidələ bələcən biḡəmi dulugdu dunnədu, nuḡan bimḡlcən ḡḡudu dunnədu. Tımātne unə təḡərən, hūrurən ḡələktə-nəḡinən dəḡiwkiwə. Dolbołtono əmərən ḡidələ ḡūłaji, dəḡiwkiwə əməwrən. Dəḡi- 5 wki ḡūnən: „Hi hapāskal ilana anḡanīl ḡəpkītḡəji, tətkitḡəji, mḡḡḡəji mōḡəji“.

Спросил он, женщина не слышит. „С чего огонь щелкнул?“ сказала жен- 25 щина; не видит мужчины. Три, четыре дня мужчина жил, еду ел. „Каким обра-зом еда кончается?“ сказала женщина. Так жил (живя), захотел спать с нею. Ночью тогда забрался к ней, начал совершать coitus с женщиною. Гулял, совокуплялся мужчина с женщиною. Тогда поняла, увидала женщина мужчину. „Что тебя принесло? Кингит принесла?“ — „Я сам пришел“. — „Теперь меня в запрет ввел. Ты теперь не станешь здесь жить, земли нет. Немножко земли (глины) 30 с земли принеси“, сказала женщина. Мужчина сказал: „Я-то как принесу?“ Женщина дала коня с крыльями, мужчина отправился. Женщина сказала: „Кого бы (ты ни) встретил, что бы ни говорили, не слушай, поторопись, приходи обратно, конь принесет“.

Привязала его к коню. Конь упал в отверстие. Идут к земле. Дошли до земли. Упал на тропу. Старушка санки опрокинула, поправить не может. Упал 35 Чарчикан вблизи санок. Старуха, увидя его, сказала: „Почини, помоги, санки поставь“. Мужчина отвязался от коня, повод свой снял, стал чинить санки, помог старушке. Старуха схватила Чарчикана за руку. „Я говорила: три года был потерян. Смерть его взяла. На третьем году унты, санки сносила“. Чар-чикан посмотрел, конь улетел вверх. Когда конь дошел, слово услышал: „Меня 40 в грех ввел, тебе говорила: не слушай, не послушался меня“.

В. Увочан. Ербогочен

39. Один мужчина на верхнюю землю лазил

Один мужчина жил в доме своем, его имя было Гидало (стрекоза). Гидало был богатый. На той земле, где он жил, никто не был таким богатым. Гидале надоело (устал) жить на средней земле, он захотел жить на верхней земле. Утром рано встал, пошел искать птицу. Вечером пришел Гидало домой, привел птицу. Птица сказала: „Ты запаси на три года еды, одежды, воды, дров“.

Gidälä ärirän upkatpa bəjələ, gūnən: „Hu ökallu dəyiwki ojudun balagaja“. Tarif bəjel öra dəyiwki ojudun balagawa. Upkatpa hürümšöcäləñ nöttə balagadu. Gidälä irən balagalaji. Dəyiwkinin dəyillən.

Gidälä gorowo dəyildəren. Alballan biđəmi Gidälä. ımukəndu ırganıdu dəyiwki illən, gūnən: „ihip!“ Illa. Gidälä ırənən, jəmšöcirən tuliski, icəhignəren mürəlinin, ni-də äcin, ələ tuktıwun ıltcarən ırışki. Dəyiwki gūnən: „Tawar tuktıundulı tuktıskal ırışki“. Bəje tuktınnan tuktıwundulı. Gorowo tuktıran hıjıkykəndulı hağardıh.

Tarını hakırəpcukəyin, ımınət gərillən ırışki. Gidälä ırənən „ihim“ gūnnə; tuktıkojim, icəhignəren mürəlinin, icəren dıwa hağnadarıwa. Tar bəje dıtki hürürən, dıwa istan, irən, icəttən ımukən ahı, ımukən bəje, ımukən hunät biđıra. Gidälä hangıktarılan, nuğartın gūnəwkil: „Toyo hiğkəren“. Gidälä tımardıuk əcə dəwre, dəmüllən. Nuğan icəren cəğaldı ılləl biđərə, nuğan əjəttən ılləje dəwdəji. Nuğartın gūnə: „Toyo hiğkəren“. Gidälä gədan ıllələ dəpilindis, dəwren, ajiwrən, daldıji gūnən: „Nuğartın minə əwkil icərə“. Nuğan mənəkətmüllən, hıçhınən əwnilə hunətpə. Hunät puğallən. Aminin hamaləhinən hamənmə. Hamən əməren həwəncilən, əja-da əcə icərə. Mıhəren ıhədəwkiğitin, aminin gəwren hamaləhunən həğdiməməwə hamənmə. Hamənmə əməwren orordu. Hamən irən dıla, icəren bəjəwə dıdu təğətəriwə, gūnən: „ər biđiren ıhəwkəndəwki“. Dolboltono ödan, həwəncəkiçin ipkəcilə, həwəncədən hamənmə. Əcə həwəncə hamən gūnən: „əwa həyən-cəğər icəwdəriwə?“ Hamən hangıktallan Gidäləwə: „iduk əməcə?“ Tar gūnən: „Bi əməcəw dılyıduk dınnəduk“. Hamən gūnən: „Hi hırykəl dınnəpdıləwi“. — „Bi om-mom ihı-də əməneji“. — „Bi gənəwqəm“, gūnən hamən.

Hıryrə dıktə. İsta hağardıla, hamən gūnən: „Hi hağardılı hırykəken. Gidälə hıryrən, istan dəyiwkilə, irən balagalaji, gūnən dəgiwkik: „Dəyiwkəl dıtkıw“. Dəyiwki dəyillən, gorowı dəkkənim, istan dıla. Dəgiwki gūnən „ihip“. Gidälə jıren balagadukki, hıryrən dılaji. dılaji istan, dahn biđıra. daldıwı ılgıcəllən on gırkunaji ırılə dınnələ.

Гидало позвал всех мужчин, сказал: „Вы сделайте на птице балаган“. Те мужчины построили на птице балаган. Все, (что) предполагал увести, положили в балаган. Гидало вошел в балаган. Птица полетела.

Гидало долго летел, устал жить Гидало. В один день (однажды) остано- вилась птица, сказала: „Дошли“. Остановились. Гидало обрадовался, быстро выскочил наружу, огляделся вокруг, никого нет, только лестница стоит вверх. Птица сказала: „По этой лестнице лезь вверх“. Мужчина полез по лестнице. Долго лез до маленькой дыры.

Там темнота, вдруг засветилось вверх. Гидало обрадовался, „дошел“, говоря; влезши, оглянулся вокруг, увидел дымящуюся юрту. Мужчина к юрте пошел, до юрты дошел, вошел, увидел — одна женщина, один мужчина, одна девушка живут. На вопрос Гидало они сказали: „Огонь шелкнул“. Гидало с утра ничего не ел, есть захотел. Он увидел — на месте (для хранения посуды) мясо лежит, он спросил поесть мяса. Они сказали: „Огонь шелкнул“. Гидало взял мясо, до отвала наелся, в уме говоря: „Они меня не видят“. Он захотел побаловаться, ткнул под пазуху девушку. Девушка сошла с ума. Отец ее пошел за шаманом. Пришел шаман, стал шаманить, ничего не увидел. Расхворалась больная, отец вторично отправился за большим шаманом. Шамана привез на олене. Шаман вошел в юрту, увидел мужчину, сидящего в юрте, сказал: „Вот причина болезни“. Настал вечер, время камлания, заставили шамана шаманить. Не шаманил шаман, сказал: „К чему шаманить на то, что видно“. Шаман спросил Гидало: „Откуда пришел?“ Тот сказал: „Я пришел со средней земли“. Шаман сказал: „(Ты) уходи на свою землю“. — „Я забыл, где шел“. — „Я уведу“, сказал шаман.

Ушли вместе. Дошли до отверстия, шаман сказал: „Вот в отверстии маленький проход“. Гидало ушел, дошел до птицы, вошел в балаган, сказал птице: „Лети (унеси) домой“. Птица полетела, долго летевши, достигла дома. Птица сказала: „Пришли“. Гидало вышел из балагана, ушел домой. Дошел до дома, родня живет. Родне рассказал о своем походе на верхнюю землю.

40. Hēladan

Ētirikān indārān, tunpa ašāl hūrilin: ēpkalkā, ēpkalkāduk bišin, Dūlugū, Ācin gərbija, taduk Nikāki. Ētirikān gūnān: „ēpkalkā mūlāskəl!“ — „Ētām, ōdam“ — „ēpkalkāduk bišin, mūlāskəl!“ — „Ētām, ōdam“ — „Dūlugū, mūlāskəl!“ — „Ētām, ōdam“ — „Ācin gərbis, mūlāskəl!“ — „Ētām ōdam“ — „Nikāki, mūlāskəl!“ — „Ētām, ōdam“.

5 Ētirikān mēnākān šururān dūkətki, umnārān. Umildārān, gurgaktaldukpi hēlbōran. „dūkə, tīkəl, ēpkalkāwī būdam“. dūkə kaŋkiwrān. „dūkə tīkəl, ēpkalkāduk bišiwə būdam“. dūkə təlki kaŋkiwrān. „dūkə tīkəl, Dūluguwī būdam“. dūkə təlki kaŋkiwrān. — dūkə tīkəl, ācinmə gərbija būdam“. dūkə təlki kaŋkiwrān. „dūkə tīkəl, Nikākiwī būdam“. dūkə tīnān.

10 Ētirikān dūlāwī āmārān, gūnān: „Nikāki, dūkətki šurukəl, umgākərwi šurupkəl“. Nikāki šururān, dūkədu tēyārān, dūkə ājēsān, dūkə šurūwrān Nikāki.

Gorowo ājēnān, icārān togokōnmə dariski, gūnān: „dūkə alatkal, tar-wəl togokōntiki hultnāšiktā!“ dūkə gūnān: „Udaj, udaj, ācin ānpunaja bišim“. Nikāki togokōntiki šururān, tadu atirikān biđārān. „Inəkə, hanğūktarān Nikāki: „dūkə minā ilə gēnəvđārən?“ Atirikān gūnān: „Nikāja, ākākucim šārə, dūrđigu-wəl ūntuwuntēcī, ecā šacā bišin“. Nikāki šururān dūkətki. Taduk nān togokōn icāwrān, dūkətki nān gūnān. „dūkə alatkal, tar-wəl togokōntiki hultnāšiktā!“ — „Udaj, udaj, ācin ānpunaja bišim“. Nikāki šururān togokōntiki. Atirikān biđārān. — „Inəkə, dūkə minə ilə gēnəvđārən?“ — „Nikāja ākākucim šārə, ilandəgdə-wəl ūntuwuntēcī ecā šacā birān“. Tuğanikēmi 20 nikāki gēnārān dāndi ūntuwuntēcīpkī. „dūkə alatkal, tar-wəl togokōntiki hultnāšiktā“. dūkə ecā šururə. Nikāki šururān atirikāntiki, hanğūktarān: „inəkə, dūkə minə ilə gēnəvđārən?“ — „Nikāja, sinə dūkə gēnəvđārən dund’a, cūğəđāktulān; šinə kōcu-

Ш. Кима. Чиромбу

40. Хеладан

Живет старичок, пять дочек: Эпкалькэ, после Эпкалькэ следующая, Средняя, Безымянная, потом Маленькая¹. Старик сказал: „Эпкалькэ, принеси воды“ — „Нет, работаю“. — „После Эпкалькэ следующая, принеси воды“. — „Нет, работаю“. — „Средняя, принеси воды“. — „Нет, работаю“. — „Безымянная, принеси воды“. — „Нет, работаю“. — „Меньшая, принеси воды“. — „Нет, работаю“.

5 Старик сам ушел ко льду, попить пошел. Стал пить, бородой прилип. „Лед, отпусти меня, Эпкалькэ свою отдам“. Лед закрепился. „Лед, отпусти, после Эпкалькэ следующую отдам“. Лед крепче закрепил. „Лед, отпусти, Среднюю отдам“. Лед еще крепче закрепил. „Лед, отпусти, Безымянную отдам“. Лед крепче закрепил. „Лед, отпусти, Маленькую отдам“. Лед отпустил.

10 Старик пришел домой, сказал: „Меньшая, иди ко льду, игрушки возьми“. Маленькая ушла, на лед села, лед уплыл, лед унес Маленькую.

Долго плыла, увидела огонек в стороне, сказала: „Лед подожди, вот туда к огоньку схожу, погреюсь!“ Лед сказал: „Нет, нет у меня нет стоянки (ночлега)“. Маленькая ушла к огоньку, там старуха живет. „Бабушка“, спросила маленькая: 15 „куда меня лед несет?“ Старуха сказала: „Меньшенькая, никак не знаю, может быть, двухбубенная знает“. Маленькая пошла ко льду. Потом опять огонек показался, льду опять сказала: „Лед, подожди, вон туда к огоньку пойду погреюсь“. — „Нет, нет, без ночлега (я)“. Маленькая пошла к огню. Старуха живет. „Бабушка, куда меня лед несет?“ — „Меньшая, не могу знать, может 20 быть, трехбубенная знает“. Таким образом Маленькая дошла до десятибубенной. „Лед, подожди, вон туда к огоньку пойду погреюсь!“ Лед не пошел. Маленькая пошла к старухе, спросила: „Бабушка, куда меня лед несет?“ — „Меньшая, тебя лед несет в центр (в конечный пункт) земли (шаманской), тебя лед

¹ Имена дочек даны по названиям пальцев.

сидан чүкә. Nikä әнәкәкән әтәшләрә*. Атрәкән бүрән чүрүә шилгиуер. „Nikä, әрилди тургурмисиндандә дүндәткә“. Nikä tuktran. чүкә ikäldән:

25	„Hēladan, Hēladan,
әтәшкәл, әтәшкәл
әјәк, diräkәcär,
dirälädäkittär“.	„Ә.әм әтәшләрә,
bünil şäkşәpiltin
dәwәkşәkәtcärә“.
30	„Әтәм әтәшләрә,
bәjäl hojomiltin
diräkәtcәmirә“.	„Hēladan, Hēladan,
әтәшкәл, әтәшкәл
әјәк, kәdärәkär
kәdälädäkittär“.
35	„Hēladan, Hēladan,
әтәшкәл, әтәшкәл
әјәк, әgәkōcär
әgәlädäkittär“.	„Әтәм әтәшләрә,
bünil şәgdәndәniltin
kәdärәkәtcärә“.
40	„Әтәм әтәшләрә,
bünil nupimiltin
әgәkōtcәmirә“.	„Hēladan, Hēladan,
әтәшкәл, әтәшкәл
әјәк, cүcükәcär
cүcülädäkittär“.
45	„Hēladan, Hēladan,
әтәшкәл, әтәшкәл
әјәк, jәndәgikär
jәndәgilädäkittär“.	„Әтәм әтәшләрә,
bünil şağal’ağiltin
cүcükәtcәmirә“.
	„Әтәм әтәшләрә,
bünil amumiltin“.	„Hēladan, Hēladan,
әтәшкәл, әтәшкәл
әјәк, bürüşkәcär
bürüşlädäkittär“.
	amukōtcәmirә	„Әтәм әтәшләрә,
bünil hağdığiltin
bürüşkәtcәmirә“.
	„Hēladan, Hēladan,
әтәшкәл, әтәшкәл
әјәк, dәwәkşәkär
dәwәlädäkittär“.	

обманет. Меньшая, никак не оглядывайся“. Старуха дала два шила. „Меньшая, этими зацепишься за землю“. Меньшая полезла. Лед запел:

25	„Хеладан, Хеладан ¹ ,
оглянись, оглянись
вниз, камень для растирания (красок),
камень виднеется“.	„Не стану оглядываться,
кровь мертвецов
краснеет краской“.
30	„Не стану оглядываться,
лбы людские
камнем кажутся“.	Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, кожейлки,
кожемылки виднеются“.
35	„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, брусочки (точила),
брусочки виднеются“.	„Не стану оглядываться,
мертвецов хребты
мылками кажутся“.
40	„Не стану оглядываться,
голени мертвецов
брусочками кажутся“.	„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, скребки (для соска-
бливания мездры),
скребки виднеются“.
45	„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, черная краска
чернеется“.	„Не стану оглядываться,
мертвецов дыры в тазовых костях
скребками кажутся“.
	„Не стану оглядываться,
мертвецов кал
чернеется краской“.	„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, брусочки (точила),
брусочки виднеются“.
	„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, красная краска
краснеется“.	„Не стану оглядываться
мертвецов лодыжки
брусочками кажутся“.

¹ Хеладан — имя девушки, которое она получила после того, как отделалась от льда.

50

„Hēladan, Hēladan,
ətəškəl, ətəškəl
əjak, tiyəkəcər
tiyələdəkətkər“.

„Hēladan, Hēladan,
ətəškəl, ətəškəl
əjak, nəkəkəcər
nəkələdəkətkər“.

55

„Ətəm ətəşildə
būnil old'opultın
tiyəkətcəmirə“

„Ətəm ətəşildə,
būnil arupultın
nəkəkətcəmirə“.

Hēladan şururən, nənərən nəməndəjalə. Əbəj gūnən. „Minə wəkəl təlgətkəl; mēwanmāw əşinmukəl mēnduwi, boşoktolbōw — maluduwi, hogrowōw, kəriməkwə əşinmukəl bargıdāl, ıpkatwāw ıpkudāndi nırekāndı, şıluksalwāw lokokol oşonjordu, 60 dılwāw əşinmukəl malugıdāduwi“. Hēladan wārən əbəjwə, on nıpan gūcān, ıpkatpa oran. Tımalānə Hēladan mēld'an, bargıdātki icāşnən — ətirikən, atirikən adərə, malutkiwi icāşnən qūr kuşakār əwidərə, malugıdādun ətirikən adərə, tılgıdādun kicuriqərə oror. Nırukān qalum orordı. Jırān qūdukwi, oşonjordu uşıl lokucaqarā. Ororwo tıluwrān, ilild'an, erundıwi ororwo. Nıpartın ənnərə dēgdərə — cıcirgunrə. 65 Tāduk ıpkatpı ərıktın ənnərə dēgdərə gālāwān. Hēladan bakaran hıluqutkən ərildin-də oron, tarı dēgdəktəld'an ərınmān. Tādu uşıwrān, ugrān, şururən. Hıktıwrān, hıktıwrān ikāndərıl əwənkılwə işşan. qūkəngutin lupumrāk hıktıwrān, qawaşcara əwənkıl amandıra. qānmə qūgil lupumrāk nənərən, qāgidutin qawara nıpanmān. Hēladan qawawmı, ikēld'an:

70

Mēwanıjakānduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın;
boşonıjakānduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın;
hogronıjakānduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın;
kuşımukcakānduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın;
dılmıkānduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın;
75 ıpkatıjakānduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın;
şıluksıjakārduk dondonın əmađı kacırkāw dondonın.

50

„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, чашки,
чашки виднеются“.

„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, огниво,
огниво виднеется“.

55

„Не стану оглядываться,
мертвецов черепа
чашками кажутся“.

„Не стану оглядываться,
мертвецов предплечья
огнивом кажутся“.

Хеладан ушла, пошла к медведю. Медведь сказал: „Меня убей, освежуй, сердце мое положи спать с собой, почки на священное место в юрте, двенадцатиперстную кишку, прямую кишку напротив, шерсть высыпи в сухую ямку, 60 тонкие кишки повесь на сухое свалившееся дерево, голову положи спать за священным местом в юрте“. Хеладан убила медведя, так, как он говорил, все сделала. Утром Хеладан проснулась, увидала, напротив старик, старуха спят, на священном месте двое детей играют, за этим местом старик спит, снаружи бродят олени. Ямка полна оленей. Выскочила из юрты, на сухом дереве узды висят. Собрала оленей, стала пробовать предплечьем (нажимая) оленей. Они 65 не выдерживают, падают. Все плохо не могли выдержать ее руки. Хеладан нашла маленького такого оленя, тот выдержал нажатие предплечьем. Тогда же обуздала, села верхом, ушла. Бежала, бежала, дошла до поющих эвенков. Через их юрту пробежала, эвенки быстро схватить не успели. Десять юрт перебежала, на десятой ее поймали. Поймавшись, Хеладан запела:

70

От сердца медведя зачем отошла
От почек медведя зачем отошла
От двенадцатиперстной кишки медведя зачем отошла
От прямой кишки медведя зачем отошла
От головы медведя зачем отошла
75 От шерсти медведя зачем отошла
От кишек медведя зачем отошла

41. Kərānda, Uqanı

Əwənkil ikənkətcigkitin inəgilbə dolboltonoknonin. Umukən atrikən bicən. Nuqā döldürən Kərānda igwən. „Nikāje, ətəgnəkəld'ü ikəndəmi dolbotonorokin, haşaja ekukakungan igin idərən“. Kuqakar gundirā: „inəguşu!“ amgalın nınakır pəpəjan tər-kəldə uləkkitcəriwə.

5 Əwənkil əpnərə tədəre inəkəwər. Kərānda əmərən ikəninnişəlwə əwənkilwə nimgərən. Atrikən kalandıwı kumtiren, umukən şulapcən.

İşnən, ucunikti nuqan qalildəran, girkudıdawi hargıldulı. Şururən hargiltukı, horo-kilwa icārən dəgilqəktuwar amuna. Horokil amunmatın gadan, quləwi əməwrən. Əmkədu bərən əmucild'ən, əmutt'ən, əmutt'ən, horokil amunun hiltərgərən. Atrikən
10 inən nəgnəkənən.

Nəgnə nuqnakil əməre. Atrikən şururən bira qapkalən, nuqnakilwə iləərən. İləqəktuwi amunma bakaran, gadan, quləwi əməwrən, əmkədu bərən, əmucild'ən. Əmutt'ən, əmutt'ən, nuqnakil amunun icərgəld'ən. İcərgəlukən ödəkin, təkikən əmucild'ən, ilidutin inəgil hawalikən ödan. Hawalikən ömı wəjuşild'ən Kərəndəwə.
15 Bakaran cinəkəwə, əməwrən inəkətkiwi: „inəkə, əri qəwqəcə aktıawı?“ — „Nikāje əşən, ər buya cıpkatkənın, gənəpkəl idu bicən, tədu tikəl“. Uqanı şururən qawa-qəktukı, tınən. qawarən hinukiwə, əməwrən inəkətkiwi: „inə, ər qəwqəcə aktıawı?“ — „Nikāje, əşən, ər buya cıpkənın, tikəl, idu bicən“. Uqanı şururən qawaqəktukıwi, puşawə qawarən, ərintikiwi əməwrən — „inə, ər qəwqəcə aktıawı?“ — „Nikāje, əşin,
20 ər buya cıpkənın“. Nuqan əməwrən aməşki, nıməwə qawarən. Təduk ələwutın cıpkər əməwüşşən inəkəlwə, wəjunmə əməwrən, mōtiwa, təduk amikənma əməwrən. Ələ-wutın, inəkən pənəwkənən aməşki. İnəkən gūnən: „Ər wuga cıpkəcın, akulwaş qəw-qəcə uylı şırucən“.

III. Кима. Чиромбу

41. Корэндо, Уньяны¹

Эвенки пели и плясали весь день (и) ночь напролет. Одна старуха была. Она услышала шум Корэндо. „Малыши, прекратите плясать во время ночи, страшно, какой-то шум слышен“. Дети сказали: „Лгунья“, в рот ее собачий помет всунули обманувшей.

5 Эвенки не поверили бабке. Пришел Корэндо, пляшущих эвенков про-глотил. Старуха котлом покрылась, одна осталась.

Жила, с тоски она подумала пойти в ближайший лес. Пошла в лес, тетерева увидала, на месте (сидения птицы) помет. Помет тетеревов взяла, принесла домой. В люльку положила, стала качать, качала, качала, помет тетерева развалился.
10 Старуха жила до самой весны.

Весною гуси пришли. Старуха пошла на берег реки, гусей испугала. На месте, где испугала, помет нашла, взяла, домой принесла, в люльку положила, стала качать. Качала, качала, гусиный помет запищал. Когда стал пищать, сильнее закачала, на третий день стал ходить (человек из помета). Научившись ходить,
15 стал промышлять Корэндо. Нашел шипелку (пташку), принес бабушке. „Бабушка, эта съела старших?“ Бабушка сказала: „Малыш, нет, это божий зверь, снеси где был, там отпусти“. Уньяны отнес на место, (где поймал) отпустил. Уньяны поймал рябчика, принес бабушке. „Мама, эта съела дядю?“ — „Малыш, нет, это божий зверь, отпусти, где был“. Уньяны отнес на место, (где поймал) пальника поймал, принес матери. „Мама, эта съела дядю?“ — „Малыш, нет, это божий
20 зверь“. Он отнес обратно, глухаря поймал. Потом всех зверей перетаскал, ба-бушке дикого оленя принес, сохатого, потом медведя принес. Всех бабушка заставляла относить обратно. Бабушка сказала: „Этот божий зверь, съевший твоих старших братьев, ушел вверх“.

¹ Корэндо — злой шаман, Уньяны — добрый герой, мстящий Корэндо.

Уңанı дәгildән сәшкi дигintikін нүлгилән Äгәнkak.

„Äгәнkak, Äгәнkak, Äгәngәнkak!

Kәрәndүkin dōlagılın

aşukınma dōlagılın?“

„Ė, şikән, nikән, hәşucındı

tikән nikән binә“.

Уңанı дәгildән Buruşkәkdulä.

„Buruşkәk! Buruşkәk, Buruşgәkәk!

Kәрәndүkin dōlagılın

aşukınma dōlagılın?“

„Ė, şikән, nikән hәşucındı

tikән nikән binә“.

Уңанı дәгildән Şidinkәkdulä, täduk Agakәkdulä. Уңанı ışşan Kәрәndәlә. Kәрәndә qәvqәrән әwәnkilwә. Уңанı ikәldән:

„Kәрәndә! Kәрәndә! Kәрәngәndә

Kәрәngәndә şirәkulwır gәgdumätkät!

Әñin lämu uñurәndün şirәkulwır“.

„Уңанı! Уңанı! Уңанı!

Әkәl-kән! әkәgәl-kән!

qәvqәm-kән, qәvqәgәm-kun!

„әdu qәvqәrәnә?

akıjalı, әkiјәli kәрәмәdu bişim“.

„Уңанı! Уңанı әkәl-kән! әkәl-kән

hәrgişun! hәrgigişun

harukaşkәkun bişim, bigişim“.

„Kәрәndә! Kәрәndә!

Ėkun harunıdan?

akıjalı, әkiјәli kәрәмәdu bişim“.

Уньяны улетел дальше к четвертой кочевке (нариц. назв. жены) к Игольнику.

„Игольник, Игольник, Игольничек! далеко (ли) до посадки его?“

От Корэндо до посадки его

„Әх, ты, такой, сякой, равняешься,

тоже какой нашелся“.

Уньяны полетел к Брусочку.

„Брусок, Брусок, Брусочек! далеко (ли) до посадки его?“

От Корэндо до посадки его,

„Әх, ты, такой, сякой, равняешься,

тоже какой нашелся“.

Уньяны полетел к Скребку (для выскабливания шерсти), потом к Футляру (от наперстка). Уньяны достиг Корэндо. Корэндо съел эвенков. Уньяны запел:

„Корэндо! Корэндо! Корэндо!

Корэндо! давай крыльями посостязаемся

Над серединой матери моря, крыльями“.

„Уньяны! Уньяны! Уньяны!

Подожди! Подожди!

Поем-ка, поем-ка!“

„К чему поешь?

За старших братьев, сестер мшу я“.

Уньяны! Уньяны, подожди, подожди!

Пониже, понижe,

Голова кружится (у меня)“.

„Корэндо! Корэндо! Корэндо!

Что за головокружение?

За старших братьев, сестер мшу я“.

Кәрәндә дөгилд'ән. Әргәктүлд'ә. Уңани Кәрәндә һүкитәwән һүкларан ширәкүтпи. Әwәнкil һүкитәдүкин жүрә, һältin инәкир, һältin әүсәл.

Уңани икәмәсцлд'ән Кәрәнду Әпкәлkinунин.

- 75 „Кәрәндә Әпкәгәлkin
шрәкүлwур гөгдүмәткә(t)
әңi ләму үпүрәдүн“.
- „Уңани, Уңаган! әкәл-кән!
Әкәл-кән! әкәгәл-кән!
80 дәвдәм-кән! дәвдәгәм-кән“.
- „Кәрәндә Әпкәгәлkin
әдү дәвдәпүнд'ә?
әкijәлi, әкijәлi кәрәмәдү бишим“.
- „Уңаң, Уңаң, Уңагани!
85 һәргишүн; һәргигишүн
һарүкәшкәкүн бишим! биғишим“.
- „Кәрәндә Әпкәгәлkin
Әкүн һарунигидүн?
әкijәлi, әкijәлi кәрәмәдү бишим“.

- 10 „Әпкәлki дөгилд'ән ләмуду әргәшнә. Уңани һүкитәwән һүктаран ширәкүтпи. Әwәнкil
һүкитәдүкин жүрә, һältin инәкир, һältin әүсәл. Әлкә Кәрәндә һүкитәлн дүрмүн Уңани
икәмәсцлд'ән, дөгимәсцлд'ән, түп-мәл һүктанәрән һүкитәлwәтин, тинән әwәнкilwә.

Тәдүк Уңани дөгилд'ән Кәрәндә ашәлдүлн. Икәлд'ән:

- 95 „Бүрүшкәк! Бүрүшкәк Бүрүшгәкәк! тәгәтәнүкәгәнмү
Кәрәндәкүнмәгәшүн шәмәсәгәмәгәшүн
дәкүсәр, дәкүсәр әңi ләму үпүрәндүн“.

Корэндо полетел. Стали кругами летать. Уньяны распорол крылом своим брюхо Корэндо. Эвенки из брюха его вышли частично живые, частично мертвые. Уньяны стал петь с Первенцом (собственное имя) Корэндо (состязаться в пении).

- 75 „Первенец Корэндо,
Маховыми крыльями померяемся
Над серединой матери моря“.
- „Уньяны! Уньяны, подожди,
Подожди, подожди,
80 Поем-ка! поем-ка!“
- „Первенец Корэндо,
К чему поешь?
За старших братьев, сестер мшу я“.
- „Уньяны! Уньяны! Уньяганы!
85 Пониже, понижe,
Головокружение у меня!“
- „Первенец Корэндо,
Что за головокружение?
За старших братьев, сестер мшу я“.

- 90 Первенец улетел, спустившись к морю. Уньяны распорол брюхо крылом. Эвенки из брюха вышли, частью живые, частью мертвые. Еще с двумя сыновьями Корэндо пел Уньяны, состязался в полете; также прободал брюшины их, освободил эвенков.

Потом Уньяны полетел к женам Корэндо. Стал петь:

- 95 „Брусок! Брусок! Брусочек! Много народов
Вашего Корэндо Проглотившего
Добыли, добыли, Над самой серединой моря“.

42. Guriwul

- Bəjə nulgışnan, nəkədu urədu dütəldən. Hutan nulgışındəktə omgorən əmgəkərwi, angüktaldən: „Əmgəkərwi idu?“ Əkinin günən: „Odam!“ Təduk angüktaldən nəkūnmi: „Əmgəkərwi idu?“ — „Odam! qandı¹ şacə birə“. qandınu angüktaldən: „Əmgəkərwi idu?“ — „uŋkucən amarındun.“ Hutan, orowı qawaran dagaptukcəwi
- 5 uŋucakki, ninakinmi, amaşki şururən. Dəgrən birawa, amarıntki gəlnərən əmgəkərwi. Əmgəkərwi işcanakən, icərən nāməndəjəwə. Nāməndəjə əwidərən, hikənduwi şurukəcipkəndiri. Asətkən icəmi, dikildən. Nāməndi günən: „Asi uŋucakış ni gərbin?“ — „Kökcagda“. — „Aya! ya-ha-ha! Nāməndi injəktərən: „kökcamatn-ŋu şulapcən! ninakindı ni gərbin?“ — „Comcondı“ — „Aya! ya-ha-ha! comcomotn-ŋu şulapcən“.
- 10 Amikən qawarən aşiwa, həkərən, uŋucakpən mödu igdərən, ninakinma mödu uyırən. Ədu hata niptəl öran. Asətkən günən: „Bəjə, amijami, ənijəmi əŋkijətin amumilduk, cikə milduk niptilərə, umirilə qawulmi“. Amikən cəski şururən, gorətmordu şukədəwi İran. Asətkən nələn gürən: „Bəjə, amijawı, ənijəwi əŋkijətin amumilduk, cikə milduk niptilərə, umirilə qawulmi“. Amikən cəski şururən, tələ nən şukədərən.
- 15 Asətkən nən gürən: „Amijami, ənijəmi əŋkijətin amumilduk, cikə milduk niptilərə, umirilə qawulmi“. Amikən şururən əşi-də irə, gorokökun.
- Dəgrə hijindil. Asətkən günən: „Hijindil, minə tikəldə, tikəkişun umiri şəkşədin həwiqəm“. Hijindil bururə tişcərə tişcərə (şəwişcərə), albəra şuvqamı, amgawal qəl-qitşə. Tədukwi nuparğıltın amgaltın qəldiləna.
- 20 Təduk şulakı əmərən. Asətkən günən: „şulakı minə tikəl, tinəkiş ırgəwəş cüşcərəm“. Şulakı tinən, asətkən uŋucaktu ırtan, hıktıwuşnən. Şulakı alacıldən amikənma. Amikən əmərən şulakıwa tıxəldən, şonədonə güldən: „şulakı, əda

III. Кильтино. Чиромбу

42. Гуривуль

- Человек кочевал, на высокой горе остановился. Дочь его на месте кочевки забыла бабки, спросила: „Бабки (игрушки) где?“ Старшая сестра ответила: „Работаю!“ Потом спросила младшего брата: „Где бабки?“ — „Работаю! остяк наверное знает“. Спросила у остяка: „Где бабки?“ — „Высыпал позади“. Дочь оленей пой-
- 5 мала, ближайшего верхового, собаку, пошла обратно. Перешла реку, обратно пошла принести бабки. Когда до бабок дошла, увидала медведя. Медведь играет бабками, на груди перекатывающий. Девочка, увидевши, испугалась. Медведь сказал: „Женщина, как имя верхового оленя?“ — „Копытный“. — „А-ха! ха!-ха!“ Медведь засмеялся. „Копытный ли остался! Как имя собаки?“ — „Маленький палец“. — „А-ха!-ха!-ха! пальцем остался“.
- 10 Медведь схватил женщину, связал, верхового оленя привязал к дереву, собаку к дереву привязал. Здесь вблизи подстилку сделал. Девочка сказала: „Человек, мой покойный отец, моя покойная мать не брали от кала, от мочи подстилку, собираясь свежевать важенку“. Медведь ушел дальше, далеко слышны удары топора. Девочка опять сказала: „Человек, мой покойный отец, покойная мать не брали от кала, от мочи подстилку, собираясь свежевать важенку“. Мед-
- 15 ведь ушел дальше, там опять рубил топором. Девочка опять сказала: „Покойный отец, покойная мать не брали от кала, от мочи подстилку, собираясь свежевать важенку“. Медведь ушел далеко, (так что) не слышно стало.
- Прилетели свищи. Девочка сказала: „Свищи, освободите меня; когда освободите, угощу кровью важенки“. Свищи (клесты) упали (спустились), развязывали, развязывали, не могли развязать, рты (клювы) свои изогнули. С тех пор их клювы изогнуты.
- 20 Потом лисица пришла. Девочка сказала: „Лисица, освободи меня; когда освободишь, хвост твой раскрашу“. Лисица освободила, девочка села верхом на верхового оленя, убежала. Лисица стала ждать медведя. Медведь пришел, стал ругать лисицу, плача, сказал: „Лисица, зачем

¹ Название для всех соседей (остяков, кетов, селькупов) у сымских эвенков.

tinänd'i dawuläqariwä? — „Amakä, minä qəpkal! Halgarduwi niptəkəl minä, şukədəkəl“. Şulakı amikān halgarduwi şukədərən, şulakı adayarən. Amikān halganmı
 25 şukədərən, halgan umanin şulgimtild'ən, dawuld'ən. Cinəkəl qalgald'a. Amikān turəld'ən cinəkəl, şoqoqona: „hi-i-i-i, cinəkəqəşəl, şu-də dawulqətpişun halgarwar“. Şulakı misərən. Ərdulə şulakı irgi mudanın colko, amikān umanin acin.

Amikān şurqrən, hunətpə üdalın aşaşnan. Asətkən qənərən, amtilin nulgisiçəl, birawa dəkcal. Nunan ənlid'ən: „Amä, minə dagupcuşkal“. Aminin quduwi günən:
 30 „Nikajə ekundı şoqojo ödan, amaşki-wal mucuykätmi?“ — „Əpə dagupcuşkal“. — „Nikakıja, ekundı şoqonojo ödan amaşki-wal mucuykätmi?“ — „Akä dagupcuşkal!“ — „Nəküjət, ekundı şoqojo ödan amaşkiwi mucuykätmi?“ — „Əkə dagupcuşkal!“ — „Nəküjə, ekundı şoqojo ödan mucuykätmi?“.

Nikakı ikəld'ən:

35 „Qəkujə, qəkujə
 ulşakal, ulşakal!
 amijawaw, əpijəwəw,
 akijawaw, əkişəwəw
 ulşakal! ulşakal!“

40 Tədu qand'ın bicən. qand'ın günən: „Qəkə əkəl-kən!“ İpkəcəmətiw koltoncön. Qəku ulşaşnan əntilwən, aknişwən turərən. qand'un daguwrən ipkəcənduwi aşətkənmə. Amikān əmərən anqüktald'ən: „aşı ilə dökçəs?“ Aşı ikəld'ən:

„Ədikiwə, şolokiwə,
 ədikiwə, şolokiwə“.

45 Amikān pən anqüktald'ən: „Aşı ilə dökçəs?“
 — „Ədikiwə, şolokiwə,
 ədikiwə, şolokiwə“.

отпустила ту, которую собирался свежевать“. — „Дедушка, съешь меня! Положи меня на ноги свои, ударь топором“. Медведь ударил лисицу на коленях
 25 своих. Лисица увернулась. Медведь рубнул (топором) свою ногу, мозг из ноги стал черпать (черпаком), стал есть. Птички стали дразнить. Медведь, плача, начал ругать птичек: „Хи-и-и, худые птички, вы бы свои ноги поели“. Лисица скрылась. С этих пор кончик лисьего хвоста белый, у медведя нет костного мозга.

Медведь ушел, пошел по следу девочки. Девочка шла, родители ее отко-
 30 чевали, перешли реку. Она стала кричать: „Папа, перевези меня (через реку)“. Отец ее в доме (сидя) сказал: „Меньшая, с чего (это) плаксою стала на обратном пути?“ — „Мама, перевези!“ — „Меньшая, отчего плаксою стала на обратном пути?“ — „Дядя, перевези!“ — „Меньшая, отчего плаксою стала на обратном пути?“ — „Тетья, перевези!“ — „Меньшая, что плаксою стала на обратном пути?“

Меньшая (мизинец) запела:

35 „Скала, скала (гора, гора),
 сползи, сползи.
 Отца моего, мать мою,
 дядю моего, тетку мою
 раздави, раздави“.

40 Там жил остяк. Остяк сказал: „Скала (гора), подожди“. Вырубил (материал для деревянного) черпак(а). Гора сползла, родителей ее, старших братьев (и дядей) раздавила. Остяк перевез в черпаке девочку.

Пришел медведь, стал спрашивать: „Женщина, где перешла?“ Женщина запела:

„Пониже, повыше,
 пониже, повыше“.

45 Медведь опять спросил: „Женщина, где перешла?“

„Пониже, повыше,
 пониже, повыше“.

Əsin tildən amikān, oloşışın hagdikikildi, umnəkəkildi, qunqikildi, hənəkildi, bokakildi, cıkıkildi, hıkitəkildi, cunurəkildi, əgənəkildi, mirəkildi, monoköldi, qəgikildi, amgakildi, onoktokildi, eşakildi, hojokildi, horokildi, bükikildi. Amikān ənkəcildən: „Hagdikikarwə öktin buruşlədəkitkən, qunqikarwə öktin ağələdəkitkər, şəgdəndə öyin kədərədəkitkən, old'u öyin dirələdəkitkən, qawukər öktin kawırađakitkər, şəkşəkən öyin dəwələdəkitkən, amukərwi öktin jəndəgilədəkit“. Tikin urədu dəwəkşə, jəndəgi bisi, təduk buruşil, ayəşur, kawiral.

55 Aşatkən işnən qand'unun. qand'un kojicildən, mülədən nıñanmən. qand'un gundən: „Amumilduk, cikəmilduk müləndi“, unkuđana müwa amaşkı.

Tuñeniwə quwuđeren müwa, qand'un unkuťkələldən. Nəññanı ödan.

Karaulil əməre, aşı ikəldən:

Gagışal gūnə:

60 „Karaulil, karaulil
minə dəgdəpkəldə,
qand'un minə mölcətcirən“.

„Ətərəw-lən, ətərəw-lun,
ətərəw-lən dəgdəwre,
qumqakıl dəgdəwuktən“.

Karaulil gūnə:

Nımqakıl dəgdərə.

„Ətərəw-lən dəgdəwre,
gagışal dəgdəwuktən“.

„Nımqakıl, nımqakıl
minə dəgdəpkəldə,
qand'un minə mölcətcirən“.—

65 Gagışal dəgdərə.

Nımqakıl gūnə:

„Gagışal, gagışal,
minə dəgdəpkəldə,
qand'un minə mölcətcirən“.

„Ətərəw-lən, ətərəw-lun,
ətərəw-lən dəgdəwre,
gaşal dəgdəwuktən“.

Не понял медведь, побрел, по пятки, по мышелки, по голень, по колено, по бедро, по таз, по живот, по пуп, по подмышку, по плечо, по горло, по подбородок, по рот, по нос, по глаза, по лоб, по макушку, до смерти. Медведь сказал: „Пятки пусть сделаются брусками; голени пусть будут точилами; спина пусть будет мялкой; череп пусть будет камнем для растирания красок; лопатки пусть будут камнем для красок; кровь пусть будет красной краской; кал пусть будет черной краской“. Теперь в горах есть красная, черная краски, потом бруски, точила, камни для растирания красок.

55 Девочка жила с остяком. Остяк обманывал, заставлял ходить ее за водою. Остяк говорил: „От кала, от мочи воду носишь“, выливая воду обратно.

Зиму таскала воду, остяк все время выливал. Весна настала.

Журавли прилетели, женщина запела:

Лебеди сказали:

60 „Журавли, журавли,
меня унесите,
остяк меня обижает“

„Не станем, не станем,
не станем подымать,
гуси пусть подымут“.

Журавли сказали:

Гуси прилетели.

„Не станем подымать,
лебеди пусть подымут“.

„Гуси, гуси,
меня подымите,
остяк меня обижает“.

65 Лебеди прилетели.

Гуси сказали:

„Лебеди, лебеди,
меня унесите,
остяк меня обижает“.

„Не станем, не станем,
не станем подымать,
гаша¹ пусть подымут“.

¹ Гаша — шаманские птицы.

Гаşал дэгдэрэ.

70 „Гаşал, гаşал
минэ дэгдэпкэлд'э,
çанд'ун минэ мөлцэцүрэн“.

Гаşал эгүрwэптүрwал ишүсйлд'э, бурэ.
Аşаткан дэгилд'эн. çанд'ун икэлд'эн:

75 „Нэкүжэ, некүжэ,
бүрүкэл! бүрүкэл!
Бүрүрәкиш, одам
çаргaja одам“.

80 „Әтәм-лән бурүрә
нән-дә: мўлцәчилкәл,
мўңиләw-дә җңкүчилкәл.
әкон сәгдәнд'әдүн
çаргәлтүжә биçәм“

85 — „Нэкүжэ, некүжэ,
бүрүкәл, бүрүкәл!
Бүрүрәкиш, одам
дәрәкјјә одам“.

80 „Әтәм-лән бурүрә
нән-дә: мўлцәчилкәл,
мўңиләw-дә җңкүчилкәл.
әкон һоросөндү
дәрәкәлтүн биçәм“.

— „Нәкүжә, нәкүжә,
бүрүкәл! бүрүкәл!
Бүрүрәкиш, одам
дәтәлд'әс одам“.

— „Әтәм-лән бурүрә,
нән-дә: мўлцәчилкәл,
мўңиләw-дә җңкүчилкәл.
әкон һуңиçәндү
дәтәкәлтүн биçәм“.

— „Нәкүжә, некүжә,
бүрүкәл! бүрүкәл!
Бүрүрәкиш одам
нәлијәстә одам“.

— „Әтәм-лән бурүрә,
нән-дә мўлцәчилкәл,
мўңиләw-дә җңкүчилкәл.
әкон һикәсөндүw
нәллитүжә биçәм“.

— „Нәкүжә, Нәкүжә,
бүрүкәл! бүрүкәл!
Бүрүрәкиш одам
ләтәкaja одам“.

— „Әтәм-лән бурүрә.
әкүн һүриктаду
ләтәкәлтүн биçәм“.

Гаша прилетели.

70 „Гаша, гаша,
меня подымите,
остяк меня обижает“.

Гаша выдернули средние перья
из крыльев, дали. Девочка улетела.
Остяк запел:

75 „Меньшая, меньшая,
упади, упади!
Если упадешь, сделаю
новое платье сделаю!“

80 — „Не стану падать,
опять: за водой иди,
воду опять выливай.
Для чего на спине
в новом платье буду“.

85 — „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
нарядную шапку сделаю“.

90 — „Не стану падать,
опять: за водой иди,
воду выливай.
Для чего на маковке
в нарядной шапке буду“.

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
поговицы сделаю!“

— „Не стану падать,
опять: за водой иди,
воду выливай.
Для чего на голенях
в ноговицах буду“.

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
нагрудник сделаю!“

— „Не стану падать,
Опять: за водой иди,
воду опять выливай.
Для чего на груди
в нагруднике буду“.

— „Меньшая, меньшая
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
затылочное украшение сделаю!“

— „Не стану падать.
Для чего на волосах
в украшении буду“.

— „Nəkūjə, nəkūjə,
bırūkəl! bırūkəl!
Bırūrəkiş ödam
hand'ija ödam“.

— „Ətəm-lən bırurə.
əkon bokucöndü
hand'ıtujan bişam“.

Aşatkan dəgild'en, dəgild'en, bırurən. Atırkən ırkəduñ cürənün. Atırkən günən:
„Nikəjə, əmakəkücündi? minji hıriləi dəwukərə“. — „dajakal nınə“, aşatkən günən.
„əduwi-ka dajam? hand'ıduwi?“ — „Əşin, nəgdikan!“ — „Tələgiduwi?“ — „Əşin, nəgdi“ —
100 „Hərkiduwi?“ — „Nəgdi“. — „Agaduwi?“ — „Kəl agaduwi dajakal“.

Dolboltono hırilin əmədirə. Əməre dıləwi, amtara. „ön-ka nədərən, inə?“ — „Tikən,
tələgikəmiwi tiləndəcəw“. — „Əşin, əşin, tələgrwəstə şərəw“. — „Hand'ikanmı tiləndə-
cəw“. — „Əşin, əşin, hand'ıwəstə şərəw“. — „Hərkiəkəmiwi tiləndəcəw“. — „Əşin, əşin hərki-
wəstə şərəw. Fa! fa! fa! əkun-ka nədərən?“ Atırkən günən: „Nikəjə apadəkəmiəkəkən
105 əməcən“. — „əwuna-ka dajukətcəndi? əməpkəl dəwuwun“. — „Nikə, ilptınəşin nəkədəm“.

Taduk hırilin hanjuktamətcərə: „ilptıntəqəp“. Upkac güşildə: „ilptıntagə“. Aşınə.
Tımaltañə təgərə, nəñ ijəcildə, dəbdəwər. Atırkən günən: „Nikə, bıruptıntakaldı“.
Nəñ hanjuktaməcildə: „İl, bıruptıntəjəp?“ Şəgdəgə günən: „Bıruptıntəgə“. Şururə
hırilin. Apadəkən günən: „inə, minə tıkəl okun-mal cürəşcin“. Tınən atırkən. Də-
110 gild'en aşatkən, gəşə-gəşəl dıləhtn, gəşəgalwa bokonən, umirəwə ajcəl. Apadəkən ikəld'en:

„gəşəl! gəşəl!
gəşəl! gəşəl!
dəbdəpcəjal bişiş,
bıruptinqəttuwər,
ilptinqəttuwər“.

115 „Əkun-ka tar öran?“ gəşəl günə. Nıkəki günən: „Bi umır şuwınməñ əwum“. — „Əşin,
bi ırışki döld'im“. İcəcildə ırışki, icərə dəgərtwə, güldə: „inəqəşukəkən, tıcəl“

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
бахрому (на хорьках) сделаю“.

— „Не стану падать.
Для чего на лонном сое-
динений
в бахроме буду“.

Девочка улетела, полетела, упала. У двери старухи упала. Старуха ска-
зала: „Малышка, каким образом пришла? Мои сыновья съедят (тебя)“. — „Спрячь
меня“, сказала девочка. — „Куда же спрятать? в бахрому от хорьков?“ — „Нет,
100 вонюче!“ — „В опояску хорьков?“ — „Нет, вонюче!“ — „В хорьки?“ — „Вонюче!“ —
„В игольник?“ — „Ну, в игольник спрячь“.

Вечером пришли сыновья ее. Пришли домой, понюхали. „Чем-то пахнет,
мама?“ — „Так от опояски (моей) вшей искала (вшами пахнет)“. — „Нет, нет,
(запах) опояски знаем“. — „От бахромы (от хорьков) пахнет“. — „Нет, нет, (запах)
хорьков знаем. Фа! фа! фа! Чем-то воняет“. Старуха сказала: „Маленькая сиротинка
105 пришла“. — „Для чего прячешь, дай (мы) съедим“. — „Малыш, на восходе дам“.

Потом сыновья между собою посоветовались: „На восходе съедим“. Все
договорились: „На восходе съедим“. Заснули. Утром встали, опять стали просить
съесть. Старуха сказала: „Меньшой, на закате съешьте“. Опять стали совето-
ваться: „Где на закате съедим?“ Старший сказал: „На закате съедим“. Ушли
сыновья. Сирота сказала: „Мама, меня выпусти, когда-нибудь упаду (спущусь)“.
110 Отпустила старуха. Улетела девочка по следу гаша, нагнала гаша, добывших ва-
женку. Сиротка запела:

„Гаша, гаша!
Гаша, гаша!
Съели
на закате,
на восходе“.

115 „Что там случилось?“ сказал гаша. Младший сказал: „Я сломал
важенки маленькое ребро“. — „Нет, я сверху слышу“. Посмотрели вверх,
увидали летящую, сказали: „Мама-мертвец (ругательное слово), выпустила.“

mucumi çəvəp nıjanmān*. Ganācildə ıyiskı, nıkāduk gəjəwrırən nəkəwən. Aşātkan dəgildən, tälä Guriwul icərən dəğdərıwə. Gunwul ikäldən, bürüdən:

- 120 „Aşıja! aşıja!
bürükəl, bürükəl,
bürüräkiş, ödam
nəkujə ödam
qırqı baksatarıci*.” — „Ətəm-lən bürürə
gəşə-gəşäl
bürüptintin bişim,
ilptintin bişim,
gəjəwuntin bişim,
gəşäl ətərə şularə,
ilandı-wal baksawrākiş*.”
- 125 — „Aşıja! aşıja!
bürükəl, bürükəl,
bürüräkiş ödam
nəkujəwə ödam
digindı baksatarıci*.” — „Ətəm-lən bürürə,
gəşə-gəşäl
bürüptintin bişim,
ilptintin bişim,
gəjəwuntin bişim,
digindı baksawrākiş,
gəşäl ətərə şularə*.”
- 140 — „Aşıja! aşıja!
bürükəl, bürükəl,
bürüräkiş ödam
nəkujəwə ödam,
ilandı baksatarıci*.”

Gunwul gorowo ikəfəcən, asātkan əmüfəcən bürüdəmı.

- 140 — „Aşıja! Aşıja!
bürükəl, bürükəl,
bürüräkiş, ödam
nəkujəwə ödam
qānqı baksatarıci*.”

Apaçakān tēli bürürən.

вернувшись съедем ее*. Стали стрелять вверх, ранили плечо крыла. Девочка улётела, там Гуривуль увидел летящую. Гуривуль запел, чтобы упала (она):

- 120 „Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз сделаю
на двух подставках*.” — „Не стану падать.
Гаша, гашами
на закате
на восходе (буду съедена),
ранена я,
гаша не оставят
на трех подставках лабаз*.”
- 125 — „Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз построю
на четырех подставках*.” — „Не стану падать.
Гаша, гашами
на восходе
на закате (буду съедена, раненая)
на четырех подставках если
сделаешь,
гаша не оставят*.”
- 140 — „Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз сделаю
на десяти подставках*.”

Гуривуль долго пел, девочка не хотела падать.

- 140 — „Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз построю
на десяти подставках*.”

Сирота тогда упала.

- 145 Guriwul ašlārān. Ilan anğanil inən, hütətin bišin umukən. Guriwul bəjürən. Gəşə-gəşəl əməmə. Guriwul ašin purcawa uŋkürən irəkşədu, gəşə-gəşəl dəwuldə, oronmı umiriwə wārən aşı, nımrədin hütəwi nəkəwən, şenmān ucişinən, şogoldön. „Kunakān ekündi şogojə ödan, aknıl-wal əmərəktin. Ekündi amultana ödan?“ Şururwən hütəwi taşidənərən amurwal, nəkuli tukiran hütənün, tuktiwunma tənən məntikwi.
- 150 Kipnörwān döldirə gəşə-gəşəl. Tukşaşna, həgildə iktəldiwər nəkü bəksəlwan. Guriwul aşı ikəldən:

„Guriwul, Guriwul!
əwadəglə gücəş
şərwə kəŋəktəkər

gəşəl, gəşəl gəşəlil əmərəktin,
döldidam, döldidam
adıduk-pal dawayıl“.

- 155 Umnə ikəldəgidun, umukənmə bəksawa həgrə. Aşı ikəldən ilarə. İliwrakin ikərəkin, əmərən Guriwul, uşəlin hurinđana. dürwə gəşə-gəşəl wārən, ilitin adagarān, adagađaktu iļəŋəwi əmənen. Gəşəgə mişərən. Guriwul əmərən gəşəgə iļəŋəwān gadan, şiltuktuwi nərān. Aşaşnən gəşəgan ıdalin. Guluwunma icārān, guluwuna lupumrak gıranān. Şəwəcəş neld'a lirorə, bəjəl injəktəldə. Guriwul həripəldən mürəli — acın, upkac iktəjəcil. Nunan şururən, gəwə guluwunma işşan, nən gıranān, nən neld'anın
- 160 hrörān mürəli icətsān—acın iktəjə acın, ələtin iktəci. Nunan şururən ilidutin guluwun, guluwunma gıranān, nən neld'anın lirorān, mürəli həripəldən, icārān umukən miminə. İldən tādū, gūnən: „Bəjə minə tiləđəkəl!“ Gəşəgān tiləldən. Guriwul tiləldən gəşə-gānmə, tiləmnin gādan şiltuktukpi iktəwən. Gəşəgān gūnən: „Bəjə əwa-ka nəkə-lindir?“—„Kumkələ dəwuldəm“. İktədən utumuktulin. Tādük Guriwul gūnən: „Amākə
- 165 əsnən, əmərkəldə tırujan“. Bürə kunakər tıruwər, Guriwul tırupkənən, tıruđu nərān dilwan, şururān.

14. Гуривуль женился. Три года жил, был один сын (их). Гуривуль промышлял. Пришел гаша. Жена Гуривуля сушеного мяса насыпала на шкуру, гаша стали есть, важенку убила женщина, обмазала содержимым желудка зад сына, за ухо подергала, стал плакать. „Ребенок отчего-то заплакал, дяди когда
15. пришли, почему-то обделался?“ Унесла сына, пошла подтереть сыну испражнения, на лабаз влезла с сыном, лестницу втащила к себе. Звон услышали гаша. Прибежавши, стали грызть зубами подставки.

Жена Гуривуля запела:

„Гуривуль, Гуривуль!
Для чего говорил
ушами звон,

когда гаша придут,
услышу, услышу
через сколько-то
больших переходов“.

- 158 Один раз пропела, одну подставку сгрызли. Женщина пропела трижды. В третий раз когда пела, пришел Гуривуль, стрелы его мигали (пролетали). Двух гаша убил, третий увернулся, на (том) месте, где увернулся, клык оставил. Гаша скрылся. Гуривуль пришел, клык гаша взял, в шильник сунул. Погнался по следу гаша. Увидел костер, через костер перешагнул. Опушка кафтана загорелась, люди засмеялись. Гуривуль оглянулся вокруг —
- 160 нет, все с зубами. Он ушел, дошел до второго костра, опять перешагнул опять опушка загорелась, кругом оглянулся—нет беззубого, все с зубами. Он ушел к третьему костру, костер перешагнул—опять опушка загорелась, кругом оглянулся, увидал одного беззубого. Остановился там, сказал: „Человек, поищи мне вшей!“ Гаша стал искать. Гуривуль стал искать гаша убивалкой вшей, взял из шильника зуб, гаша сказал: „Человек, что
- 165 делаешь?“ — „Вшей ем“. Зубом уколол в затылок. Потом Гуривуль сказал: „Дедушка заснул, дайте подушку“. Дети дали подушку. Гуривуль взял подушку, на подушку положил голову его, ушел.

43. Epkācān

inḡərə vəjə ašinun, ilan hūrlitin. Amīntin şururān siyūn buruptulən, əşin mucura, cōmbawrān. Tāduk şagdak hūṭən şururān, tük-şə cōmbawrān, duluy şururān — cōmbawrān. Əmənṡurə nikā əṡinunmi. Nikāk şururān şpkitnārən, icārān Epkācān şəksədil ijəlin, ḡagda dulin dulin aşı ikəldirān, ḡagda aḡalḡadırān. „Bəjəjəl vəjəjəl cagılı, goroh, ḡagdaḡiw hapkəşinmund'ā“. Bəjə mūcūşnān ḡūlāwī. Əṡintiki əməṡən, ḡiḡucənən: „icəm Epkācānmə amijaw wāḡacā, ijəlin şəksəḡdil, ḡagda aḡalḡadırən, təl aşı ikəldirān mō dulin dulin“. Əṡinmi hangūktald'ān: „ṡəṡə, amā halkalīn əjurgəlin biḡkitin?“ — „Ee, biḡkitin əjurgəlin, tiptirgəlin, kurgəlin, tākān kupalın nēcəw“. — „Əməpkəl!“ Əṡinīn ḡilnəşşən. Hūṭən tawicild'ān vərijəwī, şālēmə lūkijəwī ṡran, ild'ən ḡagḡawa ḡarparan. ḡagda dulinmān şururān. Nān tawitşan mand'itūrān, ḡarparān, ḡē hēḡdimarwə ḡagḡawa. ḡagda hapkanışnān. Nupan dilwī kamnundāran, tukuladāran, əṡintiki ḡūnən: „Epkācān wānāḡdəlim, əşikin-nun əməṡə — minə wārān“.

Şururān, işşan Epkācāndulā, ikəld'ən aşı:

„Epkācān, Epkācan, cırūkūl-də,
vəjədu əməpcəş, cırūkūl-də,
həḡarmişinḡan, cırūkūl-də“.

Epkācān ikəld'ən:

„Bəjəjəl vəjəjəl cırūkūl-də,
cagılı, goroh, cırūkūl-də,
ḡagdaḡiw hapkəḡə, cırūkūl-də —
şinmund'ı, cırūkūl-də“.

III. Кима. Чиромбу

43. Эпкачан¹

Живут мужчина с женщиною, трое сыновей. Отец их ушел на закате солнца, не вернулся, исчез. Потом старший сын ушел, также исчез, средний пошел — исчез. Остался младший с матерью. Младший ушел, пошел посмотреть, увидел кровавые рога у Эпкачана, в середине сосны женщина запела, сосна раздвигается (и) сдвигается. „Мужичок! мужичок! дальше, подальше, сосной моей разбит будешь“. Мужчина вернулся домой. К матери пришел, рассказал: „Видел Эпкачана, отца убившего, рога его в крови, сосна раздвигается, там в середине дерева женщина поет“. У матери спросил: „Мама, у отца молоток, клещи были?“ — „Да, были клещи, наковальня, щипцы, в середину колоды положила“. — „Принеси“. Мать сходила, принесла. Сын выковал лук, железную стрелу сделал, встал, в сосну выстрелил. Половину сосны снес. Опять ковал, укреплял, выстрелил во вторую большую сосну. Сосна разбилась в щепки. Он голову обмазал клеем, посыпал землей, матери сказал: „Эпкачана иду убивать; если не приду, меня убьет“.

Ушел, дошел до Эпкачана, запела женщина:

„Эпкачан, Эпкачан, чиркульда,
мужика же принесла, чиркульда,
коленями раздавит, чиркульда“.

Эпкачан запел:

„Мужичок, мужичок, чиркульда,
дальше подальше, чиркульда,
сосна в щепы чиркульда,
разобьет тебя, чиркульда“.

¹ Эпкачан — название оленя — важенки около одного года.

Бəјə дагамаран, гарпаран, Ёпкăцанма вăран, дагдawa гарпаран апканушк-
нанин. Ашĭ шĭлaptан. Ашĭ гўлд'ран: „шĭруг'т туқшалĭктĭ“. Шĭрурă, ĭшĭа туқшалĭктĭпа, ашĭ
гўнăн: „Кə! бəјə, туқшаšĭлкə!“ Туқшаšĭтту бĭцăн шĭлаwургacĭр. „Шĭ-кăн цўлăлĭ мĭкca-
25 шĭлka, бĭ мулд'им“, бəјə гўнăн.

Ашĭ туқшаšĭлд'ан, бəјə амarguc. Туқшаšĭмĭ хəлəшĭн ашĭwa. Ашĭ гўнăн: „əдук
òдан дĭгнĭлəлĭкĭ“. ĭшĭа дĭгнĭлəлĭктĭпа, ашĭ гўнăн: „Кə! бəјə! шĭкəн дĭгнĭлəшĭкə“. — „Бĭ
мулд'им, шĭ-кəнə“. Ашĭ дĭгнĭлəшĭнəн, бəјə амarguc хəлəшĭн. Тăдук ашĭ гўнăн: „əдук
òдан шăрумòлĭкĭ“. ĭшĭа. „Бəјə, шĭкəн шăрумòкə“. — „Бĭ мулд'им“. Ашĭ шăрəмəлд'əн,
30 бəјə амarguc горотмordу. „əдук òдан ĭгдĭлĭкĭ“. ĭшĭа ĭгдĭлĭктĭпа „Кə, бəјə
ĭгдĭкə“. — „Бĭ мулд'им шĭкəнə“. Ашĭ мòмат ĭгдĭwундĭ ĭгдĭшĭн, бəјə цўрĭктăлwăн,
ĭгдĭwунмăw ургacăн, гадан ĭжəмəwə ĭгдĭwунма, ĭгдĭшĭн, нăн ургаран; шăлəмăwă
гăдан, ĭгдĭшĭн, цмұкəн ĭктəwă əwрəн, бакurrăн ĭгдĭwун ĭкундулĭн, ашĭ буддан.
Бəјə амашĭ мucusнăн. Ёпкăцанма гuluwунду кĭнтĭрəнəн, əшĭнтĭкĭwĭ шĭрурăн,
35 цлгucəнəн upkatпа. Əшĭнĭн uruktatпĭ əптəwĭ уншĭн, буддан.

N. Bajaki. Cirəmbu

44. Ёпкăцан

Атĭрĭкăн əлəкəш бĭцăн, ĭлан хўрĭлĭн — ĭлан бəјəл. Хўрĭлwĭ гундĭрăн: „Луғунду
əпнəкəлд'у гуркудăрă, гўлəмугдĭ“. цмұкəн хўтəн шĭрурăн луғурĭктĭ. Тăлă мò хополĭн
ашĭ ĭкəдəрəн:

„Ёпкăцан, Ёпкăцан, цĭрұкĭл-цă,
бəјəду əмəpcəш, цĭрұкĭл
хəггəрмĭсĭнцăн, цĭрұкĭл“.

Мужчина приблизился, выстрелил—Эпкачана убил, в сосну выстрелил—до
щепок разбил. Женщина осталась. Женщина сказала: „Пойдем на место прыж-
ков“. Ушли, дошли до места прыжков, женщина сказала: „Ну, мужик, пры-
гай!“ Место прыжков было, как бы из шил. „Ты-ка вперед скачи, я не умею“,
25 сказал мужчина.

Женщина стала прыгать, мужчина позади, прыгая, опередил (дальше)
женщины. Женщина сказала: „Отсюда пойдет место бегов“. Дошли до
места бегов, женщина сказала: „Ну, мужичок, ты беги“. — „Я не умею,
ты-ка (попробуй)“. Женщина побежала, мужчина позади дальше (опередил). По-
том женщина сказала: „Теперь будет место, где мочатся“. Дошли. „Мужик, ты
помочись“. — „Я не умею“. Женщина помочилась, мужчина позже, значи-
30 тельно дальше. „Отсюда будет место, где чешут волосы“. Дошли до места
чесания. „Ну, мужик, чеши“. — „Я не умею, ты чеши“. Женщина деревянной гре-
бенкой стала чесать волосы мужчине, гребенку сломала, взяла костяную гре-
бенку, стала чесать, опять сломала, взяла железную, стала чесать, один зуб
сломала, соскользнула гребенка на грудь ее, женщина умерла. Мужчина вер-
нулся обратно, Эпкачана сжег на костре, к матери пошел, рассказал все. Мать
35 от радости легкое вырвала, умерла.

Н. Баяки. Чиромбу

44. Эпкачан

Вначале была старуха, трое сыновей. Сыновьям говорит: „Ночью не ходите,
страшно“. Один сын пошел (под вечер) в полночную сторону. Там в расщелине
дерева женщина поет:

„Эпкачан, Эпкачан, цĭрукĭль-дĭ,
мужчину же принес, цĭрукĭль,
коленями раздавит, цĭрукĭль“.

Bəjə tələ gənərən kirəlin. Ėpkācān bəjəwə tukşancaran. Ėpkācān, wārən, bəjə
buddan. Tarī bəjə cōmbawrān. Atırıkān hütən gē şururān tar ūdalin. Tələ nān mō
hoqolin aşı ikəqərən:

10 „Ėpkācān, Ėpkācān, cirūkūl,
bəjədu əməpcəs, cirūkūl-də,
həggərmişindən, cirūkūl!“

Tarī bəjə nān gənərən Ėpkācān kirəlin. Ėpkācān tukşancaran, nān nuqanmān
wārən. Bəjə dūlāwī əşin əməgə, lītūn bəjə tūgā şururān, gələktənəşşən nəknīl ūdalūn.

15 Nān ikəld'ən aşı:

„Ėpkācān, Ėpkācān, cirūkūl-də,
bəjədu əməpcəs, cirūkūl,
həggərmişindən, cirūkūl!“

Tar bəjə Ėpkācāndulā əşin gənərə kirələn, mucuşnan dūlāwī. Əşintikiwī gūnən:
20 „Bi icəm—aşı ikəqərən mō hoqolin, Ėpkācānmə icəm şəksəgdən ijəlin. Ėpkācān
wācān nəknīlwi“. Atırıkān gūnən: „Nikājə ənnəkəi targıdātki gırkıdara“. Nuqan han-
guktald'ən əşinmī, gūnən: „Kurgəl bişi?“—„Bişi“—„Halka əişin?“—„Bisin“—„Əjərgə
bişin?“—„Bişin“. İjəgild'ən. Şələməwə bəjəwī ōran, uşələwī sələməlwə ōran. Şururān
25 tələ nān. Nān aşı ikəld'ən:

„Ėpkācān, Ėpkācān, cirūkūl-də,
bəjədu əməpcəs, cirūkūl,
həggərmişindən, cirūkūl!“

Ėpkācān həggərmişinən, tukşancaldāwī, bəjə garparan Ėpkācānmə, wārən.
30 Tarā garparan mōwa hoqolin. Mō pəşirgərən. Aşı ikəqəri bürürən dünd'ədu.

Мужчина подошел туда поближе. Эпкачан на мужчину прыгнул. Эпка-
чан убил, мужчина умер. Тот мужчина пропал. Другой сын старухи пошел по-
тому следу. Там опять в расщелине дерева женщина поет:

30 „Эпкачан, Эпкачан, чирукуль,
мужчину принес, чирукульдя,
коленом разобьет, чирукуль“.

Тот мужчина опять подошел поближе. Эпкачан к мужчине прыгнул,
опять его убил. Мужчина домой не пришел. Третий мужчина тоже ушел,
15 пошел искать следы младших братьев. Опять запела женщина:

„Эпкачан, Эпкачан, чирукульдя,
мужчину принес, чирукуль,
коленом разобьет, чирукуль!“

20 Тот мужчина не подошел близко к Эпкачану, вернулся домой. Матери
сказал: „Я видел, женщина поет в расщелине дерева, Эпкачана видел с окро-
вавленными рогами. Эпкачан убил младших братьев“. Старуха сказала: „Мень-
шой, не ходи в ту сторону“. Он стал просить мать, сказал: „Наковальня есть?“
— „Есть“. — „Молот есть?“— „Есть“. — „Клещи есть?“— „Есть“. Стал ковать, же-
лезный лук сделал, железные стрелы сделал. Пошел туда опять. Опять же-
25 щина поет:

„Эпкачан Эпкачан, чирукульдя,
мужчину принес, чирукуль,
коленом разобьет, чирукуль“.

Эпкачан колени прижал, чтобы скакнуть, мужчина выстрелил в Эпкачана, убил.
30 Выстрелил в ту щель дерева. Дерево треснуло. Поющая женщина упала на землю.

Tāduk şururān bəjə asīnun. Asī gūnən: „Əduk ɔdan həndiriləkiç, həndirilidəp“. Dənərə, bəjə giralin həgdimeşəl ɔda, aşı giralı huliṭmaşəl ɔda. Tāduk aşı gūnən: „Əduk ɔdan mikcaliçakiç, mikcalidəp“. Bəjə mikcānən, asī mikcānən, avuld'ān bəjəwə. Nūtərə dililwar, gūnən aşı: „igdililidəp!“ Igdililidə. Bəjə igdirān nuriṭtalwi.
 35 Aşı türkəwucild'ān, igdiwundīwi arkīran ukunduln, buḍḍan.

Ş. Kiltinə. Cırəmbu

45. Nəmələn

Atrikān kumalāmdaran. Hūtəwi ipkərən asātkāngı, tələptilədən, purlawı bürən koləcəwa. Aşātkān şururān, şupirilwə högnāld'ən, gələwi wārān, hāpāld'ən, taric şonold'ən. Cinəkə əmərən gūnān: „ci-ci-ca! ci-ci-ca! ewa şonoldəndi? ci-ci-ca! ci-ci-ca! şəkşəwi ciwuşka!“ Cıwusnan, gūnən! „əñijəl nekūjəl tug-dā birā alagdi!“

5 Aşātkān şururān, wārān əñinmi, nekūilwi, wārān, qəwrān. Akīnin əmərən, bəjüşcəwə. Döldürān, gundirān: „Hāñal! hāñal! hāñal! hāñal! əşiməki, akī okın əməḍān? əşiməki?“ Tar pān tuk-sə gūnən: „hāñal! hāñal! hāñal! hāñal! əşiməki akījā okın əməḍān?“ Taric şururān oror nekəlētīn. Nəmələnme gələktəḍərən. Tarā Nəmələnme qawaran uyrān, şururān nekūndulāwi, pənərən gūnān. „Nəkūl! həj! həj!“ Tar nekūnin, tugə
 10 gūnəkin, mişoran. Nekūnin kalanmı gəkalārān, şukəŋkiwi gadan, şururān. Nəmələnḍi huktibḍərən, huktibḍirān. Tālā dolbold'ən, nekūnmi döldirān amaşki kəşilirin aşāḍan. Taric bokold'ən şiyun buruçələn. Şukəŋkiwi quləşki nōdarān, gūnān: „Nəmələn halganawı buruptıŋawı bōriṭal, āŋğaciwunaw“. İwəŋkin tarı Nəmələn högran halganmān qmukənmə. Hata huptiḍqārān; āŋğaşŋan, Nəmələn halganmān qəwḍənə.

Потом пошел мужчина с женщиною. Женщина сказала: „Теперь будет место состязания в шагах, станем шагать“. Пошли, шаги мужчины увеличились, шаги женщины маленькие. Потом женщина сказала: „Отсюда пойдет место состязания в прыжках, станем прыгать“. Мужчина прыгнул, женщина прыгнула, отстала от мужчины. Насмолили головы, женщина сказала: „Станем чесать волосы!“
 35 Стали чесать. Мужчина чесал волосы. Женщина стала расчесывать, гребенкой уколола грудь, умерла.

III. Кильтыно. Чиромбу

45. Нэмэлон (десятиногий олень)

Старуха делала кумаланы. Дочь свою заставила шкурки напаяливать на палочки, нож дала, женский нож. Девочка ушла, стала срубать палочки, руку разрезала (убила), кровь потекла, заплакала от этого. Пташка пришла, сказала: „Чи-чи-ча! чи-чи-ча! что плачешь? чи-чи-ча! чи-чи-ча! кровь свою лизни“. Лизнула, сказала: „Мать, младшие сестры также сладки, вероятно“.

5 Девочка ушла, убила мать, младших сестер убила, съела. Пришел старший брат, отпромышлял. Услыхала, говорит (она): „Кровь! кровь! кровь! сегодня ли, старший брат когда придет, сегодня ли?“ Потом опять также сказала: „Кровь! кровь! кровь! сегодня ли когда ли старший брат придет?“ Потом пошел к следам оленей. Нэмэлон ищет. Того Нэмэлон поймал, сел верхом, поехал к младшей сестре, шел, говорил: „Младшая, хэй! хэй!“ Младшая, когда (он) так
 10 говорил, исчезла. Младшая надела (котел на плечо), топорик взяла, ушла. На Нэмэлоне бежал, бежал. Стало темнеть, услышал позади звук бега младшей сестры, преследует (она). Таким образом после захода солнца стала нагонять. Топорик вперед бросила (она), сказала: „Нэмэлон, ногу на ночьлег отдели (отруби)“. Топор тот отрубил одну ногу Нэмэлона. Все еще убегает; заночевала, съедая ногу Нэмэлона.

15 Tımältānə nān Nəmələnəmən aşaşnan. Tālā Nəmələndi nān bokold'ən dolboltōnə. Nān kəşirilīn ildə. Tālā nān şıyūn buruşnan, nān gūnən: „Nəmələn halganawı bokal“. Buruptinən, iwəŋkiwi nān quləski nōdarān, nān Nəmələn halganma hōgran. Tuŋi aşatkān hōgran jəginmə halgarwān. Nān dōldirān kəşirilīn, kalarin kəŋirilīn. bokold'ən. Bokonən Nəmələnme, nān şukəŋkiwi nōdarān, gūndānə: „Nəmələn qayıw,
20 halganmı bokal mindū buruptinəw“. Nōdarān şukəŋkiwi quləski, Nəmələn halganmān hōgran, bururān. Nəmələn əlwēn qəwrən.

Akīnīn tar əşilə tukşamat mişērān. Tālā tukşarān, tukşarān nān dōldirān amaşki kəşirilīn, kəŋirilīn. Wek dagamaran.

Dolboltōnə bokumūrān akīnmı. Akīnīn ikəld'ən:

35 „Həku-kul! həku-kul! həku-kul! iŋəjən dilaca dalgalaşkal kumalandındi galajabda, tōki galandinin	galajabda okal Tōki galandinin! Dəwərdibgin! dəwərdibgin!“
--	--

Tōki ođan. Tōki binə, hūktild'ən. Hūktiđəgnərən, hūktiđəgnərən, hūktirān tālā,
40 dolboltōnə dərurən, nān amaşki dōldirān, nān kəşirilīn, kalanin kəŋirilīn nān ikəld'ən:

„Həku-kul! həku-kul! həku-kul! iŋəjən dilaca kumalandimatic, dalgalaşmalakal!	galajabda okal əwəj galandinin, galajabda okal! Dəwərdibgin! dəwərdibgin!“
--	---

85 Əwəj ođan, hūktild'ən. Hūktirān, hūktirān, dolboltōnə dərurān, nān bokold'ən kəşirilīn, kəŋirilīn, nān ildə, nān ikəld'ən:

„Həku-kul! həku-kul! həku-kul! iŋəjən dilaca dalgalaşkal kumalandimatic dalgalaşkal!	galajabda okal guşka galandinin! dəwərdibgin! dəwərdibgin!“
--	---

15 Утром опять стала преследовать Нэмэлону. К вечеру там опять стала нагонять Нэмэлону. Опять звук бега слышится. Опять там солнце село, опять сказала: „Нэмэлон, ногу отдели!“ Солнце село опять, бросила вперед топорик, опять отрубил (он) ногу Нэмэлону. Таким образом девочка отрубила девять ног его. Опять услышала звук бега, звон котла, стала нагонять. Нагнала Нэмэ-
20 лону, топорик бросила, говоря: „Нэмэлон, десятую ногу отдели мне на закате (вечером)“. Бросила вперед топорик, отрубил ногу Нэмэлону, упал (он). Нэмэ- лона всего съела.

Старший брат теперь скрылся пешком. Бежал, бежал туда, опять услы- шал позади звук бега, звон, все время приближался.

Вечером (совсем) хотела догнать старшего брата. Старший брат запел:

35 „Жар! жар! жар! Мать-солнце закрой кумаланом след, следом сохатого	след мой сделай! следом сохатого! Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“ (заклинание)
--	--

Сделался лосем. Лосем ставши, стал удаляться. Бежал, бежал туда, вече-
80 ром устал, опять позади услышал, опять звук бега, звон котла, опять запел:

„Жар! жар! жар! Мать-солнце закрой кумаланом след, след закрой!	След (мой) сделай медведя следом, след сделай! Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“
--	--

31 Медведем стал, побежал. Бежал, бежал, вечером устал, опять стала наго- нять, опять звук бега, звон котла слышен, опять запел:

„Жар! жар! жар! Мать-солнце закрой кумаланом закрой!	След сделай волка следом! Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“
--	--

⁴⁰ Huktildʻən, guşkə binə. Dolboltōnə dārurān, nān ildʻə kəjirilīn, kəşirilīn, nān ikəldʻən:

„Həkuḳu! həkuḳə! həkuḳu!
inəjən dılaca dalgalaşkal!
kumalandımatic dalgalaşkal!

galajavda ökal
jantakı galandınin!
dəwərdıgin! dəwərdıgin!“

⁴⁵ Jantakı ödan, huktildʻən. Huktirən, huktirən, tälä dolboltōnə nān dārurān; nān kəşirilīn, kəjirilīn ildʻə, nān bokoldʻən. Nupan nān ikəldʻən:

„Həkuḳu! həkuḳə! həkuḳu!
inəjən dılaca dalgalaşkal!
kumalandımatic dalgalaşkal!

galajavda ökal
gəlki galandınin!
dəwərdıgin! dəwərdıgin!“

⁵⁰ Gəlki ödan, huktirən. Dolboltōnə nān dārurān, nān kalandıwı kəjirilīn, kəşirilīn ildʻə, nān bokoldʻən, nān ikəldʻən:

„Həkuḳu! həkuḳə! həkuḳu!
ənişən dılaca dalgalaşkal!
kumalandımatic dalgalaşkal!

galajavda ökal
şulakı galandınin!
dəwərdıgin! dəwərdıgin!“

⁵⁵ Şulakı ödan huktildʻən, dolboltōnə nān dārurān, nān kəjirilīn, kəşirilīn ildʻə. Nān ikəldʻən:

„Həkuḳu! həkuḳə! həkuḳu!
ənişən dılaca dalgalaşkal!
kumalandımatic dalgalaşkal!

galajavda ökal
kuşku galandınin!
dəwərdıgin! dəwərdıgin!“

⁴⁰ Убежал, волком будучи. Вечером устал, опять слышался звук бега, звон котла, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом след!

След сделай
следом росомахи!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

⁴⁵ Сделался росомахой, побежал. Бежал, бежал, там ночью опять устал, опять звук бега, звон котла слышен, опять стала догонять. Он опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
следом рыси!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

⁵⁰ Рысью стал, убежал. Вечером опять устал, опять звон котла, звук бега слышны, опять стала нагонять, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
лисыим следом!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

⁵⁵ Сделавшись лисцей побежал, ночью опять устал, опять звук котла, звук шагов слышны. Опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
следом соболя!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

60 Kuxkux bina, huktilid'an. Dolboltone nan daruran, nan ild'e kaxiril'in, kalandi kaxiril'in, nan ikald'en:

„Hokukul hokukul hokukul!
axijän dilaca dalgalaşkal
kumalandimatıc dalgalaşkal!

galajanda okal
sələgə galandinin!
dəwərdiğin, dəwərdiğin!“

65 Şələgə ödan, huktidəgnəren, nan daruran, nan kaxiril'in, kaxiril'in ild'-ə, nan ikald'en:

„Hokukul hokukul hokukul!
axijän dilaca dalgalaşkal
kumalandimatıc dalgalaşkal!

galajanda okal
qələki galandinin!
dəwərdiğin! dəwərdiğin!“

70 qələki ödan huktilid'en. Dolboltone nan daruran, nan kaxiril'in kaxiril'in ild'e, nan ikald'en:

„Hokukul hokukul hokukul!
ixijän dilaca dalgalaşkal,
kumalandimatıc dalgalaşkal!

dalajanda okal
camutkän galandinin!
dəwərdiğin! dəwərdiğin!“

75 Camutkän ödan günän: „Şinərəkər nəpkətənədu pərilqəkəld'ul“ Pərilde. Tadu aşadarı cömbarän nıganmən. Dəngəlwe şukəşild'en, şukəşkin əwurgerən. Əwurgə-rəkin, günän: „Akä! alätıcıkäl minəl kədərəlwi ülwi əməvqəm“. Amaşki şururän, kədə-rəlwi, ülwi cıçırwi, şıdıwırwı əməwrən. Tarıl cıçırwi upkal əwrən, kədərəlwi əwrən, ələwətin əwrən. Tadıuk cömbarän nəkün'in, tadu buddan.

60 Сободем ставши, побежал. Вечером опять устал, опять слышны звук бега, звон котла, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
следом хорька!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

65 Хорьком стал, бежит, опять устал, опять звук шагов, звон котла слышны, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
горностая след!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

70 Горностаем стал, побежал. Вечером опять устал, опять звук шагов, звон котла слышны, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
мышь следом!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

75 Мышью стал, сказал: „Мышь во владинах у ручья разбегайтесь!“ Разбежались (следы). Там (и) потеряла его преследовавшая. Пустые места ударила топором, топор сломался. Когда сломался, сказала: „Старший брат, подожди меня! кожемалки, скребки принесу!“ Обратно ушла, кожемалки, скребки (разн. сорта) принесла. Все скребки сломала, мялки сломала, все сломала. Потом потерялась младшая сестра там (и) умерла.

46. Muriwul

Čiwukčak ašī ādārān. Ūmūnmāk āmārān Čiwukčatki šāriwūčild'ān ādārīwāi
ūmūnmāk ikāld'ān:

„Čiwukčak! Čiwukčak!
ēgdatpi āgnānd'ā?
5 Čēwi cāpīh
Čēwi caskīh!
Činākāl cupīcāl!
Činākāl culd'icāl!
— „ūmūnmāk! ūmūnmāk!
10 Minēlējē uypkāl
huld'arukmāttuwi,
kalarukmāttuwi“.
— „Ētēm-lēn! ētēm-lēn!
Ētēm-lēn uypwra!
15 dūnmāk-lūn pākəyīn!
Muriwul lombolonmōn
hərəlñəđi bišim,
witrinəđi bišim,
hīrgənəđi bišim“.
20 — „dūnməkjəl dūnməkjəl
Minēlējē uypkāl
huld'arukmāttuwi,
kalarukmāttuwi“.

— „Ētēm-lēn! ētēm-lēn!
Ētēm-lēn uypwra
Ilanmāk pākəyīn!
Muriwul lombolonmōn
hərəlñəđi bišim,
witrinəđi bišim,
hīrgənəđi bišim“.
— „Ilanmāk! ilanmāk!
Minēlējē uypkāl
huld'arukmāttuwi,
kalarukmāttuwi“.
— „Ētēm-lēn uypwra,
Diginmāk pākəyīn!
Muriwul lombolonmōn
hərənəđi bišim,
witrinəđi bišim,
hīrgənəđi bišim“.
— „Diginmāk, Diginmāk!
Minē-lēn uypkāl
huld'arukmāttuwi,
kalarukmāttuwi“.

III. Кильтино. Чиромбу

46. Муривуль

Женщина Чувукчак спит. Пришла к Чувукчак Умунок¹, стала будить
спящую. Умунок запела:

„Чувукчак! Чувукчак!
Зачем спишь?
5 Покойники кругом,
покойник близко,
пташки защибетали
пташки засвистели!“
10 — „Первая, Первая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану, не стану,
не стану сажать я,
15 Вторая пусть попробует!
Муривуля шаманским плащом
окружена я,
плясовым кругом окружена,
зашаманена я“.
20 — „Вторая, Вторая!
Меня верхом посади
на одеялоносца
на котлоносца“.

— „Не стану, не стану,
не стану сажать я,
Третья пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Третья, Третья!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану, не стану,
Четвертая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Четвертая, Четвертая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.

¹ Имена сестер произведены от числительных: ишпц—один, ишпцтэк—женское имя.

25 — „Ətəm-lən uyurğa,
Tungamäk nəkəyin!
Murıwul lombolonmön
hərenəqi bişim,
witrinəqi bişim,
30 — „Tungamäk! Tungamäk!
Minə-lən uyupkal
huld'arukmattuwi,
kalarukmattuwi“.
— „Ətəm-lən uyurğa
35 Nupumäk nəkəyin!
Murıwul lombolonmön
hərenəqi bişim,
witrinəqi bişim,
hircənəqi bişim“.
40 — „Nupumäk, nupumäk!
Minə-lən uyupkal
huld'arukmattuwi,
kalarukmattuwi“.
— „Ətəm-lən uyurğa
45 Nadanmäk nəkəyin!
Murıwul lombolonmön
hərenəqi bişim,
witrinəqi bişim
hircənəqi bişim“.
50 — „Nadanmäk, Nadanmäk!
Minə-lən uyupkal

huld'arukmattuwi,
kalarukmattuwi“.
— „Ətəm-lən uyurğa
dapkunmäk nəkəyin!
Murıwul lombolonmön
hərenəqi bişim,
witrinəqi bişim,
hircənəqi bişim“.
— „dapkunmäk, dapkunmäk!
Minə-lən uyupkal
huld'arukmattuwi,
kalarukmattuwi“.
— „Ətəm-lən uyurğa!
Jəginmäk nəkəyin!
Murıwul lombolonmon
hərenəqi bişim,
witrinəqi bişim,
hircənəqi bişim“.
— „Jəginmäk, Jəginmäk!
Minə-lən uyupkal
huld'arukmattuwi,
kalarukmattuwi“.
— „Ətəm-lən uyurğa
dānmakja nəkəyin!
Murıwul lombolonmön
hərenəqi bişim,
witrinəqi bişim,
hircənəqi bişim“.

25 — „Не стану сажать я,
Пятая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
30 — „Пятая, Пятая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
45 Шестая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
40 — „Шестая, Шестая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
55 Седьмая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
60 — „Седьмая, Седьмая!
Меня верхом посади

на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Восьмая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Восьмая, Восьмая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Девятая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Девятая, Девятая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Десятая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.

— „dānmākjal dānmakjal
Mīnə-lən uyupkal

huldʹarukmāttuwi,
kalarukmāttuwi“.

Данмак ууууран, шүрүрә Муриуулүки. Нуған дүкәнмә лүпүмрак һүктүрән,
56 шүрүрән. Муриуул үмүкән әмәнмүрән дүкәндуи. Шүрүрән, үдәтин үдәшнән. Тәлә
боконән үмүмәкпә, гүнән: „Аә! әтәшкә“. — „Әтәм! әтәм! әсамат иәпкәти, әтпи
әтәшндәм, кәдәрәу гарпакал“. Муриуул кәдәрәуән гарпаңсаран, урәрән. Тарә нән
гәнерән, гәнерән дүнмәк боконән „дүнмәк әтәшкә!“ — „Әтәм, әтәм, әсамат иәп-
кәти, әтпи әтәшндәм? Чүчүнмә гарпакал, әнйә дәнмәкпи йду тәуулданди?“ Муриуул
61 гарпаран, урәрән; шүрүрән, нән боконән ашйа, һанмәк. „Аә! әтәшкә“. — „Әтәм!
әтәм! әсамат иәпкәти, әтпи әтәшндәм уәпкә гарпакә“. Муриуул илүрән гарпа-
ңсаран, урәрән, нән шүрүрән, илтәнән, нән ашйа боконән. „Аә! әтәшкә“ — „Әтәм!
әтәм! әсамат иәпкәти, әтпи әтәшндәм? Шидуунма гарпакә“. Гарпаңсаран нуған,
урәрән, нән шүрүрән, нән боконән ашйа Тунгамәк. „Аә әтәшкә“. — „Әтәм! Әтәм,
5 әсамат иәпкәти, әтпи әтәшндәм, әнйә дәнмәкпи йду тәуулданди; үлкәуә гарпакә“.
Муриуул үлкәуән гарпаңсаран урәрән. Шүрүрән нәу боконән ашйа Нуңунмәк. „Аә!
әтәшкә! — Әтәм! әтәм! әсамат иәпкәти, әтпи әтәшндәм? дәуалгәнмә гарпакә“. Нуған
гарпаран, урәрән, дәуалгәнмә әмәнән, шүрүрән, нән боконән ашйа Надан-
мәк. „Аә! Әтәшкә“. — „Әтәм! әтәм! әсамат иәпкәти, әтпи әтәшндәм, шйүкәнмә
70 гарпакә“. Муриуул гарпаңсаран, нән урәрән, шүрүрән сәскә, ашйа боконән. „Аә
әтәшкә“. — „Әтәм! әтәм! әсамат иәпкәти, әтпи әтәшндәм, әнйәкпә гарпакә!“ Гар-
паңсаран нуған, урәрән, шүрүрән ашйа боконән, гүнән: „Аә! әтәшкә“, — „Әтәм!
әтәм! әсамат иәпкәти, әтпи әтәшндәм, дәләспә гарпакә“. Нуған гарпаран, урәрән,
урәрән ашйа боконән: „Аә! әтәшкә“. — „Әтәм! әтәм! әсамат иәпкәти, әтпи әтәшндәм,
75 дәуујуән гарпакә!“ Муриуул гарпаран, урәрән, шүрүрән, боконән ашйа. „Аә әтә-
шкә!“ — „Әтәм! әтәм! әсамат иәпкәти, әтпи әтәшндәм, лөмбөлөммо гарпакә“. Нуған
гарпаңсаран урәрән.

— „Десятая, Десятая!
Меня верхом посади

на одеялоносца,
на котлоносца“.

Десятая посадила, отправились к Муривулю. Она сквозь юрту пробежала,
56 убежала. Муривуль остался один в своей юрточке. Пошел, по следам пошел. Там
встретил Первую, сказал: „Женщина, оглянись“. — „Нет, нет! глазом увижу как
(глаза слепые), чем оглянусь, мялкой выстрели“. Муривуль мялкой бросил, про-
махнулся. Там опять шел, шел, Вторую встретил. — „Вторая, оглянись!“ — „Нет,
нет, глазом как увижу, чем оглянусь, скребок брось“. Мать Десятую где догонишь?“
60 Муривуль бросил, промахнулся, ушел, опять догнал женщину, Третью. „Женщина,
оглянись!“ — „Нет! нет! глазом как увижу, чем оглянусь, скребок брось!“ Мури-
вуль в третий раз бросил, промахнулся, опять ушел, прошел, опять женщину на-
гнал. „Женщина, оглянись!“ — „Нет, нет, глазом как увижу, чем оглянусь, скребок
для выскабливания шерсти) брось“. Быстро бросил, промахнулся, опять пошел,
опять встретил женщину, Пятую. „Женщина, оглянись!“ — „Нет! нет! глазом
65 как увижу, чем оглянусь, мать Десятую где догонишь; буторком (на бубне)
выстрели“. Муривуль буторком выстрелил, промахнулся. Ушел, опять догнал
женщину, Шестую. „Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу, чем
оглянусь, ручку (от бубна) брось“. Он бросил, промахнулся, ручка осталась,
ушел, опять встретил женщину, Седьмую. „Женщина, оглянись“. — „Нет! нет!
глазами как увижу, чем оглянусь, серединку (пузыря шаманского бубна) брось“.
70 Муривуль бросил, опять промахнулся, ушел дальше, женщину встретил. „Жен-
щина, оглянись“. — „Нет, нет! глазами как увижу, чем оглянусь, круг от (шаман-
ской шапки) брось“. Бросил он, промахнулся, ушел, женщину встретил, сказал:
„Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, крышку (от
бубенного чехла) брось“. Он бросил, промахнулся, ушел, женщину встретил.
„Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, рог (на-
75 спинное украшение большого шамана) брось!“ Муривуль бросил, промахнулся,
ушел, встретил женщину. „Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу,
чем оглянусь, плащ брось“. Он бросил, промахнулся.

Şururân Munwul, bəjəwə arcaran. ɖikild'ân. Bəjə gŭnən icəpcəjə Muruwulwa: „Aha-ha-hal“ Muruwul tiki ɖəwupki əmərân, taimiwi uyaktaɖaran, bəjə gundirân
⁹⁰ Muruwulwa: „ɖikilmākəciyā!“ Tarɪ ɖəwupki şururân. Muruwul gŭnān: „On ɖikilmākəciyā?“ ɖəwupki şururân. Muruwul icətt'ən. Amutkəndulɪ hurrân ɖəwupki, ɖara ninə. Muruwul şupirə kaputtan ɖalɖana, şururân, iktərən mŭwə hurɖəktawi. ɖəwupki tāduk ild'ən: „Aha-ha-hal Bəjə şötmərti bişind'i“. ɖəwupki ɖewrân ɖikilnarân, Muruwul icətt'ən, talā ɖəwupki mŭgdəkənə ödan. Muruwul şururân ɖān şupirə kaputt'ən
⁹⁵ mŭgdəkənə işşan, iktərən şupirəc. Bəjə gŭnān: „Aha-ha-hal bəjə, şötmərti bişind'i“. Tāduk ɖəwupki gŭnān: „Kəl bəjə şi-məli ɖikilnakə! Muruwul gŭnən: „Ənət icəttā şi-də“. Muruwul ɖənərən, ɖənərən talā kərsukə ödan, əpkərə hoɖolin hurrân. Gələktild'ən, gələktild'ən ɖəwupki, albaran, əşin bakara. Dolboron ɖəwupki aŋgaşnaŋ. Aŋald'ən tar əpkərə dagama. Togowo ilaran, pötaktiwān şilaran. Əşilə ikəld'ən.
⁹⁶ „Bəjə ɖəwə birān, əjagan ɖəwuld'ən ɖəmənd'əjə ɖəşə ömikot“, gŭnə bəjə pötaktiwān əmukşəmiduwi iniktəɖəmirən. „Bəjəkəkun ilə ödan, öşiktajagdal?“ Aşnaŋ nunaŋ, aşınakın, əşilə nunaŋ hişicild'ən aŋgaɖuwi. Hişiciliktaɖu Muruwul ɖarparan şəgde-nd'əlin, ɖuld'ən: „Əpkərə əɖand'i, əɖand'i? ənəl“ Nān ɖarparan, ɖəwupki buɖɖan.
 Muruwul əpkərəɖuk jŭrən, bəjə ödan, şururân. Talā putə dəgild'ən, dərən tādū.
⁹⁸ Muruwul ɖarparan, tar putəwə wārən. Gənnəciren, ɖawaran nunaŋmān. Putə han-ɖuktaran, gŭnān: „Bəjə öni kənd'i?“ Bəjə gŭnən: „Garpam“. — „Hatat hikənmi ilkurild'ən“. Işild'ən bəjə, putə gŭnān: „Bəjə öni kənd'i?“ — „isilim“. — „Hataglat, gŭnān: „ɖəɖurild'ən“. işşan bəjə, togowi ilarān, möjawi kasıranan, putə gŭnān: „öni kəlind'i? ekun kəşəran?“ Bəjə togowi ilarān, təlgəcild'ən; putə gŭnān: „Bəjə öni kəlind'i? — „Təlgəcilim“. Putə tagɖilild'ən. „Hataglat, gŭnim, ekunɖi hişilild'ə“. Silarān bəjə, tarɪ hanɖuktaran: „Bəjə öni kəlind'i?“ Muruwul gŭnān: „Silam“. — „Hata-
¹⁰⁰ glat, et ɖigilild'ən“, ɖəwren Muruwul putəwə. ɖəwuld'ən əşilə, putə gŭnān: „Bəjə end'i?“ — „ɖəwum“. — „Hataglat, ekunɖi hakurild'ən?“ Muruwul amunan. Muruwul

Ушел Муривуль, человека встретил. Спрятался. Человек сказал при виде Муривуля: „А-ха! ха! ха!“ К Муривулю людоед подошел, кузов тащит, человек
⁹⁰ говорит Муривулю: „Давай друг от друга прятаться!“ Тот людоед ушел. Мури-вуль сказал: „Как друг от друга прятаться?“ Людоед ушел, Муривуль под-сматривал. В озерко нырнул людоед, в ленка превратившись. Муривуль прут сломал, держа пошел, по воде ударил по месту ныряния. Людоед тогда встал: „А-ха! ха! ха! человек (ты) силен!“ Людоед вторично спрятался. Муривуль подсмотрел, там людоед пеньком стал. Муривуль ушел, опять прут сломал, до
⁹⁵ пенька дошел, ударил прутом. Человек сказал: „А-ха! ха! ха! (ты) мужик силен“. Потом людоед сказал: „Ну, мужик, прячься ты“. Муривуль сказал: „Ты-то не подглядывай“. Муривуль шел, шел, там превратился в бабочку, в щель сухого дерева залез. Искал, искал людоед, не мог, не нашел. Вечером людоед заноче-вал. Ночевал вблизи от того дерева. Огонь зажег, глухаря жарил. Вдруг
⁹⁸ запело: „Мужик как будто говорил, что-то станет есть, по медведю голодал“, говоря мужик понес глухаря в поняге. „Мужичок куда же пропал, только звезды одни“. Лег спать (он), когда (он) ложился, спину грел на ночлеге (у костра). Во время грения Муривуль выстрелил в спину его, сказал: „Бревно, что делаешь, что делаешь? перестань!“ Опять выстрелил, людоед умер.
 Муривуль вылез из сухого дерева, стал человеком, ушел. Там пальник
⁹⁸ летел, сел там. Муривуль выстрелил, пальника того убил. Дошел, поймал его. Пальник спросил, сказал: „Мужик как (что) сделал?“ Мужик сказал: „Выстре-лил“. — „Совсем в грудь мою попал“. Стал теревить мужчину, пальник сказал: „Мужик как (что) делаешь?“ — „Тереблю“. — „Еще что“, сказал: „больно от теребления“. Вытеревил мужчину, огонь зажег, дерево срубил, пальник
¹⁰⁰ сказал: „Что сделал? что-то кольнуло“. Мужчина огонь разжег, стал резать, пальник сказал: „Мужик, что делаешь?“ — „Разрезаю“. Пальник лопнул „еще что, говорю, чем обогреть спину?“ Сжарил, тот сказал: „Мужик, что де-лаешь?“ — „Обжариваю (на вертеле)“. — „Еще что, отчего-то скарежился“. Съел Муривуль пальника. Начал есть, пальник сказал: „Мужик, что делаешь?“ — „Ем“. — „Еще что, отчего стемнелось?“ Муривуль захотел на двор. Кал

amunin hægæcild'en: „Tõņiņal tõņiņal æcēs minē wārē“. Muriwul amunni garparan, 105 luki langgararan. Gēwā .garparan, nān lukiṭpi langgararan. Bēriṭpi iktērēn, amunin guṇḍirān: „Tõņiņal tõņiņal æcēs minē wārē“. Amunin halganmān ḡawaran, nān gūnān: „Tõņiņa, tõņina æcēs minē wārē“. Gēwan ḡawaran, ḡūkrēwi halgarwi, nān gulḡān: „Tõņiņal tõņiņa æcēs minē wārē!“ Muriwul ḡālāṭpi kultūrān, ḡālān langgararan. Amunin gūnān: „Tõņiņal tõņiņa æcēs minē wārē“. ḡūkrē ḡālāṭwān ḡawa- 110 ran amunin. „Tõņiņa, Tõņiņa æcēs minē wārē“. Dilṭpi ḡawaran alēwēn. Tādu ašilā biḡḡḡnērēn.

ḡawupki amērān, gūnēn: „O-ḡo-ḡo! irkūkē! dēḡatacā aḡadal!“ Muriwulwa talmi-
duwi nērēn, uḡašnan. Tāduk gūnān Muriwul: „Amākāl hišēyldu dārūmkiliṇnēkēl“. 115 ḡawupki dārūmkild'en hišēydu. Muriwul hišēwē tēwūld'en. Tēwērēn hišēlwē Muriwul. Šururān nān ḡawupki. Muriwul gūnān: „Amākāl ēšēḡēšēl nēḡēḡnēkēl“. Nēḡārēn ēšēḡērwe; ēšēḡerdu Muriwul ḡawaran ḡālāḡḡwi, tādu amēnmuērēn. ḡawupki ḡūlāwi iššan. ḡūwi gūld'en: „Atējaj, urḡēḡdikēkur irkūkēkēkūn“. Aturikān lopororān, unap-
tina nimgēcē uruktēṭpi, talmiwān ḡādan, ēruktald'en — hišējēḡdēl, hanḡūktald'en 120 ḡawupkiwē: „Luptimand'q“ hūkitēwēn huptaran, ēmac ācin, unapbjagdin; ḡawupki gūld'en: „Tišēlē! tišēlē! hūkitēn tēkēḡḡērēn“. Šēktērēn, hūkitēnāja oḡan. ḡawupki šururān amaski nḡāliwi, bakarān ēšēḡērdu. Muriwul ḡālāḡḡwi ḡawucaḡarīwān.

Tai gūld'en: „Əḡə-ḡə-ḡə! irkūkēmikūn āṇḡaldukpi tayarḡā“. Tāduk talmiḡduwi 125 nērēn, uḡašnan ḡūlāwi. Šururān, išwirān, ikōptunduwi lokorōn dēḡatacāwā irkūkēwē. Hūṭēn gūnān: „Iḡē šēkanmān mindū hukkal“. Iḡē kēnd'atcīrān, aminin gūnān: „Aḡa-ḡa-ḡa! dēḡatacāja-da binē kēnd'acāja-da biḡin!“ Cikēld'en Muriwul, ḡawupki gūld'en: „Atējaj, lāmulā, lāmulā“. Šururā ḡawḡānērē. Muriwul gūnān kuḡākārwe: „Tikēld'q minēl bērkērišūn oḡam, minē ḡanacīwurašūn“. Gūḡiḡētīn al'inēncāl-dē. Taric dilṭwatīn Muriwul hoḡnārān. Bējēlwatīn ulērān. Ašīnmurān dilwatīn hulḡradutīn. Əmərə bējēḡḡwēr, gūld'ə: „Nikākīltu al'inēncāl-də? šiwiḡāl-da“. Taric ḡawuld'ə. —

Муривуля спросил: „Тониня, Тониня, (ты) меня не убил“. Муривуль выстрелил 105 в свой кал, стрела прилипла. Вторично выстрелил, опять стрела прилипла. Мужчина ударил, кал его сказал: „Тониня, Тониня (ты) меня не убил“. Кал его схватил за ногу, опять сказал: „Тониня! Тониня! (ты) меня не убил“. Вто-
рично схватил обе ноги, опять сказал: „Тониня, Тониня, меня не убил“. Мури- 110 вуль рукою ударил, рука прилипла. Кал его сказал: „Тониня, Тониня (ты) меня не убил“. Обе руки схватил его кал „Тониня! Тониня! (ты) меня не убил“. Всю голову схватил. Там теперь и остался (Муривуль).

Людоед пришел, сказал: „Охо-хо! найденная добыча, порядочно замерз!“ 115 Положил Муривуля в понягу, потащил. Потом сказал Муривуль: „Дед, на кам-
нях отдохни“. Людоед стал отдыхать на камне. Муривуль начал набивать камни (в понягу). Набил камня Муривуль. Пошел опять людоед. Муривуль сказал: „Дед! под наклоненным деревом проходи“. Пошел под деревом; за дерево Муривуль схватился руками, там (и) остался. Людоед домой дошел. Дома сказал: „Старуха! 120 тяжелющая добыча“. Старуха прыгнула, — от радости проглотила наперсток, понягу взяла, посмотрела — только камни; спросил людоедку: „Проглотила?“
Брюхо ее распорол, ничего нет, только наперсток; людоед сказал: „Тышоло! 125 тышоло! брюхо разорвалось“. Помазал кровью, брюхо поправилось. Людоед пошел обратно по следам своим, нашел зацепившегося за дерево руками Муривуля.

Тот сказал: „Э-хә!хә!хә! находка после ночевки зацепилась“. Потом в по-
нягу положил, потащил домой. Понес, дотащил, на жердь в юрте повесил замерз-
шую добычу. Сын сказал: „Мама, мне ушко отрежь“. Мать покосилась, отец 125 сказал: „А-хә! хә! хә! замерзший-то косым пусть будет!“ Муривуль помочился,
людоед сказал: „Старуха, на море, на море!“ Ушли, пошли есть. Мури-
вуль сказал детям: „Отпустите меня, лучок сделаю, в меня (орудие стре-
льбы) выстрелите“. По сказанному (как говорил) отвязали. Тогда Мури-
вуль отрубил головы их. Тела их сварил. Положил спать головы их под
одеяло. Пришли родители, сказали: „Малыши не отвязали ли? замазались“.

180 „ön-ka, atrikān, hütəməgdī, bəjə hütəwəw ūlənən“.—„ön, ətən hütəmus“ ėrukaldə hūrilwi, dililitin ələ.

Nuəartın ašina, şoəodıldə. Muriwul şəktəwuntin hərgidəduy biđirān, ɔawupkilwə şilgiwurdī arkiran. ɔawupkil gūnā: „ėkunđi oldortı bəgirdə, hūrilduwər şoəoə ɔdakit“. ɔawupkil ɔūkrə buđđə. Buđəktin Muriwul şururān.

185 Tālā ɔūmilwatın əwənkił bakaran. ɔūmīyıldān, uŋkənme bakaran; taric nān ɔūmīyıldān, uŋtəwunma bakaran, gūnən: „Şəm! Şəm! Şəm! gagdamapkənəwi bakam“. Taric nān ɔūmīyıldān, inməwə bakaran. „Şəm! Şəm! Şəm! tulgupkənəwi bakam“. Taric nān ɔūmīyıldān, nınakin amunmān bakaran. „Şəm! Şəm! Şəm! purcankənəwi bakam!“ Şururān nān matałwa bakaran, cinəkənən, kükəkinun ɔūlgətcərə. umukən
190 gundirān: „Bəjəwə ėc ulıdarp?“ Muriwul gūnān: „Onodu purcayıl bıcāı“. Şururān aşı gələktənərən. Albaran bakaɔamı gələktərən, gələktərən əşin bakara. Gē şururān gələktərən, gələktərən, nān əşin bakara, gūnān: „nəəjagdı, purca acın!“ Muriwul gūldən: „Şiw! Şiw! Şiw! əjan biđan purcayıltnı! Şiw! Şiw! Şiw!“ Muriwul şıŋərəkən ɔdan. Şəktəl dōgidəltın hūktiktəldən. Kədərəlđiwər tərəgəcildə, kədərəjə ūrgərən.
195 Taduk ɔuçunmi gādan, ɔuçunə ūrgərən, ūywi gadan, ūywi ūrgərən. Tardalā Muriwul şıŋərəkən ɔdan, tikin şıŋərəkən bişin.

N. Kaplin. Norbokō

47. Hāwānātmə¹ ijəci

„Əŋi! ėkun əməɔərən, untan onocı, hāwānātmə ijəci, hōnandus təgəɔəŋən“, gūllən kuŋākān. Tar kuŋākān āmuttūlā ɔawrāşcā, hāwānātmə ijəci əməcə, hōnandun təgəcə. Əŋinın cirikəwə ojoduwi nəcə. Hāwānātmə ijəci ɔəpcə tar ahiwa kalatajwa. Tük-kə kəjim, hütələn pənəcə. Hāwānātmə, əridəwki tar ahi hütəwən. Tar kuŋākān aminin
5 əməcə, hütəkiwi gundəwki: „Əŋinni-kə ilə hıruçən?“—„Nuəanmān hāwānātmə ijəci ɔəpcən“. Tar bəjə hāwānātmə ijəciwə (nuəan ahi bıcən) ahiłalcə. Tāduk tar

190 Потом стали есть. „Что-то, старуха, не наши ли дети, мужик детей моих сварил“.— „Как, не может быть, чтобы твои дети“. Посмотрели детей, (там) только головы.

Они легли, стали плакать. Муривуль под постелью лежит, людоедов шилом проткнул. Людоеды сказали: „Чем это в бок колет, от плача (видно) по детям“. Оба людоеда умерли. Когда умерли (они), Муривуль ушел.

195 Там нашел юрты эвенков. Стал искать (в юрте), железную лейку нашел, потом стал опять искать, помазок (для клея) нашел, сказал: „Шэм! шэм! шэм! кормовое весло нашел“. Потом опять стал искать, иглу нашел. „Шэм! шэм! шэм! багор нашел!“ Потом опять стал искать, нашел собачий кал. „Шэм! шэм! сухое мясо нашел!“ Пошел опять, соседей встретил, пташка с кукшей живут вместе. Одна
200 говорит: „Мужика чем накормим?“ Муривуль сказал: „В носу лодки сухое мясо было“. Ушла женщина, пошла искать. Не могла найти, искала, искала, не нашла. Вторая пошла, искала, искала, опять не нашла, сказала: „Мама, сухого мяса нет!“ Муривуль сказал: „Шив, шив, шив, какое там сухое мясо! шив! шив! шив!“ Муривуль превратился в мышь. Под подстилки убежал. Собрались колотить мялкой,
205 мялка сломалась. Потом скребок взяла, скребок сломался, (еще) скребок взяла, скребок сломался. В те поры Муривуль мышью стал, еще теперь мышью живет.

H. Каплин. Ербогочен

47. Железные рога

„Мама, кто идет, унты вышитые, железные рога, на макушку юртяных жердей сядет“, сказал ребенок. Тот ребенок на озеро поехал в лодке, железнорогая пришла на юртяной связке села. Мать его котел на голову положила. Железнорогая съела ту женщину с котлом. Так сделавши, к ребенку пошла. Железнорогая позвала
210 сына той женщины. Пришел отец того ребенка, сыну своему сказал: „Мать-то куда ушла?“ „Ее железнорогая съела“. Тот мужчина женился на железнорогой. Потом тот

¹ Hāwānāt от русского слова свинец, употребляется в значении свинец и железо. Железнорогая—важенка.

вəjə hupucə ɖaldulāwī, ahilākājim. Hāwānātmə ijəcīgin hupucə ədiwi ahaşca. Hāwānātmə bokocō ədiwi. Guluwurwa ɭatcāl, ahātkārwe gūcāl: „ōmaktawar kukimmar ɣənnəwkəllə!“ Hāwānātmə guluwundulā huliŋnācā, togolō məɣunmə lambawa nōdācāl, gūcāl: „Ni ahin hōtmār, tar ɣaŋan lambawa“. Ōmaktə kukinŋin ɣāhicilcā, nuɣanmān togolō anacalla. Togodu buɣukājim, hāwānātmə ɣundəwki: „Əcā! anara bihiksun, talakacā bimecw hakırwahun. Awaləɣ ijədun hālbū! hālbū!“

A. Putugir. Ƴəkənnə

48. Čulugdi

umukəŋ vəjə ɣrincajəcən, ɣirkuktalan, vəjuməcilən. Ahin ɖukcaduwi huŋənun billā. Tar ɖukcaduwar biɖərəkŋin, əkun-mal kacunallan, icəttə—čulugdi əməɣən. 5 ɖukcālāŋin irən nuɣan, tar ahīwə umnət mukuran, huŋəwən əcā mukura.

Čulugdi ɖəwkājim, vəjə ɖukcadun billən. Tar vəjə ɖukcālāwī dolboltōnə əməɣən, ɖukcālāwī irən. Čulugdi biɖərən ɖukcadun, ahīwān dəpcə, huŋən biɖərən, əcā ɖəwɣə. Tar vəjə ɣələlən. „Minə ɖəwɖən!“ ɣūnən vəjə. Čulugdiwə atırkəntālıksan ōran, ədən ɖəwɣə nuɣanmān.

Dolboltōnə ānnaŋtə ɖukta Čulugdinin. Vəjə tımātnə ɣneməmə təɣərən, ororwī ɖawattan, ɣūnən atırkənmī čulugdiwī: „Namakājim, əməhindəwī jaŋkaliw“.

10 Vəjə ɣūkājim, huksillawī tətən, hupurən akintikiwī. İstan akınmī; iskājim, ɣıɣcələn akintikiwī: „Čulugdi, əmənə, nułɣiwəw ɖəwɣən“. Tar vəjə ɖalın ɣələlə, təɖuk vəjə ɣūnən: „Akınmī guluwuna ilawāt! Nuɣanmān guluwundulā anaɖanəktə“. Əhlə guluwunma ilara.

Ah-Čulugdi ororwī namaran, kuŋākānmə ɣıwuran ūcakın amaskin. ɖulihilləkin, 15 tar kuŋākān buɣurən ɖunnələ. Čulugdi əməɣən kuŋākəndulā, ɣıwuran, ɣān ūcakın

мужчина ушел к своей родне, женившись. Железнорогая ушла, последовала за мужем. Железнорогая нашла мужа. Зажгли костры, девочкам сказали: „Приведите новую невестку“. Железнорогая пришла погреться к костру, в огонь 10 бросили серебряную ложку, сказали: „Кто из жен сильнее, та ложку возьмет“. Новая невестка взялась достать, ее в огонь столкнули. Умирая в огне, железнорогая сказала: „Если бы не столкнули, съела бы ваши печени. Рогам оленя (возрастное название) больно! больно!“

A. Путугир. Нгокөннə

48. Чулугды

Жил один мужчина, мастер ходить, промыслять зверя. Жена его в юртенке с сыном жила. В то время, когда они были в юрте, что-то такое зашуршало, посмотрели — Чулугды пришла. В юртенку их она вошла, сразу проглотила ту 10 женщину, сына ее не проглотила.

Чулугды, съевши (жену), в юртенке мужчины стала жить. Тот мужчина 5 пришел вечером, в юрту вошел. Чулугды живет в его юрте, жену съела, (а) сын его жив, не съела. Тот мужчина испугался. „Съест меня“, сказал мужчина. Сделал Чулугды своей старухой, чтобы его не съела.

Вечером спали вместе с Чулугды. Мужчина встал рано утром, оленей поймал, сказал своей старухе Чулугды: „Навьючивши оленей, иди по свежему следу моему“.

10 Сказавши, мужчина надел лыжи, пошел к старшему брату своему. Дошел до брата; дойдя, стал рассказывать брату: „Чулугды, пришедши, кочеводку (жену) мою съела“. Родственники того мужчины испугались, потом мужчина сказал: „Брат, костер зажег! Ее в костер столкнем“. Тогда зажгли костер.

Жена-Чулугды оленей навьючила, ребенка посадила на оленя задом. Когда ста- 15 ла собираться, ребенок упал на землю. Чулугды подошла к ребенку, посадила опять

amaskin, kuḡakāntiki gūnə: „Bi hinə mukuḡam, bururəkis. Əḡinnə on uyuwuḡkin hınə?“ — „Ucakıw iḡətkin dārəwəw nəḡkin əḡi“. Çulugdi uyuwran tük kuḡakānmə. Əḡilə nulgihinən tar bəjə jagkalın. Nulgihıwki, nulgihıwki, əḡilə istan urinəwi. Bəjə nəknilin arcamkara, gülle: „Haḡas! bu inigəktəwun“. Ahātkar inigəllə.

²⁰ Çuluwundu biḡənəl, bəjəl jəkəllə, gūnəl: „Ollon bururən ḡāhtcaksar biwki“. Tādük bəjə gūnən: „Mingi atırkam ḡāḡarān“. Nuḡan gūnən atırkāntikiwi Çulugdiḡki: „Atırkən ḡānəkəl“. Tarḡın tuksakakutiān, əmərən, ḡāhicillan. Nuḡanmān tādū guluwundulā anara. Çulugdi əhan togodu hucərgəwki, ḡoḡḡomi. Tük wərə nuḡartın Çulugdiwə.

İlə ḡunḡirə: „Çulugdi əḡa əhikin ḡoḡḡorə, əhikin hucərgərə, təli əwki buḡḡa
²⁵ Çulugdi. Upkat ullaḡ nuḡanḡın hələmə, umukən əḡa illəḡəcin“.

I. Kaplin. Ingariḡdā

49. Çulugdi

umukən bəjə urumkun biçən. Nəlkə, əwiləḡa nulgidəcən. urinərən, urinədəwi ḡənəḡəcən. uricə, umukən halḡaci Çulugdi. Tar bəjə əmərən nuḡandulān əḡilə. umukən halḡaci nuḡniciwki nuḡanmān, urinərən tar bəjə ḡūn. Əmərən ahin, nulgirən. ḡūwi tar bəjə hawalcā, ḡūwi kaltakawān əlberən Çulugdi həkəwi buruscərən, nuḡanmān təpuḡəmi. Bəjə ḡūwi kaltakawān namaran orundu, kaltakan ḡūn binnən. Nulgihinən hoktokökun, muçuhinən, tar Çulugdinun ḡūktə təḡətcənə guluwundulāwar. Dolboltənə bəjə ḡulāwi iḡəhinən, birawa daḡarən, hoktowı dakkajım, əjəḡiḡəḡin.

Hoktowı bargidādun icəcillən çapıçı, döldirən həykerən, əməḡərən: „Goro-wol biḡin, daga-wal biḡin taj-tul! taj-tul! Əməḡənə birawa əjərən duḡnadun. Əjəkəjim
¹⁰ əḡilə, ḡənərən, dālān biḡilḡəḡi hoktowo, nān ḡititcənə biḡəḡnərən.

Çulugdi aḡi aḡaḡaran nuḡanmān, əḡi ḡḡakakın. „Hakınmāl buçakaḡaḡıwa-wu?“ ḡunḡirən, əmərən birawa, əjərən. Bəjə nuḡarwatın ḡūktəwə əjirən, ullaçkirən.

к заду (олень), ребенку сказала: „Я тебя проглочу, если упадешь. Мать твоя как сажала тебя?“ — „Лицом к рогам оленя сажала мать“. Чулугды посадила так ребенка. Тогда отправились по свежему следу мужчины. Кочевали, кочевали, потом дошли до стоянки. Младшие сестры мужчины встретили, сказали: „Невестка! мы развяжем“. Девочки развязали.

²⁰ Сидя у костра, мужчины засмеялись, говоря: „Крюк (для подвешивания котла) упал, кто может вынуть?“ Тогда мужчина сказал: „Моя старуха вынет“. Он сказал своей старухе Чулугды: „Старуха, поди возьми“. Та поскакала, пришла, стала брать. Ее толкнули туда в костер. Глаз Чулугды в огне лопнул, сгорая. Так они убили Чулугды.

Люди говорят: „Если глаз Чулугды не сгорит, не лопнет, тогда не может

²⁵ Чулугды умереть. Все ее тело железное, один глаз как у человека“.

И. Каплин. Ингаригда

49. Чулугды

Был один короткий мужчина. Весною в период охоты (по насту) кочевал. Шел кочуя. Ходил, чтобы кочевать. Кочевал одноногий Чулугды. Тогда тот мужчина подошел к нему. Одноногий заметил его дорогу, отправился к юрте того мужчины. Пришла жена его, прикочевала. Мужчина делал юрту, половину юрты покрыл. Чулугды бросил быстро топор, чтобы ударить его. Мужчина по-
⁵ ловину дома (покрышек) навьючил на оленя, половину оставил на остоле. Отправился кочевать по дорожке, вернулся, с Чулугды вместе сели у костра. Вечером мужчина отправился в юрту передневать (переночевать), через реку перешел, дорогу прорубивши, чтобы (тот) утонул.

По ту сторону (его) дороги увидел бродягу, услышал слова, идет: „Далеко ли близко ли тай-ту! тай-ту! (сьем). Подойдя к реке, утонул в прорубленном (месте).
¹⁰ Когда утонул, (мужчина) пошел, покрыл снегом дорогу, опять остался караулить. Чулугды жена шла по следу его, по следу мужа. „Печенку его съели“, говорит, пришла к реке, утонула. Мужчина их обоих утопил, обманул.

50. Bərkəltun

qur bəjel hōniḡil biçetin. Ge nekūnin biçən Bərkəltun, akīnin biçən Muçunəj, əkintin nupun dılıçı biçən. Nupartin biçəçetin əkinduwi. Əkintin ədīməcillən Çulugdiwə-hōniḡiwa. Bultaḡaḡnarə, əjakəkur bəjel biçetin. Əhilə əkīnin uḡcən nuparbatın, gənnədətin amākəwə, qawadətin inḡəriwə. Amākəwə irəksəwə həktəwunəwi əməwdətin hiltiḡiḡədən hamnıttınawı.

Əhilə hıruçəl, ḡənəḡəcəl, amākəwə gələktəcəl. Öpcəl hərəlgəndulə, bargıdādun nəlgəkəwə icəcəl amākəwə hiltibə kapuḡaḡkılıbən.

Akīnin əhilə ikələcən, ḡünḡənə:

„Nəkūjə! Muçunəj
ön buḡdəkəkun
kapuḡaḡkılın;
əldulə ihuḡan
əkinti nupunin“

Nəkūnin ḡünən: „İcəwət awadı-wal bihikin nupan!“

ḡırkuçəl, bakacəl amākəḡar. Amākə tuksancacən nuparbatın. Nəkūnin Bərkəltun hərdükün amākəwə qawacən, ḡunnətki nōḡacən amākəwə. quləwər ihuḡcəl, əkinduləwər. İhuwkəjim, gorowoti ḡırkuḡaltın.

Əkintin uḡlilcə nuparbatın, qānmə tiḡəl winəwə bıçən. Əhilə umkəjim, həvəpəçu ocətin. Muçunəj, əkinduḡkki əjəcəlcə: „Əḡuk-kə vakacəs hacıkən-məl binən“. Nupan nən bıḡrən qānmə tiḡəl. Hoktolcöl nupartin, əhicəl. Nupartin ilanma anḡanıḡ əwki. Aḡərəktin, qırwə hələməlwə awsəlwa ocəl, dıçəl nuparwatın aḡərəktin. Ləmülə əjicəl Çulugdiḡun mifən, əjicəjim. Çulugdilə nıḡliḡinən, nəknibə dıkəjim.

50. Бёркольтун

Два мужичины были силачи. Второй младший был Бёркольтун (живчик), старший был Мучуной, старшая сестра их была шестиголовая. Они жили у старшей сестры. Старшая сестра их стала собираться выходить замуж за Чулугды силача (богатыря). Промышляли (они), хорошие мужики были. Тогда сестра послала их, чтобы притащили медведя, чтобы живого поймали, подстилку для шкуры медведя чтобы принесли, за гнилушками для дымокура сходили.

Тогда (они) ушли, шли, искали медведя, пришли в марник, увидели по ту сторону коряжину, медведя, гнилушки разбивающего. Старший брат тогда запел, говоря:

„Нокуей! Мучуной!
Как холмик
сломанный;
до чего доведет
сестра шестиголовая!“

Младший сказал: „Посмотрим, какой он есть!“

Пошли, нашли медведя. Медведь быстро прыгнул на них. Младший Бёркольтун схватил медведя за уши, бросил медведя на землю. Притащили домой к сестре. Притащивши, вблизи походили.

Старшая сестра накармила их, десять чашек вина дала. Тогда, опьяневши, они стали веселыми. Мучуной спросил сестру: „Где нашла, щенком ли будучи?“

Она еще дала десять чашек. Опьянели они, заснули. Три года они спали. Когда они спали, сделали два железных ящика, всунули их, когда они спали. В море утопили. Утопивши, вышла замуж за Чулугды. Откочевала к Чулугды, всунувши своих братьев (в ящик).

Hōnūl ādōcāl, ādōcāl, əhīlā mēlcāl, ēruktacāl—haktṛapcudu biḍərə. Ikələc Mucunəj: „Nəkūjə! Bərkəltun! Ēkundu ōcāl? Əkinti Nuḡunin ēkurdulā ihwran? 25 Ajadidu awsadu nōcā əkinti Nuḡunin biṭpə“. Nəkūnin Bərkəltun mēlcā. Əhīlā ēruktawkil—haktṛapcu, humnawkil—mūdū biḍəhincāl. Hācāl nuḡartin mūdū biḍərə, ikələc: „Əṇəjə! Lāmujə! Kəjuləwər gərbis. Mūṇṇidu mūdūs bṛdskiwwun. Uṇəskəl! uṇəskəl! kəjuləwər! uṇəskəl! uṇəskəl! kəjuləwər!“

Nuḡartin əmūwullə; tək kəḍənəl, umnāt hīkēcāl, humnawkil, dunnədu ōda. Bərkəltun ikələc: „Akijə! Mucunəj hawāwatin ēruktakal! kəjuləwər! Akinān! Mucunəj 30 əhunmanin binən“. Ēruktallan akinin Mucunəj, albaran kapuritam awsalwi. Albakajim ikəllən: „Nəkūjə! Bərkəltun! kəjuləwər! hawāwatin hi-ə-li ēruktakal hiṇḡdəwə naṇəjṇki, ər mōmodu bṛḍkēt ərupcu ōdan“. Bərkəltun hogiltucān hoṇoskottən. uṇikun. Mucunəj ikələc: „Nəkūjə! Bərkəltun! kəjuləwər! hoṇoskottən buttəḡəcinin. 35 Hawuskātka! bihiḡin! kəjuləwər! kəjuləwər!“ Bərkəltun hōḡintucān, hūmtəlqi hūṇknənin upkatpān hətəkupcēcə.

Dilacawa tṛganīwa icēcāl. Hōt ḍəmūlcāl; əlahā-da ənəduwər bihi dunnədu ōcā. Jūcāl awsaduk ḡūlcāl: „İriklə ḡūt binən əhīlə?“ Dilaca ikənin hūṇucāl, ḡənəḍəcāl ḡənəḍəcāl cıpicikānmə wācāl. Cıpicikānduk ḡramnakāṇḡi bərkənmə ōcāl. Tarit wācāl 40 kəkəkikənmə. Halgandukin ōcāl ḡān ḡurkənmə, tāduk wācāl hiṇḡkicəkənmə halganḡiwi ōcāl ḡurjawar. Tāduk ḡiməṇḡiwe ḡurjawar ōcāl, wācāl bəjuncikənmə, əṇnəkənmə Nuḡindukin ōcāl ḡurilwa, warə həḡdiwə bəjurwə. Issal dunnəldulā idu ḡurḡukitun. İskəjim, ḡūwar, bakacāl ḡūwatın upkatpatın ilapcāl, ēkunda ācin. ūḡatin hūṇukətın hāwkəttən arakukan. ḡurilawar ōra ajamama, əkinmə hūṇḡḡktulən hūṇurə. ḡəṇəḍəcəttin, ḡənəḍəcəttin, ista nuḡarwatin. Balagawān icərə hēkilduk ōcawə. Təra hiṇḡkumōculla „ōn hō binən, maḡiwi ḡorogdi“. Bərkəltun ḡūcə: „Dōwaḡṇaw bihim“. Kə-hilə 45 əmēcāl. Ətəjəmnī biḍərən. Tar ətəjəmnī kawkawān ḡawacān ətitcən həṇkəjə ācinḡi wācān. Bərkəltun ikələcān: „Əkijə! Nuḡunin! kəjuləwər! nəkūlijə əmēcāl, dorowomcās

Богатыри спали, спали, наконец проснулись, посмотрели—в темноте сидят. Запел Мучуной: „Младший брат Бёркольтун! в чем мы заделаны? Сестра шести- 25 головая во что ввела? В хороший гроб положила нас шестиголовая сестра“. Младший брат Бёркольтун проснулся. Тогда осмотрелись—в темноте; толкнулись—в воде живут. Узнали они, (что) в воде живут, запели: „Мать море! Коюловор имя твое. Наша могила в воде твоей. Вынеси волной! вынеси! Коюловор вынеси! вынеси (заволнуйся)! Коюловор!“

Они стали толкаться, так делая вдруг, взглянули, шевельнулись, на земле 30 стали. Бёркольтун запел: „Старший брат! Мучуной, работу их посмотри! Коюловор! Старший брат! Мучуной! сколько-то (ящиков) есть“. Осмотрелся брат Мучуной, не мог разбить ящики. Не смоги, запел: „Младший брат Бёркольтун! Коюловор! работу ты-ко посмотри, на тебя надеюсь, в этом деревянном гробу худо стало“. Бёркольтун стал толкать, немножко раздвинул. Мучуной запел: „Младший брат! Бёркольтун! Коюловор! как будто расщепил (раздвинул). 35 Если бы был побойчее Коюловор! Коюловор!“ Бёркольтун быстро толкнул, в щепы разлетелось, разбил все.

Солнце, день увидали. Сильно проголодались, на ничего неимеющей земле 40 оказались, вышли из ящика, сказали: „В каком направлении была наша юрта? Солнце когда стояло (в полдень), ушли, шли, шли, птичку убили. Из косточки птички сделали лучок. Убили им кукушу. Из ноги ее опять сделали стрелу, потом убили рябчика, из ноги его сделали стрелы. Потом глухаринные стрелы сделали, убили зверька, теленка. Из голени его сделали стрелы, убили больших зверей. Дошли до земли, где ходили. Дойдя до дома, нашли весь дом сожженным, ничего нет. След от ухода едва-едва узнали. Стрелы хорошие 45 сделали, по дороге сестры отправились. Шли, шли, дошли до них. Увидели балаган, сделанный из елей. Там стали поглядывать. „Какой сильный Манги (чорт) зять“, Бёркольтун сказал: „Я займу“. Ну вот пришли. Пастух живет. За горло пастуха схватил, оторвал, без слова убил. Бёркольтун запел: „Сестра шестиголовая! Коюловор! братья пришли, поздоровалась бы

ajadu buʻadut, q̄idu ajadu, nonos əməɾəw əhilə“. Maŋim̄ q̄orogdi həŋkəcilcə: „Ətə-
 50 jəmn̄il əwa ɔdara?“ Bərkəltun guncən: „Ətəjəmn̄is, ulgucəm̄ətcərən munn̄un, kəjələ-
 wər.“ Tāduk maŋi ikədərən: „əkun, ekun nəkədərən uʋə-ku-wə, uʋə-ku-wək. Cipi-
 camətəŋkillən londutorə uʋə-ku-wək! uʋə! idu əlcən halkanm̄i, nuŋun p̄udəci“. Taruŋi jūmcə, hıŋullən Bərkəltunnuŋ kuhidāwi. Jūdərəkin, Bərkəltun koltoron nuga-
 m̄an, dililin əhilə hətəkurə hūmtəldi hıŋuknənin. Būdəkin, əkinm̄ən ənlcən. Bərkəltun
 55 ikəlcə: „Əkiyə Nuŋunm̄ən hıŋskətkał m̄undulə“. Nuŋunŋi əkin̄tin əwki icəwulla. Taril
 gūlələn icəl. İkəjlm̄, gūlələ, amun binə buŋurən, hıŋukhinən m̄ənmi əkin̄tin q̄uduwi
 binə. Tara garpacıwki „Ənukāwki, ənə icəwɾə!“ gūnən. Tarit wācātun Cūlugdiwə—
 māŋiwə, Nuŋunŋiwə. q̄ūktə billə, bajahal ɔra.

N. Kaplin. Norbokō

51. Bərkəltun

„Bərkəltun“, gūlcə əkin̄in: „Venōkānə p̄ənnəkəl“. Tar venōwa w̄cən, Bərkəltun
 umdān. Tar umcə, hoktocən. Umkajim̄i, ɔcən əkin̄in təmuʋə, ulcən Bajkaldułi kuŋa-
 kārəw. Tar kuŋakār ilanma anŋanil ācəl. Nıkatkutun hıŋkitən pəhirgəscə, təgəcə, Bərk-
 5 kəltunmə həripcə. Tarıŋın təgəcə. Həripcəl, iliwər gırkiwar.
 Nəkūn̄in ikəlcə: „Bajkalkān uʋəskəl q̄apkatki! q̄apkatki! Nugartun āyɾə, jūrə
 q̄apkalə, m̄ur̄nduwar ūkcəl, hıŋkiwuscəl q̄apkatki. Hıŋkiwɔdərəktin, q̄apkun dilicikakun
 loporocə balayaduk, gūlcə, cipicəgəcın lāndorona: „ototok! ototok“. q̄apkun dilicıwa
 gārpacəl buknənin. Tar omolgil əkinduʋər gūcəl: „Əkiyə əwa ɔdanna?“ garpacəl əkin-
 m̄ər buknənin.

на хорошей земле, в хорошем доме, только что пришли“. Манги зять спросил:
 50 „Караульщики что делают?“ Бёркольтун сказал: „Караульщик твой разговари-
 вает с нами, коюловор“. Потом Манги запел: „Какой, какой собирается голос,
 голос. Ни одна птичка не летала (голоса не подала), где был мой молот ше-
 стипудовый“. Тот быстро выскочил, пошел драться с Бёркольтуном. Когда
 выскочил (он), Бёркольтун ударил его (кулаком), головы его разлетелись
 в щепки до конца. Убивши, позвал старшего брата. Бёркольтун запел:
 55 „Сестра шестиголовая, покажись нам“. Шестиголовая сестра не показалась. Те
 вошли в избу. Когда вошли в избу, превратившись в кал, (она) упала, по-
 катилась сестра по дому. Ту выстрелили. „Больно, не видно!“ сказала. Так
 убили Чулуды — Манги (и) Шестиголовую. Вдвоем стали жить, богатые
 сделались.

Н. Каплин. Ербогочен

51. Бёркольтун

„Бёркольтун“, сказала старшая сестра: „вина принеси“. Та вина дала, Бёр-
 кольтун чтобы напился. Напившись, опьянел. Когда напился, старшая сестра
 сделала плот, послала ребят на Байкал. Ребята те спали три года. У млад-
 5 шего живот заболел, проснулся, Бёркольтуна разбудил. Тот встал. Разбу-
 дили третьего товарища.
 Младший запел: „Байкалушка, заволнуйся к берегу! к берегу!“ Они при-
 стали, вышли на берег, на коня сели, поскакали к берегу. Когда скакали (они),
 восьмиголовая вылетела из балагана, сказала, как птичка, подавая голос:
 „Ототок! ототок!“ Восьмиголовую убили на смерть. Парни сестре сказали:
 „Сестра, что делаешь?“ Убили сестру свою на смерть.

52. Нүригди Нандынун

Бөжә аҗанки бакаран нүригдиwa аҗанкиwa шинеләдәриwa. Тар аҗанки дүнд'әлә һәргүлә инчан. Бөжә аңгүктаран: „әкун ши бишд'ә?" — „аҗанки бишим“, нүригди гүнән. „иргic әмәcәш?" — „Би әмәcәw һәргүдук дүнд'әдук“. — „или әмәcәш?" — „Тавәр әмутпа, тәһ-јүcәw“. — „Әтәм тәдәрә“, бөжә гүнән. Нүригди гүнән: „пурталw дүйткә“. Дүйт'ә пурталwar. Бөжә гүнән: „әмудинтқи гиркулд'ар“. Шурүрә әмуттқи. Җәнәрә, нүригди һүрән, тәһ бөжә тар тәдәрән, дүләwи мүcүшнән. дүтқиwи мүcүрән, гүнән, upkattu улгурилд'ән нүригдиwa иcәдәкпи, пурталwar дүйт'әw нүригди улгүлд'ән нуганпиду дүнд'әду cалсар әcir, ирәктәл әcir, нуган әлә һаwалқаран әртики дүнд'әтки.

Таду аҗанкиҗилин Нанд'и бичән. Әшин нуган тәдәрә. „Ши-т уләккүтcәнд'и“ — „улә-күтcәракиw, шүрүкәл ши мәнәкән“. Нуган әмуттқи әмәcән бөжә үдәлин. Җәнәрән, бакаврән нүригдиwa. Тар нуганмән қававрән. Нүригди һәргүтқи дүнд'әтки шүрүврән нуганмән. Cөмбаврән Нанд'и әшил. Аләттә, аләттә нуганмән, әннәрән мәрә. Нанд'аwa иcәнәшсән, cөмбавдәкин. илә-мәи шүрүдәкин, әcin. Нанд'и cөмбаврән.

Түҗәни одан, җәнәрән туған'и, шиҗилгән үнән, қугаран. қугарак'и, нән һаwалд'а. Нүригди әмәрән аҗанкитқи. аҗанкитқи әмәрә қүрә бөжә, үмүкән аш'и нүригди.

Нанд'әли тамара аш'иwa. Нанд'и әјән әннәрән тәдәрә. Нүригди гүндәрә: „Тәлә индирән Нанд'и“. Нанд'и, әјәнмән шүрүврә һәргүтқи дүнд'әтки. Шүрүврә, ишса. Әләтпи әјән Нанд'иwa иcәрән. „Ши биш'ә?" Әјән иcәрән, — Нанд'и асиләcә. Әмәмшинән амашқи инәҗитқи.

Нүригд'ил әмәwрә әјәнмә. Нанд'и әјәнн гүнән: „Әләтпи, индирән тәлә һәргүду дүнд'әду“, улгурилд'ән: „Әргәcin дүнд'ә, қагдак, шүпириг'ил биш'и һүрпикәг'ил биш'и“

52. Волосатый с Нандрой

Мужчина эвенки встретил волосатого эвенки, рубящего березу. Тот эвенки на нижней земле жил. Мужчина спросил: „Ты кто такой?“ — „Эвенки“, волосатый сказал. „Откуда пришел?“ — „Я пришел с нижней земли“. — „По чему пришел?“ — „Вон по тому озеру, там вышел“. — „Не верю“, сказал мужчина. Волосатый сказал: „Ножами обменяемся“. Обменялись ножами. Мужчина сказал: „К озеру пойдем“. Пошли к озеру. Пришли, волосатый нырнул, тогда тот мужчина поверил, домой вернулся. Домой вернулся, сказал, всем рассказал, (что) видел волосатого, (что) обменялся ножами, (о том, что) волосатый рассказывал, (что) на его земле берез нет, лиственниц нет, он только ходит по этой земле.

Был там у эвенков Нандры. Он не поверил. „Ты врешь“. — „Если (я) вру, поди ты сам“. Он к озеру пришел по следу мужчины. Пришел, нашел волосатого. Тот его поймал. Волосатый унес его на нижнюю землю. Пропал Нандры теперь. Ждали, ждали его, не пришел. Пошел посмотреть на место исчезновения Нандры, куда бы ни пошел — нет. Нандры пропал.

Зима стала, прошла зима, снег растаял, лето стало. Когда настало лето, опять стали ходить. Волосатый пришел к эвенкам. К эвенкам пришли два человека, одна женщина волосатая.

За Нандры заплатили женщиною. Младший брат Нандры не поверил. Волосатые сказали: „Там живет Нандры“. Увели брата Нандры на нижнюю землю. Увели, дошли. Наконец брат увидел Нандры. „(Это) ты“. Младший брат увидел, Нандры женат. Быстро собрался итти обратно на дневную поверность.

Волосатые привели брата. Брат Нандры сказал: „Действительно, живет там на нижней земле“, стал рассказывать: „такая земля, сосняк, ивняки, чаща есть“.

Нүригдил әмәврә әмәммәвәтін аşıва, гәда қуғылдуквар нүсүктүвә аşıва. Нанди әјәндун әмәврә. Нуңан асыларан.

Тәдук нән асал құр һауалдара әмүтқи, пәнәра ұуулән һауалд'а. Бакавра
25 нән тарғәцр бәјәл, һалғартн ашр—Чулүгдил. Чулүгдил ашаһна құрә аһәла. Асал туқсаһна. бокорорөктүн, гә гүлд'ән: „Ҡи-ғу-клә! Ҡи-ғу-клә“. Гәва аşıва боконән, қаваран, һалғанмән калтакавән һөғрән, һәпилд'ән Чулүгди. Гә аш гүлд'ән: „иләқсаја, иләқ-
саја!“ тәдук: „лабғәшәл лабғәшә!“

Әвәнкі аш гә пәнәрән құләуи, ұлғурилд'ән: „әкурған тарғәцн қәвәу вәрән“. 30 ұлғурәкин, шүрүә әмүттқи, тәдәдәвәр әјәкәңдә, әкур вәрә қәван. Ісәнәрән тарғә, шүрүврән аш әмүттқи бәјәлвә, тәдәдәтн. Дәлсәтәктүкпә дәлсәцилд'а, нән Чулүгдил шүрүцәл. Нүрмара, ісәрә әлә тарғ вәдәкпатн аşıва, уҗәцәл әмүттқи. Тәду бакара нәнтүн ашыва. Тәли тәдәрә ашыва әләтпимәјән. Һалғаннән аңн. Һалғанмән пәһнәтн бәјәлән.

Лукал һауалд'а әмүттқи мурәли. Ісәрә ұдәлвә гүлд'ә: „Нүригдил ұдәлтн шә 35 әгдә“. — әкур ұдәлтн, ғәһәңкәл ұдәлтн? Мурәли һауалд'а, гәроһи һауалд'а — ғәһәңкәл аңн. Ісәрә мұһли куғәкәр жүрә дүнд'әтқи, ода тунға. Туқсәктәлд'ә, ұуули, әвүлд'ә куғәкәр. Лукал ғүңдирә: „әкур тарғәцр?“ Әвирә, әвирә, пән һүррә әмүттқи. Лукал гүлдирә: „Тимәтнә мит тугиткә, қавалдәвәр“. Әмәрә әмүттқи пәнә, лукал қавууи лабәкәлді купурә әјәкәңдә. умүкән әтәјәһнән әһилә, гә шүрүрән гәроһкә.

40 Дуһдундн инәпә нән жүрә тарғ куғәкәр. Нән әмүт қәпкәлн әвүлд'ә. Лукал ісәрә нүригдәткәрвә. Тигиһнә. Тигиһһән умүкән, нүригдәткән һалғандукн қаваран. Нүриг-дәткән гүлд'ән: „Мамәцикләт! Мамәцикләт“. Тар куғәкәр мұһли һүрриһә. Лука гәро қаваран.

Дәлборон, тимәтнә әмәрә, аңғәт'ә тәду. Нүригдил әмәрә, әмүттүн мәғүрвә әмәврә тәлмиһә, қуғәттәвәр, һүтәвәр гәдәвәр. Лука әвүнмә тәпәтт'ән. Нүригдил мәғүрә ұпқуқирә әвүндун. ұпқурә тәлмиһә әләвән, мәғүрә лүпүмрәк ұпқурә. Лука вүрән һүтәтн әмәһкә.

Волосатые привели званную женщину, взяли из юрт своих вонючую жен-
щину. Привели брату Нандры. Он женился.

Потом опять две женщины пошли к озеру, пошли, по берегу стали ходить.
25 Нашлись опять такие люди, без ног — Чулугды. Чулугды стали преследовать двух женщин. Женщины убежали; когда (те) нагнали, вторая сказала: „К тебе! к тебе!“ Вторую женщину нагнал, схватил, отрубил половину ноги ее, стал пить кровь Чулугды. Другая женщина сказала: „Талинку! талинку!“ Потом: „Кровь (идет)! кровь!“

Другая женщина-эвенкийка пошла домой, стала рассказывать: „Какой такой 40 родственнику убил“. Когда (она) рассказала, пошли на озеро, чтобы хоро-шенько удостовериться, кто убил родственнику. Пошел посмотреть, увела жен-щина на озеро мужчин, чтобы проверили. Из места, где слушают, стали слу-шать, опять Чулугды ушли. Подкараулись, увидали только место убийства женщины, поехали к озеру. Там нашли оставленную женщину. Тогда поверили во всем женщине. Ноги нет. Ногу принесли к телу.

Русские ходили вокруг озера. Увидали следы, сказали: „Следов волоса- 35 тых очень много“. — „Какие их следы, следы эвенков?“ Стали кругом ходить, долго ходили — эвенков нет. Увидали, из воды на землю вышли дети, (всех) пять стало. Стали бегать по берегу, стали играть дети. Русские сказали: „Кто такие?“ Играли, играли, опять нырнули в воду. Русские сказали: „Утром мы покараулим, чтобы поймать“. Пришли на озеро опять, русские лодку в мох хорошо спрятали. Один начал караулить теперь, другой ушел подальше.

40 В полдень опять вышли те дети. Опять стали играть на берегу реки. Русские увидали маленьких волосатых. Подкараулили. Подкараулил один, ма-ленького волосатого за ногу поймал. Малыш сказал: „Мама! мама!“ Ребятишки те нырнули в воду. Русский долго держал.

Настала ночь, утром пришли, ночевали там. Пришли волосатые, родители 45 принесли котомку денег, чтобы обменять, чтобы ребенка взять. Русский про-дырявил шапку. Волосатые сыпали деньги в шапку. Высыпали котомку полную, деньги сыпались через (нее). Русский отдал их сына обратно.

53. Icægdîrë

Bajæ bicæn Icægdîræ. Nuþan æninmi cîmkaduwi ûyîran şomomoc. Kultîrdukpî tukşaş-şân dānma. Tukşaktal gundān: „îþeræn anþanîl dāyîdutin anþanîl alâtçıkal, æmæðem“.

Şururæn Icægdîræ. Tālā bajæ ûdāpcānæn hægdîþæ hakdikîn kumalandîn. Arcaran bøjæwæ dūr dilîlîn, dæwupki. Icægdîræ gūnān: „Amākā! purtawî æmæpkæl icādāw“. 5 dæwupki būrān, êruktadān. Tāduk Icægdîræ gūnān: „Amākā! icākæl tarî hūrilwi awalðaral on ænnēndî icārā?“ dæwupki icæcirān. Icægdîræ, hūrilwēn icæcildækin, dilîlwān şukædæren. Dilîlîn dūrkræ bururæ. Tēli dæwupki nān gūnān: „Gēpkal şukædækæl!“ — „Əşin, umun-dæ æləkin“. Icægdîræ iræktælwæ dūrwe æyuræn, buriræn, dæwupkiwæ tiræren. Nān şururæn dūlæski. Tālā nān bakaran, nān targācîn ûdālîn kumalandîn hægdî- 10 kilîn. Arcaran dæwupkiwæ ilan dilîlîn. „Tinîwæ Icægdîræ hūtæwəş wārān“, cinækæl gūcētîn dæwupkiikî.

Icægdîræ æmæran, gūnān: „Amākā, icātkæl, bi-kæ ōn wāðam? êkun bi-kæ, icātkæl, ōn bi wāðam, bi hūlū bişim; amākā kolicēwi êruktadāwî æmūpkæl“. dæwupki būrān, Icægdîræ êruktaldān, nān gūnān: „Amākā, tarwæ-wæl icātkæl, hūrilwi tukşaktaðarā, ōn 15 ænnēndî icārā, icātkæl, joḡitkal“. Amākā icācildān, tēli Icægdîræ şukædæren nuþanmān. Amākā gūnān: „Icægdîræ, æl-kæ, gēpkal şukædækæl“. Icægdîræ gūnān: „umnæ-dæ æləkin“. Ilan iræktæl æyuræn, æmæwræn, tiræren nuþanmān.

Nān dūlæski şururān. Nān arcaran digîn dilîlîn bøjæwæ. Tar gūnān: „şikækēn bişindî! Tinîwæ cinækæl gūcētîn: „Icægdî hūrilîş manaðeran, wātçirān“. Nuþan hū- 20 wældæn şukæḡkiwi; Icægdîræ gūnān: „Amākā, kolîşewî æmæpkæl“. Tar būrān, Icægdîræ êruktaldān, gūnān: „Tarîl icæwðēndî?“ Dæwupki nān icācildān. Icægdîræ şukædæren, dilîlwān upkatwān hōḡran. Amākā gūnān: „Əl-kæ şukædækæl!“ — „Əşin æşilæ æləkin; bų,

Ш. Кильтыно. Чиромбу

53. Ичэгдыро

Мужик был Ичэгдыро. Прекрепко привязал он свою мать к срединной жерди юрты. Прыгнул от порога десять раз. При прыжках сказал: „Прошел год! на десятом году поджидай, приду“.

Ушел Ичэгдыро. Там мужик след нашел—большая пятка с кумалан. Встретил двухголового человека, людоеда. Ичэгдыро сказал: „Дедушка, дай 5 мне свой нож посмотреть“. Людоед дал посмотреть. Потом Ичэгдыро сказал: „Дедушка, посмотри, там дети ходят! как не можешь увидеть?“ Людоед взглянул. Когда (тот) детей смотрел, Ичэгдыро головы его отрубил. Обе головы упали. Тогда людоед опять сказал: „Рубни вторично!“ — „Нет, одного (раза) довольно“. Ичэгдыро две лиственницы свалил, уронил, людоеда придавил.

Опять пошел вперед. Там опять нашел, опять такой след—с кумалан 10 пятки. Встретил трехголового людоеда. „Вчера Ичэгдыро твоих детей убил“, пташки сказали людоеду.

Ичэгдыро пришел, сказал: „Дедушка, посмотри, я-то как убью? какой я 15 посмотри, как я убью, я маленький, дедушка, нож свой принеси посмотреть“. Людоед дал, Ичэгдыро стал смотреть, опять сказал: „Дедушка, вон туда посмотри, дети бегают, как не можешь увидеть, посмотри, всмотрись“. Дед стал смотреть, тогда Ичэгдыро рубанул его (топором). Дед сказал: „Ичэгдыро, ну, еще раз ударь“. Ичэгдыро сказал: „Одного (раза) достаточно“. Три листвен- 20 ницы свалил, приташил, придавил его.

Опять вперед пошел. Опять встретил четырехголового человека. Тот 25 сказал: „Топорик есть (у тебя)! Пташки вчера говорили: Ичэгдыро детей твоих кончает, убивает“. Он стал точить топор свой; Ичэгдыро сказал: „Дедушка, нож свой принеси“. Тот дал, Ичэгдыро стал смотреть, ска- зал: „Тех видишь?“ Людоед опять стал смотреть. Ичэгдыро рубанул, все головы отрубил. Дед сказал: „Еще рубани“. — „Нет, теперь довольно; мы,

Əgdірәл әһнәрәw şukədәrә“. İcәgdірә dīgīnmā irәktәlwә әğurrān, tīrәrән nuḡanmān. Nān şururān, nān uḡalwān bakaran, uḡalın targacır, nān kumalan hənmiptirīn, tāduk
 25 bәjәwә arcaran tunḡa dililīn. Dәwupki ḡūnān: „Şi ēkun bişindī? Cīnәkәl ḡūnā:
 „İcәgdi hūrilwәş wātәrān, manadәrān“. İcәgdірә ḡūnān: „Amākā, icәtkәl eḡıwı
 wāḡam, hūlu bişīm“. Dәwupki kolicēwıdan hīwәrән „Hīyiwәktә“, ḡūnān İcәgdірә:
 „ēruktadāwı bükәll“ Dәwupki būrән kәlicēwı. Tan nān ḡūnān: „İcәcilkal hūrilwı
 30 hawalḡarāl ōn әһnәndī icārә? icәcilkal tārәwukār“. Nuḡan icәcild’ān, İcәgdірә şukә-
 dәrән tunḡa dililwa tarwa. Hōḡran dililwān. Amākā ḡūnān: „Nān şukәdәkәl“. İcәgdірә
 ḡūld’ān: „Bi әһnәm şukәḡamı, ımınә әlәkin“. İcәgdірә tunḡa irәktәlwә әğurrān,
 uḡaran, tīrәrән nuḡanmān tunḡac irәktәl.

Nān şururān, nān arcaran nuḡunḡı dilin dәwupki, nān kumalandın haḡdıkilin,
 hənmiptilīn. Bәjәwә arcaran, nuḡunḡı diltārān. „Ėkun şi bişindī? Ėrkәkәn İcәgdірә
 15 hūrilin manadәri, cīnәkәl ḡūcētīn tinīwa“. İcәgdірә ḡūnān: „Amākā, icәtkәl, eḡıwı-ka bi
 manabḡam, bi hūlu bişīm. Amākā, kolicēwı әmupkәl ēruktadāwәr. Amākā, hūrilwı
 tārәwәkәn әwiḡәrә, icәtkәl ōn әһnәndī icārı?“ İcәcild’ән amākā, İcәgdірә şukәdәrән
 dililwān, әlәwәtin hogran; nuḡunmә irәktәlwә uḡurrān, uguktaran, tīrәrән nuḡanmān.
 Nān şururān İcәgdірә, nadan dililīn bәjәwә arcaran, nān dililwān wārān. Tāduk
 40 ḡapkun dililīn bәjәwә arcaran, dililwān wārān. Tāduk jәḡin dililīn arcaran, nān
 wārān. Dān dililīn arcaran, tuḡı wārән, ḡānḡı irәktәl әğurrān, uḡurān, ugaktaran,
 tīrәrән nuḡanmān. Muḡuşnan әһindulāwı. Muḡurān, әһnīn uḡәḡıwı laḡanān. İcәg-
 dірә әһnīn nintiḡurән, әptәlin taḡdıḡara. Әһnīn buḡḡan.

A. Камбагир. Dәkәnnә

54. Ahātkān

Utālә ımukәn baj ilә hawamnīn biḡән, ımukәn ahātkān aḡaḡakān. Baj hōma-
 mat bolḡicawki biḡә.

тунгусы-Огдырәлы не можем рубить“. Ичәгдыро четыре лиственницы свалил,
 придавил его. Опять ушел, опять следы нашел, следы такие опять с кумалан
 25 подошвы, потом человека встретил пятиголового. Людоед сказал: „Ты кто?
 Пташки сказали: Ичәгды детей твоих убивает, кончает“. Ичәгдыро сказал:
 „Дедушка, посмотри, чем убью, маленький (я)“. Людоед нож свой точил. „Дай
 я поточу“, сказал Ичәгдыро: „дай посмотреть!“ Людоед дал нож свой. Тот
 сказал: „Посмотри, дети твои ходят! как не можешь увидеть? Посмотри, там близе-
 30 хонько“. Он стал смотреть. Ичәгдыро рубанул те пять голов. Отрубил головы.
 Дед сказал: „Еще рубани“. Ичәгдыро сказал: „Я не могу рубить, раз довольно“.
 Ичәгдыро пять лиственниц свалил, приташил, придавил его пятью лиственницами.

Опять ушел, опять встретил шестиголового людоеда, опять с кумалан
 его пятки, его подошвы. Человека встретил, шестиголового. „Кто ты? Вот
 35 только что Ичәгдыро детей кончил, пташки говорили вчера“. Ичәгдыро сказал:
 „Дед, посмотри, как, чем я кончу, я мал. Дед, ножик дай (принеси) посмотреть.
 Дед, дети вон там близко играют, посмотри, как не можешь видеть?“ Стал дед
 смотреть, Ичәгдыро ударил топором головы его, все отрубил; шесть лиственниц
 повалил, свалил, придавил его.

Опять пошел Ичәгдыро, семиголового человека встретил, опять убил
 40 головы. Потом восьмиголового человека встретил, головы его опять убил. Потом
 девятиголового человека встретил, тоже убил. Десятиголового человека встре-
 тил, тоже убил, десять лиственниц свалил, поташил, приташил, придавил его.
 Вернулся к матери. Вернулся, мать около костра прилегла. Ичәгдыро толкнул
 пятаком мать, легкие ее вырвал. Мать умерла.

A. Камбагир. Нгоконно

54. Девочка

Давно у одного богатого человека (эвенки), была работником одна девочка
 сирота. Богач (ее) сильно притеснял.

umna ahatkān mūlāhicā. Bira ɟapkadun ɟutcana, hogodowki dilacadu guḡḡān:
 „Dilaca, minā gaka!“. umnēt dēyilcā dilacalā. Nuganmān gacā dilaca.
 5 Ahātkān əhikākən ɟitcawki dilacadu, əhikākən tādu biḡəren.

W. Lontogir. Nēpa

55. Anganī

Ətirkər ulgucənḡkitin: Anganī upkacin urumkun, turganī ācır biḡkitin. umna
 bēgaḡu hogdarpidu ətirkēcən tisustəwi, sūkəwi ɟniwiḡərəkīn, dolborən; atirkācān,
 ikənwi ikənḡərəkīn, dolborən. Həḡdarpi biwsə, ḡcātın turganī urimil.
 Ətirkənduk, atirkənduk anganīl sālārə.

N. Salatkin. Nēpa

56. Samān

Bicān həḡdi samān. Nugan buḡilā aruwuḡkin, əḡkin umukəmḡtjə iləjə buwkānā.
 Samāndulā əmərən əksəri. ulgucēmācillā samānnun. Əksəri guḡḡəwki samāntiki: „Si
 mindu umukəmḡtjə iləjə bāḡānni buḡāmī, si minduk həḡditmər biḡəwi kəḡənni,
 həḡditmər minduk bimī. Si mindu irikəl ɟlləḡilwəw, bi sindu bḡḡālim ḡḡrə misiktəl
 5 ɟlləwə, irimī si minduk həḡditmər ḡḡḡās, əsikis irirə, bi sinduk həḡdimər ḡḡḡāw“.
 Əksəri samāndu bḡrən ḡḡrəwə misiktəl ɟlləwə. Samān səwəncāllān, iricillān əksəri
 ɟlləḡilwən. umukənḡmə misiktəwə irirən, ḡəwə-da iricillān, səwəncārən, səwəncārən,
 tḡk-dā albaran ḡəwə misiktəwə iriḡāmī. Təli əksəri ḡḡnān samāntiki: „Si ɟlləḡilwəw
 albanī iriḡāmī, bi sinduk həḡdimər bisim“. 10
 Taripḡduk iləl bulcətin, saman albalcān buḡilə aruwḡdamī. Saman iricā bisikin,
 əḡnəmcəl iləl buḡārə.

Однажды девушка пошла за водою. Стоя на берегу реки, плакала, солнцу
 говоря: „Солище меня возьми“. Вдруг слетело солнце. Взяло ее солнце.

5 Девочка до сих пор стоит на солнце (и) сейчас там живет.

В. Лонтогир. Непа

55. Год

Старики рассказывали: Год весь короткий (был), дней не было. Раз в месяце
 ноябре (мог) старичок, (чтобы) выковать топор, как только продал, (уже) ночь
 настала; как только старушка посуду собрала, (уже) ночь настала. После ноября
 месяца стали дни короче.

5 От старика от старушки познали года.

Н. Салаткин. Непа

56. Шаман

Был большой шаман. Он оживлял мертвых, ни одному человеку не давал
 умереть. К шаману пришел бог. Стали разговаривать с шаманом. Бог сказал
 шаману: „Ты мне ни одного человека не хочешь дать, ты хочешь быть сильнее
 меня. Ты сжарь мясо, я тебе дам два куска мяса, сжаривши, ты станешь больше
 5 меня, если не сжаришь, я буду больше тебя“. Бог дал шаману два куска мяса.
 Шаман стал шаманить, стал жарить мясо бога. Один кусок сжарил, стал жа-
 рить другой, шаманил, шаманил, так и не мог сжарить второй кусок. Тогда
 бог сказал шаману: „Ты мясо мое не мог сжарить, я больше (сильнее)
 тебя“.

10 С тех пор люди стали умирать, шаман не мог оживлять мертвых. Если
 бы шаман сжарил, не умирали бы люди.

57. Samān

ūtēlā ūrikittu Kulurēdu bidacētīn əwənkil. Nugartīn manawulcātīn. Samāgīn bicēn həgdipəkəkun. İləl manawullakītīn, samān sūrurən ūrikittiki Torkātki. Samān bicēn sagdandalāwi, ɖapkuɖārici anjanipilīn. Nugaŋ bucēn. Būrəkin samān, iləl kəcētīn dəkənimməŋ.

5 Bolo bagdawkil hawahina, samān kərən bagdawkilnūn dəyilqəhinimmān hullataj ətaj lāmu bargiskīn. Lāmu bargiskidīn kərən ūginummān mənqilkiwi dūnnəytkiwi tukulakāŋa gūnnə: „Munqil mindu ūpnəkitin tukulakāŋa, bi amaskiwi əmədəgəw, gəjūn ɔkha, ɖāɖapɖakuci ɔkha. İlələ ajiɖimmen, buɖərilə ajiɖəgəw“. Torkəŋən əmmān tukulaja „ūpnə bukho əmədəgən?“ gūnə. „Kə! hilə!“, samān guncēn: „əmī
10 mindu tukulaja ūpnə, mingi kalaniw manawdēgān“.

Nugaŋnīn kalanin ɖabul manawran. ūmukən ələ sulapcān vəjə. Samān guncēn „Mingiduk kalandukiw upkat manawdēgātīn, ələ ūmukən sulapcəŋən vəjə“.

58. Samān, vəjə

Bəjə bakaldıran samānpun. Samān gūnən vəjətki: „möləswātī“ Nugartīn mō-lāsna, ogorə mōwa. Samān gūllān: „Bəjə mingi səgdənnəw ənqɖārən, iktukəl səkət səgdənnəliw. — „Ətəm kaputta səgdənnəwəs“. — „Ətənni, əkal qələttə“. Bəjə gāran səkəwi, samān həkəsənən mōtki. Bəjə iktullən arakūkan səkət samān səgdənnəlin.

5 Samān guncəwki: „Şəti, şəti iktukəl!“ Bəjə ələtwi iktullən. Samān təgətcənə mugde-kəcəndu injəktəllən vəjət, gūllən: „əɖanni? əwuna iktuɖanni mōwa?“ Bəjə icəcillən, upkatwān mōwa əmtəcə səkət. Samān ɖləkkicēn vəjəwə, injəktədəwi; vəjə təɖrən nuqanmān.

57. Шаман

Давно на стойбище Кулуро жили эвенки. Они стали вымирать. Шаман их был великий. Когда эвенки вымерли, шаман ушел на стойбище Торкэ. Шаман был в старости, восьмидесятилетний. Он умер. Когда шаман умер,
5 эвенки стали делать лабаз.

Осенью лебеди передвигались, шаман полетел за море с лебедями, с одеялом, со всем. За морем начал отправлять на свою землю (родину) за землю, говоря: „Когда мне пошлют землю, я приду обратно, молодым ставши, восем-
надцатилетним ставши. Людей стану лечить, умирающих вылечу“. Житель
Торкэ не послал земли: „Умерши, что может сделать?“ сказали. „Ну, теперь“
10 шаман сказал: „Не послали мне земли, вымрет мой род“.

Его род действительно вымер. Один только человек остался. Шаман гово-
рил: „От моего рода все вымрут, только один человек останется“.

58 Шаман, мужчина

Мужчина встретился с шаманом. Шаман сказал мужчине: „Пойдем по дрова“. Они отправились по дрова. Шаман сказал: „Мужик, у меня спина болит, ударь топором по спине“. — „Не стану, сломается спина“. — „Нет, не бойся“. Мужчина взял топор, шаман лег на дерево“. Мужчина ударил слегка по спине шамана.
5 Шаман говорит: „Сильнее, сильнее ударяй!“ Мужчина изо всей силы стал бить. Шаман, сидя на пеньке, смеялся над мужчиной, сказал: „Что делаешь? зачем бьешь дерево“. Мужчина посмотрел, все дерево разбито топором. Шаман обманул мужчину, чтобы посмеяться, мужчина поверил ему.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ. БЫЛИНЫ

A. Kam bagır. Dökənnə

59. Сагит

utələ ımukən ilə bicən, nıgan ahicī bicən, tunğa hütəlin bicəl. Tar hütəlbə balagaduwi əməncə, ahitaj hırucəl, möləhicəl. Hırucələtin, qılətin əmərən çağit. Tar ilə hütəlbən wātca. Çağit kugākār diləbatın təkəcə; təkədənəwi, hulladun cakılca. Ətirken əmərən qıləwər, hütəlin acır qıduwar. Ətirken hullawı ləpıhıca, kugākār dilətin hıkləhicəl. Ətirken qıləlcə, tadı hanucə, bürən.

N. Monahow. Ingārigdā

60. Hətī

Hətılwə bakaran ımukən ilə. Nəkünğin bicən hunāfın. ımukəndu ırıldırā. İnərə ımınə, tar inektəduwər mazaraktalla hunātpān ımukən vəjənün. Tar vəjə bürən nəkünmi, quwəttən, nəkündiji gādan ahıjaji. Tādük hıjəttən; hırucən, hərəketpi nılgihinen. Hətıl hırucə hərəketpər, tar iləti aminin uwasəqəwki kukinmi, əwki hawā-hwkānə. Kukinmi qıjan hawalıwki; hərəket qəwdən, təpuwki oronmo, bırgıməməjə orono. Tādük dolbo ahī ədin hoqoqowki, ahin gındərən: „ēda hoqoqonnā?“ Ədin əwki ulgucənə.

ımınə ahmən ahı dolboltono. Ahıcālān, əməre ahātkan. „Əkā, günə: ər bātkelqis bi bātkeləqıqāw“. Tar ahı günən: „ön örakıw, gadāwər nəkədis, tar bātkelbar ön gamuqas?“ — „Əkā, hındı həwəncəwüntəqərə“. — „Bātkelqıw upkat əwiwün-təldəqəhın“. — „Ön həwəncəwüntəqərə mindi?“ — „Əkā! bınə əhikəkən wəmmacı!“

A. Камбагир. Нгоконно

59. Бродяги

Давно был один человек, он был женат, пять сыновей было. Тот сыновей оставил в балагане, с женою пошел по дрова. После их ухода, в дом пришел чавгит-бродяга. Убил сыновей эвенки. Бродяга головы детей отрубил; отрубивши, под одеяло положил (запиртал). Пришел старик домой, детей нет дома. Старик одеяло отвернул, детские головы лежат. Старик испугался, там же пропал, умер.

Н. Моначов. Ингаригда

60. Людоед

Встретил людоедов один человек-эвенки. У него была младшая сестра, девушка. Остановились вместе. Продневали раз, на месте стоянки, просватали девушку с одним мужчиною. Тот мужчина дал свою младшую сестру, обменял, за сестру взял жену. Потом разделился, ушел отдельно, отпочевал. Людоеды пошли отдельно, отец людоеда уважал невестку, не заставлял (ее) работать. Невестки юрту делал, чтобы особо ела, убил (он) жирного оленя. Потом ночью муж женщины плачет, жена говорит: „Почему плачешь?“ Муж не рассказывает.

Однажды спала вечером женщина. К спящей пришли девочки: „Тетя“, сказали: „этими твоими бабками я буду играть“. Женщина сказала: „Как я буду (что же со мной будет, если) взять собираешься, (то) как хочешь взять бабки (суставы пальцев)?“ — „Тетя, тебя принесут в жертву“. — „Бабками моими все играть будут; как (когда) шаманить будут мною (приносить меня в жертву)?“ — „Тетя, тебя сейчас предполагают убить“.

Təli ahi gūnən: „Nəkə, hı pənəđəkəllə qūlāwər, minə dəpildiqışhın“. Ahətkār hıruwə. Hıruçələtin tətmałcirān, hulladuji dirən dəpəwə, hoktolıjı hıruwən, mıçu-
hinən. Killəlwi gəkəjim, hoktolıjı pənəđənə, icərən irəktəwə əyənənə, tarā tıç-
15 tırān dıgəməklən. Tədu təgəcillən dıyədı. Dölcatcəgnərən, nuğanmān həwən-
cəđəkənə, wənəcəl, kotot uculərə qūwān lupumnak, ahiwə uculərə. Tarıqtın cəngu-
hərəkın, gūnə: „Kəl kəhəyin, əhilə wərəp“. İcərə tarıngar, tangıtın dəpə. Tədük ahə-
kənmə idakəllə, gūnə idakəđanal „Ni ulğucən, ulğucəkəl“. Tarıqtın ulğucənə: „Ərə
tawar gūcən, tawar gūcən“. Ahətkənmə umıkcənə təpürə həwəncəwıwənəwər.

20 Tədük ahiwə uđawān gələktərə toylıdı, bakara hoktolıjı, hıruçə amaskı, tarā
uđahına toylıdı tarıqtın, umıkcəndulə mōlə iskəjim, həkəriwən uđan. Mırlı mıjıwə,
acı tarıqtın uđan, ilə-də uđan acı. „Nuğanmān tımātə bakađap, ilə-də ətən, bakađap
tımātə nuğanmān“. Hıruwə qūlāwər tarı bəjəl. Ahi icətcəgnərən mō dıyədıqın.
Upkat ahəcəlātın, tarı ahi cimənənən hiğılgəndulə. Hiğılgəndulı dōğıdāh ugduhinən,
25 gōromomowə pənərən. Tədük jıwən hiğılgəndük, killəlwi tətən, hıruwən akınduləji,
hoktolı ahəhinən. Gōromomowə ahārən, tımātə unət bokonən. Akınmı bokokənə,
hōqollon, akınlı gūnən: „əda hōqođənə?“ — „Əkurbal hargıldutın bıçəs! Minə həwən-
cəwıntəđəcətın, qəbdəwər kəđəcətın, təduk tuksam“.

Akılın tıkullan, wərən ahi, nəkūnmı tətıyəlqın tətıwən, hıgrən dərəwən, əmənən
30 dıkcəduji, nəkūnmı gūnən: „Hi nılgıdəkəl, ilallı əhikiw əmərə, tarā gındəji, wamnan“.
Bəjə dıkcəji icəwırikəkəndı bıđəcən, ətəjtəcəcən əmərıjetın ilətıl, nuğanmān
ahəhınəktın. İcətcəcən ahəhıngıjetın hoktolı, təli nıparbatın garpacılmacın bıcən.

Tırgakəkin əmərə, ahara. Əməkəjim icərə wəpcəwə ahiwə, gūnə: „Əkun ajakakun
bəjə, kəl ədə əcəs hıptıwə?“

35 Tarıgar təlgette. Toyojowər ılara, tar ulləlbən hılara, dəpildəwər. dəpilləktın,
amılın hələməwən, tar ahi dəvəđənə, gūnən: „əda hələməw humnəhinən? Ənən-məl
bitki bihi?“ dılın gūnə: „əkəl uləkıttə, dəvəđəkəl!“

Тогда женщина сказала: „Маленькие, вы идите домой, меня съедите“
Девочки ушли. После их ухода быстро оделась, под одеяло положила гни-
лушку, по дороге ушла, вернулась. Взявши лыжи, по дороге идя, увидела
15 наклоненную листовницу, влезла на нее к самой вершине. Там на вершине
осталась сидеть. Услышала, что собираются шаманить, пошли ее убить, про-
кололи пальмой насквозь юрту, женщину прокололи. Когда та затрещала,
сказали: „Ну, пусть мучается, теперь убили“. Посмотрели ту, (а) та — гни-
лушки. Потом девочку стали бить, говоря во время ударов „Кто сказал, расскажи“.
Та сообщила: „Вон та сказала, та сказала“. Одну девочку убили для камлания.

20 Потом след женщины искали с огнями, нашли дорогу, пошли обратно,
идя по следу с огнями той, до одного дерева дойдя, исчез след. Кругом
обопши, нет следа той, нигде нет следа. „Завтра найдем ее, никуда не денется,
найдем завтра“. Ушли домой те мужики. Женщина подглядывала с дерева
вершины. Когда все стали ложиться спать, то женщина спрыгнула в снег. Под сне-
35 гом поползла, долго шла. Потом выскочила из снега, надела лыжи, пошла
к старшему брату, по дороге его последовала. Долго следовала, утром рано
нагнала. Старшего брата встретивши, заплакала, брат сказал: „Отчего пла-
чешь?“ — „Каким чертям меня отдал! меня хотели принести в жертву, собира-
лись съесть, убежала оттуда“.

Брат рассердился, убил свою жену, одел в одежду младшей сестры,
30 ободрал лицо, оставил в юрте. сестре сказал: „Ты кочуй, если через три дня
не приду, скажи, (что) убит“.

Мужчина оставался на виду (невдалеке от юрты), подкарауливал идущих
людоедов в то время, как (те) преследовали ее. Поглядывал на дорогу прес-
ледовавших, предполагал (как появятся тогда) выстрелить в них.

В полдень пришли, дошли. Придя, увидели убитую женщину, сказали.
„Какой хороший человек, ну к чему же не убежал?“

35 Разрубили ту. Огонь разожгли, мясо той сжарили, чтобы съесть. В то
время, когда ели, отец сердцем (почувствовал), евши ту женщину, сказал: „Что-то
мое сердце шевельнулось, не наша ли?“ Родственники сказали: „Не ври, ешь!“.

Әһилә ұлғуәсмәсillä: „Тар бәжәwә аһадаp-ku, әтәp-ku?“ Һалтн гүнә: „Ајаwа бәжәwә әдә аһадаp, митки аһадапawа wәсә“. Тар бәжә, түгнүн гүнәктин, аракукан
 40 һуруән. Gorolkonom hoktolji түлгәһинән. Hoktolji ғәнәрән goromomowo, нәкүнн
 ұрисә истан. Iskәnm, сајтллан. Сајтідана, исәрән илан бәјәл ғәнәдәрә һәрәлгәнмә бар-
 гідәл. Тар бәжә әпнәкәнми қаварән, қавакәјим, тәпүрән, далуwән гамалсарән. Тарини
 далуллан. Далун пәһиргәрән гуңнәмәмәт. Бәжә һуруән, таригилы wәнәһинән умукән
 бәжә јүдәнәһицән. Јүдәнәдәриwә гарпачән, әһалwән һүсәләкин гарпачән. Тарини
 45 јоколсән қалби: „Гарпачә биһим!“ Бәжә гәwрән гарпаран, wәрән нуғанмән. Тәдук
 гил әмәдәрә, түлһүдәрә, гуңдәнәл: „нуғажамаспән әкун wәрән?“ Бәжә тигитсәсән әмә-
 дәрилә гарпаран қулаwуwә һәләмәкәкәнмән, тарини бурүрән. Бәжә тәду-ssa гарпаран,
 wәрән иланіwа. Мүсүрән қулаји, тәдук нүлгһинән.

A. Putugir. Qәkәnnә.

61. Иләт

умукән бәжә нүлгидәсән. Нүлгидәнә иләл hoktowotn бакаран. Hoktolitn нүл-
 гһинән. Бакаран ұринсәдәрилби. Тарилду ұринәрән. Тәғәмиктәдин тар иләтл тар бәжә
 нәкүнмән мағарактәллі. Мағарактанал, тар бәжә нәкүнмән гара иләтл. Бәжә нәкүн-
 дүлиwи таманмәра иләтл һунәтпәтн. Гара тар бәжә һунәтпәтн, нүлгһинән аһинүн.
 5 Иләтл ғән нүлгһинә. Иләт әтиркән омолгтви аһиwән толгokitәкәнду нүлгһинми, ирүдәwки
 кукинми. Кукини гүнән: „Минә әдә ирүдәғнәннә?“ — „әwа кәһәдәдәннә, гиркудәнә,
 һүтә“. Әтиркән кукиндуwи, қәwdән, wәwки бурғумәмәжә оронә, һәрәкәт қујән һа-
 wәһwки.

Әһилә иләтл һәwәнсәллі. Dolboltono тар кукитн қүкәдуwи ғһәрәкәтпи қүр
 10 аһәткәр әмәрә һағастулаwәр. „Һағаспар!“ гүллә: „әрит би ғәләдис баткәтәдәғaw“.

Стали тогда разговаривать: „Станем ли преследовать того мужика или
 кончим?“ Некоторым сказали: „Хорошего мужика зачем преследовать, убил пре-
 следуемую нами“. Тот мужик, когда так сказали, ушел тихонько. Немного пройдя,
 40 по дороге побежал на лыжах. Долго шел по дороге, дошел до стоянки сестры.
 Придя, стал чай пить. Распивая чай, увидал, (что) трое мужчин идут по марнику¹
 на том берегу. Тот мужчина теленка схватил, схвативши убил, выхватил лопатку.
 Стал по той воровать². Лопатка лопнула прямо. Мужичина ушел, пошел уби-
 вать тех. Один человек вышел. Вышедшего выстрелил, прострелил насквозь
 45 глаз. Тот позвал товарищей: „Выстрелен (я)“. Мужичина вторично выстрелил, убил
 его. Потом другие идут, на лыжах идут, разговаривая: „(А) командира (хозяина) кто
 убил?“ Мужичина подкарауливал подходящих, выстрелил переднему в сердце, тот
 упал. Мужичина там же стрелял, убил третьего. Вернулся домой, потом отко-
 чевал.

A. Путугир. Нгоконно

61. Людоед

Один человек кочевал. Кочуя, встретил дорогу людей. По дороге их
 пошел кочевать. Встретил стойбище. С ними остановился. На утро те людоеды
 стали сватать младшую сестру того мужчины. Просватавши, взяли людоеды
 младшую сестру того мужчины. Заплатили мужчине за сестру девушкой. Взял
 5 тот мужичина девушку их, откочевал с женщиною. Людоеды тоже откочевали.
 Старик людоедов, жену парня посадивши на савки, повез невестку. Невестка
 сказала: „Зачем меня везешь?“ — „К чему мучиться пешком, дочка“. Старик для
 питания невестки убил жирного оленя, отдельно юрту ее построил.

Тогда стали шаманить людоеды. Вечером, когда невестка была одна в юрте
 10 своей, пришли две девочки к невестке. „Невестка!“ сказали: „вот этой твоей

¹ Марник—поросль ивняка.

² Гадание по лопатке состоит в накаливании ее: лопнет прямо—хорошо, криво—худо.

Gē gūcōn: „Bi ərīt nātkeṭəḍəḡāw“. Tar ahi gūllən; „Bi ʔn ərākiw ərātkeṭəḍəḡəs mingt nātkeṭəḍəḡiw?“ — „Hiṇḍi həwəncəptintəḍərən amija“.

Ahi əhiḷə ḡələllən; untalwi, purtawa ɟajaran. Amakān bikəjim, haməḡitin ḡūnən, əhi bargiha ʔdāwər, ɟūr bəjel binəl ɟərɟi ḡidal tigittəwər, ḡənələkinnun, ḡidalāwər
15 ajamāmāt. Tāduk hamān ḡūnən: „Ahīḡar ḡənnəkəllu!“ Ahi təyəren, amakān təḡəkəjim, ḡūnən: „Jūḍənəmūḍəm, jūḍənəwkwəkəllu!“ — „Ərumulbi upkunəyin, ətəjətkəllə ahātkār“. Ahātkār icəcillə tar ahiwa. Ahi jūḍənəhinən, ahātkārwa ḡūnən: „Əməwkəllə nəkəjə“. Ahātkār əmarə, ahi hundukki janlwa həyənə, būrən ɟūktədu ahātkərdu. Ahātkār
20 urunə, ɟəkəḷāwər tuksahina. Ahi hunmi murduptuki nəməlcərən, kigləlwi ḡamalcaran, tuksahinimmən kərən. Tuksaḍana hoktoḷi, icərən hokto darḡidəḍun nəḡiriwə, kigləlwi hiḡilḡəndulḷi dirən, mənin nəḡiriwə tuktirən dūyēməklən.

Əhiḷə kəkəjim, dōlcacillan. Haməḡitin ḡūnən „Kəl ḡənnəkəllə, əḡdat beldurgaran“. Bəjel ḡənərə, hunin ələ. ḡələktəllə, həwulḍi mujiktərə.

Ahi nəḡiriḍukki icərən əməḍəriḷbə, mikcənən hiḡilḡəndulḷə. Hiḡilḡən dōḡidəlḷin
25 tuktirən ḡorokōnmo. Ilətḷ albara ḡələktəḍəḡəmi, əcəl bakara ahīḡar. ɟulāwər ista, haməḡiduwar ḡūnə: „əcəwun bakara“. Hamān ḡūnən: „ʔn-ka təli aja ʔḡan? ḡələ-
mupcə ʔḡan, əcin həksəḡə“. Ḡəwa ahātkānmə wəptintərə tar ahiklə, həwəncəptintərə.

Tar ahi, dikiḷcaḡakəjim hiḡilḡəndu, jūməlcərən, kigləlwi ḡamalcaran, hūrummān
kərən akīnmḷ hoktoḷin. Akīnmḷ hoktoḷon dərən, tar hoktoḷin hūxərən. ḡənəḍəwki,
30 ḡənəḍəwki, akīnmḷ istan. İrən akīndulāwi; hoḡoḡono, ḡūllən: „Əḡcəcirdu ilədu minə
būcəs. Minə wəldāwər kəḍərəktin, aran tuksanım“.

Ahi akīntin ahiwi wərən, nəkūnmḷ tətḷyəlḍin tətḷwərən, dərəwəḡan nanna hiḡrən
lokommen kərən mōdu dəwḡəptiki hokto dulkakundun, nəkūnmḷ ḡūnən: „Nulḡidəḡə
təptirətpi“. Nəkūnin nūlḡihinən. Akīnin ḡūnən nəkūntikiwi: „Bi əḍu tiḡicilḍəhim ahā-
35 rilətin. Ərākiw əməḡə ḡūkəl wəmpən“. Akīnin tiḡicillən.

рукой я буду играть в бабки“. Вторая сказала: „Я этой буду в бабки играть“. Та женщина сказала: „Что же со мной будет, если будете играть в бабки моими суставами?“ — „Тебя принесет в жертву отец“.

Женщина теперь испугалась, унты, нож спрятала. Недолго прошло, ша-
ман сказал, чтобы приготовить там напротив двух мужчин с двумя копьями
15 караулить, когда же пройдет, чтобы хорошенько заколоть. Потом шаман ска-
зал: „Женщину приведите!“ Женщина встала, немножко постоявши, сказала:
„Хочу выйти, позвольте выйти!“ — „Худо бы не было, если отправится, девочки
покарауйте“. Девочки стали следить за женщиной. Женщина вышла, девочкам
сказала: „Принесите огниво“. Девочки пришли, женщина, оторвавши корольки
от своего кафтана, дала обеим девочкам. Девочки, обрадовавшись, убежали
в свои юрты. Женщина быстро положила на жердь кафтан, схватила быстро
20 лыжи, стала убегать. Бежавши по дороге, увидела в стороне от дороги наклонен-
ное дерево, сунула лыжи под снег, сама влезла на вершину наклоненного дерева.
Засевши так, стала слушать. Шаман сказал: „Ну, тащите, что-то треснуло“. Мужчины пошли, только кафтан (увидали). Стали искать, с лучиной (с огнем)
35 искали.

Женщина с дерева увидела проходящих, прыгнула в снег. Под снегом
25 долго лезла. Людоеды не могли найти, не нашли женщины. Домой дошли, ша-
ману сказали: „Не нашли“. Шаман сказал: „Как же тогда хорошо будет? худо
будет без крови“. Вторую девочку принесли в жертву вместо той, устроили
шаманство.

Та женщина, спрятавшись в снегу, быстро выскочила, быстро взяла лыжи,
пошла по дороге брата. Дорогу брата нашла, по той дороге пошла. Шла, шла
30 до брата дошла. Вошла к брату; плача, сказала: „Таким людям меня отдал.
Когда меня собирались убить, едва убежала“.

Брат женщины свою жену убил, в одежду сестры одел, кожу с лица
ободрал, на самой середине дороги распялив на дереве пошел повесить, сестре
сказал: „Кочуй до стоянки“. Сестра откочевала. Брат сказал сестре: „Я здесь
35 покараую преследующих; если не приду, скажи, (что) убит“. Брат стал кара-
улить.

Tirgakākun dulin ōcālān, taril ūlūqḏərə, əməṛə. Icəcillə wāpcāwə iləwə, gūllə; „Bəjekəkun, ekun cultin, ēda əcə huptura“. Wānəwə ahiwa hōgnālcāl, dēplidəwər. Guluwunawar ilara, hilacilla. Amintin ətirken hələməwān mihinə, dēpihinən, gūnən: „ēda-kə hələməwə hūnnahman, ōn-ka mutki bimcə?“ Gīl gūcəl „Əkəl hāləkəttə, ūləkittə“. 40 İlətil ūlgucəməcilcəl: „Ahami-wu?“ — „Aja bimcə“. gūlcəl gīl. „Targācmmə bəjəwə cultiwa ēwan ahaḏadān, nənəḏəyin“. dūlāwər mūcuhicəl ilətil.

Bəjə ahāhınan nəkunmi hoktolin, dolbonikānmə nənərən, wokonən nəkūnmi.

I. Kaplin. Ingariḡda

62. Ahī

umukən bəjə wakacān iləlwə hunicil, hunāḏicil. Kətəkəkun; urillan. Maḡaraktalla hunātpə, hunātpətin gələlən dūgəcildəwər. ūlgucəməttə, dūyəttə. Ahī gəkājim, tar bəjə hūṛṛən. Ahī nərpu bicən. Ədi jūḏən, ahī amardukin jūḏən, amunnmān dəvḏən.

5 Nūlgicəl taril bəjəl, uricəl, inəcəl, həyəcəllə dolbo. Bəjə hunāḏin tādu biḏərən. Əməṛə dūr ahātəkər, ahītki ūlgucəndərə: „bātəkətdimāw bi“. — „ilə hūṛṛəkīw?“ — „Ər həyəcəḏərə, hinə wāmūcillə“. Ahī dolbo untalı tətən, gūnən: „Cikənmūlcə bihim, cikənnəḏəm“. Ahī tuksaḏacān, nḏakit dagadun nənəri biḏərən. Nuḡan nənəriwə tukticān. Tādu təgetcənnərən.

10 Gələktəlcəl nuḡanmān, acın dādu. Ni ūlgucəcən nuḡandun, taril kuḡākār moḡnohol. dūktəwə kuḡakārə wərə əhilə. Ahīwa gələktəllə hēwulḏi, togolḏi, albara bakaḏamī. Mucurə dūldulāwər.

Ahī tuksahicə, buṛucən dənnelə, hūṛṛmān hoktol. İstan mirəndəkki, akīnḡi hoktolin ahahınan. Ahaḏan, ahaḏan, akīnḡi wokonən. „Ajaldı iləḏu būcəs minə, minḏi həyəcəḏyūp-

Когда полдень настал, те гуськом идут, пришли, стали рассматривать убитого человека, сказали: „Мужичок, какой умный, почему не убежал?“ Убитую женщину разрубили, чтобы съесть. Костер разожгли, стали жарить. Отец-старик, сердце ее отрезав, начал есть, сказал: „Что-то сердце шевельнулось, не наша ли?“ Другие сказали: „Перестань хвастаться, врать“. Людоеды стали разговаривать: „Преследовать ли?“ — „Хорошо было бы“, говорили другие. „Такого мужика догадливого зачем преследовать? пусть идет“. Домой вернулись людоеды. Мужчина пошел по дороге сестры, всю ночь шел, сестру встретил.

И. Каплин. Ингаригда

62. Женщина

Один человек встретил эвенков с дочерьми, с девицами. Много; остановился. Стали сватать девушку, девушку просил (за нее) чтобы обменять. Разговаривали, обменяли. Взявши жену, тот мужчина ушел. Жена вонючая была. Муж выйдет, жена за ним выйдет, кал его съест.

5 Откочевали те мужики, остановились, продневали, ночью стали шаманить. Сестра мужчины у них живет. Пришли две девочки, женщине говорят: „Я буду бабками играть“. — „Куда же я уйду?“ — „Вот шаманят, тебя собираются убить“. Женщина ночью унты надела, сказала: „Хочу помочиться, пойду помочусь“. Женщина бежала, около дороги наклоненное дерево стоит. Она на дерево влезла. Там засела.

10 Ее стали искать, нет дома. Кто рассказал ей, те дети глупые. Обеих девочек убили тогда. Женщину искали с лучинами, с огнем, не могли найти. Вернулись домой.

Женщина убежала (когда), упала на землю, ушла по дороге. Дошла до места, где замуж вышла, по дороге брата последовала. Шла, шла брата догнала. „Хорошим же людям ты меня отдал, меня хотели убить на

təqərə". Akının ahıwı wārən. Dərəwən hiyrən, əmənen qəduwı. Nulgihiñskin, hunətpı
uñnən, mənin hipkıcılın ahaqakakutta. Nugartın ahaqara, hunətpən bakakajın,
urucəl hılacıkakutta. Amının dəpcən tar ahıwı „Məwanmä qırərən, bitki binən",
5 gūnən. Gil gūniwkil: „ekun bəjətkən cultin wənə əmənen mittı".

M. Mucujir. Tökma

63. İləl

İləl bicətin qırpu. Bicətin huniltın qūr, qūr amalğıltın ipkəlimmən, wəjuhındətin
orocəhal. qūrwa oror namaqıhına, tāla ırına. Uşnarəda, əhinimmen. Amalgiltın oilo-
möhicətin, dəjiltın bihi ənnətcı.

Timətnə gē hunāt kərən samıhal iləllən. Orortın əmədirə, ərtiki icəhinən.
5 „Buləhəl əmuqırə; kətakəurtənə icəqılla, əmuqədirə qıləar". Buləhəl əmuqəl. Amalgı
jūrən tuleski, untalıwı hoatrən, gē kərən əmmen. Buləhəl əmuqı, kərə wəmmen
nəkünmən amalğıjə, əgeje tuhanən. Sabırimmen kərən el-wal-uol inməkilwə. Hunətwə
amalğı ahılərən. qūkcə sırurə. Sırurə martıki. İdələ ənjahına, gē hunāt kolobo
lokunqı. Gorokokunmama gənərə. İssa qılwatın—kətekəkun. „Mənaolkal hunılwa,
10 nörtin tuhanqıgətin", gūnən amının. Kərən gē hunāt ədındukwi gələmmən kolecıkön.
„əa kəndi?" gūllən ədın „ışətcədəwi kolecıkəje wıkal. Ədın amentukiwı ılgucənən:
„Nörtin kərə şudırimmen, kərə tuhanqelımmen lucalduk; gē mənauāt, gē sırqat luca-
mahınmı". Gē mənəallən, lucama kolobo lokonörən ajtki.

Tıgdəkəkun örən, cannuor. Luqur ədın kərən tənəhinimmən, ahın qədo
əlbəlcən. Ədın sırqrəkən, kərən tuhanimmen qıa amaşkıjı. Ədın əmuqı, ahın
15 əcın. qumahınən qaldulə, şutnəminən. Əmərən „əcın", gūnən. „Noan kəcə tuha-
nimmen".

шаманство". Брат ее свою жену убил. Лицо ободрал, оставил в юрте.
Когда кочевал, послал сестру (далее), сам стал выслеживать пресле-
довавших. Они преследовали, найдя девушку (убитую), обрадовались,
стали жарить на вертеле. Отец ел ту женщину. „Сердце почувствовало,
5 наша вероятно", сказал. Другие сказали: „Какой парнишка догадливый, убитую
оставил нам".

M. Mucuir. Tokma

63. Эвенки (люди)

Было две юрты эвенков. Было две девушки, два парня. Стали заставлять
(их) промыслять на оленях. Навьючивши двух оленей, там остались. Поужи-
нали, легли спать. Парни их отправились рыбачить, лодки заночевали (оста-
вили на ночь).

Утром вторая девушка встала, стала разжигать дымокуры. Олени идут,
5 туда посмотрела. „Бродяги идут, много видно, подходят к юртам". Бродяги
пришли. Парень выскочил, унты схватил, другой не мог выскочить. Бродяги при-
шли, убили младшего парня, второй убежал. Стала собирать скорб (и) торсуки
(девушка). На девушке парень (чужой) женился. Ушли вместе. Ушли к мар-
нику. Где заночуют, там вторая девушка повесит хлеб. Долго шли. Дошли до
10 юрт—много. „Оставь девушек (в доме), они убегут", сказал отец. Стала вторая
девушка просить у мужа кольцо. „Что делать будешь?" сказал муж. „Смотреть
дай кольцо". Муж отцу сказал: „Они сбегут, они убегут от русских, одну
оставим, одну возьмем (с собою) к русским". Оставили вторую, в лес (она)
повесить пошла русский хлеб.

Дождь пошел с ветром. Вечером муж оделся, жену дома оставил. Когда
15 муж ушел, (она) убежала обратно домой. Муж пришел, жены нет. По домам
пошел, бегал. Пришел. „Нет", говорит: „она сбежала".

Tuhanān, tuhanān hunāt, kolobo lokonorwī gāpki. Icañ nəkūnmān wāwcāwā. ɖajilwa suruwcāl. Koloborilwa ācir ōre. ɖāmullān, omīkin gənəɖəwki. Tāduk icārān mōti huklāɖirān. Əhikənikəkun maɣi ɖammān, kəcā tukin ɖapildāwi. Hunāt 20 tāmīnin kərān pūrtat mähinimmān unləwə; mähinān, kərān tuhanimmen. Gənərān, gənərān ahunma, tälā ilaran, kərān unləɣilwi şılaşılmmen. ɖāpcān tarıɣı gənəɖi-hinimmān ajuma. ēkun icārān, ɖawrahaldırān ɖıralı. Kōcaurān, kōcao dūtōrān. Kərān ɖəjə gujimmān, kərān tətciimmān. ɖəjə əmərān nōandullān. „ējduk əməkəkəcinnā, omi tuhaninnā nōrūktın?“ Günān „Bi tuhacā bihim“. Kərān ɖaurāldıhımmen, ətərān 25 gorovəj ɖıɖamı ɖıldolātın. Ihilla ɖılwal. Nəkūnin icārān ahātkanmə „Əmərə, anɣe! anɣe əməcā ɖutka“, ənintikiji tuhanān. Əninin jırān ɖıdukki „İduk əməɖān kəɖinnā“. Əninin icəcillān hutān əməɖirıwān.

A. Kəmbagır. Ɖəkənnə

64. Caɣit

umukən ilə hunāɖınun tuktihicāl urəɖulə. Tälā umukən ɖıradu urınərə. Tāduk akīnIn gırkuktallan. Akīnin hurucālən, nəkūnmən caɣit hurucə. Akīnin gırkuktaɖa-kājum, əmərən ɖulāwi. ɖulāwi əmənnən nəkūnin ācın ɖıduwi. Akīnin gələktələcə nəkūnmi, icənəhicə uɣılə, icərən ūɖawān ıɣādu. İlə pəktirəwınnı gāmālcā, hururən əjəki 5 ɖırawa. Icərən — ɖawraɖaratta. Tar ilə holotin tuksacā ɖıl, kuktıləcə. Huktıɖənə, hunātpı gıccə: „ɖawwān purulkal!“ Ahātkan döldicə akınnı guñɖəriwən, purulcā ɖawwān hilgiwıñdı. Tar ɖawıtın müləcə. ɖapkalā ākcāl; „ɖawwar müğəlcə, caɣit gıccə: „pütələkəl!“ Ahātkan pütələhicə, umukən mödu lokoron hunmi, mənin akındulāwi tuksahicə. Caɣit guñıwki: „Atırkən! kəl! mal! əməkəl!“ hunmiwən əriɖəwki. Caɣit 10 hurucə, tarıɣın hunin lokucaɖaran, gələktələcə ahıwə. Hunāt akīnin gıccə: „Caɣit əri ahıs!“ Caɣit tuksahicə, ilə ahahıcə caɣıtpa, pəktirəcə, urāran. Tıgə caɣit tuksahicə, ilə nəkūnmən gacā.

Бежала, бежала девушка, повешенный хлеб собирала. Увидала убитого младшего брата. Лодки уведены. Хлеба не стало. Проголодалась, голодная шла. Потом увидала — лось лежит. Только что медведь оставил, собрался 20 остывшего есть. Девушка села, стала ножом резать мясо, отрезала, убежала. Шла, шла сколько-то, огонь зажгла, стала мясо жарить. Съела то, отправилась сытая. Что-то, увидала, в лодке плывет по реке. Перешла через мыс. Стала мужчину поджидать, села. Мужчина пришел к ней. „Откуда пришла, как убежала от них?“ Сказала: „Я убежала“. Поехала в лодке, немного осталось до юрт. 25 Доехали до юрт. Младшая сестра увидала девушку: „Приехали (старшая) сестра, сестра пришла домой!“ к матери побежала. Мать вышла из дому. „Откуда пришла?“ Мать стала рассматривать пришедшую дочь.

A. Камбагир. Нгоконно

64. Чангит

Один эвенки с сестрой бродил по горам. Там на одной реке остановились. Потом брат ушел. После ухода его, младшую сестру Чангит увел. Брат, похो- 5 дивши, пришел домой. Оставленной дома сестры нет в доме. Брат искал сестру, пошел посмотреть на берег, увидел след на песке. Эвенки быстро взял ружье, пошел вниз по реке. Увидел — плывут. Тот эвенки побежал рядом сбоку, покричал. Крича сестре сказал: „Лодку продырявь!“ Девушка услышала, что гово- рил брат, продырявила лодку шилом. В лодку стала набираться вода. При- стали к берегу. „Лодка протекать стала“, сказал Чангит: „Посери (серой замажь)“. Девушка начала собираться серить, на одно дерево повесила кафтан, сама 10 убежала к брату. Чангит сказал: „Старуха! ну! на, держи! иди!“ к кафтану крикнул. Чангит пошел, от той (только) кафтан висит, стал искать жену. Брат девушки сказал: „Чангит, вот твоя жена“. Чангит убежал, эвенки преследовал Чангита, выстрелил, промахнулся. Так Чангит убежал, эвенки взял сестру.

S. Lontogir. Nēpa

65. Dūrpū əwənkil

urincəqacətin dūrpū əwənkil. umükən bicən samān. Nuqatın mötməsinə, asāltın əmənmurə ororğunmər. Bəjəltin sūrurə. Sūrurəktin, əməmə maṇl, sūrurə asāl-wətin. Əməmə bəjəl, asāltın ācır, samān güllən: „nəṇinəs-wət asāl-wər“. Sūrurə əqakittul; ista hujaldıkkittulā, samān güllən girkıtkıwı: „Si sūrukəl anṇulı hoktoḥ, bi qəṇinṇulı“.

⁵ Alawullan samān gırkiwı, güllən: „Təgəmi tıwsudəṇən, si bakamı, ənə qūlātın gənərə. Ukin-ka tiydəldəṇən, si dıkəndəwi umṇəwūrdytin, təli asāl umṇəwūrwər tiwsaldəṇātın, təli si sūrurəwəṇəs asāl-wər“.

¹⁰ Samān sūrurən, umükən bəjə bakaran maṇılwa, alacılın tiydəjə. Təduk tiydəllən, nuṇan əmərən umṇəwūrdylətin maṇıl. Tigdəlləkin, asin jürən dıduk umṇəwūrdyləwər tiwsanären. Samān asıtkıwı gūṇən, iylwətin minədən. Asin irən qūlā, bərlitin, iyl-wətin minərən, əmərən gūṇən: „Minəm“. Samān əmərən qūlātın, maṇıl bərilwə gara, bəjəwə wādəwər, iyltin minəwəcl. Samān nuṇarwatın wārən, asıwı sūrurən.

W. Putugir. Norbokō

66. İlətil, iləl

Bakaldıra dūr uriləhəl. dūktədu bicəl dūr hunil. umükən urilən bicə iləti, gē bicən iləmi. dūktədu bicəl dūr omolgıl. Nuqatın qūgəldinəl əknılwər, ahılcaıl.

Təgəmi-nən hujättə. İlətil həyəncəllə, umükənmə nulgıwə nulgikənimil. Tar ahıwa wəptıntāmulla. Ahı tığrən nuṇandın wəptıntāmuḍarıwatın. Ahı güllən: „minə tinkalıḥ,“

C. Лонтогир. Непа

65. Два хозяйства эвенков

Стояли две юрты эвенков. Один был шаман. Они промыслять собрались (лося), жены их остались с оленями. Мужья ушли. Когда они ушли, пришли лесные черти (эвенки-людоеды), увели жен. Пришли мужья, жен нет, шаман сказал: „Пойдем искать жен“. Пошли по тропе, дошли до раздваивания тропы, шаман сказал товарищу: „Ты иди по правой дороге, я — по левой“.

⁵ Стал учить шаман товарища, сказал: „Завтра будет облачно, ты, найдя, в юрты их не ходи. Когда дождь пойдет, ты спрячешься под походный лабаз, когда женщины будут покрывать тисками лабаз, тогда ты уведи женщин“.

¹⁰ Шаман ушел. Один мужчина нашел лесных чертей, стал выжидать дождя. Потом пошел дождь, он подошел к походному лабазу лесных чертей. Когда дождь пошел, жена его вышла из юрты, пошла покрывать лабаз. Шаман жене своей сказал, чтобы перерезала тетивы их. Жена его вошла в юрту, тетивы от луков перерезала, пришла, сказала: „Перерезала“. Шаман подошел к их юртам, черти взяли луки, чтобы убить мужчину, тетивы перерезаны. Шаман их убил, жену свою увел.

В. Путугир. Ербогочен

66. Людоеды, люди (эвенки)

Встретились два стойбища. На обоих было две девушки. Одно стойбище было эвенков (людоедов), другое эвенков (нелюдоедов). На обоих было два парня. Они, обменявшись старшими сестрами, поженились.

На утро же разделились. Людоеды стали шаманить, прокочевавши один переход. Ту женщину захотели принести в жертву. Женщина узнала, (что) ее принесут в жертву. Женщина сказала: „Меня пустите

⁵ tʉliskɪ jʉdɛw“. Nuɣanmān tinə tʉliskɪ. Ahɪ tʉktirən nəgiriɪɬə, taktukāndulā. Hamāɣitɪn gʉllən: „Wāptinmar wākallə“. Iləti gʉnən: „ācin wāptɪntɪ“. Gəlɛktəllə ilətiɪl wāptinmar hēwulɬi, wāptinmar albara bakaɬamɪ. Əmənə tımāniɪɬə ɣəriɪldələn. Tımātnə gəlɛktəllə, hʉɣcəlɪ ɬʉr binəl, hoktolwɪ. Ahɪ issa akɪndulāɟi.

Akɪnmɪ istakin-nun nʉlɣihincə dolbonɪwə. Birawa doɣotomoktowo dakcā.
¹⁰ Dakkānim ʉɬaduwi dukcā ɬʉkəwə. Ilətiɪl birawa dakɬanal duɣnadun əjətcəl.

P. Putugir. Norbokō

67. Ilə, caɣit

Ilə bakaran iləlwə, ɬmʉkəndʉ ɬrinə. Təɣəminən əməɾə caɣicɪl. Caɣit maɣa-raktəllən hunātpān, ilə bʉrən hunātpɪ. Caɣit nʉlɣihinən, hunātpān ɣaɬawki. Həwən-cəllə hʉɬɬuɬu ɬuɬu. Hunāt əɬəɾəkɪn, ɬʉr ahātkər əməɾə. Gē gʉllən: „Bi ərit bātke-təlɬiɣaw“. Hunāt hanɣuktəllən: ɛrakiw bātɬətəlɬis? — „Wāptɪntāmuɬarə hinə“. Hunāt tʉksahɪnən amɪnmɪ hoktolɪn. Dolbo amɪnmɪ wokonən „Caɣicɪɬu ɛda minə bʉcəs?“ Nuɣartɪn nʉlɣihinə. Nʉlɣihinəl birawa dəɣrə. Amɪnin ɣɪɾə ɬʉkəwən duɣrən. Caɣicɪl, əməɬənəl, əjəɾə upkat.

W. Kaplin. Norbokō

68. Caɣicɪl

ɬmnə nadan wəjəl əwənkiɪl ɣɪkuɬecəl, caɣitcenəl ɬrəlɬɬɪ. Hādun əwʉɣnəɾə ɬʉkcəlɬulā. Pəktirəwʉntɪn ācin bɪcān. Nuɣardutɪn bɪcātin ələ lʉkɪl. Tarɪɬulwar nuɣartɪn ɣarɣacɪkɪtɪn cɪɣɪcələ, hinɬkɪɬə, wəjɪɣələ. Hādun ɬəmʉkɪr ɣɪkuɬəɣkɪtɪn, ɬmnə nuɣartɪn

⁵ вон (на улицу) выйти“. Ее пустили на двор. Женщина влезла на наклоненное дерево, на старый пенё. Шаманы сказали: „Жертву убейте“. Людоед сказал: „Нет жертвы“. Стали искать людоеды жертву с лучинами, жертвы не могли найти. Оставили до утра, до рассвета. Утром стали искать, пошли вдвоем искать. Женщина дошла до брата.

До брата когда дошла, откочевали ночью. Перешли замерзшую реку. Пе-
¹⁰ рейдя, на следу прорубили лед. Людоеды, переходя реку, в проруби утонули.

П. Путугир. Ербогочон

67. Эвенки, чангит

Эвенки встретил эвенков, вместе остановились. Завтра пришли чангиты. Чангит просватал сестру его, эвенки отдал сестру свою. Чангит откочевал, взявши девушку. Стали шаманить в другой юрте. Когда девушка спала, пришли две девочки. Вторая сказала: „Я этим буду в бабки играть“. Девушка спросила: „Что со мною будет, если ты собираешься играть в бабки?“ — „Тебя хотят принести в жертву“. Девушка убежала по дороге отца. Ночью догнала отца. „Зачем меня отдал чангитам?“ Они откочевали. Кочуя, перешли реку. Отец прорубил лед. Чангиты придя, все утонули.

В. Каплин. Ербогочон

68. Чангиты

Однажды семь мужчин эвенков бродили, разбойничая, по горам. Иногда спускались, в юрты. Ружья (у них) не было. У них были только луки. Ими они стреляли пташек, рябчиков, зверей. Иногда голодные ходили. Однажды они

wacāl hujukunma cıpcıwa. Tarımar hılatta togodu. Hılatcakājum, bōntta upkattu nadandu iləldı. Upkatwa bōntta, ımukəndı ələ abullan, təli nuğandun bıŕa hılawūnma, cıwdān.

Tar, hılawūnma cıwdana, cəkərihinan. Təli nuğanın ɟalın güllā nōwandun: „Hi, əğəni, kətəwə ɟəpinni, hi əğəni kətəwə ɟəpinni, upkattuk kətətmərwə“. Wəra nōwanmān.

S. Kimā. Cırəmbu

69. Şiktowul

Şiktowul Kimā bicən. Nuğanın bicən əjən ımukən — hunəɟin, hutən hılukun. Şiktowul bicən şō gəlgan. Şiktowul indəcən əgdirəlın, əwənkılın. Nuğan ıtıgaldın bərilbi. Aşal, icətcəri ıtıgaderiwa, ılekutşə huɟtultiki bəjəltiki: „Şiktowul ıtıgaderən, mitpa wəldəwi“. Bəjəl ıtıgaldə wəldəldəwər Şiktowulwa. Şiktowul nılgışidəwi ıtıgarən. Şiktowul ɟuləli ıtıuşnan nəkūnin amarguc. Bəjəl əmuɟincərə, Şiktowul nəpindira, nəkūnmən əmultana. Bəjəl ganacıldə, Şiktowul əjənin adagaran. Adagurən, adagurən ışəlwi, təduk nuğanmən ıuşamtəwən hogışunmukən, təduk nuğanmā wərə. Şiktowul aməşki hıruleşincərən. Bəjəlnın alcadırən nəkūnmən wədacəlnın. Ganaməcıldə, bəjəlwə ələwətin wərən. Təduk bəjəl ılekicərilwə aşəlwe tildə, icəcilwətin högnərə.

Şiktowul şırurən, jajantiki Jokoniki. Jokoniwə ılrən, jajadən. Jokonın nadałdawa jajarən, jajarən. Şiktowul təgətcərən jajandarıdu. J okonı gūnən: „Nadan anpani wəɟəundə, Kardakuwa wəɟəndə, təduk ətəɟəndi wə ɟəmi. Şiluktalwan şolipkəndi“. Şiktowul şırurən, wəldən wəldən əgdirəlwe, ımukən bəjə wakawrən Şiktowulɟacın, nuğanın gərbin Həcumku. Nuğartın bəriləwər ələɟirə, ganaməcıldəwər. Ganamətcərə, ganamətcərə nıpcıklıwar manaknan. Tütəkəldəwər şukəcildirə, ınnat

убили маленькую пташку. Поджарили ту на огне. Поджаривши, разделили всем семи мужчинам. Все разделили, одному только нехати ло, тогда ему дали вертел, чтобы обсосал.

Тот, обсасывая вертел, подавился. Тогда его родственники сказали ему: „Ты очень много ешь, ты очень много ешь, больше всех“. Убили его.

Ш. Кима. Чиромбу

69. Шиктовуль

Шиктовуль был (из рода) Кима. У него были младший брат, сестра, маленький сын. Шиктовуль был очень проворный. Шиктовуль жил с Огдырылями, эвенками. Он стал настораживать луки. Женщины, увидевши настораживавшего, наврали другим мужикам: „Шиктовуль настораживает, чтобы нас убить“. Мужчины собрались убить (в драке) Шиктовуля. Шиктовуль собрался кочевать. Шиктовуль пошел впереди, брат позади. Мужчины собрались, Шиктовуль не дошел, дожидая брата. Мужчины начали стрелять, брат Шиктовуля увернулся. Увертывался, увертывался от стрел, потом стрела задела за лыжную петлю, тогда его убили. Шиктовуль обратно пошел. Встретился с мужиками, убившими брата его. Стал стрелять (друг в друга), мужиков всех убил. Потом мужики совравших женщин поняли, увидевших (увидевших) зарубили.

Шиктовуль ушел к шаману Яконы. Заставил Яконы шаманить. Яконы семь дней шаманил, шаманил. Шиктовуль сидел у шаманящего. Яконы сказал: „Семь лет будешь убивать, Кардака убьешь, потом перестанешь убивать. В петлю от кишек пойматься“. Шиктовуль ушел, бил, бил Огдырылей, встретил одного человека, такого же, как Шиктовуль, его имя Хочумку. Они померились луками, чтобы стрелять друг в друга. Стреляли, стреляли, пока колчаны не кончились (не опустошились). Мечами стали фехтовать, никак

əwki wārə. Ətəmi şəkəlcidəmi, dükte şogoldıra. Şiktowul, albamī wāldıdāmī, şururān, hıptulə bəjəl wāqənā.

Əwənkil ələtin tildə, Şiktowul bələkətcirən. Şiktowul hunādın Həcumkugulli
 20 umundu indəcən, umundu nulgiktədəcən. Nulgidərə daran. Şiktowul hunādın Hə-
 cumku hunādın ikəmātəcənəl, şəkātmatəcənəl. Həcumku hunādın ikəldən: „ake-jen-de
 Şiktowul cəgeje-deş əmədən mugdəkəcəkərə nulgışındəktuwi ilmnancınakan“. Şikto-
 wul hunādın lokomıdan nulgışındəktuwi qumıduwi labokanıduwi nədən lokomılwa.
 Şiktowul qağan lokomılwaı hunətpi ɔnalwān. Hıptul bəjəl gındərə: „Şiktowul ekunka
 25 hənmiptindən arā dundəwə şəgnəfəne“. Şiktowul dölətcən həkətcərılıbə nıganmān,
 həkəməldətin gındən Şiktowul: „əməpcəşun“. Şiktowul wāldən bəjəlwa. Bəjəlwa
 wāgnərən ɔroktogacınma. Şaməşəl jəgərə Şiktowulwa, ɛmat cıpkərə əgnərən dagamərə.
 Şiktowul dūlıdukin ilaldəduq cıpkərwe mədagnara, hukılıgnara. Şiktowul qəmıldən;
 30 ɔlsimcə bimi, issan bəjəwə ımuəkənmə, ajicə bəjunmə. Şiktowul nırməran bəjəwə,
 garpaldana, hanpūktarān: „Ni bişindı, ni hutən?“ bəjə gūnən: „Şiktowul hutən“. Şikto-
 wul gənərən, şogoldən hutəwi aran əşin wārə. Tagwacılımi, hanpūktarān hutən
 ajicə bəjunma. Hutən ıldildən Şiktowulwa bəjun əptəfəne. ɔlgumətsən, ɔlgumətsən,
 qəwrən ıldəwə, tādük ənpəttən hutənün. Tādük nān şururān, bələkətcildən, bokonən
 nulgışırılıwə əwənkilwə, əgdirəlwə, bəjə jūşnəscə dūdukpi. Şiktowul tar wārən bəjə.
 35 Bəjə Kardaku bican. Tādük qalıdaran Şiktowul „Əri, gugərin Jokoni“ şılıktalwān,
 sıluməran şılıpkənrən şöldən bəjə şılıktaldulm. Tukaşna, halganı uquran.

Bəjəl ıdalın tukaşara, Şiktowul təkundulı kumjalı ırəktəli hırrān. Hırrəkinən,
 bəjəl ɔjolin tukaşara. Tukaşıldə təkunmə Şiktowul taqrān bəjəl, hāltın əpkil giwə şopka-
 mətəşə. Bəjəl pənərəktin, Şiktowul jürən təkunduk, muçşnən qılāwi. İşnən dūduwi, inən
 40 şagdaknanı. Şagdancālān bəjəl əməncərə. Şiktowul tildən, əmədəre bəjəl: „Minə
 wāqınədəre“, hırtıkiwi gūnən: „Mişəkaldı! Minə wāktın, əşilə mindu ələkin əgdiwə
 bəjəl wācāw, şagdacāw, ətəcəw ɔvlog bıdəmi. Şu-nın mişəkaldı, bi ədu alacıldam,

не могут убить. Кончивши фехтовать, оба заплакали. Шиктовуль, не могши убить, ушел, убивая других людей.

Все эвенки узнали, (что) Шиктовуль бродяжничает. Сестра Шиктовуля
 20 жила вместе с сестрою Хочумку, вместе кочевала. Кочевали рядом. Сестра
 Шиктовуля (и) сестра Хочумку пели, состязаясь, хвастаясь. Сестра Хочумку
 запела: „Братец Шиктовуль издадека идет, пеньки на месте кочевки расставляя“
 Сестра Шиктовуля вешало поставила на кочевке на брошенной юрте, мох по-
 ложила на вешало. Шиктовуль взял вешало, сестрою сделанное. Другие мужики
 25 сказали: „Шиктовуль как будто топает, идя по этой земле“. Шиктовуль услы-
 шал говорящих о нем, на слова их сказал Шиктовуль: „Притащились“. Шикто-
 вуль стал убивать мужиков. Бил людей, как траву. Шаманы проклинали Шикто-
 вуля, (чтобы) никакой зверь не мог приближаться. Приближение Шиктовуля
 за три дня узнавали звери, убежали. Шиктовуль проголодался; пропадая с го-
 лоду, дошел до одного мужика, добывшего зверя. Шиктовуль подкрался
 30 к человеку; стреляя, сказал: „Кто ты, чей сын?“ Мужик сказал: „Сын Шикто-
 вуля“. Шиктовуль пошел, заплакал. Сына чуть-чуть не убил. Узнавши, спросил
 сына, убившего зверя. Сын накормил Шиктовуля легкими зверя. Разговаривал,
 разговаривал, съел мясо, потом ночевал с сыном. Потом опять ушел, стал бро-
 дяжничать, встретил кочующих эвенков—Огдырылей, мужчина вышел из юрты.
 35 Шиктовуль убил того мужика. Мужик был Кардуку. Тогда вспомнил Шиктовуль
 „Этот, как говорил Яконы“, кишки вытащил, сделал кольцо из кишек, пролез
 через кишки мужика. Прыгая, ногу наколол.

Мужики побежали по его следу. Шиктовуль в середину колоды (спря-
 тался) нырнул. Когда спрятался, мужики через верх (колоду) перепрыгнули.
 Стали перепрыгивать через колоду, Шиктовуль считал мужиков, некоторые
 прыгали незаметно. Когда мужики ушли, Шиктовуль вылез из колоды, вернулся
 40 домой. Жил дома, жил до старости. Когда состарился, пришли (к нему) мужики.
 Шиктовуль услышал, (что) идут мужики. „Меня идут убивать“, сыновьям ска-
 зал: „скройтесь! меня пусть убьют, теперь мне довольно, много людей убивал,
 состарился, кончил жить, не жаль. Вы-то скройтесь, я здесь подожду, чтобы

wāḡātin". Şiktowul hūnilin misēre darkındulı. Būlaşal əməre Şiktowul bərin tūlilā lo-
kowındu lokucaḡarān. Bəjal əməre bərewən gada, incārā nuḡanmān. Şiktowul
45 gūnən: „Əkəld'u-kən wārə, bi hənḡətciḡtə şuntiki, dölcatkallu minə". Tāduk gūnən:
„Minə wākəld'ə, mēwanmāw ḡəpkəld'ə. Mēwanmāw ḡəmmi, mingəcir şə ḡḡaş, əmat
ətən şunə wārə".

Bəjal wārə Şiktowulwa təlḡətşə mēwanmān, bakara mēwanın huḡtūtmer, ələn
ıḡu. Bəjal ḡəlild'ə əşi ḡəwdəwər Şiktowul mēwanmān. Tuḡı Şiktowul inin, Şiktowul
mudanin.

Ş. Kımā. Cırəmbu

70. Nara

Gāḡdārā bicən Tānimə. Təḡədu bargigādu bicən Şintawul. Nuḡartin əḡəşicil
bicətin. Gāḡdārā daḡdattān Şintawuldu. Şintawul hunilwi tiwran.

Timi bələḡəlild'ən Narawul, Şintawul ḡəncədəwi. Gāḡdārā Narawul şārən. Nara
əḡəşit həḡdimər Gāḡdārāduk. Gāḡdārā gūnən: „Şi daḡḡıḡand'i, bi aran daḡḡacam".
5 Nara ḡəkildirān. Kətə əwənkil təwrə. ḡənəcəşnə Şintawulwa. Nara şururān akınan.
Akinin əḡəşitmer ḡəngāməndimer bicən Naraduk. Nara ḡelḡandimer bicən.

Jajalwə şururwā, hurkəkər şururā multaş bəricilwi. Nara ışşan Şintawul ḡuwān.
Nara ḡulāli şururān, Şintawul ororwən ilbərən. Şintawul icātnərən, əkunḡi olonə.
İcāttān, icāttān əmac ācin. Şintawul jūşşān, cıkəndirān. Cıkəndirəkin Şintawul, Nara
10 amargıḡādun şəḡdənd'ədun ulcamātcənə. Şintawul ḡulāwi İran, Nara nuḡannunin
İrān. Şintawul əmac əḡnərən tild'ə, təḡətcirən. Nara bəduwi təḡərən. Təḡəḡərəkın, Nara
təḡəcədu icərən. ulḡurməcild'ə. Nara gūnən: „Kərəməḡu bişim Gāḡdārā hunildulı".

Amarguc əməre ələtin əwənkil. Haranāld'ə. Şintawul həripḡıld'ən idu əḡəşit-
mer. Nara haranduwı kullkuşnən əpkərəwə. Ələtin ḡaralın tarəşına, ələtin ıməkəḡalın
15 buḡurā. Şintawul təli ənawrān.

убили". Сыновья Шиктовуля скрылись под наст. Пришли бродяги, лук Шикто-
вуля снаружи на вешале висел. Мужики пришли, лук его взяли, вошли к нему.
45 Шиктовуль сказал: „Подождите меня убивать, я скажу вам, слушайте меня".
Потом сказал: „Меня убейте, сердце мое съешьте. Съевши мое сердце, силь-
ными, подобно мне, станете, никто вас не убьет".

Мужики убили Шиктовуля, вырвали сердце, нашли совсем другое сердце,
все волосатое. Мужики побоялись есть сердце Шиктовуля. Такова жизнь
Шиктовуля, конец Шиктовуля.

Ш. Кима. Чиромбу

70. Nara (соб. имя—недохолощенный бык)

Гагдэра был (из рода) Танимо. На противоположном берегу реки был Шинта-
вуль. Они были силачи. Гагдэра поддался Шинтавулю. Шинтавуль девушек отнял.

Утром стал помогать Наравуль Шинтавуля наказать. Гагдэра знал Наравуля.
Нара был силач больше Гагдэры. Гагдэра сказал: „Ты победишь, я немножко
5 поддамся". Нара согласился. Много эвенков собрали. Отправились к Шинтавулю.
Нара пошел с дядей. Дядя был сильнее (и) неуклюжее Нары. Нара был проворнее.

Шаманов увели, парни пошли лучшим отрядом. Нара дошел до юрты
Шинтавуля. Нара зашел вперед, испугал оленей Шинтавуля. Шинтавуль пошел
посмотреть, что случилось. Смотрел, смотрел, ничего нет. Шинтавуль вышел
10 на двор. Когда справлялся Шинтавуль, Нары позади, за его спиной вертелся.
Шинтавуль вошел в юрту. Нара с ним вошел. Шинтавуль не мог ничего по-
нять, сел. Нара на среднее место сел. Когда сел, увидел Нару сидящего. Стали
разговаривать. Нара сказал: „(я) мшу за Гагдэра девушек".

Позже пришли все звенки. Стали стойбищем становиться. Шинтавуль
приметил, где сильнейший. Нара на месте юрты ударил по сухому дереву (силу
15 показал). Все ветки вадрогнули, весь снег свалился. Шинтавуль тогда разобрал.

Timātñā ərildə dipniləlikicitin, guluwūn həgdiwə lara. Kaltakagıdın guluwūnma şaməşəl təgərə. Bəjəl dəwşildərə bərilwər. umukən bəjə ırgəmkərən tütəkəlwətin, gūnən: „ırgəməkəkun Narajı“. Tütəkəlwətin Naraja Şintawulnun ılıwrən. Narajıwa şıborārən mandıtmarıt. ılgucəmətsə idi; dılaşı gədan, tarı şukədədən. dükre tuk-
 20 şancəldə tütəkəlwər Narajı mandıt şıborənmucə. Nara gəscədalıdan, Şintawul şukədəşcərən. Narawa gəla hujirən, əkiwa. Nara həndişnən, Şintawul aşasnən. Əşin bokonə, amaşki huktildən, Nara bokorən, şukədərən Şintawulwa. Şintawul təgəkən-
 25 nin əkiwa niləşnən bürucə. Nara mucusnən. Nara gūnən: „Tikin ədu bimecəşi Bəjə-
 mətmtəkəl“. Şintawul altacıldən, hərkəldən əkiwi. Nara əşin alıpkəcıldən, Şinta-
 wuljawı bokowı daptaldən, gundāna: „Ər dəjəgartın həjgən“, Gəgdərə gūnən: „Bəjə-
 mətmtəkəl nujanmən“. Nara əşin dəkildirə, əşin wəməldə. Nara gūnən: „Gılwə-lı nə-
 kəktin!“ Şintawul gūnən: „Mindü əcin targəcin bəjə“ Şintawul altacıldən: „Bı wıdā-
 rəw şundü asalışun“. Nara dəkildirən, aşalawı dırwə gədan. Gəgdərə hunilwən
 30 tişəlwən amaşki gədirən. Hıptul hıkkəkır asılərə, əgdiwə aşalwa əməwrə mənpiłkiwi
 dındıtkiwi. Mucusnə. Nara aşalwı mūdılwa ugađana.

Şintawul jajaltın Narawa jəgərə, əcin hıtwəi wıdən. Nara dırdıq aşal umukə-
 məc hıtən əcə bışı. Tədukkı gərbicı Nara. Nara wıcən ələ əğəşi Tənimə.

Ş. Кимә. Чирәмбү

71. Şərinçə.

Şərinçə ikənıpkədirən nəğnə. Əgdirə wıcətin əwənkil. Bılaşəl, ırgəgər, şəğnə
 Çirəmbıtkı umıldə mıwə. umukəntin döldirən Şərinçə cumırwən, gūnən: „Cumı-

Утром раскопали место бегов, большой костер разожгли. Половину костра
 шаманы заняли¹. Мужчины просматривали луки свои. Один мужчина свесил
 мечи, сказал: „тяжелее Нарин“. Мечи Нары (и) Шинтавуля поставил. Нарин
 воткнул крепче. Договорились, который (из них) первым возьмет, тот ударит.
 20 Оба побежали за мечами. Нарин воткнул крепче. Пока Нара брал, Шинтавуль
 рубанул. Ранил руку Нары, большой палец. Нара победжал. Шинтавуль пресле-
 довал. Не догнавши, стал бежать обратно. Нара догнал, рубнул Шинтавуля.
 Когда Шинтавуль присел, большой палец снес, бросил. Нара замахнулся, Нара
 сказал: „Теперь здесь был бы! Давай рубить друг друга“. Шинтавуль взмо-
 лился, привязал большой палец. Мать Нары стала досаждать, по заду Шинта-
 25 вуля похлопала; говоря: „Вот запрятанный болотный житель“. Гагдэра сказал:
 „Убей его“. Нара не согласился, не захотел убивать. Нара сказал: „Другие пусть
 попробуют!“ Шинтавуль сказал: „У меня нет такого человека“. Шинтавуль стал
 просить: „Мы дадим вам женщин ваших“. Нара согласился, двух жен взял. Гаг-
 дэра девушек отнятых обратно взял. Другие парви женились, много женщин
 30 привели на свою землю. Возвратились, Нара своих жен на плечах переносил
 через воду.

Шаманы Шинтавуля заговорили, чтобы (Нара) был бездетным. У Нары от
 двух жен ни одного ребенка не было. С тех пор называется Нара. Нара был
 последний богатырь (из рода) Танимо.

Ш. Кима. Чиромбу

71. Шоринчо.

Шоринчо устроил весною весенний праздник обновления жизни. Эвенки
 были (из рода) Огдырэ. Бродяги, каменные (жители правобережья Енисея) дошли
 до Чиромбу, стали пить воду. Один из них услышал в воде эхо Шоринчо, ска-

¹ Межродовые столкновения эвенков в большинстве случаев сводились к состязаниям бога-
 тьрей—военных предводителей. Параллельно шли состязания в искусстве между шаманами. Роды
 встречались, устраивали костры. С одной стороны располагались богатыри, с другой—шаманы.

дарə". Ələtpar döləcəldə, ələtpi idərə cəgnr. ənəwra şolokī cəgnrawa, şururə Cırə-
mawə şolokī. Dənərə dəpkuldəwa. dəpkidutın wəməldə döldəcəwə. Wəldənəkər
icərə oronmo cölkəwə. Wərə oronmo, dəwra. Dolboltono döldirə əwənkil künəlrəwətin.
Lugururə künəlidərə əwənkil. Timaltānākin, iləwgildə, jajaldən Şərinəcə. Əwənkil
ikənildə. Timaltānə bələşəl əgəlgərə Şərinəcə dükānmān. Şərinəcə tildən əgəlgəpcələwə
umnałdən: „Əkun cölin gūnən? Şərinəcəkün muşun əgəlgəjəgdədin dūn tırəndəşinən“.
Bələşəl gūnə: „Umnalca! Gənaldə Şərinəcə dükānmān, ikənımnışəlwə wərə. Şərinəcə
dəgilcarən şənəliwı, hatnən, şiyunđi bururən. Şərinəcə həkildən nınakındı. Bələşəl
garpəra nınakınma, nınakın buddən. Tədük Şərinəcə, kuln binə, həkildən. Kulnma
bələşəl ərkanđıwar iktərə, Şərinəcəwə wərə, ıldəwən dıgdırə, dıgdıra Şərinəcə nən umun-
pignərən nəduđırə baklaıta, nən umunupcə. Təlgətcirə ələwən, Şərinəcə nən umun-
upcə. Ömıwən əgnərə bakara. Şərinəcə ömıwı dajacə ācındı gərıbdı. Okın ācınwən
gərıbjə minərə, təli Şərinəcə buddən.

umukən bəjə wəđaktutın bukcəcə. İlan bələşəl İrə dükānitki. Tar bəjə aran
əşin ilncərə purtatpı, əksərən. Untuwūnmə gəda bələşəl, mırəkərə purtatpı gələwən.
Tədük İrə, əgdi binəl, kumalərwə nəduldə wənəltikiwar, gundənəl: „şı ərıc ənıttı-
kəl“. Bəjə icərən cəkşacı, gūnən: „Ər-kə ın cəkşacı? umukəntin gūnən: „ətənnı-
kəkuntı“, kumalənmə nəduđrən, dərən ətədən icəwədmı. Gıl dūr həkəkər tıksana. Asə-
dılwə şurwə tətşə. Bələşəl gūnə: „Nugarıtın əşəl əkun dındəjan şəgəđərə?“ Bələşəl
şururə wəđaktukpar, umukəntin bələşəl gūnən: „nəkəwi omgom“. Amaşki mıçuşnən
wəđaktıkiwi, dükāntiki İrən. Bəjə təgətcə jənən. Bələn təgrən həwi. Həgkətməttən,
təuldərən göciktəwən əmərən.

dūr həkəkər işşadılwar əwənkilwə, jankərwə nımgəcıləşwər, dəmıləldə,
qıbməcələwə işşə.

зал: „Раздается“. Все стали слушать, все услышали эхо в воде. Приметили,
что) эхо сверху, пошлди вверх по Чиромбу. Шли восемь дней. На восьмой ден за-
хотели убить слышавшегося (того, чье эхо слышали). Убивая, увидели белого
оленя. Убили оленя, съели. Вечером услышали шум (от эвенкийской игры в мать-
дерево)¹. Всю ночь играли эвенки. Когда настало утро, стали греть бубны, на-
чинал шаманить Шоринчо. Эвенки стали в круг. Утром бродяги окружили юрту
Шоринчо. Шоринчо понял окружавших, стал говорить: „Чей язык говорит?
Дух Шоринчо окружавших юрту собрался придавить“. Бродяги сказали: „Заго-
ворил (зашаманил)! „Стали стрелять в юрту Шоринчо, всех в хороводе убили.
Шоринчо быстро вылетел в отверстие юрты, превратился в духа, солнцем упал.
Шоринчо стал убегать собакой. Бродяги выстрелили в собаку, собака умерла.
Потом Шоринчо, змею ставши, начал убегать. Змею бродяги били кончиком
лука. Убили Шоринчо, мясо его рубят, рубят, Шоринчо опять собирается
в одно, разбрасывают по частям, опять соединяется. По суставам разбирают
всего, Шоринчо опять соединился. Не могли найти его душу. Душа Шоринчо
спряталась в безымянный палец. Когда палец отрезали, тогда Шоринчо умер.

Один мужчина остался полумертвым на месте убийства. Три бродяги
вошли в юрту. Тот мужчина едва не бросил (в них) ножом, одумался. Бубен
взяли бродяги, разодрали ножом пузырь. Потом вошли, много (их) было, раз-
бросали кумаланы по убитым, говоря: „Ты этим вознаградись“. Мужчина уви-
дел окровавленного, сказал: „Это почему окровавленный?“ Один из них сказал:
„Уже кончился“. Бросил кумалан, чтобы лицо не было видно. Два других парня
убежали. Женские кафтаны надели. Бродяги сказали: „Их женщины на какую
землю (могут) дойти?“ Бродяги ушли с места боя, один бродяга сказал: „Огивно
забыл“. Вернулся обратно на место боя, в юрту вошел. Сидевший мужчина испуг-
гался. Бродяга узнал сородича. Разговорились, обещал притти в будущем году.

Двое парней во время похода проглотили корольки (крупный бисер), стали
голодать, едва живые от голода дошли.

¹ Игра kunalig „мать-дерево“—массовая. Играющие делятся на две партии: мужскую и жен-
скую. У каждой партии свое дерево — „отец“ и „мать“. Подбрасывают палку. Партия, поймавшая
палку, старается поцарапать дерево противной партии. Ей не дают, стараясь выбить и уронить
палку. При падении палки игра переходит к другой партии.

72. Arka

Arka aminin bicən Mōlkōn. Nuan bakaran hūlukutkēnma kuḡākānma. Irgi-cildrən tarā. Tāduk Arka həgdiḡə ōdan, həgdiḡə šamān ōdan. Arka umūkēnnun šamānnun jaŋ'amatt'ən əḡəšiwī, merirān šajtašaldīwī. Nī əḡəšitmər. Togowo həgdiḡə ilara, nadanma əpkərəl mōlwa olgopnōrə. Tādu jaŋ'amācild'ə. umūkēnmə inəḡiwe
5 jaŋ'amatt'ə, šaman ilaran togodu səwəšaldīwī. Dəbdaran huḡtu šamān, qəḡdirən gē, šajtašaldīwī ilarān. Arka əḡəšī həgdimər ōdan. Tütəkəcilin ilanḡar bəjəl bicəl. Ilarakin, nuḡartin ḡüld'ə mənḡiwər šamānmər: „Tuḡi biwkə“. Qəḡdirān tar šamān.

Arka nān huḡtutkī šamāntkī ḡənərən, nān huḡtu šamān tūrəld'ən Arkawa, ḡüld'ən: „Ši-kə eda tuḡi qəkəḡənd'ī əwənkilwə mən ilatcand'ī ši?“ Arka həḡkə-cildrən: „Ōn-ka mən ilatcaḡam, mənəkən tūrəlcən minə“. Nān tar šamān ḡüld'ən:
10 „Jaŋ'amātkā, əkun-ka targācin bišin həgdiḡə?“ Arka ḡüld'ən: „Šu mənəkər tūrəlḡ-nəš. Ajawrakış, jaŋ'amātkā“. Nān togowo həgdiḡə ilara, nadanma əpkərəl ilara. Šə həgdiḡə togo ōdan. Gē iḡəlin baldıra, Arkayı baldıra iḡəlin tuḡi. Naldıra ḡḡkrə, əḡ-šilwər merild'ə, idu əḡəšitmər ōdan. Arka dəbdiran, bodoloşşən. Əḡəšitmər həgdimər
15 ōda šajtašalın. Tunḡaḡar tütəkəcilin bicəl tar dəbdəḡacā. Dəbdarakın, həḡkəcild'ə tütəkəcilin: „qəkəḡəkis əḡuṡşiji“.

Tāduk Arka nān ilitn şamaşıl Putuḡın bakaldıra. Arka kuşild'ən ḡḡkədu, bıradu. Arkawa pişşald'ən hojolin tūrkcə. Arka taptırənən hojowı, əmac şəkşəḡ əcin, huḡa əcin ōdan. Arkayı tunḡaḡar tütəkəcilin tar şamānıl tunḡaḡar tütəkəcilin kuşirə
20 ḡḡkədu. Dəbdara Putuḡını. Arka təḡən Tanınma bicən. Arka wārən Putuḡınma əlwətin. Arka Jəḡəḡdu inḡəcən. Putuḡın əwḡidaḡa əməcən.

72. Арка

Отец Арка был Молькон. Он нашел маленького ребенка. Стал растить того. Потом Арка большим стал, большой шаман стал. Арка состязался с одним шаманом в умении шаманить, мерился духами. Кто сильнее. Большой огонь разожгли, свалили семь сухих деревьев. Там стали шаманить. Один день шаманили, шаман сжег в огне своих духов. Поддался другой шаман, улетел второй¹,
5 духов сжег. Арка значительно сильнее стал. Мечников тридцать человек было (у того). Когда зажег, они сказали своему шаману: „Тому (и) нужно быть“. Улетел тот шаман.

Арка опять пошел к другому шаману, опять другой шаман стал ругать Арка сказал: „Ты-то к чему так делаешь, эвенков сам сжигаешь ты?“ Арка ска-
зал: „Как (я) сам сжигаю, сам вызывал меня“. Опять тот шаман сказал: „Давай
10 пошаманим, какой такой силач?“ Арка сказал: „Вы сами вызываете. Если нравит-
ся, давай шаманить“. Опять большой костер развели, семь сухих деревьев сожгли. Очень большой огонь стал. У второго выросли рога, у Арка тоже выросли рога. Схватились оба, силою мериться стали, который сильнее. Арка победил, сбежал (тот). Сильнее, больше стали духи его (Арка). Пятьдесят меч-
15 ников было у побежденного. После победы стали говорить мечники: „Если бы начал раньше, хуже (было бы)“.

Потом Арка опять с третьим шаманом (из рода) Путугин встретился. Арка начал драться на льду, на реке. У Арка прострелил лоб насквозь. Арка вытер лоб, нет никакой крови, раны не стало. Пятьдесят мечников Арка с пятьюде-
сятью мечниками того шамана бились на льду. Победенными стали Путугины.
20 Народ (род) Арка был Танимо. Арка убил Путугинных всех. Арка жил на Ело-
гуе. Путугин пришел на эту сторону (с правого берега Енисея).

¹ Победенный сжег своих духов и, превратившись в птицу, улетел.

73. Nurgowul

Nonon Nurgowul bihin, ge uren bihin. uren bihin ketekəkun urilin. Talawar amaran Nurgowul. Taduk umukənın günən: „Ganātmā!“ Nurgowul manaran wəjəñil-wən urenñilwə. uren tuksahinan; bırawa mikcāñariwa garparan, halganmān kaputan. Kaputkānim, ahiwan hırwıren. Nurgowul hutəwən amākān çajaran, hōmama hujukukənmə.

Tarəwa ırgittan çapkun anjanıwa. çapkun anjanın ırgitkəjim, ajayıldan, lukiwa oran mukutıwa, taduk, guluwun bargıdalan ılıwkākānim, tatıgättan. Tadu əcə nawkənā' cāğı amandı gorokonçı ın tatıgättan. Taduk, gorotmordulā ılıwkānim, hələmət lukit tatıgättan.

Tar kuşākān lukidu əcə nāwre, nuşan mikcānan. Jəğitin anjanı ödan. Jəğitin anjanı ödakin, tar kuşākān möwa ilkənmə bakaran, amākāduk hanğaktaran: „ėkun ilkəncān?“ — „Əcəw hərə“. — „Amākā! ələdəkəl, hılsakəl, ılıgucəkəl mindı“. İlaran hanğaktaran amakāji. Amakān günən: „Bultakəl çəwge wəjunə, təli günim“. Tadu bultaran kuşākān ketəwə hōma wəjunmə. Bultarakin, günən: „Nurgowul wacān amınmās“, — „ėkuma hō wəja, möyat baldıñıñaw, hi, ətirkən, ılıgucəkəl, ılıgucəndəwi baldırakıw“. Taduk tar kuşākān hırwən. Bakaran talə jəğın quwa. Bakakānim, kahlā qula ıren. ırekin, əninin təgəcıdan. „Hi ėkuma kuşākān bihindä?“ ənın günən: — „ėkuma binən, əcəw hərə“ — „Ön minji hutəw urıñı!“ Hutən tadu günən: „Tar-tı bihim“. — „Ətirkənmi əmərekin, ənə ılıgucənə“, günən əninin: Kuşākān günən: „Ətirkən okun əməñjən?“ — „Dolboltono əməñjən“. — „ıldəja mindı bükəl hōt çəmmulim, gorojo əməfəm“. — „ıldəñilbi tañçañan, mədəfən, wıçam, ədam-ñı?“.

Hujukukənmə wıren halganın ıldəwən. Adırākān mukukānim, ətərən. Tadu əməren ətirkənın dolboltono. Ləwanmı tañdan, çulāji ənə ıra. Tañkanım, günən:

73. Нурговуль

Вначале был Нурговуль, (и) второй Урон. У Урона было много стойбищ. Туда пришел Нурговуль, потом один из них сказал: „Пойдемте стреляться“. Нурговуль прикончил мужина Урона. Урон убежал; через реку в перескакивающего (Урона) выстрелил, ранил ногу. Ранивши, жену его увел. Нурговуля сына его (дед) спрятал, очень маленького.

Воспитывал того восемь лет. Восемь лет растивши, начал учить (увертыванию), сделал деревянную стрелу, потом, за костром поставивши, учил. Там не попавши, дальше позади далеко олять учил. Потом, очень далеко поставивши, железной стрелой учил.

Тот ребенок на стрелу не попадался, он отпрыгивал. Девятый год пошел. Когда девятый год настал, тот ребенок метку на дереве нашел, спросил деда: „Кто пометил?“ — „Не знаю“. — „Дед, пожалуйста, сообщи, Расскажи мне“. Трижды спрашивал деда. Дед сказал: „Добудь зверя для еды, тогда скажу“. Там же добыл ребенок много сильных зверей. Когда отпромышлял, (дед) сказал: „Нурговуль убил отца твоего“. — „Какой сильный мужик, может вырасту, ты, старик, Расскажи, Расскажешь, когда вырасту“. Потом тот ребенок ушел. Встретил там девять юрт. Встретивши, в большую юрту вошел. Войдя, мать его узнала: „Ты чей сын?“ сказала мать. „Чей был, не знаю“. — „Как похож на моего сына?“ Сын тогда сказал: „Тот (и) есть“. — „Старик мой придет когда, не рассказывай“, — сказала мать. Ребенок сказал: „Старик когда придет?“ — „Вечером придет“. — „Дай мне мяса! Сильно проголодался, долго шел“. — „Мясо сосчитает, узнает, дам ли, нет ли?“

Немножко дала мяса от ноги. Немножко поевши, перестал. Пришел вечером старик. Повешенное (мясо) подсчитал, не входя в юрту. Подсчитавши

„Halgan üldən acın“. Tağdākin, ikənīm dūlaji, gūnən: „ēkun kuḡakāmin əməcən? üldəmi idu būndā? huḡtu-ḡu, tawardu-ḡu būndā?“ Ahin gūnən: „Tawardu būmi, dəp-cən“. — „ēkun kuḡakāmin əməcən? hōt ulkal, aḡaḡakān binən. Həksəjə urkukal kalandu huḡuwdən“. Tarıḡın aksaran, aksakānım gūnən: „Hi amīmāw wāḡəwki bihindi?“ — „Ni amındı gərbin bıcən? Hi mingiwə gərbiwəw hāndı“. — „Ni amındı gərbin? Hi mingiwə gərbiwəw hāndı-ḡu?“ — „Hāmi“ — „Gərbiwəw ɣi, hərəkis?“ — „Hınḡi gərbiş Nurgowul“.

³⁰ Mıkcānən hōnalın əldunmə caski. Mıkcāndarıwa purtatpı amandıwkānın. Tāduk tuksahınākin, hokordon; əmərən, huḡtılwə tətkenən tətigəlwə. Əmərəkin jəḡin dūdu: „Okı bihis jəḡin dū wākaldı“. Huḡwulitin ırıtte, əcəl nawkānə. „Kə, hile, bi-wə-li gannāciktə“, gūnən: „adaḡukaldı! mıkcākaldı!“ Lukitukındı wārən. ımukən hulaptan, hōḡitın hulaptan. „Amiwaw ɔn wācās, tūḡi wādam“. Garparan ımukəlın wārən. Wākānım, əninmi huḡıwren. Amākān gūnən: „Ələ-də hōmaja bihindi“.

I. Uwocān. Norbokō

74. Nurgowul

Nurgowul gərbiçi hōnıḡ, garpalān vəjə bıcə. Nuḡan ırılənə manawki, vəjətkərwə wāciwki, ahatkərwə gāwki mēndūji. Təḡəminin nūlḡihinən, istan ımukəndulə dūlā. İcərən atırkən huḡəji qawucaḡarıwān, hanḡuktaran nuḡandu: „Huḡəs, vəjətkən-mu, ahatkən-mu?“ — „Ahatkācānı“. Nurgowul huḡıldənə gūnən: „Vəjətkən bimı ər, ilkən-dūliw əməḡnənı!“

⁵ Nurgowul huḡıcələn, əmərən amīnın. Amīnın huḡəji alawullan adayakıttı. Huḡəji huḡnmən lıkkānım, toḡocıt, əllat noduncuciwki, tanḡın adayawki. Tāduk amīnın ɔrān ırıwa, tarıḡıtpı garpawki, huḡən adayawki.

сказал: „Мяса (от) ноги нет“. Подсчитавши, войдя в юрту, сказал: „Какой пар-
²⁵ нишка пришел? Мясо какому дала? чужому или тому дала?“ Жена сказала: „Тому дала, съел“. — „Какой ребенок пришел? побольше покорми, сирота наверное. Кровь налей в котел, чтобы сварилась“. Тот (мальчик) рассердился, рассердившись сказал: „Ты убил отца моего?“ — „Как было имя отца твоего? Ты мое имя знаешь? Как имя отца твоего? ты мое имя знаешь наверное“. — „Знаю“ — „Как же имя, если знаешь?“ — „Твое имя Нурговуль“.

³⁰ Прыгнул в верхнее отверстие юрты за нюк. Прыгающего ножом не успел (задеть мальчик). Потом, когда убежал, потерял (его); пришел, надел другую одежду. Пришел в девять юрт. „Сколько (есть) девять юрт убивайте“. Все обрадовались, не попали. „Ну, теперь я-ко постреляю“, сказал: „увертывайтесь! прыгайте!“ Каждой стрелой убил. Один остался, сильный остался. „Как отца моего убил, так убью (я)“. Выстрелил в голень, убил. Убивши, мать увел. Дед
³⁵ сказал: „Теперь сильный (ты)“.

И. Увочан. Ербогочон.

74. Нурговуль

Нурговулем назывался богатырь, ловкий стрелок был мужик. Он стойбища кончал, мальчиков убивал, девочек брал к себе. Утром кочевал, дошел до одной юрты. Увидел, старуха сына держит, спросил ее: „Ребенок твой — мальчик или девочка?“ — „Девочка!“ Нурговуль, уходя, сказал: „Мальчик это, пусть по-
⁵ метка моим пойдет!“

После ухода Нурговуля пришел отец. Отец стал учить сына своего увертыванию. Снявши с сына кафтан, огнем, углями бросался, тот отворачивался. Потом отец сделал стрелу (деревянную), ею выстрелил, сын увернулся.

Hulən, qurilajı ökänüm, dän nadan anğanıçı bınə, hırırən Nurgowul ilkändylin.
 10 Hənərən ılandārə tırganıl. İlandāyıdujı döldirən köpälähəl jurgındərılə. İcərən, tığrən
 əkinmi. Əknilın nihudərə Nurgowul wənəwən bəjunmə. Əknilın ılgucənə ıdu bıdər
 rıwən Nurgowul. qəwrən ılləwə nıwan, hırırən Nurgowuldulə. Dagamalqana, qur-
 marən kıkəhinən. Nurgowul gədan qurı ırəmkkətə, gүнən: „Tıksənmi həkkəl, gar-
 pakal goroduk əməcə bəje“. — „Hi nonokol hagdımulla“. Nurgowul garparən, urə-
 15 rən. Gə garparən həjənəmən təlləmnək. Nurgowul gəwren garparən urārən. Ge hılu-
 mərən Nurgowulbə, Nurgowul gүнən: „Hagdacalāw əmənnə“, qurılı bürən, gүndənə:
 „mınpəcin ırınələ manawkı ödajı“.

Bəjətkən orotbon dəwarən, əknibə hurawrən dıləji.

N. Kaplin. Norboko

75. Илал аңаһил

utələ, kətə anğanıl iltənə biðənəduktin ilan əjəhil. Nuyartın biðəcətin ələkəs, əwənkil ödarəktin.

Tar əjəhil sidiqəəl ajamamat, əwkił upcərə, kuhiərə. Əja-wal ımukəntin gūnəkin, əwkił muşsərə; Əja-wal ımilmı, ımutəl əwkił ıra, ılıwkił ımukəndu, ulgucəmətnəl, 5 gūldinəl. Nuğarwatın həcəl upkat əwənkił. Nuğargəcirtın əjəhil idq-də acır sidiqəl. Bəjuhinmı, nuğartın əməniwkił ımukəne girkijəwər. Qıjıwar əwkił nuğartın hekiłduk. İjana hekił nuğartın ıjwkił duwəldulitin, golomogocin, tarimilduwar sidiwkił.

Nuḡartuṅ ṭuḡanṭuḡuṅ ṭiliksidiḡuḡil əḡəhiḡil ilələ. Kəṭəwə aḡanṭil bikiḡəmiḡil, dōldicāl idu-wəl jəkəḡṭuḡil umuḡkən bihiṅ əḡəhiḡ, əḡəhiṭməṛ naḡarduktuṅ. Nuḡartuṅ alba-
cāl ɔn-dā bakaḡamṭi nuḡanmān. Tar jəkə nuḡarwatūn ḡān ṭilcə, idu-wəl bihiwəṭin tar
əḡəhiḡil. Gələḡṭilcə nuḡarwatūn. Gələḡṭilcə tar əḡəhiḡ jəkə ilanma aḡanṭil, digiduḡuḡ
ṭilcə ajamamat nuḡarwatūn. Tar jəkə əḡəhiḡwə sakaran, diginmə ṭolgokicil ororwo

Сын, сделавши стрелы семнадцать лет будучи, ушел по меткам Нурговуля. Шел тридцать дней. На тридцатый услышал звон боталов. Увидел, узнал старшую сестру. Сестры волочат зверя, убитого Нурговулем. Сестры рассказали, где живет Нурговуль. Поел мяса он, пошел к Нурговулю. Приближаясь, подкрался, свистнул. Нурговуль взял стрелы, сравнил, сказал: „Подстели подстилку, (чтобы кровь не пролилась на землю), стреляй, пришедший издалека мужик“. — „Ты¹⁰ начни, старший“. Нурговуль выстрелил — промахнулся. Второй выстрелил — колено насквозь. Нурговуль вторично выстрелил — промахнулся. Второй (выстрелил) — по кишкам. Нурговуль сказал: „Под старость пришел“, стрелы свои дал, говоря: „Будь, как я, кончай стойбища“.

Парнишка оленей его поймал, сестер увел домой.

Н. Каплин, Ербогочон

75. Три силача

Давно, много лет прошло после существования трех силачей. Они жили тогда, когда звенки (только) делались (организовывались).

Те силачи жили хорошо, не спорили, не дрались. Когда что-нибудь один из них говорил, не противоречили. Что-нибудь желая делать, по одиночке не делали, делали вместе, разговаривая, договариваясь. Их знали все эвенки. Подобно им силачей нигде не было. Отправляясь промыслять, они оставляли одного товарища. Дом они строили из лиственниц. Связывали они вершины трех лиственниц, как балаган, в нем жили.

Они ежедневно узнавали о сильных мужчинах. Много лет прошло, услышали, (что) где-то есть у якутов один силач, сильнее их. Они никак не могли ¹⁰ найти его. Тот якут о них также услышал, (о том, что) где-то живут три силача. Стал искать их. Искал тот силач-якут три года, на четвертый узнал хорошо о них. Тот якут силачей искал, на четырех санных оленях ехал

huktiwuscā dolboniwa, turganiwa, nugardulātin. Nuḡan ororwo garan tar-ḡarın, das-
dıḡamı nuḡarwatın hēlinḡi huktiwuhindēwi nuḡarduktın. Əlakəs ihilcā nuḡarwatın.
15 Ihildana, icərən hēkil uḡicəl dıwəldulitin, ḡutāḡara.

Tar jākə ḡələlcə hōmat. „əkurdulā əməm?“ Uḡitcə ororwı, icə nuḡardulātin.
ḡūduwar biḡərə ilanı. ḡūtin hōmama aja. Bajakākunḡi biḡərə, kətə ḡəptilētın. ikəjim,
ḡorowaran nuḡarnuntın. Hōmamal ajaltın biḡəl, iləməhəl. ulilcəl nuḡanmān. ulḡucə-
mātəcəcəl dolbodolōn. Tādu āngatcā nuḡardutın. Timātne təgəcəl ınəkəkun, cātıcāl
20 okırā-dā. Təḡətəcəkəjemil, ımıykən ilanduk əḡəhıl ḡūlcə əməməktədu jākədu: „Andaḡi,
əḡəhılber ırəmkkətkət, anı bımıcə“. Tar jākəḡitın ırərən. Jūlcəl dıḡni. Nōwut ḡawal-
dıran amḡatcawki əḡəhı. Tar amḡatcawki biḡə upkattuk hagdimar. ḡawaldıra jākə-
nun əḡəhınun. Jākəḡın nōdacā nuḡanmān arakūkān. ḡawaldıcā duluḡitın nəḡūntın.
Nān nōdawcā jākəḡduwı. Əhılə əmənmıycə nəḡūndıḡitın. Tarıḡitın biḡə aknıl-
25 ḡukki əḡəhitmər. ḡawaldıcā jākənun. Tar jākəwa ırırcə ırıskı, nōdacā nuḡanmān.

Tarıptiduk nuḡartın taḡilla mērwər upkattuk əḡəhitmərılıḡi. Jākəḡitın hēlinḡi
huktiwuscə ḡılajı, dāwdakajım. Dasdıdawki əḡəhı aknılın tikulcəl, dāwdamı jākədu.
Ahlḡacılıcāl nuḡanmān, wādāwər.

Nuḡ rtın ḡūtin dagadun biḡə hıjukkūkən hərəlgən. Tar hərəlgəndıḡı bolo aha-
30 dara jākəḡitın mōtiwa. Upkattuk hagdamarıḡitın akıntın ḡacā pəktirēwūnmı, nırmāscā
tar jākəwa. Dayamākanun, pəktirēcə nuḡanmān, tādu-dā wācā nuḡanmān, hıḡucə ḡılāwı.

Tarıptiduk tırganıduk əḡəhitmər nuḡarduktın idı-də ācın biḡə.

N. Monahow. Inḡarigdā

76. Cərə

Ilandār ḡamaḡıl anḡanıl amaskı biḡən ilə, ḡərbicı Cərə. Nuḡan ələkən
biḡəhin, hōniḡ Əpcəkən wācāl əḡınmən, amınmān. Hulapcān nuḡan amākānun.
Hōniḡ Əpcəkən manawki biḡən okja-dā ırınəhəl. Hōniḡıl nolon ırəmkkəciḡnəḡə

ночь (и) день к ним. Он взял оленей для того, чтобы, победивши их, от них
15 скорее схать. Наконец дошел до них. Доходя, увидал: лиственницы связаны
вершинами, юрту составляют.

Тот якут сильно испугался: „К чему пришел?“ Привязал оленей, вошел
к ним. В доме живут трое. Дом очень хороший. Богато живут, много еды. Войдя,
поздоровался с ними. Очень хорошие были, гостеприимные. Накормили его.
20 Разговаривали до ночи. Там ночевал у них. Утром встали рано, пили чай несколько
раз. Посидевши, один из трех силачей сказал пришедшему якуту: „Товарищ,
перекинемся, каков ты есть“. Тот якут согласился. Вышли четверо. Вначале
схватился спросивший силач. Тот спросивший был старше всех. Схватились с
якутом силачом. Якут бросил его слегка. Схватились с средним братом. Опять
бросил якут. Теперь остался самый младший. Тот был сильнее старших. Схва-
25 тились с якутом. Поднял того якута вверх, бросил его.

С тех пор они стали считать себя самыми сильными. Якут скорее побе-
жал домой, побежденный. Победивший силач рассердился на братьев за то,
что поддались якуту. Стали нагонять его, чтобы убить.

Около их юрты был маленький марник. Осенью в том марнике якут гонял
80 лося. Самый старший брат взял ружье, подкрался к якуту. Приблизившись,
выстрелил в него, там же убил его, ушел домой.

С тех пор сильнее их нигде не было.

Н. Моначов. Ингаригда

76. Чоро (большеротый)

Триста лет назад был эвенки, по имени Чоро. Он младенцем был, (когда) бога-
тырь Опчокон убил его мать, отца. Остался он с дедом. Богатырь Опчокон кончил
(разбил) сколько-то (очень много) стойбищ. Богатыри вначале сравнивали луки

bərilbər, tādük garpatmāciliqnarə okiduk-kal giraktal, gūldikəjimil. Həgdənnəldutın bignərən nıpcık. Tar nıpcıktu bignərə qūr-bəl, ilan-mal nımaqlı nınil. Tar nınilbər
 30 manaknan əmi nawkəldira, ajarəldiwkıl.

Amākān hütəji, həgdikən öraķin, alawulcān adayakıttu. Nonon hütəji nōdun-culcān togocit, əllat. Hütən toyo həkudukin hətəkəniķin. əlladuk adayawki öraķin, tülərən luki dıyədun togociwa əllawa, tarıgıtpı garpacilcān. Adagawki öraķin, gar-pacilcān lukit, tarıgit əwki umnəmət nawkāmura.

35 Təli nugandun bicən nadan anğanın. dıpkıduji anğanıduji uqassān Əpcəkən iləkəndulin. Amākān hılbacān idu biqəriwətin. Cərə tərucān amākəduji nadallalı əməqəji, nadallalı əraķin əməra, ədən alatte.

Həllawa pənərəķin, istan qūrdənnulə, gūnən: „Ni ədu wacə amīmāw, ənimməw əwəski əməyini!“ Əpcəkən gūnən: „Hitānmə dılbı gulinānnə“. Cərə gūnən: „icətcəp
 40 əhi awadı binə kəfənnə“. Əpcəkən gūnən: „Ni nonoqon?“ — Hi nonokol həgdımulla!“ Əpcəkən ilanma lukil garparan ulbultə, Cərə adayaran. Cərə gūnən: „Tar ələs-pu?“ — „əjə ələptə“. Tādük ödan Cərə garpatkicın. Umnə garparan—cuqurədun, gətpı—hələmədun, ilıtpı—omkotodun. Cərə upkatpa wəlcān, ələ qūrbə ahəl; ahəlawı hılbacān, upkatpān ororwōn, idiqlwən gācān.

45 Tıy gurkuqana, nıgan gācān diginmə ahəl. Tādük nadan ahəci öcān. Bajan öcān hawamıılın bicətin, nıgan nıyqə bicən. Nadanduk ahəl nadan hütəlin bicətin: umkənğin öcān Kındəyir, gən Paparakaj, ilın Mongo, digin Həcakayır, tunğın Hicəyır, nıgın Oluwul, nadın Putuyır. Tar nadanduk omolgıldukın baldicətin əwənkil Kətəggədu.

50 Cərə, amākəmilmi, hıruwıyıķin hukəcənmi qāntunqa hıntəl qdağawə gidawı. Nıgan, hıruqənə dagamamı, gıdaduwı tipkəniwki, dıramduyja calbakənə hōqna.

Nıgan ənə pələttə əməyķin hıruqəndulə. Amākəl əməliəktin, umutəlqi gıdalı-đana, ojolıwki, nōdawki.

свои, потом начинали стрелять друг в друга на расстоянии скольких-то шагов, договорившись. На спинах у них был колчан. В тех колчанах было две или
 30 три сотни стрел. Примирались (только тогда, когда) те стрелы (кончались, когда) не попадали.

Дед, когда внук подрос, стал учить его увертыванию. Вначале бросал во внука углем с огнем. Внук от горячего огня отскакивал. Когда увертывающимся от огня стал, натянул (дед) стрелу с огненным углем на конце, той стрелял. Когда увернулся (внук), стал стрелять стрелой, не мог той сразу попасть.

35 Тогда ему было семь лет. На восьмом году пошел по следу Опчокона. Дед предупредил, где их местожительство. Чоро назначил деду притти через семь дней; если же не придет через семь дней, чтобы не ждал.

Три дня прошло (когда), дошел до десяти юрт: „Кто здесь убил моего отца, мою мать, пусть сюда выходит!“ Опчокон сказал: „Зря голову подставляешь“. 40 Чоро сказал: „Посмотрим теперь, который возьмет“. Опчокон сказал: „Кто начнет?“ — „Ты начни, старший!“ Опчокон спустил три стрелы под ряд, Чоро увернулся. Чоро сказал: „Это последняя?“ — „Да, последняя“. Тогда настала очередь Чоро стрелять. Раз выстрелил — в пуп, второй — в сердце, третий — в лоб. Чоро всех убил, только двух женщин (оставил); женами (себе) оставил, всех оленей, все добро взял.

45 Таким образом кочуя, он взял четырех женщин. Потом стал иметь семь жен. Богатым стал, работники были, он хозяином был. От семи жен было семь сыновей: один стал Кундогир, другой Пангаракай, третий Монго, четвертый Хачакагир, пятый Хичогир, шестой Олувиль, седьмой Путугир. От тех семи парней выросли эвенки на Катонге (название реки).

50 Чоро, на медвежий промысел отправляясь, уносил топор, из десяти фунтов, сделанное копье. Он, приближаясь к лежбищу медведей, насаживал копье на вершинку срубленной березки.

Он, не боясь, подходил к лежбищу. Когда медведи подходили, по оди-ночке прокалывая, через голову бросал (их).

Idu-wəl nuṇandukin daɣat biɖəcəl tunga iṇɖəriḻin. Tar iṇɖəriḻidulən əməcəl ɖən
 5 ɖəptil, gūlcəl: „Əbilwət! mundu aɟamama əbiwūnmun bihin“. Əmərə əbiwūntin biɖə-
 rən. Tar əbiwūntin ɔpcā tərɛksədük haku, ɟumurɟi. ɖəptil, tariɟdulāwar ugduɖanaɪ,
 iṇəktəɖəwkil hūkunəɖənəl. ɖəptil jürəktin, ugduhina Cərə iṇɖəriḻin. ɖəptil upkatpa
 təktərə, ələ ɟuməkən bəjətkən hulapcā.

Təktəkəjimil, nūlɟihicəl Cərə hoktolin. Bəjətkənme tihūwkəndəcəl. Olgadutin
 10 hupɟicāhicā. Dolboniwa ɟənəkəjim, bokocō Cərəjəwa. ɟlɟucəcō, on ɖalwān wānə-
 wəlin.

ɖəptil əməcəl Cərələ, gūlcəl: „Əbilwət!“ Cərə ɟūnən: „ēē əvimcəltə!“ Əmərə
 əvikittulətin. Cərə ɟūnən: „Hu hāpkəlluwar, icəwkəkəllū ɔn əbiwkə!“ ɖəptil upkat
 ugduhina, Cərə hanɟuktaran ɖəptilwə: „ɟumurawən ɛɟnarə?“ — „Tānmukā!“ Cərə tānən,
 upkatwa təktərən; bəjətkən, təktəɖiɖənə, ɟūnən: „Tuɟə təktəɖəcəhūn əniɟəwə“.

15 Təduk Cərə nūlɟicən Nətəjə, ɟərbici urə, daɣadun. Tədu biɖərəkin, əməcən
 anɟarşkaj hōniɟitin, hanɟuktalcən Cərəduk bəjəɟələ. Cərə hūbacən Nətəjə oɟotkin.
 Timātne hūɟurə ɖūktə. Təli Cərə hagdacā biɖən. Nətəjəwa tūktikəjimil ɟuməkəndū
 copkəkōdu Cərə ɟūnən: „Omolgil həlkiltin ɔcəl“. Tūɟ ɟūkəjim, hōɟicən dıramduɟwa
 calbakānmə, tipkəcā ɟıdaduwi. ɟənəɖənəl, icətcəl ɖən ɟapkunma amākāl. ɟırkīn
 20 amardu otma ɔcā. Cərə ɟənəcā amākəldulā ɟūnənə: „ɟumətəɖi, bəjəl“. Əmərıkəltin
 ɟıdalənə, oɟoliji nōdawki. Tūɟ ɟıdaɖana, upkatwa manacā. Icəsə ɟırkīji, tariɟin idu-
 dā əcin, tıksascā, tūktəlin aran icəwrə. Cərə ilallawa hiɟɖəcā.

ɟırkīn issā dolboltōno, ɟūcə: „ugduhinɖacən amākəl duhindulətin, idu tərəɖən“. Təli
 hūtəlin ɔlcəl ɟurilawar, ɟundənəl: „Amimawun ɖəwrə, bu nuɟardutin icəwkən-
 ɖərəw“.

25 Cərə diɟıduwi tırganıduwi, hədätin ɖalın iṇɖəriwān, həɟdəyməmə amākā ohı-
 ktəlwān nıkmnadun ɟıjicə ɟmakınuɟi, kapəlləɟəcin, ɟūcə: „ɟənəɖəkəl“. Mənin issā
 dolboltōno. Əməcə ɟuluwūndulāwi, aksakəjim ɟırkıdukkı. Timātne Cərə ɟūcə: „Tar

Где-то недалеко от него жили пять родственников. К тем родствен-
 5 никам пришли десять людоедов, сказали: „Поиграем, у нас хорошая игрушка
 есть“. Пришли к игрушке. Та игрушка сделана из ровдуги, закрытая,
 обшитая. Людоеды, влезая в ту, смеялись, вылезая. Людоеды, когда вышли,
 влезли родственники Чоро. Людоеды всех перебили, только один парнишка
 остался.

Перебивши, откочевали по дороге Чоро. Парнишку заставили итти вле-
 10 реди. Во время задержки (он) сбежал. Ночь пройдя, нагнал Чоро. Рассказал об
 убийстве родственников.

Людоеды пришли к Чоро, сказали: „Поиграем!“ Чоро сказал: „Да, поиграем!“
 Пришли к месту игры. Чоро сказал: „Вы, знающие, покажите, как надо играть!“
 Людоеды все влезли. Чоро спросил людоедов: „Что делают с тесемкой по обши-
 вке?“ — „Надо стянуть!“ Чоро натянул, всех перебил; парнишка, поколачивая,
 сказал: „Так били (вы) родителей“.

15 Потом Чоро откочевал поближе к горе, называемой Натайо. Когда там
 жил, пришел ангарский богатырь, стал спрашивать у Чоро зверей (итти на про-
 мыслы). Чоро указал на вершину Натайо. Утром пошли вместе. Тогда Чоро
 был стар. Влезши на вершину (Натайо), Чоро сказал: „Парни (медведи) свежие
 следы понаделали“. Сказавши так, отрубил толстую березку, посадил на копье.
 20 Идя, увидел восемнадцать медведей. Товарищ остался позади. Чоро пошел
 к медведям, говоря: „По-одному, мужики (подходите)“. Подходящих (к нему)
 насаживая на копье, бросал через голову. Так закалывая, всех перебил. Посмо-
 трел товарища, того нигде нет, лез, следы его едва виднеются. Чоро обдира-
 л (свежевал) три дня.

Вечером товарищ дошел, сказал: „Влез в середину медведей, где (там)
 выдержит“. Тогда сыновья его сделали стрелы, говоря: „Отца нашего съели,
 мы им покажем“.

25 Чоро на четвертый день, родня (чтобы) узнала, когти от самого большого
 медведя привязал на шею собаки, как ботало, сказал: „Иди“. Сам дошел
 вечером. Пришел к костру, рассердившись на товарища. Утром Чоро сказал:

bəje ɟihulɟiɟin, sārɟ. ɟihunnəl əməwrə. Dolboltono urkamɟɟnarə. ɟirə Cərəwə,
55 tarɟɟitɟn əwki əməwə. ɟəpɟlɟɟlɟtɟn, əməwən Cərə, icərən kalandu həɟdəɟ amākā dɟlwān,
purtajɟ uriskajum, arkɟna, nōdərən ɟɟnakɟndulajɟ.

Angarskajɟɟ bɟrə ajarəɟɟɟwɟnawar hunətpər Cərə omolɟɟɟɟɟn.

A. Mucujir. Tōkma

77. Aɟaɟakān

umɟnā urəncəɟəɟtɟn iləl, kətənnukākun. Bəɟajɟiltɟn ɟɟrkuɟanəl, aɟɟɟ, mōtɟ nākə-
wān icərə. Əməwə ɟɟɟɟɟɟɟwəɟ ɟɟɟɟɟɟnə upkatɟkɟ bəɟəɟtɟkɟ, ɟūɟa: „Təmi sɟrɟɟɟɟɟɟɟ,
bəɟuhɟɟɟɟɟɟɟ nɟɟanmān“.

Təɟu bɟcān umukən aɟaɟakān, nɟɟanɟɟn bɟcān əɟɟɟn, nɟɟarɟn bɟɟaɟɟkɟtɟn
3 ɟɟkɟcəkəɟɟɟ. Bɟcəɟn nɟɟarɟɟn orotɟn. Nɟɟandun bɟcəɟn anɟanɟɟɟɟn ɟān nadanduk
hələkə.

Bəɟəl tɟmātə bəɟuhɟnɟi sɟrɟwəɟ nɟɟanmān. Əməllā mōtɟ nākələn. Upkat bəɟəl
sɟrɟwɟɟɟɟɟ hərəɟɟɟnə mōtɟwə. Mōtɟ həlārən dɟɟɟɟɟɟn. Bəɟəlɟɟɟɟɟɟɟ icəwɟɟtə, əɟān
mōtɟ hɟkɟtɟllā. Upkat əɟəllə. Mōtɟ hɟkɟtɟkɟtəllən tarɟkɟtənə. umɟət hɟkɟtɟllən tarɟkɟ,
kɟɟākəɟtɟkɟ. Tar kɟɟākən icərən hɟkɟtɟɟəɟwə mōtɟwə, ajat ɟɟlārən kɟkɟwɟ. Mōtɟ
10 hɟkɟtɟrəkɟn dāɟa, nuan nəmkərən. Mōtɟ hɟkɟtɟllən caskɟ. Bəɟəl əməwə nuandulən, kərə
təɟɟɟɟɟɟn, ɟūɟɟɟɟɟ: „bəɟunmā sɟrɟwəɟ! dārəwə bɟɟwə, urārən mōtɟwəl əɟəɟanə
bɟmɟ, əmɟə əmɟəɟərəl Nɟ-wəl əɟu ɟɟtə bɟmɟə“. Sōt nɟɟanmān təɟwə, ɟmāɟnəɟu
həkɟmɟnərə nuanmān, oɟoln ɟɟkɟrə sɟh.nuhal. Mənəkər sɟrɟwə ɟɟɟkɟwəɟ. Əməwə
ɟɟɟɟɟɟwəɟ, əməwə əɟɟɟɟɟn, kəɟura ɟɟwəɟn, upkatwəɟn orotwəɟn ɟməkɟɟwəɟn;
15 mənəkər nɟɟɟɟɟnə caskɟ.

Əɟɟnɟn billən əmɟkɟn. Əɟn ɟorowo bɟrə, icərən aran əmɟcɟrən hɟtən. Əɟn
həɟɟkɟtəllən: „Əɟəɟə əmānɟucəs?“ Nɟɟan ɟūɟnən: „Mɟnā aran əɟi wərə, bɟ nəmkɟm

„Тот мужик пусть притащит, знает“. Притащивши, принесли. Вечером сварили
в котлах. Позвали Чору, тот не пришел. После еды их пришел Чоро, увидал
55 в котле большую медвежью голову, вытащивши нож, насадивши (яа его го-
лову), бросил собаке.

Ангарские дали для примирения сыну Чоры дочь (свою).

A. Мучуир. Токма

77. Сирота

Однажды кочевали эвенки, много юрт. Мужчины их, идя по лесу, заме-
тили след сохатого. Пришли домой, рассказали всем мужчинам, говоря: „Завтра
пойдем промыслять его“.

Там был один сирота, у него была мать, они жили в маленькой юр-
тенке. У них были олени. Ему было больше семнадцати лет (от семнадцати
3 больше).

Мужчины утром увели его промыслять. Пришли на след лося. Все муж-
чины стали расходиться, окружая лося. Лось остался в середине их. Мужчины
стояли на виду (друг у друга), чтобы лось не убежал. Все закричали. Лось
побежал куда-то. Вдруг побежал по направлению к парнишке. Парнишка тот
10 увидал бегущего лося, хорошенько натянул стрелу. Когда лось бежал вблизи,
он опустил стрелу. Лось убежал дальше. Мужчины подошли к нему, стали
бить, говоря: „Зверя упустил! Под лицом (под носом) был, опустил лося!
Если бы не мог, не приходил бы! Кто-нибудь здесь постоял бы“. Сильно его
били, в снегу затоптали его, по нему ходили на лыжах. Сами ушли домой.
Пришли домой, к его матери, сломали юрту, всех оленей торсуки; сами отко-
15 чевали дальше.

Мать осталась одна. Немного прошло, видит, едва идет ее сын. Мать
спросила: „Не остался?“ Он сказал: „Меня едва не убили, я выстрелил

motiwa, nupan caski hukitillän. Nuartin minə təpura; əpa icānawāt! ərkw urara, ajat nāmkičaw“. Icānālūnə, əməre nāmkičaktalan. Moti hukitilcān caski ūdalin. Dāmakiwa
 20 ūdara, icərə mōti hukitūdarān wāwca. Nuartin higrə nuanmān. Tadu billā. Kuḡākān
 ajat awgararan, wāllān mōtila, wārān kətəwə. Nuartin birə gorokōkunma. Kuḡākān
 gūḡan əḡintikiwi; „əpa, bi nuarwatun icānaktə, ēja-kət ōdara“. Əḡinīn gūḡan: „Nuartin
 sinə wādāḡatun“. — „Bi ətəm dūldulātun ḡənərā, bi ələ sipkitcagām“. Sururān, ḡənə-
 25 ḡḡki hoktohi, ḡənərān gorowo. Tālā icərān dūlwatin. Umundu dūdu ələ too dḡgdə-
 dərən. dū daadun iliturān dēlkān. Dēlkāndu hukitūdarā kətə ūlləl. Nupan əmərān
 daalā, ajat icēcillān. Icərān dēlkāndu hukitūdarā iləl ḡālaltin, dililtin. Nuan danwit
 icātcan, mūcuhinān. Əmərān əḡindulawi, ulḡucanān. Əḡinīn ḡunān: „Miti suruwāt!
 nupartin mitwa wānāḡāllā“. Nupan gūḡan: „Bi nuarwatun icūlilḡālim“. Adillakān
 30 birə, nupan icānāhinān, əmərān, icərān dēlkāndu ūlləl ocāl adikūkan. Nuan əmərān
 əḡindulawi, gūḡan: „əpa! nēmat suruāt ōduk. Kamākān əməḡāllā, nuartin ūllḡilwāl
 manalcāl“. Nupartin sururā, gorokōkunma ḡənərā, tadu billā. Huḡən gūḡan: „Əpa!
 bi icānaktə, ēja-kət ōdara nuartin“. Sururān, əmərān biḡaktulāwar, icārān too dḡgdə-
 dārān. Əmərān daalā, icārān dūr wəjal iytcarə, hinaldutin inijicāḡārā ūmūtāl ḡālāl.
 Nuan icətcāḡkin wəjal tərā, silacilla ūllḡilwāl. Irrəkitin, dāpillā; manamī abulwra,
 35 upculla, kuḡilla. ūmukēn wəja wārān. Kuḡākān ḡurmārān, nāmkirān, wārān ḡəwa,
 əmərān əḡinḡulawl, gūḡan: „Bi nuarwatun wām“ dūkcə biḡāllā.

A. Putugir. ḡəkənnə

78. Aḡadākān

ūtələ biḡəcētīn iləl, hāltin bičētīn ilətīl. Tar ilətīldu atırkān huḡənūn. Atırkān
 huḡən bičēn wəjətkēn ələkəs ilḡərī. Tar atırkān bičēn wajan, kətəməmə bičētīn ororīn.
 ilətīl tar atırkānmə huḡənūnīn dūḡiwkil bičētīn.

в лося, он убежал дальше. Они меня били; мама, пойдем посмотрим, не промахнулся
 же, хорошо выстрелил“. Пошли смотреть, пришли к месту, где целились (стре-
 ляли). Лось убежал дальше по следу. Немного прошли по следу, увидали, лось
 20 лежит убитый. Они ободрали его. Там стали жить. Парень хорошо поправился,
 стал бить лосей, убил много. Они жили долго. Парень сказал матери: „Мама, их
 пойду посмотрю, что делают“. Мать сказала: „Они тебя убьют“. — „Я не по-
 дойду к их юртам. Я только подгляжу“. Ушел, шел по дороге, шел долго. Там
 25 увидал юрты их. В одной юрте только огонь горит. Около юрты стоит лабаз.
 На лабазе лежит много мяса. Он подошел поближе, хорошенько посмотрел, уви-
 дел, на лабазе лежат человеческие руки, головы. Он кругом посмотрел, вернулся.
 Пришел к матери, рассказал. Мать сказала: „Пойдем мы! они придут (и) нас убьют“.
 Он сказал: „Я посмотрю“. Немного дней прошло, он пришел посмотреть, пришел,
 увидел на лабазе человеческого мяса немного. Он пришел к матери, сказал: „Мама!
 30 уйдем скорее отсюда. Скоро придут, они мясо кончили! Они ушли, долго шли,
 там стали жить. Сын сказал: „Мама! я пойду посмотрю, что они делают“. Ушел,
 пришел на свое старое стойбище, увидел—огонь горит. Подошел поближе, уви-
 дел—двое мужиков спины греют, на понягах у них привешено по одной руке.
 Он смотрел, мужики сели, стали жарить мясо. Когда было готово, стали есть;
 когда кончили, нехватило, заспорили, стали драться. Один мужик убил (дру-
 35 гого). Парень подкрался, спустил стрелу, убил второго, пришел к матери, ска-
 зал: „Я их убил“. Вдвоем стали жить.

A. Путугир. Нгоконно

78. Сирота

Давно жили эвенки, часть их были людоеды. У тех людоедов—старуха
 с сыном. Сын старухи был парнишка, впервые ходящий (встающий на ноги).
 Та старуха была богата, много оленей было. Людоеды били с сыном старуху.

Ilətıl bolo gırkuktalla, mōtimācilla. Gırkuktaḡanal mōtiwa ahılğara. Gırkuktakā-
 5 jumil, dolboltono əməre ḡıkcālāwer. ḡaldıwar ulğucilla, gınnel: „Bu mōtiwa ahılğaraw
 onkodu. Gūmētte: „Təgəmi ilbənəşinḡəḡilti kətə bınəl“.

Təgəmiḡtəḡin, tımātne ilbənəşinə. Atırkən hıṡən bərbi aǰamamat takustan, lıķı-
 dıwi ṡılərən kırəkṡe onoktowōn. Tımātne hıṡurə, kətə bınəl, atırkən hıṡəwən hıṡıwə.
 Hıṡurə mōtiǰar ilbənəşinə, ǰənərə, tar ista. Iskājimil, gūmētte: „Mırələ ilnāhiwāt,
 10 ıṡıṡkən ilbəliyin mōtiwa, əcə icəmətiṡe“. Mōtiǰıtn hıṡtıṡən atırkən hıṡəlin, tar
 hıṡkəkəndıli. Hıṡkəkən garparan hıṡtıṡəriwə mōtiwa hıṡalə. Gəǰəwıṡnıṡan, lıķı-
 ləwi ǰənərən, lıķı dıṡən həkəkən öcə. Bəǰəl əməre tar hıṡkəkəndıli, gülle:
 „ənnə?“ — „gəǰəwıṡnım“. Hıṡkəkənmə gülle: „Hargı hıṡən, mōtiwa ıṡǰən!“ Ilətıl
 upkat hıṡkəkənmə dıḡilla, həkımnəllə, gūṡḡənəl: „Mōtiwa ıṡǰınnı“. Hıṡkəkənmə
 15 aran əcəl wərə. Dıḡkəjimil hıṡurə ḡılāwer. ḡıwar ıṡıksal, hıṡkəkən əṡəkəwən ǰən
 dıḡilla. Dıḡrə hōmamət, aran əcəl wərə. Hıṡkəkən dolboltono əmətten aran ḡılāwi.

Tımātne ilətıl nıḡihinə upkat, atırkən ororwōn upkatwən hıṡıwə, mərduwer
 gara, atırkənmə hıṡənıṡnə əməne ḡıkcāduwar. Hıṡən gūnen: „Əṡəkə, hıṡıwət mō-
 tiwa gəǰəwıṡnıṡıw, nāwkānnıṡcə bimi, bıssəlnən. ǰənəlṡəhinmāt mōtiǰı ṡıḡalın“.
 20 Hıṡurə, ṡıḡaḡanal; ǰənəlṡənəl, ḡəmüilə. Hıṡən icərən kəksıcnəmə, tara garparan,
 wərən. Tarıṡǰar ḡəpitte, ǰən hıṡıṡṡəhinə idigəwə ıṡatcanal. İsta mōtiǰar ṡıḡalın.
 Mōtiǰar ṡıḡalın hıṡurə. Tar ṡıḡalın ǰənərə goromomowə. Mōtiǰıtn togotco, həkəkə
 bınə. Nən hıṡurə ṡıḡalın. ǰənəlṡənəl mōtiǰar ṡıḡalın, icərə mōtiǰıtn hıṡuləḡərən bıṡə.
 Hōmamət ıṡıṡnə, gūṡḡənəl; „əksəri bıṡən“. Mōtiǰar hıḡrə, ḡəpillə. Mōtiǰıtn bıḡı-
 25 kəkun, imıṡsəkəkəkun. ḡəḡḡənəl, inətṡe goromorwōn bıḡəḡıwə. Atırkən hıṡən
 bultallan, mōtiṡwa wərən.

B. Əḡən. Urmi

79. Sodu Sordoncö Söldanı

Ələkəs dıṡnnə potomōskıḡacın öḡarakın, ǰaḡṡa kumalanǰacın nōdawcə öḡaḡahın.
 Dulin dıṡnnəḡı ıṡıṡnə mata baldıḡacə. „Cəl“ gundən — nınan əcin. „Əḡəl“ gundən—gırkın

Людоеды осекью отправились промышлять лося. Идя, лося выследили.
 5 Пройдя, ночью пришли домой. Родственники стали рассказывать, говоря: „Мы
 лося выследали на пастбище“. Договорились: „Утром погоним, многие будучи
 (много нас)“.

На утро пошли гнать лося. Сын старухи лук свой хорошо поправил,
 на стрелу насадил нос дятла. Утром ушли, много собралось, сына старухи увели.
 Пошли гнать лося, шли, до того дошли. Дойдя, договорились: „Кругом пой-
 10 дем, встанем, один пусть пугает лося незаметно“. Лось побежал к сыну старухи,
 к тому парнишке. Парень выстрелил в бежавшего лося не совсем хорошо. Ранил,
 к стреле пошел, на конце стрелы кровь. Мужики пришли к тому парнишке, сказали:
 „Что сделал?“ — „Ранил“. Парню сказали: „Чортов сын, лося упустил“ Все людоеды
 15 стали бить парня, топтать, говоря: „Лось упустил“. Парня чуть не убили. Побивши,
 ушли домой. Дойдя до дому, бабуку парня стали бить. Сильно били, едва не
 убили. Парень вечером едва пришел домой. Утром людоеды отправились в ко-
 чевку, увели всех оленей старухи, себе взяли, старуху с сыном оставили в юртенке.
 Сын сказал: „Бабушка, пойдем к месту, где лося ранил, не может быть, чтобы не
 20 попал (попался на стрелу), умер вероятно. Пойдем по следу лося“. Пошли, идя
 к следам; идя, захотели есть. Сын увидал кукшу, выстрелил в нее, убил. Съели ту,
 опять пошли, таща скарб. Дошли до следа лося. Пошли по следу лося. Долго шли
 по тому следу. Лось сидел окровавленный, увидели—лось лежит мертвый. Сильно
 обрадовались, говоря: „Бог послал“. Лося ободрали, стали есть. Лось жирный, сала
 25 много. Поевши, долго жили на стоянке. Сын старухи начал промышлять,
 лосей убивал.

Б. Элян. Урми

79. Соду Сордончо Солданы

Вначале земля шару подобна становилась когда, небо кумалану по-
 добно брошено было (в то время). На средней земле один богатырь ро-
 дился. „Чо!“ чтобы сказал — собаки нет. „Друг“ чтобы сказал — товарища

äcin. „Näkū!“ gundān — näkūnin äcin. „Amī!“ gundān — amīnin äcin. „Ənəl“ gundān — ənīnin äcin. Tar mata gərsin bīcā — Sodu Sordoncō Sōldanī mata. Ər mata bīdəcā əmukəkən. Tīmānītūkin ə-də təgəna, bəjuktəwki bīcən. Tar mata ələsmə bəjətmən bīcā. Tar mata qugidəlin qūr dəktiləkən cıwkacən qūrəkən əhin dawsīhina, digin halgacī bəjgə digrəkən əhin hətəkənə. Tar mata soma atircā bīcā.

Umnəkən mata nōyutpī, gəwanma nēpcuħudəna, təgəcā. Ər mata dəbüksəkən ətəran, mənīn kamułran əjamat tətīlbi. Matakən bīmī nūrwi gaksəkən, ətəndükki jūrən. Jüksəkən, tərgəcin gənəksəkən ətəntikīwi tūrəcillən: „Baldınaw ətənmī goroh, dagalı prolostu! prostu ögin! Ədükər nadan qār, qəpkun qār anğanī döğidəlin əhikiw əməra, bıcən guncədəwi“.

Ər matakən bīmī gənəwkəndəcā bīcā. „Dərim“ gənəri, dərim — əgəlin äcin. Ər matakən gənədənə, bakaran goroptūmi hoktorəna. Tāduk bəjəl nidalbatın vakaran. Uđawān icənən bīcā, muku huklənəgəcinin bīcā. Ər bəjə hoktorəndəlin gənədəcā. Tar gənədənə, bəjətkən bīmī qaldəqəwki bīcā: — „Ön biktə? Əmukin baldıaw, dūnnə oğodun əmukəkən. Tikin dagamaran icəjətiw dūnnə oğodun baldıcal bəjəlbə“.

Tikən bīnə, gənədəcā gundəcā: „Minduk əgəhītəmr bəjə dūnnə oğodun äcin“. Ər bəjə gənədərəkin, qulgidədun ēkun-ka həgdiğəmiyə dəptikī əmədəcən. Ər bəjə bīmī okin-kat əcin nələlə, bəjə nələcā. Dəptikī əmədəri bəjə gundərən: „Alakə odan! Mindu mən dəptiləw amgaləw əmədərən“. Ər bəjə gundərən: „Sī ön-da əgəhi bīmī, umnəkəmə ətənni dəptə. Tar-da bihikin, mit qüksə-bakaldımātəgət. Sō sōlsar sāmātıgāt“. Ər bəjəl bīmī kühin təkənin ku-ku biwki. Ər bəjəl bīmī tar dūnnəgduwər kühilqərə. Ər-kən, tar-kan kühidəcāl bīcāl. Ahunma-də kühinəwər əcəl sərə. Umnəkən toktomör əksəkər, taqdəcāl bīcāl kühilnəwər. Kühilnətin əcā ılan qār anğanī. Tāduk caskī ər matal kühidərə. Kühidənəl, mata bīmī gūnillən: „Toktokoll bolkojkoll ön-mal dəkəksəkən minəwə inəkinqi sulakall“ Ər awayə bīmī, əwki döl-

нет. „Братишка“ чтобы сказал — брата (младшего) нет. „Папа“ чтобы сказал — отца нет. „Мама“ чтобы сказал — матери нет. Того человека имя было Соду Сордончо Солдоны богатырь. Этот богатырь жил одиноко. Ежедневно рано вставая, промышляющий был. Тот богатырь первейший промышленник был. Того богатыря впереди двукрылая пташка дважды не взмахнет крыльями, четырехное животное четырежды не отскакнет. Тот богатырь очень старый (много живший) был.

Однажды богатырь передовым вторично вперед собираясь итти, про-
снулся — встал. Этот богатырь, есть кончивши, сам собрал хорошо одежды
свои. Богатырь будучи, стрелы взявши, из юрты вышел. Выйдя, немножко
пройдя, юрте своей сказал: „Рождения моего юрта, долго ли, коротко ли (на
долго ли, на коротко ли), прости, прости пусть будет. С этих пор семьдесят,
восемьдесят лет спустя если не приду, умер — думай“.

Этот богатырь будучи быстро пошел. „Устал“ если сказать, устал — силы
нет (устать не может). Этот богатырь, идя, нашел далекую, старую тропинку.
Потом людей следы нашел. След выглядел как бы кабарги от лежания. Этот
богатырь по тропинке пошел. Так идя, богатырь будучи, думал. „Как буду?
один родился, земли на поверхности одинешенек“. Теперь приблизилась необ-
ходимость увидеть на поверхности земли родившихся людей“.

Так будучи, шел, говорил: „Меня сильнее на поверхности земли человека
нет“. Этот человек шел когда, перед ним что-то большее навстречу шло.
Этот человек будучи никогда не пугался, (но здесь) человек испугался. Навстречу
идуший человек говорит: „Вкусно стало! Ко мне сама еда в рот идет“. Этот
человек говорит: „Ты как бы ни силен, сразу не съешь. Так, если будет, мы
вдвоем схватимся! Очень сильного (из нас) пересилим“. Этих людей будучи
драки причина кукиш был. Эти люди будучи на той земле стали биться. Так
(и) этак бились. Сколько (времени) битва была, не знали. Однажды остановку
сделавши, подсчитали бой свой. Бой их шел тридцать лет. Потом дальше эти бо-
гатыри бьются. Дерясь, богатырь будучи заговорил: „Остановись! подожди! как-
нибудь принимаясь, меня живым оставь“. Это чорт будучи не слушает.

dira. Gəgdəkmə ʊmʊtəkənçʰi koltɔɔowli bʰiçən. Ər mata nʲimʲi ərʰksən mudanʲn ɔdan.
30 Ər matatkən bʲimʲi tʰrəcillən: „Bʲi akʲnʲmʲi Oluktuk ʔrdançə ʔldanʲ, mata, dɔldɔɔakal!
Bʲi ərʰksəw mudanʲn ɔdan. Awayə minəwə ərʰksəwəw tʲtəllən. ʔn-mal nəkəksəkən,
mulan ɔrʲi ɔmʲi, bʲiħanəkaj“.

Tədukkar tʰrənʲn əɖəlin ətərə, hərgʲu dʲnnədʲk əməɖərən ʲg. Tədukkar gorowo-
do əɖəlin ɔda, akʲnʲn əmərən. Akʲnʲn gʲllən nəkʲntʲkiwi: „Nəkʲ ɔləkəhʲpti bakaldʲ-
35 nadu dorowojo dɔldɔkal. Targacʲn əgəhʲwi əcʲnmən səkəkən, ɛdā kʲhʲlɛçs?“
Akʲnʲn bʲimʲi nəkʲnʲmʲi awayəduk tʲtərən. Akʲnʲn bʲimʲi awayʲn ɪlarəkən əɖəlin koltoro,
tʰrəcillən: „Eda, bayas, sʲi tʲkən əgəhʲ ɔças, toktokol, bolkojkol, ʔn-dā əgəhʲ bʰiçə-
liwi, bʲi ərʰksəwəw əkəl tʲtərə“.

Akʲnʲn bʲimʲi gʲndərən: „Bʲi baldɛçaw duhn dʲnnədʲ awayə əcʲmakan manadāwʲ“.
40 Tədukkar ʔldanʲkən mata bʲimʲi awayʲn ərʰksəwən hɔgʲllən. Hɔgʲlɔdana, gʲnən:
„Nəkʲ əməkəl awayʲn dʲlwən hɔkkal. Hɔgʲksəkən mʲgdəkəndu tʲpkəkəl awayʲn
dʲlwən“. Ər matal bʲimʲi awayʲn wəkəkər, dərʲmkʲɔçərə. Tədukkar nʲpartʲn
nʲgʲçəməcillə: „Sʲi, nəkʲ, irtʲkʲi əcʲahincas?“ „Bʲi əmʲkəkən gənəhincəw. Tar gənə-
ɖənə, awayəwa bakaldɛksəkən, kʲhʲlɛçw. Kʲhʲlɛksəkən, minəwə wəkəsəlləkʲn, sʲnəwə
45 ɛrʲçəw, minəwə bʲiħadəs“. Akʲnʲn gʲndərən: „Sʲi irtʲkʲi ɖaldənətkʲwi, gənəkəl! Ekun-
mal uħa ɔdakʲn, minəwə ɛrʲgnəkəl, ahun-da gororo bugadu bʲimʲi, sʲndulə əməɖərəw.
Bʲi hərgʲu dʲnnə awayʲwən manəɖnəw. Gəl nəkʲ, goroh, dagalʲ prostʲ ɔɖagʲn“.

Sɔldanʲ mata bʲimʲi gʲndərən: „Akʲ bʲi goru duhn dʲnnə hərəwən kʲptuhʲnəmʲ
gənəɖəm“. Ər vəjə bʲimʲi əkʲnəcə, nəkunəcə hʲjəldirə.

50 Sɔldanʲkən mata bʲimʲi ɖuləskəkʲi mən ʲɖawʲ gənəɖərən. Ər-kə, tar-ka gənəɖərə-
kin mata, ɖulɛɖədun ɛkun-ka dʲgʲnəɖərən. „Edu bagas, uħa ʲmʲy əməɖərən?
Ekʲnmʲi gʲlɛktəmʲ nəkəjəɖənnʲ dʲnnə ɔjolin? Hʲtəməwə dʲnnəwə maratəɖənnʲ!
Mʲkənɖəcʲn mʲnʲɖnʲçs ʲɖawʲ mudandun. Təkənɖəcʲn tagaɖnəs!“

Однако по разу кулаком ударяет. Этого богатыря будучи дыхание конец
30 настал. Этот богатырь будучи заговорил: „Мой старший брат Олуктук Орданча
Олданы (за глотку хватяющий) богатырь, послушай. Моего дыхания конец
настал. Чорт мое дыхание отнимает. Как-нибудь собравшись, жалеющим сде-
лавшись, выручи“.

После того (как) слово его еще не окончилось, из нижней земли идет звук.
После того долго еще не прошло, старший брат пришел. Старший брат ска-
35 зал младшему брату: „Братишка, при первой встрече здорово, послушай. Об от-
сутствии силы зная, зачем начал биться?“ Старший брат будучи младшего от
чорта отнял. Старший брат будучи чорта трижды еще кулаком не ударил, (тот)
заговорил: „Для чего, силач, ты так силен стал, остановись, подожди, хотя и
сильным бывая, мое дыхание не отнимай“.

Старший брат будучи говорит: „Я родился на средней земле, чтобы
40 чорта народ прикончить“. Потом Олданыкан, богатырь будучи, чорта дыхание
стал рубить. Рубя, сказал: „Братишка, приди чорта голову отруби. Отрубивши,
в пенек всунь чорта голову“. Эти богатыри, будучи чорта убивши, отдыхают
долго. Потом они разговаривать стали: „Ты, братишка, куда путешествовал?“
„Я один шел. Так идя, чорта встретивши, биться начал. Бившись, меня когда
45 убивать (чорт) собрался, тебя позвал, меня чтобы выручил“. Старший брат гово-
рит: „Ты куда думаешь итти, туда иди! Что-нибудь худое если будет, меня
зови, на какой бы далекой земле я ни был, к тебе приду. Я нижней земли
чорта пойду прикончить. Ну, братишка, долго ли, близко ли, прости пусть
будет“.

Солданы, богатырь будучи, говорит: „Брат, я далеко средней земли дно
чтобы обыскивать итти, пойду“. Этот человек будучи с братом старшим,
с братом младшим расстались.

50 Солданы, богатырь будучи, вперед по своему следу идет. Так (и) сяк шел
когда богатырь, впереди него что-то раздается. „К чему, силач, плохой дух
(запах) идет? Что искать собираешься земли на поверхности? Зря землю пор-
тишь! Как кочка на болоте сгниешь, следа своего на конце. Как колода рас-
сохнешься!“

Sōdanikān mata bimī tikunawī sōdun nēmkuḍuliwi naran əcə pəhirgərə, dīram-
 55 duliwi naran əcə dālpəgərə. Sōldanikān bimī mən nurwī gaksākān, ugiskəki cəkər-
 dənə, turəcillən: „Bī nurkāmī hīmāt dəgri dəktiləci ōksākān, minəwə bokonmuksākān,
 tar kuhitcarī ahākānma bokonmuksākān, nupanpūnīn kuhitawān bokondōw“. Ər mata
 bimī nurwī tīndərən. Tiniksəkān, mən ōn-da ōnawī əcən sārə. Nūrin bimī nupanmān
 əḍuk-ta hīmāt dəgiwḍərən. Sēnun bimī nupanmān cəgnaḍaran. Əhadukin bimī tuksa-
 60 kīgacınun bihi ēnamutkān tikcərən. Ər bəjətkən bimī ər-kən, tar-kən dəgḍərən.
 Ər mata bimī dəgnəwī mudandun ildaran. Tikunan bimī iltəncə. Ər mata bimī dərīm-
 kiḍərən. Dərīmkiḍənə ḡaldācəḍərən, ɣənəḍəwī dilaca jūptutkīn. Gorowo-kon ənə
 ḡaldāḡārā, bəjətkən bimī ɣənəwkəndəhīnən. Ər bəjə ɣənəḍərəkin, amargidādun tuksu
 baldıḡaran. Gorokot əcə ōda, tarkān-dat bokonillan. Umun bəjəndə — tar awayıkāt
 65 əməḍərən. Umun əyuhinḡa biḡə ukcakīn. Tar bokonḡorī biḡə awayə omolḡin.
 Nupan turəcərən: „Bī sinəwə əḍu ḡəḡḡiḡw nḡaduwī əɣəhijəwī“.

Ər mata bimī ɣunillən: „Sī minəwə əkəl ḡəptə. Minəwə bōkanawī gakal. Bī
 sinəwə, ōn ɣunəriwəs dōldiḡiḡaw“. Awayıɣın bimī matəɣ turənmən dōldıran, bōka-
 nawī nupanmān ḡadan. Ər mata bimī tar əyuhinḡaɣān mudanaja ācın muɣitcaran.
 70 Əyuhinḡaɣın sərḡiwən manaran. Sulaptan umukəmə ɣıramnan. Ər mata ɣugḡanda
 ırwə tıktihīnən, ırwəi ojolōn iscana, bəjə bimī əyuhinḡi dilwān tongolıran. Awayın-
 ḡaɣı oluktukin ḡawaran. Awayıɣı tardat wārən.

Ər mata bimī mən nḡawī ɣənəḍəhīnən ḡuləskəkī. Tar ɣənəḍərəkin, həgḡiḡəmiḡə
 hoktorondulā iscaran. Ər bəjə bimī ēkunma-kat ənə sārə hoktorondolin ɣənəwkən-
 75 ḡəhīnən. Mata ɣuncəḡərən ḡalduwı: „Uḡa biksəkən mudaci biḡiḡən. Ər bəjə bimī
 ər-kən, tar-kən ɣənəwkəndəḡərən ḡuləskəkī. Tar ɣənəḍərəkin ḡulgidəḡun sōma aja
 cuturin cuka ḡḡaran. Calbar mōltın, əḡdannaltın ɣilbəkəcillə. Tāḡuk icənən ḡuləskī
 sōma aja ḡiḡin kirici ḡūnḡa ḡḡan. Ər bəjətkən bimī dildulāwı iktərən, mən kiraku-
 cān omolḡıcan ḡḡan. Kirakucān omolḡı ōksakan, ḡūnḡatkı tuksaḡaran. Bəjətkəcən

Солданы, богатырь будучи, гнева своего в силе (от силы) тонкие кишки
 55 едва не порвал, толстые места свои едва не лопнули (едва удержал от лопания).
 Солданыкан, будучи свои стрелы взявши, вверх нацелившись, заговорил: „Моя
 стрела быстро с крыльями полета сделавшись, меня в догоню уноса, ту оскорбля-
 ющую маленькую женщину догнавши (до той донеся), с ней за оскорбление
 ее рассчитаться чтобы (я)“. Этот богатырь будучи стрелу пускает. Пустивши,
 сам никак действие свое не понял. Стрела (его) будучи его отсюда быстро
 понесла (он за конец стрелы держался). В ухе (ухо его) будучи свистит. С глаз
 60 его будучи, как заяц слезка скатывается. Этот человечек будучи так (и) сяк
 летит. Этот человек будучи полета своего в конце останавливается. Гнев бу-
 дучи прошел. Этот богатырь будучи отдыхает. Отдыхая, думает, чтобы пойти
 солнца на восход. Долго же не думая, человечек будучи (в далекий путь)
 отправился. Этот человек шел когда, позади его туча выросла. Много еще не
 прошло, кто-то нагонять стал. Один человечик — то чорт идет. Один бычище
 65 был верховой его. Тот нагоняющий был черта сын. Он говорит: „Я тебя здесь
 съем, на следе твоём силу (покажу)“.

Этот богатырь будучи заговорил: „Ты меня не ешь. Меня слугою возьми.
 Я тебя, как говорить будешь, слушать буду“. Чорт будучи богатыря слова
 послушался, слугою его взял. Этот богатырь будучи того бычища без конца
 70 бил. Бычища круп кончил (забил). Остался только один костяк. Этот богатырь
 на высокую гору влез. До вершины горы дойдя, человек будучи бычьёю голову
 оторвал. Чорта за глотку схватил. Чорта тогда же убил.

Этот богатырь будучи своей дорогой пошел вперед. Так шел когда,
 большущей дороги достиг. Этот гость, будучи ничего не зная, по дороге
 75 долго пошел. Богатырь думает в уме: „След будучи с концом будет“. Этот
 человек будучи так (и) сяк долго идет вперед. Так шел когда, впереди
 очень хорошая зеленая трава делается. Берез стволы, листья поблескивать
 стали. Потом в виду его впереди очень хороший четырехгранный домище
 стал. Этот человечек будучи по голове ударил, сам маленький мальчик стал.
 Маленьким мальчиком ставши, к очень большому дому бежит. Мальчиком

80 bimī, qūlā isnan. Sōma baran wəjə uruwupcā. Tar qūndalā inən wicā. Sōma baran wəjə ajmakin uruwupcā. Tādu awayinqa ahilāqaran dilaca hunātpān. Mit wəjəgit bōkanqā ōdan. Tāduk nugan sōma baran tiṭlāw cukcaran. Awayinqin bimī tukullan. Tikuliksākān, nugan Soldaniwa ṭiliskī ahacinnī? Mata bimī qūndāran: „Si ekunma gilāmī, ēdawi, minəwə ṭiliskī ahacinnī?“ Mata bimī qūndāran: „Kūhidāwī
85 əjəttəkis, kūhigəṭl Bī sinəwə wəjas icədəwəs, icəwkəndiqəw“. Ər wəjəl bimī kūhildərə. Kūhicəl, kūhidərə, kūhidərə, kūhidərə, kūhidərə, kūhidərə, tādukkar awayinqin multullan. Awayinqin bimī qūnillən: „Si minəwə ōn-mal nəkəksəkən, əkəl wərə!“ Söldanikān bimī awayinqi turənmən əcā döldira. Gorowo-kot əcā nəkcərə nuganmān, tar-dat wərən.

Söldanikān awayinqi wəksākān, dilacayı hunāqin qūlan qənəqəran. Söldanikān
90 iscarakin, dilaca hunāqin qūnillən: „Si dulin dūnnə wəjəqin ōksākān, minəwə awayidu əcəs būwkənə aminmāw“. Tādukkar Söldani nuganmān ulgumillən, nuganmān ahilāmāk. Ahākān bimī nugantikin qənəngət ōdan. Söldani dilacayı hunātpān ahilāran. Adillakūnma biksəkən, Söldani qūndəran ahtikiwi: „Bī nən qūci wicəw. qūwi garan-dānə, adi-kat qān anqanī ōdan. Tikin mit wī qūlāw qənəhinerittut-tə ələkin ōdan.
95 Si aminni sinəwə tiṇiqən-də, minqun qənəldəds?“ Hunāqin qūndāran: „Bī nənā ədu aminqunmi bimī, aqunmulum, gəgdəkmə umun wugadu bihiwi. Tikin wī sinqun qənərw inəngiw ōdan“. Ahākān aminin hunattuwi qūr murinma wələktirən. Söldanikān mata ahinqunmi qənəhillən qutkiwi. Qənəhildənə, Söldani hunāqin amintikin qūnillən: „Tikin si, wī aminmagacinnī ōksākān, əmənmulinni. Tikin goroh, dagah
100 porostı ōgin. Ədukkər caski bakaldiril ōdap-ku, əhip-ku?“

Nugartin bimī qənəhillə, amahupkiwi ūdawi qənəhinā. Nugartin bimī murinqi gorowo-do əcəl sūrrə. Söldani qūn ōdan daga. Söldanikān bimī quncəwki: „Bī tiṇiqmən sōma gorowo ajanqacāw. Tikin, qūlawi istiw inikiṇdi ōqaran“. Nugan qūwi iscana, ṭurətcəran: „Gəl ələkəs istidu baldicā ūtənmi dorowōjā döldidakal!“ Nugan
105 bimī ūtə, uhami ūtəndulən iscaran. Akinin nuganqin nonon əməcə qūlawi. Ər wəjəl bimī umundı baldiqara.

80 будучи до дому дошел, очень много людей собрано. В тот дом вошел. Очень много людей народа собрано. Там чортище женится на дочери солнца. Наш человек слугою стал. Потом он очень много чашек разбил. Чорт будучи рассердился. Рассердившись, он Солданы вон гонит. Солданы ему говорит: „Ты что требуя, чтобы что сделать, меня вон гонишь?“ Богатырь будучи говорит:
85 „Если биться попросишь, побьемся! Я тебе, силач, морду твою покажу“. Эти люди будучи начинают биться. Бились, бьются, бьются, бьются, бьются, потом чорт обессилел. Чорт будучи сказал: „Ты меня, хотя собравшись, не убивай“. Солданы будучи чорта слово не послушал. Долго его не держал, тотчас же убил.

Солданыкан, чорта убивши, солнца дочери в дом идет. Салданыкан дошел
90 когда, солнца дочь сказала: „Ты средней земли человеком ставши, не дал моему отцу отдать меня чорту“. Потом Солданы ее стал уговаривать за него замуж выйти. Женщина будучи должна была пойти. Солданы солнца на дочери женился. Сколько-то дней прошло, Солданы говорит жене: „Я тоже с домом был. Дом свой бросивши (с тех пор, как бросил) сколько-то десятков лет прошло. Теперь нам в мой дом итти пора пришла. Твой отец тебя
95 отпустит ли, со мной чтобы пошла?“ Девушка говорит: „Я также здесь с отцом живя, соскучилась, всегда на одной земле будучи. Теперь моего с тобой отъезда день настал“. Женщины отец дочери своей двух коней дал. Солданыкан гость со своей женой отправился к своему дому. Уходя, Солданы девушки отцу сказал: „Теперь ты, подобно отцу моему ставши, остаешься. Теперь
100 долго ли близко ли, прости пусть будет. Отсюда дальше встретимся ли, нет ли?“ Они будучи отправились, по старому следу идя. Они будучи на конях долго не шли. Солданы дом стал близко. Солданыкан будучи думает: „Я пешком очень долго путешествовал. Теперь до дому дохожу живым“. Он, до дома дойдя, говорит: „Ну! На первом приходе родившая (меня) юрта здорово
105 услышь!“ Он будучи до юрты, до худенькой юрты дошел. Старший брат его раньше пришел домой. Эти люди будучи вместе живут (растут дальше).

C. Слепцова. Сахалин

80. Kıldınakān

Dulin dunnədu umun əttikətkən, attikān bicəl. Tar biqərəktin, utətin baldicā. utətin baldırakin, ambilin ututitirə, buga bəjgəwən əlirə. Əttikən gūnən:

„Nəri, qərā! qəri, qərā!
Bī utəw gərbijən bukəllu!“

Umun ətti gərbiwən gūnən:

„Kālā, kālā! Kālā, kālā!
Bī būqəw sī utəs gərbijən,
utəs gərbin bigin —
dulin buga kıldınakānān!“

Tar siwajbawa, qəwüksəl upkat sıruru qulāwər utətin umnəkən gūnən:

„Kāldinqərə! Kāldinqərə!
Bi, amī, qənəktə
jənəwə bargiskī!“

Əttikən gūnən: „Nəri, qəri! utə əkəl qənərə. Tādu bihin so sardak nakita.

Bühr bī kuhiksə, əcəw kējra tar nakitawa“. utətin gūnən; „Kāldinqərə! Kāldinqərə! Bī nuqandulān qənəqəw“. Tar gūnəkin, əttikən būrən bərijən. Kıldınakān mata qənərən. Jənəwə tuktirən. Tar tuktiksə, icənən, bihin təwüktə. Tar təwüktəbə qəptān. Qəwqərəkin, nakita amardukin qurmadaran. Kıldınakān bərbi gaksə, pəktirərən. Nakitan onda əcə ora. Nakitan gūnən: „Dulin buga əttikən utən əməcə“. Kıldınakān gūnən:

Ч. Слепцова. Сахалин

80. Кильдынакан (ловкий человек)

На средней земле один старичок, старуха жили. Те (когда) жили, сын (их) родился. Сын (когда) родился, родители зашаманили, земли зверей созвали. Старик сказал:

„Нэри, нэре! Нэри, нэре!
Моему сыну имя дайте!“

Один тигр имя сказал:

„Калэ, калэ! Калэ, калэ!
Я дам твоему сыну имя,
сына имя пусть будет —
средней земли ловкий человек (кильдынакан)!“

Так свадьбу отъезвши (на празднике угостившись), все ушли домой. Сын их однажды сказал:

„Кильдынэро! Кильдынэро!
Я, отец, пойду-ка (отправляюсь-ка)
за реку (на противоположный хребет)“.

Старик сказал: „Нэри, нэри! сын, не отправляйся. Там имеется очень страшный медведь. Давно я, подравшись, не поборол того медведя. Сын сказал: „Кильдынэро! Кильдынэро! Я к нему пойду!“ Тот (когда) сказал, старик дал лук. Кильдынакан богатырь-человек пошел. На гору влез. Взобравшись, увидел — ягода есть. Ягоды поел. Когда ел, медведь сзади подкрадывался. Кильдынакан, лук взявши, выстрелил. Медведю ничего не сделалось. Медведь сказал: „Со средней земли стариков сын пришел. Кильдынакан сказал:

20 „Bī sinəwə wāḏiḡāw“. Nakita tukullan. Tar gūnəkin, nuḡanmān ahaktallan. Kildinakādu pokōjwa əcən būrə. Ahaktacā, ahaktaran Kildinakānma. Kildinakān buddəwi nəkerən, soḡoron: „Kildinərə, Kildinərə! Sī nakita bī əḡənī ədərdəw tūwəhinni. Nī əməksə, minəwə addiḡān?“ Tar gundərekin, uḡiskəki tūrən döldiwrən. İcərəkin, ḡūr ahātkār ḡaḡnadu dəḡḡərə. Tar dəḡḡənəl umun ahātkān gūnən: „ḡuḡəjwə baraksan
25 matawa nakita ḡəbḡiḡən. Əki nuḡanmān ḡənəwḡət ḡūlāwar!“ Əkinin gūnən: „Ekunmān nuḡanmān karajinni? dulin buga bultirkəwən. Bī-ləkə ətəm karaja, sī karajkal!“ Tar gūnəkin, nəḡūnin Kildinakānma gadan. Tar amarduktin nakita gūnən: „Mula! ḡəḡəḡwəw ḡənəwra“.

Kildinakān ḡənəwḡənə gūnən: „Sī ahātkān ilə ḡənəwḡənni minəwə?“ — „Bī sinəwə
30 ḡənəwḡəm ḡūlāwi“.

Ahātkān ḡūlāwi əmūwuksə, gūnən:

„Ḣə, ḡəḡ! ḡəḡ, ḡəḡ!
Ərā-kə ḡūnām:
Kildinakān mata,
35 sinəwə ḡəwḡmcsə nakita.
Bī sinəwə əməwum,
bī ḡərbiw Məḡḡunkən.
Bī aḡinni bihin —
dulin buga Awdanikānin“.

40 Kildinakān gūnən:

„Kāldinərə! Kāldinərə!
Ahātkān Məḡḡunkən
əda minəwə əmūwcsə əḡ bugalā?
45 Amīnni, ənniḡi soḡoḡiḡātin,
minəwə buriḡsəl“.

20 „Я тебя убью. Медведь рассердился. Так (когда) сказал, начал его преследовать. Кильдынакану не давал покоя. Преследовал, преследовал Кильдынакана. Кильдынакан умирать собрался, заплакал: „Кильдынёро, Кильдынёро. Ты, медведь, на мою молодость сильно нападаешь. Кто, придя, меня спасет?“ Так когда говорил, сверху слово послышалось. Когда посмотрел, две девушки в небе летают. Так летая, одна девушка сказала: „Красивого очень богатыря медведь
25 съест. Сестра (старшая), его снесем домой!“ Сестра сказала: „К чему его спасешь, со средней земли негодного. Я-то не стану спасать, ты спасай“. Так (когда) сказала, младшая сестра Кальдынакана взяла. После того медведь сказал: „Жаль! Еду (добычу) унесли“.

Кильдынакан, переносясь, сказал: „Ты, девушка, куда меня несешь?“ —
30 „Я тебя несу домой“.

Девушка, домой принеши, сказала:

„Ḣə, ḡəḡ! ḡəḡ nēi!
Это-то скажу:
Кильдынакан-богатырь,
35 тебя съел бы медведь.
Я тебя принесла,
меня звать Монгункон (серебрышко).
У меня брат (старший) есть —
средней земли Авданикан (листочек)“.

40 Кильдынакан сказал:

„Кильдынёрой! Кильдынёрой!
Девушка Монгункон
зачем меня принесла на эту землю?
45 Отец (мой), мать (моя) будут плакать,
меня потерявши“.

Kıldınakān mata Məṇṇukān ahātkānma ahijawī gadan. Adı-da anṇanīwa bīksə, umnəkən baḍıkur, ələkəs dıłaca jūḍərəkin, tıksə koṇṇomo jūrən. Tıksu ḍapkalın icəwrəktin, həḡḡigəndə dəḡi dəḡḡərən. Tar dəḡḡənə tıṛəttən:

„Gēṇī, gēṇə! nəḡṇ Məṇṇukən!
Cajja bəlīnnəkəl!
tıḡən, tıḡənḡī!
Mata hamattan amardukiw“.

Abdanınḡa mata dagamaran ḡılāwı, ṇān tıṛəttən:

„Gē-ṇə, gē-ṇō-ō! Gēṇə, gēṇə!
Sīkən ḡıḡḡus ēkun matan bihin?
Tıḡənḡī ḡṇkəl:
ıḡṇk əməcə mata vəḡə?“

Abdanınḡa əməksə, iwəktıwı dōran. Məṇṇukān ahātkān tıṛəttən:

„Gēṇ, gēṇ ṇəḡj! Gēṇ, gēṇ ṇəj!
Akin Abdanı tar matadu
bī ṇənəcəw attıkānjān.
Tar mata dılin buga Kıldınakānın!“

Abdanı mata tıṛəttən;

„Gēṇı, gēṇə! gēṇı gəṇəj!
dılin buga vıltırkən-kəl!
Eda bī nəḡṇnməw gacəs?
Bı acıduw ənə mindı ılgıṇıḡə.
Bı sınəwə dərəwəs əttāḡıḡəw!
Jṇkəl ḡıḡṇkḡı kṇhıḡət!“

Кильдынакан-богатырь девушку в жены взял. Сколько-то лет проживши, однажды утром, когда солнце только что взошло, тучка черная вышла. Тучки края когда показались, большая птица полетела. Так, летя, заговорила (запела):

„Гэни, гэнэ! Сестра Монгункон!
Чай приготовь
скорее, скорее!
Богатырь догоняет позади“.

Абданиндя-богатырь подошел домой; опять заговорил:

„Гэнэ, гэнэ! Гэнэ, гэнэ!
В твоём доме какой богатырь есть?
Скорее скажи:
откуда пришел богатырь-человек?“

Абданиндя, придя, на поленницу сел. Монгункон-девушка заговорила:

„Гэнг, гэнэ-нэй! Гэнг гэнг-нэй!
Брат Абдани, к тому богатырю
я пошла старухой (женой стала).
Тот богатырь средней земли Кильдынакан!“

Абдани-богатырь заговорил:

„Гэни, гэнэ! Гени, гэнэй!
Средней земли негодный!
Зачем мою сестру (младшую) взял?
В мое отсутствие (и) не сказавши мне.
Я тебе морду разобью!
Выходи из дома! Побьемся!“

Әмәксә, муһамы ұйыран. Тар ұйғарәкин Кылдынакан мата жүран:

„Гәни, гә-нә! Бике сінду
аһижәу әтәм бүрә!
Бі гәсәу Мәнүнкән аһиуа.
Әмәкәл, күһиәт!“

Матал күһилә. Кылдынакан мата нуганмән даадыран. Сәлүлиндә мата сучаран. Тар амардун Кылдынакан, Абданкан амардукин аһамәттә. Сәлүлиндә аугалән иста. Кылдынакан түрәттән:

„Гәни, гәнә! Гәни гәнә!
Мата-ја Сәлүндә,
жүкәл турғанҗи, күһиәт!“

Сәлүлиндә акирін жүрә. Кылдынакан ичәрәкин, Сәлүлиндә акирін үмүр әһәлкәһәл, үмүр алгәлкәһәл. Тар жүксә үмүнтин гүнән:

„Кәдәрәгәжкән мата Кылды, дорowo!
Күһидәуи әмәсәс биҗиңә? Гә! күһиәт!“

Кылдынакан мата гадан җурwi, гәрпәллән укпатпатин. Тар гәрпаҗаракин, сәндун аһин соҗоттон. Кылдынакан гүнән Абданкан мататкә:

„Гәни, гә-нә! Гәни, гәнә! Мата Абданн
би җәнәм җәләҗи. Аһиwәу әкун-ка һүктиwүлсә.
Поросәј, пороси! Поросәј, пороси! җәнәм җәләҗи!“

Придя, коня привязал. Когда привязал, Кильдынакан-богатырь вышел:

„Гәни, гәнәй! Я-то тебе
жену (свою) не отдам!
Я взял Монгункон в жены.
Приходи, побьемся!“

Богатыри начали биться. Кильдынакан-богатырь его победил. (Вновь прибывший) Сәллюлиндя-богатырь убежал. Того позади Кильдынакан, Абданкан позади его погнались. До земли Сәллюлинди дошли. Кильдынакан заговорил.

„Гәни, гәнә! Гәни, гәнә!
Богатырь Сәллюлиндя,
выходи скорее, побьемся!“

Сәллюлинди братья (старшие) вышли. Кильдынакан (когда) посмотрел, Сәллюлинди братья с одним глазом, с одной ногой. Так выйдя, один из них заговорил:

„Кожемялка богатырь Кильдыни, здорово!
Биться пришел пожалуй? Ну! побьемся!“

Кильдынакан-богатырь взял стрелы, выстрелил все. Так (когда) стрелял, в ушах его жена заплакала (услышал плач жены). Кильдынакан сказал Абданкан-богатырю.

„Гәни, гәнә! Гәни, гәнә! Богатырь Абдани,
я иду домой. Жену мою кто-то увез.
Прощай, прости! Прощай, прости! Иду домой!“

Kıldınakān mata ukcalāraṇ murıduwi, dægđəhinən. Tar dægđəne goronık icət-təkin, ahın ukcatukın ımın mata əlgəđəran. Tara icəksə, Kıldınakān mata turgəndi ɲənəran. Ɖənəđəne turəttən:

115

„Gēni, gēdā! gēni gēdā!
Hī, mata vəjə,
Eda ilicənni sī ahiwāw?
Əkəl ilicərə! Ər-ti garpam!“

Mata əlgəđəne Məɟunkən ahiwa. turəttən:

120

„Guprē, guprē, mata vəjə,
sī ahīs əhin bihi.
Əkəl kihilgərə,
dulin buga bułturkən“.

Məɟunkən ahi turəttən:

125

„Gēɲ, gēɲ-ɲə! Gēɲ, gēɲ-ɲə!
Mata vəjəndə əkəl ilicərə
hıɲtɲ vəjə ahiwān“.

Tar gundərekin, Kıldınakān mata matawa garparan. Mata ɔn-da əcə ɔra. Kihillə. Kihicəl, kihirə, ni-də əcən kəjra. uɟu buga mata turəttən:

130

„Guprē, guprəl guprē, guprəl
Mata Kıldınakān, əhılə ətəɟət!
Sī — dulin buga sɔnɲin bihinni,
bi — uɟu buga sɔnɲin bihim.
Bi gərwıw — uɟu buga Ɖıɲtənıkənın“.

Кильдынакан-богатырь сел верхом на коня, полетел. Так летя, издалека когда посмотрел, жену на верховом один богатырь ведет. То увидевши, Кильдынакан-богатырь быстрее двинулся. Идя, заговорил:

135

„Гэни, гəне! Гəни, гəне!
Ты, богатырь-человек,
Зачем трогаешь мою жену?
Не трогай! Сейчас же выстрелю!“

Богатырь, ведя Монгункон-жену, заговорил:

140

„Гунгрə, гунгрə, богатырь-человек,
твоя жена не есть (это не твоя жена).
Не задавайся,
средней земли негодный“.

Монгункон-жена заговорила:

145

„Гəнг, гəнг-нəй! Гəнг, гəнг-нəй!
Богатырь-человек, не трогай!
другого человека жену!“

Так когда говорила, Кильдынакан богатырь в богатыря выстрелил. Богатырю ничего не сделалось. Стали биться. Бились, бились, никто не победил. Верхней земли богатырь заговорил:

150

„Гунгрə, гунгрə! Гунгрə, гунгрə!
Богатырь Кильдынакан, теперь кончим!
Ты — средней земли силач,
я — верхней земли силач.
Мое имя — верхней земли Нинтокон (корешок)“.

Kikiksel, ətərə. Qıntəkānin qūlāwı ɣənərən, taduk tırətten:

135

„Guɣrə, guɣrə! guɣrə, guɣrə!
Bı qūlāw nıməwıdēwi“.

Kıldınakān qūlāwı ɣənəhincə, ahiwı minilgilcə. Ahi galıwı ɣənəhilcə. Tar ɣənə-
qərəkin ıyiskı ēkun-ka tırətten:

140

„Səlluləjəjə, Səlluləjəjə,
mata bəjə dorowo! İlə ɣənəqənni?“

Tar gūnəkin, Kıldınakān mata ıyiskı icənən, ön-ka ahiwān gacə. Kıldınakān
mata ahamättən nuɣanmān. Uqadu bokonıksa, kısıllə. Awahi nuɣanmān wāllān.
Kıldınakān mata tırətten:

145

„Gēni, gēñə! gēni, gēñə!
ēkun minə, əməkşə, ajdıɣān?
Bılır, bılır ɣuniktə:
nəkūnmi bihin.
Tarɣıw-da, əməkşə, oɣın ajra“.

Tar ɣunəkin, ıyiskəkı tırəcittən:

150

„Gēñ, gēñəj! gēñ, gēñəj!
Kıldınakān mata, amɣawı aɣakal,
umuktalwa garadām!“

Kıldınakān mata amɣawı aɣaran. İcərəkin, umukta əmərən. Tarā nımɣərən. Tar nım-
ɣəksə, əɣəhi-də əɣəhi odan. Kıldınawayıwa wārən. Nān-dat ɣənəhillə qūskiwar. Kıldın-
akān qūlāwı ıstan. İcənən qūn ajıpcə, oronın ācın, əlinin ācın, amīnin ācın. Dəɣdın öcən.

Повоевавши, кончили. Нинтокон домой пошел, потом заговорил:

135

„Гунгрэ, гунгрэ! Гунгрэ, гунгрэ!
В мой дом гостить приходи“.

Кильдынакан домой пошел, жену увез. Жену отнятую повез. Так (когда)
шел, сверху что-то заговорило:

140

„Сэллиоло, Сэллиоло,
богатырь-человек здорово! Куда идешь?“

Так (когда) сказал, Кильдынакан-богатырь вверх посмотрел, как жену его
(того) взял. Кильдынакан-богатырь стал преследовать его. На следу нагнавши,
начали биться. Чорт его стал убивать. Кильдынакан-богатырь заговорил:

145

„Гэни, гэнё! Гени, генё!
Кто меня, придя, спасет?
Давно, давно скажу:
брат (младший мой) есть.
Тот-то, придя, пусть спасет!“

Так сказал (когда), сверху заговорило:

150

„Гэнг, гэнёй! Гэнг, генёй!
Кильдынакан-богатырь, рот открой,
яйца сброшу!“

Кильдынакан-богатырь рот открыл. Когда посмотрел, яйцо пришло
(упало). То проглотил. То проглотивши, силачом (очень) сильным стал.
Кильдыни чорта убил. Опять пошли домой. Кильдынакан до дома дошел.

155 Посмотрел — дом сломан, оленя нет, матери нет, отца нет. Опечалился.

İcettəkin, awayı hunāqin iltəcaran. umun algalkān, umun iēhalkān, prowlaka.
nuriṭtəkān, iēha hojo dūlindun bihin. İyın biṣə pōnimında. Amṇan əgdigəndə. Kıl-
dınıkānma Məṇṇukānma ahaktallan dāwdəwi. Kıldınıkān nırbı gadan. Tar gaqarakın,
ahiwān uktuwran. Kıldınıkān soṇoroṇ. Tar amardukin ahamātṭan. Ahamātā, aha-
160 mātṭan, əṣə bokono. Nān tırəttən:

„Gēni, gēnəl gēni, gēnəl
Ekuṇıw əməksə, ajdaṇān?
Bılr, bılr bı gırkıw biṣən.
Dıntəninḍə! Dıntənj mata,
165 əməkəl tırḡənḡi!
Ahiwaw uktuwran
awahi hunāqin.
Tar awahi hunāqin bihin, ḡunikṭə,
ılan lāmu cagidādun bihin“.

170 Tar ḡunəkin, Dıntəninḍə əməksə, dūri ḡənəhinə. Dənəcəkör, ḡənərə. Tar ḡənə-
dərəktin, umun cıwkacān, dūlgidəduṭin dōksa, tırəcittən:

„Cıpcə, cıpcə, matal vəjəl! İlə ḡənəvərəs?

Nuḡartın nuḡanmān əṣəl icəhinə. Nān-dāt dūlgidəduṭin dōllan:

„Cıpcə, cıpcə, matal vəjəl! ēda əhis tırəttə?

175 Nuḡartın ḡənəvərəktin, dūr anḡanı iltəcən. Cıpkacān tırəcittən:

„Cıpcə, cıpcəl Cıpcə, cıpcə-əj!
Ərəj buddəm. Matal vəjəl,
ön əhis mülānə minəwə?
Bı Kıldınakan ṭtən bihim“.

Когда смотрел, чорта сестра стояла. Одноножка, одноглазка, с проволочным
волосом, глаз по середине лба. Язык был длинный. Рот большущий. Кильды-
накана (и) Монгункону стала преследовать, чтобы съесть. Кильдынакан стрелы
взял. Когда взял, жену (его) увез (тот). Кильдынакан заплакал. Потом пресе-
180 довать стал. Преследовал, преследовал, не догнал. Опять заговорил:

„Гэни, гэнэ! гэни гэнэ!
Кто, придя, спасет?
Давно, давно мой товарищ был.
Нгинтониндэ (корешок)! Нгинтонэй-богатырь,
185 приди поскорее!
Жену мою увезла
чорта сестра.
Того чорта сестра, говорю,
за тремя морями находится“.

190 Так (когда) сказал, Нгинтониндэ придя, вдвоем пошли. Идущие, идут
(шли, шли). Так (когда) шли, одна пташка, впереди их севши, заговорила:

„Чипчэ, чипчэ, богатыри-люди! Куда идете?“

Они ее не заметили. Опять перед ними села:

„Чипчэ, чипчэ, богатыри-люди! Почему не говорите (отвечаете)?“

195 Они шли (когда), два года прошло. Пташка заговорила:

„Чипчэ, чипчэ, чипчэ, чипчэ-эй!
Сейчас умру. Богатыри-люди,
как меня не жалеете?
Я сын Кальдынакана есмь“.

130 Kıldınakān mata gadan ʔtəwī, tʔrəttən:

„Gēḡe, gēḡā! Gēḡē, gēḡā!
ʔtəkən, ʔtə, ʔdu bisin sī ənīnnī?”

Cıpkacān tʔrəttən:

135 „Bī ənīnməw awahī gacā.
Himat dəḡḡəttin. Tʔḡəndī ḡənəkəllu!”

Matal ḡənərə. Icərəktin, həḡdīḡ sō sələmə ḡū bihin. Tar sələmə ḡu oldondun ḡırkuktaḡaran ʔmʔn awahī. Kıldınakān tar awahīwa wāksā, tərḡəksəwən təttən. Tar tətiksə, sələmə ḡūlā ʔrən. Icərəkin, ḡūdu ahin arandu tərḡətcərən, sərḡəḡoron. Tāduk tʔrəttən:

190 „Gēḡ, gēḡāj! Gēḡ gēḡāj!
ʔtəw ʔlā ḡənərən?
Əttikəḡiw ədā əhin əmərə?”

Tar ḡənəkin, Kıldınakānnān tʔrəttən:

195 „Gēḡ, gēḡāj! Gēḡ gēḡāj!
dorowo, ədə! əkəl tʔrəttə varanma,
tʔḡəndī tətīwi tətəkəl! ʔənəḡətl!”

Ahīwī ḡənəwḡən ḡūlājī. Tar ḡənəḡərəktin, ʔtətin tʔrəttən:

200 „Cıpcə, cıpcə! Cıpcə, cıpcə!
Amī bıldınakān!
Bī-kə ḡənəm uḡu wuḡatki,
sı ḡənəkəllu ḡūlāwər.”

150 Кильдынакан-богатырь взял сына, заговорил:

„Гəнгə, гəнгə! Гəнгə, гəнгə!
Сынок, сын, где твоя мать?”

Пташка заговорила:

155 „Мою мать чорт взял.
Скоро должен съестъ. Скорее идите!”

Богатыри пошли. Увидали (когда), большой очень железный дом есть (стоит). Того железного дома сбоку ходит один чорт. Кильдынакан, того чорта убивши, ровдугу (одежду из ровдуги) его надел. Так одевши, в железный дом вошел. Посмотрел (когда), в доме жена его у кострища сидит, плачет. Потом заговорила:

190 „Гəнг, гəной! Гəнг, гəной!
Сын мой где идет?
Старик мой (муж мой) почему не приходит?”

Так сказала (когда), Кильдынакан олять заговорил:

195 „Гəнг, гəной! Гəнг, гəной!
Здорово, жена! не говори много,
скорее одежды надевай! Пойдем!”

Жену свою увел домой. Так шли (когда), сын их заговорил:

200 „Чипчə, чипчə! Чипчə, чипчə!
Отец Кильдынакан!
Я-то пойду на верхнюю землю,
вы идите домой”.

Kidınıkān ahi galiwı ɣənərə ɟulāwər. Uɟatin ɣənərən uɟu buɟatkı. Uɟu buɟatkı ɣənəɟərəkin, oldondulin umun dəgi dəɟdərən. Tar dəɟdəne tırəcittən:

„Kimənin, kimənin, mata bəjə,
Cıpcınikan, ɟə ɣənəɟənni?
Tənəɟət, akənnəɟət!“

Cıpcınıkān tırəcittən:

„Cıpcə, cıpcəl ətəm ɣənərə
Bugalā ɣənəkəl!
Əkəl ilicərə minəwəl!“

Ası ēkunma-dā əcə tırəcittə uɟtu buɟatkı ɣənərən. Cıpcınıkān tar amardukın ɣənəhinən. Tənəcə, ɣənərən. Tənəɟərəkin, icəttən, araj əkəndərə. Cıpcınıkān mata nadan tıksı cagıdādun sıpkıttan. Sıpkıtcarakın, umun ahında əkəndəne, tırəcittən:

„Kimənin, Kimənin, mata
Cıpcınıkān, ēda əməcəs?
Əɟətkəcın əmərə bıcəs.
Tikkəl tırɣəndi, əkəl sıpkıttə.“

Cıpcınıcān mata tıktən uɟu bugalā. Əkənilən. Dır ahında dagalın ıren. Umun ahında tırəcittən:

„Gərəwlakānı, Gərəwlakānı!
Mata Cıpcınıkān
Bı dagalıw ēda əcəs ıɟə?“

Кильдынакан, жену взявши, идет домой. Сын их пошел в верхнюю землю. В верхнюю землю когда шел, сбоку одна птица летит. Так, летя, заговорила:

„Кимонин, Кимонин, богатырь-человек,
Чипчиныкан, куда идешь?
Пойдем, попоем-попляшем!“

Чипчиныкан заговорил:

„Чипчэ, чипчэ! Не пойду!
На землю иди!
Не трогай меня!“

Женщина ничего не сказала, на другое место пошла. Чипчиныкан за ней пошел. Шедший идет (шел, шел). Шел (когда), посмотрел вдруг — пляшут-поют. Чипчиныкан-богатырь через семь облаков подслушал. Подслушивал (когда), она, женщина, поя, заговорила:

„Кимонин, Кимонин, богатырь
Чипчиныкан, зачем пришел?
Как не желающий пришел (хотя и не хочешь, пришел).
Падай скорее, не подслушивай“.

Чипканыкан-богатырь упал на верхнюю землю. Начал петь-плясать. Две женщины к нему подошли. Одна женщина заговорила:

„Гэрэвляканы, Гэрэвляканы!
Богатырь-Чипканыкан
Ко мне почему не подошел?“

Сипчиникан мата әкәниксә әтәрән. Тәдук нәнәксә, тәгәтән қоло ојодун. Долон күрәйтән. Сипчиникан мата ildäji нәкәрән — натарасә. Аһәл әкәндәра, иңәттә. Умұн аһи түрәтән:

„Кимәнин, Кимәнин,
Сипчиникан мата!
әдә қолоду натарасә?
Ilkal! icәмәje!“

Сипчиникан күрәтәрән, илан. Horkiwi тәкәргәр илан. Тәдук қолово гакса, гара-дәраң, icәнән — аја аһиңдә илтәдәран. Нуғанмән icәтсәдәрән, тәдук түрәтән:

„Дәгри, дәгри-дә! Дәгри дәгри-дә!
Мата Сипчиникан, поросај поросил
қавам, гаңиғәс аһижәви, әми — әтәһни!“

Аһи дәгилдәһинән. Сипчиникан тар амардун дәгилдәһинән: Даваран нүриктәлүкин. Тәдук қиләји нәнәврән. Аһин гәрәин Нүгәрмәк. Сипчиникан қиләји әмәксә, аһижәви билсә. Әһинин, әминин бүсәл.

Тар бидәрәкин умнәкән долбо аһин толкисилсә, тәдук түрәтән.

„Дәгрә, дәгрә!
Сипчиникан мата сәләкәл!
Әмәрә матал. Надан мата әмәрән.
Тәдук би әкинми әмәрән!“

Сипчиникан мата нурви гадан. Түлilә жүрән. Арај icәнән, надан мата нуғанмән гарпалсә. Сипчиникан мата нугарбатин гарпаран. Умұнмәтин вәрән. Умұнтин түрәсцитән:

„Ники, ники! Мата сипчиникан,
әдә би нәкунмәш вәсәс?
Би sinәwә wәdiğaw.“

Чипчиныкан-богатырь, попевши, перестал. Потом, подойдя, сел на поверхность камня. Камень шевельнулся. Чипчиныкан-богатырь встать попробовал—приклеен. Женщины поют, смеются. Одна женщина заговорила:

„Кимонин, Кимонин,
Чипчиныкан-богатырь!
Почему к камню прилип?
Встань! Стыдно!“

Чипчиныкан шевельнулся, встал. Штаны разорвав, встал. Потом, камень взявши, бросил, посмотрел—красивая женщина стоит. Его рассматривает, потом заговорила:

„Догри, догри! Догри, догри!
Богатырь-Чипчиныкан, прощай прости!
Поймавши, возьмишь в жены, не (поймавши)—не возьмешь“.

Женщина полетела. Чипчиныкан за той полетел. Схватил за волосы. Потом домой привел. Жена его по имени Нюнгормок. Чипчиныкан, домой придя, с женой жить стал. Отец его, мать его умерли.

Так жил (когда), однажды ночью жена увидала сон, потом заговорила:

„Догрә, догрә!
Чипчиныкан-богатырь, проснись!
Пришли богатыри. Семь богатырей пришло.
Потом мой брат (старший) пришел!“

Чипчиныкан богатырь стрелы взял. На улицу вышел. Едва посмотрел, семь богатырей в него выстрелили. Чипчиныкан-богатырь в них выстрелил. Одного убил. Один заговорил:

„Ники, ники! Богатырь Чипчиныкан,
зачем моего брата (младшего) убил?
Я тебя убью“.

245 Үмүсҗи мата гадан җурви җарпаран Сипсикәнмә. Җарпаран нәсә Сипсикәнмә. сипсикән тиктән. Тиктәкин аһин, җүрән, түрәттән:

„Дәгри, дәгри-дә! Дәгри, дәгри-дә!
Аки үмүсҗи еда вәнни күтәтпи?“

250 Сипсикән мата диләи тукullan, җан җурви гадан. үмүсҗиндә илчанвән җарпаран. үмүсҗиндәвә нәрән калтәкә иһәвән Умүсҗиндә калтәкә иһәҗан әсир күһилсән Сипсикәнҗәл. Сипсикәнмә кәҗран. Сипсикән аһин җүнән: „Әкәл вәрә әдиwәw“. Тар җүнәкин, әсә вәрә. Тәдүк иланә биҗәлсәтин.

А. Афанасjew a. Саһалин

81. Дуһин буҗа Умүсҗиндән

Дуһин буҗа дуһакәндун,
Умун җәнә буркасәндун,
Дуһин буҗа үмүсҗиндән бирә.

Умун утүк утәкәсәи җаркун мө калтәкәдн өвсә тәдүк әкүгүндә асир, әлә анҗидә җәләдун биһин уларн мәңүн утәкәптүн. Тәтин уркәсир күмәксә. Тәвар биҗәнә, үмнәкән тоготкәкәиwә җәксә, тикән җүннә, түрәтҗаран:

„Ники, җикимә, би өн үмүкәин балдәсәw?
Дуһин буҗадү оҗи минҗәсир вәҗә әсир“.

240 Умусни-богатырь взял стрелы, выстрелил Чипчиныкана. Выстрелил, попал в Чипчиныкана. Чипчиныкан упал. Когда упал, жена вышла, заговорила:

„Дәгри, дәгри! Дәгри, дәгри!
Дядя Умусни, зачем убиваешь свояка?“

250 Чипчиныкан-богатырь головой рассердился (в уме рассердился), опять стрелы взял в Умусниндю стоящего выстрелил. Умуснинде попал в половику глаза. Умусниндә без половины глаза начал биться с Чипчиныканом. Чипчиныкана победил. Чипчиныкана жена сказала: „Не убивай мужа моего! Так (когда) сказала, не убил. Потом втроем стали жить.“

А. Афанасьева. Саһалин

81. Средней земли Умусниндян

На средней земле, на самой середине,
На островке одной реки,
На средней земле Умусниндян жил.

6 Одну дряхлую юртенку, из восьми полуплах сделанную (имел), кроме того ничего не было, только на правой руке было из красного серебра кольцо. Одежда вся нерпичья. Так живя, однажды сидя у огонька, так говоря, разговаривал:

Ники, никимо, одинокий, родился?
В середине земли подобного мне человека не может быть“.

Tādūk tuliskī jūkānam, ularin mēḡun unakaptunmī gāladukwī cuptuhksa, uḡiskī
10 garadāran, tikān ḡunḡa, turātcaran:

„Niki, ḡikimē ularin mēḡumēcāmē unakaptunmī, bi turānmi musilkān
ōdū ōdākin, ularin mēḡun umḡrēcun ōḡaksa, tikkēl“.

Tēḡēmē-dē, uḡiḡit ularin mēḡun umḡrēcun tiktēn. Dē! umḡḡinḡa ularin mē-
ḡunmā umḡrēcundūwī tēḡeksē, utākāntikiwī icātcanē, turātcaran:

15 „utuk utākānmi pudan purasaj!
Okin mucanariwī sānā, ilkalḡam, ḡunam sōt gorolmī,
ilan tugurun anjanildul mucana-wal ēḡēm“.

Tardāt ēhilḡ ēḡākēkī ēḡēḡehinān. Tar ēḡēḡērēkin, umḡn kumacān jḡksa tu-
rātcaran:

20 „Mata wēḡe duhn buḡa umḡḡinḡan dorowo! dorowo!
ilē ḡenēlkajā ōḡannmī ilkal! alatkal ulḡurkānā ulḡucānḡāt“.

u mḡḡinḡa, ēcē-kāt icāhina, ḡenawī ḡenēḡehinān.

„Duhn buḡa bultaran, ēwa sōkancannmī ḡī sināwā ēhin sāḡa?“,

Dē! Tar ḡenēḡēnā umḡḡinḡa icēḡan jēnē ulḡun ularin mēḡunmā cōḡaa
mawa. Tarukī ēḡēḡehinān, tar ḡenēḡēnē jēnē ulḡun, icārān ḡḡr ahātḡār ajagḡ-
25 sārēwē sārēḡērē. Gē ahātḡān, nuḡanmān icēksē, turātcaran:

„Kimē kimēkē nuḡaj mēḡunkān! icētḡal ēkun ēmērēn,
awadī bagas ajatāran, ḡuḡēḡtērēn ularin mēḡun umḡrēcunmī“.

Потом, выйдя вон, из красного серебра кольцо с руки сдернувши, вверх
10 подбросил, так говоря, заговорил:

„Ники, никимо, мое (золотенькое) из красного серебра кольцо, мое
слово имеющее духа,¹ здесь когда станешь, лодкой из красного се-
ребра сделавшись, упали!“

Действительно, сверху упала лодка из красного серебра. Ну! Умусниндян,
севши в лодку из красного серебра, на хижину смотря, заговорил:

13 „Старая, старая хижина, прощай!
Когда вернусь, не знаю, метить дорогу буду, говорю очень далеко,
едва ли вернусь через три обратных года“.

Оттуда тогда вниз поплыл. Когда тот плыл, одна нерпа, выскочивши, заго-
ворила:

20 „Богатырь-человек среднеземельный Умусниндян, здорово! Здорово!
Куда направился? остановись! подожди! разговоры поразговариваем!“

Умусниндян не глядя ехал своей дорогой.

„Среднеземельный, охотник, чего задаешься? кто тебя не знает?“

Ну! Так двигаясь, Умусниндян увидел на берегу реки избушку из красного
серебра. Туда подплыл, так идя, на берегу увидал двух девушек, красивую вы-
25 шивку вышивают. Одна девушка, увидя его, заговорила:

„Кимо! кимоко! сестричка Монḡункон, посмотри, кто идет,
какая лодка красивая, красуется лодка из красного серебра“.

1 (Жажу заговор, словом заставляю превратиться).

Умұсқинда тавар ақтан. Аққанам, нугартықтын сұрұрән. Аһткәр, матава
нәләдукин әлгенәл, сорамаләвар іврә. Ајағда сәгәбүксә, сулакксса сәктәуүндү
30 тәгәwkәнә. умұн caldı sacarıwa wäksakar, ајаdıgdawar tujәnturәtin.
Sіksәngi օllan, әkindәgu tikән gunna turәtcārәn:

„Кимә! кимәкә! мата умұсқинда бу әмәрі сұрұрі матава дүдувар әwkil әngaw-
kәcinә bihiw“.

„Кимә! кимәкә әngawkәnәkwün ciwkән, keikән upkatkәntin inәktәldiqәtin.
Bu mата sōnıgә әngawkәwun, dülәwun әnganәkә!“.

35 Аһткәр, умұсқиндава нәләдукин гәксакар, әлгәдәһинә. умұн hoktokōndoli
сұрұwrә, tәduk умұн sālāmә dūndalә іwrә. үркәdyk үркәлә gәnәwuksāl, kataksāl
Умұсқиндава мәртin tuliskі inәydәtin:

„Кимә! кимәкә! дulin буға умұсқинда buldär kılıwlıwatın nүlgiwrән“.

Умұсқинда tikulcälәwı soıocölәwı әja-da bәladәn, nәkәdığan, Nән-dat аһткәр
40 inәgdәtin:

„Gurukanın! Gurukanın, әkәj Sәkankән! inәmәcәjә!
Dulin буға умұсқиндәn dılgan bucuwrılәwı istan biđanıu“.

Умұсқинда ајат icārән, bәjәl giramnakäkuntin gәltanğacın, bәjәl munnuktikindu
ningüdәrә. умұсқинда amaskәki tuksaksa, dapkun dүpti sәlāmә үркәdәnә әkihincән.
45 Tar cәklән tuksandәhinan. Аһткәр dүlәtin istan, аһәl, tәgetcәnәl, ајағда sārәwa
sārәdәrә.

Умусниндя пристал туда. Приставши к ним, пошел. Девушки, гостя за
руку ведя, ввели в дом. На красивые соболя, лисы постели посадили. Одну
30 двухгодовалую важенку убивши, хорошо угощали.
Вечер настал, старшая так сказала:

„Кимо! кимоко! гостя Умусниндяна, к нам пришедшего, хорошего гостя, не
можем уложить спать в своем доме.
Кимо! кимоко! если уложим спать, утка, пташка, все засмеют (нас).
Мы гостя-богатыря уложим спать. В дом иди спать“.

35 Девушки, взявши Умусниндяна за руки, повели. По одной дорожке увели,
потом в один железный домиче ввели. Из двери в дверь проводя, замкнувши
Умусниндяна, рассмеялись сами снаружи:

„Кимо! кимоко! среднеземельный Умусниндян дочерей моря увез!“

Умусниндян, рассердившись, расплакавшись, ничем не мог (себе) помочь,
40 опятә девушки рассмеялись:

„Гируканын! Гируканын! тетка Секанкан! очень смешно!
Среднеземельного Умусниндяна пусть голова засохнет“ (до засыхания
дойдет).

Умусниндян осмотрелся хорошо, человеческие кости рассыпаны, люди
в каждом углу стонут. Умусниндян, обратно побежав, восемь двойных желез-
45 ных дверей сломал, потом убежал дальше. Дошел до дома девушек, девы, сидя,
красивую вышивку вышивают.

82. Aksirē-Baksirē

Ətirkan atirkännun biđicətin. İlan huniltin bićətin, gəjukəkır. Nandanār bələhəl əmədirə, surlədwəl hunilwa. Bićən n̄arət ukunmima. Tartiki nuɣartın dəgilicətin, bagdawkil əhal. Kəl əmədirə bələhəl. Hunil əhilə amintikiwal gundirā: „Munə ɟajekal (zajekal) əmmin burā“. — „Hilla ekurwahun sunə ɟajedidınaw, su əpkitərəs minə dölditcö; ajama, sunə surluqtin. Aptərə tāmkedəhina ipkərəkıw, əpkitərəs umukəmötca aptuna tāmkehina. Ajama surluqtin, eqaktin-mal“. Kə, əməllə bələhəl ɟagadidırā nardintukitin. Huniltin bagdawkil əhal dajiluktadırā. Kə, ɟagadidırā, noartin ujski ujidırā. Sagdawu ahātkan inmə ərān tıkimmen. Dürwə surlwrā. Dütki əmərān ahātkan, amintiki gundirān: „Minə ɟajekal (zajekal) ədətın minə bələhəl surlwrā“. — „Ajama, surluqtin (surluqtin) eqaktin-mal ədinaw ɟajedara, aminin gundirān: ərəkəncə surlkəl, ərkəklə surlkəl, tälə biđirān Aksirē Baksirē, sinə zajeđınān. Tari olānduk olānditmə: korokalin kaloköcändi, əhalın əhiktadır, ogokto pəşnaomokun, əgin ulıwmokun, əhampakurın həpəkinən“. Ahātkan gənəđahinān.

N. Bajaki. Сирэмбү

83. Əwənkil

utlə ədu birkə jajan bićən. Əwənkilgin dūr buddə. Nugaŋ təlkiptşan, bakaran, nuɟarwatın wārān cəgiganmə. Təlkindu icəcild ən jajanma, nugaŋ urəgən bićən. Tarı ɟəpəc nuɟarwatın əwənkilwətin. Jajan icəcildən təlkindu, şururān urəgentiki. Tungadār əwənkilwə mənɟilwi ɟuwrən. Şururān, Jəndiwe dayran, daptulin hırrān Pidi. Huɟtułwə bakaran. Bargidə tuɟi jajan bićən əməlɟun. Daptudin Pidi bakaldıra, ulgurməcildə. ulgurməttə, ulgurməttə, jajan haɟuɟuktaldən huɟtuwə jajanma: „İlə gənəđəndi?“ — „Əli hurisılđahın“. umundı şururā Pidi, tungadārıl əwənkilin namađı ərān.

Н. Зуев. Тутура

82. Акшире - Бакшире

Старик со старухой жили. Три дочки было, красивые. Семьдесят бродят подходят, чтобы увести девушек. Было озеро молочное. Туда они (девушки) летали, лебедями ставши. Вот подходят бродяги. Девушки отцу говорят: „Нас спрячь не отдавай“. — „Ну для чего вас спрячу! вы не хотели меня слушать; хорошо, (пусть) вас унесут. Постегонку сосунуть приказывал когда, не хотела ни одна постегонку сунуть. Хорошо, пусть увезут (что хотят, то делают)“. Вот подошли бродяги, пошли неводить на озеро. Девушки, лебедями ставши, полетели. Вот неводят, они (девушки) вверх поднимаются. Старшая девушка иглой стала, упала. Двух увели. Домой пришла девушка, отцу говорит: „Меня спрячь, чтобы меня бродяги не увели“. — „Хорошо, пусть уводят, пусть делают (что хотят), не спрячу“. Отец говорит: „Вот иди, сюда иди, там живет Акшире-Бакшире, тебя спрячет. Тот из мастеров мастер. Уши его как котлы, глаза как звезды, нос как пешня, подбородок как весло, камысы на коленях. Девушка пошла.

Н. Баяки. Чиромбу

83. Эвенки

Раньше здесь коренным жителем был шаман. Двое эвенков умерло. Он видел сон, нашел (что) их убил дальний. Во сне увидал шамана, он горный („каменный“ — с левого берега Енисея) был. Тот съел его эвенков. Шаман увидел во сне, пошел к горному. Пятьдесят эвенков с собою увел. Ушел, Енисей перешел, пошел по нижнему течению Пита. Других встретил. На том берегу также эвенкийский шаман был. На устье Пита встретились, стали разговаривать. Разговаривали, разговаривали, шаман спросил другого шамана: „Куда идешь?“ — „Здесь вверх собираюсь пройти“. Пошли вместе по Питу из пятидесяти эвенков сто стало.

Daptudukin tunḡawa inəḡilwə ḡənərə. Ayrə. Dura jajaşal şururə dḡirduli uḡalı. Gə ilanma inəḡil ḡənərən, hontāḡırān. Ildutin inəḡil jajantin ḡənən: „umḡkənme
 10 inəḡilwə ḡənəḡəp, ḡəkudḡk şaḡḡantın icəwuld'ən. Namurdun ḡıyıtın, dıḡıḡār ḡıyıl“. ḡənəncərə, ḡənərə mürəli, əḡəlgərə jajan əwənkiltin. Jajan ḡıḡān: „ilakald'u gulu-
 wurwa“. Əwənkilwi ipkərən mürəli əlgərə. Luḡuld'ə əwənkılın mürəli, itıḡaldātın
 kuşılwa ḡəkəḡəwər. Nān luḡuld'ə, ilarə luḡuld'ə. urəḡər əḡnərə jıwətt'ə. Ətirikən
 15 nugarwatın tuḡḡən, şukşalıwı lukca binə. Jajan tarə ḡıld'an: „Şurukəl, itıḡaḡanākald'u“
 əşilə kuşinə. Nān amaşki şururān ətirikən. Luḡuḡəḡnərə, hata luḡuḡəḡnərə, ətirikən
 əmərān, ḡān tariltiki türəld'ən jajan, ḡān ḡılāwı şururən. Jajaltın urəḡər əməşinə,
 isilmı şəḡḡəptiki. Əməşinə tıləkəlwatın itıḡara, şəḡḡəptiki təḡərə dḡıkrə jajaşal.
 20 Əḡkəcild'ən jajan, əwənkılwə ḡəpcə: „əkunac! əcəp tild'ə ḡəwıjəwi“. Əḡkəcild'ən,
 mirətt'ən ilanma aşılwa. Əḡkəcild'ən: „bıḡḡam“. Awḡıdā əşilə ətərən tıḡəḡəmi. Na-
 murḡıl jajaltın ḡıld'a: „Əşilə niməḡılkał“. Niməḡıld'a tarıl, ḡorowo niməḡıld'ə,
 nadald'aja. Əḡkətt'ən, şurılmı, əḡḡən tuḡı ḡəkərə, ḡəwrā əḡḡən, ḡān ḡawuşcara əḡḡən.
 Awḡıdā jajan ḡıld'ən: „Ənə tuḡı ḡəkəld'ə əşilə ninakmāt şılap'ta ətən. Ilanma aşıl
 25 bıḡə urəḡər jajantin. Şururā ḡılāwər əwəşki, ḡuşuktal aşılwa. Mılwə uyḡḡnərə.
 Dəptikiwər ḡənəwre; ḡənərə kuşıcıl, dulıntın hālupcıl binəl, uwiḡə əmərə, hır-
 kəptirtin ḡıləwə huḡulwıḡkəkun. Dulıntın ācır. Huḡıl şurucıl ḡılāwər, əşi icərə.
 Tarıl tuḡı əməşinə ḡılāwər, aşılwa ḡıḡə ajalwa əməwre.

N. Bajakı. Cırəmbu

84. Iludən

Iludən əḡəşici bicən, Kımā bicən. Nuḡan lucadıwa əḡəşicilwə ḡədurən ilanma. Kupeş ipkərən, sakıldu ḡōrcadātın, ılandu cətwərıl vınoıdu. Ilandu dāḡıḡırān Iludən, ḡədurən upkatpa. Şıtnəwə ıruşnan lucadıwa nadan əwənkıl, nuḡan əmḡkən ıruşnan.

От устья шли пять дней. Пристали. Два шамана пошли по двум дорогам. Один
 10 шел три дня, без дороги шел. На третий день шаман их сказал: „Один день
 пройдем, дым их с большой горы станет виднеться“. „На (хребте) Намуре юрты
 их, сорок юрт“. Быстро пошли, обошли кругом, окружили шаманские эвен-
 ки. Шаман сказал: „Разжигайте костры“. Заставил эвенков окружить кругом.
 15 Стали кричать кругом эвенки, направились (собрались) войну начать. Опять
 стали кричать, трижды кричали. Горные не хотели выходить. Старик их преду-
 предил, снявши тесемки от обуви. Шаман тому сказал: „Иди, собирайтесь
 теперь воевать“. Опять обратно ушел старик. Кричали, долго кричали, пришел
 старик, опять тех стал ругать шаман, опять домой ушел. Шаманы горных жите-
 20 лей пришли, шевеля (спиной) кафтаном. Пришли, мечи скрестив поставили, сели
 спинами (друг к другу) два шамана. Спросил шаман, съевший эвенков: „Зачем!
 не знаем съеденных (не слышали о съеденных)“. Стал просить выдать замуж
 трех женщин. Сказал: „Дам“. Живущий на этом (левом) берегу теперь кончил
 ругаться. Намурские шаманы сказали: „Теперь гости“. Стали те гостить,
 25 долго гостили, неделю. Просил, уходя, чтобы так не делали, чтобы вторично
 опять не хватали бы. С этого берега шаман сказал: „Не поступайте так, (а то
 и) собаки не останется“. Дали трех женщин горные шаманы. Увели домой
 к себе, вонючих женщин через воду переносили.

Людоедку увели. Шли, воевали (по пути), половина оставшись, мало при-
 шло с перевязанными руками, раны большие. Половины нет. Другие незаметно
 ушли домой. Те тоже, придя домой, двух красивых женщин привели.

И. Баяки. Чирəмбу

84. Илудон

Илудон силач был, (из рода) Кима был. Он поборол трех русских силачей. Купец заставлял бороться на заклад, на три четверти вина. Трех победил Илу-
 дон, всех бросил. Русское судно тащили семь эвенков, он один тащил (такое

Luca əwənkīwə kołtorān. Kołtorōkin, icātrən əwənkīwə, şururən. Irura, irura gorowo, 5 tālā cātild'a. Ətərə. „Əwənkī“, gūnān: „alawa tətəkəl nōraşkal“. Şururā nān. Kołto-
qocōwo lucawa əwənkī kołtoron amarguc. Kołtorokin əwənkī, bururən luca. Buđđan
lucadı əgəşi. Əmənə nuşanmān. Huştul lucal həşkətcirə: „təgi nādē!“ İludən nān
iruşnan, ista derewnelā. Ağrə, tādū cātild'a. İludən tərūnmatın tərutşan; kupes, dəwuld'ən,
vinovo tujut'ən, qıld'ən əjalqđi dəptiləl. Əşkəcild'ən əwənkīwə kupes, gadāwı
10 mənşijəwı əgəşijəwı illəməgdijəwı tışica ruşlıl. Əwənkī əşin dəkildirə, əşin şurumuld'a.
Gorojo əjəcild'ən kupes əgəşiwı. Dəlildārān, qalildārān, umnət gūnān İludən:
„Ətəm şururə“. İludən oltowrān kupespa, derewnədu işinən. Gorowo inən tādū.

Lucal korobalwatın amikān dəmuld'ən. Lucal ipkərə İludənmə, vəjuştən. Şururə
15 vəjuşimnıl ilan: dşır lucal, İludən ilitin. Bakara amikānmə. Amikān nuşarwatın əmən-
cərən dəbdəwi. Anpawı aqacā, dəwaran gələldiwi. İludən kaltakadun, dəğdukin dəwaran
kaltakadun şərdukin, gōrcald'ən. Həktəwəktəməcild'ən amikānnun əwənkī. Lucal
arkıra gıdalqđi amikānmə. İludən uşigindārān amikānmə. Amikān əjurən. Nuşanmān
wārā. Wārə həşkətmətcərə: „dəwuldəp-gu?“ ətəp-gu? Lucal gūnə: „taqa“. İludən hata
20 ipkətcədən, dəbdətin. Lucal gūnə: „hiyət ərūktadāwı imuxşanā-yu birān!“ Hiylid'a,
higrə, əmac əcin imuxşawə, umukən giramd'a. Əmənə amikānmə, irəksəwən gadə,
şururwə. Uyasınə lucal. Şururwə derewnətki, irəksəwən hiyni. Derewnelān əmərə.

Lucal ulgurild'a, gūnə: „Tālā bakaraw amikānmə, korowowa dəpcən. Mənə
dəbdəwi həktincārən. İludən dəwaran, amikān gōrcald'ən“.

25 Lucal ulgurild'a dəltikiwə: „Arkıraw bu, əwənkī nōdarān amikānmə, amikān
əjurən. Jūktə vəjə, mēwanın mand'a, eramət əgnərən jənə“. — „Vəjə gələjə əcin,
umukəməc əwənkī gələnjə“ gūnə.

İludən qulāwı şururən. Qulāwı gənərən dəltikiwı ulgurild'ən: lucal orotıpmatın
iluraraq. Dəlatcırə, əyltin ön-māt vəjuş, əyltin ön-māt“. Əmukənmə anpawıwə inən
30 İludən, tādūk buđđan.

же). Русский эвенка ударил кулаком. Ударивши, взглянул на эвенка, ушел.
5 Тащили, тащили долго, там стали чаевать, перестали. „Эвенки,—сказал (тот),—
лямку надень, тини“. Пошли опять. Ударившего русского эвенки ударил обратно.
Когда ударил эвенки, упал русский. Умер русский силач. Оставили его. Другие
русские говорили: „Так (и) надо“. Илудон опять потащил лямку, дошли до
деревки. Пристали, там стали чай пить. Илудон договор выполнил; купец на-
кормил, вином угостил, накормил хорошей едой. Стал просить эвенка купец,
10 взять (продать) свою силу, предлагая тысячу рублей. Эвенки не согласился, не
захотел идти. Долго просил купец силу. Думал, думал, вдруг сказал Илудон:
„Не пойду“. Илудон оставил купца, в деревне жил. Долго там жил.

Медведь задрал корову русских. Русские заставили Илудона убить. Ушли
15 три охотника: два русских, один Илудон. Нашли медведя. Медведь быстро по-
дошел, чтобы съесть (их). Рот открыл. Схватил руками Илудон, одною рукою
за подбородок, другою за ухо схватил Илудон, стал бороться. Стали двигаться
медведь с эвенком. Русские насадили медведя на копьё. Илудон перевернул
медведя. Медведь пропал. Его убили. Убили, разговаривают: „Съедем (его) или не
будем“. Русские сказали: „Сухой“. Илудон еще настанвал, чтобы съесть, русские
20 сказали: „Обдерем, чтобы посмотреть, жирный ли!“ Стали обдирать, ободрали,
никакого жира нет, только кости. Оставили медведя, шкуру взяли, ушли. Пота-
щили русские, несли в деревню ободранную шкуру. В деревню пришли.

Русские стали разговаривать, сказали: „Там нашли медведя, задравшего ко-
рову. Нас (чтобы) съесть, подпрыгнул. Илудон схватил (медведя), медведь стал
бороться“.

25 Русские стали рассказывать товарищам: „Насадили на копьё мы, эвенки
бросил медведя, медведь пропал. Бойкий человек, сердце крепкое, ничего
не боится (ни перед чем не постоит)“. — „Мужик без страха, нет ни одного
эвенка боящегося“, сказали.

Илудон ушел домой. Домой прошел. Домой пришел, товарищам стал рас-
сказывать (о том, как) русские медведя били. Боятся, никак не могли убить.
30 Один год жил Илудон, потом умер.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Д. Сѣмба. Сирѣмбү

85. Іwul

Дүр бәјәл биçәтин. үмүкән Іwul бисән, гә Акарәмә. Нуңартин шүрүрә бәјүшләрә мультала. Даврәшнә, даврәдәһнәрә, даврәдәһнарә ыралы, ицәрә тәки ыrawa дағдаран. Іwul гүнән: „Амһаша кirkacәnden би туқсәncәктә“. Іwul мүли туқсәncәрән. Нүкти-
 5 wuшһnmүрән, тәкiду бимрәк һүктiлдән. Акарәмә үдәдәһнарән, тәлә. Іwul һалғанмән бакаран. Тарә уяшнан Акарәмә, һән үдәшнан, тәлә гәwa һән бакаран һалғанмән, һән тарә уядәһнәрән, тәдук һән һәләwән бакаран, һән шүрүрән. Һәнәдәһнәрән, тәлә гәwa һәләwән бакаран, тарі гәдан. Шүрүрән тәки үдәлин, кәһтирәwән бакаран, тарі уяшнан. Тәдук дилwән бакаран. Гүнән Акарәмәткi тар: „Һи әтәкәл минә ицәтсәмi, һалгарwәw үмүндү нәкәл!“ Акарәмә әләwән илдәwән үмүндү нәрән, Іwul һән бәјә
 10 өдән. Һән Іwul шүрүрән Акарәмәнүн дүкрә. Акарәмә гүнән: „Би бәјүктә тәкiлә, һи нүлгiшһкәл, тәлә Сinәдү дүүткәл“.

Акарәмә бәјүрән, шүрүрән. Дүрwә тәкiлwa ајран, Іwulwa үдәлин шүрүрән. Іwul тәлә шәһәдәһнәрән, албадаран шәһәһлwa туктуwушадәмi Сinәткi, үмүкәнмә туктупсә. Акарәмә гүнән: „Іwul әлсәш тугi?“ — „О! әwa-дәглә гүчсә Сinәдү дүүтөдәw“. — „Һи
 15 нүлгiдәкәл тәлә өранду дүүтөдәдә“, гүнән Акарәмә. Іwul дүңцаран. Акарәмә һән әмәрән, һән гүнән: „Іwul һи әдәдәһнәрә тугi?“ — „әwa-дәглә гүчсә өранду дүүтөдәw! Он би мүдү дүүтөдәм?“

Тәдук Іwul бәјүрән тәкiлә, мәнәкән дарыwушнан. Акарәмә нүлгiшһнән. Іwul дүрwә орорwо олгошһнән, һәнәдәһнәрән, тәлә ыра өдән. Іwul гүнән орорби: „Унтал-
 20 war лүкүлкәлдү! Он әһнәс тилдә?“ Тәдук Іwul орорwо һалгарwатһн һигрән. Орор бүддә. Іwul тәлә тәкiwa ицәрән, һәһилдән тәкiwa: „Амһаша сирүмин! ку! ку! ку!“ Тар һүктiлдән. Һән Іwul шүрүрән. Тәлә јантакiwa ицәрән, һән һәһилдән: „Амһаша нһа-
 25 кһнһн! әл! әл! әл!“ Јантакi һүктiлдән. Іwul дүһләwи мүчүшһнән, әмәрән. Акарәмәткi wul гүнән: „Тәлә унталwатһн лүкәл, лүкрәкiтһн, әһнә“. Акарәмә түрәлдән Іwulwa:

Д. Чәмба. Чиромбү

85. Ивуль

Два мужика были. Один был Ивуль, второй Акарамо. Они шли промышлять табуны диких оленей. Поехали в лодке, плыли, плыли по реке, увидели, лось пере-
 5 секает реку. Ивуль сказал: „Покойного отца собака, выскочу-ка я“. Ивуль прыгнул быстро на воду. Хотел бежать, лось мимо пробежал. Акарамо бежал (за ним),
 10 нашел там ногу Ивуля. Притащил ту, опять побежал по следу, там опять вторую ногу нашел, опять пощипил ту, потом еще руку нашел, опять ушел. Шел, там вторую руку нашел, ту взял. Пошел по следу лося, грудную клетку, корпус его нашел, потащил его. Потом голову нашел. Сказала та Акарамо: „Ты меня
 15 не рассматривай, ноги сложи вместе!“ Акарамо сложил все тело вместе, Ивуль опять человеком стал. Опять Ивуль пошел вместе с Акарамо. Акарамо сказал: „Я пойду промышлять лосей, ты кочуй, там (на) Чино (горе) поставь чум“.

Акарамо ушел промышлять. Два лося добыл, пошел по следу Ивуля. Там Ивуль плачет, не может жерди втащить на Чино (скалистую гору), одну (только) втащил. Акарамо сказал: „Ивуль, что сделал так?“ — „О! для чего же
 20 говорил, на Чино юрту ставь!“ — „Ты кочуй, там на пороге юрту поставишь“, сказал Акарамо. Ивуль юрту пошел ставить. Акарамо опять пришел, опять сказал: „Ивуль, ты что делаешь так?“ — „Для чего же ты говорил, чтобы я юрту на пороге ставил! Как я в воде юрту поставлю?“ Потом Ивуль помышлял лося, сам пошел выслеживать. Акарамо кочевал. Ивуль увел двух оленей, идет, там река. Ивуль, сказал оленям: „Унты снимайте! Как не можете понять?“ Тогда Ивуль ободрал ноги оленям. Олени умерли.

Ивуль там увидел лося, покричал лосю: „Олень покойного отца! ку! ку!
 25 ку!“ Тот убежал. Опять Ивуль ушел. Там росомаху увидел, опять покричал: „Собака покойного отца! оль! оль! оль!“ Росомаха убежала. Ивуль в домой, пришел. Акарамо Ивуль сказал: „Там, унты сняли, снявши, уснул рамо стал ругать Ивуля:

²⁵ „ĕwunawī ororwī wānd'ī“. Akarāmē ūmūkōn šurūrān. Tādūk əwənkīlwə bakaran. Həgkəcild'ən Akarāmē: „Minŋiwə širuwəw šī wāš'ī?“. Əwənkīl gūnē: „Bū əcəlwun wārē“. — „Šu wāšun“. Əwənkīl Akarāməwə ɖawara. Akarāmē luŋuɖd'ən: „Iwul əmə-kəl! Bəjəl minə tirəcəl! Hīmāci!“

Iwul əmərən ŋimiciwi ŋəlirān. Akarāmē ɖawaldırān bəjənun. Iwul gūnən: „³⁰ Dī-miciwə ŋŋkūɖəs“. Akarāmē šōmnāšinan Iwul šiləwən, gūnən: „Šī wakəl! bərilwī ɖa-wakal ganātkəl“. Iwul əwənkīlwə ələwətin wārən. Nān šurūrān Akarāmənun bə-jurə, həlakīla bəjušcamī. Akarāmē əmərən, Iwul gūld'ən: „Ōn ajiŋnand'ī?“. — „Tuŋi ajiŋnam! Ši-wəli bəjukəl həlakīla. Bi oricāw həlakīlā, tādū šī ŋkələšinqənd'ī“. Iwul orild'ən: „He-la-ki-ī-ī! əməkəld'ū-ū! šigdələwī!“ Həlakīl burūrə hūkitədun. Iwul hak-
³⁵ tancald'ān, ŋəmūrigdi ōdan. „Āha-ha-ha! bi, burūrəktin, əšim maŋicara“. Həlakīl upkat dəgildə. Iwul ūmūkəmōc əšin ajiwra, əšin ɖawara. Dūlāwī əmərən, Akarāmē ācin ɖūduwī. Tādūk əməwren əŋnəkənmə Akarāmē. Iwul gūnən: „ūlgurkal ōn ajiŋnand'ī əŋnəkənmə“. — „Bi ɖoromocōw atirikānduk“. — „Bi timātŋa bakalɖam“. Timātŋa Iwul šurūrān tālā. Iwul garparan aktakiwa, uyašışcald'ən. Atirikān əmərən,
⁴⁰ kədərəwī ŋəlɖaran, əmərən. Iwul dārəwən kədərəšnən. Iwul šogold'ən, Akarāmē gūnān: „ət šogogond'ī?“. — „Atirikāŋəšu minə dārəwəw kədərəšnən“. — „ēda-kə akta-kiwa wānd'ī? Šinə gūcōw əŋnəkənmə, wādāš“.

Nān šurūrā Akarāmē Iwulnən. Akarāmē ɖuragırān hişəwə, gūnān: „Iwul ɖawa-kal! əri tōki“. Iwul ɖawaran. Hişə nuŋanmān tirərən, Iwul buddan.

I. Lontogir. Nəpa

86. Iwul, Cərə

ūmnəkən biɖəcən atirkən, nuŋanŋin biçətin ɖūr hūtelin. ūmūkən biçən gərbin Iwul. Nuŋandun biçətin anŋanŋilūlin ilanɖār, nəkūndiwuɖu biçətin ɖān tunŋa, nuŋan-
ŋin gərbin biçən Cərə. Iwul gūlən Cərətki: „Cərə ɖawja ɖawŋilwāt“. Cərə gūnān Iwulki: „kəl ɖawŋilwāt“.

²⁵ „Зачем оленей убил?“ Акарамо пошел один. Встретил потом эвенков. Спросил Акарамо: „Моего быка ты убил?“ Эвенки сказали: „Мы не убивали“. „Вы убили“. Эвенки поймали Акарамо. Акарамо стал кричать: „Ивуль, приходи! Мужики придавили! Скорее!“

Пришел Ивуль, шербу (уху) держит. Акарамо схватился с мужиками. Ивуль
³⁰ сказал: „Шербу прольет!“ Акарамо толкнул ногою шербу Ивуля, сказал: „Ты бей! возьми лук, иди стреляй“. Ивуль всех эвенков убил. Опять ушел с Ака-рамо промышлять, тетерек промышлять. Акарамо пришел, Ивуль сказал: „Как промышлял?“ — „Так промышлял! Ты-ко попромышляй тетерек. Я кричал (звал кричалкой) тетерек, там ты западней будь (подкарауливай!)“ Ивуль стал звать: „Тетерки! приходите! на балку мою!“ Тетерки упали ему на живот. Ивуль за-
³⁵ смеялся, смешно стало. „А-ха! ха! ха! Я не выдержу, когда они упадут!“ Тетерки все улетели. Ивуль ни одной не добыл, не поймал. Пришел домой, Акарамо нет дома. Акарамо потом принес теленка. Ивуль сказал: „Расскажи, как добыл теленка?“ — „Я украл от старухи“. — „Я утром найду“. Утром Ивуль ушел туда. Ивуль выстрелил в холощеного быка, быстро уволок. Пришла старуха,
⁴⁰ мялку в руках держала, пришла. По лицу Ивуль мялкой ударила. Ивуль заплакал, Акарамо сказал: „Что плачешь?“ — „Старуха меня по лицу мялкой уда-рила“. — „Зачем же быка убил? я тебе говорил, чтобы (ты) теленка убил“.

Опять ушли Ивуль с Акарамо. Акарамо принес камень, сказал: „Ивуль, держи, это лосы!“ Ивуль взял. Камень его задавил, Ивуль умер.

И. Лонтогир. Нəпа

86. Ивуль. Чоро

Однажды жила старуха, у нее было двое сыновей. Один назывался Ивуль. Ему было лет тридцать, младшему было пятнадцать, его имя было Чоро. Ивуль сказал Чоро: „Чоро, давай лодку делать“. Чоро сказал Ивулю: „Ну, сделаем лодку!“

5 Əqintin hiltiləşcə bican hiltiləwər. İwul gūnən Cərətki: „şi, Cərə, əwtiləşdəkəl bi dawtawə ullıldalim“. Cərə gūnən: „Kəl sürıldalim“. — „Si, Cərə, gəkəl pəktirəwunə, əja icəmi, tara pəktirənignəkəl“.

Cərə şururən, gəran pəktirəwūnmə mənqunmi, nənəqəwki urəli, icərən mygdəkən dawadun əkun-mal təktəqəran, nujan pəktirəwūnmə mirədukwı gəran nələduwı kərən cəkonimnen, tar pəktirənən. Şururən dawalən, əməren, icəcillən, kərə əqinmi wəcə. Nujan əqinmi higrən, əwtiləwən gəran, suruwən qutkiwi. Əməren qıləwı, akinin dawtawə ullıqəran. Əməllən dawalən, əwtiləwə nōdərən akinnı dawadun.

İcəcillən akinin, təgrən əqinmə wəcə, gūllən nəkūntikiwi: „eda si wəcə bisinni əqinmə“. — „Si gücəs mintiki: əja icənni, tarə pəktirənignəkəl! — tar bi icəm, pəktirəşcəw“. — „Si qalja əcin bisinni, əmətjə, awadi-wal moqnon bisinni“. Təwi nujanmən həkətrən əqinduliwər. Nujartin aran-aran dawja ora.

Nujartin qalidəcilla, qındəwər gələ qındulə. İwul gūllən Cərətki: „Si Cərə orotə qutəşkəl hoktəli, bi kocowə dawdu uliscəlim“. İwul gundəwki: „Si dūtəni qnə, tələ dūja qdadawı əjə dawadun“. — Kəl bi, əmədələs, dūja qdaqaw“.

20 İwul urərən: „Kəl orakis əmədələw dūja əja bimecə“. — „Qəqəw!“ Nujartin şururə getki urintiki. İwul dawdu dawrəşqan. Cərə ororqı dūtəşnən. Cərə dūtərən tələ qındulə, dūja ollan əjədu, əməwuwki seranja ilwussəliwki — tarə əjənmusiniwki. Albəran dūja qdamı, upkatwa sərənliwə manaran. Əsilə şururən ororduləwı, əməren dawəlatın, gūllən: „Kəl lukallə untəlwər“. Oror əwki əmətjə gūnə. Nujan gəwran

25 gūnən orortiki: „Lukallu untəlwər“. Təli Cərə gəran purtəwı, kərən higillmən əsaləwatın. Awadınja əsajən higrən, tarı buwki oron. Təwi upkatwa təpərən ororwo, İwul əmədələn. İwul əjənən Cərə dawalən, hanqutallan: „İri-kə qū önni-wu, əcəs-wu?“ —

30 „Bi əlbəm dūja qdamı“. — „İri-kə oror?“ — „Bi orortiki gülcəw: lukallə untəlwər! dagiscəlləp bargidətki bərawə, nujartin əcətin luksa untəlwər. Bi kəcəw higillmən untəlwətin, nujartin kərə bəwəşmən“. — „Si Cərə əkun moqnon bisinni, əmətjə əcəs sərə! Okin oror untəlwər lukiwki? okin-mal əwki luksa. Bi sinqun ətəm bi-qərə, şurıqəlim qorotki“. Cərə ororwo qəpcəllən, tədu qındu əmənən.

5 Мать за гнилушками пошла. Ивуль сказал Чоро: „Ты, Чоро, ребра принеси, я бересту сварю“. Чоро сказал: „Ну (я) пойду“. — „Ты, Чоро, возьми ружье, что увидишь, то стреляй“.

Чоро ушел, взял с собою ружье. Шел лесом, увидел—что-то движется около 10 пенька; он ружье с плеча взял в руки, стал нацеливаться, выстрелил. Пошел поближе, пришел, увидел—мать убил. Он мать ободрал, ребра ее взял, понес домой. Пришел домой, брат лодку шьет. Подошел поближе, ребра бросил около брата.

Посмотрел брат, узнал мать убитую, сказал младшему: „Зачем ты убил мать?“ —

15 „Ты сказал мне: что увидишь, то стреляй! Вот я увидел (и) выстрелил“

— „Ты без ума, какой дурак“. Так его ругал за мать. Они едва-едва сделали лодку.

Они придумали кочевать на другое стойбище. Ивуль сказал Чоро: „Ты, Чоро, с оленями перейди по дороге через мыс, я в лодке погребусь“. Ивуль 20 сказал: „Ты перейдешь раньше, там построй юрту около течения (реки)“. — „Ну, до прихода твоего я юрту построю“.

Ивуль согласился: „Ну, если сделаешь до моего прихода, дом будет“. — „Сделаю!“. Они ушли на другое стойбище. Ивуль в лодке поплыл. Чоро на оленях пошел через мыс. Чоро пересек мыс, пришел на стойбище, стал строить юрту на течении, приносил жерди, пробовал ставить—те уносило течением. Не мог построить юрту, все жерди кончил. Пошел тогда к оленям, сказал: 25 „Ну! снимайте унты“. Олени ничего не могли сказать. Он вторично сказал оленям: „Снимайте же унты“. Тогда Чоро взял нож, стал обдирать камысы. У которого обдерет камысы, тот олень упадет. Так, до прихода Ивуля задавил всех оленей. Ивуль подплыл к Чоро, спросил: „Где же дом? сделал или нет?“ — „Я не мог сделать“. „Где же олени?“ — „Я оленям сказал: снимайте унты, перейдем на другой берег! Они не сняли унтов. Я ободрал унты, они

30 упали“. — „Ты, Чоро, какой дурак, ничего не знаешь. Когда олени унты снимают? Никогда же не снимают. Я с тобой не стану жить, уйду далеко“. Чоро оленей есть стал, там на стойбище остался.

A. Kambagır. Dəkənnə

87. Dulubun

umukən ilə bicən nəkūci, bicən akīnīn umukənmə. talumawa dawwa ölcə, nə-kūnmi gūcə: „Gələktəkəlniñtəlikəl, dawwar öwdāwər“.

Nəkūnīn hırucə gələktəlcə. Tar ilə ahīn, hütəlin ilan bicətin. Nəkūnīn bicən dulubun. Akīnīn alatcawki, nəkūnīn dolbotono əmərən. Tarıñın ugacakakur kuñākār niñtilətin əməwrən. Akīnīn gūcə: „əkunduk bakannı kuñākār halgarəatin? Bi gū-cəw-gu hindu kuñākār niñtilətin gənnəkəl?“ — „Bi ewa hānni?“ Akīnīn, wātca məngwi nəkūnmi. Nugañ ilalcacə pəktirəwunmi, gamalcacə, nugañmān pəktirəcə, wātca tarıñı.

N. Kaplin. Norboko

88. Ulək ilə bicə

ulək gūlcə ahitki: „Cannıkpı hiyəkəll“ Tar hiyəkəkəjim, ulək ahıji wātca. Höpnöscö həktakəna, əməwcə həktawa, ahıji idakəlcə, tarıñın ilcə. ulək tar hektakəngıji bəcilcə haldatıldı, haldatıl gācəl. Tar haldatıl ahəlwer təpəcəl, tādük idakəlcəl təpənəlwer ahəlwer. Tarıñın əwki arura. Jopocəl turaladu.

ulək məğunilwi gāñalwi ulutakəndu nətə mö dəyəcəndun, garpacilcə. Garparakın, bürəwki məğur. Būwki tarıñilwi haldatıldı. Haldatıl unəjəcəl bərilwən. Garpacilcəl, albacəl bürəcəmī məğurə. Tikulcəl haldatıl uləkit. Dicəl macələ həkətəliwi uləkwə. Haldatıl hırucəl dūlduləwər.

Macələlə əməcə ilə, ulək gūcə: „jūpkəl minə“. Əduk jūwcə iləñin. ulək gūcə ilətki: „Macələlə həkətəduñ məğunmə nəcəw“. Uğuscə ilə macələ həkətəlw. ulək gācə iləmə murıñmān, həkətwuscə tar ilə ahilən. ulək ahilərañ ahilwən. Haldatıl əməcəl əjicəl

A. Камбагир. Нгоконно

87. Глупец

Один тунгус был с младшим братом, был старший брат. Одну берестянку стали делать, младшему сказал: „Принеси корней, лодку шивать“.

Младший пошел искать. У того тунгуса была жена, трое детей было. Младший брат его был глупец. Старший ждал, младший пришел вечером. Тот принес кости (пятки маленьких) детей. Старший брат сказал: „Где нашел ноги детей? Я разве говорил, принеси пятки детей?“ — „Я что знаю?“ Старший брат убил своего младшего брата. Он быстро поставил ружье, быстро выстрелил, убил того. (пятка — niñti, корень niñtə).

Н. Каплин. Ербогочон

88. Лживый человек был.

Лгун сказал своей жене: „Повесь чайники!“ Когда та повесила, лгун убил жену. Срубил талинку, принес талинку, жену стал бить, та встала. Лгун ту талинку продал солдатам, солдаты взяли. Те солдаты убили жең своих, потом стали бить убитых жен. Те не ожили. Зарыли в землю.

Лгун полученные деньги положил на берегу под корень пенька, стал стрелять. Когда выстрелил, деньги выпали. Дал тот (лук) солдатам. Солдаты купили лук его. Стреляли, стреляли, деньги не могли выпасть. Рассердились солдаты на лгуна. Сунули лгуна в брюхо коровы. Солдаты ушли домой.

К корове подошел человек, лгун сказал: „Выпусти меня“. Выпустил отсюда человек. Лгун сказал человеку: „В брюхо коровы деньги (я) положил“. Влез человек в брюхо коровы. Лгун взял коня человека, ускакал к жене того человека. Лгун женился на жене его. Солдаты пришли, утопили

macālēwa. Tāduk ulāk gūnən haldatildu: „Bi mū mūhundu kin ahiwa gacāw“. ulāk tēpucē macālēlwē, hūkitēldut in nātē haldatilwa, ullilcā nugarwat in. Tugī ulāk ajitēn mūdū haldatilwa būcālēt in.

N. Janagir. Olokno

89. Atirkācān

umūkēn hunādīcī, umūkēn hūtēcī, murin kulincikāci, atirkacān biqacā. Murin būcā, kulincikān amānmuca. umūkēn bəjə amēcā: „Kulincikānma aməwka!“ guniwiki. „Bi etām būrə kulincikānma“. Nuḡan, aməksək, hūrcē. Iḡan turganija ānḡatcāl, digilāwi amēcā nānə bəjə. „Kulincikānma aməwka“, gūcā. „Etām būrə“ gūcā. „ēda? bagdar in caḡankān kulincikānma ḡēlādirān; būrəksun-məl, əhəksun-məl, ḡāḡaḡāw“, ḡunḡirān: „kulincikānma aja biḡəbiwər būkəllu“. Hunād in guniwiki: „Būḡar!“ Atirkacān əni əwki būḡlərə. Bəjə mucuḡahicā, ḡūllaja ānḡatcāl, ilipcā amēcā bəjə. Tar amēcā ḡūcān: „Būkəl-wəl, əkəl-wəl, bi ḡāḡaḡāw“. Hunād in: „Būḡar!“ gūcā. Atirkacān mulacā. „Būkəllu-wəl, əkəllu-wəl, bagdar in caḡankān ḡawkānān“. Hunād in būcā, uḡipcāl kulincikānma, əlḡəḡəhicā.

ḡaldulāwi issa, ḡal in ḡūcāl: „Atirkacān eda soḡopco oḡərəs?“ — „ekuna kāḡəḡan kulikān?“ Gūcā umūkənt in tikā. Kulincikan ḡūcā: „ēda minə ḡaduḡḡərəs? bi issaḡaw ilā-dā ḡunḡa icāḡāl“. Sələməjə tolgokija, sələməjə homutja, sələməjə luḡaja kəlutcā. Tāduk ukcāl, sēḡadu ukcāl. Kətəkəkur binəl bəjəl, ukcāl tolgokidu. Ələ ḡūcā bagdar in caḡankān: „ḡunḡə nāmilin nāmīrəkəl, buḡa cacalin cacarikəl!“ Murin kulincikān hūktilcā. Ahullaja-wəl əcāl ḡənərə, mūḡḡəkəcərdū hakirbat in ḡəwarbat in lokotcō. Upkat būcāl, sələməwə tolgokiwə ḡawḡacā, əlḡəjəwi uruḡḡacā. umūkēn bəjə cukawa kadiḡacā, murin hūktiktəḡəriwan icətcā. Murina ācinḡi ələ aməḡən mənək itpi. Kulincikān gūnən: „Minəwə əkəl ḡawalətə, bagdar in caḡankān hoktodu ḡənəḡəm. On-dā ḡūkəl: kəḡəldḡs kəḡəl oḡəḡāw, ırḡidus ırḡi oḡəḡāw“. Murinma laḡḡalimmən, nuḡanmān tādū ḡəwarbān, hakirbān lokotcō.

корову. Тогда лгун сказал солдатам: „Я жену взял от хозяина (духа) воды“. Лгун убил коров, в брюха их положил солдат, зашил их. Так лгун утопил в воде солдат до смерти.

Н. Нганагир. Олекма

89. Старушка

Жила одна старушка с дочкой, с сыном, с кобылой, у кобылы был жеребенок. Кобыла умерла, жеребенок остался. Пришел один человек: „Жеребенка отдай!“ говорит. „Я не дам жеребенка“. Он (как) пришел, (так и) ушел. Три дня продавали, на четвертый опять пришел человек: „Жеребенка отдай“ сказал. „Не дам“, сказала. „Почему? белый царь просит жеребенка; дадите или не дадите, возьму, говорит, жеребенка хорошего дайте“. Дочь говорит: „Отдадим!“ Старуха-мать не желает дать. Человек вернулся, десять дней прожили, в третий раз приходит человек. Пришел тот, сказал: „Дашь ли, нет ли, я возьму“. Дочь сказала: „Отдадим“. Старуха жалела. „Дадите ли, не дадите, белый царь заставит взять“.

Дочь отдала, привязали жеребенка, увел.

Пришли к соседям, соседи сказали: „Чего, старушка, плачешь?“ — „Что сделается с жеребенком?“ сказал один из них. Жеребенок сказал: „Зачем меня берете? я дойду до какой-нибудь земли, увижу“. В железные санки в железный хомут, в железную дугу запрягли. Потом сели, в санки сели. Много людей было, сели в санки. Теперь сказал белый царь: „Через землю поезжай, краем объезжай!“ Конь-жеребенок побежал. Не прошло несколько дней, на пеньках развешал их печени, их сердца (разбил). Все умерли, железные санки сломал, упряжь (с оглоблями) таскал. Один мужик траву косил, увидал бегущего коня. Конь без всего, только сам идет. Жеребец сказал: „Меня не лови, к белому царю по дороге иду. Так скажи: „На гриве твоей гриву сделаю, на хвосте твоём хвост сделаю“. Стай ловить коня, там же его сердце, печень повесил (убил).“

N. Kaplin. Noru

90. On ʔlākītcən ʔmʔkən bəjə.

Umə ʔmʔkən bəjə əməcən ʔʔəderildulə. ʔʔəderil gulla: „Əcəs-ʔu hamən birə, həyəncəkəl mənə“.—Həyəncə, əm-də ədənnən ajiwra—wəptinə əcin! ʔʔəderil həyəncəwkəllə, oronmo wākənimil. Hamənnitən ətərən həyəncədəmi, gūnən: „Halla! ajiwgaradəs“.

Hamənnitən təmiktədin hırullən. ʔʔədəwkil bürə ʔmʔkənmə oronmo, tətəyələn nuğandun. Hamənnitən, oronduji ʔyucadəna, istan ʔuləji, həkacillən ʔləkkinətpi iləlwə, hamən ɔna.

P. Putugir. Norboko

91. ʔmʔkən culluwki¹ mʔdʔrən

Jəyin haldatil bəcəl, mʔdʔrən bəcən. Culluwki ɔran jəyinmə bəril, jəyinmə lukil. Haldatilin əməre mʔdʔrəndulə. Gūnən mʔdʔrən: „Bərilbi, nī-wəl gəmmulākin, bʔməcəw ɔmaɔidu aruwil“. Haldatilin gūnə: „əda aja bər, lukil“. Mʔdʔrən gūnən: „Ərgəcən bər aja bʔnnərən, hu, gəmi, təlignə wəɔɔnəhun. Bi wəjəw bəriləji“. Mʔdʔrən nəcə jəyindu irəktəl məɔurwə, jopocə. Mʔdʔrən haldatilin gūnə: „Bərilə əməwkəl“. Mʔdʔrən bürən, gūnən: „icətkəllə“. Haldatilin icəcillə. Mʔdʔrən garparan irəktəwə dəyəcəndulə, lukil lupurən. Mʔdʔrən gūnən: „icətkəllə ʔlələɔim“, ʔlələɔ məɔurwə. Məɔun biksənmən bakaran. Haldatilin gūnə: „Əhilə aja-dal“.

ʔuləwər hırurə, ɔəwər ista. Cəɔurə, əhəlduwər gūnə, əjalwə bərilwə gədawər. Cəɔukənimil, hırurə, garpatnəhina. Həkilwə gəpəttə, gəpəttə, ʔlələ, ʔlələ, əcəl bakara. Gūnə: „Mʔdʔrən ʔjəkkiɔəkin, əkun ərgəcən; əlahə-wəl wəɔəɔəlti nuğənmən“.

Н. Каплин. Ербогочон

90. Как обманул один мужчина

Однажды один мужчина пришел к больным. Больные сказали: „Не шаман ли (ты), пошамань нам“.—„Пошаманил бы, да не поправлю—нет жертвы!“ Больные заставили шаманить, оленя заставили убить. Шаман кончил шаманить, сказал: „Через три дня поправитесь“.

Шаман на утро ушел. Больные дали ему одного оленя, одежду. Шаман, на олене ехавши, доехал до дома, хвастался, (что) обманул людей, ставши шаманом.

П. Путугир. Ербогочон

91. Один болтун хитрец

Было десять солдат (и) хитрец был (один). Якут (болтун) сделал девять луков, девять стрел. Солдаты пришли к хитрецу. Хитрец сказал: „Если кто-нибудь хочет взять луки, отдал бы за сотню рублей“. Солдаты сказали: „Разве хорошие лук, стрела?“—Хитрец сказал: „Такой лук хороший бывает, вы, купивши, сразу разбогатеете. Я разбогател от луков своих“. Хитрец положил в девять листовенниц деньги, закопал. Солдаты хитрецу сказали: „Дай луки“. Хитрец сказал: „Посмотрите“. Солдаты стали смотреть. Хитрец выстрелил около листовенницы, стрела взлетела. Хитрец сказал: „Посмотрите, стану копать“, выкопал деньги. Клад нашел. Солдаты сказали: „Теперь хорош!“

Домой ушли, дошли до дома. Пили чай, женам говорили, что взяли хорошие луки. Попивши чаю, ушли, пошли стрелять. Стреляли, стреляли в листовенницы, копали, копали, не нашли. Сказали: „Хитрец обманул, такой сякой! когда-нибудь встретим его“.

¹ Culluwki — прозвище, которое ербогоченские эвенки дают якутам.

92. Ətirkən, atırkən

umnəškən bəqəcətin ətirkən, atırkən. Nugartın bəqəcətin umukəndü qūdu. Nugartın əngkilin əja-dā öra.

umnəškən ətirkən günən atırkəntiki: „Si mindū tiləkal kumkələ dildulıw“. Atırkən günən: „Kəl tiləktə! Hukələskəl tirūduw“. Atırkən tiləllən, albaran əja-da bakamī, günən: „Sinqidu dildus kətaməwə naqna, upkatwa nālalıw naqnam. Si mindū tiləskəl!“ — „Kəl hukələskəl“. Ətirkən atırkəndü dildun tiləllən, bakaran qūrəwə kumkəl, günən: „Sindū bisi kumkəl“. Tar jəpillən, bakaran ilıwa, tar upkattuk həgdimər. Ətirkən günən: „Nuganmən ullaıwət; baldırakın, kəqəgəp wəmmən, təli miti siləwkə-cil ö, aqəp“. Atırkən günən: „ullaıwət, nuqandun öwət qūjan, tədu nuqanmən, ullaılnəp“.

Kərə nuqandun qūjan ömmen, ullaıllə, nuqan əngəttən. Təyəmī ətirkən icəcillən, nuqan baldicə həgdiməmə. Ətirkən tuwsasınan qūlawı, günəsinən atırkəntikiwı. „Mitki macələp baldıran, nuqanmən wəwət“, günən. Tuwsaran ətirkən, urisınan purtawı, kərən gıdaləmmən macələwə. Hiylə, hiyrə nuqanmən. Ətirkən gūllən atırkəntikiwı: „Kəl ullaıwə uwawəculkal qūlawər“. Uwawətə. Ətirkən günən: „Si iməlkəl qūwar“. Atırkən iməran qūwa ırkətəjwən, günən: „Bi-kə əsilə ili idəlim?“ — „Bi sintiki gūcəw idəs“. Atırkən ılıtsan, ılıtsan, kərən sururən birajawə solokı. Atırkən pənərən gorowo, icərən awsa cunqurkətcərən. Nuqan kərən tar awsawa şukətwi təktesinimmən, tədu qalum umar. Tarə gəran umarwa, kərən surummən qūlawı. Nuqan istan qūwi. Tuktirən, qū ojolon, icəcillən, ətirkənmi icərən. Nuqan macələwi qəwcə. Atırkən kərən bürimmən umanma. Ətirkən gəncəran, qəpsən, gūllən: „Həncəkı hata mindu bükəl!“ Atırkən hata bürirən. Ətirkən icəcillən əduk bürümdəran, tərən atırkənmi. Ətirkən günən: „Si mindu nikəl ırkəwə“. Atırkən niwrən ırkəwə. Tar billə, əsilə ətərə əniləməi, hawalilla ajat.

92. Старик, старуха

Однажды жили старик, старуха. Они жили в одной юрте. Они ничего не делали.

Однажды старик говорит старухе: „Ты поищи мне вшей в голове“. Старуха сказала: „Ну! поищу, ложись на подушку“. Старуха стала искать вшей, не могла
5 ничего найти, сказала: „В твоей голове много грязи, все руки замазала. Ты мне поищи!“ — „Ну! ложись“. Старик стал искать в голове старухи, нашел две вши, сказал: „У тебя есть вши“. Стал искать, нашел третью, эта больше всех. Старик сказал: „Покормим ее, когда вырастет, убьем, тогда мы со щербой (с супом) будем“. Старуха сказала: „Покормим, сделаем ей дом, там ее кор-
10 мить станем“.

Стали ей делать домик, стали кормить, она ночевала. Утром старик посмо-
трел, она выросла большая. Старик побежал домой, пошел сказать старухе. „Наша корова выросла, убьем ее“, сказал. Побежал старик, выдернул нож, заколол корову. Стали обдирать, ободрали ее. Старик сказал старухе: „Ну!
15 таскай скорее мясо домой“. Перетаскили. Старик сказал: „Ты зарой снегом юрту“. Старуха зарыла юрту (и) дверь, сказала: „Я-то теперь где войду?“ — „Я тебе говорил, чтобы вошла“. Старуха стояла, стояла, ушла вверх по реке. Старуха долго шла, увидела—горновик катится. Она начала рубить топором тот горно-
20 вик (берестяная коробка), там полно костного мозга. Взяла тот мозг, пошла домой. Она дошла до дому. Влезла на верх юрты, посмотрела, старика увидела. Он корову (уже) съел. Старуха уронила мозг. Старик быстро схватил, съел, ска-
зал: „Бог, дай мне еще!“ Старуха еще уронила. Старик посмотрел откуда падает, узнал старуху. Старик сказал: „Ты мне открой дверь. Старуха открыла дверь. Так стали жить, теперь перестали лениться, работать хорошо стали“.

А. Камбагир. Ыкэннэ

93. Baj

utšlě əmükən bajkākun ilə bicə, əmükən hawamn'n bicə. Tar ilə nəlkinidu tuktihicən urəldulə, tar hawamn'n, girkutcana, hoktolin gənəḡəwki. Baj hawamn'iwa əpki ulla, hawamn'iwi guniwiki: „ēdawı albaḡanni kaḡkit girkuḡami?“ Tar baj hawamn'iwi təktəwki. Hawamn'n hōmamət ḡalaḡəlcā, amākān buḡəḡə. Hōmamət tikułcā hawamn'i, dolbo ḡaldatcawki, tar bajḡi wādāwi. Hawamn'i umnə dolbo hūḡəwə ḡacā, dolborokin, təktəhicə dulin, hərəḡət hūrūknənin. Ahin ḡulakin tuksahicā tūliski, ədiwən wārakin. Hawamn'i tar ahin ahitəlcā.

А. Камбагир. Ыкэннэ

94. Ahātkān, amākā

utšlě əmükən ilə hunāḡinan urəldu girkuktəlcā, nūḡiktəmət orordī. Tar ahāt-kān amīn'n girkuktəlcā, hunāḡin guluwunduwi əmənmučə. Ahātkān amīn'mi alətcawki dolboniwa, amīn'n ācin. Dolboknonin alətcawki; dolbo, hoḡoḡono, təḡətcawki. Biḡəḡəkin, guluwun'n bargidādun amākā ilitcaran. Amākā aləmaḡawki, ɔn ɔriwən upkatpan aləmaḡawki. Ahātkān toḡowo ḡacā, amākāḡin tuḡi toḡowo ḡacā. Ahātkān toḡowo dilduwi lambaracā, amākā tuḡi ɔcā. Tar toḡo dildun badarəlcā; amākāḡin diḡniłəhikəcən, ɔrəḡana. Tūḡ-dš hūrūḡən. Ahātkān amīn'n əməḡən guluwundulāwi, nūḡan wācā ələ əmükən mōtiwa.

А. Камбагир. Ыкэннэ

95. On wəḡə amākāwa ɔłəkitcən

Ilə, girkuḡaḡa, icəḡən əmükən amākāwa amutkəndu girkuḡariwə. Tar ilə ḡur-mahicā tar amākāḡi. Tarḡi ḡurmana, pəktirəcə, tarḡi ḡəḡəwuniscə. Amākāḡin nūḡan-dulan diḡniłəcə. Tar ilə nawtaracā dunnelə. Amākāḡin tirəcə tar iləwə. Ilə həkū-

А. Камбагир. Нгоконно

93. Богач

Давно один богатый человек был, один работник его был. Тот человек весною пошел в горы, тот работник, едва идя, по дороге его шел. Богач не кормил работника, работнику говорил: „Почему не можешь итти скорее?“ Богач бил работника. Работник сильно похудел, скоро помрет.

Сильно рассердился работник, ночью придумал убить того богача. Работник однажды ночью топор взял, когда стемнело (наступила ночь), отрубил голову его, в сторону покати́лась. Жена его голая выскочила вон, когда мужа убил. Работник на той жене его женился.

А. Камбагир. Нгоконно

94. Девочка, медведь

Давно один человек с девочкою бродили в горной тайге, кочуя на оленях. Отец той девочки ушел, дочку у костра оставил. Девочка ждала отца ночь, отца нет. До ночи ждала; ночью, плача, сидела. Когда сидела, видит—за костром стоит медведь. Медведь передразнивал, как делала она, все передразнивал. Девочка огонь взяла, медведь тоже огонь взял. Девочка огонь к голове приложила, медведь то же сделал. Огонь голову его зажег; медведь убежал, крича. Так (и) ушел. Отец девочки пришел к костру. Он убил только одного лося.

А. Камбагир. Нгоконно

95. Как мужик медведя обманул

Человек, бродя, увидел одного медведя, по озерку шедшего. Тот человек подкрался к медведю. Подкравшись к тому, выстрелил, ранил того. Медведь на него побежал. Человек тот упал ничком на землю. Медведь придавил того человека.

lātcəwki əwki ərimətirə. Amākānūn icətcəwki ərihinəwən, ətəjtəwki tar iləwə dolso
niwa. Tirucəṣā, tar ilə həkūləḍəwki, ənə hupnahina. Amākā hupurən. Tar ilə ilcā
hupurṣṣ.

Aw. Putugir. Ɖəkənnə

96. On wəḷə amākānūn tųṣṣṣṣ

umukən wəḷə bolonidu ḍukcāḍukki girkuktallan. Girkuktaḍarakin, udullan,
palullan, ekun-da ətəren icəwḍəmi. Palikūkūn ōdan. Bəḷə, ḡənəḍəṇə, icəren awdumiwa.
Awdumidu ugduhincallan, palī iltəndəḷən. Pəktirəwūnmi urkəḍun lokoron mōdu,
mənin gorokokunmə hata ugduhincaran. Awdunduwi ekun-da əwki icəwrə. Ugdu-
hincəḍarākin, amākā ḷlən tar awdundulā. Bəḷə ḡṣlələn, ənə humnara hūkələḷhinən.
Amākā ḡəwḍiləren tar wəḷəwə, maluduwi nərən. Bəḷə hūkələḍəṇə, ḍaldācā: „Bī jūrə-
kiw, ərupcū ōdan, ajat əktə jūrə“.

Hūkələḍəṇə, tar wəḷə ḍəmmullən hōmamət, ḍaldācā: „ḍəda cīwḍawki hagḍikiwi,
hagḍikiwān bi-də cīwukta“. Amākā hagḍikiwān cīwran, cīwkājim itiki-wəl ajiwri-
gacın ōran. Amākā jūrən tuliskī, wəḷə ḡān tuliskī jūrən. Jūkəjim, icəttən—ḡəḡḡḡḡ
ṣcā. Hiləkəṣā ḍapkanḡaldu. Amākānūn hupurən ḍapkanḡali hiləkəḡḡḡḡ hupurən.
Bəḷə pəktirəwūnmi garan, hiləkəḡḡḡḡ hupurən. Ɖənəḍəṇə, kolōmkalwi, wərlwətin
təktəḍəṇə, hupurən „girkīw tayaḍan“ ḡūnə. Bəḷə ḡənəkittuləwi hupurən, ḍalīn ḡənə-
kittuwi biḍərə. Bəḷə ḍalwi bakaran, ḍilā ḷrən, ahīn əṣṣ tapmatira. Bəḷə mənin
ulḡṣṣṣṣlən ahītikiwi: „Bī amākānūn tųṣṣṣṣ“.

A. Kambagir. Ɖəkənnə

97. Uta

umukən ilə dulbun biṣən. umnə girkuktalcā. Girkuḍana, ḍūwi hokoron.
Upkat dolsoniwa girkunkātcā, kolowogkōrwi upkatpān manacā. Girkuḍana, jəkəlṣ.
Jəkərəkīn, urəlḍulə ultacā jəkənīn. Tartiki tuksahicā, tālā tuksacā, jəkəṣṣ ḡān, ultacā,
ḡān, amaskīwi tuksahicā. Tarā hata tuksaktaḍacā nadallawa, aran bakacā, ḍūwi.

Человек лежит, не дышит. Медведь смотрел дыхание его, караулил человека ночь.
Понажал, человек тот лежит, не шевелясь. Медведь ушел. Человек то встал, ушел.

Aw. Путугир. Нгоконно

96. Как мужик с медведем зимовал

Один мужик осенью пошел из дома. Пока ходил, ветер задул, слякоть
пошла, ничего не стало видно. Большая слякоть стала. Мужик, идя, увидел старую
берлогу. В берлогу влез, до того, как слякоть перейдет. Ружье повесил на
дерево у входа, сам еще долго лез. В берлоге ничего не видно. Когда влезал,
медведь вошел в ту берлогу. Мужик испугался, не двигаясь, лег. Медведь
обнюхал того мужика, на главное место положил. Мужик, лежа, думал: „Если
я выйду, худо будет, лучше не выйду“.

Лежа, тот мужик проголодался сильно, подумал: „Почему сосет лапу,
пососу-ка я пятаку его“. Медведя лапу пососал; пососавши, как будто сыт
стал. Медведь вышел вон, мужик тоже вышел вон. Выйдя, увидел — весна стала.
Проталинки образовались на берегах. Медведь пошел по берегу, по проталинке
пошел. Мужик ружье взял, по проталинке пошел. Идя, кулемки, самострелы
ломаю, ушел, „товарищ попадетсѧ“ (о медведе) говоря. Мужик пошел к месту, где
ходил, на этом месте сородичи живут. Мужик сородичей встретил, в дом вошел,
жена его не узнала. Мужик сам рассказал жене: „Я с медведем зимовал“.

A. Камбагир. Нгоконно

97. Эхо

Один человек глупый был. Однажды бродил. Бродя, потерял дом. Всю ночь
ходил, хлеб весь кончил. Ходя, крикнул. Когда крикнул, крик в горах раз-
дался. Туда побежал, туда прибежал, опять крикнул, раздалось опять, обратно
побежал. Таким образом бегал семь дней, едва нашел дом.

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ. ЗАГАДКИ

L. Kimā. Cīrēm vū

98. Cinəkā

„Cinəkā olboškōtnōgōt!“ — „Ėtēm əjəđəp!“ — „Oroktolduk đawađəp!“ — „Ųalaltı mılđəp!“ — „Kokold'odop!“ — „Kokold'oltı ulđapcūrə“. — „Olğıđəp“. — „Kētəđərə!“ — „Mağıđəp!“ — „təpurgəđərə“. — „İamət şağānađəp!“ — „İnmə mukurgəđən“. — „İrəgəc İrūđəp“. — „İrəgəjə jələpcən“. — „TəktəŲket təktəđəp!“ — „İr-kə təktəŲkə?“ — „İnməktu“. — „İr-kə İnmək?“ — „nəkuđu“ — „İr-kə nəku?“ — „Togo đəpcən“. — „İr-kə togo?“ — „udun şıcə“. — „İr-kə udun?“ — „Nəpkuptun nəpcycə“. — „İr-kə nəpkuptun?“ — „Tar-wa-wəl əwəđəkin hıjılađarən“.

N. Kaplin. Norbokō

99. Pereden

Pereden ilə hıruçən Ųkinəscənə. Ųkikəjim, Ųkiduwi təyətcəcən Pereden. UŲaŲan garparan Peredene, təyətcərəkin. Pereden Ųkiləwi bıruçə. UŲaŲan, tar wəkōjim, hıruçən. Tar ɳənəđənə, bakacā mōtiwa. „əja đəwıɳnənı?“ — „Həktakənə đəpıɳnəm“. UŲaŲan gıçə: „Baldıdukwı baldıđakal!“ UŲaŲan hıruçən, gələktənəhicə amākāl. Bakacā amākāwə „əja đəpıɳnənı, amākā?“ — „HıŲərəkəcərə đəpıɳnəm, mōtiwa đəpıɳnəm, İrİktə-kərə đəpıɳnəm“. UŲaŲan hıruçən, gələktənəhicə İrgicijə. Bakacā İrgiciwə: „əja đəpıɳnənı, İrgici?“ — „đəpıɳnəm orokōro, İləkərə, ɳınakıra“. — „Baldıdukwı baldıđakal“. UŲaŲan hıruçən, gələktənəhicə horokıwa. Bakacā horokıwa; „əja đəpıɳnənı?“ — „đİktəjə đəpıɳnəm“. — „Baldıdukwı baldıđakal!“ UŲaŲan hıruçə, hulakıwa gələktə-

Ш. Кима. Чиромбу

98. Чиного ¹

„Чиного, пойдем купаться!“ — „Нет, утонем!“ — „За траву захватимся!“ — „Руки порежем!“ — „Рукавицы наденем!“ — „Рукавицы промочим“. — „Высушим“. — „Засушим“. — „Разомнем“. — „Сломаются“. — „Иглой заштопаем!“ — „Игла тупая“. — „Напильником поточим“. — „Напильник затуплен“. — „Стамеской выдолбим“. — „Где стамеска?“ — „В торсуке“. — „Где торсук?“ — „На лабазе“. — „Где лабаз?“ — „Огонь съел“. — „Где огонь?“ — „Ветер затушил“. — „Где ветер?“ — „Водяной выпил“. — „Где водяной?“ — „Вон там едва виднеется“.

Н. Каплин. Ербогочен

99. Пэрэдэн

Эвенки Пэрэдэн ушел морду ставить. Морду сделавши, сидел у морды Пэрэдэн. Унянган выстрелил в Пэрэдэна, когда он сидел. Пэрэдэн упал в морду. Унянган, убивши его, ушел. Идя, встретил лося. „Что ешь?“ — „Талинки, ем“ Унянган сказал: „От рождения расти (расти большой)!“ Унянган ушел, пошел искать медведей. Встретил медведя. „Что ешь, медведь?“ — „Мышей ем, лосей ем, муравьев ем“. Унянган ушел, пошел искать волка. Встретил волка: „Что ешь, волк?“ — „Ем оленчиков, лодышек, собак“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать тетерева. Нашел тетерева. „Что ешь?“ — „Ягоды ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, лисицу пошел искать,

¹ Чиного — маленькая свистящая птичка похожая на кедровку. Здесь передан разговор двух птичек, живущих на главной шаманской реке, чиного и клейстика.

- ¹⁰ n̄hīcā, bakacā hulakīwa. „Hulakī, ēja d̄əpign̄nni?“ — „Munnukārē, hīgārēkārē d̄əpign̄m“. — „Baldidukwī baldidakal“, gūn̄ən Uṇagan, hūṛṛən. Ba karan hēlakicānm̄, „ēja d̄əpign̄nni?“ — „Hēktakārē, q̄iktākārē d̄əpign̄m“. — „Baldidukwī baldidakal“. Uṇagan hūṛṛcā, gēl̄əkt̄ən̄hīcā hīn̄ukicānm̄, bakacā hīn̄ukicānm̄, „ēja d̄əpign̄nni?“ — „Hēktakārē, hīmiktākārē, kugaktala d̄əpign̄m“. Uṇagan hūṛṛcā, gēl̄əkt̄ən̄hīcē
- ¹⁵ il̄əwē, „ēja d̄əpign̄nni?“ — „Kolosojo d̄əpign̄m“, — „Baldidukwī baldidakal“, gūlcē Uṇagan, hūṛṛcā, bakacā mur̄nm̄; „ēja d̄əpign̄nni?“ — „Cukaja d̄əpign̄m“. — „Baldidukwī baldidakal“. Uṇagan hūṛṛcā, gēl̄əkt̄ən̄hīcā macāl̄əjē. Bakacā macāl̄əwē, „ēja d̄əpign̄nni?“ — „Oroktojo d̄əpign̄m“. — „Baldidukwī baldidakal“, Uṇagan hūṛṛcā, bakacā oronm̄, „ēja d̄əpign̄nni?“ — „lawiktala, cukala d̄əpign̄m“. — „Baldidukwī baldidakal“, Uṇagan hūṛṛcā, gēl̄əkt̄ən̄hīcā ḡin̄akinm̄. Bakacā ḡin̄akinm̄, „ēja d̄əpign̄nni?“ — „Təgəksələ, kolobolo, ūll̄əjē d̄əpign̄m“. — „Baldidukwī baldidakal“, gūn̄ən, Uṇagan hūṛṛən, gēl̄əkt̄ən̄hīn̄ən hekalānm̄. Bakacā hekalānm̄, „ēja d̄əpign̄nni?“ — „Oroṛo d̄əpign̄m, hīn̄ə d̄əpign̄m“. Hekalān d̄əwṛən Uṇaganm̄.

H. Salatkina. Норвoko

100. Bəjətk̄ən

Bic̄ən wəjē, ilan asāl̄in. Biḡəc̄ōtin ajat. Bolo wəjē t̄ukt̄isin̄ən, ūl̄m̄əs̄in̄ən, wəj̄m̄əs̄in̄ən. S̄ur̄l̄d̄ər̄əkin, ūm̄uk̄ən as̄in gūn̄ən: „Bəjē, s̄i əm̄əd̄əl̄əs, bi ūll̄id̄əl̄im s̄yn̄əs“. Gē gūn̄ən: „Bi ūll̄id̄əḡəw untalas“. Ili gūn̄ən: „Bi h̄ut̄əḡḡəw omol̄ḡijas“.

Bəjē wəj̄usin̄ən. ūm̄uk̄ən s̄yn̄ən ūll̄ir̄ən, gē untala, ili h̄ut̄əḡill̄ən. ūm̄uk̄ən as̄i gūn̄ən: „As̄i əl̄ək̄əs h̄ut̄əḡil̄m̄i, əsal̄w̄i ūj̄iw̄ki“. Tar̄ə əsal̄w̄a ūj̄ir̄ən. H̄ut̄əḡn̄əkin, h̄ut̄əw̄ən n̄ōd̄an̄ārē bir̄al̄ā, kac̄ik̄ānm̄ əm̄əw̄rē h̄ut̄əj̄ən. Bəjē əm̄ər̄ən. D̄ūr as̄al̄ əm̄əw̄i ūll̄in̄əw̄ər, ūm̄uk̄ən əc̄ā əm̄ər̄ə. Bəjē w̄əw̄ ic̄əs̄in̄ən. Ic̄ər̄ən əc̄ā kup̄ak̄ān bir̄ə — kac̄ik̄ān biḡər̄ən. Bəjē tik̄ul̄ih̄sa, as̄i ūm̄uk̄ən̄m̄ən ḡāl̄əw̄ān kap̄uttan, kac̄ik̄ānm̄ w̄ār̄ən.

- ¹⁰ нашел лисицу. „Лисица, что ешь?“ — „Зайцев, мышей ем“. — „От рождения расти“ сказал Унянган, ушел. Встретил куропатку. „Что ешь?“ — „Талинки, ягоды ем“ — „От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать рябчика, нашел рябчика. „Что ешь?“ — „Талинки, бруснику, толокнянку ем“. Унянган ушел, пошел искать чело-
- ¹⁵ века. „Что ешь?“ — „Хлеб ем“. — „От рождения расти“, сказал Унянган, ушел, нашел дошадь. „Что ешь?“ — „Траву ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать корову. Нашел корову. „Что ешь?“ — „Траву ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, нашел оленя. „Что ешь?“ — „Мох, траву, грибы ем“. —
- ²⁰ „От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать собаку. Нашел собаку. „Что ешь?“ — „Кожу, хлеб, мясо ем“. — „От рождения расти“, Унянган ушел, пошел искать рысь. Нашел рысь. „Что ешь?“ — „Оленей ем, тебя ем“. Рысь съела Унянгана.

X. Салаткина. Ербогочен

100. Мальчик

Был мужик, три жены (у него). Жили хорошо. Осенью мужик лазил (ходил по горам), промышлял белку, зверя. Когда собирался уходить, одна жена сказала: „Мужик, до твоего прихода я сошью кафтан твой“. Вторая сказала: „Я сошью унты твои“. Третья сказала: „Я рожу сына твоего“.

Мужик отправился промышлять. Одна кафтан его сшила, другая унты, третья ребенка родила. Одна жена сказала: „Женщина, впервые рожая, глаза завязывает“. Та глаза завязала. Когда родила, ребенка ее пошли бросить в реку, щенка принесли за сына. Мужчина пришел. Две женщины принесли сшитое, одна не пришла. Мужчину, рассердившись, сломал одну руку жены, щенка убил.

Бэжэ дүрүн асэлнунмү нүлгисинэ, илүа асүа әмәндәнәл.

10 Tar asī birēn, nēgnādēlēn biḡcēn. Nēgnā bira arbarakīn, asī mūlādēnā, icārēn ēkun-mal nḡdakārīn. Ilā nḡdālīn. Nugan, ilawā ḡawadāwī, bira ḡapkadun bērwā tādūḡ cūcūnmā nārēn. Gūnēn: „Bəjətkēn bimī, bērwā ḡaḡapān, asātkān bimī, cūcūnmā“. Mānin sipkicillan. Kuḡākān mūdūḡ jūrēn, bērwā garan. Asī kuḡākānmā icākṣā, tuksaran, nūḡanmān ḡawammēn kārēn. Tādūḡ ḡulāwī tuksaḡasīnan. Bəjətkēn, cēḡḡā-
15 ḡēnā, wākēcillēn: „Mīnā sēḡan hakinḡīwī uliḡcēn“. Sēḡan mūdūḡ jūssārēn, nān mūtīkī hūrēn. Asī ḡulāwī bəjətkēnmā әmēwrēn, ulḡucēllēn, ōn nūḡanmān mūlā nōḡacātīn. Bəjətkēn hēḡdiməkēn ōhsa, bokoncusnan amīnmī. Amīnmī bokonon. ḡulān īrēn. Upkat nūḡanmān icēcillē. Ūi-mēt әcā sārē nūḡanmān, nūḡan bəjəḡi hūten.

Cajīḡra, nūḡanmān tēḡwēkēcillē, cajtildān. Nugan cajtīran. Amīnīn hanḡūktallan:
20 „īḡuk bisinnī?“ Nugan ulḡucēllēn upkatwān. Asāl mādēllē әcā ajat ulḡucēndērē, ḡülle: „āmā āskēl“. Bəjə gūnēn: „ulḡucēkēl, ulḡucēkēl“. Bəjətkēn ulḡucēnēn upkatwān aḡamamat, ōn әnīnīn hūḡēḡrēkin, nūḡanmān biralā nōḡacātīn, ōn әnīnīn nūḡanmān ḡawaran. Tēlī bəjə tīkullān, asālūwī nōḡārēn, ilitkī sūrūmān kārēn.

Nugan hūḡetēj әnīndulēn әmārē. Biḡḡilimmār kārē.

M. Mōldākitow. Kalar

101

umun — umukta
Dūr — ḡugukṡē
Ilan — ilaḡh
Digin — dīlkēcēn
Tunḡa — tuksakī

Nugun — nūḡiktē
Nadan — nanna
ḡapkun — ḡaw
Jəḡin — jālūwuka
ḡān — ḡantaktī

Мужчина с двумя женами откочевал, третью жену оставив.

10 Та женщина живет, до весны жила. Весною, когда река обмелела, женщина, идя за водою, увидела какой-то следок. Человека след. Она, чтобы человека поймать, на берегу реки лук, потом скребок положила. Сказала: „Мальчик если—лук возьмет, девочка если—скребок“. Сама стала следить. Ребенок из воды вышел, лук взял. Женщина, ребенка увидев, побежала, его
15 поймала. Потом домой убежала. Мальчик, ворча, закричал: „Меня налим печенью своею кормил“. Налим из воды выскочил, в воду опять нырнул. Женщина домой мальчика привела, рассказала, как его в воду бросили. Мальчик, большим ставши, отправился искать отца. Отца нашел. В юрту вошел. Все его смотреть стали. Никто его не знает, (что) он—мужика сын.

Сварили чай, его посадили чай пить. Он чаю попил. Отец его спросил:
20 „Откуда ты?“ Он рассказал все. Женщины почувствовали, (что) не хорошо рассказывает, сказали: „Сном спи!“ Мужик сказал: „Расскажи, расскажи!“ Мальчик рассказал все хорошенько, как мать его когда рожала, его в реку бросили, как мать его поймала. Тогда мужик рассердился, жен бросил, к третьей ушел.

Он с сыном к матери пришел. Стали жить.

М. Молдякитов. Калар

101. (Считалки)

Один — яйцо
Два — паут (овод)
Три — гусенок
Четыре — „плевок“ (муха)
Пять — заяц

Шесть — волос
Семь — шкура
Восемь — лодка
Девять — мох
Десять — росомаха

102. Əwədiñ tayıwkāl (nāḡāwkāl, tilkəl)

1. Dūr nəḡnān mēn mēnmər əhi icəldirə? əhal. (Af. Sah.).
2. Bağdarın vəjə iwəḡārān, uların vəjə kistəḡaran? iktəl, ingi. (Af. Sah.).
3. Dān vəjə, dān ḡuḡawə inaḡara? ḡālə, ohiktal. (Af. Sah.).
4. Hulakı hiḡiləḡaran, hulakı awdundukın? ilksa. (Uw. Nərv.).
5. Dūr-dār vəjəl nəḡnəhəl bicəl, digin awucıl? halgar, ḡāləl umuḡəcərtin. (Uw. Nərv.).
6. umuḡən vəjə hawaduk-ta hawa. ilə ḡalın.
7. Tawar əkun garparan? eḡa. (Bajakı. Cır.).
8. Tawar əkun hamald'an? (eḡa). (Bajakı Cır.).
9. Tar ekun əjilun? dəli. (Bajakı Cır.).
10. Tar ekur təkıl təwəḡḡərə? sər. (Bajakı Cır.).
11. Dūr mötił ogkoḡoro kaltırdı? sər. (Uw. Nərv.).
12. Bəjəl əmutkənma bargımnak ḡınnuḡəḡı iktumətcərə? sarımkıtal. (Uw. Nərv.).
13. Calbuḡtu mötił ḡıḡuḡaran? cəli. (Uw. Nərv.).
14. Tar ekun ası, hiłuktala həḡinḡərən? cəli. (Bajakı Cır.).
15. Tar ekur hiḡuḡəḡwə ḡələḡtəḡərə? osıktal. (Bajakı Cır.).
16. Tar ekun əmutkəkəḡadu hiḡuḡəḡ? iktəl. (Bajakı Cır.).
17. Tar ekun əmutkənma mürəli hiḡəḡəḡ? iktəl. (Bajakı Cır.).
18. Tar ekun vəjə şəvdənd'ə iniktəḡərən? ḡuriktə. (Bajakı Cır.).
19. umuḡ inak əjalıwı nōduḡārān? əriwun. (Af. Sah.).
20. Dūr vəjə məḡḡuscārā: vı sināwə vokonḡıḡāw, vı sināwə vokonḡıḡāw? kıḡḡal (Af. Sah.).
21. Nan vəjəl guḡcəḡara, ḡunḡənəl: vı huḡtıḡam, vı huḡtıḡam, nı-də əwki huḡtıwra? huḡsılla, howḡura. (Uw. Nərv.).

102. Эвенкийские загадки

а) Части тела

1. Два брата друг друга не видят? (Глаза).
2. Белый мужик пихает, красный рубит? (Зубы, язык).
3. Десять мужиков десять льдин несут? (Ногти).
4. Лисица выглядывает, лисица из норки? (Сопля).
5. Двадцать мужиков братья были с четырьмя шапками? (Пальцы рук и ног).
6. Один мужик из бойких бойкий? (Человеческий ум).
7. То что — выстрелило? (Глаз).
8. То что — стрельнуло? (Глаз).
9. То что — промышленник? (Ум).
10. То что — лоси пасутся? (Уши).
11. Два лося пасутся на косогоре? (Уши).
12. Мужики на двух берегах озера жердями бьются? (Ресницы).
13. В березняке лось ходит? (Язык).
14. То что (за) — женщина кишки топчет? (Язык).
15. То что — камни таскают? (Ногти).
16. То что — на озерке камни? (Зубы).
17. То что — вокруг озера камни? (Зубы).
18. То что — мужик соболя тащит? (Волосы).

б) Предметы домашнего обихода и орудия труда

19. Одна корова через лоб бросает? (Лопата).
20. Два мужика спорят: я тебя догоню, я тебя догоню? (Лыжи).
21. Три мужика бегут, говоря: я обгоню я обгоню; никто не обгоняет? (Лыжи и палка).

48. Tar ēkur ašāl təyətcārā, təkənma qalum təyətcārā? kəderə. (Bajakī Cir.).
49. Tar ēkun naqqaltakājadu təkəkən? hargan. (Bajakī Cir.).
50. umukən ətirəkən hütəwi anakəkuciwki tarjalā hətəkəkənən. homok nəkə.
51. umukən mōtī iltəaran, oldonin upkacın pəktirəwcə? cırbuqar. (Uw. Nərb.).
52. Tunja vəjəl umutəl dūcıl? kokollo. (Uw. Nərb.).
53. umukən atırkəcən halgarwı həmkəkənənən nənəwki? kəderə. (Uw. Nərb.).
54. umukən atırkəcən horolillakın, dunna upkacın horoliwki? məsləndər. (Uw. Nərb.).
55. Dənəmi, nənəmi udaja acın? qaw. (Zujew. Tut.).
56. Ayrıjakakındu kalan ujdārən? irinək dən. (Af. Sah.).
57. umun vəjə nənədanā mawutı yırıcā? hokto. (Uw. Nərb.).
58. Atırkakun ilcā, amikunma turgamı? saqqan. (Zujew Tut.).
59. Tar ēkun udagda? mō hoqon. (Bajakī Cir.).
60. Tar ēkur multakşa kujinə? ösiktal. (Bajakī Cir.).
61. Tar ēkun ətirəkən şaşuqıpcā? amun doqotokınınduk. (Bajakī Cir.).
62. umukən ətirəkəcən bağdama awucı? Mugdəkəcəndu hişilgən. (Uw. Nərb.).
63. Koqnomo macələ əmərəkin, vəjəl upkat yuqnəg; bağdama macələ əmərəkin, vəjəl upkat aruqnara? dolboni tırganı. (Uw. Nərb.).
64. Dən qakacı dāndürin atırkən bicā? kərəkə. (Af. Sah.).
65. Dür kəräl gukanma, gukanma, awgutın-məl əwki suptıra? tuhakı koqnolin sērdun. (Zujew Tut.).
66. Tar ēkun dēpnaldun? mund'ukən. (Bajakī Cir.).
67. Tar ēkun təkın hərgidun əyürəcə? ulukı uqan. (Bajakī Cir.).

48. То что — женщины сидят, полно на колоде сидят? (Мялка).
49. То что — на ясном небе облачко? (Береста на лыже).
50. Один мужичок толкает сына (так, что тот) отскакивает? (Замок и огниво)
51. Один лось сидит, бок весь прострелен? (Поленница).
52. У пяти мужиков по одной юрте? (Перчатка).
53. Одна старушка до мозолей на ногах ходит? (Кожемялка).
54. Одна старушка повернется когда, земля вся поворачивается? (Масло-бойка).
55. Еду, еду следа нет? (Вода, лодка).

в) Природа

56. В тайге котел кипит? (Муравейник).
57. Один человек, идя, аркан потерял? (Дорога).
58. Старушка встала, небо подпирая? (Дым).
59. То что — следистое? (Трещина в дереве).
60. То что — шкура (дикого оленя) продырявлена? (Звезды).
61. То что — старик, побелевший от мороза? (Замерзший кал).
62. Один старичок с белой шапкой? (Снег на пеньке).
63. Черная корова придет когда, люди умирают; белая корова придет когда, люди оживают? (Ночь(и) день).

г) Животные и растительность

64. Десятиценная, вниз опущенная старуха была? (Сарана).
65. Два ворона соревнуются, соревнуются, никто не опережает? (Черные пятна на ушах зайца).
66. То что — с приподнятым затылком? (Заяц).
67. То что — под колодой растоплено? (След белки).

ШАМАНСКИЕ ПЕСНОПЕНИЯ

I. Bajakī. Cigəmvə

103.

şırınçal! şırınçal! şırınçal! şırınçal!
ewal şırındakic togindulān!
omī ədāwi sēktakāra!
ənjəkār itiwul, əməl kagancald'ı!
nımjakājadu-wal ələdə itiwul
itiwul gajicāl itiwul
gelgaruṇnikuld'u, ənəl minikcara,
amjarişadanald'u cagıdālā!
omī ənəl qalaliwra
luṇurı dolbonı əjindulān.
omī! bi-wal cōligaḡam!
əwal ukşandakuc.

Ş. Kimā. Cigəmvə

104. Jand'apkā

ewalgild'a jand'adukic,
jand'apkāja ıld'ipkəşşan
ıld'ipkəş gırwıln
şomtogorköş ıltıgıdı
darıwlıgın tətəgān
lukigikəş dawugulan
jand'apkāja tətəṇıwēn.

ewalgild'a təntədəkic.
amıjayu Gurıwulja
Gurıwulja hırgagalduşıgıwar
ərəgilwa əligilbəl
əligikəblişəgəlwa
tikigin-məl biddəgətin
ərgəgəcır əligilbəl.

И. Баяки. Чиромбу

103. (Проводы души покойного в мир мертвых).

Покатились! покатились! покатились! покатились!
Какая покатость в нижний мир!
Пусть душа не пропадет!
Священные телята не пугайтесь!
В каком-то камлании только божьи олени,
Божьи олени обменялись, божьи олени!
Ловчее идите, не беспокоясь,
разговаривайте вдали!
(О) душе не говоря лишнего
вечер (и) ночь в чистом месте.
Душа я ли (тебе) языком говорю!
Как-нибудь дойдете.

Ш. Кима. Чиромбу

104. Камланье

Кто-нибудь сделает место, где кам-
лают,
камланья — песни границы
по кругу границы
выемкой впадинки (на ободу шаман-
ского бубна)
душа его (шамана) звучит (поет)
бугорок откликается (передает)
камланья — песни звучание.

Кто-нибудь сделает место, где подсчи-
тывают души.
Отец Гуривуль
Гуривуль первую веру в шаманский
дар (дал)
эту веру (эти молитвы),
теперь существующую веру (молитвы),
теперь чтобы были
такие же, как эти молитвы.

15 biḡəyluy ɯɯacincurkaw,
kunincurkaw
əɾəgilwə əligilsə?
əcəḡəw ɯacincugurə!
əcəḡəw kaɲalbəɾə!
20 Tʰuksinməwə kaɲaldʰən
amigidi ildugudi,
ildugulɟaɲəsiwi,
əɾəgiliwəl əligilbər,
ɲuɲɲugildəɲəsiwi,
25 ʃirugukəɲəsiwi,
tugigilgu ɲunigirkəʃ.
əɾəgilwə ɟalagaʃal:
ɯgaganuɟakʃugona,
ənəḡə talguranə,
30 hiɟigindʰi ɟəkʃəḡənə
dʰundʰəḡə talguranən.
lɟigicə ɟəkʃəḡənə
mökogoldʰəɾiduguwi
dʰundʰəḡəwi ɟirəḡəwən.
35 ʃignigik əcikagikun,
talɟuguraci biɟuran.
ʃiwuɟuʃin harpagalkan
dʰundʰəɲəʃu ʃurgildakan
irɟigidəʃukəḡənmət
40 kalɲugulɟəɲiɟagawar
aɲagaɟar ʃɯɲtagalnai

əḡigildəɲiɟəḡəwar.
Ami ɯə ɲuɲpildʰəkin
ilədə ətəm ɲuɲəluɲ.
45 Tʰuɟ-wəl biɟəḡudʰkpi
nikutənun nikuldʰəktin
nikuguldilikəḡətpi
həɾɟigic, ɯɟigic
təwurtənul təwuldinəl
50 əɲiɟidi dʰundʰəḡədi.
Dalsancadəɟal dancana
dolɲonɲuʃu ɯrkəliʃpən
ʃələḡəḡdəɟal, mərəḡəḡdəɟal
əcigir ʃəʃənaḡaldʰə
55 koleɲɲran nalsəḡanran.
Dalsəḡanca ɟəkʃəḡonal
dolɲonɲoʃo ʃəkarkiwən,
əɾəgilwə ɲəpəkəḡəktəl,
dʰundʰəɲəʃə ɟaliktalwən.
60 Akɟiɲəʃəɟagam
ɲurugəɟəkilduguktən
oldʰogonraʃmildigitin
ɟarḡəḡəḡantudugunu.
Nəɟigivɟəkildugukpi
65 ʃəwəḡəḡəwɟəḡilduguwi
wələɟəḡdul ʃələɟutin.
ʃugugusiw tələḡimnaw
amaga ɟoməuʃugukən

15 Я разве звал (кричал)
звал издалека (разве)
эти молитвы?
(нет) не звал!
(нет) не звонил боталом!
20 Облаками звонил
отец поучающий,
(во время) передачи
этих молитв
(во время) начала указания
25 своего быка-пороза (оленья)
так учил (говорил вероятно).
эти годы
отмахивая духов,
не затихая
30 ветришь (дуешь) беспрерывно
земли тишину.
Дошедший без остановок
до своего хорошего лесного места
до хребта земли.
35 Любимое место очень хорошее
с тишиною есть.
Вихрь верхней земли
землю пехорошую
где-нибудь обойдя
40 по краям хребтов
сироты оставшиеся

протиснуты.
Верхний отец когда (тогда) указывал
куда не стану говорить (куда бы ни го-
ворил).
45 Так от бытия своего,
подталкиванием (незаметно) пусть по-
могут
подталкиванием своим
снизу сверху
соединенные соединились
50 на матери-земле.
На границе жизни охраняют
ночную дверь (проход)
железные, деревянные (духи)
не поддающиеся болезни (смерти)
55 острый забор (образуют).
Границу жизни сторожат
пропасть ночи,
эти ручьи из слез (плач по покойнику)
осыпь земли.
60 Покойный мой дядя
из места падения (смерти)
боковыми стенками (гроба)
дразнит.
Из красивых мест
65 для радости (веселья)
смерти духам всесильным.
Ко всему привык
отец спокойный (успокоившийся)

70 hilkenāmil, digencūmil.
 Əngənəşə uwralāndum,
 ədǝǝwi nəkəǝldə
 dund'əǝjəl oldǝǝdadun.
 Amagajur mēligiǝal
 26 hangicanukuguld'ul!
 ilgəǝnu nənəǝkəl,
 əlagajal ərǝdigilə
 ədǝǝwi nəkəǝldə
 dund'əǝşə ləpəktudun.

Əni dund'a kawıraşın
 80 hərəǝwi kǝǝǝǝnnu.
 Əni dund'a tıǝǝkənən!
 Əni dund'a tənəkəwən!
 mōkogold'ərǝduguwar
 aǝǝǝǝ şıntaǝnal.
 85 Amagajə ərəǝǝkəl!
 Amaja ədu jəmbuşkəl!
 şarkaganu tanǝǝgukəl!
 ilgagancuşkərguguld'ə!

A. Камбагир. Цəкənnə

105

Timanī! gelkərkəllə, cǝləkəllu
 Təǝtəmilwən gēmunkəllu!
 dolboksodun gemunkəllu!
 Timanī hēkalandun hanǝukəllu.
 5 hǝtəǝrwi imnəǝwətin!
 Giralwatin ǝuǝkəki ǝugǝuǝkəllu!
 Hǝtəw ōmīwan tumnəǝkəllu!
 Hǝtəǝrwi dǝnnəwətin cǝksəwəllu;
 Baldinil calbakār cǝksəǝǝtin cǝksəwəllu!
 10 Cımkar, əki ǝintərdǝlin hōlinmunal,
 ǝalunmunal, gēmunkəllu!
 Nıkalwəw hǝtəǝrəwəw timanītki ǝlǝnəkəllu!

(немного) рассердившись (и) отстрани-
 вшись.

70 Ненужное задержу,
 чтобы не начинать
 обмана на земле.
 Отцы, дремлющие с открытыми глазами,
 начинайте выслеживать!
 75 Подсматривая иди,
 что-нибудь плохое
 чтобы не начать
 в трясине земли.

Мать-земля камнем
 80 дно свое охраняет.
 Мать центра земли!
 Мать безветренной земли!
 в хорошем месте
 сироты оставлены.
 85 Отец, подожди!
 Отец, здесь остановись!
 табакую покури,
 остановись ненадолго!

A. Камбагир. Нгокомо

105. (Проводы души)

Утро! (быстро) двигайтесь, (травы) растите
 Только что выросшие (родившиеся души) проводите!
 Ночью проводите!
 У рыси утра спросите!
 5 Детей души (по дороге, по которой ведут души мертвых в мир мертвых),
 шагами ровно шагайте (переносите)!
 Душу сына перенесите!
 Сыновей кровью землю окровавьте (помажьте)!
 Выросшие звезды кровью помажьте!
 10 По корням тетки жерди (через лазейку для души)
 потихоньку проводите!
 Маленьких детей к востоку (друг за друга) свяжите!

15 Hütəlwi gulinmunal, upkattuk ərukirdək kəjunmukəllul!
 Tımanı hərgə pıntəldūlin tarkākəndulı hırunkəllul!
 Amtıl muhur hütəkərwi əlwkəllu tımanı pəktardun!

A. Камбагир. Dəkənnə

106

Nonon kənən təmgdət!
 Əki cımkar niqtərgilin təminəl!
 Əni haran gəlkarğilin təminəl!
 5 Arakūkən himurməgdət təminəl!
 Amtııl, ıađul pəwımagdət,
 harağıl muhuraltın bıwginıqəđərə.
 Ərukırdı gəlucəmət,
 amtııl pənəksənmər tıduriwdətin.
 10 Hütəkəmi imnəjniwən erunkəllul!
 Tımanğın ımıwən erunkəllul!
 Dolsoksonmon ımıwən erunkəllul!
 Əni tıman garpaltandun tılı erunmat!
 Amtııkərrı hütəkərwəw
 14 tımanıtki dotungdun nılgıwkəllul!
 Ajamamat gulinmunəl hütəw ımıwən!
 Utələwtil amakaltın gıraltın
 qıgdıwkənəl gılgıwkəllul!
 Utələwtil amakəl qıgdısqıltın
 Ulgənkəllu hütəkərwər!

Сыновей оставляя на ночлег, от всего худого охраняйте!
 По корням утренней зари прямо ведите!
 15 Духи-водители сыновей уложите спать в утреннем мире мертвых!

A. Камбагир. Нгоконно

106. (Обращение к духам, чтобы перевезли душу умершего
 в верхний мир)

Вначале попробуем!
 Тетка-жердь корнями попробуй!
 Мать-место (для юрты) взглядом попробуй!
 5 Понемножку потихонько попробуй!
 Родители, родня покойников
 духи места (для юрты) урчат.
 Худым пугая,
 чтобы родители дороги уменьшили (сузили).
 На душу сына предков посмотрите!
 10 На душу утра посмотрите!
 На душу ночи посмотрите!
 В лучи матери-утра туда посмотрим!
 Родители детей моих
 в хорошее место верхнего мира перевозите!
 15 Хорошенько провожая душу сына!
 Прежних дедов шагами (по старым путям)
 заставляя ровнее шагать, провожайте
 Прежних дедов по следам
 перевозите сыновей!

А. Камбагир. Ыкәһһә

107.

Dolbonitki gulinmunel hargiwa,
Dolboniwiw nekarkidun tinucanal,
dolbonitki gulinmunel, dolboni nekarkidun,
hargiwa əḡdəkit gagikāndun mūmənānūkallu!
Əḡdəkit gagikāndun kahrıtpar dörpısallu!
Taduk caski dolboniw, hakanın hırwıdəḡən!
Ḥənəksənmen tıdurkallu!
Taduk caski dolboni gemakadın nulgikallu!
Mucānduwar ekurduwar lapkānmıdās!
Upkatpān hoktol binel mucandubar
Ḥūr nadar tərkelərđi upkatpa lipkidəwər!

Копнокө ир. Токма

108.

yəlamə! yəlamə! yəlamə!
əsilə-dā yəlamə! yəlamə!
əḡikānmi yəlamə! yəlamə!
əjwəranmakte yəlamə! yəlamə!
ajtəyta gəlam yəlamə! yəlamə!
ajaməgda kauḡə yəlamə! yəlamə!

əsiləj, əsiləj
tıwā gənim pāsəluj
aja mindā pāsəluj
10 barajaldu əsələj
asi-bələj əsələj
əḡaḡakār əsələj

А. Камбагир. Нгоконно

107. (Обращение к духам, чтобы перевезли душу умершего
в нижний мир)

В полночную сторону провожая, душу
Ночная птица на границе переноса,
в полночную сторону провожая в длинную ночь,
душу в самой середине (главной шаманской) реки во рту пронесите!
В волнах реки сбрасывайте рога, быки!
Потом дальше ночью пусть щука понесет!
Дорогу его сузьте!
Потом дальше через отверстие ночи кочуйте!
На обратном пути как-нибудь проголодаетесь!
Все дороги на обратном пути
10 Две семерки (четырнадцатью) крестами все закройте!

Конгнокоир. Токма

108.

Голамо, голамо, голамо (припев)
теперь (припев)
тетушка (припев)
попытаюсь-ка попросить (припев)
5 промысел прошу (припев)
хорошим покрытым! (припев)

теперь, теперь
так говорю (припев)
хорошо мне (припев)
10 на просторах теперь (припев)
женщина—дух! (припев)
сироты (припев)

15 amīnmatān ašālāj
dağdawəttā ašālāj
barajaldu ašālāj
garajaldu ašālāj
kacākānmā ašālāj
dolboşıdın ašālāj
ōnı dılğan ašālāj

20 ilgərədin ašālāj
ajtan əlā ašālāj
gələtəgnām ašālāj
gələl, gələl ašālāj
25 tuwā gənim ašālāj
aja mindā ašālāj

ПЕСНИ И ПРИПЕВЫ

P. Bajakı. Cırəmbu

109. Əpkəgəyil

Əpkəgəyil ginilkəşun!
İrəwəyil şirgilkəşun!
əgədənə, ədalənə:
dələŋ! dələŋ dələŋə-əjl } 2 razə
Calbukəyil əwilkəşun
taktıkəyil kogrilkoşun
əgədənə, ədalənə
dələŋ! dələŋ, dələŋə-əjl } 2 razə

P. Bajakı. Cırəmbu

110.

əfəjl! əfəjl! əfə-əjl! əfə-əjl!
ülkünkəfəm, üliləfəm
əfəjl! əfəjl! əfə-əjl! əfə-əjl!
kişirkəfəm üliləfəm
əfəjl! əfəjl! əfə-əjl! əfə-əjl!

15 отца их (припев)
унесли (на крыльях) (припев)
на просторы. (припев)
На ветках (припев)
щенок мой (припев)
ночной, (припев)
как голос его (припев)

20 раздается (припев)
добычи теперь (припев)
прошу (припев)
просьба, просьба (припев)
так говорю (припев)
25 хорошо мне. (припев)

П. Баяки. Чиромбу

109. Сушняки

Сухие деревья покачиваются (вы)!
лиственницы вверх подымаются (вершинами, как шильями!)
делая так, делая так: } припев
дѣленг! дѣленг! дѣленг!
Березы трепещете листьями!
кедры чернеетесь!
делая так, делая так: } припев
дѣленг! дѣленг! дѣленг!

110.

ѣдей! ѣдей! ѣдей! ѣдей!
нагрудник шью! бисером вышиваю!
ѣдей! ѣдей! ѣдей! ѣдей!
кафтан шью! бисером вышиваю!
ѣдей! ѣдей! ѣдей! ѣдей!

111. Припевы к импровизации

1. Šiwār, šiwār dakūga!
āqārtən, āqīrkəl dakūga!	6. ālātin! ālājə jəhərājə
Əjūkə! əjūkə!
2. nājəkāl nājəkāl nājəkajəl
jəkəjl jəkəjəl jəkəjəl!	7. Gajulāl gajulāl dəkuqə! dəkuqə!
3. ədā! ədājən! olokall
ədāl ədājes! šolokol!	8. jəno ənəkə ena ākə! ākə! əkarəla!
4. jəhār! jəhār-jəl jəhərāl
jəhə jogajl jogajl jogajl!	9. ikāla! ikulal ekala!
5. Ohjol ohjol əmukəj əmukəj!
Olələl lələl Olələl lələl!	10. jəl jəhāl jəjəl
	11. dāwījəl! dāwījəl! dāwījəl!
	12. kādānəjl! kādānəjl! kādānəjl! ikən ajama!
	13. jəhəgəl! jəhəgəl! jəgə əgəjl!

I. Momol. D. Kātəŋgā

112. Импровизация

Jəhār! jəhār! jəhār jəl!
Jəl jəhār! jəhār! jəhəhər! jəhār jəl!
Hinədəl! nōdām ədin! ədin!
Həduqəl! həduqəl! ədu! əduqəl!
Ələlə! ələlə! jəhārjəl! jəhərjəl!
Henalsulkəl! ənəkəl! šəl kəjəl! ənəkə sərjə:
Olkumkəl! kumkəl! kukəjəl! əliləl! əliləl!
Heki šəl! həki šəl! šəl! šiləl! šöləl! šöləl!
Hinədəl! nōdem! hədin! ədin!
E bi bajəl! bi šoronmudın bā! hədin! ədin!
Aqəqakānucəŋə biqəm bā!
Amikāma, noan! hədin! ədin bā!
Aşılāw alkarin hədin! ədin bā!
Əŋi əduqə əməşucəŋə hədin! ədin bā!
Dulin mōda muligacəwı hədin! ədin! bā!
Itukın ədin aqəqakānā hədin! ədin! bā!

111.

1—13—припевы к импровизациям; перевода не имеют.

И. Момоль. Подкам. Тунгуска

112.

Йохэр! йохэр! йохэр йо!	} вступление из припевов для мотива.
Йо! йохэр! йохэр! йохахэр! йохэр!	
О ветер! ветер! ветер!	
Ходюго! ходюго! ходю! ходюго!	
Олэло! олэло! йохэр-йо! йохэр-йо!	
Открой уши бабушка уши! бабушка уши!	
Послушай, слушай сказ теперь! теперь!	
Хоки шолэ! хоки шолэ! холи! шилэ! шолэ! шоло!	
О ветер! ветер! ветер!	
Эх я! я бедная я! ветер! ветер!	
Осиротевшая живу я!	
Отец-то мой он! ветер! ветер!	
К жене своей отправился ветер!	
Мать отсюда пошла (о) ветер! ветер!	
В середину дерева жить ветер! ветер! (умерла)	
Душа ветра сироту (охраня)! (о) ветер! ветер!	

Pətpələdəmili bəja əhirjə! jəhirjə!
 Əna poladəmı bəja əhirjə! jəhirjə!
 Əhəgəj jə! həgəj! ikən! ikən! ikən!
 Cəlugda jo həgəj! ikən! ikən! ikən!
 Kəkçagda ja həgəj! ikən! ikən! ikən!
 Hərə əmədəmjə həgəj! ikən! ikən! ikən!

НОВЫЕ ПЕСНИ

S. Gerasimow. Tupik

113. Urəl

urəl minjil, su ajakiker,
 bəjuna wəgnām cəpkoldus.
 Sinji traktəldus sigidu
 kətə bəjır dıkcawkil.
 Əgdildı bıraldu kəcöldutın
 kətə əwənkil ırıncawkil.

Tar goroptıldutın dıkcöldutın
 kətə əwənkil buçal biwkil.
 Ətkən sowetji wlast öcälän
 əwənkildı aja ödjaran.
 Əgdil bıraldu kəcöldutın
 bolmisal, skolal öwqara.

S. Gerasimow. Tupik

114. Asal

Nonoptıldı tar anğanıldı
 ekunat-kat əŋkiw sərə,
 dalawduwı, dılawduwı.
 Okın-kat əŋkiw ulgucāna,
 bəjəji (h)awawān awaldana

urgakura, urgakura.
 atkən sowetji wlast öcälän,
 ahıji turanın ultallan
 uraldıli, uraldıli.

Всевидающая луна йохирьо! йохирьо!
 Что видящая луна йохирьо! йохирьо!
 Эхэгой йо! хогай! икан! икан! икан! (припев)
 Чулугды йо! хогай! икан! икан! икан!
 Кокчагда я! хогай! икан! икан! икан!
 Вниз иду! хогай! икан! икан! икан!¹

Соч. С. Герасимова. Тулик

113. Горная тайга

Горы мои, вы красивы,
 зверя бью в лощинах твоих.
 В твоих лиственничниках, в чащах
 много зверя скрывается.
 На многих реках, на мысах
 много эвенков кочует.

На старых стойбищах
 много эвенков умерло.
 Теперь советская власть настала (когда),
 эвенкам хорошее делает.
 На многих реках, на мысах
 больницы, школы строятся.

Соч. С. Герасимова. Тулик

114. Женщины

В старые же годы
 ничего не знала,
 в уме своем, в уме своем.
 Никак не разговаривала,
 мужскую работу работая,

тяжелую, тяжелую.
 Теперь советская власть настала,
 женское слово раздалось
 по тайге, по тайге.

Сочинено группой студентов ИНС'а

115. Бу татил

On bu upkat əwənkił ɣənəɟərəw,
Munə upkat ɟalwun ɟdəkəlcəstin.
ɟənəsindəcəswun bu gorogiti,
Upkattukin Sibirni dunnəldukin:
5 Nıl marduk, nıl agılduk ɣənəcəstin.
Tar gorogit Sahalin dunnəndukin.
Leningrattulə əməcəswun,
Ənəl ɟələllə, ajatku tatcarəwun.

Holoktodu indy munə tirəŋkitin,
10 Tıkin bu ɟəraraw ɟmaktaja inə.
Nonon munə tapıŋkitin bəjurɟı
Bajasal munduk kətəjə ɟəŋkitin.
Tıkin sowetı wlast ɟəalān, wlast təɟəlɟi
Mundu niwrən ɟərije hoktojo, ɟərije inə.
15 Saŋnan ɟıdu ɟəjəɟəɟin əri ikən!
Upkat dawlaɟaktin ər ɟikənəl

A. Salatkin. Nəpa

116. Nəŋnəni

Nəŋnəni, alat ɟɟəana, əmərəkin
ɟukəl, ɟulkənəɟənəl, əjəscəŋətin,
ıdu-də ajat namallakin,
cipical, ulgukil, təpurəkər uruɟəŋətin.
5 Ajat namallakin;
taduk tuɟi-də əwənki jıɟəŋən.
Upkacin mırəli cularɟallakin,
ajatkuja ikənə ikəlɟəŋən.
Dılaca ajat näləkin,
10 kuŋəkəcər tulili tuksaktalɟəŋətin.

Namı nəŋnə hıtəŋrəkin,
ɟuɟəjuja səŋŋəcənə alətcəɟəŋətin.
Dəɟil, nuŋnakil umulɟəŋətin,
hıtələwər umudəwər.
15 Bəjətkəcər tawulɟəŋətin,
nuŋarwatın ɟəwdəwər.
Ələkəs kuktikən kuktıɟəŋən
ɟınnusaldı dɟəɟəna
upkatwa unə səriwɟıɟəŋən
20 ələkəndıwı wəkətcənə.

Сочинено группой студентов ИНС'а

115. Мы студенты

Как мы все эвенки уходили,
Нас вся родня провожала.
Шли мы издалека,
Изо всего сибирского края:
5 Кто из тундры, кто из тайги шли.
Те с далекой Сахалинской земли.
В Ленинград приехали,
Не боясь хорошо учимся.
В старой жизни нас притесняли,
10 Теперь мы строим новую жизнь.

Раньше нас считали зверьми,
Кулаки от нас много брали.
Теперь советская власть настала, власть
народная
Нам открыла светлую дорогу, светлую
жизнь.
16 (Пусть) раздастся эта песня в дым-
ной юрте!
Все запойте эту песню!

A. Салаткин. Непа

116. Весна

Весна, вкусно пахня, придет когда,
льдины, шумя, поплывут.
Всюду хорошо пригревать станет
когда,
пташки, бурундуки, мыши обра-
дуются.
5 Хорошо пригревать начнет
когда,
потом также эвенки выйдет.
Все когда кругом зацветет,
хорошую песню запоет.
Солнце хорошо лучи свои бросать
начнет когда,
10 ребятишки по улице забегают.

Важенка весною отелится когда,
красивого теленка начнут ждать.
Птицы, гуси яйца начнут класть
когда,
детей высиживать чтобы.
15 Ребятишки начнут собирать,
их есть чтобы.
Впервые кукушка запоет,
на вершинках сидя,
всех рано начнет будить,
20 полным голосом крича.

P. Məldəkətaw. Tokko

117. Kalār-əni sığajaldun

Kalar-əni sığajaldun,
tuksakımawan, bultələtcəm,
ajağkarəi vəjənkərbəi
anğanidu bakaldımı --
hakın — nevan səvəriwki...
Kalar-əni kapcajaldun,
Cacarinti oqalıksak,
kampamıdu kajıpcatcam
həmukərbəi vəjənkərbəi
hələndəwi daldalıḡnam...
Kalar-əni kadasalın
horolmojō inəḡiwə
hoqandıwi kajdallakin

əjətilbəm girkijəbəm
15 əcən-i-də ıcapkəna...
Bilırgıdu bılasjadu,
nonoptıdu bıdəjədu
ənin, amin bəḡin bınmı
ḡələpkətnəl bınəlitin;
20 bıdəjəwi daldalıḡnam.
Cuturıma dıḡanıḡım,
cutumama əməcələn,
cılələmə səksəjətpı
dākāndukkı suptıdḡnam
25 girkıdukkı ılıwəqdəḡəm

M. Pawlow-İjanagır. Kalār

118. Bıragacın

Bıragacın kugunənəl,
əjəḡəcın, jayınənəl,
aylan, kadar dıpkadukın
andagiltı kətəlilə.
agdıgacın migdikənəl,
ədingəcın cuwkənəl,

sigi, wəna dıjaldukın
girkijəltı əməllə.
Lenin ḡunnən tırəjəlwən,
10 ılıldıwər namarəḡənəl,
dıləwsajal kuḡajəkar
dıləndıwər ılılla.

П. Мольдякитов. Токко

117. Калара-матери в чаще

(Песня девушки)

Калара-матери в чаще
зайцу подобно прыгаю,
любимых подружек
в году встречаю (когда)
печень-сердце бьется.
Калара-матери в горах
трехлетней важенкой (подобно)
став,
окруженная худым пребываю
(с) любимыми подружками,
чтобы жить (вместе) обдумываю.
Калара-матери в скалах
круглое солнце (самое жаркое)
тенью своею покроет когда,

желаемых подружек моих
15 не показали даже (не дали встре-
тить).
При прежней власти,
при прежней жизни
отец, мать, хозяином будучи,
запугивали до замужества;
20 чтобы умереть обдумываю (о
смерти заставляли думать).
Зеленое лето,
зеленое после того, как придет,
всей своей кровью
из дома стремлюсь убежать
25 от товарищей уберу.

М. Павлов-Иганагир. Калар

118. Как река

Как река шумя,
как струя перекатываясь,
равнины, скалы от краев
товарищи умножаются (собираются).
10 Как гром гремя,
как ветер воя,

чаши, града (гольцов) из середины
товарищи сходятся,
Ленина заветов слова
10 в тела свои нагружая,
веселые ребята
в звено начинают вставать.

119. Kuḡākār biḡəsiwər

Kuḡākār kuḡākār biḡəsiwər əbiwūrə əbiḡəkər!
 ɢalaw, aja biḡəsiwər tırətcənəl dawlaḡakār!
 Döncaḡanal, soḡoktoḡorıt ətən aja birə.
 əwiḡənəl, dawlaḡanal taɢarıt aja birə
 Koḡnomol, koḡnomol nırıktəlti əḡəlitin bağdargara,
 muḡuməjəl iktəlti əḡəlitin səmkərə.
 Kuḡakərtilti tırərti əḡəlitin sagdana,
 gırkilnınnmər əwiḡəkər, dawlaḡakār!

120. Gırkijəl, aknıjəl.

Gırkijəl, aknıjəl! }	припев	Umıñdı dılḡanđı
Gırkijəl, əknıjəl! }		səwḡərcut ikəḡət!
Umıñdı gıraktat		припев
tulḡunəl ḡənəḡət!		Umıñdı ɢalıtwər
припев		biñiwər oḡayāt!
Cəskəki həlḡayāt		припев
əḡuduk bododuk		¹⁰ Biñilə hawālā
		ɢuləski sıḡınnmāt!
		припев

ḡıḡnəwə ɢıḡıwə
 ɢuləski uḡayāt!
 припев

119. Ребята при жизни своей

(Пока живете в детстве)

Ребята, ребята, в жизни своей игры играйте!
 В молодую, хорошую жизнь разговаривая пойте!
 Помня, что плачущим не хорошо быть,
 играя, поя, учащимся хорошо быть.
 Черные, черные волосы пока не побелеют,
 твердые зубы пока не сломаются.
 Детские слова пока не состарятся,
 с товарищами играйте, пойте!

120. Товарищи, братья ¹

Товарищи братья! (старшие) }	припев	Одним голосом
товарищи сестры! (старшие) }		весело запоем!
		припев
Одним шагом,		Одним умом
сцепившись, пойдем!		¹⁰ жизнь (свою) построим!
припев		припев
Вперед продвинемся		К жизни, к работе
от худой жизни!		вперед протянемся!
припев		припев

По прямой линии (направлению)
 вперед последуем!
 припев

¹ Эта песня сочинена учениками Ербогоченской школы и вывезена в 1934 г. Н. Садаткиным.

СКАЗКИ ЭВЕНКОВ ПРИАНГАРЬЯ¹

ВВЕДЕНИЕ

Во время командировки от Комитета Севера ВЦИК к эвенкам, кончующим по рр. Кому (левого притока Подкаменная Тунгуски) и Каменке (правого притока Ангары) б. Канского округа Сибирского края, летом 1927 года, я записала несколько эвенкийских сказок. Так как специальной моей задачей было собирание экономических сведений, то уделить большое внимание записям текстов я не могла.

Известные среди эвенков хорошие рассказчики мне в том районе не встретились, и пришлось записывать со слов лиц, которые на мою просьбу рассказать что-либо выражали согласие. Чаще это были сравнительно молодые эвенки, не шаманы, и, возможно, этим объясняется упрощенный, лаконический стиль рассказанных мне сказок, из которых некоторые здесь приводятся.

Из опубликованных до настоящего времени сказок и рассказов сибирских эвенков мне известно лишь небольшое количество².

Сказки мною записывались на эвенкийском языке. На месте работы делались некоторые заметки относительно отдельных слов и форм. Окончательно же сказки были переведены на русский язык уже по приезду в Ленинград. В затруднительных случаях я обращалась к студентам б. Северного факультета Ленинградского Восточного института (теперь Института народов Севера ЦИИ СССР) А. Чернышину и Н. Салаткину.

Всего здесь я привожу одиннадцать сказок.

Первой помещается сказка о Kāḡāndəs и Uḡaḡi, записанная от Андриана Николаевича Черноусова (кочует по р. Каменке) 8 сентября 1927 года. Перевести точно имена героев сказки (Kāḡāndəs, Uḡaḡi), выявить их смысловое значение довольно затруднительно, да и сами рассказчики не смогли это сделать. Имя Kāḡāndəs можно производить от слова k a ḡ ā, что означает у эвенков «ворон»; это название ворона чаще употребляется в сказках, обычае же его название — ō'ī. Подтверждением правильности такого происхождения имени Kāḡāndəs является и то, что, по объяснению рассказчиков, именно в ворона обратился в конце концов Kāḡāndəs, когда, после долгих усилий, выбрался из моря. Сказка эта среди эвенков имеет большее распространение. Песню Uḡaḡi, которую он поет, когда вызывает Kāḡāndəs'a помериться силами, на-

¹ Тексты, представленные Т. И. Петровой, уточнены в переводе и переписаны принятой в настоящее время транскрипцией. Ред.

² В. Васильев, «Тунгусские предания», «Живая старина», 1900 г., в III, и 1909 г., в I. Его же, «Образы тунгусской народной литературы», сборник в честь 70-летия Гр. Н. Потанина, Записки РГО по этн. отд. 1909, в. 34. Н. Н. Попов, «Материалы для исследования тунгусского языка», Л. 1927 г. Небольшие отрывки и фразы из сказок и песен имеются в статье Н. Н. Попова «Die tungsische Volksliteratur und ihre ethnologische Ausbeute», Известия Академии Наук, том XV, 1901. В. Васильевым приводятся эвенкийские сказки и рассказы на русском языке в переводе с якутского. У Н. Н. Попова они даны на эвенкийском языке с русским переводом; кроме того, в начале предпосланы грамматические замечания, а в конце помещен словарь, составленный на основании тех же рассказов. У Н. Н. Попова приведены упомянутые отрывки на эвенкийском языке с переводом на немецкий язык. Разбираются они автором с точки зрения стилистических форм (стихосложение).

певают даже женщины во время работы. По словам эвенков, в память о добром Урап, отомстившем за убийство эвенков Kārāndēs'u, шаманы имеют на своем костюме железные крылья.

Вторая же и третья сказки про Акагāтэ записаны 9/10 сентября 1927 года от А. Н. Черноусова (кочует по р. Каменке). Из разговоров, во время рассказывания этих сказок, можно было вынести впечатление, что Акагāтэ—это какой-то родоначальник эвенков, которому покровительствует земля и небо, будучи его женами. Прямо об этом в сказке не говорится, и лишь некоторым намеком служит эпизод с лягушкой, когда две жены Акагāтэ на обращение последнего к богу отвечали, одна с дерева (сверху), а другая из земли (снизу). Четвертая сказка о Mūgāwū'e записана со слов П. Е. Киринова (кочует по р. Каменке) 3 сентября 1927 года. Nuth, приводящий отрывок из сказки о Mūgāwū'e, записанной им приблизительно в тех же местах, где работала после него и я, находит, что рассказы о герое с таким именем встречаются у тунгусо-манчжурских народностей различных районов. По его мнению, сказка, записанная Протодяконовым у уссурийских нанай (гольд)¹, с героем, носящим имя Нэннэ Моракху, по имени и характерным чертам героя напоминает записанную им сказку о Mūgāwū'e. Nuth и значение этого имени ищет в нанайском (гольдском) слове „кричать“ (тога—основа глагола кричать). Имя Mūgāwū, по толкованию Nuth'a—„громко кричащий“, вполне соответствует содержанию сказки, записанной им, и с большой натяжкой упомянутой сказке Протодяконова.

Пятая сказка о Mūjijā записана со слов Н. П. Оллода (кочует по р. Комо) 12 августа 1927 года. Содержит рассказ о кровной мести. Следует обратить внимание на то место, где огонь своим „чиканьем“ дает знать Mūjijā о приходе Huladigir'ov. Примета основана на распространенном у эвенков поверье, что огонь всегда предупреждает о какой-либо опасности. Во время моей поездки бывали такие случаи: соберемся уже совсем в дорогу, как огонь „чикнет“, и эвенки отказываются выезжать из дома, уверяя, что в дороге ждет несчастье, „огонь не велит ехать“.

Шестая и седьмая сказки об Iwū'e записаны со слов Максима Филатовича Берегова (кочует по р. Онок) 23/25 августа 1927 года. Интересны как пример юмористических рассказов у эвенков. Комический элемент в данных сказках заключается в неправильном понимании Iwū'em обращенной к нему речи и особенно в тех случаях, когда одними и теми же словами обозначаются разные понятия. Например: pīnti означает пятаку человека и pīnti—тонкие кедровые корни, которые идут на сшивание бересты; әrtilā—ребро у человека и әrtilā—шпангоут у берестянки (лодка); pipakig—собака и pipakig—деревянные зажимы, которые поддерживают бересту при обшивке берестянки. Я слушала сказку об Iwū'e от одного эвенка на русском языке два вечера, и она все-таки не была окончена. Приключения Iwū'a крайне многочисленны и нелепы. К сожалению, передать мне содержание сказки по-эвенкийски у рассказчика не хватило терпения, и я принуждена была ограничиться только несколькими отрывками. Среди эвенков рассказ об Iwū'e очень распространен.

Одиннадцатая сказка о Намонные и шамане записана со слов А. Н. Черноусова (кочует по р. Каменке) 16 сентября 1927 года. Nāmēnpāja представляет собою один из видов тех мифических существ-полулюдей, которые, по представлению эвенков, населяли или еще населяют землю. Они рисуются людьми медведеобразными, огромного роста и покрытыми шерстью.

Восьмая и девятая сказки записаны со слов Андриана Николаевича Черноусова (кочует по р. Каменке) 2 сентября 1927 года. Лисица, по мнению эвенков, является очень хитрым и озорным зверем. Содержание этих сказок не ново: они являются вариантом некоторых эпизодов сказки, приведенной В. Васильевым на русском языке под названием Хулян и Кувшичан.

Десятая сказка—о мужике и огне. Мораль ее заключается в том, что к огню надо относиться почтительно, иначе разгневанный дух огня наказывает виновного.

¹ „Песни, былины и сказки уссурийских гольдов“. Записки Общества изучения Амурского края, 1896 г.

1. Kārāndəs, Uqanı

Bicātin qūyıl kətəkəkün. ımıqən bicən atırkən. Kārāndəs əmərən. Upkatwa əwənkilwə manaran. Atırkən kalanqıwı mənmi kupuran. Atırkənma əşin bakara. Kārāndəs dəyillən. Atırkən, Kārāndəs dəyilləkin, kalandukkı ilan. Sırurən, cruktallan əwənkilwə. İcəttən ekun-da acın. Atırkən sırurən biralə, uqılı sırurən. Tələ ilbərən numnakilwa. Numnakil amusina. Amunmatin gadan, sırurən qulawı. Əmərən əmkəjən oran, əmucillən — kuqākənmə ırəsnən. Nən əmucillən — soqollon kuqākən. Nənə əmucillən — girkullan. İrgicillən. Tırganıdu baldıllan. Qır-qardı tırganıl bəjə ödan. Hanmuktallan tərə bəjə atırkənmə: „ekun amtlıwaw wacən?“ Atırkən günən: „Ətənnə sakara wəqıpkıwa, nuqan uqılı suruçən“. Tərə hırkəkən günən: „İrilə suruçən? Silbakal mintikı“. Atırkən silbaran. Hırkəkən öllən hurakılawı. Atırkən kalanmən kupucawunmən oran hurakılawı dəwəcillən. Dəyillən. Purasınan Kārāndəsqa. Tələ bakaran Kārāndəs dəcakıtpın, doran tadı. Albəran dəgdəqəmı nuqanmən, kapur-garan, nənə dəyillən. Tələ bakaran qıwən. Nurmərən. İcorən Kārāndəs hurakılın bıqərə tıllılə. Nuqan qoromorən hurakılwən irəğöllən. Kārāndəs döldıran, günən: „ekun paskanqaran?“ Asın günən: „Badaraqaran“. Hırkəkən irəğərən. Nənə əmərən, bıqəktutın nərən, sırurən, ırillən. „Kārāndəs əməkəl, ləmə uqırəkəndün dəgdümə-kətcılləp“. Kārāndəs döldıran, ırıqallan. Günən: „Əkəl-kənə alakıwı tətissəqəm“. — „Kārāndəs, Kārāndəs, əməkəl, əməkəl, uqırəkəndün dəgdüməkətcılləp“. — „Əkəl-kənə əkəl-kən, sıraqəmılwı tətissədəm“. — „Kārāndəs Kārāndəs, egdəkəndəwı tətissəlinnə, əməkəl, əməkəl“. Kārāndəs dəyillən, ıqıtəllən ləmulə. Ərgəməcillə Uqanı ıqırəjə ödan. Kārāndəs hōlosməjdan əlwajədan. Uqanı hata ıqırədan, gorokökunma ıqırərə. Umnət Uqanı ıqıjıt ıktərən. Kārāndəs hurakılwən əwrən. Kārāndəs bırtırən ləmə, uqırəkəkəndün. Dəpkunlawı jüsməjārən, cımdalawı aran jürən.

A. Черноусов. Каменка

1. Карэндос, Уняны

Было юрт много. Одна была старушка. Карэндо пришел. Всех эвенков кончил (съел). Старуха котлом себя покрыла. Старуху не нашел. Карэндо улетел. Старуха, когда Карэндо улетел, из-под котла встала. Ушла, стала смотреть эвенков. Увидала—никого нет. Старуха пошла к реке. По берегу пошла. Там испугала гусей. Гуси обделались. Помет их взяла, ушла домой. Пришла, люльку сделала, стала качать—на ребенка похож стал. Опять покачала—заплакал ребенок. Опять покачала—стал ходить. Стала воспитывать. Днями рос. В двадцать дней мужиком стал. Стал спрашивать тот мужик старуху: „Кто родителей моих убил?“ Старуха сказала: „Не найдешь убийцу, он вверх ушел“. Тот мальчик сказал: „Куда ушел? сообщи мне“. Старуха сообщила. Мальчик стал делать крылья. Старухиногo котла из покрышки сделал крылья, стал летать (пробовать). Полетел. По следу Карэндо отправился. Там нашел Карэндо место посадки, сел там. Не могло удержать его, сломалось (место посадки), улетел. Там нашел дом его. Подкрался, увидел Карэндо—крылья лежат снаружи. Он украл, крылья подпил. Карэндос услышал, сказал: „Что потрескивает?“ Жена сказала: „Горит“. Парень подпил. Опять пришел на место положил, ушел, стал кричать. „Карэндо, приходи над морем серединой померяемся летанием“. Карэндо услышал, стал собираться, сказал: „Подожди, обутики надену“. — „Карэндос, Карэндос, выходи над серединой (моря), померяемся (летанием)“. — „Подожди, подожди, маховые крылья надену“. — „Карэндос, Карэндос, чего ты долго одеваешься, иди, иди“. Карэндос полетел к морю. Спланировали. Уняны выше стал. Карэндо внизу, не может. Уняны еще поднялся, далеко поднялся. Вдруг Уняны сверху ударил, Карэндоса крыло сломал. Карэндос упал моря на середину. Восемь дней вылезал, (до того что) уменьшился.

A. Cernousow. Kamenka

2. Akarāmē

Akarāmē pənəḏācən hoktoli. Tālā bakaran əwənkil ɖəkālwatin. ɖəkāldu buniwatin bakaran. Asiwa gadan uwasinan hoktoli. Tālā bakaran nuḡarwatin, buniw; bakanaw; əmənən. Mənəkən qūlatin əmərən. Hanmūktalla: „ili əməmūs Akarāmē?“ Nuḡan gūnān: „Hoktoli. sun əmēm“. — „Sī-kə əmūkin əmənā?“ — „Əciw, minḡi tālā asiw biḏərən“ — „eda əcis əməwrə“. — „Nuḡan bəlin, pəlātəw əməpkitwi nuḡan bəlikəkun“. — „icənəktiəwun nuḡanmān, əlā əməḏən“. — „Ca! əkəllu, bəlilḏəlqən, mənmi ɖəliḡə, ān“ — „icənəktiəwun“. — „Ca, əkəllu bəlin, mənmi wāḏən“.

Nuḡartin hatadiki gənnəsinā nuḡanmān, əmərə. Nuḡan mənmi ɖəliḡərə purlat. Nuḡan, Akarāmē bikəjim, mənəkən purlawa ɖəliḡərən əwtəlin. Taril icinərə, icərə—
 10 mənmi wācā. Mucusina Akarāməla, gūnā. „Aşis mənmi ɖəliḡərə“. Akarāmē soḡolkō-kuttin. „Şənə gūcəw, əkəllə icinəḡarā, ɖəliw bəlin biḏən“. Taril gūllə, gūnə: „Əkəl soḡodoro, Akarāmē, aşijas bū būḡārəw“. Nuḡan hata soḡojoḏon. Nənā gūllə: „Ətəkəl soḡoḏomī, qūrə aşāl būḡərəw“. Akarāmē ajakəkun odan. ɖūrwə aşāl gadan.

A. Cernousow. Kamenka

3. Nimḡakān

Əmūkən bəjā sūrurān, ororw; onosinan. Tala arcaran ərəkiwə tasaḡariwa ororw;.
 Gūnān: „Minḡil ororw“. Gē gūnān: „Minḡil“. Muşşəmācilla, ɖəculla. Əhsəriwə ərillə, Ərəki ərillən — ekun-dā acin. Bəjā ərillən. Bəjānil qūr asālin: gē mōwa tuktirān. gē dūnnā dūnnamācā. Bəjə əhsəriwə ərillən. Mōdu bisin aşin ɖawurillan: „Bəjānil ororw“. Ərəki nənə gēwullan ərillən dūnnəwə, nənā ekun-dā acin. Bəjā dūnnəwə ərillən. Nənā dūnnəḡu bisin ɖawurillan. „Kəl irā sinḡil ərinəllā. Minḡilwā dōldicinnā ɖawuridiwə“. Ororwon tirān, tasisinan qūlawi. Tikin-məl oror biḏətin.

A. Черноусов. Каменка

2. Акарамо

Акарамо шел по дороге. Там встретил эвенков юртовища. В старой юрте покойнику нашел. Женщину взял, потащил по дороге. Там нашел их, найденную покойнику оставил. Сам до юрт их дошел. Спросили: „Откуда пришел, Акарамо?“ Он сказал: „По вашей дороге пришел“. — „Ты-то один пришел?“ — „Нет,
 5 моя там жена осталась“. — „Почему не привел?“ — „Она—мэнеричка, боялся привести, она сильно „кружает“. — „Пойдем-ка посмотрим, сюда придет“. — „Нет, не ходите, кружает, сам посмотрю“. — „Пойдем посмотрим“. — „Нет, не ходите, мэнеричка себя убьет“.

Они все-таки пошли за ней, пришли. Она себя заколола ножом. Он Акарамо сам нож вколот в легкие. Те пошли посмотреть, увидели—сама себя убила.
 10 Вернулись к Акарамо, сказали: „Жена твоя сама себя заколола“. Акарамо сильно заплакал. „Вам говорил, не ходите смотреть, жена моя—мэнеричка“. Те стали говорить, сказали: „Не плачь, Акарамо, жену мы дадим“. Он сильнее заплакал. Опять сказали: „Перестань плакать, две жены дадим“. Акарамо перестал. Двух жен взял.

A. Черноусов. Каменка

3. Сказка

Один мужик шел, оленей вел. Там встретил лягушку, гнавшую оленей. Сказал: „Мои олени“. Другая сказала: „Мои“. Заспорили, заругались. Бога позвали. Лягушка закричала—ничего нет. Мужик закричал. (У) мужика две жены: одна на дерево влезла, другая на земле осталась. Мужик бога покричал. На дереве
 5 бывшая жена откликнулась: „Мужика олени“. Лягушка опять вторично закричала на землю—опять ничего нет. Мужик земле покричал. Опять на земле бывшая жена откликнулась. „Ну, где же твои вызванные? Моих слышишь откликающихся“. Оленей отобрал, погнал домой. Теперь олени чтобы были.

4. Mırāwul

Bicən Mırāwul ətirkən. Asija äcin, ämükən. ėn-dä äcin. Nuğan Mırāwul luki-jawı ōqarān, kulukāt kulukāqarān. Ası uğılı dāgdārān, gūnqārān: „Sı-gdä-glä ōqannā äcindä“. Mırāwul äsin döldira ajat, ėkun həkəcillən, munnillilən ilä-dä äsin icə-wulle. Ası qānā: „Sı-gdä-glä ōqannā! Səbqəpcukit bodoqonnā?“ Mırāwul munnillən, 5 icərān asıwa, uğıskikəkun uğıkundulı cōwatcarān. „Asıja“ ərillən Mırāwul: „Eyrəkəl mindulä“. — „Ətəm, ırgikturəl minə hujicəlin, asadıra ıqalıw, səhsəw ıqadara cırgıqarıwa“. Təli bururān. Mırāwul gūnān: „Bı guləjewər ōdam, ılandı baksanma“. — „Ətəm“, ası gundān, äsin qökira. Mırāwul gūnān: „Bı ōdam guləjewər dıgındı baksanma“. Ası gūnān: „Ətəm, ırgikturəl əməmi, guləwə əwdərə, wāqara minə, 10 ətəm“. Mırāwul gūnān: „Bı guləjewər ōdam, baksaldam“.

Ası tārā bururān, qokiran. Adikānma dolbonıl ānqaktarā, hutətin baldırān. Mırā-wul tārā asıkiwi gūnān: „Bı ılan urəl cāgıdāduktin döldıqam, ərilləkis minə, ırgikturəl əməlləktin. Bı tälä döldıqam, ərilləkis, lukiwi, bərilwi uqdam sindulä. Əmükən bınə, lukiw manaqam, nuarwatın wāqan“.

15 Mırāwul sururān, gırkullan goroski. Amardun ırgikturəl əmərä, purara asıwa tārā. ırgikturəl tārā asıwa lukitpar garpara dāgdəriwə uğılı. Nekakiwān qalawān timirə, əwrə. ırgikturəl, ılan bınəl, purşına uğılı dāgdəriwə asıwa. Qaladuktin neka-kıdukən səhsin cırgıqarıwə ıqara Mırāwuldulä gulələn. Mırāwul äcin guləduwi — gırkudarān. Əmərä ası qılān, ası əmükən. Güllə, əməmi: „Ası tuktiwunmi qılkukəl“. 20 Mırāwul asıwı alawuran: „Tuktiwunmi uğıski tākəl, tuktiwunqarā ırgikturəl əməmi. Ənə əjəcilləlitin, ənə ılkəciwrə, əksəkəl tuktiwunmi qılkurə“. ırgikturəl əməmi, əjəcillə tuktiwunmən. Ası tārā äsin qılkurə. Hata nuartın əjətcıdārä, tuktiwunmi hərgiski şundədən. Gorokökunma əjətcırä. Nuğan hata äsin ılkəcimə nuardutın.

4. Мурэвул

Был Мурэвул старик. Жены нет, один—ничего нет. Он, Мурэвул, стрелы делает, рубанком стругает. Женщина вверху летает, говорит: „Ты-то зря работаешь без ничего“. Мурэвул хорошо не слышит, кто заговорил, оглянулся, нигде не видно. Женщина опять: „Ты-то зря работаешь, весело живешь?“ Мурэвул 5 оглянулся, увидел женщину, высоко поверху парит. „Женщина!“ закричал Мурэвул: „упади ко мне“. — „Не стану, волки меня ранили, гонятся по следу моему, по каплям крови моей следуют“. Потом упала (спустилась). Мурэвул сказал: „Я дом строю, на трех ногах (подставках)“. — „Не стану“, сказала женщина, не согласилась. Мурэвул сказал: „Я сделаю дом на четырех ногах“. Женщина сказала: „Не стану, волки, придя, дом снесут, убьют меня, не стану“. Мурэвул ска- 10 зал: „Я дом построю, подставки сделаю“.

Женщина та упала, согласилась. Сколько-то ночей проспали, сын родился. Мурэвул тот жене сказал: „Я из-за трех хребтов услышу, если позовешь меня, когда волки придут. Я там услышу, когда позовешь, стрелу, лук pošлю к тебе. Один будучи, стрелу истрачу, их убью“.

15 Мурэвул ушел, ходил далеко. После него волки пришли, выследили женщину ту. Волки в ту женщину стрелой выстрелили, в летящую вверху. Маленькую руку ее (мизинец) сломали, утащили. Волки, трое будучи, стали выслеживать летящую вверху женщину. Из руки из ее по каплям крови следили (следом шли) к дому Мурэвула. Мурэвула нет дома—ходит. Пришли к дому женщины, женщина 20 одна. Сказали, придя: „Женщина, лестницу спусти“. Мурэвул жену научил: „Лестницу вверх втяни, как бы не залезли волки, придя. Как бы ни просили, как бы ни обманывали, лестницу не опускай“. Волки, придя, стали просить лестницу. Женщина та не спустила. Все еще они просят, лестницу вниз чтобы спустила. Долго просят. Она все еще не обманывается ими.

Nuartin iktəldiwar kəñillə waksawa. Əmükənmə qəpkıwatın kəñirə iktəldiwar. Əmü-
²⁵ kənmə hata əwra. Ası tərä gələllən, Murāwulwa ərillən: „Murāwul idu ođannā, əwa
 gücəs: ilana urəl cagıdäduktın döldüdam?“ Murāwul döldürän, asın ərilləkin, lukiwı
 ilanma uğan, garparän bəritpi. Əmükən lukın əmərän asılän. Irgikturəlwe upkatpa,
 əmükən binə manaran. Upkatpän ilanıwa wärän.

N. Olloda. Komo

5. Mujiñə

Mujiñə biçən sonıñ. Ganälcädu mañıçän. Əwənkıl ilanna, gərbitin Huladıgır,
 Mujiñə manaran. Dür hırkəkər sırurä, tüksasinä. Bəjəl öda. Gələktəllə Mujiñəwə.
 idu biqarän, bakara.

Dolsoltono Mujiñə aşıldarakın, əmərə. Tuligit dölcatta. Mujiñə aşıllan, toyo
⁵ hiqkərän. Asın gūnän: „əwa hiqkərän, Huladıgır əmədərä“. Mujiñə gūnän: „əduk
 Huladıgır əməjirä, ninnukärđi halgarwar sıranal, əmədərä“. Asıwənən.

Əmərə Huladıgır Mujiñəlä. Bakara hutən jañkawän. Mujiñə hutən şuksıllalın
 mögögsolin çükəmäl. Purasına, wokonon, tulıñusınən, əmənen bəjəlwe. Tälä, jüktəldu
 turgaran. Mıkcänän çükəmälwı ularan. Tädu bəjəlwe wokono, wäcä. Sururə Mujiñəlä.
¹⁰ Mujiñə sagdı öcä. Tuligit ərillə: „Mujiñə jükəl! Huladıgır əməcəl, ninnukärđi hal-
 garwar seranal“. Tädu Mujiñəwə wäcätin.

M. Beregow. Ənək

6. Iwul

„Iwul tusındakal, nəküdu urıkal, çüja hawalđakal nəküdu“. Nuan nəküdu
 hawallan ojon. Akının əmərän, gūnən: „Iwul sinä gücəw, hawalđadäs dınnədu, si-də
 nəküdu. Moñnon bisinnä“. Täduk gūnən: „Iwul tusındakal əsı, urıkal tərä ıradu,

Они зубами стали грызть подставку. Одну восьмую сгрызли зубами. Одну
²⁵ все-таки свалили. Женщина та испугалась, Мурэвула позвала: „Мурэвул,
 где работаешь, что говорил: из-за трех хребтов услышу?“ Мурэвул услышал,
 когда жена закричала, стрелы три послал, выстрелил луком. Одна стрела при-
 шла к жеве. Волков всех, один будучи, кончил. Всех трех убил.

Н. Оллода. Комо

5. Муинго

Муинго был богатырь. В стрельбании укрепился. Эвенков три хозяйства,
 по имени Хуладыгир, Муинго кончил. Два паренька ушли, убежали. Мужики
 (они). Пошли искать Муинго. Где живет, нашли.

Вечером, когда Муинго спать ложился, пришли. С улицы услышали. Муинго
⁵ спать ложитьсястал, огонь чикнул. Жена сказала: „Что чикнул, Хуладыгиры при-
 шли“. Муинго сказал: „С чего Хуладыгиры придут, жердями ноги свои подпи-
 рая придут“. Спал много.

Пришли Хуладыгиры к Муинге. Нашли сына его лыжный след. У сына
 Муинги ободки лыж ледяные. Отправившись следить, нашел, стороной прошел,
 оставил мужиков. Там на ручей наткнулся. Прыгнул, свои ледяные (обшивки)
 замочил. Там мужиков, найдя, убил. Пошли к Муинго. Муинго состарился.
¹⁰ С улицы закричали: „Муинго, выходи! Хуладыгиры пришли, жердями ноги под-
 пирая“. Там Муинго убили.

M. Берегов. Онок

6. Ивуль

„Ивуль, иди вперед, у лабаза остановись, юрту построй у лабаза“. Он на поверхности лабаза стал строить. Брат (старший) пришел, сказал:
 „Ивуль, тебе говорил, чтобы на земле строил, ты же на лабазе. Дурак
 есть“. Потом сказал: „Ивуль, иди вперед сейчас, остановись у той реки,

ḡaja hawalkal, siruwi sirupkal, mānduwi əlgəskəl, tədu prikal, bīradu. Iwul ha-wallan ḡaja mūdū. Bira dōndun sērittan, albaran. Bira əjədu sēraḡilīn əjəsindəra. ḡūḡan siruwi: „Sīru əməkəl, ḡawucīnəkəl sōnawa“. Sīru əsīn tīllə. Oron əsīn oron.

Nuḡan sūrḡrān sirulāwi, ḡundāḡa: „Untalwi ədūwi ulara, əkəl-kən-nuḡ, sindulə əməḡəm, untalwās lūknāḡam. ḡūcə bīrān, luktan untalwān. Sīruḡ lwulḡi buddəḡ. Nānā akīnīn əmərān, lwulwa hənəkəcillən, ḡūḡan: „Iwul, siruwa wānnā?“ Nuḡan ḡūḡan: „Bī untalwān lūkim, nuḡan əsīnḡ“. Akīnīn ḡūḡan: „Mīti matal əmərəktin, eti, sirul uşipkəncilləktin, ekundə kūsipkəşīḡap?“ — „Bī-kə bīḡəm“ — „Sī elḡi iḡətə-ḡənnā?“ — „Cūcūḡkək, kədərəkək, ḡānā bī kūsīḡḡam“. Sirul umuḡuptā. Kətəkakun matal əmərā. Sirulwa kūsipkəcillə. Iwul cūcūḡmī, kədərəwi ḡawaran, sūrḡrān siruldulā. Sīrul kūsīḡḡārā. Nuḡan sirulwa tuksamalculan kədərəḡḡīwi. Sīrul upkat ḡəḡəllə.

Təduk akīnīn ḡūḡan nuanmān: „Iwul sī ḡənnəkəl nīntələ“. Iwul əməwrān bīraduk kuḡākūr nīntilwātīn, əməwrān akīndulāwi. Akīnīn nuanmān hənəkəcillən, ḡūḡlən: „əcāw sīnə ḡūcəw əḡcəcīrə əməbdəs. Əwəḡkīl ḡutəḡḡulwəw mītpə wāḡārā. Iwul ḡənnəkəl əḡlilələ“. Nuḡan əməwrān kuḡākūr əḡliləwātīn. Akīnīn ḡūḡan: „Iwul nīnakīra ḡənnəkəl“. Iwul sūrḡrān. Upkatulḡ ḡūḡil ḡīrkuran, əwəḡkīl nīnakīrwātīn əḡḡārān. Nīnakākūrīn kūsikəcūḡkakuttə. Nīnakīr təkəḡərə ḡaptan upkacīn. Əḡmā ḡḡān. uşīndakīt ḡḡān, ḡuḡḡulwə ḡaptalārān. Əsītə lwulwə əsīn uḡḡlḡ əmukəḡ ḡawwī ḡllan. Ətərān, irəktə lūḡḡīn lūḡrān, lūḡḡllan, muḡəllāḡ. Ətərān, upkatpān ḡrān, italwī italārān, sīmīptīrān ḡrān, uḡkīlīn sīmīlīn dīlaptūn.

* * *

7. Iwul

Iwul bīcəp moḡḡon. Nuḡartīn ilana aknīl. Əmərā nuḡardulātīn caḡḡitil. Iwul sīləḡḡārān. Caḡḡitil ḡanacilla nuḡarwātīn. Aknīlīn adḡasilla. Iwul sīləwi ḡllōḡḡōrān. Akīnīn wəritpī sīləwəḡ uḡkuḡrān. Nuḡan sīləduwi sōḡollon. Amīnmī lūḡḡḡīn nuḡarwātīn ḡanattān. Manaran.

дом построй, быка отпусти, к себе сведи, там остановись у реки“. Ивуль стал юрту строить на воде. На середине реки жерди ставил, не мог. На быстрине реки жерди утпывают. Сказал быку: „Бык, иди, иди поддержать связку жердей“. Бык не понял. Олень есть олень.

Он пошел к быку, говоря: „Чтобы унты не замочить, подожди, к тебе приду, унты твои приду снять“. Сказал, снял унты его. Бык Ивуля умер. Опять брат пришел, Ивуля спросил, сказал: „Ивуль, быка убил?“ Он сказал: „Я унты снял, он заснул“. Брат сказал: „Наши соседи когда придут, чем быки начнут драться, чем заставим драться?“ — „Я-то есть“. — „Ты чем драться станешь (какими рогами)?“ — „Скребок, мялкой опять же я начну драться“. Быки собрались. Много соседей пришло. Быков заставили драться. Ивуль скребок, мялку схватил, ушел к быкам. Быки дерутся. Он быков разогнал мялками своими. Быки все испугались.

Потом брат сказал ему: „Ивуль, ты принеси корней“. Ивуль принес с реки пятаки детей, принес брату. Брат его спросил, сказал: „Разве я тебе говорил, чтобы такие принес. Эвенки за детей своих нас убьют. Ивуль, принеси ребра (для лодки)“. Он принес ребра детей. Брат сказал: „Ивуль, зажимы (для лодки) принеси“. Ивуль ушел. По всем домам ходил, собак эвенков привел. Собаки его (сильно) дерутся. Собаки разорвали лодку всю. Худо стало. Разрушение стало, другие лодки стал делать. Теперь Ивуля не посылал, одия лодку делать стал. Кончил, листовенничной смолой намазал, замазал, смочил. Кончил, все сделал, дранки подвел, продольные дощечки сделал, поперечины, нос покрыл.

* * *

7. Ивуль

Ивуль был дурак. Их три брата. Пришли к ним бродяги. Ивуль суп варит. Бродяги стали их стрелять. Братья старшие увернулись (от стрел). Ивуль суп свой вешает на крюк. Брат луком суп пролил. Он по супу заплакал. Отцовской стрелой в них выстрелил. Убил.

8. Sulaki

Sulaki, irgikturā bakaldıra, ulgucēmācillā. Sulaki gūṇan: „Bəjə ʃi edu bimcəs?“ — „Bī qəkidu mōlīdu bimcəw“. Irgikturā hanmūktaran: „Sī-də edu bimcəs?“ Sulaki gūṇdān: „Bī nūsuktəkəndu bimcəw“. Irgikturā gūllən: „Ėləktəlləp targacira mōtilā“. Sulaki ırūnān. Gələktəllə. Tālā ırədu bakara qūktəwə. ımundu ilbəra. irgikturā 5 aṣaṣinan qəkiwə, sulaki aṣaṣinan nūsuktəwə. Sulaki tarkəndulā aṣaran-da həwginmuren, əkənəllən: „Bəjəjə, ʃi mōtilipkəl, həwginmucə biṣim“. Irgikturā aṣaṣinan qawaran mōtiwə. Sulaki purāṣinan. „Tālā əmərən bərgukəkun mōti“, gūllən: „Bəjə eja ɔqap?“ — „Hərkəmətkətcəqəp“, irgikturā gūṇan: „hərkəkəl minə, imuksəkərə ɔlıqakəl, tarit qanā bi-wə-li ʃinə hərkəqəm, imuksəkərə bi-wə-li ɔlıqəm“. Irgikturā 10 qəkerən. Hərkərən sulakiwə, əsilə imuksəlqı ɔlıllən. Gorowo ɔlırən. Əsilə suwrən sulakiwə. Gūṇan sulaki: „Bī-wəlī ʃinə hərkəkə, imuksəla ɔlılqəwə“. Irgikturā qəkerən. Hərkərən sulaki irgikturəwə. Hələnləwə sulaki mənəkən, qəwəqən. Irgikturā, hərkəpcə binə, icətcədən. Ətən eja-dā bura. Irgikturā qəmullən, əjəcillən sulakiduk qəwdəwi. Sulaki bəcillən gudıgəlwə. Sulaki manaran upkatpən mōtiwə, sırurən. 15 Irgikturā hərkurəmnin əmənmurən.

Öli dəgsən nupandulın, irgikturəli. Nupan öliwə ərillən: „Öli əməkəl, minə sumpakal“. Öli gūṇan: „Sī minə cəlamkəndukiw əlgəpkəndəinnə“. Öli əmənən, dəgillən. Tədu qanā hinniril dəgrə irgikturələ. Dəra mōdu. Irgikturā ərillən, hinnirilwə gūllən: „Hinniril ʃupkəllə minə“. Hinniril ʃuwilla, ınınnəpcəkəkun. „Suwrakı- 20 ʃun, bi aṣaqəm mōtija“. Nənə ʃuwicilla.

ıdırulıwə təstədənəl, aran luktə. Irgikturā ʃuwıwrən. Əsilə hinnirilıdu ʃuwədanəlitin aṣaran mōtiwə. Bırın, hinniril qəwəqədətın. Mənəkən purāṣinan sulakiwə. Sulaki ıdın aran icəwılrə. Puratqədən tələ əsilə həlkin ɔdan, qəkcəldulā əməqəkin. Tədu sulakiwə bakaran, gıramnawə kəjillən. Kəjıdəmı iktəwi kaputtan. Təduk qanā sırı-

8. Лисица

Лисица (и) волк встретились, заговорили. Лисица сказала: „Мужик, ты где бы побыл?“ — „Я в старом лосе побыл бы¹“. Волк спросил: „Ты где бы была?“ Лисица сказала: „Я в молоденьком побыла бы“. Волк сказал: „Давай 5 искать таких лосей“. Лисица обрадовалась. Стали искать. Там на горе нашли двух. Вместе спугнули. Волк погнался за старым, лисица за молодым. Лисица до тех пор гнала, пока судорога не свела ногу, закричала от боли: „Мужичок, ты притащи лося, я судорогой сведена“. Волк погнался, схватил лося. Лисица следила. „Туда пришел жирный лось“, сказала: „мужик что станем делать?“ — „Свяжемся“, волк сказал. „Свяжи меня, жирком корми, потом опять я тебя свяжу, 10 жирком тебя покормлю“. Волк согласился, связал лисицу, теперь жиром кормить стал. Долго кормил. Тогда развязал лисицу. Лисица сказала: „Я-то тебя свяжу, жиром кормить стану“. Волк согласился. Связала лисица волка. Остатки лисица сама съела. Волк, будучи связанным, смотрит. Не стала ничего давать. Волк проголодался, попросил у лисицы поесть. Лисица стала давать брюшину. Лисица 15 кончила всего лося, ушла. Волк связанный остался.

Ворон прилетел к нему, к волку. Он ворона позвал: „Ворон, приди, меня отвяжи“. Ворон сказал: „Ты меня от сосания крови задерживаешь“. Ворон оставил, улетел. Туда опять клейстики прилетели к волку. Сели на дерево. Волк позвал клейстиков, сказал: „Клейстики, отвяжите меня“. Клейстики отвязывать 20 стали, узлы тугие. „Если освободите, я нагоню лося“. Опять стали отвязывать.

Клювы свои попортя, едва отвязали. Волк распутался. Теперь клейстикам за развязывание погнался лось. Дал, клейстики чтобы ели. Сам погнался за лисой. След лисы едва виден. Следом идет там теперь, свежий след стал, когда к юртам пришел. Там лису нашел, кость грызет. Грызя, зуб сломала. Потом опять

¹ (в брюшине, обедааясь внутренностями. побыл бы).

25 rən. Tālā bakaran sulakīwa. Sulakīl tarīlwa iłtənən. Irgikturā sulakīl dūkcāldulātın əmərən. Dūkcāldu bakaran iktəwən kaputkawān. Gadan iktəwə, nānā purasınan. Tālā əmərən. Sulakīl gūlwūndu kələkəkun bīdərə. Irgikturā əmərən. Gūlwūndu irgiwi karapkānən. Sulakīl haktānə. Nuḡan mūnnilī:ān, iktəjə ācın ācın, upkat iktəcīl. Nānā gələktəllən, uḡawān bakaran. Purasınan, əmərən. Nānā sulakīl gūlwūndu
30 bīqərə, kələkəkun. Nānā irgiwi karapkānən. Sulakīl haktānə. Upkatkəkun mūnnililən. İcərən əmükən iktəjə ācın. Tarāwə dagamāran, gūnən: „Bəjā mīlī tīləməcīlləp“. Sulakīwa tīləllən, iktəjīn nuḡanman uṭunmərən, gūnən qaltakın: „Girkisun āmūllən, tīrūjən nəkəllə“. İləlāsınmükənən nuḡan, sūrurən, hūktīlkəkūttən, ədətīn sulakīl nuḡanmān qawara, tarītpī-dā mişəran.

I. Kirənəw. Kamenka

9. Sulakī

Sulakī əmərən. Ətīrkən sagdikökun atīrkānīn bīsīn qūktə. Nuḡartın hūtəltīn ācın. Sulakī uləksicərən tar ətīrkənmə: „Amākā ororwos tīnəktə, bī tādū icəm oḡkōkōkunma. Tālā ororwos tīnəktə“. Ətīrkən çəkīrən. Ətīrkənḡil ororīn əmərə. Tīnnəsinən sulakī. Tālā tərurən ororwōn. Arakākun çəpçən. Əsīlə asuna-wal bīçən.
5 Adıja-wal tırḡanīl icənəskənḡən ətīrkən. Sulakī upkatpa manaran; ororwo ətīrkənḡilwə manamī, gūnən: „Amākā si-wəli icənəkəl ororwī“. Ətīrkəcən icənəsinən, sulakī upkatpān ororwōn çəpcə.

Tārā ətīrkən mucusınan qūlawī. Ənə qūwī dagamāra gorogit atīrkāntīkīwī ulgucəməcīllən, jəkənətcən: „Soḡoçokol atīrkānəj, sulakī ororwo manacā“. Atīrkən
10 əsīp ajat doldıra. Sulakī ulgucəlāsīllən, gūllən: „Amākā gūndārān: „Atīrkānəj, sulakī ororwo būrḡupkəcə, nəkəjən būqākəl būrḡuḡan, sīlīksənḡjən eūkəl“. Tār atīrkən nəkəjən būrən, būrḡuḡan būrən, sīlīksənḡjən būrən.

Əqālīn ətīrkən əmərə, sulakī, būrəkīn upkatjān, tuksanan, tarīklā, sūrurən.

25 ушел. Там нашел лису. У тех лисиц остановился. Волк к лисьим юртам пришел. В юртах нашел сломанный зуб. Взял зуб, опять по следу погнался. Туда пришел. Лисицы у костра живут, много. Волк пришел. На костре хвост прижег. Лисицы захохотали. Он оглянулся—беззубой нет, все с зубами. Опять пошел
искать, след нашел. Пошел по следу, пришел. Опять лисицы у костра живут,
30 много. Опять хвост прижег. Лисицы засмеялись. Всех осмотрел. Увидел—одна без зуба. К той подошел, сказал: „Мужик, мы поищем-ка друг другу вшей“. Лисице вшей искать стал, зубом ее заколол, сказал родным ее: „Товарищ ваш заснул, подушку подложите“, положил он, ушел, сильно побежал, чтобы лисицы его не схватили, сразу же исчез.

И. Киرونəв. Каменка

9. Лисица

Лисица пришла. Старик старый со старухой живет вместе. У них детей нет. Лисица обманула того старика: „Дед, оленей твоих пушу-ка, я там видела пастбище. Туда оленей пушу“. Старик согласился. Стариковы олени пришли. Пошла пускать лисица. Там убила оленей. Понемногу съела. Теперь сколько-то
3 прошло. Через сколько-то дней пошел посмотреть старик. Лисица всех кончила; стариковых оленей кончивши, сказала: „Дед, ты-ко посмотри поди оленей“. Старичок пошел посмотреть, лисица всех оленей съела.

Тот старик вернулся домой. Не доходя до дома, издали старухе стал рассказывать, идет, кричит: „Плачь, старуха, лисица оленей съела“. Старуха хорошо
1 не расслышала. Лисица также рассказывать стала, сказала: „Дед говорит: старуха, лисица оленей жирными сделала, огниво дай, брусок, шило дай“. Та старуха огниво дала, брусок дала, шило дала.

До прихода старика, лисица, когда дала все, убежала, туда ушла.

10. Toʻʻo

Bəjə suksillawa ɔllan. Irəpcinəwī, purupcənəwī ɔllaran. Nuɣan tıkuɣlan, toʻʻowı ganəttən. ʔsınan toʻʻon sıwran. Tımānna albaran ɔlaɣamı toʻʻowı. Mucusınan hoktolıwı amaskı. Tālā bıcən hokton toʻʻon. Əmərən tālā, tıdu ʔtirkən səgdənnəwı hıgətcə.

Bəjə ɔlacıllan ʔtirkən toʻʻowon — tārā toʻʻo sıwran. Albaran ɔlaɣamı. Mucusınan ɣılāwı. Əmərən hullalıwı udgusınan. Gokoljomo ɔdan. Əwənki əmərən, toʻʻon ʔcın. Irən, ɣunɣan: „ıdu toʻʻos?“ — „ʔcın“, nuɣan ɣunɣan: „ʔlbacəw ɔlaɣamı toʻʻowı“. Əwənki ɔllaran toʻʻowən — ɣəɣdallān. Nuɣan ıtıgaran, ɔronmı ɔnɔrən, ʔlgesınən ʔtirkəndulı. Təpıttən. Imırwə ɔlacıllan. Toʻʻo təlı aturən.

A. Cernousow. Kamenka

11. Hınıkcıən

Bəjə wəjuscārən. Nuɣan şaman. Tālā ɔlbərən hınıkcıənne. Hınıkcıən dıran. Şaman nırmārən, ɣarparən nuɣanmən. Wārən, ɣaddan, toʻʻojowı ɔllan ıştən. Sılacıllən. Hınıkcıən ɣınan: „enne minə ışinnā?“ Şaman ɣınan: „ışım“. Hınıkcıən ɣınan: „Hata ɣunɣam ɔtı şıjırılən“. Şaman təlgetten nuɣanmən. Nənā hınıkcıən ɣınan: „enn“, minə təlɣəcınnā?“ — „Təlɣəcım“. Şaman selarən nuɣanmən toʻʻodu. Hınıkcıən nənā hınıktallan: „enne, minə səlanrı?“ — „Səlan“ — „Hata ɣunɣam ʔkundı ırtkəw ɣıjırılən“. Irırən hınıkcıənne, ɣawıllən. „enne, minə ɣawıllınnā?“ — „ee, ɣawıllım“. Hınıkcıən ɣınan: „Hata ɣunɣam ʔkundı minıllən“. Bəjə şırırən, manamı. Tālā amunan. Amunın ɣınan: „şaman ʔcəs minə wārā“.

P. Кионов. Каменка

10. Огонь

Мужчина лыжи делал. Скобель, сверло сжег. Он рассердился, в огонь выстрелил. Заснул, огонь погас. Утром не мог зажечь огонь. Вернулся по дороге обратно. Там была дорога огня. Пришел туда, там старик спину грел.

Мужик стал зажигать огонь старика—тот огонь погас. Не мог зажечь. Вернулся домой. Пришел, в одеяло влез. Долго был. Эвенки пришел, огня нет. Вошел, сказал: „Где огонь твой?“ — „Нет“, он сказал: „не мог огонь зажечь“. Эвенки зажег, огонь загорелся. Он собрался, оленя привести пошел, привел к старику. Убил. Жир поджег. Огонь тогда ожил.

A. Черноусов. Каменка

11. Рябчик

Мужик охотится. Он шаман. Там спугнул рябчика. Рябчик сел. Шаман подкрался, выстрелил. Убил, взял, огонь зажег, ошипал. Стал жарить. Рябчик сказал: „Что делаешь, меня обдираешь?“ Шаман сказал: „Обдираю“. Рябчик сказал: „Опять же говорю, что-то холодно стало“. Шаман на огне подвинул его. Опять рябчик сказал: „Что делаешь, меня вялишь?“ — „Завяливаю“. Шаман его на вертеле насадил у огня. Рябчик опять спросил: „Что делаешь, меня жарить?“ — „Жарю“. — „Опять же говорю, чем-то кожа моя коробиться стала“. Сготовил рябчика, есть стал. „Что делаешь, меня ешь?“ — „Да, ем“. Рябчик сказал: „Опять же говорю, что-то зашевелилось“. Мужик ушел, кончивши. Там на двор сходил. Кал его сказал: „Шаман (ты) меня не убил!“

¹¹ Şamān tikullān, nuṣanmān ganāttēn, albarān wāḡāmī. Halganḡiwī həkcişinēn— halganīn lambarārān. Ŗālātpī koltoron—ḡālān nomotōrān. Albarān şucaḡāmī. Tādu-da dogotowron.

Nāmēnnējā əmərān. Bakaran dogotocōwo, hennadōwi inisiṇān ḡālāwī. Tāla şamān nəḡirīduk ḡawawran. Hitēnmə Nāmēnnējā inirēn asilāwī. Asīwī ḡūṇān: „Nip-təjə niptəkəl əḡjunmə wācā bişām“. Asīn urūṇēn, jūrēn ḡūdukwi, upaptunma nim-gərēn. ḡadan Nāmēnnējā hinṇawān „əkun-dā ācin“, ḡūṇān. „Ŗn ekun-dā ācin?“ Nāmēnnējā ḡūṇān: „şī nimḡennā“. Asīwī tikullān, ḡawaran, hūkitəwēn hūptərēn, bakaran upaptunma. Əlā ṇānā dalsullān. Asīwī ḡūṇān: „Ḡūkəl kamnun!“ Asīn hata ətēn ḡūṇə. ṇanā dalsullān. Asīn ḡūṇān: „Əşilə kamnun“. Hūkitəjēn kammundārēn.

²¹ Mucusinān Nāmēnnējā ŭḡālāwī. Tāla bakaran şamānmə, inisiṇān ṇānā ḡālāwī. Əməwrān. Dogotocō inirēn. Şamān amultallān. Nāmēnnējā cəməwi ḡadan, alikittān amunman. Şurūrān biralā, siruḡit ḡəşədōwī.

Şamān ilian, hūtəwətin wārān, ḡlōrān. Pompowōn asinmurān hulladutin. Mə-nəkēn həḡitīn ukələsīnēn. Nāmēnnējā əmərān, icərēn hūtətin əsīrə. Nuṇān haktāṇān, ḡūṇān: „Hūtət əjipca-dā“. Nuḡartin əlōniwēn ḡəwullə. Asīn ḡūṇān: „Ətirkēn Ŗn-ka hūtəmupca?“ Nāmēnnējā ḡūṇān: „hūtə ŭlləwōn Ŗn-ka? ətēn?“ Hūtəwī ḡəwra, əjiwra, əşina. Şamān həḡijit silḡiwūndī arkicillān. Nāmēnnējā ḡūṇān: „ekunḡī halḡarwī ḡawşinālla, hūtəwəw ḡəwrəkīt?“ Tikullān, təḡərēn, mōwa ḡadan, halḡarwī mōti capciran. Dūktə halḡarwar, ḡālḡlwar capūra. Şamān şurūrēn.

²⁶ Шаман рассердился, в него выстрелил, не мог убить. Ногою толкнул — нога приклеилась. Рукою ударил — рука прилипла. Не мог отклеить. Там же замерз.

Намонный пришел. Нашел замерзшего, на поняге потащил домой. Там шаман за наклоненное дерево зацепился. Зря Намонный тащил к жене. Жене ¹⁵ сказал: „Подстилку подстели, зверя убил“. Жена обрадовалась выскочила из юрты, кольцо проглотила. Взяла Намонный понягу. „Ничего нет“, сказала. „Как ничего нет?“ Намонный сказал: „Ты проглотила“. На жену рассердился, схватил, живот ее распорол, нашел кольцо. Опять стал соединять (брюхо). Жене сказал: „Скажи: клей“. Жена все еще не говорит. Опять стал соединять. Жена сказала: „Теперь клей“. Брюхо склеил.

²⁰ Вернулся Намонный по следу своему. Там нашел шамана, потащил опять домой. Принес. Замерзший ожил. Шаман испражился. Намонный чашку взял, собрал кал. Ушел на реку, с песком чтобы съесть.

Шаман встал, сына их убил, сварил. Голову его положил в одеяло. Сам вниз лег. Намонный пришел, смотрит — сын спит. Он засмеялся, сказал: „Сын наш наелся же“. Они остатки съели. Жена сказала: „Старик что-то сына чувствую“. Намонный сказал: „Мясо сына как же? нет не станет (не может быть)“. Сына съели, насытились, легли спать. Шаман из-под низа шилом колоть стал. Намон- ²⁵ ный сказал: „Чем-то ноги закололо, не от сына ли еды? (не оттого ли, что сына съел)“. Рассердился, встал, палку взял, палкой ноги свои ударил. Обе ноги, руки сломались. Шаман ушел.

ДВЕ СКАЗКИ ТАЛОЧСКИХ ЭВЕНКОВ¹

G. G. Torgonow. Hulugli. Talaca

I. Nimgakawun

Ciwkākān dəyilcān. „Dilacawa icānasinām“, gūnān: Dəgdācān-nun, dəgdācān-nun uṣiskakī, ədikakun ōlcā. Tādu asakikārziwi səmkəwmanzācā, tikimmen kəcā. Tikīsa sēktakāntikī mukamukliwi uṣucə. Ōn-mal kəzāmī bulturgacā sēktakāndukwī. „Sēkta, sēkta əhə-lə ukusəldu kugdikaw kanzīyāw“. Ukusəltikakī sūrucə „Kəl ukusəl, ukusəl, sēktakānmə-wəl kigdikanākəldu!“ — „Būciyi mənṇi cūkaṇmar əzārəw manamī!“ — „Ukusəl, ukusəl əhə-lə wəjcārdu zāpiwkāziyāw sūnawə!“ Wəjcārtikakī sūrucə. Wəjcārdu lə gānācā. „Wəjcār, wəjcār ukusəlwə-lə zəpnākəldu!“ — „Mənṇi wəjṇāgmər əzārəw manamī!“ — „Wəjcār, wəjcār əhə-lə najacəldu pəktiruwkāziyāw!“ — „Bū mənṇi imūwər əzārəw dəgdəmī, wəjcār wə pəktirunāzəkəsəl!“ — „āhaluyər 10 oṇukucārdu kigawkanziyāw“. Oṇukucārtikī, sūrucā oṇukucārdu lə gānācā. „Kəl nōjacəl imulwətin kuganākəldu oṇukucār!“ — „Mənṇilwit ɸunmaṇmar əzārəw manamī“.

Kāpālcān ciwkānṇikāntin ədikākunmə tincān. Bolgokokutcəl tarṇilun. „Əsilə kigānāscəldaw“, oṇukucār gūlcəl. „Kə əsilə pəktirunāscəldaw!“ gūlcəl. „Dəpnāscəldaw 15 ukusəlwə“, wəjcār gūlcəl. „Kigzikanāscəldew“, ukusəl gūlcəl. Sēktakānmər manawdan.

Т. Т. Торгонов. Хулугли. Талоча

1. Сказка

Пташечка летала. „Солнце отправляюсь смотреть“, сказала. Летала, летала—вверх, ветер сделался. Там крылышки износила, улала. Упала на тальник, задницу занозила. Как-то делая, сорвалась с кустика. „Куст, куст, ведь коровам скорблю“. К коровам отправилась. „Ну, коровы, коровы, кустик съешьте!“ — „Мы-то 5 свою траву не можем кончить“. — „Коровы, коровы, ведь волкам скорблю вас“. К волкам отправилась. К волкам пошла. „Волки, волки, коров съешьте!“ — „Свое мясо не кончим“. — „Волки, волки, ведь начальников заставлю выстрелить!“ (Пошла к начальникам, стала просить волков убить, те сказали: „Мы свой жир не можем поднять, (не только) волков итти стрелять“). — „Ведь мышей заставлю 10 (вас) загрызть“. К мышам пошла, к мышам шла. „Эй, начальников жир сгрызьте, мыши!“ — „Свои запасы не можем кончить“.

Рассердилась пташечка, ветер сильный напустила. Перепугались те. „Теперь пойдем грызть“, мыши сказали. „Теперь пойдем стрелять!“ сказали. „Пойдем есть коров“, волки сказали. „Пойдем жевать“, сказали коровы. Кустик 15 кончился.

¹ Приводимые здесь сказки записаны русской транскрипцией эвенком Г. А. Ниргунеевым в 1926 г. на левом притке верхнего Витима Витим-Олекминского национального округа. При переписывании принятой в настоящем сборнике транскрипцией все особенности талочского говора были сохранены. Ред.

2. Ңуcакын бәјә

Бәјә ңуcакын ңәнәзәцән, ісін сарә әдүк-вал бәлдүцәјәwı. Ңәнәзәммән, ңәнә-
дәммән унәтwә турғәлдүцән, мәндүлдүцә. ұлғуцәнә-wәл әнә, таріҗін кulin өсә. Nikin-
mawән ucıecә. Өн-mal kädәwı гәјказана-nun ңәнәзәwki. Ңәнәзәнә ұғтуwә бәјәwә
турғәлдүцә. Таріҗін suraktalcә: „Näysäci әмәнди?“ гүncә. Таріҗін маңми icәмcә—
näysäjan ұғј. „Ұғј-maj“, гүncә: „näysäjaw“. Таріҗін гүncә: „Tar-ka nikinmadus“.
„Өн-mal гүрәкәmі әзәм“. Таріҗін таріtki-kan ңәнәцә ilan markәнmә cıputcә, ma-
rıgılıwı iktılcә тарі kulinıwән. Таріҗін гүрәгәцә да i misәцә. Tar marıgkärwı
bıcә tar бәјәдү: „ә-wal öräkin, zönmälisımdak, iktәgnәkәl“. Tar marıgkärwı ңälzä-
nә-nun surıcән. Tar-nun ңәнәзәммән, kadardun gıwa bakacән, zәмәkläcäsärән
10 үркән. Marıgkärwı zönmälisımdak-nun iktәцә, zәмökkäkunmән bürі. Іcә, aktıra-
kākun. Tәm iktәzәнә gırkulcә, ңән үркәwә bākacә, zönmälisımdak-nun iktәцә zä-
mөkkäkun maң bürі.

Ңаріkәkүн іrәkin, әзіrgә kәнәzenән, ұғуcäsәнә, oroktolwo ұlicә. Іcәscә, ңән
үркән zәмәkläcäsärән. Ңән marıgkärwı iktәцә, zәмәkwән bürі. Іcә ңınakin kikiylä-
15 zärap ұғуcә әнә. Tәdu ұldәl bizärә. Tar ұldәldүk ұlicә ңınakındu. Ңән cäskın zä-
mөkläcäsärән. Iktәcән—bürі. Іcә, ңән ңarıkәkүн. Dılgıyuzın ilan dılcı bәјә әmәzä-
rән, turğaldıcә мәndүldicә. Таріҗін suraktalcә: „Azırgawaw tiylә üldi, ңınakınmaw
däylә üldi?“ — „Ülim“, таріҗін гүncә. Tıy-ңın kәmі bәdәwıscә, umıwkәncә, zula-
kın bisikin әјucılcә. „Aja bәјә bisindi, dawarındı minәwә, tarı zarın bı sinәwә bәl-
20 zıyaw. Әri urbäskәs, әri әrkijäs, әri palıjäs, әri sapayılas, әri kotomılas, әri әзіrgә-
jas kenazәнә. Kә, surıkel әslä; ema-wal kamayә öräkin, tәtiyәlwı әgnәkәl lukta“.

Azırgaduwi ұycә, surıcә, әsin tәki sarә ilә-wәl surıgütәwi. Surıcә-nun murınnı
zuläklän ңәнәdүcә. Goröjo-wal, dayaja-wal ңәнәzәcә, gorotwә bakacә. Tarıgılın
kacıl, kandulätin ңәнәcә. Таріҗін bәlälәnmılцә, bülәldәwi. Umıң unäqıci. „Әrkıdi-

2. Голый человек

Человек голый шел, не знает, откуда родился. Шел, шел—девушку встретил,
поздоровался. Не разговаривая даже, та змеей стала. Шею его обвила. Как
делать, недоумевая идет. Идя, другого человека встретил. Тот спросил: „С ношей
5 идешь?“ сказал. Тот себя осмотрел—ноши нет. „Хотя и нет, сказал, ноши“. Тот
сказал: „Вот на шее-то“. — „Никак сбросить не могу“. Тот туда пошел,
три ветки сломал, ветками ударил ту змею. Та развилась, да и скрылась. Те
веточки отдал тому человеку: „Если чего-нибудь случится, вспомнивши, ударь“.
10 Тот, веточки держа, ушел. Тот, идя, на скале дом нашел, на замке дверь. Веточ-
ками, вспомнивши, ударил, замок свалил. Вошел, темнота. Ошупывая пошел,
опять дверь нашел, вспомнивши ударил, замок сам упал.

Очень светло когда вошел, жеребец ржет, привязанный, сеном по-
кормил. Взглянул, опять дверь с замком. Опять ветками ударил, замок упал.
15 Вошел, собака хочет укусить, привязанная. Там мясо. Тем мясом покормили
собаку. Опять дальше с замком. Ударил—упал. Вошел опять свет. Перед ним
трехголовый человек идет, встретил, поздоровался. Тот спросил: „Жеребца-
то покормил? собак также покормил?“ — „Покормил“, тот сказал. Так повел,
напоил, хотя и нагой, пожалел. „Хороший человек есть, навелит меня, за это
20 я тебе помогу. Это рубашка, это штаны, это пальто, это сапоги, это сабля, это
жеребец ржущий. Ну, иди теперь, если что-нибудь нехорошее будет, одежды
не снимай“.

На жеребца верхом сел, ушел, не зная все-таки, куда итти. Уехал, конь
(куда) вперед шел. Далеко ли, близко ли ехал, город нашел. Тот взял (да) к
хану поехал. Тот собрался воевать, воевать. Содной дочерью (был). „Если

25 rækis-nun ær bulǝndukiw unǝtwi bǝziyǝw". Nunan urǝcǝ, bulǝnnǝscǝl nunan, gǝlǝm-nǝj ǝysa, pǝrascǝ. Kotomijǝtwi ǝnirǝjǝwi ǝgniwiki, murinǝn kapirǝjǝwi kapiwki. Tar tǝyǝgǝkǝkunmǝn manacǝl, mucucǝl kǝndulǝwǝr.

Unǝtwǝn gǝcǝ atirkǝnǝ-wu. Unǝziyin Ƴtu kǝnni omolgǝninunǝn takǝlǝiptulǝl. Omolgǝninunmi gǝmǝtcǝ, tar bǝjǝwǝ wǝdǝwǝr. BaƳuwa topǝlcǝl ǝrdǝmmǝn sǝzǝrǝ, tǝtiyǝdun ǝrdǝnǝn, baƳunǝyǝlcǝ. BaƳugduwi omolgiwi tǝruldǝcǝ. Tar-dǝ baƳunǝcǝl bǝjǝnǝn. Bǝjǝn tǝtiyǝtwi luklawi Ƴǝlǝzǝllǝn, tǝti baƳuƳǝlcǝ. Unǝziyin kukecǝ, tǝtiyǝtwi lukmardǝn. „Tǝtilnǝr kǝktǝ“, guncǝ: „ǝǝ-wit ƳmǝnƳpcǝrǝp. Bǝjǝjǝnǝn mit ǝzarap. Lukrǝsa, baƳukǝll“ Luktan da tǝdu nǝkirǝn. TuƳ-nun lukcǝnmǝn, baƳulǝdnmǝn da cakǝdǝrǝn omolgiyin. Tǝtiyǝlsin tǝttǝni kotomi ǝjǝmǝlsin dilwǝn tǝktǝstǝn, Ƴrgulǝkǝn tǝktǝrǝn, kuldu tǝwdǝn, ǝzǝrgan Ƴrgidun kǝnzukaran kulwǝ. ǝzǝrgawǝn tinǝn. ǝzǝrgan ǝzǝntǝkǝkiwi mǝsǝrǝn. ǝzǝndulǝwi gǝnƳrǝn, Ɲlǝn dilǝcǝnlǝwi tǝlindun kǝnalcǝn-nun. Ɲlǝndilcǝ ǝzǝnǝn dǝldiran. Dǝldiysa jǝrǝn, ǝkun kǝnǝzǝrǝn. „Mingi ǝzǝrganǝcinmi“. jǝrǝn, nunǝnnǝntǝkǝn ǝzǝrgan kǝnǝzǝrǝn. Ƴrgidun karǝ kulƳun kǝnzukacǝzan. Kulwǝn kǝnzukalgǝcǝ, ǝrucktǝcǝ, bǝjǝsƳimǝldǝ uldǝlin. urǝdǝnǝ ǝrucktǝcǝ: „Karǝn Ƴnekǝ“ 40 bǝjǝyin. Dawaj urǝzǝnǝ, bizǝk bidǝkǝsin Ƴǝlcǝ, bukulǝwǝn natcǝ nazǝyǝnnun zǝlmǝssǝyan. Bǝjǝjǝ-dǝ bukulǝ ǝcǝ, Ƴwuscǝ, karǝ tarǝyin ǝrǝscǝ, Ɲlcǝ. Ɲlǝn dilǝciyin suraktǝlcǝ: „Gorowot-lǝ ǝndǝ gǝnnǝ!“ — „Gorowo ǝm“, guncǝ tarǝyin. Tǝduk Ɲlǝn dilǝciyin walǝlcǝ: Bi-wit sinǝwǝ gunzǝrkǝw, tǝtiyǝwi lukta ǝdas. Kulǝliwu-Ƴas ǝndǝmǝndecǝw. ǝri atanmi bokomarkǝl“. — „ǝn-dǝ bokǝnzǝm“, guncǝ gǝkǝkun. Ɲlǝn dilǝciyin: 45 „Bi bǝlǝziyǝw dǝn“. — „Bǝlǝmi-nun, bǝlǝkǝl“, bazǝn guncǝ. Altǝma ǝzǝrgǝcǝ tǝzǝnǝni, ǝsiwǝn aduwundun ǝƳkoldǝnǝscǝ, altǝma ǝzǝrgǝ ǝysa. ǝƳkoldǝzǝcǝn, ǝƳkoldǝzǝcǝn, mǝdǝlcǝl karǝ altǝma ǝzǝrgǝ Ƴrǝkuzaran. Ɲcǝrǝcǝldulǝwǝr ƝcǝrǝwiƳnnǝscǝl. Ɲcǝrǝcǝltn karǝn guncǝl: „Ƴnekǝ bǝjǝgmǝsun, Ƴrgulǝkǝn tǝktǝkǝldu, toƳodu Ɲlǝmmǝr“. TuƳi gǝmǝtcǝrǝktǝn, Ƴmǝn unǝt dǝldǝcǝ. Tǝdu altǝma ǝzǝrgǝtkǝki tuƳsǝscǝ, ǝzǝrgǝlǝ Ƴnǝcǝ. „Ɲlǝl sinǝwǝ tǝk- 50 tǝpcǝl, Ɲladǝwǝr kǝzǝrǝ“. — „Zǝnǝkǝktǝn, Ɲlǝktǝn“, guncǝ: „tǝlkǝ si minǝwǝ ǝjǝtnuƳizǝndǝ ǝmǝdǝwi. ǝlǝkǝs tǝktǝstǝktǝn, sǝhǝs Ƴskǝnǝscǝyan, tarǝwǝ tukalǝkǝnzi buladǝwt“.

25 поможешь, после войны дочь отдам". Он согласился, поехали воевать, он, главным сделавшись, впереди шел. Саблей своей рубит (и) рубит, конь (попавшего) грызет (и) грызет. Тот народище кончили, вернулись к хану.

Дочь его взял старшюю. Дочь с другим ханским парнем знакома. С парнем сговорились, того человека чтобы убить. Баню затопили, силу его знают, 30 в одежде сила его, захотели сходиться в баню. В бане с парнем договорились. Тот тоже в баню пошел человек. Человек одежды свои снить боялся, в одежде захотел мыться. Девушка (жена его) соблазнила, одежды чтобы снял. „В одежде помоюсь“, сказал. „Ведь соединимся, супругами мы будем. Раздевшись, мойся“. Снял, да тут положил. Пока снял, пока мылся, набросился парень. Одежды надел, саблей хорошей его голову отрубил, на мелкие куски разрубил, в кулю набил, 40 на хвост жеребца привязал куль. Жеребца отпустил. Жеребец к хозяину своему скрылся. К хозяину пошел, у трехголового снаружи (около дома) заржал. Трехголовый хозяин услышал. Услыхавши, вышел, что ржет. „Мой жеребенок“. Вышел к нему, жеребец ржет. На хвосте его для чего-то куль привязан. Куль отвязал, посмотрел—человека бывшего тело. Вытащив, посмотрел: действительно раньше 45 (был) человек. Давай вытаскивать, как был сложил, слюну положил, по кускам слепил. Человек мертвый стал, подул, вдруг тот очнулся, встал. Трехголовый спросил: „Долго ли спал, говори?“ — „Долго спал“, сказал тот. Потом трехголовый закричал: „Я ведь тебе говорил же, чтобы одежды не снимал. Предупреждал—ошибся. Эту обиду вороти“. — „Как же ворочу“, сказал второй. Трехголовый: 50 „Я помогу опять“. — „Если поможешь, помоги“, тот сказал. В золотого жеребца превратил. На отнявшего жену, на пастбище его ушел, золотым жеребцом ставши. Пасся, пасся, узнали вдруг, золотой жеребец ходит. К колдунам пошли. Колдуны сказали: „Прежний человек, на мелкие куски разрубите, в огне сожгите“. Так когда говорили, одна девушка слышала. Туда к золотому жеребенку побежала, к жеребенку пришла. „Люди тебя убить, сжечь собираются“. — „Пусть 55 убьют, пусть сожгут“, сказал: „только, меня если любешь, приходи. В первый раз когда ударят, кровь потечет, ту (кровь) землю покрой“.

Tarda tæktænāscāl, unazīn əməldicā. Kətəkəkun binəl, əməcəl. Ələkəs tæktæstæktin, sāhəjə cıcincā, tarkānmə tukaladu zajācā unazīn. Tæktēcāl-da urgulikān toʻyodu ilacāl, sūrcāl. Goroja-ʻu, dayaja-ʻu birkəl. Tādük altama zagdakān naldicā.
55 Tādük karıj bəjäl bakacāl altama zagdakānmə kändüwar sıbacāl. Kāntın icārəcilti-kākiwi. İcārältin karıj gulcāl: „ünəki bəjānisun, urgulikān tæktəkäldü, toʻyodu ilamər. Unazīn nān döldicā. Zagdatkāntikāki tuysacā: „Sinəwə nān iladāwər kəzārə“. — „Tæktərsälzānəkäktin, si əmədāwi; da ənistäktin, säpkə ətəkənsiʻān, tarāwə zajādāwi“.

Tæktænāscāl. Tæktēcāl, toʻyodu ilacāl. Ələkəs säpkäkān ətəkənəkin, zajācān
unazīn. ʻənuscāl, tæktərsäl, ilāysäl.

Gorojo-ʻu, dayaja-ʻu bizəcätin. Tādük əsilə altamakān gūlpkə oʻrsa, prāmə ulicältin tütüktälcā. Nuḡanmān wəzənə kānnı omolgın, asiwān tizānə, icācā: „Ərkə altamakān gūlpkə“. Əsilə gūlpkəḡmi asaktallan sot kəlcə ənə-wəl ḡnərə icārə-cildülawi.

65 Bököltakun ozawki, tarıḡın ərnun tütüktəzawki. Ərnun zawassazawki kānnın. Tuʻi kəzāmmān əmuttu tisaktazana, misəsilcə. Bəjānı tətıyəlwi lukıʻsa, əlbəskätcān, asaktalcā. Tālikākın gūlpkəḡkənin ıyıgđalin dəʻcə də tətıyeldun docā, bəjājā öcā. Tətıyəlzin tətçə, tuysamalcacā, tæktəcā ıyḡmkān, toʻyodu ilacā.

70 ünəki asiḡlawi tuysacā tæktəcā ıyḡulikān, da toʻyodu ilacā. İcārəcindüḡan ḡnəcə da tæktəcā, ıyḡulikān, toʻyodu ilacā. ünəki unazīnmı, səpkəḡmān zajātcān, gacān. Kānnı tari-da gorottu bilcān, təʻaḡı-da tarı kantın ocān.

Вот пошли убивать, девушка с ними пошла. Многие будучи пошли. Впервые когда ударили, кровь потекла, немножко той спрятала девушка. Изрубили да
на мелкие куски, в огне сожгли, ушли. Долго ли, мало ли было (прошло). Потом
55 золотая сосенка выросла. Потом вдруг люди нашли золотую сосенку, хану сообщили. Хан к колдунам. Колдуны сразу сказали: „Прежний человек, на куски разрубите, в огне сожгите“. Девушка опять услышала. К сосенке побежала: „Тебя опять сжечь собираются“. — „Когда рубить станут, ты приди, рубнют когда, щепка отскочит, ту спрячь“.

60 Пошли рубить. Разрубили, в огне сожгли. Первая щепка когда отскочила, спрятала девушка. Пошли, разрубивши, сжегши.

Долго ли, коротко ли жили. Потом тогда, золотой голубкой сделавшись, прямо по улице пошел. Его убивший ханский парень, жену его отнявший, увидел: „Вот золотая голубка“. Вот голубку стал гонять, сильно гонял, не сходя даже к колдунам.

65 Почти догнал, тот все ходит, пытается схватить хан. Так по озеру поплыл, скрылся. Парень, одежды снявши, поплыл, гонял. Тогда голубка вверх улетела да на одежду его села, человеком стала. Одежды надел, быстро побежал, разбил на куски, в огне сжег.

70 К прежней жене побежал, зарубил на мелкие куски, в огне сжег. К колдунам пошел, разрубил на куски, в огне сжег. Прежнюю девушку, щепку спрятавшую, взял. Ханом в том же городе жить стал, народа того ханом стал.

МАТЕРИАЛЫ ПО УСТНОМУ ТВОРЧЕСТВУ ЭВЕНКОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ¹

ВВЕДЕНИЕ

Материал для этой работы был собран мною в разное время: на севере Байкала и в Верхне-Ангарском крае в годы 1919, 1920 и 1925, в верховьях Лены и Кирэнги зимою 1925 г., по Нерче, Витиму и Карэнге весною 1926 г. Поверхностный маршрут поездок, о численности эвенков, а также замечания о характере языковых материалов изложены в предисловии к книге „Тунгусско-русский словарь“ (Иркутск 1926 г.)² Эвенки обследованных районов называют себя „эвэпкi“. Все они—оленоводы или были оленеводами еще на памяти живущего поколения. Верхленские эвенки „сели на землю“—построили избы, завели лошадей и коров. Отдельные хозяйства расчистили пашни. Но все это пока только привесок к охоте на зверя. Оседлые хозяйства „береговых“ эвенков, иногда более окрепшие, чем ленские, мы встречаем на севере Байкала, по Нерче и Карэнге.

У эвенков сохранились остатки родового быта. Каждый знает название рода, к которому он принадлежит. Браки их экзогамны, кочевья распределены по родам и уже в пределах рода происходят дележи охотничьих участков по семьям. Не соблюдается этот порядок только по Нерче и Витиму—погоня за белкой нарушает традиционную неприкосновенность родовой территории.

То, что предлагается в этой работе в качестве эвенкийской поэзии, можно разделить на следующие группы: сказания о богатырях, сказки бытовые и о животных, песни, загадки, детские рифмы, пословицы.

Сказания о богатырях были сообщены мне в виде обычного повествования, а не напеты, за исключением отрывка № 20, в котором рассказ сопровождается припевом. Все же в характере изложения этих сказаний можно установить особые, присущие только им черты: ритмическая конструкция фразы с оттенком торжественной интонации, местами подчеркнутые аллитерации и рифмы, сгущенные поэтические преувеличения. Темой сказания в большинстве случаев является борьба богатырей с мифическими великанами „тапi“ или „kalusaI“. В современном представлении северо-байкальских эвенков „kalul“—хозяева рек и гор, раньше это были „большие люди, которые убивали“. У ленских эвенков „kalusaI“—это великаны „тапi“, у северо-байкальских эвенков—видовое название медведя, у ленцев—чорт, богатырь, людоед, великан; „тапi jaŋkup“—название Млечного Пути, обозначает лыжный след тапi (медведя).

¹ Тексты, представленные Е. И. Титовым, уточнены в переводе и переписаны транскрипцией, принятой в настоящем сборнике, с сохранением особенностей говоров и со следующими соответствиями транскрипции словаря:

В сборнике: а, ä, а, ä; в; с; d; з; е, ē; э, ә; f; g; ħ; i, î, î, j; k; l; m; n; p; o, ô; p; r; s; š; ц, ä, ц, ä; w; z.

В словаре: а, аа, ä; б; ч; д; дж, дж'; е; э(о), о(а), ы, э, ы, о; ф; г; h; î, ы (после т, д); j; k; л(l); м; н; н'; нг; о; п; р; с; ш; т; у; ц(w); ж.

Палатализация в словаре обозначается буквами: ү, ö, е; иногда знаком „‘“ после буквы. Ред.² См. также путевые очерки „Северная Даурия“, „Кони, тайга и суглинок“ в журн. „Сибирские огни“ Новосибирск, 1926, кн. 5—6; 1927, кн. 1 и 3.

Все сказания связаны с каким-нибудь собственным именем богатыря. Наиболее популярный, должно быть, Акши-Бакши, по пояс в стружках, он занят изготовлением луков и стрел. Весьма возможно, что имя другого богатыря, Хани-Хубун-Хэкэр-Богдо, является эвенкийской версией сказаний о Гесэр-Хане.

Сказки эвенков имеют черты своеобразия. В отличие от большинства русских, они построены на диалоге. Иные из них рассказываются с припевом, который может быть имитацией игры на музыкальном инструменте (vugvilin-vugvilin). Эвенки заимствовали отдельные сказочные мотивы и целые сюжетные построения у русских, но заимствованный материал всегда использован творчески (сказка № 8 на тему ершовской истории о Коньке-горбунке). В сказках о животных главный герой — лиса (то самец, то самка).

Песни благодаря обязательному речитативному напеву имеют более или менее строгую метричность, часто воспроизводящую рисунок наших ямбов. В песенной строчке можно наблюдать „красоголасие“. Рифмуются и концы и начала слов, созвучия располагаются свободно. В любовных песнях наблюдаются символы — застывшие штампы образов: оленья самка двух лет — девушка, бычок — тарень, бык дикого оленя — вдовец и т. д. Любовная игра изображается в виде борьбы и встречи диких оленей, самцов и самок. Обычно в слова песни добавляются лишние суффиксы, что затрудняет толкование текста.

Несмотря на суровую борьбу за существование, эвенки-оленьевод находят достаточно поводов для забавы и творчества. Песни поются во время длинной процедуры сватанья и свадьбы, в недели торжищ после выхода из тайги, когда радость встречи и неизменная водка развязывают языки и фантазию. Вечерами молодежь, сцепившись руками, плечо в плечо движется в круговых плясках и поет в один голос музыкальную фразу, замкнутую в определенную словесную форму — в слово без смысла. Мотивы сменяют друг друга, люди ритмично приседают, выставляя вперед ноги, азарт нарастает, в круг вовлекаются все новые и новые участники, и пляска превращается в радение.

Для эвенкийского быта характерна следующая картина: семья жениха принимает родовичей. Гости сидят в порядке по кругу юрты перед дымящимся ворохом мяса. Гостей обносят вином. Принимающий рюмку говорит приветствие. В зависимости от таланта он может говорить много или мало. Кто-нибудь начинает петь, нанизывая слова на нитку однообразного мотива. Это большей частью импровизация, но есть песни, которые знают все. Есть и певцы, которых слушают с уважением, ибо в песнях их есть сила. Такие певцы на учете. У оленных эвенков хороших импровизаторов много. На Лене я нашел только двух мастеров импровизации. Я не исчерпал и десятой доли их импровизации.

Вот перечень певцов и сказочников, от которых я делал запись: 1-4.

1. Полин Дмитрий (№№ 1—9) живет в 100 километрах от Качуга по дороге в Карам, в деревне Шевыкан, населенной обрусевшими бурятами. Ему 63 года. Последний представитель шевыканских эвенков продикировал мне 9 сказок, заметив, что это только начало того, что он знает. Он поделился со мною только сказаниями о богатырях. Судя по записи № 9, у него есть запас бытовых сказок. Полина знают все верхоленские эвенки. В молодости он служил выборным общества. Сейчас живет в своем доме, зимою ставит капканы на рысей, „белкует“, летом охотится на рысей. Полин был трижды женат, одна из жен была дочь шамана. Полин говорит по-бурятски и по-русски, играет на гармошке.

2. Стариков Петр Яковлевич (№№ 13—15)—60 лет, с Тутурского стойбища (р. Тутура—правый приток Лены), бедняк-безлошадник, когда-то имел оленей. Похоронил 7 детей, сейчас живет с дочерью и сыном. Один глаз с бельмом, постепенно слепнет. Стариков—отличный сказочник. Перед каждой сказкой Стариков помолчит—„наперво подумать, как ловче говорить“; рассказывая, волнуется, потом увлекается, забывая о том, что записывают. Стариков смотрел мне под карандаш и сам просил читать вслух прочитанное.

3. Сафонов Иннокентий Михайлович (№№ 10—11),—30 лет, карамский эвенки, недавно прикочевавший с Кирэнги в стойбище Тьрка. Это

отважный и умный парень. Незадолго до нашей встречи его серьезно измыв медведь в неравном единоборстве. Сафонов хорошо говорит по-русски, хотел бы очень пробраться в город на учебу.

4. Монастырев Федор Константинович (№ 12)—37 лет, цветущий, высокого роста эвенок, основательный в делах, сказочник случайный.

5. Комарицин Иннокентий Николаевич (№№ 16, 49, 50)—42 лет, эвенок Чильчагирского рода из поселка Ченчи на Верхней Ангаре, внук оленного эвенка, женатого на „смешнице“ (дочери эвенка и русской). Комарицин говорит по-русски и по-эвенкийски.

6. Петухов Федор Николаевич—63 лет, из выселки Дагары в Нижне-Ангарске, метис с преобладанием русской крови и привычек. Его эвенкийская речь имеет русский акцент.

7. Шаньгин Федор Николаевич (№№ 17—18, 51—53)—35 лет, эвенок Киндигирского рода с Нижне-Ангарска, береговой, знает русскую грамоту в пределах начальной школы, женат на русской, многодетен, беден и психически подавлен. Мать была шаманка. За три года знакомства я успел добиться от него не более двух сказок. В течение трех месяцев зимы 1919/20 года Шаньгин помогал мне изучать эвенкийскую речь.

8. Аеулев Яков Иннокентьевич (№№ 19—22, 24—27)—43 лет, горный эвенок Киндигирского рода, вдовец, очень скромный и честный человек, старательный промышленник. Уходя на промысел, оставляет двух детей в избушке берегового эвенка. Я „открыл“ Аеулева случайно. На мою просьбу что-нибудь рассказать он, отложив выход на промысел, диктовал и пел мне два дня. Песни свои Аеулев знает точно, повторяя текст слово в слово.

9. Букидаев Николай Иванович (№№ 23, 28—35, 45)—23 лет, горный киндигирец, товарищ Аеулева по промыслу. Песни диктовал с азартом и уверял меня, что сочиняет все сам, потом его песни поют другие. По-русски почти не говорит. Повторяя свои песни, Букидаев в редких случаях сбивался на новую версию, стоило ему подсказать слово, он отсчитывал метры длинного лирического излияния в совершенном согласии с первоначальной редакцией.

10. Муктонов Алексей Николаевич—22 лет, с детства живет среди русских в Нижне-Ангарске.

11. Шонгото (№№ 36—38)—12 лет, сын горной эвенкийки, вдовы из Киндигирского рода, сообщил несколько загадок и рифмы-считалки. Шонгото учится в русской школе. Жалобу зайца (36) сообщила его мать.

12. Аеулева Ольга Николаевна (№№ 39—44)—18 лет, берег. эвенкийка.

13. Нергунеев Александр Герасимович—22 л., из рода Бултэбир со стойбища Чондак на Карэнге. Нергунеев—близкий приятель известного среди нерчинских эвенков сказочника с р. Имурчен (приток Витима) Торгонова Георгия Гавриловича. Нергунеев не профессионал-сказочник, но человек с талантом, обладает музыкальным слухом, очень охотно рисует.

14. Нергунеев Афанасий (№№ 54—60)—старик из рода Бултэбир.

15. Баксанаев Семен Анипатьевич (№№ 61—68)—19 лет, из рода Урпиловых (Туруягир) с р. Ципы (приток Витима). Прослышав, что я интересуюсь сказками, Баксанаев сам пришел ко мне на фабрику Калакан и предложил свои услуги. На кормежке, у костра он продиктовал мне сказки и спел песни. Пел Баксанаев чудесно.

На Лене и Кирэнге у разных лиц, главным образом у подростков и молодых парней записаны загадки. Все записи выверены, но ошибки должны быть, так как мои сказители при повторном чтении часто находили неудобным вносить мелкие исправления. Перевод сделан слово за слово.

В заключение необходимо заметить, что мои наблюдения над поэтическим творчеством эвенков были кратковременны, хотя, может быть, и счастливы. Все же мне кажется, что я собрал лишь осколки чего-то прежде значительного. Я решился на публикацию этих скудных и несовершенных записей, полагая, что даю их в качестве пробы, которая будет полезна, так как эвенки изучены плохо.

1. Caɣalaj-Cakulaj

3ür baɣatırıl gəjywhəl arcaldıra. Ge Zerdışan-3üyıkta gərbin. Ge Caɣalakaj-Cakulaj gərbin. Bakaldımı ırıldırä, ılgıcəllä, ȳörcalımmər kərə. İlanma şutkal ȳörcara, tıra onımmər kərə, awgu-wal əhin dardıra. Günmätcä „Hojuwər halızahınmät“: Murıclı zükce, murırdıwar uwra, şurımmär kərə. Goroo ȳənərə, icərə gorot, ıräwä əwsärä. ırä hərädün je-al kəmi günän: „Əräwä gorotpaw dulumkän ȳənəkəllu! Bi şunä döldicäw ȳörcazıcähun ilanma şutkal, dınnä habalzıcän“.

Nuartin icərə atırkakun. Jaga-baba hukcasırän, sägdənnəduwi. Caɣalaj-Cakulaj möwa həgdikəkünmə şullutcan. Jaga-babawa möt şuwuruzın, ampalın igdirəmmän kərän.

10 Şurıru gorottuli, bəjəl nuarwatın nəmkicəlimmər kərə, baɣatırıl alımmər kərə. Gorotpa weşpän həkimnəmmär kərə. Cäski şurıru, icərə ləmuğun. Caɣalaj-Calukaj icəmi inəmuhinän, Zerdışan-3üyıkta əhin ırünä. Günmätcä: „Mıkcaımmät ləmuwa bargıskı“ Caɣalaj-Calukaj mıkcanän ceres. Zerdışan-3üyıkta mıkcanän ləmuwa, murının kökcänmə ȳılammen mūdı kərän.

15 Cäski şurıru, gorowa ȳənərə, icərə Moȳokun-3əgdizärän, nəbowa ıstalä. Caɣalaj-Cakulaj inəmuhinän. Zerdışan-3üyıkta oħadöllən. Nuartin günmätcä: „Murırdıwar mıkcanmät“. Caɣalaj-Cakulaj mıkcanän cakumnak. Zerdışan-3üyıkta murının irgiwi palımmen kərän towadu.

Cäski şurıru, icərə kammakur kajtlazärä, Caɣalaj-Cakulaj icəmi inəmuhinän. 20 Zerdışan-3üyıkta inəmuılın Nuartin günmätcä: „Miti murırdıwar mıkcanmukänmät“. Caɣalaj-Cakulaj mıkcanän cakumnak. Zerdışan-3üyıkta mıkcanän murınman halgänmən pəhitcä. Amaşkıwar mıkcanä. Caɣalaj-Cakulaj mıkcanä, Zerdışan-3üyıkta mıkcanän murınman ȳıırıkcan pəhitcən. Pişkəm sulapcän. Nuartin günmätcä: „Pişkəlil mıkcankiwät“. Caɣalaj-Cakulaj cakumnak mıkcanän.

1. Чагалай-Чакулай

Два богатыря красивые встретились. Один Жердышан-Джюгикта по имени. Другой Чагалай-Чакулай по имени. Встретясь обрадовались, стали говорить, бороться стали. Трое суток боролись на-разных, никоторый не одолел. Переговорили. „Конец пойдем искать“. Конные оба на своих коней сели, поехали.

5 Далеко уехали, увидели город, с хребта спускаются. Под хребтом кто-то сказал: „В этот город смирененько заезжайте, я вас слышала, боролись (вы) трое суток, земля дрожала“.

Они увидели—старушица. Яга-баба лежит на спине. Чагалай-Чакулай дерево крупнейшее вырвал. Яге-бабе дерево вершиной в рот воткнул.

10 Поехали в город, мужчины стрелять их из луков стали, богатыри рассердились. Город весь растоптали. Дальше поехали, увидели морище. Чагалай-Чакулай, видя, усмехнулся, Жердышан-Джюгикта не рад. Сговорились: „Перескочим моря на ту сторону“. Чагалай-Чакулай прыгнул, моря не задев, Жердышан-Джюгикта прыгнул (через) море, конь его копыто замочил в воде.

15 Дальше поехали, долго ехали, увидели огнище горит, до неба достает. Чагалай-Чакулай усмехнулся, Жердышан-Джюгикта рассердился. Они сговорились: „На конях перескочим“. Чагалай-Чакулай прыгнул, ничего не задел. Жердышан-Джюгикты конь (его) хвост опалил в огне.

Дальше поехали, увидели утесы, ножницами сдвигаются. Чагалай-Чакулай, 20 видя, усмехнулся, Жердышан-Джюгикта заплакал. Они сговорились: „Мы на конях перепрыгнем“. Чагалай-Чакулай прыгнул, не задел, Жердышан-Джюгикта прыгнул, коню своему ногу оторвал. Назад прыгнули. Чагалай-Чакулай перепрыгнул, Жердышан-Джюгикта прыгнул, коня его пополам разорвало. Пеший остался. Они сговорились: „Пешие будем прыгать“. Чагалай-Чакулай, не задев, прыгнул,

23 Zerdīšan-3ūhıkta mukcānā, halganmān pəhitimmān kərān. Amaşkiwār mıkcānā. Čačalaj-Cakulaj cakumpak mıkcānān, Zerdīšan-3ūyıkta ugunikcān pəhitcēn. Čačalaj-Cakulaj uməkōn sulapcān. Zerdīšan-3ūyıkta buđān.

Čačalaj-Cakulaj murinduwi uwrān, şurummān kərān. Ŋənerān, ŋənerān gorokōkunma. Hoktokōnmo bakaran, hoktokōndulu şururūn. 3ūkāndulā işşan. Luğurkikin morindukpı jūrān. Ahātkān zūdūk jūrān. Arcamkārān Čačalaj-Cakulajwa. 3ūla irā, cājwa ūlērān, ūlləlwə ūlērān, zəpcālimmār kərā. Kəhilā niqahindar kəzlrə. Ahātkān gunān Čačalaj-Cakulajwa: „Ərā zū ŋələwkāciŋki dolbol, əkəl! əkəl ərəkəwə nlrə. Ontānā, ontānā gunziqān: Əkəl! əkəl ərəkəwə nlrə“. Niqahinmer kərā.

Dolbukōkin dōldira jəwal kəmi murindu əmərān, gunān: „Ciwəkcin! ciwəkcin! ərəkəwə nikel“. Tarı ciwəkcin əŋki nlrə. Hırkōnmə gunzārān: „Əkəl! Əkəl hawalla“. Kumnicā hırkənmə. Tarā hilā gunzārān tilində: „Ciwəkcin! ciwəkcin! ərəkəwə nikel. Bī ulapcā bihim. Bəjurdu mūdū arnawa ōzacāw. Orordu bağdākāldu lawiktawa ōzacāw. Murırdı, kukuhıldu oroktolwo borulwa ōzacāw. Ajāldu boyatırıldı hōtin ōzacāw. Ləmuwə tincāw. Toçowa tincāw kojıma ōcāw. Kaçitlāzırān. Nuçartin mıkçānkicātin. 11 Hojwor tādū bakacātin... Čačalaj-Cakulaj ciwəkcinmə əkəl dōlcatca, hūdākāl cāwəkcinma. ərəkəwə nimmın kəkəl!“

Čačalaj-Cakulaj kərān ciwəkcinmə hundārān, ərəkəwə nimmın kərān. Ahātkākikin gəjūkəkūn təlki irān zūlā. Ciwəkcinmi dılwān pəhimcēn. Tılişki hūdāmımmān kərān. Nuçartin zıkcə kəhillā ānqəcılimmer kərā. Məkəməcillā, ōnka zıkcə gəjıkəkūr.

D. Polin. Karama

2. Akşirē-Bakşirē

Ətirkan bizican. İlan ahātkār, hütəlin wəlnakākūr. Əŋkil əja-wal vəlārə amındıwar. Bağdawkıl ōhal, dəyilihinā vırakundulā. Ulbuşkəcillā bağdawkıl. İlānsār kaluşal əmərā. Adilīt adılimmer kərā. Nıçūndıwıç hunāt

25 Жердышан-Джюгикта, прыгая, ногу свою оторвал. Назад прыгнули, Чагалай-Чакулай не задевая прыгнул, Жердышан-Джюгикта пололам разорвало. Чагалай-Чакулай один остался, Жердышан-Джюгикта умер.

Чагалай-Чакулай на коня своего сел, поехал. Ехал, ехал очень долго. Тропинку нашел, по тропинке поехал. К юрточке подъехал. Глубоким вечером с коня слез. Девушка из юрты вышла. Встретила Чагалай-Чакулая. В юрту вошли, чай сварила, мясо сварила. Поели, потом стали ложиться спать. Девушка сказала Чагалай-Чакулаю: „Эта юрта попугивает ночью, не открывай, не открывай дверь. О всяком, о всяком будет говорить, не открывай дверь“. Уснули.

Глубокой ночью услышали—кто-то на коне приехал, сказал: „Стряпка, стряпка, 25 дверь открой!“ Та стряпка не открывает. Парню говорит: Не шевелись, не шевелись“. Обняла парня. Та говорит на дворе: „Стряпка! стряпка! Дверь открой, я промокла. Сохатым в воде осоку делала. Оленям диким белый мох делала. Лошадям (и) коровам траву „буруй“ делала. Добрым богатырям конец делала. Море напустила. Огонь напустила, утес сделала стригущий (как ножницы). Они (до тех пор) перепрыгивали, (пока) конец там (не) нашли. 30 Чагалай-Чакулай, стряпку не слушай, брось стряпку, дверь открывай-ка!“

Чагалай-Чакулай стряпку бросил, дверь открыл. Девушка красивейшая только вошла в юрту. Своей стряпке голову оторвала. На двор бросила. Они оба спать вместе стали. Совокупились, как же, оба красивые.

Д. Полин. Карам

2. Акширē-Бакширē

Старик жил-был. Три девушки, его дочери, очень непослушные. Ничего не помогали отцу своему. Лебедями сделавшись, полетели на речку. Купаться начали лебеди. Тридцать великанов пришли. Сетью обсетили. Младшая девушка

cinikā ōwha, adūwatīn top dəyillən. Zūrquwə ʃagdawulwa hunilwān kaluʃal ɬawara.
 5 Nukūndiwu cinikā ōwha, dəyilzāhinān aminūkiwi. Aminmī sōnadun dōmmen kərən,
 gūnān: „Amal minā zajakal, əktiłwə ɪlanzar kalusal zawacāl“. Aminin gūnən: „Za-
 naka, əŋki hūŋkā birkā. Ahantina tēmkerri, əhinkəncā, dəyilzākāl! Akširē-Bakširē
 ʃinə zajazigān, bādān bazalakīma, oŋokton ihālāma, zarīwahammelin oŋōqakinmān
 ɬurilwi ōzarŋki“.

10 Hunāt tartiki dəyilzāhinān. Issan, Akšarē-Bakšarē sōnadun dōmmen kərən. Zūt-
 kīn icəhinān. Akšarē-Bakšarē ɬurilawī ōzarān. „Təzət!“ gūnən hunāt: „Akšarē-Bakšarē
 minə zajakal“.

Akšarē-Bakšarē uwiški icəhinān, sōnatki. „Hunāt əməcā“, gūnən Akšarē: „əmə-
 kāl zajzegāw“. Aʃatkān zūlā immān kərən.

15 Ilānzār kaluʃal ahara. Akširē gūnā: „Akširē-Bakširē əmūwkāl hunātpa. Əhikiʃ
 əmūwra, sinə wəzilləw“. Akširē-Bakširē gūnən: „ʃū minā əziŋəhūn wārā“. ɬurilwi
 garan, nuartigitiŋ ɬənəhinān. Əməran. Kuḫilinimār kərā. Ilānmə-zār kaluʃalwa wespa
 wārān. Hunātpa ahijawī gammən kərən. Akširē-Bakširē tar mujen.

D. Polin. Karama

3. Sarālta

Ətirkan bižəllən. Baɬatır ʃagdicā gulāduwi təyātcarān. Tirga bəjukun-anamkun
 əməran. Tulindı binə ʃrillān: „Amakā ʃarālta, tulışki jūkāl!“ gūnān: „Əhikiʃ jūrā,
 ərāwā gulāwəʃ kəkajizigāw“ gūnən. Amakā ʃarālta bəjunmā gūnən: „ʃō bimi,
 kəkajkal, minŋiwā gulāwə. Bi gəjəwundıwi ōcaw ərāwā guləwā“.

5 Bəjukun tuharān, gulāwā kəkəjrān, hammen ɬagutmi. Amakā ʃarālta ɬurilwi
 garan, tulışki jūrān, anamkūnma nəmkimmān kərən, wārān. Tar mujen.

пташкой сделалась, сеть их сквозь улетела. Двух старших девиц великаны
 5 поймали. Младшая, пташкой сделавшись, полетела к отцу своему. У отца на
 дымовое отверстие юрты села, сказала: „Отец, меня спрячь, старших сестер три-
 дцать великанов поймали“. Отец ее сказал: „Так и надо, непослушны были,
 постигонку не сучили сейчас. Лети-ка, Акиширэ-Бакиширэ, тебя будет прятать,
 лицо похож на лягушку, нос его — как ящерица, в стружках по пояс, стрелы
 10 делает“.

Девушка туда полетела. Достигла. Акиширэ-Бакиширэ на дымовое отверстие
 села. В юрту заглянула. Акиширэ-Бакиширэ стрелы делает. „В самом деле“,
 сказала девушка: „Акиширэ-Бакиширэ, меня спрячь“.

Акиширэ-Бакиширэ вверх посмотрел в дымовое отверстие. „Девушка пришла“,
 сказал Акиширэ: „иди, спрячу“. Девушка в юрту вошла.

15 Тридцать великанов нагнали Акиширэ, сказали: „Акиширэ-Бакиширэ, отдай
 деву. Если не отдашь, тебя убьем“. Акиширэ-Бакиширэ сказал: „Вы меня не убьете“.
 Стрелы свои взял, к ним пошел. Пришел. Драться начали. Тридцать вели-
 канов всех убил. Девушку в жены взял Акиширэ-Бакиширэ. Это конец.

Д. Полин. Карам.

3. Шаральто

Старик жил. Богатырь старый, в избе сидит. Днем зверь сохатый
 пришел. На дворе будучи, закричал: „Дедушка Шаральто, на улицу выйди“,
 сказал: „Если не выйдешь, эту избу твою бодну“, сказал. Дедушка Шаральто
 зверю сказал: „Если очень (сильный), (то) бодни мою избу. Я в молодости
 5 своей делал эту избу“.

Бык разбежался, избу боднул, не мог сломать. Дедушка Шаральто стрелы
 свои взял, на улицу вышел, в сохатого стрелять стал, убил. Это конец.

4. Hưkākān

Umūkān ahi bizāllān. Hukitāci ahi. Ēdīn bicān. Surūcān. Ēḡkin əməṛə. Ahi tarā əhin sārā. Hūtān bicān bəjā toza boṇatir. Surūcān. Ēḡki əməṛā. Əhin sārā. ilarā ojotin-məl hukitān. Tārā ilā hūtāḡnān hūrākānma. Luḡur hūtāḡcān. Timātnā hūrākān ḡirkullan. Hūtān āḡpātā, işə āḡpātā zūruwə dolbonīl. Hūtān həḡdikəkūn
5 örān. „Ənīnmi,“ ḡūnān: „ḡkūndūkpi şirkal, kalacikārā ōkal, ilana ahukārā“.

Hūrākān kalacikārwa garan, əwurdūji nārān kərān. Şururūn hoktolı. Tālki bəjūkūnma arcaran. Ahi amardun nuḡizārān orordu.

Bəjākūn həḡdikəkūn, baṇatırkūn hūrākānma zawarān. Arcaldımı ənā ōn-mal ḡūnə, tirāmmān kərān. Wādāwı kəzācān hūrākānma. Hūrākān əwərdūkpi kalacikpa tārān. Bəjəkūndū amḡalın cıkiwammın kərān. Bəjəkūn şəran, şəran, nımḡārān.
10 „Ənīmukā!“ ḡūnān. İşşə hūrākānma tirāzırān wādāwı kəzārān. Hūrākān kalacikpa əwərdūkpi tārān, bəjəkūndū amḡalın cıkiwammın kərān. Bəjākūn şəşellan, şəran, nımḡərən, ḡūnən: „Ənīmukā!“ Potom hūrākānma, işşə tirāzırān, hata-mat wādāwı işşə kəzərān. Hūrākān kalacikpa əwərdūkpi tārān, bəjəkūndū amḡalın cıkiwammın
15 kərān. Bəjākūn şəşellan, şəran, nımḡərən. ḡūnān bəjəkūn hūrākānma: „Əri kalacik on bihin ənīmukā“. Hūrākānma ḡūnān: „şī iduk əmənni? niḡi bihinni?“ Hūrākān ḡūnān: „Ərā ədu daṇadu bizārāw, təkə ənīnnun bī zḡkcəkān, amā ācın“. Bəjəkūn hūrākānma kḡḡnārān, ḡukanırimmen kərān, ḡūnān: „şī mıḡi nəkūnmi bihinni“.
Ahiwi ḡūnān: „Ororwi inilwətin, burikəl āḡpātāwāt“. Aḡḡacilla.

20 Dolbo hūrākān tolkitcān maḡikūnma. Maḡikūn uwiḡālā dəyiliktāzırān hələḡəcin. ḡālāduwi ikokunma ḡələktāzārān, ḡunzārān: „Hūtākər alakār, mindū bḡkālīlə jekukānə-wəl, kurıwukānə-wəl, borokono-wol, iranuhun irawazıḡāw şəḡdāndulāwər aji-kānzī bizıḡāhūn“.

Timātə təṇərə. Ahuwkān hūrākān ənīnmi ḡūnān: „Maḡikūn əməzāllān. Mittuk
25 ḡālāzāllān ekuna-wal, əkəl bḡrā ekuna-wal, əkəl bḡrā“. Cəjcella, cəjcella. Maḡikūn

Д. Поли. Карама

4. Мальчик

Одна женщина жила. Беременная женщина. Муж ее жил. Ушел. Не пришел. Женщина того не знала. Сын ее был, мужик тоже богатырь. Ушел. Не пришел. Не узнала. В три раза (увеличился) живот (ее). Та эвенкийка родила мальчика. Вечером родила. Утром мальчик заходил. Сын проночевал, еще
5 проночевал две ночи. Сын большим стал. „Мать“, сказал: „из груди нацеди, сделай калачики, три маленьких“.

Мальчик калачики взял, за пазуху положил. Пошел по дороге. Только мужчинешу встретил. Женщина позади (его) на оленях кочевала.

Мужчинеше большущий, богатырище, мальчика схватил. Встретясь, ничего не говоря, стал давить. Убить собрался мальчика. Мальчик из-за пазухи кала-
10 чик вынул. Мужчинеше в рот зализнул. Мужчинеше жевал, жевал, проглотил. „Матерью (пахнет)“, сказал. Еще мальчика стал давить, убить собрался. Мальчик калачик из-за пазухи вынул, мужчинеше в рот сунул. Мужчинеше начал жевать, разжевал, проглотил, сказал: „Матерью (пахнет)“. Потом мальчика еще давил, все-таки убить еще собрался. Мальчик калачик из-за пазухи вытащил, мужчинеше в рот сунул. Мужчинеше стал жевать, разжевал, проглотил. Ска-
15 зал мужчинеше мальчику: „Этот калачик каков (почему) матерью пахнет?“ Мальчику сказал: „Ты откуда пришел? Чей ешь?“ Мальчик сказал: „Вот здесь близко живу, только с матерью я вдвоем, отца нет“. Мужчине мальчика обнял, понюхал (поцеловал), сказал: „Ты мой младший брат“. Жене своей сказал: „С оленей व्यюки сними, почевать будем“. Заночевали.

20 Ночью мальчик увидел во сне чудовище. Чудовище вверху летает, как коршун. В руке своей лукошко держит, говорит: „Детки сладкие, мне дайте что-нибудь, немножко, маленько, за вас буду молиться до старости, хорошо будете жить“.

Утром встали. Младший мальчик матери сказал: „Чудовище идет. От нас
25 просит чего-нибудь, не давай чего-нибудь, не давай“. Пили чай, попили. Чудо-

əməran, ʔwɨjälä dəyiktällän, ɣunzänä: „hʔtakar alakar mində bʔkəllə əkukanə-wəl, kʔriwəkənə-wəl, borokono-wol, ʔi ɣundu iranəhun irəwəɣɨɣaw ɣagzənduləwər, aja-känzi ɣerkusɨdahun“. Dähäkəndu ɔzeren. Həɣdikun bəjəkun ənä tillä ɔrikən: „Nədə bʔkəl ɔtirkan əjakəkun, həɣdikun bəjəkun, nədə muɣnəkəkənə bʔkəl“.

³⁰ ɔtirkan əjakəkun muɣnəkəkənə hundəran ikəndulən. Nəkünin hʔrkəkan bʔllən, bʔmən kəran. Maɣi ɣunən: „Aɣa! zanaka, ɣöl-wal bimi, mindu ʔlɔkciwəɣ zanaka“.

Potom həɣdikun bəjəkun nəkünmi icəran buca, nuniłan ɣaran, maɣiwa nəm-kimmən kəran. Aməɣiɣɨɣin ɣələwən pəhitimmən, ɨkəkunin dunniłə tɨkimmən kəran.

³⁵ Luɣnakətəj muɣnəkan dunniłə tɨkəkin, nəkünin hʔrkəkan əremmən kəran. Nuɣartin zəpcə kərə. Itɣara maɣiwa, əhazəhimmer kərə. Bakanə, maɣi zuduwi bizəran. Nuɣənmən wəmmər kərə. Zuwatkiwar sʔrʔrə. Zuləwər əməərə. Ənintin ʔrumcəkəkun. Zuduwar bizəlimmir kərə.

Tərə bəjəkun bayatirkun aminəni ʔsalin ʔzasahınam. Bakaran kaluɣal wəcətin

⁴⁰ aminəmən. Aminəni ɣeremniwən uruwan, biɣəditin nəwəran. Bəjunmə wəran, higrən. Mənikən hʔkləhinən. Ojoduwi ʔlləlwa nəwəran. Timattä kərə dəyiliktällən. Kəratkar ʔlləlwa icərə. Zəptəwər kəɣərə. Əninməɣ ɣunzərə: „ʔlləlwa zəpciɣam“. Ənintin ɣünən: „Əkəllə zəpcə ɔrəwə ʔlləlwa“. Kəratkar əhawkar əninməɣ əhiɣ dölcatca, ʔlləlwa dömmer kərə, zəpcədəwər. Tərə bayatirkun

⁴⁵ kəratkarwə zawammen kəran. Kəratkar ənintin ɣunzəran: „ʔtəlwaɣ tɨkəl, pozalusta, tɨnkəl“. Tərə bayatirkun kərəwə ɣünən: „Ziwoj woda“ ɣunəɣjətin ɣənəkəl təli, əmuwrəkiɣ, hutəlwaɣ tɨnzəɣaw“.

Kəratkar ənintin dəyilsəhinən. Əmuwrən „Ziwoj woda“ ɣunəɣwətin, ɣəɣwə butɨkal əmuwrən. ʔmʔkəndʔk butɨkaduk kəratkəndu ʔɣkʔrʔn, kəratkan bʔmmən

⁵⁰ kəran. ɣədʔk butɨkaduk ʔɣkʔrʔn, kəratkan awɣarammən kəran. Nəɣan aminəni tərəit butɨkat ajatkut ʔɣkʔcilimmən kəran, aminəni ʔlləci ɔllan. Potom nannəci ɔran. Amɣalin ʔɣkʔrən əhukənmə, aminəni təyərən, awɣarammən kəran. Zutkiwar sʔrummər kərə. Zuləwər əməərə. Bizəlimmər kərə. Tar mujen.

вище пришло, вверху стало лѣтать, говоря: „Детки сладкие, мне дайте чего нибудь, немножко, маленько, я вам (за вас), за ваше добро буду молиться, что бы до старости хорошо ходили“. Садящимся делается (сел). Большой парнишка не поняв, крикнул: „Надо дать, старик хороший, большой мужик, надо годовалого оленя дать“.

³⁰ Старик хорошего оленя (годовалого) бросил в грудь. Младший брат, паренек, заболел, умер. Чудовище сказал: „Ага! так и надо, хотя сильные, мне обмануть удалось“.

Потом большой парень младшего увидел мертвого, стрелы взял, чудовище стал стрелять. Заднюю руку его оторвал, локоть его на землю упал. Вместе

³⁵ с рукой олень (годовалый) на землю упал когда, младший брат, паренек, ожил. Они стали есть. Снарядились, чудовище преследовать стали. Нашли, чудовище в доме живет. Его убили. Домой пошли. Домой пришли. Мать рада. Дома жить стали.

Тот парень-богатырь отца по следам пошел. Нашел великанов, убивших

⁴⁰ отца. Отца кости собрал в кучу, как были положил. Зверя убил, ободрал. Сам лег. На лоб себе мяса положил. Утром ворон прилетел. Воронята мясо увидали. Есть стали. Матери говорят: „Мясо едим“. Мать сказала: „Не ешьте это мясо“. Воронята маленькие, матери не слушал, на мясо сели, чтобы есть. Тот богатырище воронят поймал. Воронят мать говорит: „Детей отпусти, пожалуйста, отпусти“.

⁴⁵ Тот богатырище воронихе сказал: „Живой воды называемой принеси, тогда, если принесешь, детей отпущу“. Воронят мать улетела. Принесла „живую воду“ называемую, две бутылки принесла. Из одной бутылки на вороненка вылила, вороненок умер. Из другой

⁵⁰ бутылки вылила, вороненок выздоровел. Он отца из той бутылки хорошо облил, отец с мясом (телом) стал. Потом с кожей стал. В рот его налил немножко, отец сел, выздоровел. Домой пошли. Домой пришли, жить стали. То конец.

5. Bolontur - boʻyatır

Bolontur boʻyatır ahiči. 3ür murır: ımıkkēn murın bəjüktəhik, ımıkkēn murın bulanıqki. Oroiñ kətəkəkun. Bəjüşikəkun, bəjürä inniwāccāqki, amākāla inniwāccāqki.

Ge boʻyatır Törganaj ahinunin nıqazarān, sōkanzārān. Bolontur ahin sārā. Ahiwān alawurān: „Günkəl, ıllälwä nädä. Zān uräl cāyılātın, zān bırar cāyılātın, tälä bəjün bihin, tälä wärəkış, tēli zəpcıñaw“.

Bolontur timättə mırınmı zawaran, ıməliwrān hawahımmın tartikī. Murınin ahin əməzārā, murınin gıñdārān: „Amaşkı icāhikāl, tulup tikcāhə, bəjā Törganaj awunziyi awlārān“.

Nuan icāhinān, Bolontur amaşkı icāhinān. Törganaj tikcāhə tulupızın. Nuan amaşkı mıccıhinān. Törganaj kölcārārān. Nuan ahiwi hanpūktaran: „ēkun tulupızıw tizāyan?“ Ahin gūnān: „Bī ticcāhaw, sururəkış, ənājima“. Nuan hıla sururıñ.

Gənārān, gənārān, zānmā uräl gənārān, zānmı bıral gənārān, ışşan. Bəjün nārātkanmā tälä əməzārān. Əgdikəkun bəjün—mamont. Nuan nırmārān, nēmkimmān kərān. wāmmen kərān. Potom higzällān. Bəjünmā higrān. Ulləlwa morınduji namallan, namaran həgdikəkunmə, halgarin balkaldulā kokcalin tēptirə dıñnāwā. Murınin gūnān: „ēwanəwi namazannı əgəni həgdıwə, ēkun zəpcıyan əgəwə ıllälwä? Törganaj ahiwas surıwcə. 3ūdus ēkun-mal ācın“.

Nuan ıllälwä (dunılwātən). Bolontur boʻyatır alıran, murınduji awran, dəyılzā-hināmmān kərān.

„Murınmaş bulāhikpəs Törganaj lamulā bargilā mōduk kadıwacā. İpəmək-täldıkin ıırakıcan əjāhicā“.

Nuan Bolontur zülā əmərān, e-wal ācın. Murındukpı hanpūktarān: „Bulāhik ēdu vakazellap?“ Murınin gūnān:—„Lāmudu tımuje ökal, minə əlgəmmān ökal. Bī ılı-ñaw tärtikī gənəzākāl“.

5. Болонтур-богатырь

Болонтур-богатырь (имел) жену. Два коня, один конь промышленный, один конь военный. Оленей множество. Промышляет, зверей-лосей вьюками возит, медведей вьюками возит.

Другой богатырь Торганай с женой его спит, совокупляется. Болонтур не знает. Жену его научил: „Скажи (ему), что) мясо надо, за десятью хребтами, за десятью речками, там зверь есть, там когда убьешь, тогда я буду есть“.

Болонтур поутру коней своих поймал, обседлал, поехал туда. Конь его не идет, конь говорит: „Назад оглянись, тулуп надел мужик-Торганай, шапку надел“.

Он оглянулся, Болонтур посмотрел назад, Торганай надел его тулуп. Он назад вернулся. Торганай спрятался. Он жену спросил: „Кто тулуп мой наденет?“ Жена его сказала: „Я надену, когда ты уедешь, скучно (о тебе)“. Он тогда отправился.

Ехал, ехал, десять хребтов ехал, десять рек проехал, достиг. Зверь по озерцу-солонцу там ходит. Большущий зверь—мамонт. Он подкрался, из лука стрелил, убил. Потом шкуру снимать начал. Зверя ободрал. Мясо на коня вьючить стал, навьючил множество, ноги до бабок копытами увязли в землю. Конь его сказал: „Зачем ты вьючишь очень много, кто есть будет это мясо? Торганай жену твою увел, дома у тебя никого нет“.

Он мясо разбросал. Болонтур-богатырь рассердился, на коня сел, помчался. „Коня твоего боевого Торганай за морем к дереву приковал. От его слез ручушка протекла“.

Он, Болонтур, домой приехал, никого нет. У коня спросил: „Боевой (конь), где найдем?“ Конь его сказал: „В море плот сделай, меня введи на плот. Я встану (куда голозой), туда поезжай“.

25 Тамуwa 6ran Bolontur бајатır. Murınnı 6lg6r6n, tamudı ılıwk6n6n. Tartıktı hıla zawr6z6hına, l6mu bargıřkı. İřsa, murınnı bakaran, m6duk kaduwc6ha. Murınnı l6pcan. Potom tın6n, cukadu d6rumkıd6n.

İlanma řutkal t6du bic6n. Potom murırwı tamul6 6lger6n zıkc6w6. L6muwa d6yr6n. Zapkalı tamur6z6hin6n. Goro 6ner6n. İc6r6n m6du kukıřketcera, ahın T6rganaj tumnızera.

30 Nuan Bolontur 6wıřkı ic6hin6n. İc6r6n—T6rganaj ahın kukıřketcera. Bolontur baјatır g6n6n: „Tuluppaw b6k6l, awunmaw b6k6l“.

T6rganaj tuluppa hundad6wı k6c6n. Ahın 6hin b6r6, g6n6n: „Tuluppa hunda- rıkıs, ři idu, bı idu?“ T6rganaj 6t6mm6n hundamı.

35 Bolontur g6n6n: „Ahıwa 6k6l d6ldıc6tca. L6muwa h6rend6n baјatır bihin. Tarııtı hun6z6n bihin. Bı t6r6wa gazııaw ahııawı. Minıı ahıw řıngı, mindu ne n6d6. Tuluppaw mindu hundak6l“.

T6rganaj tuluppa, awunma hund6r6n. Nuan tuluppa garan. Bolontur baјatır tulupı t6ic6n, awunmı awır6r6n. 6wıřkı tomn6n. „Leřnica 6kal“, g6n6n. Leřnica 40 6ran. Nuan ojokcehin6n leřnicoli. İřřan. T6rganajwa dılw6n p6hitc6n. Z6rw6 azırgal omnikılwa zawaran. Ahıwı ırgılduktın 6ııw6mm6n k6r6n. Tinimm6n 6zır galwa. 6zırgal tuhana: g6 6rtıkı, g6 6rtıkı. Ahıw6n b6k6lin ik6nelin carıtımm6r k6r6

D. Polın. Karaма

6. Hani Huvun H6her Bogdo

Bız6ll6n baјatır, h6gdıkk6n baјatır. N6k6nin 6m6k6n hun6t. Hani Huvun b6ıřık6k6n, b6ıırw6 w6z6ıgkı, murınduwı innıww6tc6ıgkı 6ll6lw6. M6nik6n 6ıgkı nııahına nıskolko, tırğa-wal, dolbo-wol 6ıgkı nııahına.

5 N6k6nin ah6tk6n akınnı mulanzeren, 6hıkin nııazera. N6k6nin akınnı g6n6n: „emı 6ıgkit6nnı nııahına? Nııahık6l, d6r6mkıd6wı“.

25 Плот сделал Болонтур-богатырь. Коня своего завел на плот, поставил (как надо, головою). Туда поплыл, за моря. Доехал, коня своего нашел, к дереву прикованного. Коня снял. Потом отпустил, на зелени чтобы отдохнул (конь).

Трое суток там был. Потом коней на плот завел обоих. Море пересек. Вдоль берега поплыл. Долго ехал. Увидал в воде кукиши ставят, жена его 30 (да) Торганай плюют.

Он, Болонтур, вверх посмотрел, увидал—Торганай (да) жена его кукиши показывают. Болонтур-богатырь сказал: „Тулуп отдай, шапку отдай“.

Торганай тулуп хотел бросить. Баба не дала, сказала: „Тулуп если бросишь, ты где, я где (окажемся тогда)?“ Торганай не стал бросать.

35 Болонтур сказал: „Бабу не слушай, в конце моря богатырь есть. У него дочь есть, я ее возьму женой, моя баба [пусть будет] твоя, мне не надо. Тулуп мне брось“.

Торганай тулуп, шапку бросил. Он тулуп взял, Болонтур-богатырь тулуп надел, шапку надел, кверху плюнул. „Лестница сделайся“, сказал. Лестница 40 лась, он полез по лестнице. Достиг. Торганаю голову оторвал. Двух жеребцов неиманных поймал. Жену за хвосты их привязал. Отпустил жеребцов, жеребцы побежали: один сюда, другой сюда. Жену его всю пополам разорвали.

Д. Полин. Карама

6. Хани Хувун Хохор Богдо

Жил-был богатырь, весьма большой богатырь. Сестра у него младшая одна—девушка. Хани Хувун—самый промышленник, зверей убивает, на коня своего выючит мясо. Сам не спит нисколько, ни днем ни ночью не спит.

5 Сестра-девушка брата жалеет, что не спит. Сестра брату сказала: „Почему не спишь? Ляг спать, чтобы отдохнуть“.

Nugan arkiwāndu imuhəwə ahuwkānmə arkirān, gūnən nəkūnmi: „Ərəwā arkiwūnma icātəkəl. Irījākin, minə şiriwdawī“. Ahātkan arkiwūnma irijākin, dişki nərān, gūnān: „puşşaj nıqazıyın. Əktə siriwrā gorowo“. Bicələ siriwucilla, gūnan: „Təyəkəl!“
 10 Akinin əŋki təyəre. Kəran akinni siriwmi, kəran. Qələmni haşəbəhinān, akinin bucaha.

Bizəllān hunat. Gūnə: „Dilica hunātuwı zenihpa nəgisārān. Təyəwə, upkatpa əmədātın, uruwzaran, aja bəjə dōstanzigān“.

Tərə hunāt nəkūnmi tətihəlsizyin tətcan, nəkūnmi murinmān büləhikpān ərirən.

Murinin əməran. Murindun ūwran, gənəhimmən kəran, işşan. Upkat təyə
 15 urupcāl, həcəkəkun nı-wəl dostanmi. Tərə hunātkan əməran, əwiski murinduwı dəyillān. Dilica hunatpān işşan. Dilica hunāzın ıqakaptunmi bürān. Nugan zuwatkiwar şururūn.

Opeş gūnə: „Beja hunatpi bızārān, zenihpān nəgisārān. Aja bəjə əməmi, dostanzigān. Hanı Hubun Həhər Bogdo nəkūnin tətihəlwān akinnı tātcan, murinman büləhikpān ərirən. Murindun ūwran, hawahimmen kəran, işşan.“

Upkat təyə urupcāl, nı-wəl həcəkəkur dostanmi. Nugan əməmi-nun dəyillān murtaj. Bega hunāzın ıqakaptunmi bürān. Amaskiwi şururūn, züləwər əməran.

Gūnə: „Calban hunatpi bızārān, upkatwa təyəwə uruwzārān“. Tərə hunāt nəkūnmi tətihəlwān tātcan, murinmān büləhikpān ərirən. Murinin əməran. Murindu
 25 ūwran, gənəhimmən kəran, işşan.

Upkat təyə urupcāl, həcəkəkur nı-wəl dostanmi, nujan əməmi-nān dəyillān, murtaj. Calban hunāzın ıqakaptunmi bürān, nujan amaskiwi şururūn. Züləwər əməran, ılara əngəcān.

Gūnə: „Dilica omuwkātcarān tarəwə, zenihpa ahıjawi gadān. Təyəwə upkatpa
 30 uruwzaran“. Nugan nəkūnmi tətihəlwān tātcan, murinmān büləhikpān ərirən, qurilwān garan, murindun ūwran. Hawahimmen kəran, işşan. Hunatpa dilica ahıjawi garan.

Opeş beja hunatpi bızārān, upkatpa təyəwə uruwzārān. Nugan nān gənərān, tarəwə-da garan ahıjawi.

Он навертел жиру немножко, поддел, сказал сестре: „Этот вертел смотри, когда поспеет, меня разбуди“. Девушка же, вертел когда поджарила, выше поставила, сказала: „Пусть поспит. Не буду будить долго“. Когда время прошло, сказала: „Вставай“. Брат не встает. Брата будила, будила. Рукой потрогала —
 10 брат умер.

Стала жить девушка (одна). Говорят: „Солнце дочери жениха ищет. Народ весь отовсюду чтобы пришел, собирает, хороший человек достанет“.

Та девушка младшего брата в одежду оделась, брата коня боевого позвала.

Конь прибежал, на коня села, поехала, достигла. Весь народ собран, никак
 15 не могли никто достать. Эта девчица приехала, вверху на коне залетела. Солнцеву дочь достала, солнца дочь кольцо свое отдала. Она домой вернулась.

Опять говорят: „Месяц дочь свою отдает, жениха ищет. Добрый мужик, придя, достанет“. Хани Хубун Хөхөр Богдо сестра одежды братовы надела,
 20 коня боевого скликала, на коня села, поехала, достигла.

Весь народ собрался, никто никак не мог достать. Она, придя же, залетела с конем. Месяцева дочь кольцо свое дала. Назад вернулась, домой уехала.

Говорят: „Вечерняя звезда дочь отдает, весь народ собирает“. Та девка
 25 братовы одежды надела, коня его военного позвала. Конь пришел. На коня села, поехала, достигла.

Весь народ собрался, не мог никто достать, она, придя же, залетела на коне. Звезды дочь кольцо свое отдала, она назад поехала. Домой приехала, три ночи проночевала.

Говорят: „Солнце зовет того жениха, жену чтобы взял. Народ весь собирает“.
 30 Она братовы одежды надела, коня боевого позвала, стрелы взяла, на коня села, поехала, достигла, дочь солнцеву женой своей взяла.

Опять меслц дочь свою отдает, весь народ собирает. Она снова поехала, ту и взяла женой своей.

Opeŭ calban hunātpi būzārān, upkatpa təḡwə uruwzaran, „Zenih əməyin“
 35 gūnān. Upkat təḡ urupcā. Nuga-da əmərān, nī-wəl həsirə. Nuga əməmi-nān
 upakāptunmi əmūwran, ahījawi gammen kərān. 3utkiwar surūwrun ahāba ilanma.
 Ahālin sōkanmuzara. Nuga əḡki ahālinunmi niḡahina. Ahālin niḡadānkicārā. Nuga
 gūnān ahālwī: „Bī sunnūn niḡadāw nelzja, zūwar issalāwər“. Calban hunāzīn zalwī
 gūnzārān: „Əriḡit onnākə ahī“. Surūru, poşlednej nūlgi oran. Nuga ahālwī gūnān:
 40 „Bī zūlālī nənəzākta, toyojo ilazādāwī, caje ḡlādāwī. Şū amardu nūlgizigahun.
 ʔənəzāhinān. Oktoli arcereŭ tuhakiwa. Tuhaki əlārən, tuhanān, amaşkiwī, icāhinān
 gūnān: „ek! cortul bī gūncəw Hahī Hubun Həhər Bogdoke, təlki əri ahikākun“.
 Ahātkan tuhakiwa zawaran gūnān: „Dilwaş pəhitcalim. Tuhaki gūnān: „Əkəl pəhitcā,
 bī şindu goditcīḡaw“. Tārā hunāt mödu lapkiran tuhakiwa, gūnān tuhakiwa: „Ahāl
 45 nūlgirāktin, hangūktalziḡātīn, şī gūnmurəkāl: „Hani Hubun Həhər Bogdo minə
 lakucān“.

Potom zūlāski surūrun, arcaran zihukəwə. Zihuka əlārən, tuhanān, amaşkiwī
 icāhinān, gūnān: „ek! cortul bī gūnzām Hani Hubun Həhər Bogdo, təlki nuga
 ahikākun, ekunzi-ka bī ələm!“ Hunāt zihukawa ahaktamāccān, zawaran, gūnān: „Şinə
 dilwaş pəhitcəlim“. Zihuka gūnān: „Əkəl dilwaw pəhitcā, bī şindu goditcīḡaw“.
 50 Hunāt zihukawa mödu uwlā lapkārān: „Ahāl əmərāktin, hangūktallaktin, şī gūnmur-
 rəkāl: „Minə Hani Hubun Həhər Bogdo lakucān“.

Hunāt surūrun zūlāskiwi arcaran amākunma. Amakā əlārən, amaskiwi tuhanān,
 ilan, amaskiwi icāhinān: „ek! cortul“ gūnān: „ekunzīn-ka ələm, bī gūndām Hani
 55 Hubun Həhər Bogdo əmərān, nuga təlki ahikākun“. Hunāt alirān, ahaktamāccān,
 amākəwə zawaran, gūnān: „Dilwaş pəhimcəlim“. Amakā gūnān: „Əkəl dilwaw pəhitcā“.
 Mödu uwlā lapkārān gūnān: „Ahāl əməmi, hangūktallatin, şī gūnmurəkāl: „Hani
 Hubun Həhər Bogdo minə lokucān“.

Nuga surūrun zūlāwər. Əmərān, nəḡūnmi tətḡəlwan mēndukpi lōkcān, nə-
 60 kūndiwū tətḡūmmān kərān. Toḡowo zūdu ilarān mənīkən kəlcārāmmān kərān.

Опять звезда вечерняя дочь свою отдает, весь народ собирает, „Жених
 35 пусть приедет“, говорит. Весь народ собрался. Она тоже приехала, никто не
 может (кольцо принести). Она, придя же, кольцо привезла, жену свою взяла.
 Домой повезла, жен трех. Женам хочется спать с мужем. Она с женами своими
 не спит. Жены очень спать хотят. Она сказала женам: „Я с вами спать не могу
 до приезда домой“. Звезды вечерней дочь товарищам говорит: „Это
 40 однако баба“. Поехали, последнее кочевье стало. Она женам сказала: „Я вперед
 поеду, огонь чтобы разложить, чай сварить. Вы позади прикочуете“. Уехала.
 По дороге встретила зайца. Заяц испугался, побежал, назад оглянулся, сказал:
 „Э! к чорту! я думал—Хани Хубун Хохор Богдо, а это—бабища“. Девушка
 зайца поймала, сказала: „Голову твою оторву“. Заяц сказал: „Не отрывай, я тебе
 пригожусь“. Та девушка к дереву привязала зайца, сказала зайцу: „Бабы когда
 45 прикочуют, будут расспрашивать, ты скажешь (тогда): Хани Хубун Хохор Богдо
 меня подвесил“.

Потом вперед поехала, встретила волка. Волк испугался, побежал, назад
 оглянулся, сказал „Э! к чорту! я думаю—Хани Хубун Хохор Богдо, а она—бабища,
 кого это испугался“. Она волка догнала, поймала, сказала: „Твою голову оторву“.
 50 Волк сказал: „Голову мою не отрывай, я тебе пригожусь“. Девушка волка
 к дереву вверх привязала: „Бабы когда поедут, будут расспрашивать, ты ска-
 жешь: меня Хани Хубун Хохор Богдо подвесил“.

Девушка поехала вперед, встретила медведя. „Медведь испугался, назад
 побежал, остановился, назад посмотрел: „Э! к чорту!“ сказал: „кого это испу-
 55 гался! Я думал—Хани Хубун Хохор Богдо приехал, она—только бабища“. Девка
 рассердилась, погналась, медведя поймала, сказала: „Голову твою оторву“. Мед-
 ведь сказал: „Голову мою не отрывай“. К дереву наверху привязала, сказала:
 „Бабы, приехав, если будут расспрашивать, ты скажи: Хани Хубун Хохор Богдо
 меня подвесил“.

Она уехала домой. Приехала, братовы одежды с себя сняла, на брата
 60 надела. Огонь в юрте развела, сама спряталась.

Ahal tuhakilā əmərä, icärä üwilä lokucezeren hanjüktara: „əkun şinə lokucän?“ Tuhakı günän: „Hanı Hubun Həhər Bogdo minə lokucän“.

3ihükälä ahal əmərä, icärä 3ihükä mödü lapkucezeren, hanjüktara ahäl: „əkun şinə lokucän?“ 3ihükä günän: Hanı Hubun Həhər Bogdo minə lokucän“.

⁶⁵ Ahäl günmätcä: „Onnäkä əriñit bəjä“. Amākälä əmərä ahäl, hanjüktara: „əkun şinə lokucän?“ Amākä günän: „Hanı Hubun Həhər Bogdo minə lokucän“. Ahätkär uruncəkəkür „şlawu bo!“ günə: „edäkä bəjä“.

Ahäl züləwər nülğirä. Icärä tookön züdütin zəgdäzärän. Ororwor inirulwatın bürirä, zülä İra. Dılıca hunäzin günän: „Bəjäñit nıñahıcä“, günän: „cajä emi əhlinni ılərä?“

⁷⁰ Bəjäñitin əñki hawahına, nuğartin şäriwutcärä. Icärä — təlki buçä nuğan. Dılıca hunäzin, bəya hunäzin amaskiwar tuhandəwər kərə, coləon hunäzin günän: „Ekunzi-ka ęəlähs?“ Kormetpi bädälin cälihınän. Bəjäñitin mıkcänän, günän: „Nıñahıcä bihim, uçalä şü umuçahın?“ Nuğartin günə: „unämə əməräw“.

⁷⁵ Kəhilə ahäkäkür uruncəkəkür pekemäcilla. Bəjicəñki ullałwä murıduwı inıwunı, zürä tökil, bağdäkäjä umnət inıwunı. Nəkünin tuhakikän öha, gırkuzeren. Ahäl günə: „Tuhakı tulıjıdälä əməñkä loşutkilwa zəpcärän“.

Hanı Hubun Həhər Bogdo dogadalsa: „Ərə onnäkä nəkünmi gırkuzeren, loskutkilwa zəpcärän“.

⁸⁰ Umnə doləo imannarän. Bəjuhınän. Tuhakikän biçən nuarduktın ırätki şırucə. Nuğan üzalın üzaran. Nəkünmi bakammen kərän, züjan öran. Bəjumi əməmmän, nəkündüwi ullajä wunı, samaj ajatkukär.

Coləon hunäzin tillän, gullän zalwı: „emi-ka oranşe bəjunduk upkacın biğkin ulla. Əhi äcın, täduk äcın, äcın, onnäkä ahıränin bihin?“ günän: „dawaj timi bəjuhänäkin, miti zəhınkän amardun ęənəwät“.

⁸⁵ Timlin bəjä bəjuhınän, nəkündüliwi ęənəmmän kərän. Nuarwatın bakammer kərə. Günmätcä: „Ahıränin, miti nuğanmən wəyät“. — Öni-ka wəsiyät? günä. Umukən günän: „Siwinece lejkədu huluhıwät“.

Бабы до зайца доехали, увидали—вверху висит, спросили: „Кто тебя повесил?“ Заяц сказал: „Хани Хубун Хохор Богдо меня повесил“.

К волку бабы приехали, увидали — волк к дереву привязан, спросили бабы: „Кто тебя повесил?“ Волк сказал: „Хани Хубун Хохор Богдо меня повесил“.

⁶⁵ Бабы друг с другом переговаривали: „Однако это—мужик“. К медведю приехали бабы, спросили: „Кто тебя повесил?“ Медведь сказал: „Хани Хубун Хохор Богдо меня повесил“. Женщины весьма обрадовались „Слава богу“, сказали: „Такой мужик!“

Бабы домой прикочевали, видят—огонек в юрте горит. С оленей выюки свои сняли, в дома вошли. Солнца дочь сказала: „Мужик наш уснул“, и сказала: „Чай почему не сварил?“ Мужик не двигается, они будят. Видят только—⁷⁰ умер он. Солнца дочь, месяца дочь назад хотели убежать, звезды вечерней дочь сказала: „Что напугались?“ Исподом по лицу провела. Муж их соскочил, сказал: „Уснул я было, давно ли вы приехали?“ Они сказали: „Раненько приехали“.

⁷⁵ Теперь бабищи весьма обрадовались, стали спать (с мужем). Промышленник мясо на коне своем выюком возит, двух лосей, оленя дикого зараз выючит. Сестра его, зайчиком сделавшись, похаживает. Жены говорят: „Заяц во двор приходит, лоскутки ест“.

Хани Хубун Хохор Богдо догадался: „Это, однако, сестра моя ходит лоскутки есть“.

⁸⁰ Раз ночью выпал снег. (Муж) пошел промыслять. Зайчик от них на хребет ушел. Он по следу выследил сестру, нашел, юрту сделал. Зверя добывши, пришел. Сестре своей мясо отдает самое хорошее.

Звезды-Венеры дочь догадалась, стала говорить товарищам: „Почему раньше от зверя всё было мясо. Теперь нет, потом нет и нет, однако любовница есть“, сказала: „Давайте завтра, когда пойдет промыслять, мы тайком позади пойдем“.

⁸⁵ На завтра мужик пошел на промысел, к сестре своей пошел. Их нашли. Говорят: „Любовница его, мы ее убьем“. — „Как убьем?“ сказали. Одна сказала: „Сwineц в лейке расплавим“.

Зүтэ бинэл, дилwән түлэсирэ, умукэн гүнән: „Талэ лежкату хулуwизыпэт сивинешпэ каракүлүн сивинешпэ үркүммэр кэшият“. Угкүрэ, аһаткән буммән кэрән.

90 Хану Хубун Хөһөр Богдо лугур әмәрән нәкүндүләwi, ичәрән—бүчә. Тәлки гороп ӧрән, бәјүнмә заварән анамкунмә, ијәлдүн әwүҗки гороппа нәрән, вичөwкалзи угөwаммен кәрән, бәјүнмә тиниммән кәрән. Бәјүнмә гүнән: „Тартки туһазәкал, тәлә әwәнkil бизәрә, тәду һундәдәwи“.

95 Бәјүн туһанән, иләдүлә ишсан гороппа һундәрән. Әтиркән, әтиркән ичәрә — һунәтккин гәјикәкүн бүчә. Нуартин гүнмәтә: „Һүтәдүwар аһијан гәwәт, зүјан ӧyәт“. Зүјан ӧрә. Тәли-мәл тоҗова иләра. Һунәтпә иwрә зүлә һикаһадун тәҗәwкәниммәр кәрә. Һүркән һүтәтин лугур әмәрән, бәјүһә, дәрәкәкүн. Әнинин әминин гүнә: „Ши, һүтә, аһиткiwi җәнәкәл, аһијаш гәcәл биһиw. Зүткiwi җәнәкәл, әмәnnи мундүлэ, зүткiwi җәнәкәл“. Һүркән илан, сүрүҗүн, ирән зүлә, аһи тәҗәтәcәрән. Һунәт гәјүкәкүн, 100 cәјјә әсәҗә үләрә. Нуҗан гүнән: „Cәјјә үләкал“. Аһи әҗки ӧн-мәл гүнә. Бәјә аһиран, аһиwi карүкалн шолторон, карүкәдүкин сивинәс һәтәкәнән. Һунәт мүкәнән. Тәли-мәл cәјјә үләрән, үлләwә үләрән. Аһиcи ӧрән. Бизәлиммәр кәрә. Тар муҗән.

D. Polin. Karama

7. Әҗинил

Әтиркән бизәcән, баҗатир Әҗинил, шаҗдәcәкәкүн. Умукән күкиннн һүкитәcикәкүн. Иланзәр калусал әмәрә, әтиркәнмә wәдәwәр. Күкиннн дөлдирән калусалwа җәләллән, зүлә ирән, амакәwә гүнән: „Тәҗәкал, иланзәр калусал митпә wәнәcәл. Амәкән нипа-зирән, һәрән ширимнi, шоголлон, қуамуктан амакәлә бадилан, чүргихинән. Тәли амәкән 3 шәләрән сағдәcәкәкүн. „Әрәл“ гүнән: „бадиw әкәт иланнi“. Күкиннн гүнән: „иланзәр калусал әмүcәл, митпә wәнәcәл“.

Әтиркәкәкүн иһарән, қурилwi гаран, әнәптүнми гаран, һаwаһинан арсәпткi. Калусалwа арсәлдирән, күһиллән.

Двое будучи, в голове ее вшей ищут, одна сказала: „Там в лейке расплавим свинец (да) в ухо свинец нальем“. Налили, девушка умерла.

90 Хани Хубун Хохор Богдо вечером пошел к сестре, видит—умерла. Тогда гроб сделал. Зверя поймал дикого, на рога попереk гроб положил, бечевкой связал, зверя отпустил. Зверю сказал: „Туда беги, там эвенки живут, там брось“.

95 Зверь убежал, к людям добежал, гроб бросил. Старик (и) старуха увидели—девичица весьма красивая, умершая. Они друг с другом переговаривали: „Сыну нашему жену возьмем, юрту сделаем“. Юрту сделали тогда же, огонь разложили. Девушку ввели в юрту, на зад посадили. Парень, сын их, вечером пришел, охотившись, сильно устал. Мать, отец говорят: „Ты, дитя, к жене иди, жену тебе взяли, домой иди, зачем к нам, домой к себе иди“. Парень встал, ушел, вошел в юрту, жена сидит. Девушка красивейшая, чай не сварила. Он 100 сказал: „Чай вари“. Жена ничего не говорит. Мужик рассердился, жену в ухо ударил, из уха свинец вылетел. Девушка вскочила, сразу же чай сварила, мяso сварила. Женатым стал. Жить стали. Это конец.

Д. Полин. Карама

7. Онгыниль

Старик жил, богатырь Онгыниль, очень старый. Одна невестка у него брюхатая. Тридцать великанов пришли старика убить. Невестка услыхала, великанов испугалась, в юрту зашла, дедушке сказала: „Вставай, тридцать великанов пришли нас убивать. Свекор ее спит, не могла разбудить, заплакала, слеза ее свекру на лицо капнула, скатилась. Тогда проснулся, старый- 6 престарый. „Ой-ой“, сказал: „Лицо чем-то обожгла“. Невестка его сказала: „Тридцать великанов пришли нас убивать“.

Старичище приготовился, стрелы взял, саблю взял, пошел навстречу. Великанов встретил, драться начал.

Kukinīn hūṭəŋŋən ʊrkanmə. Tarıŋın təli-məl gərkuŋlan. Kuŋakākān gərkuŋlmi, 10 əninmi hanŋūktəŋən, gūnān: „Ənə, mitilil zūkcəkānəl bihin, amā ācına-wəl, amākāw ācına-wəl?“ Əninin gūnān: „Amīnni bicən, sūŋucən, əŋki əməŋə. Kaluŋsal birā wacātini Əhi amākəŋ bihin, kaluŋsalnun kuhižārān“.

Unāmā kuŋakākān əninmi ʊkūŋən, kaluŋsaltiki tuhanən. Əməŋən, kaluŋsalwa 15 gūnān: „Amākāwə tinkəllə, ŋəgdacə zəptəyin zūtkiwar, bi ilkaldikta“. Kaluŋsal ətirkən tənə. Kuŋakākān kuhiŋlān. Ətirkən zūtkiwar tuhanən zūlāwəŋ əməŋən munŋakānmə wārān, hiŋrān, ʊlləlwə ʊlōrān. Wespan zəpimmān kərān, munŋakānmə wespan ʊmnət manaran. Kaluŋsaltiki tuhanən, kuhiḍəwi. Əməŋən kaluŋsalwa gūnān: „kuŋakānmə tinkəllə, bi-də ilkaldikta“. Kaluŋsal tinā kuŋakānmə, ətirkən kuhiŋlān. Kuŋakān zūtkiwar tuhanən, zūlāwəŋ əməŋən, əninmi ʊkūŋlūn. Səhətəjwə ʊkūŋən. 20 Aməŋkiwi tuhanən. Kaluŋsalnun kuhiŋlā. Kaluŋsalwa wespa wārā, ilānmə zər ʊpkatpa wārā. Tar muŋen.

D. Polin. Karama

8. Ucanaj

Ətirkən bižəllān. Baŋatır həgdikəkūn, əŋəni ŋəgdicə, Lapha gərbin. Ilan vəje hūṭəlīn; ŋəgdawun hūṭən gərbin Mikuŋka, ʊŋŋrāŋŋu hūṭən Waŋka, nūkindiwun hūṭən Ucanaj-Tonŋenaj, amultun, pecidu oŋodun bižənā, amultuŋaŋki.

Ətirkən bunin əməŋən. Hūṭəlwi gūnān, ŋəgdawuwa hūṭəwi gūnān: „Əhi wəžəlim 5 luŋur, əməḍəwi dolbonil minnūn āŋŋəcəŋŋəŋ“. ʊŋŋrāŋŋuwa gūnān: „Timi luŋur əməḍəwi mindulə“. Ucanajwa gūnān: „ilidu dolbonidu luŋur əməḍəwi mindulə“. Buḍān. Dəŋpuŋŋal. Luŋur Mikuŋka nədə ŋənəḍən. Nuŋən əhin ŋənəŋə. Ucanaj gūnān Mikuŋkuwa „Amətiki ŋənəkəl!“ Mikuŋka gūnān: „Hək cortu! wəçələ işə ŋənəžəmmin əŋŋaw. Nədə

Невестка его родила парня. В тот же раз ходить стал. Паренек, поха- 10 живая, мать свою спросил, сказал: „Мама, мы разве вдвоем живем, отца нет, дедушки нет?“ Мать его сказала: „Отец твой ушел, не вернулся. Великаны, должно быть, убили. Теперь дед твой есть, с великанами дед сра- жается“.

Сейчас же паренек мать свою пососал, к великанам побежал. Прибежал великанам сказал: „Дедушку отпустите, (он) стар, пусть кушать идет домой, я 15 с вами попробую“. Великаны старика отпустили. Паренек стал драться. Старик домой побежал, до дому добежал, годовалого оленя убил, ободрал, мясо сварил. Все съел, оленя своего зараз кончил. К великанам побежал, чтобы драться. Прибежал, великанам сказал: „Паренька отпустите, я же попробую“. Великаны отпустили паренька, старик стал драться. Пареньк домой побежал, до дому добежал, мать стал сосать. С кровью пососал, назад побежал. С ве- 20 ликанами драться стали. Великанов всех убили, тридцать всех убили. Это конец.

Д. Полин. Карам

8. Учанай

Старик жил. Богатырь величайший, очень состарился, Ланха по имени. Трое мужиков — дети его; старший сын — по имени Микулка, средний сын — Васька, младший сын — Учанай-Тангенай (раскоряка), замарашка, на печи вверху сидя (живя), испражняется.

Старикова смерть пришла. Детям сказал, старшему сыну сказал: „Сегодня 5 умру вечером, приди ночью, со мной ночуешь“. Среднему сказал: „Завтра вечером приди ко мне“. Учанай сказал: „На третью ночь вечером приходи ко мне“. Умер. Схоронили. Вечером Микулке надо итти. Он не идет. Учанай сказал Микулке: „К отцу иди“. Микулка сказал: „Э, к чорту! К мертвому еще пойду Нет. Если

10 dak ši ɣənəkāl“. Ucanaj tātiɣaran, amintikiwi sɣurɣun. Amindulawī əmərān, tāyat-cāllān. Aminin jūrān, Ucānajwa ɣūnān: „Mikulka əhin əmərā?“ Ucanaj ɣūnān: „Mikulka ɣuncān: „Hək cortu, buçālā əziɣəw ɣənərā“, bi şindulā əməm“. Aminin Ucanajdu būrān murinma bulāhikpā, ɣūnān: „şinɣi biɣnān“. Ucanaj zūtkiwar sɣurɣun.

Gedū dolbonidu nāda Waska ɣərāngu, amintikiwi ɣənədan. Ucanaj ɣūnān: „Amātki ɣənəkāl“. Waşka ɣūnān „Hək cortu! buçātki əziɣəw ɣənərā, nāda bişik, ši ɣənəkāl“. Ucānaj itiyaran, amintikiwi sɣurɣun. Amindulawī əmərān. Təɣəmmān kərān, aminin jūrān, Ucanajduk hanɣuktārān, ɣūnān: „Waşkā əhin əmərā?“ Ucanaj ɣūnān: Waşka ɣūncān: „Hək cortu! buçālā əziɣəw ɣənərā, nāda bişik, ši ɣənəkāl! Bi itiyam, əməm sindulā“. Aminin Ucanajdu būrān şırkunma həɣdikakun. ɣūnān aminin: „Əri şıru şinɣi biɣnān“. Ucanaj zūtkiwar sɣurɣun, pecidu oɣodun amaltuzallan.

20 İidu dolbonidu Ucanaj pānāpātin luyur. Ucanaj itiyaran, amintikiwi sɣurɣumān kərān. Amindulawī əmərān, təɣətcāllān. Aminin jūrān, Ucanajwa ɣūnān: „Huṭā əmənnā?“ Ucanaj ɣūnān: „Əməm amāl“. Aminin Ucanajdu gewa murinma būrān. Ajakakun murin bulāhik ələniwi bulāhikilwi weşpi būrān. Ucanajwa ɣūnān: „şinɣil biɣnətin“. Ucanaj zūtkiwi sɣurɣun, pecidu oɣodun amaltuzallan.

25 ɣūnā: „təyimār hunātpi büzārān. Təɣəwə upkatpa uruwzaran. Ji-kə dostajıɣān, tādū hunātpi büzāɣān təyimār. Aktılın itiyalla. Ucanaj ɣūnān: „Aktjel ni-də ɣənāktəl!“ Aktılın ɣūnə: „Hək cortu! təɣəwə amuzıwi takıdāwi. Peci oɣodun amaltuzakal!“ Mənikər awahına, məɣıldıwār murıduwar. Nuɣartın məriwər ɣunzārā: „Miti ajal bihiñ“. ɣūnəl, hawahına. Ucanaj amarduktın jūrān, murinmı ajatkuwi ərirən. Murinın əmərān. Zəɣıɣıdəlın oɣoktolın huɣdɣıhınān, anɣıdāhın jūrān. Bəjəkihiñ ɔran, ɣəjukəkun. Murıduwi üwran, aktılwi hawahınān, işşan.

30 Upkat təɣə urupcal, hacakəkur ni-wəl mikcanmukānmi. Ucanaj əməmi-nun murıduwi dəɣılıwķānān, hunātılū işşan. Hunāt ıçakāptunmı būrān. Ucanaj amaşkiwi kəjjin. Züləwər əmərān, murinmı tinān, tātiyalwi lukcan, hataptıcarwı tātçan, pecıla 35 oɣokcārān amaltuzalimmen kərān.

надо, так ты иди“. Учанай оделся, к отцу пошел. К отцу пришел, сел. Отец 10 вышел, Учанаю сказал: „Микулка не пришел?“. Учанай сказал: „Микулка сказал: э, к чорту! к мертвому не пойду. Я к тебе пришел“. Отец Учанаю дал коня боевого, сказал: „Твой будет“. Учанай домой ушел.

На другую ночь надо Ваське, среднему, к отцу итти. Учанай сказал: „К отцу 15 иди“. Васька сказал: „Э, к чорту! к мертвому не пойду, если надо, ты иди“. Учанай собрался, к отцу своему пошел. К отцу пришел. Сел, отец вышел, у Учаная спросил, сказал: „Васька не пришел?“ Учанай сказал: „Васька говорил: э, к чорту! к мертвому не пойду, если надо, ты отирайся! Я собрался, пришел к тебе“. Отец Учанаю дал пороза огромного, сказал отец: „Этот (олень) пороз твой пусть будет“. Учанай домой пришел, на печи вверху начал испражняться.

20 На третью ночь Учанай должен итти вечером. Учанай собрался, к отцу пошел. Пришел к отцу, сел. Отец вышел, Учанаю сказал: „Сын пришел?“ Учанай сказал: „Пришел, отец“. Отец Учанаю другого коня дал, отличный конь, боевой, всякие доспехи, все дал. Учанаю сказал: „Твои пусть будут“. Учанай 25 домой пришел, на печи вверху начал испражняться.

30 Говорят (слух пошел): царь дочь свою (замуж) отдает. Народ весь собирает. Кто достанет, тому дочь отдает царь. Братья собираться стали. Учанай сказал: „Братушки, я тоже пойду“. Братья его сказали: „Э, к чорту! народ испражнениями (своими) выпачкаешь. На печи вверху испражняйся“. Сами поехали на своих конях. Они про себя говорят: „Мы красивые“. Сказав, поехали. Учанай после них вышел, коня своего доброго скликал. Конь его явился. В левую ноздрю влез, 35 в правую вышел. Молодиче стал, прекраснейший. На коня своего сел, за братьями поехал, достиг.

Весь народ собрался, никак не мог никто допрыгнуть. Учанай по приезде на коне своем залетел к девушке, достиг. Девушка кольцо дала. Учанай назад поехал. Домой приехал, коня своего отпустил, одежду снял, старенькую надел, 35 на печку вверх влез, испражняться начал.

Aktilin əmərä, gūnā: „ē-wal kəmi bəjə əmərä, nu i bəjəkəkun“, gūnā: „murinln gəjukəkun, gūnā, „jakuma birān, əməmi-nun, murinduwi mikcanmukanān, newestulā iŝsan“. Ucanaj gūnān: „Akije, bi-ŋən bičəw?“ Aktilin Ucanajwa hukirwālā, gūnā: „Hək cortul ēkunma hitānma boltajzanni, amultun binā“.

- 40 Gūnā: „Təgimār təjəwə weŝpa uruwzaran, zenih əmədān, ahiwi gadān“. Upkat təgə hawahina. Ucanaj aktilin itiyalla. Ucanaj gūnān: „Akije! bi-də ŋənəktā“; Aktilin butirwāra: „Peci oiodun“, gūnā: „amultazakal, amurziwi təjəwə maŋazınqāŝ“. Mənikər hawahina. Ucanaj aktilwi amardutin itiyəŝŝaran, hawahinan peŝkom, iŝsan. Təyimār kəwərinin mujedun uliçezellan. Təyimār hunāzın zenihpi həsirən bakamī. Tiyəndu 45 arakiwa upkattu, təjədu podawəjzirān. Zenihin acın, hərən bakamī. İcārān təyimār kəwəringin mujedun əwal kəmi ilə iltceren. Təyimār təjəwə gūnān: „Nədə doŝat tarawə iləwə“. Uŋnə bəjəlwə, gasudātun. Tarawə iləwə gazura. Nuŋan Ucanaj: Tonŋenaj amultun təkli orān. Ucanaj amultun nəweŝta inəkəptunman omkocodu: palatkānzī cakılıha, ɣəwəçə. Nuŋunmān əlgərə. Ucanaj aktilin ɣunzərə təjəwə. 50 „Kırā, əri münqi, Ucanaj amultun, ēdān əlgəzəŝ? Amurziwi niwestawa takazıŋān“. Təyimār gūnān: „ajama əlgəkəllə“. Nuŋunmān Ucanajwa əlgərə niweŝtilā. Niweŝta ŝtakandu arakiwa podane. Nuŋukəkun omkocodukin inəkəptunma palatkanm lükcān. Inəkəptunma niwestadu ŝtakandun nərān. Upkat təjə gajkuwərə. Niweŝta Ucanajm ahinārān. Ponewole biŝizārān amultun niwesta, əhin ajawzırā, qelat-ta 55 necevo“.

Potom dukun əmürān təyimərdulā, gūnā: „Maŋi hunətpəŝ zəptisillān. İlidi tırğanidu hunətpi ləmu zapkalān əmuwdəwi. Maŋi tādū əməhə. Maŋi zəpcinān“. İlidi tırğanidu təyimār hunətpi ŋənəwrān ləmu çapkalān, maŋi zəpcidān. Ucanaj-Tonŋenaj amultun dərışki ŋənərən, ajatkuwi murinmı ərirən. Ajatku 60 murinin əmərān. Ucanaj murinmı zawaran, zəyınpidəlin oŋoktolin ugduhinān anğıdālin jūrān. Bəjəki kin orān, gəjikəkun. Bulañhikilwi tatiyəlwi tātçan, murin duwi nıwran. Maŋi tərulān iŝsan. İcārān əhin ləmu zapkadun tətətcārān, ŝonçozona

Братья его приехали, говорят: „Какой-то человек пришел, ну и молодечище говорят, конь его самый красивый, говорят, по приходе же на коне своем допрыгнул к невесте, достиг“. Учанай сказал: „Братишки, может я был? Братья на Учаная закричали, говоря: „Э, к чорту! что зря болтаешь, замарашка будучи“.

- 40 Говорят: „Царь народ весь собирает, жених чтобы пришел, жену взял“. Весь народ поехал. Учаная братья собираться стали. Учанай сказал: „Братья, я тоже поеду“. Братья его заругали: „На печи, говорят, испражняйся, испражнением народ запачкаешь“. Сами уехали. Учанай после братьев кое-как собрался, отправился пешком, достиг. На царевом лугу в конце едва стоит. Царь дочери своей жениха не может найти. В чашке вино всему народу подает. Жениха не 45 не может найти. Видит, царского луга в конце какой-то человек, виднеется. Царь народу говорит: „Надо достать того человека“. Послали людей, чтобы достали. Того человека достали, он—Учанай-раскоряка, замарашка только оказался. Учанай-замарашка невесты кольцо на лоб себе, платком за вернувши, привязал. Его привели. Учаная братья говорят народу. „Кал! (ругательное слово) это наш Учанай-замарашка; зачем ведете? Испражнением невесту замарает“.

Царь сказал: „Ничего, ведите“. Его, Учаная, привели к невесте, невеста стакане водку подала. Он-то со лба с кольцом платок снял. Кольцо невесте стакан положил. Весь народ удивился. Невеста за Учаная вышла замуж. По 55 воле кое-как живет, замарашку невеста не любит, (да) делать-то нечего!

Потом бумага пришла к царю, рассказывают: „Чудовище дочь твою съест. На третий день дочь чтоб к морю на берег приведи. Чудовище туда придет. Чудовище съест“. На третий день царь дочь свою привел моря на берег, чтобы чудовище съело. Учанай-раскоряка-замарашка в сторону пошел, доброго своего коня 60 скликал. Добрый конь пришел. Учанай коня своего поймал, в левую ноздрю в правую вышел. Молодечище стал, прекрасный. Боевые доспехи надел, на конь сел. Чудовища к сроку достиг. Видит, жена его моря на берегу сидит, плачет.

Ucanaj əməran ahiləwı. Maŋıwa alacilla. Maŋıkun müduk jürän, gŭnän: „Bı guncaw ımıkənmən təjimär hunäsın“.

65 Nupartin zŭr kuhiłla. Tıränzärä. Ucanaj şıruwı ərirən. Şırukunin tuharän, maŋıwa carıran, do konca, do smerti. Ucanaj ahıtaj zŭtkiwar şırırır, məkəməcilimmär kərä. Ahıkəkunin ıruncəkəkun. Tar mujen.

D. Polin. Karama

9. Nımgakawun

3ŭr hunıl bızıcätin ırı zapkadun. Tuŭlähina ırkolwo tırğa. Əməre züləwır. Hoŭırdutin bəkəndə kuŋakəkən. Kolleduk bəkən lakucəzärän, şoŭozorän, gunczärän:

„Aja ahı gazurakın,
aja wəjə ımcaw.
Dəwijkanın! Dəwijka!
Aja wəjə gazurakın,
aja ahı ımcaw.
Dəwijkanın! Dəwijka!“

10 Züləwır ırä. Kalandutin cupa ıləwce huŭızärän. Nuartin guncməcə bəkənmə gazudəwər toŭowo bargınnak. Ge ırızırır, bəkənduk tänzəŭn kuŋakəkənmə gŭzəncillän: „ön bihin gŭzəjan kuŋakəkən?“ gunczärän: „kızırət toŭowo ceres, kuŋakəkənmə ırızırır“. Ge ahıtəkən toŭowo ceres galsırır, kalandulä dilizın kuŋakəkənmə cıkiwammer, kalandu ırudən kuŋakəkən.

15 Tuŭı guncməcə zŭkcə. Ahıtəkər bəkənmə hoŭırduk gazura. Ge ahıtəkən bəkənduk kuŋakəkənmə ırkiha, tänän, gŭzəncillän, gunczärän: „ön bihin kuŋakəkən ajan?“ Guncnə, gŭzəncizärän. Ge ahıtəkən gŭnän: „Mindŭ-dä

Учанай пришел к жене. Чудовища стали ждать. Чудовище из воды вышел сказал: „Я говорил, одну (чтобы) царя дочку“.

65 Они двое драться принялись. Меряются. Учанай пороза-оленья позвал. Порозище прибежал, чудовище порвал до конца, до смерти. Учанай с женой домой приехали, совокупились. Женища его весьма обрадовалась. Это конец.

Д. Полин. Карама

9. Сказка

Две девки жили на берегу реки. Пошли по ягоду днем. Вернулись домой, на заезде их в зыбке ребеночек. На колышке зыбка висит, плачет, приговаривает:

„Добрая баба если бы взяла,
добрый муж стал бы я.
Дэвийканин! Дэвийка!
Добрый муж взял бы,
доброй бабой стал бы я.
Дэвийканин! Дэвийка!“

10 Домой пришли. В котле каша сварена, кипит. Они сговорились, зыбку перетасать через огонь. Одна вывалит из зыбки, вытащит ребеночка, станет говорить: „Какой красивый ребеночек“, скажет: „Кинем через огонь, ребеночка передадим“. Другая девушка через огонь примет, в котел головой ребеночка отпустит, чтобы в котле умер ребеночек.

15 Так переговаривали между собой. Девушки зыбку с заездка взяли. Одна девушка из зыбки ребеночка, раздевши, вытащила, занимать принялась, приговаривает: „Вот какой ребеночек хороший“. Говоря, занимала. Другая девка сказала: „Мне

būkai kuṇākākānmə, guzāncizaw“. Gē gūnān: „Gakal ši da guzāncikāl“. Toṇowo cərəs būllān. Gē gallan toṇowo cərəs, kalandulā ūkiwəmmān kərān. Tuhammer hunil.

- Tuhammer kərā, tuhara, tuhara gorowo tuhara. Döldira—maṇikun ahadarān.
- 20 Şagdiwu ahātkān palātpə amaşkiwi hundārān. „Lāmukān ōkal“ gūnān. Lāmukūn ōran, həgdikakun. Maṇikun tuharan lāmu zapkalān, amaşkiwi tuhanān zūtkiwar. Zawwa əmūwran, lāmuwa dəyran. Ahātkār tuhazāra. Döldira—maṇikun bokonzoron. Şagdawu ahātkān āgdāwūnmə amaskiwi hundārān, gūnān: „Şikākun ōkal əziṇān ugduwra“. Maṇikun tuharān şikāndulā, həmmān ugduwī, amaskiwi tuhanān, zūtkiwi,
- 25 onoptunma ganārān. Şikāndulā əmārān, onoptunzi şikaşwa həgnizānə, ṇənārān. Ahātkār tuhaşşāzāra, döldira, maṇikun bokuncō. Ahātkār pālālā. Şagdawu ahātkān hiwəŋkiwə hundārān. Uhat hundāmmān kərān. Amaskiwi hundādāwī kəcən, zulaşkiwi hundāmmān kərān, gūnān: „Inmə şəndinin şaṇākān ōkal“. Nəkūndāwū ahātkān gūnān: „Inṇāktəkan ōka“. Şagdawu ahātkān gūnān: „Bī iriktə ōka“. Nəkūndiwi
- 30 inṇāktəkan oha, şaṇākāndulā diṇilimmān kərān, şagdawu ahātkān iriktə oha, ugduhiṇān hikaṇaduwi tāṇəmmān. Nəkūndiwi əkinmi dildukin zəwaran tāncimācilmān kərān. Hərān tānmi. Maṇikun hikaṇawān zəpimmān kərān. Nəkūndiwi ahātkān əmūkun şıṇṇun. Həldulā işşan, bişālimmān kərān. Tar mujen.

I. M. Safonow. Tırka. Karama

10. Nımpakāwun

Maṇikun hikaṇawān pəhiṭcān, zəpimmī. Nəkūnin əkinmi uwazahinān mēndūji kərān sulammən. icāhinān əkinin soṇozorān. Nəkūnin mūşırān, əkinmi uwazahinān.

Uwaran, uwaran, ṇan sularān, icāhinān—əkinin inṇazārān. Mēnikān şıṇṇun. Nəkūnin ṇənārān, ṇəlārān. Suhan lukurgarān. Noan cəkcəkōndu halganzi suhuw-

тоже дай ребеночка позанимать“. Другая сказала: „Возьми ты да позанимай“. Через огонь передала. Другая приняла через огонь, в котел опустила. Побежали девушки.

- Побежали, бежали, бежали, долго бежали. Услыхали — чудовище догоняет.
- 30 Старшая девушка платок назад бросила. „Морище сделайся“, сказала. Морище сделалось большое. Чудовище прибежал моря к берегу, назад побегал домой. Лодку притащил, море переехал. Девушки бегут. Услыхали — чудовище догоняет. Старшая девушка гребенку назад бросила, сказала: „Чащища стань непроходимая“. Чудовище прибежал к чаще, не мог пролезть, назад побегал домой,
- 25 саблю пошел взять. К чаще пришел, саблей чаще разрубя, пошел. Девки едва бегут, услыхали — чудовище догоняет. Девушки испугались, старшая девушка брусok бросила. Худо бросила. Назад бросить хотела, вперед бросила, сказала: „Иголка с дырочкой (буду-ка), дыра сделайся“. Младшая девушка сказала: „Шерстинкой пусть буду“. Старшая девушка сказала: „Я муравьем пусть стану“.
- 30 Младшая, шерстинкой сделавшись, в отверстие пролезла; старшая девушка, муравьем сделавшись, поползла, задницей увязла. Младшая (старшую) сестру за голову принялась тянуть. Не могла утянуть, чудовище зад ее съел. Младшая (девушка) одна ушла, до людей добралась, жить стала. Это конец.

И. М. Сафонов. Тырка. Караме

10. Сказка

(Продолжение предыдущей)

Чудовище зад оторвал, съел. Младшая (сестра) старшую тащила на себе, оставила. Взглянула, старшая сестра плачет. Младшая вернулась, сестру потащила.

Тащила, тащила, опять оставила, взглянула — сестра смеется. Сама ушла. Младшая шла, шла, оборка (вязка на обуви) развязалась. Она на палку ногой

- ⁵ dāwi. Bazalakī mikcānān: „Əki, əki zūjaw həkimnəzəlinni“, gūnzān: „əməkāl minpīlā zūlā“. Hunāt irān. Bazalakī ulīrān hunātpə, zəjammen. Ədīn əmərān, nān bəjuzīn ədīn; bazalakī gūnzārān ədītkī: „Pulkərəkciş ingişəzəpāw“. Bəjānīn sūruṛn, bəjuzāhinān. Ipkarān hunātpə, ingīhazidān pulkərəkci. Ədīn əmərān bəjuzi, pulkərəkpa būrān ədīduji. Ədīn dumajseren: „ön-ka oran ərə pulkərəkpa, okın-mal ənə ərə“. ¹⁰ Timīnīn ədīn bəjuzhinān. Nuan hunātpə ipkarān nān niptiṭjān ingīhazidān. Bəjānīn kərān kəlcārāmmān, zū cājadādīn dōlciṭcalimmen. Icārān təlki hunātkikīn gəjūkəṭkūn. Irān zūlā. Bazalakī ələrān. Bizāllān. Bəjuzwə wācā. Bazalakīwā uṇdārān, nihūdān. Gūnzārān: „Nanqajā həkūlgəziṇāş, nanṇadu sāhajā uṇqūziṇāş kidājā niṇahānimmen, cakūlimmen nanṇadu ṇamāt ānṇatciṇāş“. Bazalakī niṇahinān. Ətrikān ¹⁵ uhat iziṇāndā alawurā, ṇamakā nanṇadu əziṇāş hiktərəmmān. Ədīn tərnuṇ hunātnuṇ kərān bizālimmān. Nihuzahinān tərnuṇ hunātnuṇ. Əmərā. Bazalakī hiktiricā nanṇadu. Ulləṇirwār sūruwṛu zūtkīwar. Bazalakī ororwōn ṭiputcā. Tādu əmərā bizālimmār kərā. Hunāt tārā bihin bihin əkinmī zōnān: „Əkinīw ilācān?“ icānāhinān. Ǧənərān, ǧənərān. Əmərān tālā mestilā, gulələ irān. Təlki əkinīn tādu gulədu bizārān hıkapahə ācīn. ²⁰ Bihiṇ, bihiṇ əkinīn ororwō būrān kətəkəkānmə. Əlgəzinən zūtkīwar orokōkōr bokon-zonkıl əmərān. Bizālimmār kərā ədīnūmī.

I. M. Safonow. Tırka. Karama

11. Nımgakāwun

- Ətrikān atırkannuṇ bizicātin. Hıtlāḷa ācır, jədakukākur. Bicān umukən hıḷkərətin. Ətrikān gūnzārān: „Wāwāt hıḷkūruwı“. Atırkān gūnzārān: „Əwāt“. Ətrikān kūrətki ǧənārān. Hıḷkūruwı wāmmān. „Atırkān āmēkāl. Solutkol bıratkıl sılkinākəl“. Atırkān əmərān suluktalwa garan, sılkināhinān. Amaskı əmərān ətrikānīn ⁵ əbīn gulātki tınə. Atırkān sūruṛn oṇoktoji zūlāskı. Ǧənərān, ǧənərān, icārān

- ⁵ (стала), чтобы завязать. Лягушка выскочила: „Тетка, тетка, юрту мою растопчешь“, говорит: „Иди в мою юрту“. Девушка вошла. Лягушка накормила девку, спрятала. Муж ее пришел, опять промышлять идет муж, лягушка говорит мужу: „Напульник (тебе) буду шить“. Муж ее ушел промышлять. Заставила девушку, чтобы шила напульник. Муж пришел с промысла, напульник дала мужу своему. Муж думает: „Как сделала этот напульник, никогда не делая?“ ¹⁰ Назаутра муж ушел промышлять. Она девку заставила, опять кисет чтобы сшила. Муж ее спрятался, за юртой стал слушать. Увидел только девицу весьма красивую. Вошел в юрту. Лягушка испугалась. Жить стали. Зверей убил. Лягушку посылает мясо принести. Говорит: „Кожу разогреешь, в кожу кровь нальешь, возьми ляг спать, завернись в кожу, тепло ночуешь“. Лягушка ¹⁵ уснула. Старик (муж) худо не научит, тепленько в шкуре, не замерзнешь.

Муж с той девушкой стал жить. Отправились с той девушкой за мясом. Пришли. Лягушка замерзла в шкуре. Мясо домой притащили. Лягушкиных оленей побили. Туда пришли, стали жить.

- Девка эта жила, жила, про сестру свою вспомнила: „Сестра моя куда девалась?“ Смотреть пошла. Шла, шла. Пришла в то место, в избу вошла. Только ²⁰ сестра ее там в избе живет, зада нет. Жила, жила, сестра старшая оленей дала множество. Повела домой, много оленей ее догоняющие пришли. Жить стала с мужем своим.

Е. М. Сафонов. Тырка. Карама

11. Сказка

Старик со старухой жили. Детей не было, очень бедные. Была одна корова у них. Старик говорит: „Давай убьем корову“. Старуха говорит: „Нет!“

- Старик во двор пошел, корову убил. „Старуха, подойди. Кишки на реке иди ⁵ мыть“. Старуха пришла, кишки взяла, пошла мыть. Обратно пришла, старик ее в дом не пускает. Старуха пошла носом вперед (куда нос покажет). Шла, шла, видит—

gulkan. Talā gulukandula irān. Ostoidu zāptilā aditānā. Zāpcān, tāduk zāptilādūk mēnākān garan, niqāhinimmēn.

Dolbikōkin ēmerān Jaga-Jagisna. Talkidu murdāhinān. Atirkān tārālduk zāpci-lādūk garan. Zūtkiwar sūrunimān. Zūlawar ēmerān. Ətirkanin hūkurwū manicā.
 10 Zūjatkin ajakcucā, icātcārān. Ətirkanin hērkilwī ūlōzārān. Atirkān hundāpki masli-kānē. Ətirkanin gūnzārān: „Imurānzārān horkildukin“. Sōnatki icāhinān, atirkānmī icārān. „Atirkān, əməkāl“. Atirkān ēmerān, „Dawaj, ətirkan, zāptililwān zāpcākəl“! Zāpcā, zāpcā, gūnzārān: „Hikaṇal ūlikāl“ Potom gūnān: „ōzahikāl“. Ōzāhinān amurdun, əjəmmān kerā.

F. K. Monastirəw. Murinḡa

12. Nimḡakāwun

Ilan nəkūṇahəl biçatīn. Bəjhincatīn, too omjocōtin. Ilan nəkūṇahəl ətirkanmē icəcəl, too zāgdizārān. Əmēcān noandulān, toal gələlçān. Amākā gūncən: „Nimnakān-kəl əhiçəw sarā. Sarā nimnakānikış, taçalləçə mizigāw hekanṇadukış, səgdənnədūkış uhiçə sızıçaw. Tojo bızıçaw, əhiçəw sarā nimnakānikış“.

5 „Nimnakānzālīm“. — „ülək“ gūnəkış, səgdənnədūkış cızıçaw uhiçə hekanṇadukış taçalləçə maçalıçıçaw“.

10 „Diçin zār nəkūṇahəl biçawūn. Gōnimun biçən. Diçin zār Patnəlin. Nəkū-nahəl əwcaçın, mordohincaun. İcihinim, səgdənni cehurgacca. Bī calban hikaṇalin diçəw, icəhinim, mordohinaw, gon illan. Calban baldicā amikundulā turgacā. Ojokco-zāhim, tala şaçar bihin nəşədu, talā dūṇṇā, talā təçə bişārā. Bəjür kətikākūn. Bə-jütçəçə, bəjursə wām, hiçziçaw, ūlləbətīn jadəkəldu būjitiçaw, uhiçə sızəwātçaw, iraktədu ūjəwātçaw, əwdəhānim. Uhiçə maṇawra, dūṇṇā lis gumagadın icəçillān. Mikçəhinim, icəm vəçə wejdərən talganaw. Dawaj mikiṇədūk zəjzəkəl top dūṇṇā mikçalīm. — „Əniniw aminduş məkzazārān!“ ətirkan gūncən. „Ulək bihinni“. Səg-dənnən uhiçəw sirsə, hikanṇadukin təçələ miçə. Ətirkan būçə, tōwo şırəwçə.“

избушка. Туда в избушку вошла. На столе еда разная. Наелась тогда, из еды сама взяла, спать легла.

В полночь пришла Яга-Ягища. В мялке приехала. Старуха после этого из еды взяла. Домой пошла. Домой пришла. Старик ее корову кончил. На
 10 юрту залезла, смотрит. Старик ее штаны варит. Старуха бросает масло. Старик говорит: „Жир топится из штанов“. В дымовое отверстие посмотрел, старуху увидал. „Старуха, иди сюда“. Старуха пришла. „Давай, старик, еду есть“. Ели, ели, говорит (старик): „Зад зашей“. Потом сказал: „Распори“. Рас-порола, в кале утонули.

Ф. К. Монастырев. Муриння

12. Сказка

Три брата жили. Отправились зверя промыслять, огонь забыли. Три брата старика увидели—огонь горит. Пришли к нему, огня попросили. Дед сказал: „Скажисказку, которую не знаю. Если расскажешь знакомую, круг вырежу из зада, из спины твоей ремень выкрою. Огонь дам, если незнакомую расскажешь“.

5 „Буду рассказывать“. — „Ложь если скажешь, из спины узды вырежу, из зада круг вырежу“.

„Сорок братьев было (нас). Кобыла была. Сорокояблочная. Братья сели, поехали. Оглянулся, спина сломана. Я березу в зад сунул, оглянулся, поехал на коне, кобыла встала. Береза выросла, до неба уперлась. Полез, там дыра
 10 в небе, там земля, там народ живет. Зверей много. Промыслял, зверей бил, обдирал, мясо беднякам раздавал, ремней накроил, к лиственнице привязал, стал спускаться. Ремни окончились, земля с лист бумаги показалась. Прыгнул, вижу—мужик веет хлеб. Давай за мякину хвачусь, на землю прыгнул. „Мать моя на отце твоём ездит“. Старик сказал: „Лгун“. Из спины ремень выкроил,
 15 из зада круг вырезал. Старик умер, огонь забрал.

P. Starikow. Tutura

13. Maḡi

Maḡi bizällän. Ǧənäsähinän, əmərän hunättulä. Hunät ǧəlləcə, maḡit ǧünän „Ǧənäkäl, ulla ǧanäkäl, tärä müǧdükäcənə kəŋkihinə“, ǧünän: „şinǧi ǧərbiş?“ Hunät ǧünän: „Kədərək-Cüçülək“. — „Akİnni ǧi ǧərbin?“ — „Bəyaldar-Bayatır“. — „Öni tuǧi ǧran ǧərbi?“ — Bəyatıkundun maḡıla wəzəmmi“. — „Ninakın ǧi ǧərbin?“ — „İlikş da lakä“. — „Emi tuǧi ǧran?“ — „Büçə maḡi səhələ ilənəzəmmi da lakanəzəmmi“.

P. Starikow. Tutura

14. Akşirə—Bakşirə

Dolodur nuwandun ǧəyin hunil. AmİN wəǧuhinän. Bəǧuşi əmərän. Hunil acır. Umukən əmərän. „AmİNmi zəǧəkəl!“ Nuan ǧünän: „əduwi zəǧıǧaw? cəkədu zəǧamcaw, cəkəw cəǧıǧatın. Si iǧkikci ǧənəzəkəl, təli icəǧıǧaş ǧuləkünə, tədu Akşirə-Bakşirə, təri zəǧamı zəǧıǧan“.

Tärä ǧənäsähinän hunät. Goro daǧa dəǧıllən, icärän zükäkən zür hürkər onnızərə lükilwə, wərilwə, zür ahatkär tədu da onnızərə. Hürkər iciwkəm, ərilǧ: „Awǧuǧəǧət wərit ǧrap“. Ǧə ǧünän: „ej, kakı ǧlahal miti bihip!“

Akşirə-Bakşirə tärä ǧlan əmərəkin, zəǧawahamnən təyätcärən. Şururun tärä hunät, zəǧilzihinän. İşşan okoskadun döran. „Kəl hanǧuktallan: „Akşirə-Bakşirə minä zəǧakal“. Əhin döldıra, ǧəwran ǧünän: „Akşirə-Bakşirə minä zəǧakal“. Tärä ǧünän: „Əməkäl, moǧu zəǧakal, zəǧıǧaw“, ǧünän: „mirinzıǧaş, təli bi şinə zəǧıǧaw“. Zəǧaran.

Tirǧanİwə bihin, ǧəwa bihin, acın. İİdu əmərə wuləlsir. Kotowo tənən Akşirə, ostoldun nərən, ahatkənmə ǧünän: „İcitcəkäl kotowo, şəmtzıǧan, təli bi dawdasıǧaw, ezeli kiməǧzıǧan, təli bi dawdım“.

П. Стариков. Тутура

13. Чудовище

Чудовище (медведь) жило. Пошел, пришел к девушке. Девушка испугалась чудовище сказал: „Иди, мясо возьми, тот пенек стукнувши“, сказал: „Твое имя?“ Девушка сказала: „Мялка-Скоблилка“. — „Старшего брата какое имя?“ — „Бəǧалдар-богатырь“. — „Почему такое имя стало?“ — „В каждом месяце чудовищей убивает“. — „Собаки как имя?“ — „Лизун да лакало“. — „Почему так стало?“ — „Мертвого чудовища кровь лжет да лакает“.

П. Стариков. Тутура

14. Акширə-Бакширə

Долодур, у него девять дочек. Отец отправился промыслять. С промысла пришел. Дочек нет. Одна пришла. „Отец, спрячь“. Он сказал: „Куда спрячу? В запятник спрятал бы, запятник распорят. Ты вниз (по реке) иди, там увидишь избушку, там Акширə-Бакширə, тот спрятать спрячет“.

Та пошла девушка. Далеко близко летела, увидала юрту, два мальчика дарят друг другу стрелы, луки, две девочки там же одариваются. Мальчики, увидевши, закричали: „Какой лук мы сделали!“ Другой закричал: „Эй, какие мы мастера!“

Акширə-Бакширə, тот мастер, когда пришел, спрятавшись сидит. Ушла та девушка, полетела. Долетела, на окно села. „Ну!“ спросила: „Акширə-Бакширə, меня спрячь“. Не услышал, вторично сказала: „Акширə-Бакширə, меня спрячь“. Тот сказал: „Иди, могу спрятать, спрячу“, сказал: „Выйдешь замуж, тогда спрячу тебя“. Спрятал.

День прошел, второй, нет. На третий пришли войска. Нож вытащил Акширə, на стол положил, девушке сказал: „Смотри, нож заржавеет, тогда я буду победен, если побелеет, тогда я побегу“.

15 Kə-hilə, gənəhinə, büləllə.

Tārā ahātkān icātcārən kotowo. Akširə koton šamtuzārān. Ahātkān mērgāhi-nān—dawdazərən. Potom icātcārān ahātkān kotowo, tārāni kimārgārān, bağdar-garan—Akširə dawdırən. Akširə əmərən. Zapkunma bayatırıl wārən. Ahātkān ırınun: „Şindu mirinsināw“. Tar mudanın.

P. Starikow. Tutura

15. Altānāj

Bolontur bizəllən. Ahin ırğəgdī. Kūkināj dālāhinən, dılıca hunātpān. „ācınduw baldıdınān, Altānāj gərsidāwi“.

Sıyrın tārā bəjə. Dalahınan. Dılıca hunātpān dalarən. Tālā nuanmān mağıl wācılı.

Tārā ahin hūtpānnān amardun, Altānāj gərsirən. Hūtān bihin, ilallawa bəriləwi
5 ərən, nāmkiçillən. İrəktəduñ dōra cinəkəl. Nuan nāmkiçcārān, wārən nuarwatın. Umukən suwārəduñ solōwcān. Nāmkiçcārān hēran nawkānmī. „Altānāj ədaw bəjūtçānni? Amīnni bīcən Bolontur gərbi. Nuan sindu ahijāş dālāhicā“.

Nuan əmərən əninduləwi. „Ənə amıç bīcəw?“ Əninin gūnān: „ācın amīna bīcəş“. — „On ācın amīna biziğaw? əduk-ka baldıçaw?“ Gūnān əhilə əninin: „Amīnni bīcən, kamniçaduk hūkylcən, bummān kəcəş“. Gūnān: „Dawaj bī gənəktə tikikçələn“. Tuhanən, tikcən, kamniçaduk əmərən, əhin budā. „Bīcən amīnmı, bīcən“, gūnān: „İlāçə?“ — „Necewo çələş“ gūnān: „ahijāş dālāhicā, dılıca hunātpān“.

Tavun murın ırkuzeren, gūnā umukən murıncıkān ihāktə upkacın. Murın-
15 dūlā əməŋki, bülhininŋki, murın buŋki, səğdennə cıkurganŋki. Tārā ihānə tuhak-təzārən. „Mīnə, mīnə kəkāl“, gūnzārən. Əmərən əhilə bülhinin, ıraktalın bıruu. Gēwran bülhinin, həğdimikən ərən. İltwran bülhinin, nuan həğdikəkun ərən. Bülhinin, zawran murınmı, nırlıwı gadan, bərilwı gadan, hawahınan. Pānərən, gənərən, icārən—zapkun mağıl əwizərə igdiwūñzı uwiskī hundəwətcərə. Nuan

15 Ну, пошли, стали воевать.

Та девушка смотрит нож. Акширə нож ржавеет. Девушка опечалилась — побеждается. Потом смотрит девушка, нож тот светлеет, белеет—Акширə побеждает. Акширə пришел. Восемь богатырей убил. Девушка обрадовалась. „За тебя выйду замуж“. То конец.

П. Стариков. Тутура

15. Алтанэй

Болонтур жил. Жена беременна. Невестку сватать поехал, солнца дочь. „Без меня родится, Алтанэем назови“.

Ушел тот мужик. Сватать отправился. Солнца дочь просватал. Там его чудовища убить собрались.

Та женщина сына родила после него, Алтанэем назвала. Сын живет, в три
5 дня луки сделал, стал пристреливаться. На листовенницу сели пташки. Он прицелился, убил их. Одна на вершине осталась. Прицелился, не мог попасть. „Алтанэй, зачем убиваешь? Отец твой был Болонтур по имени. Он тебе жену сватать отправился.“

Он пришел к матери. „Мама, отец был?“ Мать сказала: „Не было отца“. — „Как без отца жить буду? Откуда родился?“ Сказала тогда мать: „Отец был,
10 со скалы скатился, умер“. Сказал: „Давай я пойду к месту падения“. Пошел, скатился со скалы, пришел, не умер. „Был отец, был“, сказал: „куда делся?“ — „Нечего делать“, сказала: „жену твою сватать отправился, солнца дочь“.

Табун лошадей идет, говорят, один жеребенок в коросте весь. К коню подойдет, коня погладит, конь умирает, спина ломается. Тот коростистый бе-
гает. „Меня, меня лови“, говорит. Подошел тогда, погладил, шерсть унала, вто-
рой раз погладил, он большой стал. В третий раз погладил, он очень боль-
шой стал. Погладил, поймал коня, стрелы взял, луки взял, отправился. Ехал, ехал, увидел—девять чудовищ играют, гребешками вверх бросают. Он

gənəmman Altānāj, cāpkānān. Əhin mädärä, gənäsāhinān cāsķi; irtiki gənācən, tartiki gənāzārān. İcārān guləkəkānmə, guləkən hunāt okoşkoli ciyiccārān. Nuan gūnān: „Altānāj əmcəw icāhinā ucukuān“, kəjəran: „minduğan“... Altānāj gūnān hunāt-pān: „Bisikiş, əmcəw icāhinā“. Nūrwa garān, bərwiļā garān, nāmķirān, hikəmrān, hunāt budadn. Gənāzāhinān, gənārān icārān guləkəkān. Tālā guləkəndulā ırān. Hunāt arcamkarān. Arcamkaran, tükən nuan, harullan. „E, miñecikākun icājāş icarā“, hunāt gūnān: „miñecikākun icājāş icārā-un kərā“. Buhijanzī hikihinān, tarā illan. Əhilə ostoldulā gənārān, ostoldu təyārān. Hunāt potciwajillān. „Kəl“ gūnān: „gənāzikāl aminmāş mağı wāzırān, amakān gənāzikāl“, gūnān. Gənāzāhinān, amin arcaran əməzirān təlki murınlın tuhakıdn ora, mənıķkən kərānuğdn ora.

30 Zapkun mağikal amargızı nāmķicällān. „Gənāzākāl, amā, bī büləlsälīm“. Sururı aminin; nuan büləllān. Mağikun nāmķitınəcällān. Nāmķiccān, nāmķiccān, tanınaha tınə. Əninin ɣäläji bücən. ɣäläwān tənān əninmi, ərpəlihinān, tamnaha ācın oran. Utunɣəwə tınān, həɣnəkınduləwi bülərə. Əninin ukunmi bücə, nuan nəpkühinān, udun, uđullān, sirān toyo. Nāmķicällān, wes wārān mağılwa. Muçurān newestulā. Əmərān hunātulā, mirānzārān hunātwa əlānırwār uməktəɣɣə...

35 Sururu zütķiwar, züləwār əmərā. Əninin, aminin kultırdıwar lambarācā. Amaçça zıwoj wōda, imurā gəjıwhıhıķır ora. Tar kəhilə bısällä. Tar mudanin.

İ. Komariçin. Сепса. Агара

16. Dəkimdəki

Umnəkən ırədu gorodu, gorodu wəjunmā wəcəw. Biçən mindu umukən ɣtə. İgzārākiw wəjunmə, gənəgən gāy ɣtəwə lawagajcān.

„Amıļaj, amıļaj!
Gorokı, gorokı

asakal, asakal
minəwə“.

пошел Алтанэй, схватил. Не знает, поехал дальше, куда ехал, туда едет. Увидел 20 избушку, избушка, девушка в окно смотрит, она сказала: „Алтанэй, не глядела бы на коня его“, позавидовала: „мне бы такого“. Алтанэй девушке сказал: „Если бы и была, не посмотрел бы“. Стрелы взял, лук взял, нацелился, в грудь попал, девушка умерла. Отправился, ехал, увидел—избушка. В ту избушку вошел. Девушка встретила. Встретил, упал он, голова закружилась, „Э, такой же, 25 как я, не видывал“, девушка сказала: „мне подобную не видывал“. Обшлагом погладила, тот встал. Теперь к столу пошел, за стол сел. Девушка подчивать стала „Ну“, сказала: „иди, отца твоего чудовище убивает, скорее иди“, сказала. Отправился, отец встретил, идет, только конь его с зайца стал, сам с белку стал.

Восемь чудовищ позади начали прицеливаться. „Иди, отец, я воевать стану“. 30 Ушел отец, он воевать стал. Чудовище стрелять (друг в друга) стало. Стрелял, стрелял, туман напустил. Мать его руку дала. Руку потянул матери, махнул, тумана не стало. Горячую тундру напустил, по колена завяз. Мать грудь дала, он пососал, дождь пошел, задул огонь. Стрелять начал, всех убил чудовищ. Вернулся к невесте. Приехал к девушке, взял в жены девушку со всяким (добром).

35 Поехали домой, домой приехали. Отец, мать к порогу прилипли. Принес живой воды, помазали, молодые стали. Тогда стали жить. То конец.

И. Комариçин. Ченча. В.-Ангарск

16. Докимдоки

Однажды на горе далеко, далеко зверя убил (я). Был у меня один сын. Когда обдирал зверя, шел (летел) лебедь, сына схватил.

„Отец отец!
далеко, далеко

гонись, гонись
за мною“.

Amōniksə wəjunmə, asasiŋan. Ƴənərən, Ƴənərən, icərən umūkən aranma. Irān tālā arandulā. Bizārān umūkən atirkācān šagdı, šagdı. Umūkən amaldaldāwə uzārān. „əwgu“, Ƴunzārān. Sō šagdı, šērilduk jalbuka baldicān, šenduk taktikācān baldicā. Anmūktārān: „əŋəkəjaj, əŋəkəjaj əcāš icārā Ƴay lawadāzārīwə kuŋākānma?“ — „Utəjaj, utəjaj, gorodu, gorodu Ƴay Ƴənəcān, lawadajcān kuŋākānma. Bī Ƴəjun, Ƴəjun biŋə-
 10 šiwi təlijə, təlijə Ƴənəcān. Utəjaj! utəjaj! Ƴənəzikəl oktolinān, oktolī“.

Təli oktolinun oktolī Ƴənəm, Ƴənəm, aranma Ƴanā icəm, im arandulā. Ətirkən bizārān sagdı ətirkən bizārān. Umūkən amaldalgāwə uƳulcizārān, šērilduk lalbuka baldirān, šenduk calbakācār şaldira. Anmūktam: „Amākəjaj! amākəjaj əcāš icārā Ƴay Ƴənəcān lawadajcān kuŋākānma?“ — „Utəjaj, utəjaj, Ƴənəcān, Ƴənəcān, təlijə, təlijə
 15 Ƴəjun biŋəşiwi, əli Ƴənəcān, şonandulī, ināmūktəl tikimdicətin, mindu wāŋəjəcān, amākəjaj, amākəjaj əli amī aşasnakīn əli-nun oktolinān, oktolī. — Utətaj! utətaj, gorokī, gorokī, ərluwər aşazamī aşazamī“. Aşaran, aşaran suptıwdān lāmudulūwər dahiŋan.

F. Şaŋgin. Dağarā. Aŋarā

17. Aşı

Ətirkən atirkənān bicətin. Aşı umūkən hutətin bicən. Əsi matal ēmal-wal əŋnəkil magararā, magaraktıra. Nuartin urərə. Tāduk gorokīwa bikşəl, aŋarə, oksosto mərtikiwər. Anŋaniwə bişin, Ƴədu anŋanıdu ulildə söt nuanmān.

Tāduk nuantikin hərgəltin utəltin Ƴūnə: „Bū şinə amakən zəpilsināwun“. Nuan mūlştən: ön Ƴələmin bişin, ön mənmi əjzalı? Nuan aşılgarān maluklāwər, mōwa kuŋāwə, mōli kuŋālī aşı ugduştāwi. Əmərən wrema, nuanmān wālmācintin, wāldāwər italda, kotolbor kulgadāldə.

Nuan təli Ƴūnān: „Bī tūliski jūmuzām, jūkəldū minə“. Jūstə tūliski nuanmān, kuŋākār təlbə Ƴālināl. Nuan təlbətin şirān tukşaştan maludulāwər, kuŋālāwi oşilgalāwi. Tukşaran, da ugduştān. Nuartin şokordo nuanmān.
 10

Оставив зверя, погнался (он). Шел, шел, увидел одну юрту. Вошел в ту юрту. Живет одна старушка, старая-старая. Одну головню раздувает. „Оўгу“, говорит. Очень старая, из ноздрей мох вырос, из уха кедр вырос. Спросил: „Старушка, старушка, не видала лебедя, схватившего ребенка?“ — „Сынок, сынок, давно, давно лебедь прошел, держал ребенка. Я молодая (тогда была), туда, туда
 10 прошел. Сынок, сынок, иди по дороге его, по дороге“.

Тогда по дороге его, по дороге шел, шел, юрту опять увидел, вошел в юрту. Старик живет, старый старик живет. Одну головню раздувает, из ноздрей мох вырос, из уха березки выросли. Спросил: „Дедушка, дедушка, не видал лебедь прошел, пронес ребенка?“ — „Сынок, сынок, шел, шел тогда, тогда молодой был я, здесь шел, в дымовое отверстие, слезы падали, мне кричал: дедушка, дедушка, здесь отец если погонится по этой дороге, пусть пойдет по дороге. Сынок, сынок, далеко, далеко того гонять, гнать“. Гнал, гнал, отстал, до моря дошел.

Ф. Шаньгин. Дагара. Н.-Ангарск

17. Женщина

Старик со старухой жили. Женщина одна дочь их была. Теперь соседи (чужеродцы) какие-то не могли просватать, сватают. Они согласились. Потом немного спустя пришли, увезли к себе. Год прошел, на второй год стали кормить сильно ее.

Потом ей младшие ребяташки сказали: „Мы тебя скоро съедим“. Она
 5 подумала: как страшно, как себя сохранию? Она заметила за священным местом в юрте дерево дуплистое, тогда на дерево в дупло чтобы влезть. Прошло время, ее предполагают убить, убивать стали собираться, ножи заточили.

Она тогда сказала: „Я вон выйти хочу, выпустите меня“. Выпустили вон ее, дети огонь в руках держат. Она огонь загасила, побежала к священному
 10 месту (юрты), к дуплу запряменному. Убежала да влезла. Они потеряли ее.

Şokorıkşal, irä arandulä, gūnā: „şokordon zäpmäcinmar ēja əsilə zäpcipət?“ — „Minə zəpkəldə!“ ənintin gūnān, atirkān. Nuartin ənlümər wārā, zəptə. Gūldā: „əkun ənl gūlimäcinmar gūlimäzinān?“ Aminti ətirkən: „bī, bī gūlinəktə“, gūnān.

F. Şaŋgın. Dağarā. Aŋarā

18. Bərvūlin, bərvūlin

Ətirin, ətirin, bərvūlin, bərvūlin!
 bəjuŋmi-nun bəjukəl bərvūlin bərvūlin!
 ırkəwər zükələn, bərvūlin, bərvūlin!
 əguməwə tolkıcım, bərvūlin, bərvūlin!
 5 aşı tolkının okın bıcən bərvūlin, bərvūlin!
 inanaj inanaj bərvūlin, bərvūlin!
 aşı tolkının bərvūlin, bərvūlin!
 okın kakoj bıcən bərvūlin, bərvūlin!
 atırın atırın bərvūlin, bərvūlin!
 10 ırkəwər galgākəl bərvūlin, bərvūlin!
 — əzəŋəw galgārə bərvūlin, bərvūlin!
 hıptukə dılgandı bərvūlin, bərvūlin!
 — bəjuŋılınmər wəşşəmätcəmi bərvūlin, bərvūlin!
 dılgana acın ɔran bışın bərvūlin!

J. Ajeulew

19. Nımçakān

Sulakī ɤənəzānārān. Bakaran marıwa, guşkəwə, tuşsakiwa, gūldən: — „minçi ədiw bəda ɤarkən“. Marı gūnān: „Əməwdəj, icādəŋ“. Sulakī gūnān: „Əməwzāŋəw şū tərɤmätciŋəşun macələjā, təlī əməzāŋan minçi ədiw“. Sulakī əməwdən, marı

Потерявши, вошли в юрту; сказали: „Потерялась еда, что теперь будем есть?“ — „Меня съешьте“, мать сказала, старуха. Они мать убили, съели. Сказали: „Кто матеря остатки на лабаз положит?“ Отец старик: „Я, я на лабаз положу“.

Ф. Шаньгин. Дагара. Н.-Ангарск

18. Бурбулин, бурбулин

Старик, старик бурбулин, бурбулин!
 если промыслять, промысляй бурбулин!
 двери напротив бурбулин!
 5 Худое во сне видел бурбулин!
 женщины сон когда был бурбулин!
 свояк, свояк бурбулин!
 женщины сон бурбулин!
 когда какой был бурбулин!
 старуха, старуха бурбулин!
 10 двери отвори бурбулин!
 — не стану открывать бурбулин!
 чужой голос твой бурбулин!
 — со зверями кричавши бурбулин!
 без голоса стал бурбулин!

Я. Аеулев

19. Сказка

Лисица идет. Встретила медведя, волка, зайца, сказала: „Мой муж—беда бойкий“. Медведь сказал: „Приведи, чтобы посмотрели“. Лисица сказала: „Приведу, вы корову убейте, тогда придет мой муж“. Лисица чтобы приг... ..

guşka, tuşakı tərurə macələwə, təlgəttə. Mañı günən: „Bı əduq mattamə özilziñaw, mōwa tuktizñəw. Guşka günən: „Bı ədu dikənzälim“. Tuşakı günən: „Bı ədu dikənzälim“.

Şulakı ədin koşka. Şulakı əmüwdən ədiwi, ındıldən tərüzəkwətin. Tuşakı kurbuştan, zərəş öran. Koşka cökidärän, „Ənükəcən“ günən. Tuşakı gələldən üktih: dän. Koşka näläldän, mōwa tükkäştän, mañı tadu bizärän. Mañı zäläldän, mepcänän, şəgdəndən bürürän. Şulakı nuanmān zəpildən. Məkelərən, mənmi ajdāwı.

J. Ajeulew

20. Akşı-Bakşı

— Şū-waj anñuktaktu	Şinə nəmkişälim —
elä-mə tuşanzandı?	əwşəcərdə jüñnəktin!
— Dəmə-dəmələncə!	Şinə təktaşcälim —
Akşılā-a Bakşılā.	takşakəş ətəkəñignətin!
Akşijaj-Bakşijaj!	Şinə təktaşcälim —
Amakān-ka jükəl!	ñäləwə kəñəcəmdək!

Akşı-Bakşı jürän, nəmkirän, əwşälin jüñnətin haplastuk takşakawān təktaştən hətəkəñignənin. Takşakāwı cökidärän, günən: „Ėcā bimī hətəkəməldən? Aucān əri“, bizəktün tülərən. Ñäləwān təktaştən hətəkəñignənin, cökidärän, günən: „Ėcā bimī, toğomildan? Ukşəcən əri“, bizəktün tülərən.

J. Ajeulew

21. Şıñəcən

Şulakı: „şıñəjä gukcānmāt“. — „Dawaj gukcānmāt“. — „Lişejamıkākun ĩlā ĩptur-zıñān?“ — „Bi-glā şuktilhiñaw, kocolō dütäzānə“.

волк, заяц убили корову, ободрали. Медведь сказал: „Я отсюда смотрящим стану, на дерево влезу“. Волк сказал: „Я здесь спрячусь“. Заяц сказал: „Я здесь спрячусь“.

Лисицы муж—кот. Лисица привела мужа, стал собирать остатки на месте их свежевания. Заяц пошелелился, затрясся. Кошка прыгнула, „мышь“ говоря. Заяц испугался, убежал. Кошка испугалась, на дерево полезла, медведь там есть. Медведь испугался, прыгнул, спиной упал. Лисица его съела. Обманула, чтобы себя спасти.

Я. Аеулев

20. Акши-Бакши

— Если вас спрошу	Тебя выстрелю —
куда бежишь?	легкие выскочат!
— Доме домелончо!	Тебя разрублю —
К Акши-Бакши	верхушка отскочит!
Акши-Бакши! }	Тебя разрублю —
Поскорее выходи!	руку отсеку!

Акши-Бакши вышел, выстрелил, легкие выскочили из раны, голову отрубил, отскочила. Голову поймал, сказал: „Какая была отскакивать начала? Шапка это“, на место посадил. Руку отрубил, отскочила, поймал, сказал: „Какая отлетать начала? Рукав то“, на место насадил.

Я. Аеулев

21. Налимишка

Лисица: „Налим, побежим!“ — „Давай побежим“. — „Налим, куда поплетется?“ — „Я-то побегу, мыс через пересекая“.

22. Şulakı

Şulakı gənəzərən mañıja bakaran. Nənməktəldü kıkcawdan mañı. „Amakā! amakā! minñılā gənəwət şaldiskıtiławajāncək şāñān-şāñān“.

— „Uñej, gənəwət şaldiskāndulā“. Şururə kadara ojolon. „Amakā! amakā! Bı pəsukte űkəlsıñəw“. Aştə.

Şulakı mañı dıdālān oran, məkālērən. „Amakājaj! amakājaj, diskı kənəkəl, həkəlsālīm!“ Diskı kənəşcāldən, űkəlāştın, noptərorən. Şulakı gənərən, nuanmān təlgāttān lomoləbən kəcındān. Nuarsatın ırgıdık űjıdān, məñələrən kıcılzı. Şururən, bakaran guşkeləş. Guşkel güldə: „Şulanaj, şulanaj, eduk bakandı tawarılba?“ — „Ulızālīm“. — Alakə? şulanaj tədəwkəl“. — „Əzıñaw tədəwdə, tıñəlsıñəşun“. — „Tədə-
10 wkəl, tədəwkəl“. — „On, tədəwzıñaw. Şı əjıkeldu ırgırəş mıdu, gıldıkakun özıñān, ənər űrıştə, ətızıñatın gıldızāmı, təli urısınğəşun“. Əjırə amutkāndu ırgıləş. Şulakı karauccəran. Doñotoldərə guşkel ırgıltın. Şulakı nuarsatın təpuldān, űmıñkən suçārən, ırgın pəşırgərən.

N. Bukıdaew

23

İlan asāl
güliñnərə:
„Mınə gakal“,
güliñnərə.
5 „İliwatın
gazalsalım!“
İlan-zarızı
sıgazarızı
sıgulsıtın
10 əlbənətəne,

gənəlsıtın
ınnəktəne,
İsalsıtın
murucəntəne,
sıñuktalsıtın
űsıtəne,
zaraltsıtın
orontono,
səsırzıtın
kumaləntəne.

Я. Аеулев

22. Лисица

Лисица идет, медведя встретила. Комарами закусан медведь. „Дедушка! дедушка! ко мне пойдем на мое место, хороший ветерок подувает“.

„Дочка, пойдем на ветреное место“. Пошли на вершину скалы! „Дедушка, дедушка, я ниже лягу“. Заснули.

Лисица через медведя перешла, перелезла. „Дедушка! дедушка! дальше ляг, скачусь!“ Дальше подвинулся, покатылся, разбился. Лисица пошла, его освежевала из околокишечного жира колбасу сделала. Ее к хвосту привязала, обмотала шею кишками. Ушла, нашла волков. Волки сказали: „Лисичка, лисичка, откуда нашла те?“ — „Покормлю“. — „Вкусно? Лисичка, сообщи“. — „Не стану сообщать, узнаете“. — „Сообщи, скажи“. — „Ладно, сообщу. Вы опустите хвосты свои в воду, холодно станет, не вытаскивайте, пока не замерзнут, тогда потащите“. Опустили в озеро хвосты. Лисица караулила. Стали замараживать волки хвосты свои. Лисица их ударила, один оторвался, хвост лопнул.

Н. Букидаев

23

Три женщины
заговорили:
„Меня возьми“,
5 говорят.
„Третью
возьму“.
Тридцати
налимов
кожи (из)
10 покрывки (делая),

икры (из)
торсуки (делая),
глаз (из)
круглые короба (делая),
из кишек
ремни (делая),
из позвонков
олений (делая),
из пупков
кумаланы (делая).

J. Ajeulew

24

Илан ашāl
gūniṇnārā:
„Minə gaka!“
gūniṇnārā.
„Irwatın
gazalıṇāw“.
ılan-zārzi
şejacārzi
manalıṭtan
inməkiwəna,
ärpükilzitin
usiwzəna,
şəşezitin
tiḡəptünmə.
şergecanaj,
nenakīnaj,
okin gücən:

„Minə gaka!“
sērulaktaj,
hukacānaj,
ēwan tārā
əktənzāndi?
Gūnzārkes-ka
cərnajmaşnār
kričədun:
„Minə gaka!“
ılan binəl
tətcärkāt
gunzərəş-ka,
gunzərəş-ka:
„Ambarlāwun
āzānāwāt,
amī, amī
dawuduci.

J. Ajeulew

25

Ədəsələj!
pānsələj!
kalatkawur
tətcānəwət!
buşəkərbər

kaḡkurzewāt!
jāḡdikəkur
ḡānucāl-tāl
təndikəcər
əndəwkəşul.

Я. Аеулев

24 (вариант)

Три женщины
говорят:
„Меня возьми!“
говорят.
„Третью
возьму“.
Тридцати
налимов
(из) икры
торсуки (делая),
(из) плавников
узды (делая),
(из) болоней
подпругу.
Сергей,
собака,
когда сказал (я):

„Меня возьми!“
Серулак,
сучка,
чего в том (тому)
отказываешь?
Когда говорила же
Чернова
на крыльце:
„Меня возьми!“
Трое были
когда сидели же,
когда говорила же,
когда говорила же:
„В амбар наш
пойдем спать,
отца, отца
в тулупе“.

Я. Аеулев

25

Товарищ!
друг!
халаты
пойдем надевать!
пояски

подкрепим!
горные (девушки)
пришедшие
равнинных (парней)
обманывают.

J. Ajeulew

26

Akī Samajıŋkur,
gırın tēnsuwēt,
əwınə-wəl bargızewāt,
jəkənnu-wəl kaltawzewāt.

Bikə etwı kaltawzewaw?
Bı-kə et-wı bargızewaw?
Bagdan buwaduwi
ıjırjəkə bıŋım,
jəgdərjəkə bıŋım.

J. Ajeulew

27

Aşujakır
amandıŋnam.
Bənəsəlbi
şıwātşewətin
amandıŋnam.
Cırgäsiktə
kaltakazın.
Həyəwənə-wəl
həyəziŋəw bıcə.
Gowokşıl
gowotcokimjatin.
ırınəcı-wəl
ırınəziŋəw bıcə.

İpaksəl
ıpəzəkımjətin.
Həgdəw bənərāw
uwəwşəziŋtin
lāmukākun
zapkajadan.
Hılitku bənəriw
həndinzäŋtin.
lāmutkūnmə
əjškəki
wəşəwəlin
torōkarıktın
tamnanzäŋtin.

Я. Аеулев

26

Дядя Самаинкур,
вместе поиграем,
песнями ли посоревнуемся,
хороводом ли половинками
поиграем.

Я-то как буду с тобой?
Я-то как спою?
В Багдана стране
привязан (я),
к колу привязан.

Я. Ае лев

27

Немножко
не застал.
Шурьяков
свадьбу их
не застал.
Накаплю-ка
с половину.
Песни
петь бы мог.
Лающие
пусть лают.
Вотрую жену
мог бы взять.

Смеющиеся
пусть смеются.
Старший шурин
волнами качается
морища
на берегу.
Младший шурин
прыжками бежит
морища
к низу,
северной стороной
только пыль
вьется туманом

28

Caja Cunun
dayandutin
kaṇāldāwə
lokodōwōt.
Bəjənşələi
gūkitijātın

ari — tārī
kaṇāldājān.
Kālūkitin
unāzīn.
Hegallagin!
Hegugəlān!

N. Bukidaew

29

Ədātkənəj!
Parıtkanaj!
Tizərməkən,
adılkāndı
asujakır
jūlinmütin!
Unakāptunma

mułiməjə,
ınakəptukān
mułimətkān
əməmiwi
jūlicinān!
Həgāl-lagin!
Həgu-gālān!

N. Bukidaew

30

Tolkindo tolkiticitcāw—
hunātnun ārāwī.
ulguzimēmēnkə,
huluzinmamanka,
zəkinə, zəkinə.

bālīkētkēninke,
sinə—sinəmēmə
ēkun bizāsində?
īlā ədu bizāsində?

N. Bukidaew

28

Чая с Чуней
на водоразделе их
колокольчики
повесим.
Женихов своих
говоренное их

это (и) то
колокольчики (звонят).
О Калуки их
девушке их.

Пусть звенит! } припев
Пусть звенит! }

Н. Букидаев

29

Товарищ!
Друг!
Путо,
сеть твоа
немножко
выпутываются!
Колечко

кругленькое,
 колечичко
 кругленькое
 по приходе
 выкатилось!
 Пусть поет! } **припев**
 Пусть поет! }

Н. Б у к и д а е в

30.

Во сне видел—
с девушкой спал.
Говорливая,
теплое тело,
красивая, красивая,

белолицая,
тебя — тебя (то)
кто ты?
Где (ли) здесь (ли) живешь?

Н. Букидаев

N. Bukidaew

31

Əni Cence
cuwarjadun
küklikətkən
küktsizārān.
ekunmama

küktiməzən?
irgindəjan səmkəsəmdə.
Əgəl-əgəl
Əgü-gələj

N. Bukidaew

32

Duşkacanı
derewnədu
əzəlīm-lā
arkatcistā
əṛā-əl-du
anṇanildu?
Bolonikān
turgarakin,
sacarila
tūrgaşcıṇaw.
Ḥandarkānma
solokōkī
gāşımzəkīt
utındəlān
əglən gündā.

Gūkeşcālim
zūlāşkıwər
gūṇājāwər.
Əzəlīm-lə
kūmnuzāstə?
karmacila
kūmnuzāstə?
kūtī mūṇṇi
vugadukwī
ātəşuglə
kūpārizālim.
Zagdajaylı,
vəḡandulī
sinitikīn
ugduzāna.

Н. Букидаев

31

Мать Ченча
на холме ее
кукушечка
кукует.
О чем

кукует?
Пока куковала,
хвост чуть не затупился.
Эгей-эгей! } припев
Эгу-гелэй! }

Н. Букидаев

32

В Душкачане
в деревне
стану ли
стоять
в эти
годы?
Осень
когда встретит,
оленицу
встречу.
Нгандаркана (речки)
вверх
Гашимдэкита
до стойбища
эглэн говоря.

Стану говорить
вперед
старые слова.
Буду ли
обнимать?
.....
Обнимать?
Счастье наше
от неба
.....
закрою.
По ельнику,
по горелому месту,
к тебе
пробираясь.

20 Əni Çağı
 boşoodun
 sacarıkār
 alınnakār
 25 Əni təur
 ojojolin
 ātaksuglə
 ədinzəlim
 zəlğətikīn
 zəlğəscinə,
 cıwkatikīn
 cıwkānzānā,
 jūktətikīn
 30 uminzəna
 həgāl-lagin!
 həgū-gālān!
 amaysugla
 diuktāmçə.
 Sacarıkār
 35 nısuuktālā
 ətāməllə
 əkulcildə.
 Gəgəncijə
 əkulcildə.
 40 Kutı mınğı
 mınğıktəkənin.
 Cəkajä-wal
 gərbirikən.

İlə-uwul
 ızastakin,
 ajamək söt
 gərbizānān.
 nırəktəni.
 Nırəkərdün
 zalər bəjun
 ədinzāstān.
 Kowoktoği,
 kowocoldun
 bəjunjirkə
 gırkunzeren.
 Əşin sārā
 mudanəwi.
 Okın-mal-ka
 ətacınan.
 Gəwəktəği
 gəwətildün
 ırkin bəjun
 təwālzəri.
 Oronowı
 gərbizānəw
 təwānkənzi
 gərbidānəw.
 Təwālzəri
 özacındān.
 Okıdola
 arkātçälim.

30 Мать Чанги
 на северной стороне
 оленницы
 взволнованные
 как
 поверх
 завихрю (задуя)
 25 каждую щель
 задувая
 каждую . . .

 к каждому ручью
 30 идя пить
 Пусть поет! } припев
 Пусть поет! }

 поднялся бы.
 Оленницы
 35 красивые

 пососали бы.

 пососали бы.
 40 Счастье наше
 наше большое.
 Траву какую-то
 когда назовут.

Куда-нибудь
 когда пойдет,
 хорошо очень
 назовет.
 Впадины (ямки)
 во впадинах
 большой зверь
 дует.
 Холма
 на мысах
 зверь должно быть
 похаживает.
 Не знает
 конца своего
 когда-нибудь же
 будет.
 Холма
 на бугре
 бык зверь
 чужой.
 Оленя своего
 назову.
 Тэванконом
 назову.
 Тэванконом
 чтобы был.
 До каких пор
 буду стоять.

45

Duškācānī
ulicedun?
əglān-əglān!
həgū-galān!
əriəldu

anjanīdu.
Okidola
muljalim
sələmətəjdūkwi
mulizəgaw.

N. Bukidaew

33

5

10

15

Saṭarikān
ənūktikēn
əmərəkin
ūzastakiš,
turgarikān,
ūzalsalim.
Saṭarikān
ənūktikēn,
bidənuwər
dircāktəri,
bidənuwər
kurgəlgətpi
kurejanən
kulurmaja
bidənuwər
igdəyətpi
igdərjanən
igdəyətpi.

Saṭarikān
ənugdikēn,
sī-wu, sī-wu
turkumutūn.
Sī-wu, sī-wu
pōramutūn
puorarikān?
ūzaldakis,
turgarikān
ūzaldalim.
Guktātākōrā
umṇədawər
sīwu, sī-wu
umṇənādā?
Guktākārā
umṇənāai?
horor hororduwin,
curcārduwun

45

Душкочаны
на улице?
эглэн-эглэн! } привев
гəгу-гəлэн! }
в эти

годы.
До какого-то (времени)
подумаю
из сердца
подумаю.

Н. Букидаев

33

5

10

15

Оленница
болезненная
если придет
к следу твоему,
когда встретит,
пойду по следу.
Оленница
болезненная,
жизнь свою
встречающая,
жизнь свою
.
ограда ее
.
.
.
.
.

Оленница
болезненная,
ты ли, ты ли
передовая?
Ты ли
вожак,
идешь впереди?
Когда по следу пойдешь,
навстречу
(я) пойду.
Говоренное
чтобы забыть
ты ли, ты ли
забудешь?
Говоренное
пойдешь забыть?
Вершин на вершинах,
на низинах

20 ədāsālaj
parıcalaj,
on-mu gınnəj,
zawurzalğan
əri, əri
25 türkumnıtkı.
Mittənüwər
zawurzañat.
Sařarıkän
çükəstəkin,
əzəlğən-lä?

Sařarıkän
guskətəkin
əzəlğən-lä?
Sařarıkän
türkurakin,
amaskıwar,
mıgdərərä,
əzəlğən-lä
mıgdənmañtə
Duñıldılı
sıñıldılı.

N. Bukıdaew

34

Añurakäkun
orokonmı
şəgzə, gınnə

dırcējıçän
rıncakucän
ənnmərän.

N. Bukıdaew

35

İja, ıja! əkin zır
saksaksəkumar.
Sadrakän tırıldın:
mırınkuku dıldığın,

sıktakata orandun
ırgınzıwi
nəksur-nəksur ötcana,
ıksur-ıksur ötcana.

20 мужья
парни,
как бы говоря,
запоет
к этой, этой
25 выступающей вперед.
Мы тоже
запоем.
Оленница
если захворает,
поведет ли?

Оленница
к волку
поведет ли?
Оленница
если встретится,
не отпустили,
обратно не отпустим,
не станем
отпускать
по Дунгилу
по твоему } припев

Н. Букидаев

34

Ангуракакун
оленик мой
дикий, говоря,

при встрече
пороз (вдовец)
с боку зашел.

Н. Букидаев

35

Рог, рог! тетки две
кровавые,
Пташка говорит:
кося на голове,

прутика (сухого) на вершине,
хвостом своим
распуская вот так,
собирая вот так.

Şogoto (ənin)

36

Bədāk, bədāk:
ətirkər
ıjili-wəl,
ərgili-wəl
düktep
mujikəmi.
Ətirkər,
ətirkər
butiləwətin

əwgasāl
bəşälkəldü!
ıwgāsāl
bəşälkəldü!
təpuliwzaldəp,
oldonzi
təpuliwzəldəp,
təpürädät . . .

Şogoto (hürkəkən)

37

jəkətkən,
səwəraşka,
sajən-sajənzəkəl!

Sajargon oronmı
sajun şajanzaldan.

Şogoto (hürkəkən)

38

Ərā şöna
ılalılın

sısakutkən
gekulaldən

Шонгото (мать)

36

Плачет плачет (заяц):
старики
выше ли,
ниже ли
не могли
добыть.
Старики,
старики
смерти

в стороне
берегитесь!
В стороне
берегитесь!
Побьем,
железом
поколотим,
чтобы побить.

Шонгото (сын)

37

Якутенок,
савраска
под копытом щель раздвой!

Щелевой олень
щель раздвигать начал.

Шонгото (сын)

38

Этой связки (юртяных жердей)
по верху

пташка
заходила.

O. Aeulewa

39

Solojum-bəl ədiştəkin,
turukānmı mandıkakun.
Əsıhım-bəl ədiştəkin,
solokı soloscāgōw,

əjəkkəki əjəşcināw,
bargışkəki əjəşcināw!
Turukānmı mandıkākun,
lirgıwkānmı mandıkākun.

O. Aeulewa

40

İpəzərıl ipəzəktin,
gowozorıl gowozoktin,
uktin, uktin inərə,
ācın mindu ənīnə-wəl,

ācın mindu amīnu-wəl,
əşim bimi gooptıntin,
əşim bimi inəptıntin.
əğəniwə gəwəcārəş...

O. Aeulewa

41

Mindü ācın ənīnə-wəl,
mindü ācın amīnə-wəl,
nəkūnə-wəl ācın,
akīnə-wəl ācın,

amākājə-wəl ācın,
aṇākājə-wəl ācın,
nīnakcānmı mukalcān

O. Aeulewa

42

dōwā dōwādə
dōwerı—dōwādə

əḏəhər—əḏəhəra
ḏāḏəhər—ḏāḏāhərə

jāhə—jāhədā
jəhə—jəhədē

gōşa—gōşa
gōşən—gōşa
gōserı—gōşa

O. Aeulewa

39

Сверху если подует,
мачта моя крепка.
Если снизу подует,
вверх поплыву,

вниз понесусь,
на ту сторону понесусь!
Мачта моя крепка,
весло мое крепко.

O. Aeulewa

40

Просмешилки пусть смеются,
лающие пусть лают,
пусть пусть не смеются,
нет у меня матери,

нет у меня отца,
без иголок (я),
без наперстка (я).
Много просишь (желаешь)...

O. Aeulewa

41

У меня нет отца,
у меня нет матери,
младших нет,
старших нет,

деда нет,
бабки нет,
собачка моя мукальчан.

O. Aeulewa

42

Ənikəndü Duşkacāndu
ācın ərişəjan
kətəkəkün zəncarkāw bi.
Ənikəndü Duşkacāndu
amalgəjə-wəl künəzəpāw
anıdāduji,

O. Aeułewa
43
ecandawı pükənzıpāw.
Əmügdənün gəri biyin,
zokıjan-məl ācın biyin!
Əmügdənün gəri biyin,
gəjəjan-məl ācın biyin!

Ərā ədu
nirəkəndü

O. Aeułewa
44
irkinçikən
döwəlzaldın.

Əni lāmu
voşoodun
calbakātkan

N. Bukıdaew
45
dılğudıja
ııdnı birən.

Lāmu — lardı,
zapkajalın
multakacān
gırkızaran.

S. Kowalew
46
İjəmötjə ācın,
iğəktəmätin
kiculgara

У матери Душкачаны
нет такого
много (хорошо) помню я.
У матери Душкачаны
парней буду обнимать
правой рукою,

O. Aeulewa
43
в глаза понюхаю (поцелую).
Сердце светлым будь,
без красоты будь!
Сердце светлым будь,
без красоты будь!

Это здесь
во впадинке

O. Aeulewa
44
бычок дикий,
рогами махая, ходит.

Матери-моря
на северной стороне
березка

H. Букидаев
45
сочная,
видно, была.

Море — зыбь,
на берегу его
оленийок
ходит.

C. Ковалев
46
Рогов нет,
шерсть
пообносилась.

47

* * *

umuldəwə umrəm,
zūldəwə zūrum,
ilaldəwə ilacım,
dīldəwə dikəncəm,
tuḡaldəwə tukşam,

ḡuḡūldəwə ḡurkuncam,
nadaldəwə nadıcım,
zapkuldəwə zapkaram,
jəḡildəwə jokotım,
zāldəwə zarıcım.

* * *

48

umukən—umḡəti,
zūr—zūkūsel,
ilan—iḡelikte,
diyin—dikşinə,
tunḡa—tukala,

ḡuḡun—ḡurkuja,
nadan—nakita,
zapkun—zaltuḡa,
jəyin—jokocān,
zān—zagdakān.

I. Комарісін. Селса

49

Aktıran bimi,
umun bimi,
zmun bimi,
diyin-zār tunḡa

anḡanıcı,
kordon ācāw
təətcārə.

47

* * *

В первый день выше клал,
во второй рядом,
в третий поджег,
в четвертый спрятался,
в пятый убежал,

в шестой упал раком,
в седьмой отнекивался,
в восьмой берегом шел,
в девятый окуня съел,
в десятый подпевать стал.

48

* * *

Один — чайка,
два — выдра,
три — смородина,
четыре — черника,
пять — земля,

шесть — сиг,
семь — медвежина,
восемь — камень,
девять — окунь,
десять — сосенка.

49

И. Комарицын. Ченча

Темно мне,
один (я),
голоден,
сорок пять

лет (мне),
в кордоне не
сидел.

I. Komaricın. Cēncā

50

Amājaj! amājaj!
Dulumcırēt, dulumcırēt,
kuṇākār, kejkōtcāmī,
iktārāṇa.
Amājaj! amājaj!

Dulumcırēt, dulumcırēt,
ədu-lu-wər jākəl bizārā,
səḡkirāl, ərgidəkdərduḡlın
dulumcırēt, dulumcırēt,
amājaj, amājaj!

F. Şaṇḡın. N.-Angarsk

51

Minṇi hūtw
aşcāldən,

eşakarı
nimdiniksə.

F. Şaṇḡın. N.-Angarsk

52

əgdijāja dundaja
əhin girkulara,

umukənduk şilkıduk
amıkun būziṇ.

F. Şaṇḡın. N.-Angarsk

53

Şagdiwa nada wəlamī,
tārā amıkundu aja.

И. Комарицын. Ченча

50

Дедушка! дедушка!
Потихоньку, потихоньку,
ребятишки, блуждая,
нашли.
Дедушка! дедушка!

Потихоньку, потихоньку,
здесь якуты находятся,
под кустами, под ними
тихонько, тихонько,
дедушка, дедушка!

Ф. Шаньгин. Н.-Ангарск

51

Мой сын
заснет,

глаза свои
зашурив.

Ф. Шаньгин. Н.-Ангарск

52

По большой земле
не ходи,

от одного распадка
бог дает.

Ф. Шаньгин. Н.-Ангарск

53

Старому надо помочь,
то богу хорошо.

A. Nîrguneew. Cōndak

54. Sulakî, ətirkān

Ətirkū ʔamarān, sulakî ʔamarān. Nūgartın bakaldıra. „İlä ətirkān ʔanāzāndı?— „Ünmiktāl bimî“, amā ʔūnān. „Sıruʔp“, ʔūnān: „minʔi buʔalā“. Sıruʔrān nūgan. Bakacān kadarkākunmē. Kadardulā tuktirē. Əşilē ʔūnān ətirkū: „Əri kadar“. Sulakî ədu ʔştān, sulakî ʔūnān: „ʔkālīmācā bişim“. ʔkālīmān. Ətirkākun amardun ʔkāl-dān, buçē.

A. Nîrguneew (Bultāgir). Cōndak

55. Utān

Umūn bəjā biçān asicī. Asin surkin biçān. Astwān dawdacātın jəyin murındu rırmı. Dawdaksəl, baldılcān ʔtən, irəktə taskanadalān. Soʔocōn aminin, ʔənəzācōn oktomijoli, ulan murınına turgaldicān muʔumə əməʔəciwə, muʔumə kadaməriciwə, muʔumə bəragəciwə, bukulın muʔumə, uppa sulālın ʔktāsiʔawə, bulgedazicānkākun, ulaja murın bişin. Tārā ʔtəʔi aminin irgəwə əmuwcōn ʔtəduwi. ʔəptən ʔtān; tun-ʔaldicīnün öksə, gerkulcān. „Amī, amī“, ʔuncān: „ılan dawacān cəyiditin sinəwə wānāzillān“... Əməzārān nınakın, ʔunzārān: „Durikil kızıere, dawancak cəyiditin“.— „Əzəl, əzəl“, ʔuncān: „minəwə-nun ʔmī təzərə, tədu dilis ʔziʔān“.

A. Nîrguneew. Cōndak

56. Sırınaj-Mərgēn

Sırınaj-Mərgēnci biçān, Təculūn nəkūci bəjəjaja-nun manawki, buʔuja-nun buʔ-ktawki, soʔono-nun soʔtowki, lūkucənə-nun lūgdūwki, giwcənə-nun giwzūwki.

Koʔoja murici biçān, sırucān dawən oʔolin. Dawən oʔodukin icācān ʔmutkānmə mırūmukənmə, bağdama mūciwə, altama əmkəriciwə. İlan ʔay dōcazara. Sırınaj-Mərgēn ʔuncān: „Əmajakil bəjəʔil dōcazara?“

A. Ниргунеев. Чондак

54. Лисица, старик

Старик пришел, лисица пришла. Они встретились. „Куда, старик, идешь?“— „Мошка“, отец сказал. „Пойдем“, сказала: „в мое место“. Пошел он. Нашел скалищу. На скалу влезли. Теперь сказал старик: „Это скала“. Лисица здесь заснула, лисица сказала: „Покачусь“. Покатилась. Старичок за ней покатился, умер

A. Ниргунеев. Чондак

55. Сын

Один мужик был с женой. Жена беременная была. Жену его не могли на девяти конях везти. Не смогли когда, родился сын, (так что) ливстеница затрещала. Заплакал отец, идет по дороге, рыжего коня встретил с серебряным седлом, узда серебряная, с серебряной плетью, все серебряное, перед грозовой тучей бегущего, [.....] рыжий конь. Того сына отец принес мозг сыну своему. Съел сын пятидневным ставши, начал ходить. „Отец, отец“, сказал: „Из-за трех перевалов тебя идет убивать“. Идет собака, говорит: „Стремена побрякивают за перевалом“.— „Хозяин, хозяин“, сказал: „Если мне не веришь, там голову твою отрубит“.

A. Ниргунеев. Чондак

56. Сирунай-Мергенъ

Сирунай-Мергенъ был, с Точулуном, младшим братом, зверей кончал, изюбрей-самцов убивал, изюбрей-самок убивал, лосей черных убивал, козуль диких добывал.

С черным конем был, поехал на хребет. С верха хребта увидел озерко круглое с белой водой, с золотыми берегами. Три лебедя сидят. Сирунай-Мергенъ сказал: „Какие звери сидят?“

Əjəki sürücən, gənəzicən-nun, gənəzicən, ororwo icəcən kətəkəkunmə. Atır-kəcən səwəkilwi targıwzecən maluduwi. Kojojo murınnı ıjicən ırəktəduk, ımkadukın, zawacə, ılan beɣawa əzəcən Sirunaj.

„Emajakı bəjə bisindi? Murındı-wal zəmıldan. Emajakı bəjə bisindi? Egdawa
10 əzəndi? Təyəcən Sirunaj-Mergen, təyəcən. Nupan təyəkse, guncən: „İlaldawa əzəm“,
guncənə, ılan beɣawa əcə binna. Tarə atırkən ılan unəcici bəcən. Nargucaduj omol-
gici bəcən, bəjnəjə-nun manawki. Sirunaj-Mergen cəjwa umcacən, atırkən guncən:
„Bı kənnun bulanzəm“.

Nargucaduj omolgin umigdəwə əməwcən. Sirunaj-Mergenci ıbilcən nupanmən.
15 „İlan unəttukıw awguje-wal sımmatkal“. Nargucaduj kokolmocon gilgeduwi ıjicən,
bulənnəsimmən. Sirunaj-Mergenci kojojoduwi ukcən. Gənəzicəl-nun, gənəzicəl,
dıyn-zār ınakır zılayıdutin ıktizərə. Ləküləcən ləksəlwatın. Targıt kən əməzicən.
Kən torgıduwi ıyıkse, zəyinnı dəɣanawan bışəlin kəpcicən. Zəyınɣu esawən əwı-
duwi təwıstən. Ƴımmən amaskəkti.

20 „Jəyin cəɣkewə upkatwa. Duluɣu cəɣkedu umuktal bışi, tarılwa ləküləyər,
awagu-wal nawkənmi dawdızeyər“.

Sirunaj-Mergenci dawdıcən. Nargucaduj əgən bıcən, ıyili dəyiktəzicən kokol-
kən oronduwı ɣaɣnəli. Manawdan.

A. Nerguneev. Cöndak

57. Altanaj

Altanaj bəcən. Bırawa əjakəki gənəzəcən, altama zawduwi, altama gurgaktaci
altama ıuriktaci, altama igdəwuı igdızanə, gənəzicən əjəkəki bırawa.

Zılayızın umun bəjə əməzəcən əgdəkəkun bəjə, bulatcinəkəkun, ılmı, buɣawə
turgawki, jərəkə dəwdəzərən nupanmən, dəgdidəwi, aldınıwki algarın.

5 İşşə gənəzəcən, gənəzəcən, zıwa bakacən. İşşə gənəzəcən, gənəzəcən, bəjə
zılagdadın zolokokırwa ıyırızəcən kardeduk, əgdikəkun bıkükəkun bəjə, buɣanı
əzənin bagdama sunin. İşşə əjəki gənəzəcən sıyiduk k ınıwcən, aməşkəki aməşkəki
mucıscən Altanaj ənındılawı.

Вниз (по реке) пошел, шел ли, шел, оленей увидел много. Старушка божков
окуривала в (священном) месте (юрты). Черного коня привязал за лиственницу,
за (срединную) жердь (юрты) схватился, три месяца спал Сирунай.

„Какой человек? Конь твой проголодался. Какой человек? Чего спишь?“

10 Встал Сирунай-Мергень, сел. Севши сказал: „Три дня сплю“, говоря, три месяца
проспал. Та старуха с тремя дочками была. Няргучадуй сын был, зверей
кончал. Сирунай-Мергень чай выпил, старуха сказала: „Я с ханом воюю“.

Няргучадуй парень (кабанью) самку принес. Сирунай-Мергень обдирать
начал ее.

15 „Из трех девушек хоть которую выбирай“. Няргучадуй на коколмочоне, на
быке поехал воевать. Сирунай-Мергень на черного сел. Ехали, ехали, сорок собак
перед ними бегут. Выстрелил из лука в ноги их. Оттуда хан шел. Хан, на телеге
сидя, левую руку за пояс заткнул. Левый глаз за пазуху засунул. Отправил назад.

20 „Девять дыр всего. В средней ямке яйца, те давай выстрелим, если ко-
торый (нибудь) попадет победим“.

Сирунай-Мергень победил. Няргучадуй товарищ был, по верху летал на
коколконе олене своем по небу. Кончилась.

A. Нергунеев. Чондак

57. Алтанай

Алтанай был. По реке вверх шел, в золотой лодке, с золотыми усами, с
золотыми волосами, с золотой гребенкой приглаживаясь, ехал вниз по реке.

Перед ним один мужчина шел, большой мужик, в грязи увязающий;
вставши в небо упирается, земля не выдерживает его, чтобы удержать, прсвали-
ваются ноги его.

5 Еще шел, шел, дом нашел. Еще шел, шел, человек впереди каминици по-
дымал со скалы большой, очень сильный человек, (того) места хозяин в белой
шубе. Еще вниз шел, ехал, из чаши выехал, назад вернулся Алтанай к матери.

A. Nerguneew. Cōndak

58. Җәлбә

Җәлбә әдә вичән, зүр омолгичи. Умун вәјә әмәчән нуңандулан. „Сә әдү әзарас, е, әмажакі атркән бишинди? Бәләтмәчән cuculaduwi ішатчәнди, сәгдәnnәdүs baldicāl lālbiktal“. — „Utəl, utəl, utəl, ezanal zāmұlzāsāyāp, bī sundu bәrilasun 63ıyāw pәrәrijә pәrdә, cırorija cırdо“.

5 умун омолгичән lүkүlēcән, cıronwa cırgadarcādalan, әnındulāwi җānāwcән. „Cıronwa wām“, guncән: „pәrirwә pәrdә guncәw“...

Җәлбә әдә вичән, бәләтмәкән cuculaduwi cājwә cajımcән, şәwәkılwi cacuzacән, умун вәјә әмәксә, омолгиwan гәләчән. Бi нуңандун бүciyāw“. — „Bī sindu tārә 10 зарın tamazıyāw eja-wal гәләrilәş-nun“ — „Mindu azırgajaw budāwi, mindu gil-gәjәw“...

A. Nerguneew. Cōndak

59. Әникүчән vorovejнun

Әникүчән vorovejнun burdukwa tarelcātın. Әникүчән tukulannawar ulēcән manakıwi. Borovej zorokoşcән oro sıñılәwēr. Әникүчән guncән: „Cowokılwi sәm-kәdәlәtin ulēcәw tukulawa“. Borovej: „Bī bütildүkwı-nun jüzәнә, zorokuşcezecәw 5 oro sıñkәrәwәl“. Bütәcәtin, tarecātın, kowwecılәcātın. умун oros әләсән, әникүчән, guncән: „Mañalwi manacā bişim“. — „Bī vorovej zorokunzecәw bütildүkwı araj 10 jüzәнә, bī sindu әtēm bürә oro sıñimmi“ — „Әsikis-nun bürә bülәññәr. Bī orlowo gazuzıñāw orloo-kānmә“.

Әникүчән guncән: „Gēywa gazuzıyāw, dәyiwkılwә upkatwa tawzıyāw, bī järkәlī 10 tıttıwkilwә, kütılwә, guskәlwә, sulakılwa, zantakılwa, mürdүkәlwә, omkucārwa, wәjälwә, solonolwo, zälәkılwә, ırikәlwә, dorokolwo tawzıyāw“.

Bülәncәtinнun, bülәncәtin, orlo-kān mürdүkәwә gejdacән asakıwı tәkcә. Orlo-kān умун wәjәlә әмәсән. „Asakıwāw tәkcәttән bülәndү dawdıwum“. Wәjә guncән:

A. Нергунеев. Чондак

58. Нголбо

Нголбо мать была, двух сыновей (имела). Один человек пришел к ней. „Вы здесь что делаете, что за старуха есть? На раскаленном железе (спину) греешь, на спине твоей вырос мох“. — „Дети, дети, что делаю проголодаемся, я вам луки сделаю, фыркающую птицу, чирикающую птицу (чтобы убили)“.

5 Один парень выстрелил, чирикающую убил, к матери принес. „Чирикающую убил“, сказал: „фыркающую убил (?) говорю“.

Нголбо мать была, на раскаленном железе чай сварила, богам брызнула. Один человек, придя, парня просить стал. „Я ему отдам“. — „Я тебе за то заплачу что попросишь“. — „Мне жеребца отдай, мне быка...“

A. Нергунеев. Чондак

59. Мышь с воробьем

Мышь с воробьем хлеб сеять начали. Мышь землю рыть стала лапами. Воробей отправился воровать ржи семена. Мышь сказала: „До изнашивания лапыла землю“. Воробей: „Я, от смерти уходя, воровал ржи семена“. Кончили, посеяли, стали делить. Одно ржи семя осталось, мышь сказала: „Лапы свои 5 кончила (изорвала)“. — „Я, воробей, воровал от смерти едва уйдя, я тебе не дам ржи семя“. — „Хотя и не дашь, повоюем. Я орла приведу. Орла-хана“.

Мышь сказала: „Ястреба приведу, птиц всех соберу, я по земле ползающих, медведей, волков, лисиц, рассомах, кабанов, мышей, людей, хорьков, горностаев, 10 сусликов, барсуков соберу“.

Воевали, воевали. Орел-хан кабана ударил, крыло сломал. Орел-хан к одному человеку пришел. „Крыло мое сломалось на войне, победился“. Человек

„Buyawa turgucazari irəktə bizārān, buyawa turgucazari“. — „Minəwə ırgitkəl ilan anpanıja, ilan anpanıduk irəktənməsən gəgdazıñaw, jağurazəñān, nolturazəñān“.

¹³ İlan anpanıwə bicān, gəgdanāścān. Gəgdacān, dāwdacān. Soğocōn, sūrummān kəcōn mənqi buyalāwi, əzānmı guncōn: „Bukəwə ucelākəl, nandadu ıldawān taummen minqi ojaduw nədāwi, ıləksə. Gəlaldəkiw-nun, bünəkəl ajaduw namadāwi, mənıknēn ugđāwi“.

Dəyilcətin, dəkcətin-nun, dəkcətin-nun, bukəñmar manacətin, orlo zamulcān.

²⁰ „Algandukwi, amargıdukwi mişiniksə, zəptəw, bükəl“, nuğan guncōn: „Alakākun sinqi ıldəs!“ Ər-nun minazawki, amargıwān ənıldən.

A. Nerguneew. Cōndak

60. Bejä

Umun wəjä bicān, zūr omolgici bicān. Andaci bicān. Zūr umuktalwa bakacān, dukuwcālwa bakacān. Andan guncān: „Wākəl, bukulikānzı ıləmmān, nı-wəl əññan zəptə, miti zuri zəpıñāt“.

⁵ Zūr amalgin dukundu tatıgətcicətin. Zūr amalgi əməcətin, tar dəyiwə zəpılcətin. Zūr amalgin hunāt nukūntin bicān. Hunāt guncōn: „Dəyiwə ıkitəlduk urissıñaw zəptəksi-nun“. Guncōn kupes: „Zūr omolgicānmə gazukəl“. Unāt gasussan. Hunāt gənəscēn, zūr omolgicān əmuwdān, soğolımmen kəcōn. „Edāwi soğozendi?“ Guncōn aknılin zūrin. Nuğan guncōn: „ıkitəlduk dəyiwə urıldāwi kəzərān“. Zūr omolgicān ətərə gənārā. „Bı tuksanzıñawun, əsalwun ırtiki icättä“. Gənəcān amındulāwi „Əcə
¹⁰ əməzārā“, guncōn.

Zūr omolgicān gənəzəcətin, gənəzəcətin, ilan gulupkə dāgzārā zıləyidilin. Urıgdandu döcəl əmkərdün. Zūr wəjä tārāl, zūr wəjətkən, nuğartın qurmətcətin, əlwəskətcārılwa, ilan unətkər tārəñılın. Ulitkūñgi unətnı jupkəlwə umun amalgin cəjəcān. Unətkən gələktəlcān, təduk wəjətkən bakacān zəjətcāwə. Hunāt guncōn:

сказал: „Небо поддерживающая лиственница есть, небо подпирающая“. — „Меня покорми три года, после трех лет лиственницу вашу ударю (так, что) сломается, развалится“.

¹⁵ Три года жил, пошел ударять. Ударил, не смог. Заплакал, пошел в свою землю, хозяину сказал: „Быка заколи, в кожу его мясо затолкнув, на лоб мне, положишь, сваривши. Если я попрошу, дай, на лоб мне навьючу, сам сядь верхом“.

²⁰ Полетели, летели, летели, быка кончили, орел проголодался. „От ноги моей, от задней отрезавши, чтобы поел (я), дай“, он сказал: „Сладкое мясо твое“. Все резал, задняя нога заболела.

A. Нергунеев. Чондак

60. Человек

Один человек был, два парня было. Друг был. Два яйца нашел, исписанные нашел. Друг сказал: „Убей, целиком сварь, никто не съест, мы двое съедим“.

⁵ Два парня грамоте научились. Два парня пришли, ту птицу съели. Двух парней девушка, младшая сестра, (у) их была. Девушка сказала: „Утку из животов вытащи (хотя и) съели“. Сказал купец: „Двух парней приведи“. Девушка пошла (за ними). Девушка отправилась, двух парней привела, плакать стала. „Чего плачешь?“ сказали братья два. Он сказал: „Из животов утку вытащить собирается“. Два парня не пошли. „Мы убежим глаза куда глядят“. Пошла к отцу „Не
¹⁰ идут“, сказала.

Два парня шли, шли, три голубки летят перед ними. На глубоком берегу сели. Два мужика те, два парня их скрали купающихся, три девочки те (оказались). Маленькой девочки юбку один паренек спрятал. Девочка стала искать, потом парень нашел спрятанное. Девушка сказала:

¹⁵ „kūlūbəkū buçān ərə, kūlūbək oktolı mukārdāziyān, bodosedāwə-nun, bodosedāwı, kūlūbək wə minəwə bakazegās“.

Ʒənəzācāl-nun, Ʒənəzācān, işcāl zūkākūr kətə, zül kətākākūr. Uımun zūkān-dulā içätin. Uımun atırkakān təyəcārān. Suracāl bəjatkār tārā: „ñipil zültin?“ „Kāgil zültin tawarcıla“. — „Ʒənəzārəp“ Ʒuncätin. „Ʒənākāldı“, Ʒuncān. — „Ajaksə Ʒə-nəmı tälä“.

Kān əməcān, Ʒuncān: „āmacāl bişis ilan unātukıw, targacınmə Ʒundāwi: tārāl wə-nun əmmi Ʒənārā, bı sinəwə wəşıwāw“. Ʒənəcə bəjatkān tārā zūldulā. İlan unāt wə okoşkolı tətətcərıl wə icācān.

„Gulupkəl oksal, dəyiktälziyāwun, sigdiälä döziyāwun, bı duluwu unāt bişim, ²⁵ asakitwı kaptācəziyāw“. Nuğartin hacätin dəyilcätin. Nuğan omolgicān sāmehicān. „Awğı unāt wə gazandı?“ Nuğan Ʒuncān: „Duluwu wə Ʒazıyāw“. — „Əsikin-nun Ʒənārā, nəkəndi gəkal. Unāt wə eja-wal Ʒunəkiw, ödāwı əsikis-nun ərə, bı sinəwə wəşıyāw. Talğānəjə tārākāl, kiltinəjə kiltirəpkāl, tımātne ımımmen, əməəkıw-nun bəllān biğnən“.

Soğozono, atırkändulāwı əməcān. „Atırkān, atırkān“, Ʒuncān. Ʒonkəziyār“. —

³⁰ „Əksəkəkəi-wəl soğoro sı, miti tuksağnār sinği buyalās“.

Tuksancāl. Ʒənəzācāl-nun, Ʒənəzācāl bırawā soloköki, amaskıwar əssəncəl, Ʒaykākun asazerān. Nuğartin oldol öksal, mı döndulin uğduscätin. Tārāpın mucuscān, kənılāwı Ʒənəcān, ətirkuwə Ʒımmān kān.

Amaskıwər əssəncätin, asazāw-də ətirkuwı, ımınəjəcān uwuscān — zūw öcān.

³⁵ Zūldı tārāl murguzārə bəjäl kətākəkun. Kuti Ʒənəcān, Ʒənəcān, Ʒuncān: „əzaras, əzaras?“ Nuğartin Ʒuncätin: „Murguzārəw“. Kuti mucuscān mēñı buyalāwı işcān, İrān kändulā. Kān Ʒuncān: „Bokondı-ıwı?“ — „Əşim. Bəjäl zūdu murguzārə zūkākāndı emajaktıw-wəl əgdikākundı, tārāñıldı ıwəj, əşim bakara, mənəkən bokotkol, bokon-dıjewı ilkəkəl-kə“.

⁴⁰ Bokocoktoduk surucān. Bokocıtcö-nun, bokocıcön, toğodu ıyıkşə. Mırduke unāziyın ıwuscān, mırğukə öknanın tiyissıñımmān. Tiyiscān, züləyizin. Nuğan dēg-zācān, surkatwı surkadāşcān, zəyınıñı asakıwān landı. Tārāpın soğocön, mucuscān. Surucätin tādık. Ʒənəzācätin, Ʒənəzācätin adı-wal anğanı-wal alğar-wal əñıldəlätin,

¹⁵ „Голубок пропал этот, голубок по дороге покатится, иди (за ним) иди, голубка—меня найдешь“.

Шли, шли, дошли, домов много, домов много. В один дом вошли. Одна старуха сидит. Спросили парня ту: „Чьи юрты?“ — „Хана юрты те-то“. — „Идем“, ²⁰ сказали. „Идите“, сказала: „Хорошо как будто итти туда“.

Хан пришел, сказал: „Пришли от трех девушек если, такое скажите: если по тому не пройдет, я тебя (вас) убью“. Пошел парень в ту юрту. Трех девушек, у окошка сидящих, увидел.

²⁵ „Голубками сделавшись, начнем летать, на улице сядем, я средняя девушка есть, крылом замахаю“. Они взяли (и) улетели. Он, парень заметил. „Какую девушку возьмешь?“ Он сказал: „Среднюю возьму“. — „Если не пойдет, младшую возьми. Девушке что-нибудь если скажу, чтобы сделать, если не сделаешь, я тебя убью. Хлеб состряпай, сухари сделай, завтра (чтобы) поспели, когда приду, готовый пусть будет.“

Плача, к старухе пришел. „Старуха, старуха“, сказал: „понесем (пойдем)“. — ³⁰ „Перестань плакать ты, мы убежим в твою землю“.

Убежали. Шли, шли по реке вверх, назад оглянулись, лебедь догоняет. Они, рыбами сделавшись, в воду внутрь влезли. Тот (лебедь) вернулся, к хану пошел, медведя отправил хан.

³⁵ Обратно оглянулись—догоняемы медведем, разок дунула—дом стал. В домах тех молятся люди, много. Медведь шел, шел, сказал: „Что делаете, что делаете?“ Они сказали: „Молимся“. Медведь вернулся в свою страну, дошел, пришел к хану. Хан сказал: „Догнал ли?“ — „Нет. Люди в доме молятся, в домище каком-то большом, тех нет, не догнал, сам догоняй, догонишь, может быть, попробуй“.

⁴⁰ В погоню ушел. Догонял, догонял, на телегу севши. (На) кабана дочь его дунула, кабан [.] стал караулить. Подкарауливал спереди. Он летел, клыкком зацепил, левое крыло долой. Тот заплакал, вернулся. Пошли потом. Шли, шли сколько-то лет, пока ноги не заболели, пока пятки не смозо-

agdikilduliwar samskaldelawar. Tarapiltin genescatin mēnni bujalāwi, asakiwi dam-
⁴⁵ biciwukšə, iscān bujawi, usmalcə binə. „emajaki bəjalduā orrocōw, mēnni cinəm
 dawdam, həkəmi bāra“, guncān: „əŋaki bəjgə bəjgəls orrocōkiw kərrənək, mēnni
 ilə girkunmi, aldammen, əsilə əzəlīm taduyā, meyanimi əsin ələktārə, ɣūlamu kərukuj
 Tartı koron.

S. Baksanaew (Turujaγır). Cıpa

61. Bayatır

Bayatır bicə. Bəjə bicə bayatırdu, awalıca bəjə. Bayatır murının bicə. Bayatır
 irəməssə, bəjəwə gücə: „Tar cukaduk ɣlikənə murınduw ulidəwi“. Ull ɣənəwca,
 murin zəpılcə, manacə, əcə tancımı, mülə ɣənəwca, mūwə umılca murin, manacə,
 murin gücə: „əsilə bayatırdu bızāızəp, misəγər“. Ukca da misəcə.

⁵ Tālā ɣənəcə. Tādük tığə urupcan, bəjə ɣunzārān: „uməkəran bəjānılə zūra
 bakakāl“. Murındulāwi ɣənəcə, tıyı ɣunzārə, murının ɣunān: „senduliw ugduskal,
 bagdamawa umuktawa zəpkəl, gelıw sēnduliw ugduskal, kognomowo umuktawa
 zəpkəl, sūruγər aritnāskār bukatırwa jəyin diliciwa, wānəγər“.

¹⁰ Sükəcānmə tunğa-zār pıdicıwə ɣalcə, əγəjılca, tıligtdəlln gerkuzanə. Ər-kə
 lıpəlıcə jəyin dulılın, upkacın sələmə tətken nıkımɣaklān, atasaserān təpuskənti
 təpılcə.

S. Baksanaew (Turujaγır). Cıpa

62. Sulakı

Sula bicə əwəjkəkun bakaldıcal. „Amikān, naktankānduw isıtcanaγār, iləkəndu
 kadardu tıyı kəγər“.

⁵ ɣənəcəl. „Amimikān, bi ɣəgu bıktə tatıkānzıwı, sıdıγu bıkel“. Āscāl. Amimikān
 ɣkəlızıγātluγər“. Āscāl. Tolkıcılca tardıat lıgılca. Sula dıydələn cəpkorusca. „Ami-
 mikān, ɣkəlməcə bıšım“. Uγıskı əsatcə əwəjkəkun pəkənti anacə, kadarduk ɣkəlcə.

⁴⁵ лили. Те пришли в свою землю, крыло изломавши, дошел до земли, голодный
 будучи. „К каким людям попался, своей силой поддался, связать не могши“,
 сказал: „К какому зверю, зверям когда попался [.] свое тело ходя,
 изломал, теперь не буду там, сердце мое не вынесло, грех какой“. То конец.

C. Бақсанаев (Туруяγир). Чипа

61. Богатырь

Богатырь был. Человек был у богатыря, начал работать человек. У бога-
 тыря конь был. Богатырь пошел в гости, человеку сказал: „От той травы не-
 множко коню моему есть дай“. Немного принес, конь есть стал, кончил, не жует,
 к воде свел, воду попил конь, кончил, конь сказал: „Теперь богатырю дадим (и)
 скроемся“. Сел верхом да исчез.

⁵ Туда пошел. Потом народ собрался, человек говорит: „Пальцы человече-
 ские два найди“. К коню своему пошел, так говорят, конь его сказал: „В ухо мое
 влезь, белое яйцо съешь, в другое ухо влезь, черное яйцо съешь, пойдем искать,
 пойдем, богатыря девятиголового пойдем убивать“.

¹⁰ Топорище пятидесятипудовый в руки взял, спустился, по улице идя. Вот
 выскочил девятиголовый, вся железная одежда его до шеи, нацеливается, битьем
 стал бить.

C. Баксанаев (Туруяγир). Чипа

62. Лисица

Лисица была, с медведем повстречалась. „Дедушка, на солнцепеке спину
 греть пойдем, на вершине скалы так сделаем“.

⁵ Шли. „Дедушка, я ниже буду по привычке, ты выше будь“. Заснули. „Дедушка,
 как бы не скатились“. Спят. Сон видеть стал (медведь), потом захрапел. Лисица
 через него перелезла. „Дедушка, качусь (я)“. Вверх встала, медведя в бок (?) толк-
 нула, со скалы скатился.

Җәпәсә, икәсә, мөманайилвән монголөсә, иргиwi үчкә зүкәли сурүсә, аҗкәкурвә сакәсә. „Гәжәкә, гәжәкә сүлалә, әдүк таварилва қасәс?“ Амтәкәлдүвал минәсә. „Сүлалә, сүлалә, алакә, алакә! Әнә кәсәс?“ — „Бі зүкәwi, дүкәw иргиwi әҗсәммән, әрил бәлдикнәнтин, зүкәдү доғолдичәw“. — „Бәо-дә туҗи кәкwүн сибәтқәл“. Дүкә, 10 әҗсәл иргилwәр доғотолдичәл. Сүлакәт үткәнми игәдү бурүсқәтсәрән. „Сүлалә! Сүлалә! әнәкәл гилдикә, әкин бәлдизигәтин?“ — „Битәкән өкәлдү, сә әсисәкр.“

Уткәнзиwi тәктәлсән, үнүкәнмә сәкәдәсә, дигин әннәсә зүрәwәсәкәдәсә, никим-наһин әннәсә, иланма сәкәдәсә сәгдәһин әннәсә, дигитин иргиwi пәси мнәк мисәсә.

С. Баксанаев (Туружагир). Чипа

63. Carcikan

Carcikan bicә, zәduwi bidacә. Maғи zülә әmәсә, Carcikanmә zәptәwi. „Am- 5 mikan“ gүсә: „Züwa amğaduwi zәpildәwi, sәwaksakardı, iltikәrzi sәlikә. Bara-wugdadәwi үtmәwәw“. — „Ajat zәmmuran“. Karmanduliwi nәсә, sәlәwi ғәnәсә maғи. Sünmi lukcә, zәduwi lokocә sünmi. Carcikan bizәсә. Maғи kuculәсәсә. Sura-dakin, amaltalca Carcikan. „Cimulcә, cimulcә maғи“, үtәlin kәlcәl ciwzәnәl. Mәnәkәt gakaldu“, gүсә. Gәcәl. „Amın kotowön әmәwkәldү. Әli, әli ilaғи tәrәkәldү daran“. Ilaғиwә tәktәсә kawkaldultin iкәсә, ildagicә. Ilan dilwa nәriktәlwa icәwcәzәnә, nәсә, kalandutin ildәlwәtin әҗсә. үmukән әkikәнmә silacә mululitin. Maғи- 10 yizitin bizәсә. Әmәсә. „Әhә-hә! үtәlwә wәlәnikәtcәl carcikәсә miwә“. Akinmә zәpilcә. „Mәwan! mәwan! әdәwi tanındı Carcikә gamit. әtacaaw bigә? үtә zәpilgә“. Carcikanmә uldaduk muktulajdukin ғиrcә „Әhә-hә! Carcikan әlacәсә — Әdu! әdu! Ami-mikan bizәm“. Tuksacә. „Carcikan! Carcikan idlәndi?“ — „Әdu, әdu? bizәm amimikan әli, әli kәdәғnәndi?“ Carcikan dilit pәrүlilcә, toskont әnнәсә kotozın, misәkәkutca.

Пошла, ободрала, кишки вытащила, на хвост намотала, по льду пошла, волков 10 нашла. „Милая, милая лиса, откуда же достала?“ Для пробы отрезала. „Лисичка, лисичка, вкусно, вкусно, как достала?“ — „Я лед прорубила, хвост опустила, пока эти не выросли, во льду морозила“. — „Мы так же сделаем, укажи“. Продолбила, опустили хвосты свои, замораживать стали. Лисица нож на песке точит. „Лисичка лисичка, приди, холодно, когда вырастут?“ — „Немножко подождите, очень скоро не поспеют“.

Ножом ударила, одного изловила, четырех рубнула, двух изловила, по шеям их рубила, трех изловила, спины их рубила, четвертый, хвост оторвав скрылся.

С. Баксанаев (Туружагир). Чипа

63. Чарчикан (бычок)

Чарчикан был, домъ вырос. Медведь в дом пришел, Чарчикана съестъ 5 чтобы. „Медведь“ сказал: „Дом ртом съешь, с гнилушкой, со старой гнилушкой смешав. Съешь (?) детей моих“. — „Хорошо напомнил“. В карман положил, домой пошел медведь. Одежду снял, дома повесил кафтан свой. Чарчикан 10 жил. Медведь пошел за гнилушками. Когда ушел, обделался Чарчикан. „Стал жарить, стал жарить медведь“, дети его сказали, облизывая. „Сами берите“, сказал. Взяли. „Отца нож принесите. Здесь, здесь сядьте трое рядом“. Трех зарубив, по шеям разрубил, мясо освежевал. Три головы волосы пока- зывая, положил, в котел мясо опустил. Одного старшего поджарил на вертеле в почетном месте юрты. На этом месте был. Пришел (медведь) „Охо-хо! Дети 10 сварили Чарчикана“. Старшего есть стал. „Сердце! сердце! почему тянешь бычка взявши. Для чего его есть? Ребенка съедим“. Чарчикана за кишки мяса поднял. „Охо-хо! Чарчикан, ты где?“ — „Здесь, здесь, медведь“. Убежал. „Чарчикан! Чарчикан! где спрятался?“ — „Здесь, здесь, медведь, за что, за что сердись?“ Чарчикан головой боднул, голову отрубил ножом, убежал (без головы).

Tuksacā, tuksacā atürkānmə bakacā. „Ənimikən, mağıdu asawzam, ətəməwəw
 15 buçā“. — „Litəwkəwi əriwə gündəwi: Sıyı okal dam-dak“. Tuksassan. Ərdət bokoicō
 mağıkākun. Sıyıkākən mudanə uşaj: „Okal kaduwunə uşaj“, gənə, kərən opeştuksassan.
 Ərdət mağıkākun bokoldon. „Uşəkəkən, kadarkākun mudan uşəkəkən. Sükacənı-yu
 uşaj“, gənə kərən. Opeştuksazecā. Ərdət bokolcō. „Bırakākən mudana uşaj. Okal
 oşocoşə-yu uşaj!“ gūnnəkərən. Opeştuksassa.

S. Baksanaew (Turujağır). Сіра

64. Sula, cıwkān

Sulā bicən. Cıwkā bicə, ətəkərin tunğakān, umukin irəktədu uşılā. Sulā zəptən
 nādē. „Cıwkā, ətəldi adı?“ — „Tunğa“. — „Cıwkā, tunğıwi bəkəl“. — „Ətəm, ətəm“. —
 „Cıızıyāw, tuktızıyāw“. Umukənmə buçə.

Sulā opeştıurucə, opeşt əməcə. „Cıwkā, adı ətəldi?“ — „Diyin“. — „Bükəl
 5 ətəlwi“. — „Ətəm, ətəm“. — „Mukurəku mugdakānidus mukəşināw, cəkürəku cəkə-
 kənıdus cəkəşināw, cıızıyāw, tuktızıyāw“. Būçə. Sulakı şurucə.

Cıwkān ətən umukən bəcā. Cıwkān soşolcō. Ər-kə inukı əməcə. „ēda soşo-
 zondı, cıwkān?“ — „Sulāmıja ətəlwe zəpçərən, gūnzānə: cıızıyāw, tuktızıyāw, gūn-
 zānə“. — „Sı gündəwi, əmərakın: ekunğıtwe tuktızıyāş, ekunğıtwı cıızıyāş?“

10 Opeşt əməcə. „Cıwkā, ətəl-də adı?“ — „Umukəkən“. — „Bəkəl umukəkənmi“. —
 „Ətəm, ətəm“. — „Cıızıyāw, tuktızıyāw“. — „ekunğıtwı cıızılandı, ekunğıtwı tuk-
 tızandı?“ — „ekun alagucān sinəwə, cıwkā?“ — „inəmıjəkı“. — „ilə şurucən inəmıjə?“ —
 „Bosögəcönmi, kardulāwı uwgahıncasınaca“.

Sulā şurucə, inukı uwgasıncazerən. Nurmācā, cokıdācā, bukelikānı nımgəc.
 Şurucə.

15 „Kəl Sulāmıja, amğawı aşıcaşəkəl, gənəşəkəl, nuşnakıkar kəşşədətın“. Amğawı
 aşıcaşānə, gənəltānəcə, dəylcə.

Бежал, бежал, старуху встретил. „Бабушка, медведем преследуюсь, дети
 15 мои умерли“. — „Литовке этой скажешь: чаща сделайся, дам дак!“ Убежал.
 Сразу догоняет медведь. Чащи конца нет. „Сделайся без конца“ говоря,
 опять побежал. Сразу же медведь нагоняет. „Гора, скала без конца. Без то-
 пора“, сказал. Опять бегут. Сразу нагоняет. „Речка без конца. Сделайся без
 лодки!“ сказал. Опять бегут.

С. Баксанаев (Турюягир). Чипа

64. Лисица, пташка

Лиса была. Пташка была, детей ее пять, гнездо на лиственнице высоко. Лисе
 15 есть надо „Пташка, детей (у тебя) сколько?“ — „Пять“. — „Пташка, пятого дай“. —
 „Нет, не дам“. — „Подрублю, влезу“. Одного дала.

Лиса опять ушла, опять пришла. „Пташка, сколько детей (у тебя)?“ — „Че-
 5 тыре“. — „Дай деток“. — „Нет, не дам“. — „На круглом пенёке гнильем вонять
 буду, на кочку кочковатую сяду, подрублю, влезу“. Отдала. Лисица ушла.

У пташки детеныш один стал. Пташка заплакала. Вот рябчик пришел,
 „Чего плачешь, пташка?“ — „Лисица детей поедает, говоря: подрублю, влезу
 говоря“. — „Ты скажи, когда придет: чем влезешь, чем подрубешь?“

10 Опять пришла. „Пташка, детей сколько?“ — „Один“. — „Дай одного“. — „Нет, не
 дам“. — „Подрублю, влезу“. — „Чем подрубешь, чем влезешь?“ — „Кто научал тебя,
 пташка?“ — „Рябчик“. — „Куда ушел рябчик?“ — „На север, в снегу пролез“.

Лисица ушла, рябчика по следу нашла. Подкралась, бросилась, целиком (ртом)
 15 схватила. Ушла.

„Ну, лисица, рот открой, иди, гуси хвалили чтобы“. Рот открывши, пошла,
 вылетел.

Lēna. Dudowka. Cancur

24. Takicān mūnčzārān? (Oŋokto)
25. Gē gūnzārān: gēnizāktē; gē gūnzārān bizāktē? (mū, solo)
26. Đuwutkēn zūr wējur tawgijajidun tawətcərə? (karuka)
27. Taktikāydu amakal tuṣəəktəzārə? (kumkəl)
28. Nərutkāndu nikə-nikə tihaktəzārā? (kowurda, aladı)
29. Atirkān hikaŋajı iṣim-pəyimnə biŋki? (uwəl)
30. Takicākān hərgilin imanŋa əŋki hılcərə? (kərəmun)

D. Polin Lēna. Sēwıkān

31. Aja wəjā gənəŋki ūzaja ācın? (zaw)
32. Aja wəjā, məkənın, mūyi? (pəktirəŋ)
33. Bəjəkun kamnıdu zuşkakān ıwiŋlā, wəjəkun jüllān, tıkcən dınnılā dılıtpı, səgdənnəwi cikəs? (amun)

Kıreŋa. Murınŋa

34. Aja wəjā, zuwanıdu mukcakalaŋki, tuwanıdu aramuslaŋki? (oron ijəlin)

Kakıyır. Witim-Muja

35. Bujukun ırawa ōdazerān ərān āzāna? (adı)
36. Zır zalı gukcānzārān? (algar)
37. Zān wəjā dılılziwar turgucaməccırān? (zıkca)
38. Bı kəm, bı kəm gūnzārān? (pālā)
39. Zān ahı təwətcərə ırgəgdəməkin? (ımıkcəcār)

Лена. Дудовка. Чанчур

24. Колода гниет? (нос)
25. Один говорит: пойду; другой говорит: останусь? (вода, камень)
26. Маленькой горы два зверя по обеим сторонам сидят? (уши)
27. В кедровнике медведи зимуют? (вши)
28. На озере утята плавают? (сковорода, олады)
29. Старушка зад греет? (загородка у огня)
30. Под колодой снег не тает? (белка)

Д. Полин. Лена. Севикан

31. Хороший мужик идет—следа нет? (лодка)
32. Хороший мужик—зад воняет? (ружье)
33. Мужчина на скале, развилина наверху, мужчине вылезает, упал на землю головой, спину сломал? (эксcrement)

Киренга. Муриння

34. Хороший мужик, летом шубу надевает, зимою летние унты? (оленья рога)

Какигир. Витим. Муя

35. Изюбрище в реку стреляет крича, кричит? (сеть)
36. Два налима соревнуются? (ноги)
37. Десять мужиков головами подпираются? (юрта)
38. Я да я, говорит? (рука)
39. Десять женщин сидят беременные? (пальцы)

Тунгусские сказочники
(в зарисовке автора)

Д. Полин

Д. Полин

Шюнгото

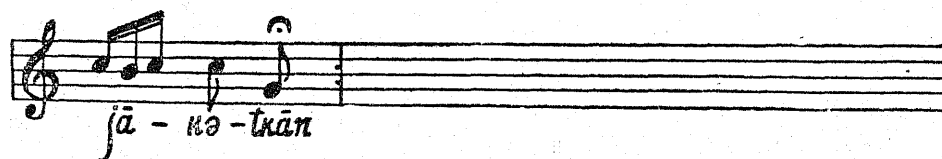
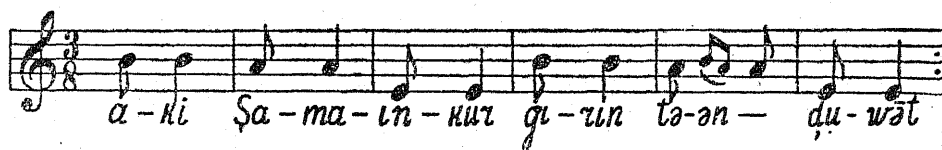
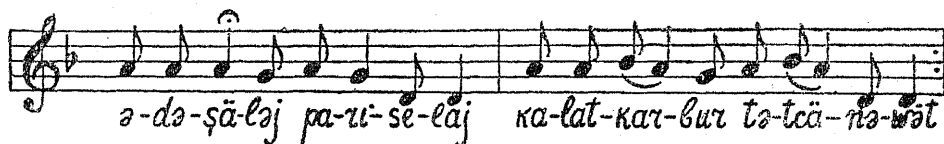
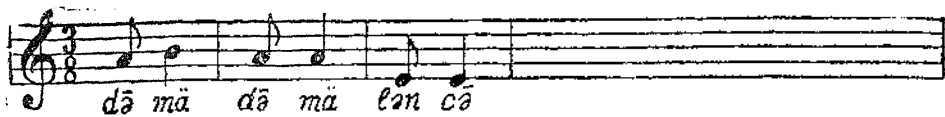

Я. И. Аеулев

О. Аеулева

Образцы мелодий¹

ДВЕ СКАЗКИ АЯНСКИХ ЭВЕНКОВ¹

I. W. Karamzin (Макагир). Аян

1. Nimkän

Dulin buya äläkäs oʻzascä. Dulin buya äläkäs nitkän bicä. Nugan möja äcin bicä. Eñan anganī möja. äcin bicä. Tăduk cäsķi mēn ələkəs baldicä. Tădu bira öwulran. Tar birağ icirăkiw, mülkän öwķi. Icizaki bimī, soloikön ottan. Kalızima kırăgıkän öwķi. Jēyarī jeksalkän owzascä bicä. Marıwķarī maruktalkän özascä bicä.
 5 Kırķır kütü ämülkän öwzascä bicä dulin buya. Tar biraği icirăkiw, amdundalkän bicä. Kihil kumus kutihlikän uswizicä bicän. Tăduk icălrăkiw, ırınəri ırăkalkän bicä-yit. Kırķil kuntikilkän buya baldizacä. Tăduk icərəkiw, orokto baldizicän-yit cukalkän özacän. Oroktion baldicälän, mōn upkacın baldicä bicä. Niwaktal baldicä, siektalkän özacä
 10 ăr birəğiw. Tăduk dulin buya ojodun, äwüşķi upkacın mōn, cutarı baldicä. Dulin buya ojodun baldicälän, icərəkiw, upkacın mō ırăktä bimī suwitkilkän özacä, ırăktä garalkän öcä-wit, mıciktalkän baldiwķi. Buya bimī ırăgtalkän öwķi-wit. Nān icərəkiw, zagdalkän owķi-wit. Tăduk ırūkän, ırăkän. Tar ırăğəgi icərəkiw, bolgıktalkän owķi-wit. Jęptarı antayalkän. Tar antayadan calbakän özacä. Dulin buya birañ bimī ırăğna dərəlkän biwķi-wit. Daptuñ icərəkiw, nāmıtki daptulkän biwķi-wit. Tar biraği dap-

И. В. Карамзин (Макагир). Аян

1. Сказка

Средняя земля вначале делалась. Средняя земля вначале маленькая была. Она без деревьев была. Три года без деревьев была. Потом дальше сама стала расти. Там река стала. На реку если посмотрю, с водою становится. Смотря (посмотрев), с камнями стала. Гористая, с гольцами становится. Скалистая,
 5 со скалами стала. Марниковая, с марниками стала..... со всяким стала средняя земля. На реку если посмотрю, с наледью стала..... с берегами стала. Потом если посмотрю, гористая, с хребтами была. Хорошая, крепкая земля выросла. Потом если посмотрю, трава выросла, с травой стала. После того как выросла трава, деревья всякие выросли. Ивы выросли, тальники стали в это время. Потом на поверхности земли дальше всякое дерево, трава расти стала.
 10 Потом, после того как на поверхности земли выросло, если посмотришь, всякое дерево, лиственница с стала, лиственница с сучьями стала, с хвоей растет. Земля с кедрами стала. Опять если посмотрю, с сосной стала. Потом горушки, горки. На горки если посмотришь, сланец — кедровник стал. Скалы с солнцепеками. На солнцепеках березка стала. Средняя земля будучи с грязью на поверхности стала. Устье (реки) если посмотрю, — к морю с устьем. То устье

¹ Тексты записаны В. И. Левиным в Аянском районе Охотского побережья в 1930 году; обработаны и переведены Г. Василевич; особенности аянского говора сохранены полностью. Ред.

¹⁵ tuwān icərəkiw, gırılkān ōzicā-wit. Tar buagi daptuwān adulaizaki bimī, nāmugit icəzaki bimī, ōtalkān bittan-i-wit nāmugiw.

Nonomo bimī dulin buʔadu bəjgə gārīlkānduk nuʔan āhākā bilcā bicā wəs-kalcā bicā. Dulin buʔa icərəkiw, āhālkān ōcā bicā. Dulin buʔa oʔodun, tāduk āwūski upkatīn wōkalcā baldicā. Tar biraʔni mūwān icərəkiw, olrolkon biwki-wit.
²⁰ Biraʔni daptulān ʔənərəkiw, nāmmaj icərəkiw, etalkān biwki-wit nāmugiw. Biraʔn dārānmān icəzaki bimī, bujulkān ōca-wit. Tarit, tolkujsarakiw, dulin buʔa oʔodun, upkaciŋ balēlcā, noskīlcā. Tāduk āwəski okcīlkān dulin buʔa oʔodun gerkulcā. Baldinīn cukawān əkilcā bicā. Tarit bimī dulin buʔa oʔodun bəjgəlkān ōzacana-wit.

Dulin buʔa oʔodun sūr bəʔə ahiłkan bəʔə bilcāl. Nuʔartin bimī uʔiyit, iduk
²⁵ baldinawar āhil sārə, bihiwər-ʔun sārīl. Tar biraʔni daptudun biʔacāl bācālī-wit. Tar nuʔardutin jakun-d(a) ācin bicā. Oron-da, ʔunitin, ācin bicā, jakun-hal-dācīr bicāl. Zadaʔil bicāl. Zūjācīr bicāl. Dulin buʔa mōlkān ōcālān, uʔan kaltakan zūwa ōcal mōn baldicālān. Tarıduwar biʔənəl, bəjəʔu bimī, bəjıgəwə bəjəgəwki ōcā. Tar bəjəgəwə bəjəgəlcālān zəwıwkił ōcāl. Dulin buʔa bəjəgəlkān ōzakin aja-wit
³⁰ amɣaduwar zəwıttə bi-wit.

Nonon tawuktālkan ōcālān tawuktəwə zəpənəl bicālī-wit, tar biraʔdukkar olrowo māciwkił. Tar bəjıgəwə mālca dukur əwūski. Tar bəʔəl tərgəksilkəhəl ōcāl. Tar biʔərəkitin uʔātīn baldicā, ırkəŋ kuʔakān baldicā. Uʔātīn bimī tarıʔitīn zān ānɣa-nīlkān ōcan bicā-wit. Tāduk cāski ciwkācānma nukiwiwki ōcā. Bərkənzī nukiwki
³⁵ ōcā. Ər kuʔakān bimī, gerkuktazana, zūdukkı goroliwki, gorotki gerkuwki ōcā-wit, Tardalan əjāciliwki ōcā, amīłkan ānīndukki ulgumīcā: „Biʔinidāj nikkəm buʔawa gerkudāj əjācim“. Tarā amīnīn bimī ācı uɣalra. „ākəl ʔənərə“ ʔuncā. Tar ʔuncālān ımnākān ānɣacā zūduji. ımnākān ānɣakānam, tāmīnīn ān ulgumıra ʔənəhincā. Zə buʔaskı ʔənəhincā. Biraʔı solokı ʔənəhincā. Tar ʔənəkānam bimī, ɣıltən tıkcā-lān, bəruʔıj ōzarakın, āmıcān-i-wit zūlāj, ānīlkān amīndulāj əmıcā. Tar gerkuna
⁴⁰

¹⁵ если посмотришь, с..... стало. Той земли устье если посмотреть, море если посмотреть, с волнами (?) море наше стало.

Вначале на средней земле из зверей с именами он, медведь, появился, закричал, (траву стал есть?). Среднюю землю если посмотрю, с медведями стала. На поверхности средней земли и ближе всякие звери выросли. На воду реки
²⁰ если посмотрю, с рыбой стала. На устье реки если пойду, на море если посмотрю, с..... стало море. На истоки реки если посмотреть, со зверями стала. Таким образом, когда объясню, на поверхности земли все выросло и кричало (звери). Потом здесь кричащий на поверхности земли заходил. Выросшую траву стал есть. Таким образом на поверхности земли звери стали.

На поверхности земли два человека, женщина (одна) начали жить (появились). Они будучи сверху, не знали откуда родились, только существование свое знали. На устье реки жили убивая (промыслом). У них ничего не было. Оленя, сказать, не было, ничего не было. Бедные были. Без дома были. Когда на земле дерево появилось, шалаш из полуплах сделали после того, как
³⁰ деревья выросли. В той живя, охотниками будучи, зверей добывали. Зверя добыв, съедали. Когда на средней земле звери стали, хорошо ртом есть стало (хорошо для рта стало).

Вначале, после того как появились ягоды, ягоды ели, потом из рек рыб убивали (добывали). Позже зверя убивали, дальше выдру. От тех зверей с ровдугой (шкурами) стали. Так жили когда, сын родился, мальчик, ребенок родился. Сын будучи их десятилетний стал. Потом дальше птичек стал стрелять.
³⁵ Из лука стрелял. Этот ребенок будучи, ходил от дома далеко, далеко ходил. После этого стал просить, от (y) отца, от (y) матери спросил: „Я собираюсь по земле ходить, прошу“. Тот отец не посылал (не отпустил): „Не ходи“, говорил. После того, как сказал, однажды ночевал дома. Один раз переночевав, наутро, не спрашивая, пошел. В мир пошел. Вверх по реке пошел, Так пройдя до захода солнца, когда вечер стал, пришел домой, к отцу, матери пришел.

rāsnəj ūzawān ičəqā-wit. Tāminin āngākām, amīndukkī ūlgumicā-wit: „Bī ār girkuna icəram, rāsnəj (ikukta) ūzawān icəram. Tala gənədaj əjəcim“, gūnən: „ūzawatin ūzadaj, ōn bihil bittə-wit zuγunmatin icidaj əjəcim. Tarāw ūzarakiw, ōn bižigān. Tarīlba icamī wəjəḡārakiw ōn bižigān?“ Araj tarā ūlgumittən-i-wit amīndukkī: „ḡə-nəzəm“, gūnən: „ičasākildulaj, ūzalsi icinalaj“. Amīnin bimi „ākəl gənəra“, gūttən. Tara ānə dōldara gənəhitin-a-wit. Tar gənəkānam ūzawān bižigān ūzahittan-i-wit. Tar ūzakanam inəḡi bimi siḡsadalān ūzattan. Siḡsadalān ūzakanam, aktiralcālān mucat-tan-i-wit. Jakuna-da ač icurə, ūzakanam ačə bokono. Suptiwea sūlaj amuttan ānīlkān amīndulaj. Jakun nada ən icarə. Amūkānam, oluskihuttan. Oluskihukānam, ānə zāp-
 50 ra-da huklāhiniwki-wit.

Tāminin bimi, tēgənə-wit baldizakāndukkī: „Zāndāw astakal“, āninmi gūni-tan-i-wit. Āninin bimi: „ilā gənədaj nikanri?“ Tādu ūtən bimi, ūlgucānin-a-wit: „Tinawə gerkuna, ūzaktacāw, jakun-dā ūzawatin āhim sarə, rāsnəj (ikukta) ūzatin bittan-i-wit, māwətin icidaj əjəcim. Tolko āhi icuwra. Ičəqā bimi, wəjəḡāmčə.
 55 zuhunmatin ičəmcāw“. Āninin bimi, ūlgucāncālān „ākəl gənəra“, gūttan: „Tarā kəjan ātāmī wəjəḡārə, surdak bižigān targacin wəjəḡə surdak bižigān. Targacin majcimi āḡarakəl wəjəḡārə“. Tar nikākānam gənəhincān-wit, ānə dōldira gənəhincə. Tar gənəkānam ūzahincə, bokoncō. Bokonkōnom, ičəqā; tar ičəkānam urunzicān-wit. Tarḡi nūmazacān-i-wit. Dagamacān-i-wit. Wəjəḡāldaj nikalcə. Bərkān pəktərawlkān
 60 bičə, nūrlkān bičə. Tarḡi dagamakānam, ajamat batkankānam, sendulaj amūdān, alaraj tānzəḡān-i-wit. Tāduk garpacān-i-wit wəjəḡāpi. Garpakānam, mā ttan-i-wit. Tarḡi za urunittən, buddākin. Tadut-ti āmānittan. Zūtki mucuttan, ānīlkān amīntukī zūji iḡittan. Iskānam ūlgucālitin. Amīnin bimi urunittən-i-wit. „Ūttən bimi tāmi gālnāziḡāt“. Amīnmi gūnittan-i-wit: „Tīmīnə amīnmi gənəziḡāt“ gūttan: „içənəziḡāt, wəjəḡāwə wəjəḡārəm okin-da ānə icirə, icirəm. Içənəḡāt. Sagdi sānri bižigān. Bəjə zāpḡiwān-gu ālūwān-gu wəjəḡārəm, mākānam, āmānam“. Tarḡitukīwar gənəhincātin zūḡi ūtəḡəli. Tar gənəkānam, wəjəḡāzāklān issatin. Tariskānam, amīnin bimi, amīndukkī ūlgumilcān-i-wit: „ār jakun ḡarəwə wəjəḡəḡittin bittən, si sānri-gu?“

Бродя, разные следы видел. На утро, переночевав, отца спросил: „Я это, бродя, видел разные следы, видел. Туда итти, прошу“, сказал: „по следу итти и как живут, что представляют собою, посмотреть прошу. По следам если пойду, что будет? Тех увидев, если добуду, что будет?“ Только спросил отца: „Пойду“,
 45 сказал: „на виденные следы, следы посмотреть“. Отец будучи: „Не ходи“, сказал. Тот, не слушая, пошел. Так идя, по следу пошел. Так идя день, до вечера, шел по следу. До вечера шел, когда не стемнелось, вернулся. Ничего не видел, идя по следу, не нашел. Не догнав (зверя), домой вернулся к отцу, матери. Что нужно, не видел. Придя, сильно рассердился. Рассердившись, ничего не евши, лег.
 50 Утром вставши от родительницы (спросил): „Поесть приготовь“, матери сказал. Мать: „Куда итти собираешься?“ Тот сын будучи рассказал: „Вчера, бродя, по следу шел, никакого следа не знаю (не знаю, чей след), разные следы, самих (этих зверей) посмотреть (хочу) прошу. Только не показались (звери). Если бы видел, убил бы, всех увидел бы“. Мать будучи, после того, как рассказал, „Не ходи“, сказала: „Не может быть, чтобы убил, страшный
 55 будет, такой зверь страшный. Такой... (запрещен?) не убивай“. Тот, собравшись, пошел, не слушая, пошел. Тот, идя, по следу пошел, нагнал. Нагнавши, увидел; увидевши, обрадовался. Того скрал (подкрался). Подошел. Убить собрался. Бойкий стрелок был, со стрелами был. К тому подходя, хорошо встав
 60 (на твердое место), чтобы до уха дошла (тетива), тетиву натянул. Потом выстрелил (в) зверя. Выстрелив, убил. Тем обрадовался, когда умер (зверь). Там же оставил. Домой вернулся, отца матери до дому дошел. Придя, рассказав. Отец будучи обрадовался. „Сын, завтра принесем“. Отцу сказал: „Завтра, отец, пойдем“, сказал: „Пойдем посмотреть, зверя убил, никогда не видел,
 65 увидел. Пойдем посмотреть. Старый, знаешь, будет. Зверя съедобного ли, не съедобного ли добыл, убил, оставил“.

К тому пошли двое с сыном. Идя, до места зверя дошли. Дойдя, отец будучи, от отца спросил: „Это что за имя зверя, ты знаешь ли?“

Аминин бимі гуниттин-и-вит: „är bujun,“ гуниттин: „bəjəgənit. Äduk zuläski bəjəgəw-
70 rəkal ärgäcinmä“. Tarıgar bimi inihinzacätin sütkiwar. Züləwar ehıwra. Tar ehıwra-
kıtın, atırkän bimi uruncəcən-i-wit. „Ütəw bəjəgəcä bihinri? Ajat bəjəgəcä
bihinri.“

Tarıgıni zäbsinā elaira; angəcän züləwā inätcän. İli inagidu gənəsən. Bujurən
ähilä. Tar gənəkənam, ähäwä icəttən. Tarıgıni bəjəgəlitin ähägni. Tarıgıni mättan.
Makənam sütki ätəkənitte, zülaj hittən. Änilkän amindulaj ulgucənitte gerku-
75 zakku. Bəjəgəwä wəkindāna icira. „Bəjəgəram, icirəm zuynmanicim. Jaduk-da
şurdak bəjəgə biwki-wit. Targacinma bəjəgəram. Tarəwə tami icənəziqət züri,“
amintiki gunitte manaji. Təminin təkənim gənəhinzacätin-i-wit, bəjəgəzəklän
iscätin amingalı. İskənam amindukki ulgumitte-i-wit: „är jakun gərbu bəjəgənitin
bittən? Si sənri—saydı bəje“. Amininza ulgucən-i-wit: „Ähä“, gunitte: „bəjəgənit
80 ärgäcin bittən. Äduk zuläski äwərəkə bəjəgəra—surdak bəjəgə“.

Tarıgar züləwar ämuwcätin-i-wit. Tarıgar innəl, ämuwkil züləwar kantirəduwar
innəl. Züwar ehıwra. Tarıw ehıwraktın, atırkän bimi uruncən-i-wit, atırkəntiki atırkän
turəcilcä: „Ütət bəjəgəkənam ulıqət ödan, amgaduwar zəpətil öddap, ütət bəjəgəl-
75 ran, ütəwər äzəlin baldıra omıtnal binkitirəp. Aridəkil binkitirəp, zəmunəl binkitirəp.
Tikin ütəwər ägdiñalcälän, ütət bəjəgəlrəkin, zəbdəwar bakətəlrəp, tarit äduk zuläski
aməwar bakatigätıl bihip-i-wit. Hütət ajat gerkurakin zəbdət ulıqət budəlat ırgitgät-
wit.“ Är ütə bimi amindukki ulgumilcən-wit: „Mıtkäcin bəje bihin bizəgnä sənri
bıgrazın. Targacın bəjəje, bihikin, bakaldıdaj əjəcim, icidaj əjəcim. Sənri surakcan
döldicäs bıgrazın“, amindukki ulgumicəkin turənin, ulgumizicə-wit. Aminin ütətki
80 ulgumilcən-i-wit: „är dulin buya ojodun bi səriw araj dayalı äcin, bılr ädär bıñahıji
araj döldinkittam, goröl döldinkittam mıtkäcin bəjel bihi, gunnəl səhərgəjəktərə.
Tälä mıtkäcin bəje, sohujacın bəje, ähin isca buya, goro buya, guninkittara, alğanzi
bəje ähin isca buya. Tälä kəjən ätän isca, gənəcälizəpəni. Tar buyawa araj
sohulkän bəje ihmca, mıtkäcin jekun-da äcin bəje kəjən äqətin isca“.

Отец будучи сказал: „Этот зверь“, сказал: „Зверь наш. Теперь вперед до-
70 бывай такого“. Те будучи потащили (тушу) домой. Домой принесли. Когда
принесли, старуха будучи обрадовалась. „Сын добыл? Хорошо добыл“.

Того ели три дня; ночевал два дня, жия. На третий день пошел. Про-
мышлял теперь. Идя, медведя увидел. Тот зверь медведь. Того убил. Убивши,
домой побежал (быстро), домой (вниз по реке) пошел. Матери, отцу рассказал
75 о том, как ходил. Зверя кричащего увидели. „Промышлял, увидал какой есть.
Отчего страшный зверь бывает? Такого добыл. Того завтра пойдем смотреть
вдвоем“. Отцу сказал о добыче. Утром вставши, пошли, к месту зверя дошли
с отцом. Дойдя, у отца спросил: „Это какое имя зверя? Ты знаешь—старый
80 человек“. Отец сказал: „Медведь“, сказал: „зверь такой бывает. Отсюда вперед
не промышляй—страшный зверь“.

Те домой пришли. Того таща, домой пришли, на спине таща. До дому
донесли. Когда пришли, старуха будучи обрадовалась, старику старуха сказала:
„Сын промышляя, могущим кормить стал, во рту могущими есть стали. Сын
начал промышлять, если бы сына не родили, голодными бы жили. Голодными
бы жили, голодая бы жили. Теперь, после того как сын вырос, сын когда стал
85 промышлять, пишу найдем (с пищей стали), поэтому отсюда вперед пишу
найдем (с пищей во рту можем быть). Сын хорошо когда бродит, чтобы ели
(мы), кормильцем до смерти (нашей) можем вырастить“. Этот сын будучи отцу
рассказал: „Как мы, человек будет, может быть знаешь. Такого человека, если
(он) есть, найти прошу, посмотреть прошу. Знаешь, далеко слышал, может быть“,
90 когда сказал слово. отцу, спросил. Отец сыну рассказал: „Этой средней земли
на поверхности я знаю (по моим сведениям) не близко, давно, когда парнишкой
был (я), чуть слышал, давно слышал. Подобные нам люди имеются, говорят,
разговаривают. Туда подобный нам человек, небойкий человек не дошел (до)
земли, далекая земля, говорят, ногою (пешком) человек не дошел. Там заблу-
дился, не смог дойти, идя. Той земли (до того места), если бы неловкий человек
пошел, подобно нам, ничего не имеющий человек, заблудился, не смог дойти“.

95 Tarān nuḡan dumajsecān-i-wit. Zūlramaktu, zūlramaktu dumajzakānam, amīndukki ulgumīlcān-i-wit: „Tarīdula ḡenērīkiw, ōn biziḡān? ḡenēmī, bakamcāw-da, nuḡnī-rakis“. Amīnin bimī umun inḡi kalūkāmaktun dumajsecān āhīla. Tāduk dumajse-kānam utētkiji turācilcān āhīla: „utē“, ḡunzicān-i-wit: „Si tar buyala ḡenērēkis, bu-
 100 adu ēmnākānam buḡātil bihiw. Si ḡan ḡenērēkis, tarit āhikis ḡenēra, ōn biziḡān. Adās ḡenēra ājālcim“. Utan bimī turācilcān-i-wit amīntukiji: „Bi emī daganī ḡenēdāj nikram“. Amīnin bimī: „ākāl ḡenēra“, ḡūtān-i-wit: „si ḡenērēkas, bū sagdancal zēbdāwār ānāl bakatira, ominakānam buḡātil bihiw, tarit munawā karajkal“. Tar
 105 ḡuncālātīn umnākān ānḡettān zūduji. Amnākānam āhīla, tēmīnin tēḡekānam, ḡenēdāj nikilcān-i-wit, ānīlkan amīnmī turānmān ānā dōldira. ḡenēdāj nikilkānam ānīndukki ulgumīlcān ihīla: „Tēḡeksejēw tētiwucinri-da, zēbdāw irḡihējāw irḡiwucinri-da“.

Tur ḡenēhēlraḡin, ḡanmakāmi tēttiji tēticān āhīla mētakāmi awunmī tēticān āhīla. ḡenēhindāj nikilcā āhīla. ḡenēhindāj nikilkānam āhīla ānīlkān, amīndukki ulgumīlcā: „ḡenēskēm, iīklā ḡenēmī bakazīḡāw, nuḡnikāl“. Amīnin bimī: „ānā dōl-
 110 dīra ḡenēmī ār dūlīn buyadut rāsnej surdakīl bihi“, ḡūtā: „targacira bakalzīḡās. Tarīkin uha biziḡān. Tarākin si ḡenērīwēs āhin ālākīra“. Utan bimī ḡunittān-i-wit: „umun umukta idu-dā ḡenī, buḡīn sin umun. Tarit āhikis taḡanī nuḡnīra, ḡenēcīm“. Amīnin bimī, dumajsecān-i-wit. Dumajzakānam, turācāhūncān āhīla: „ār bīraḡar dē-
 115 rēklān ḡenērēkis, āḡdīḡa ḡaḡīnzalā dērēklān bīraḡit. Tarīklā ḡenērēkis, bīlr ādar bī-ḡahīji kejan āḡkittān tukḡira. Targacin surdak buya. Tarāw sī kejan ātānri ḡenēra. Bī bīlr turkawcāw, kejan ācū ḡenēra, araj mīnduk ulukē-ḡu bimī, ḡenēzīḡās. Tar
 120 cājāklān, ḡenērēkis bihi; ḡūnēl, sēhēḡhīnkittāw bīlr wējal bihi, ḡīrkuktara bīlr, sē-
 hēḡḡsīwētīn dōldīnkittān, surakatīn tālā kejan āḡkittām īsra. ḡoro buya, ḡunittā. Elrākān ḡenēscikānam turkawcāw, kejan ācēw īsra. Tarit mīnduk ulukā bimī, īscāḡah araj“. Tar
 125 nīkākānam ḡenēhīncā āhīla. ḡenēnēkin, āturkālkan āturkūn sōḡonol, sōḡonol āmāpcātīn Bīraḡi dērējēklān tuksezahīncā āhīla. ḡenēwkānzicān āhīla. Ahun-da anḡanī
 130 ḡorowo ḡenērīji ācā sārā. Zūlāji ḡenēzāwki tar nīkazīḡa. Bīraḡi dērēnmā īscān-i-wit

95 Тогда он задумался. Два дня, два дня думавши, спросил отца: „К тем если пойду, что будет? Пойдя, нашел бы, если укажешь?“ Отец будучи до полдня думал теперь. Потом, подумавши, сыну сказал теперь: „Сын“, сказал: „Ты если
 100 пойдешь в ту землю, мы, здесь оставшись, сможем умереть. Ты еще если пойдешь (или) если не пойдешь, как будет? чтобы не шел прощу“. Сын будучи сказал отцу: „Я, как бы то ни было, пойти собираюсь“. Мать будучи: „Не ходи“, сказала: „Если ты пойдешь, мы, состарившись, поесть не найдя, проголодавшись,
 105 должны умереть, поэтому нас прокорми“. После того, как сказали, один раз переночевал дома. Переночевавши теперь, утром вставши, уйти собрался,
 110 матери, отца слов не слушая. Итти собравшись, отца спросил теперь: „Ровдугу (одежду) приготовь, поесть подорожники приготовь“.

Так когда начал уходить, телую одежду надел, из головной шкуры шапку надел теперь. Уходить собрался теперь. Уходить собравшись, теперь мать, отца
 115 спросил: „Идя, куда идя, найду, укажи“. Отец будучи: „Не слушая, идешь, на этой средней земле разные страхи имеются“, сказал: „Такие найдешь. Таков
 120 след будет. По этому следу твоего перехода (ходьбы) нехватит“. Сын будучи сказал: „Одно яйцо где бы ни пропало, все равно одна смерть. Поэтому, если (и) не поведаетшь, не укажешь, пойду“. Отец будучи задумался. Подумав,
 125 сказал теперь: „К вершине этой реки если пойдешь, на большом гольце исток реки. Туда если пойдешь, раньше в молодость (мою) никак не мог подняться.
 130 Такое страшное место. Ты тоже никак не дойдешь. Я раньше подымался, никак не прошел, едва ли сильнее меня будучи, пройдешь. За ней (за горой) если пройдешь, говорят, слышал рассказанное (о том, что) раньше люди были,
 135 ходили раньше, рассказанное слышалтуда никак не мог пойти. Далекое место, говорили. Три раза подымался, никак не дошел. Поэтому, если сильнее меня, может быть дойдешь“. Тот, собравшись, пошел теперь. Когда пошел,
 140 старуха, старик плача, плача остались.

На истоки реки побежал теперь. Шел теперь. Сколько лет, долго (ли) шел, не знал. Домой итти (иногда) пытался. Вершины реки достиг,

Tar sogorokin, ätə äməcä. Ətə guncä: „tuyānilbər tagmātkār!“ „Ağı“, guncä: „tagmāciqāt“ guncä

Tādük narga äməcä. „Narga tuyānilbər tagmātkār“, guncä. Kumacān äməcān. „Tuyānilbər tagmātkār!“ „Ağı tagmātcāt“ guncä „Tikin-ti, tikin tagmātkār“, guncä. „Ağı, gā, tagmātkār“, guncä: „si nām bargidālān mudan tuyānilbi kolbokol“, guncä.

Ətə, narga, kumacān upkacın umundu cakıscāl. Nām bargidālān mudan azas (?) dayawalin zapkan ətə nūcā. Zə, tar ətə ojolin, dılın ojolin taqca „umun zut, umun zut“ guncä. Ətə dılın ojolin nām bargidālān mudan taksacā. Ətə guncä: „uhakə taqanrı, nān ajat tagzawkaıın, tagzawkaıın. Aqıqal tagdaj-da“, guncä. Dupkulı sulakı ätəkəncä. Sulakı guncä: „ətə, sergıgda, muka mukıs“, guncä. Ətə guncä: „Sulakı-mıkān uläktuj dawunrı.“ Zəl ätəkəncä. Tar gənəkām, akındulajı gənəcä. Tar gənəkām akıngalı bılcä. Tādük akıngalı zün gənəhıncä. „Akaj“, guncä: „bı istagalä-zām“.— „Mānrı ākaj istagalārā“, əhıgdıkān guncä. „ätəm mārā, ätəm mārā, istagaläktə“, guncä. İstagaläcä, ānā döldıra. Tar istagaläkām, „celgen ənə, celgen ənə, guncä. „Jānrı, jānrı?“ guncä. „Akaj, akaj, halganmı cıkkattam“, guncä. Zəl akıñın celaskadu ırıncä. Tarıt ırzacä akıñın, ulgumıca: „ıdu āngəzāt“.— „Akaj, akaj“, guncä: „kopitalgejadu āngəgnawar“, guncä. „ār jama buyawa gənəzərər“ akıñın guncä. „Belgalıjawa gənəzərər“. Tādük gənəzıcäl. Umən buyalā iskānam. „Jema buyalā ıssap?“ guncä akıñın, nəkündukki ulgumıcä. „Dulılgıjawa gıñıwatın ıssap“, guncä. Tardı gənəzəcäl. Akıñın ulgumıcä: „ıdu āngəzā?“— „Akaj, akaj ādıtı-da āngəgār?“ guncä. Akıñın ulgumıcä: „ār nı gərbin?“— „Ər kopıttalgı gərbin“.— „Gāl ədu āngəgār“. Tādu āngəcäl. Tādu āngəkām bıcäl. Nəküñın möjajı mölācä. „Alganmı magaranrı, ākəl mölārā“, akıñın guncä. „Aja bızan, aja bızan akaj“, guncä. Ələ tälä gənəkānam, möwa tok-tok ıktəcä. Akıñın alazakān alacä. Tar alacä, tarā acın da acın. Gā, akıñın alatkam albakam, gələktəcä. Umun buyadu möwa əñnızakān

Так когда плакала, медведь подошел. Медведь сказал: „Народ давай считать!“ — „Хорошо“, сказала: „давай считать“, сказала. Потом тюлень пришел. Тюлень народ давай считать“, сказала. Нерпа пришла. „Народ давай считать“. „Хорошо, давай считать“, сказала. „Вот сейчас давай считать“, сказала. „Хорошо, ну, давай считать“, сказал: „Ты на том краю моря народ собирай“, сказал.

Медведь, тюлень, нерпа, все вместе выстроились. На противоположной стороне моря конец, до ближайшего берега медведь вышел. Вот! медведя по головам начала считать: „Один, два, один, два“, говорила. Медведя головы по макушке на другой конец моря побежала. Медведь сказал: „Плохо считаешь, еще хорошо пусть посчитает, посчитает пусть. Ну-ка, подсчитай“, сказал. По головам лиса побежала. Лиса сказала: „Медведь песок.... (ругательное слово)“, сказала. Медведь сказал: „Лисица завралась (в обман попалась)“. Вот! убежала. Та, идя, к брату старшему пришла. Та, придя, с братом стала жить. Потом в дом брата пошла. „Братец“, сказала: „Я побегу“. „Убьешься, не беги“, Эхигдыкан сказал. „Не убьюсь, не побегу“, сказала. Убежала, не слушая. Та, убежавши, сказала: „.... (ругательное. слово)“, сказала. „Что делаешь, что делаешь?“ сказал: „Братец, братец, ногу сломала“, сказала. Вот, брат потащил ее на салазке. Таким образом тащил брат, спросил: „Где заночуем?“ — „Братец, братец!“ сказала: „там, где съедобное хранят, заночуем“, сказала. „Это по какому месту идем?“ брат сказал. По горлу-глотке идем“. Потом шли. До одного места дойдя, „до какого места дошли?“ сказал брат, от младшей (младшую) спросил. „До середины сказанного (до половины того места, о котором говорила) дошли“, сказала. Опять же пошли. Брат спросил: „Где заночуем?“ — „Братец, братец, здесь и заночуем“. Брат спросил: „Это как называется?“ — „Это место, где хранят съедобное“. — „Ну, здесь заночуем“. Там заночевали, там заночевали. Младшая (лиса) дрова носила. „Ногу ломаешь, не носи дрова“, старший сказал. „Хорошо, хорошо будет, братец“, сказала. Только туда придя, де-рево ударила (поколотила). Брат ждал, ждал. Ту ждал, нет, да нет. Вот, брат, не могли дожидаться, пошел искать. В одном месте, дерево рубяув,

bakacā. Sūkaji āvinmān dārbās iktēcā. Dārbās, iktēkānam, ātēkāncā. Akīnin tarīgi gēlēlcā. Gēlēkān, gēlēkān, umūn buyadu bakacā zūwa. Tar gēnēzēnā istānmi dōlin camukcānmā dēlbi sīncā. 3ē, tar bakazakin, balagan-zū bicā. Tar balagan-zūlā icā. Umēn atikān ēlēn bicā. Tadu sulakī sōma kēte bicā. 3ē, sulakī akīnin atikānmā
⁴⁵ ēlēkāncā. Istānmi cūpucā. 3ā tarīgi mōstālān camutkār dēlbi tīkcāl atikān ēlēdēcā. 3ē, sulakīlba ahaktalcā. Tar ahaktazarakin balagan munuklān, šulakī iṇānincā Iṇacā sulakī. Sulakī iktēn ajupcā bicā. Iṇacā hajupcā iktatpi „ihi-ihī-hī, ihi-ihī-hī! gūncā atikān ēlēdārēkin, iṇacā. Akīnin tar iṇārakin, bakacā. Akīnin bakakām idakaca. „Akaj, akaj, ātāram“, gūncā: „ākal idakana, bi sindu ajawa āmūbzāw“, gūncā.
⁵⁰ „ēwa āmūbzās? jakunma ajawa āmūbzās?“—„Je, akaj, akaj, kayānkān unātpān āmūbzāw“. 3ā, tarīt gēnēhincāl. Kayānkān unātpān gālīncā. Gā, tarīt kayānkāndulā gēnēcā. Iskām, gūncā: „Kayānkān, unātpi būkal“, gūncā. Ētikān dōldicā: „Atikān, jakun nikārēn?“ gūncā: „āhip cāra, jakun nikārēn bolo“, gūncā. „3ā, kayānkān unātpi būkal“, gūncā. „Tāwsinikā, tāwsinikā“, atīrkān gūncā. „Jakun nikārēn?“
⁵⁵ Ētīrkān gūncā. „Ga, unātpar būmā-ja-da“, gūncā. Tarīt gēnēwuhincā. Ātīrkā būcā. Akīndulāj ihiwcā. „Ar āmūwra, akaj, akaj“, gūncā. Tarīt bilcāl. Tar bilkān, „ororbor pastuktakta“, gūncā. „Ē, pastuktaza“, gūncā. Tar pastaktu gēnēhincā, sōma gorowo bicā. Tar ēmēcā. Tar ēmēkānam gūncā: „Akaj, zuunikānmā zuunira“, gūncā:
⁶⁰ „akaj, akaj, iṇānāyār“, gūncā. Tar gēnēhincāl. „Dagamaṇrap ororbor“, gūncā. „Ahuu ōdan?“ gūncā akīnin „Tāyār iṇāulra“, gūncā: „bi ēdu emapukta?“ gūncā. „Ahuu gorolō icīwra?“ gūncā akīnin.—„Tar dāyadu icīwra“, gūncā nēkūlīn. Akīnin gēnēcā, orordulājiscā. Oronin diligda bicā, diligdaltin iṇēgdaltin bicā. Taduk akīnin kunicā. Sulakī amaskī ūzaliḡi ūjēncā. Akīnin ahālca, kunina, ahalcā, sulakī zūjāj iscā, kunin
⁶⁵ icā. „Akaj, akaj“, gūncā: irgīliw ētē uzīkcān ūjkāl“, gūncā. Akīnmī gūṇan: „ētē, ūjkāl“. Ēkīnin ūjēn. Sulakī ētēkānēn. Akīnin zūlājī ēmārēn. „Sulakīwa ēda āhīnī zawara?“ gūṇēn! „ēda zawazam“.—„Ororbor sulakī cista zēwcā“, gūṇēn.

нашел. Древко топора рассцепил. Разбившись, древко отскочило. Брат ту стал
искать. Искавши, искавши в одном месте нашел юрту. Когда шел, в штаны
бурундук быстро заскочил (засунулся). Вот когда нашел, та юрта балаганом
была. В тот балаган вышел. Одна старушка менеричка живет. Там очень много
⁴⁵ лисиц. Вот брат лисы старуху испугнул. Штанами шевельнул. Вот оттуда на
пол бурундуки упали, старуха вздрогнула (спугнулась). Вот лисиц начал гонять.
Когда загнал в угол балагана, лисица засмеялась. Смеялась лисица. Лисицы зуб
сломан был. Смеялась сломанным зубом. „Хи-хи-хи! Хи-хи-хи!“ сказала. Старуха
когда испугнулась, засмеялась. Брат, когда та засмеялась, нашел. Брат, найдя,
стал бить. „Братец, братец, не буду“, сказала: „не бей, я тебе хорошее при-
⁵⁰ нес“, сказала. „Что принесешь? что хорошее принесешь?“—„О братец, я тебе
дочь царя приведу“. Вот так пошла. За дочерью царя пошла. Ну, к царю
пошла. Дойдя, сказала: „Царь, дочь отдай“, сказала. Старик послушал: „Ста-
руха, что собирается (думает)“, сказал: „не знаем, что собирается (она делать)“,
сказал. „Ну, царь, дочь отдай“, сказала. „Попрыгай, попрыгай“, старуха ска-
⁵⁵ зала: „что собирается?“ Старик сказал: „Ну, дочь отдадим“, сказал. Ту повела.
Старик дал.

К брату привела. „Вот привела, братец, братец“, сказала. Стали жить.
Так живши: „Оленей буду пастушить“, сказала. „Ну, карауль“, сказал. На
пастбище пошли, очень далеко было. Пришли. Придя, сказала: „Братец, осы
⁶⁰ роятся“, сказала: „братец, пойдем посмотрим“, сказала. Пошли. „Подходим
к оленям“, сказала. „Сколько стало?“ брат сказал. „Сидят (олени) видно“,
сказала: „Я здесь к чему?“ сказала. „Сколько далеко видны?“ сказал брат.
„То близко видны“, сказала младшая (лиса). Брат пошел, до оленей дошел.
От оленей (одни) головы были, головы (да) рога. Потом брат свистнул. Лиса
обратно по следу отошла. Брат стал преследовать, свистя преследовал, лиса
⁶⁵ до дому дошла, свист слышен. „Братец“, сказала: „братец, на хвост жир мед-
ведя привяжи“, сказала. Сестре сказала: „Старуха, привяжи“. Сестра его при-
вязала. Лиса убежала. Брат домой пришел. „Почему лису не поймала?“ сказал.
„К чему ловить?“ — „Оленей лиса начисто съела“, сказала.

Sulakī, pōncazana, āhākāwā bakaldıra. Əhəkā gūnən: „ātağnāj sulakī ēduk bakanı,“ gūnən. „Əj əhəkā,“ gūnən: „irgiji cukācam ətə ottan. Sī nān, əhəkā irgiji cukācakal mīlā,“ gūnən. Əhəkā vīmī cukācərən. „Gılriki! gılriki! nıka,“ gūnən: „gılrimitti kahın gılrimi.“ Ətə nūttən: „Buzılram! buzılram!“ gūnən.— „Aja vizan! aja vizan!“ gūnən. Tarıt əhəkā elran. Sulakī pōnan. Əhəkā irgiji icərən. Irgin toğorgoron. „O sulakīmīkən vokom, vokonzo“, gūnən, ahamacıran. Tarıt vırirən.

Лиса, убегая, медведя встретила. Медведь сказал: „Жир лиса с чего нашла?“, сказал. „Ой, медведь“, сказала. „Хвост опустила, жир стал. Ты тоже, медведь, хвост опусти в воду“, сказала. Медведь опустил. „Холодно, холодно, маленькая“, сказал: „Холодно, очень холодно“. Медведь выскочил. „Пропаду, пропаду“, сказал. „Это хорошо, хорошо“, сказала. Медведь встал. Лиса подумала. Медведь на хвост посмотрел. Хвост оторвался. „О, лисица, найду, найду“, сказал, стал преследовать. Таким образом пропал.

СКАЗКИ ТУНГИРО-ОЛЕКМИНСКИХ ЭВЕНКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Приводимые здесь материалы были собраны мною летом 1934 г. в командировке от Ленинградского отделения Учебно-педагогического издательства в Тунгиро-Олекминском районе Витимо-Олекминского национального округа.

Записаны они от следующих лиц:

Сахаров, Петр Николаевич — 19 лет, секретарь комсомольской ячейки, весной 1934 г. окончил районные курсы ликвидаторов неграмотности; до поступления на курсы был неграмотным.

Сахаров, Павел Васильевич — 22 лет, член комсомола, ликвидатор неграмотности, активный, энергичный общественный работник.

Максимов, Иван Павлович — 27 лет, малограмотный, бригадир в колхозе.

Глазиков, Дмитрий Дмитриевич — 25 лет, член ВКП(б), активный советский и колхозный работник. Был председателем Тунгиро-Олекминского районного исполкома; член правления колхоза и член райисполкома.

Как в этой командировке, так и во время пребывания моего в Якутии в 1931—32 г. я встречал очень мало эвенков, знающих сказки и предания. С каждым годом становится меньше стариков-сказочников. Молодежь, в лучшем случае, хранит только обрывки и, по словам стариков, мало интересуется сказаниями и сказками. Встречались старики, уже в течение целого десятка лет и больше не имевшие случая передать свои сказки. Несомненно, что древний эвенкийский фольклор исчезает на наших глазах. Приводимые здесь сказки отрывочны и достаточно характеризуют свое отмирание.

I. P. Maksimov. Nenuga

1. Nimgakān

Bilir bičān ətirkān dā atirkānin. Zəmūzēcāl bičāl. Ekun-dā zəpgōtin ācin bičān. Bəjə, hūtu mata, nūgardulātūn zəmūzəřildulā əməcā. Tarbājə ūlūkīl wə əmūwcā ūlūlwətin.

Ətirkān gūcā atirkānmi: „ūləkəl zəpdəwər!“ Atirkān ūlēcā nadan zār ūlūkīwə. Ūləksəkīl zəpilcāl. Ətirkān kətətmərwə zəpcā atirkāndukki. Atirkān gūcā ətirkānmi:

И. П. Максимов. Ненюга

1. Сказка

Давным-давно жили старик и старуха. Проголодавшиеся жили. Никакой пищи у них не было. Человек, чужой богатырь, к ним пришел к голодающим. Тот человек мясо белок принес.

Старик сказал старухе: „Свари, чтобы кушать!“ Старуха сварила семьдесят белок. Сваривши, стали кушать. Старик больше старухи съел. Сказка кончилась.

„Әҗәни зәрзәнни“. Әтиркән гүсә: „Зәмунәwi bokoncuzam“. Тадук зәпиксән гүсә һуңтут: „Әкун-да әдук-тә әмәзән“. Атиркән гүсә: „Зәму-да сә“. Әтиркән гүсә атиркәнми: „Si һуңдәwi һуңтудулә!“ Атиркән гүсә: „Илан анҗанли иәлдизигәт. Тәли сину бүзигәw әкунә-wal!“

14 Илан анҗанлиwа бисә һәрәкәтә. Атиркән иәлсә әтиркәнми. Иәрәкин, әтиркәннән сә sagdaca. Әтиркән гүсә: „Улгүсәнзәкәл, он бизәнни!“ Атиркәннән һангүсә һән әтиркәнми: „Он бизәнни?“ Әтиркән гүсә: „Уһат бизәм“. Атиркәннән гүсә әтиркәнми:

„Билir аја биңкис. Он тикә өнни?“ Әтиркән гәләлсә атиркәндүккi: „Mindu бүкәл әкунә-wal“. Атиркән бүсә оронмо әтиркәндүwi: „Orontozokoll!“ Әтиркән гүсә: „Әзәли 15 бүрә, зәрзигәw. Кә, si һәнәзәкәл, һуңтудулә бәјәлдүлә, һуңдәwi!“ Атиркәннән тәли гүсә: „Әҗнис ајат минә нәкәрә“.

Gorokörwә бисә атиркән һуңту бәјәдү. Бәјәгин әтиркәнмә бакалүwкi бисә. Әтиркән гүсә: „Атиркәнми гасә биһинни. Mindu әкунә-wal бүкәл. Зәмүзәм“. Басә бәјәгин әтиркәндү туңҗа зәрwә solkowajwa. Әтиркән гүсә: „Аја бүнни. Би һәнәзәзәлим 20 гәрәлтикәкi, үрәлтикәкi. Минә окин-да әтәрәс бакара. Мингүwә гирамнәwәw зәрзи. һәтин. Би бүзигәw әкун-да әкиттун һәнәрә“. Тәргәцин әтиркән, һуңүксән, үрәдү бүсә.

Окин-мәл һәнәмкiсiлдүwәр иәзигәһун, тәргәцин әтиркән бүзәкүwән. Тәра mindүлә cипкәсән, әмәксәк, улгүсәсән.

* * *

2. Зәптигир

үмүкән әwәнкi бисә, надан зәр-wәл анҗанлисi. Омолгiн бисә. Тәра бизәнә омалгидүwi атиркәнән гәннәһиcә зәптигирдук. Зәптигирдүлә иһиксәк, омолгидүwi ма- җарасә. Тәра маҗаракiн, зәптигир һунәтwәр бүсәл. Тәра бүрәктин, әwәнкi буғаткәкiwi нүлгihicә.

зала старику: „Сильно ешь“. Старик сказал: „Голод нагнал“. Затем, съевши, ска- зал по-другому: „Ничто с этих пор не придет (ничего не случится)“. Старуха сказала: „Голодно очень“. Старик сказал старухе: „Ты уходи к другим“. Ста- руха сказала: „Через три года встретимся. Тогда я тебя дам что-то“.

10 Три года жили врозь. Однажды старуха увидела старика. Когда увидела, старик ее—старый-старый. Старик сказал: „Рассказывай, как живешь?“ Старуха тоже спросила старика: „Как живешь?“ Старик сказал: „Плохо живу“. Старуха сказала старику:

„Прежде хорошо жил. Как таким стал?“ Старик стал просить у старухи: „Дай мне что-нибудь!“ Старуха дала старику своему оленя: „Возьми оленя!“ 15 Старик сказал: „Как только дашь, съем. Ну-ка, ты поди, уходи к другим людям!“ Старуха тогда сказала: „Нехорошо мне делал“ (со мной поступал).

Долго жила старуха у другого человека. Ее муж старика повстречал. Ста- рик сказал: „Ты мою старуху взял. Мне что-нибудь дай. Голодаю“. Человек дал старику пятьдесят рублей. Старик сказал: „Хорошо дал. Я уйду далеко 20 в тайгу. Меня никогда не найдете, кости мои съедят. Я умру там, где никто не ходит. Тот старик, ушедши, в тайге умер.“

Когда-нибудь там, где вам придется ходить, вы увидите того старика мо- гилу. То (о том), ко мне пришедши (прилетевши), птичка рассказала.

* * *

2. Дәптигир (род людоедов) ¹

Один эвенки был семидесяти лет. Сын его был. Так живя, отправился (он) взять своему сыну жену от Дәптигиров. До Дәптигиров дойдя, сыну сосватал. Когда сосватал, Дәптигиры девушку свою отдали. Когда отдали, эвенки домой откочевал.

¹ Сказания об эвенках-людоедах встречаются в разных районах расселения эвенков. Обычно людоеды называются иләи (человекоед), әwәти (эвенкоед), зәwүркi (поедающий). В слове Зәптигир к слову зәри (поедание) добавлен суффикс принадлежности к организации — -gir, образующий название рода.

⁵ Tar nūlgisānā, ədələwi bugawī ista opet zəptigirwə bakacā. Tar bakarakin zəptigir omolgīduwar tar əwənkiduk hunātwan gəlālcəl. Tar zəptigir gəlārcəkin. əwənkī hunātwi bēcə zəptigirdū. Hunātwi bəksək, əwənkī bugatkakīwi nūlgihicə. Bugawī isca. Bugawī ihīksək, bugaduwi bilcə. Tar bīsənā bugaduwi, doldica, hunātwi bñnədun zəptigirdū, hunātwan əwənkīwi zəptigir kükīnmər zəpcəl. Tar əwənkī
¹⁰ doldiksak hunātwi zəpnəwatīn zəptigirtikūki nūlgihicə. Tar nūlgisānā, bugawatīn ədələwi ista kūtətwi bakacā. Tar bakaksak, əwənkī hanğūktalca: „Əda hunātww zəptəs?“ Tar kūtətin gūcə: „Bu əcəlwwn zəptə. Nūgan mənziwi rucəñ“. Tikə gūnəkin, əwənkī hunātwi bəcātīki zūlāwi hūrucə. Tar kūtətnunni matapca zūr bəgawa. Tar matanīksak, ujątcə. Ującīksək, gənūhicə opet bugatkakīwi. Tar gənuzənā, bakacā
¹⁵ zəptigīgūrwə. Araj tarīgīn kükīnni ganam omolgīduwi. Tar bakaksak, swarwi, kükīnin amīndulāwi irəməcə. Tar irəməksək amīndukki, əmūpcə sawgumakan hutakācānma. Tar əmūwūksək, cəpalduwi nēcə. Tar nərəkīn, bəjəgīn hanğūktaca: „Ekunma əmūwūnni amīndukki?“ Ahīn gūcə: „Hətəmīkənnə əmūwūm amīndukki“. Tikə gūnəkin, bəjəgīn ətəcə hanğūktazamī. Tar tikə nəkəzərəkīn, lugur
²⁰ ocā. Atırkānan dūyətñəl ahīcəl. Araj-ka əzərəkīn, ekun-ka gəzaran. Bəjəgīn ahīdukki hanğūktaca: „Ekun gəzaran?“ Ahīn gūcə: „Əcəw sarə“. Bəjəgīn ətəcə hanğūktazamī. Dolbo mēlcə bəjəgīn. Ərəgər sōmat gəzaran. Tar bəjəgīn gəktaca ahīwi amğawān. Araj-ka amğadukīn gə əməzəran. Tar bəjəgīn ahīwi sārīwcə: „Əda amğadu'is amuzaran?“ Ahīn gūcə: „Əñjəduk (h)ətəmīkənnə zəpnəw gəzaran“. Tar tikə gūnəkin
²⁵ atırkānni, bəjəgīn ər əmtīldukki əmūwnəwən (h)utakācānma icəcə. Dolbo bəjəgīn icəcə, araj-ka hutakācāndu atırkānīn cıpcıcazaran zalumkākī amun. Tara icəksək, bəjəgīn ahīcā. Təgəltənə təgəcə. Tar təgəksək, əzəlwi cəjīgı umnā, tūliskī amunnācā. Tar amunnāksak, atırkānni icəcīlcə. Atırkānīn, loskawī gaksak, tūliskī jūcə. Dənəcə bəjəgı amunnalān. Dənəksək, umkənziwi bəjəgı amunnān təkəcīlcə.
³⁰ Tar təkəcīlləkīn, bəjəgīn bərkənzəwi garpacā. Tar ahīn dırkuncacā təgəcərīmələwi.

⁵ Кочуя, прежде чем достигнуть дома, опять Дёптигиров встретил. Когда встретил, Дёптигиры стали просить у того эвенка его девушку для своего сына. Когда Дёптигиры попросили, эвенки девушку свою отдал Дёптигирам. Девушку отдав, эвенки на родину свою откочевал. На родину приехал. На родину приехавши, на родине жить стал. Живя на родине своей, услышал, (что)
¹⁰ у Дёптигиров, которым он отдал свою девушку, девушку эвенкийскую, невестку свою, Дёптигиры съели. Эвенки, услышавши о том, что съедена его девушка, к Дёптигирам откочевал. Кочуя, прежде чем достигнуть их места, тестя встретил. Встретивши, эвенки спросил: „Почему дочь мою съели?“ Того тесть сказал: „Мы не ели. Она сама умерла“. Когда так сказал, эвенки в дом, где умерла девушка, пошел. С тестем прожил два месяца. Проживши, отошел
¹⁵ (отделился). Отделившись, направился опять в свое место. Едучи, повстречал Дёптигиров. (от) Тех невестку взял для сына. Встретивши свата своего, невестка к отцу в гости пошла. Погостивши, от отца принесла из рыбьей кожи мешочек. Принесши, в (женский) угол (чума) положила. Когда положила, муж спросил ее: „Что ты принесла от отца?“ Жена сказала: „Женскую сумку принесла от отца“. Так когда сказала, муж кончил спрашивать. Когда так сделали,
²⁰ настал вечер. С женой вместе уснули. Как только уснули, что-то запахло. Муж, у жены спросил: „Что пахнет?“ Жена сказала: „Не знаю“. Муж перестал спрашивать.

Ночью муж проснулся. Попрежнему здорово пахнет. Тот муж понюхал рот жены. Оказывается, из ее рта вонь идет. Тогда муж жену разбудил: „Почему из твоего рта пахнет?“ Жена сказала: „Из материнской сумки съеденное пахнет“. Когда так сказала, муж увидел ранее принесенный женой от матери мешок. Ночью муж увидел, вдруг жена его в мешок полным-полно
²⁵ экскремент складывает. То увидев, муж уснул. Утром встал. Вставши, до того как налиться чаю, отправился на двор. Оправившись, за женой стал смотреть. Жена его, ложку взявши, вон вышла. Пошла к тому месту, где опаривлялся муж. Пришедши, ложкой стала разгребать. Когда стала разгребать, муж из лука выстрелил. Жена его споткнулась на том месте, где присела.

3. Turēciwki zahikkān

Waṇa bičē omolgicān, ekun-da acin. Aṇazakān tar bižēnē, oṣā zūjawī murir amursitin. Mōlahicā mojawī. Mon dagadu ācin bičē.

Tar mōlāzānā bakacā kulijawa cigranunma kuhizērilwē ilan anganīwa. Kuln gūcē: „Mūnawē awguja-wal wākai, ədōwun kuhizərə. Tar wāmī awguja-wal, dīlwān koltalidawī, tādu ekun-mal bižēnē“.

Tar omolgicān dumajilcā. „Ər awguja wāzəṇāwī“ Waṇa dumajcā, wadāwī kulidigawa. Dumajiksak, kulnma wācā. Tar waksak, kulnma dīlwān koltolicā. Araj dildun zahikkān bižərən. Tar zahikkānma gacā Waṇa, zūlāwī əmūwcē.

Zūlāwī əmūwuxsə, zahikkānma ničē. Tar nīrəkin, zahikkāndulā dōndulān omolgicakān tūrəhinən: „Waṇuska, sindu ekuna nada?“ Waṇa gūcē: „Mindu mojawī mōlādaw sō goro“. Tar zahikkān dōndulān gūcē: „Ərdət¹ mōlas əmūwzəṇəw“. Tar Waṇa zahikkānīwī somca. Təgəltənə təgəcē, araj sō kətə mō. Tādūk Waṇa dumajilcā: „Nada zūjawī odāw!“ Tar dumajiksak, zahikkānīwī ničē. Tar nīrəkin, zahikkān dōndukin hangūktacā: „Waṇuska, sindu ekuna nada?“ Waṇa gūcē: „Mindu nada zūjaw“. Tar zahikkān dōndulān gūcē: „Ərdət, Waṇa!“

Tar tikē gūnəkin, Waṇa zahikkānīwī somca. Somiksak, amuməṇduwī zūduwī əhicā. Təgəltənə təgəcē, araj zūn, sō aja zūn oṣā. Waṇa tar zūduwī bičē əmūkən wəgawa. Tar biksak, opet dumajilcā: „Mindu nada atırkānaw“.

Tar dumajiksak, zahikkānīwī ničē. Opet zahikkān dōndulān gūcē: „Waṇa, sindu ekuna nada?“ Waṇa gūcē: „Mindu nada atırkānaw“. Tar zahikkān dōndukin gūcē

M. С. Абрамов. Средняя часть Олекмы

3. Говорящий ящичек

Жил Ваня, молодой парень, ничего не имеющий. Сиротой живя, построил дом из конского навоза. Отправился по дрова. Дров поблизости не было.

Рубя дрова, повстречал змея и тигра, дерущихся три года. Змей сказал: „Из нас кого-нибудь убей, чтобы мы не боролись. Если убьешь из нас кого-либо, то голову его расколи, там что-то будет“.

Тогда молодец задумался: „Кого же убью?“ Ваня задумал убить змея. Подумавши, змея убил. Убивши, голову змея расколол. Оказывается, в голове его ящичек есть. Тот ящичек Ваня взял, домой принес.

Домой принеши, ящичек открыл. Когда открыл, внутри ящичка молодой человек заговорил: „Ванюшка, тебе что надо?“ Ваня сказал: „Мне за дровами (надо) идти очень далеко“. Тогда внутри ящичка сказало: „Сейчас дров принесу!“ Тогда Ваня ящичек свой закрыл. Утром встал, вдруг очень много дров. Тогда Ваня задумался: „Надо дом построить!“ Подумавши, ящичек открыл, ящичек изнутри спросил: „Ванюшка, тебе что надо?“ Ваня сказал: „Мне надо дом“. Ящичек изнутри сказал: „Сейчас, Ваня!“

Когда так сказал, Ваня ящичек закрыл. Закрывши в доме своем, сделанном из навоза, уснул. На утро встал, вдруг дом его очень хорошим домом стал. Ваня прожил в том доме один месяц. Проживши, опять задумался: „Мне нужна жена“.

Подумавши, ящичек открыл. Опять внутри ящичка сказало: „Ваня, тебе что нужно?“ Ваня сказал: „Мне нужна жена“. Тогда изнутри ящичка сказало:

¹ Употребляется у якутов в значении „сейчас“, „сию минуту“.

„Waṇa, ərdət atırkənas əmüwzəṇəw“. Tar tikə ḡṇəkin, Waṇa zahikanmə sōmcaı Tar sōmıksək, sūduwi əhicā. Tar dolbo ɔzarakin, hunat, so aja hunat araj əməcə. Waṇəskəli-raj əhicā. Waṇəska tarā atırkənawı gacā. Tar gaksak, Waṇa atırkanunm. bıcə umükən begawa.

25 Tar bıcəṇə Waṇəskəli araj bəjə əməcə, huṇtu dunnədukin. Tar bəjə Waṇəskaduk hanḡuktacā: „Ər si atırkənəw ekunduk gacası! Waṇəska ḡücə: „Bı morə nargı-dādükün gacəw atırkənawı“. Tar əməwki bəjə ḡücə: „Ər mingi atırkanmı“. Tar tikə ḡṇəkin Waṇəska ḡücə: „Gəkəl atırkənmi“. Tar ikə ḡṇəkin Waṇəska, bəjə əməwki amaskı gacā atırkənmi. Tar bəjə atırkanmı gaksak, amaskəki ḡənḡhinəna, Waṇəskə zahikanmən zoromoco. Waṇəskə mədəksək, ɔsajalın tar bəjəwə ahalcā. Tar ahalıksək bokocə anḡətcəriwə hoktodu. Waṇəskə tar azarılulə ḡənəcə, ḡurmahıcā. Tar ḡənəksək, zahikanmı əriclicə. Araj icəcə oḡoktodun, tar bəjə zahikanmə oḡoktolıwı zəjacā. Waṇəskə dumajılca: „ön nada oḡoktodukın gadəw zahikanmə? Araj dumajcā — təpərəkəṇən zoromın birkə. Tar dumajıksək, təpərəkəṇmə ḡücə: „Tar 30 bəjəduk zahikanmə zoromokol!“ Təpərəkəṇ, tar bəjalə ḡənəksək, ırgıwı dızəhicə kaltakalın oḡoktolın. Dilləkin, tar bəjə əksinihicə. Araj zahikan tulıjalə atəkənən Tar ətəkənəkin, Waṇa gacā, zütakıwı ḡənəzəhinən mən, zūwı-dat isca.

M. S. Abramow. Olokno

4. Öli

Öli bıcə. Tar vizənə atırkənawı gacə, əwəḡuwa. Atırkanunmı bıcə umükəndu umükən anḡanıwa. Umükən anḡanıwa bıksək, öli bəjühıcə. Tar bəjüzənə bəjırwə gəjəwıcə. Tar gəjəwıksək, züləwı mucuhıcā. Öli orocı bıcə. Zūwı ihıksək, öli

„Ваня, сейчас жену тебе принесу“. Когда так сказал, Ваня ящичек закрыл. Закрывши, в доме своем уснул. Когда наступила ночь, девушка, очень хорошая девушка вдруг пришла, к Ванюшке вдруг спать легла. Ванюшка ту женой 35 своей взял. Взявши, Ваня жил с женой своей один месяц.

После того как прожил, к Ванюшке вдруг человек пришел, из другой земли. Тот человек у Ванюшки спросил: „Это ты мою жену откуда взял?“ Ванюшка сказал: „Я с той стороны моря взял жену“. Тогда пришедший человек сказал: „Это моя жена“. Когда тот сказал так, Ванюшка сказал: „Возьми 30 свою жену“. Когда так сказал Ванюшка, человек пришедший назад свою жену взял. Тот человек, жену свою взявши, назад идя, ящик Ванюшки украл. Ванюшка, догадавшись, по следу того человека бросился вдогонку. Бросившись вдогонку, нагнал (того человека), ночевавшего на дороге. Ванюшка к спящим пошел, стал подкрадываться. Подошедши, ящичек свой стал кликать. Вдруг увидел, тот человек ящичек в ноздрю спрятал. Ванюшка задумался: „Как надо 35 из ноздри его ящичек взять?“ Едва только подумал, мышка-воровка случилась. Подумавши, сказал мышке: „От того человека ящичек укради!“ Мышка, к тому человеку подошедши, хвост свой засунула в одну ноздрю. Когда засунула, тот человек чихнул. Вдруг ящичек наружу выскочил. Когда выпал, Ваня взял, к дому направился, домой пришел.

M. C. Абрамов. Средняя часть Олекмы

4. Ворон

Ворон жил. Жену себе взял эвенкийку. С женой своей жил вместе один год. Один год проживши, ворон на промысел отправился. Промышляя дикого зверя, сохатого ранил. Ранивши, домой пошел. Ворон оленей имел. Домой пришедши, ворон сказал жене своей

güçä atırkänmi: „Inəhənəkəl (inəpnəkəl) ororwar!“ Tarığın cəruhi. Opet gəpcä
 5 gücä: „Ororwor inəhənəkəl!“ Ərəgər cəruhi. İipcä gücä: „Ororwor inəhənəkəl!“
 Tarığın ərəgər cəruhi. Tar tikə guniksək, ororwi mənin inəhəcä. Inəhəksək, züləwi
 icä. „Togowor ilakal!“ Gücä atırkanmi. Tarığın cəruhi. Gəpcä gücä: „Ilakal togo-
 wor!“ Atırkänin cəruhi. İipcä gücä: „Togowor ilakal!“ Atırkänin cəruhi. Tar tikə
 10 guniksək, togowi mənin ilacä. Togowi ilaksək, (h)ullawı nəpıhicä. Araj-ka (h)ullahicä
 (h)ullawı. Tar öli züduwi anpəcä. Təgəltənə təgəcä. Təgəksək, ugiskəki dəgilcä.
 Ugiskəki dəgiliksək, üzajan mujiktəlcä. Tar mujiktəzənə, uzawən icəcä. Ər pənət-
 cəkin, tar üzajalın ahalca. Ahasana, bokocö pənəzəriwə. Atırkänin ugidəlin ərilcä.
 Tar ərizənə gücä: „Züləwar mucukal! — „Ərdət dilacəppas kajəlim!“

Tar ahi gücä: „Əkəl kəjjəl ekunas-wal sindu özıpaw!“ Tar tikə guniksək, gücä:
 15 „Tərgemiləs özıpaw! Öli gücä: „Mingi halgarwı majamal!“ Tədük ahi gücä: „Dər-
 wəkijəs özıpaw! Əkəl kajja dilacaw!“ Öli gücä: „Mingi dilıw şukəcəm!“ Tədük
 ahi gücä: „Nəljəs özıpaw!“ Öli gücä: „Mingi lipənmi zəjəm“. Ahi gücä:
 „Nənamakina tawuqnam“. Öli gücä tikə: „pəqir-kik!“ Züləwi mucuhica öli.

Wot əsirkən öli amumakinma zəpzerən.

D. D. Glazirow. Tugırıkən

5. Nimgakən

Goro bilir¹ wicö ətirkən. Bizəcən atırkänin. Zəmüzəcəl nəlki. Ətirkənin gücä
 atırkanmi. „Bı ırızəlim ıırakəndulə, tuksakıl hoktoröndulətin hıklənəzəlim“.

Atırkänin gücä: „Əda?“ — „Doqotonösolım“. Hıkləzəcä ətirkən tuksakıl (h)ok-
 toröndutın. Tuksakı əməcä. Tuksakı gücä: „Ər ətirkən tırwəkwəcä (h)oktoröndu“.

5 „Пойди приготовь, навьючь оленей!“ Та глуха. Опять вторично сказал: „Оленей
 пойди приготовь!“ Попржнему глуха. В третий раз сказал: „Оленей пойди
 приготовь!“ Та попрежнему глуха. Так сказав, оленей сам пошел приготовить.
 Приготовивши, в дом вошел. „Огонь зажги!“ сказал жене. Та глуха. Второй
 раз сказал: „Зажги огонь!“ Жена глуха. В третий раз сказал: „Огонь зажги!“
 Жена глуха. Так сказавши, огонь зажег. Огонь зажегши, одеяло свое стал
 10 искать. Постлал одеяло. Тот ворон дома ночевал. Наутро встал. Вставши,
 вверх улетел. Ввысь взлетевши, стал след (раненого зверя) разыскивать. Разы-
 скивая, след увидел. Этого (зверя) след, по тому следу погнался. Гонясь, на-
 гнал идущего. Жена закричала вверх. Крича, сказала: „Домой вернись!“ — „Сей-
 час солнце загорожу!“

15 Тогда жена сказала: „Не загораживай! Что-то тебе сделаю!“ Так ска-
 завши, сказала: „Торгоми (специальное название обуви) сделаю!“ Ворон
 сказал: Мои ноги. . . .!“ Тогда жена сказала: „Шапку сделаю! Не загора-
 живай солнце!“ Ворон сказал: „Моя голова — как топор!“ Тогда жена сказала:
 „Нагрудник сделаю!“ Ворон сказал: „Моя грудь острая“. Жена сказала:
 „Помёт соберу!“ Ворон сказал так: „Нянир-кы-ы-к!“ Домой вернулся ворон.
 Вот теперь ворон помёт ест.

Д. Д. Глазирова. Тунгирикэн

5. Сказка

Давным-давно жил старик. Жила его старуха. Заголодали весной.
 Старик сказал старухе: „Я пойду к речке, на заячью дорожку пойду лягу“.

Старуха сказала: „Зачем?“ — „Пойду замерзну“. Лег старик на заячью
 тропку. Заяц пришел. Сказал заяц: „Этот старик заставил остановиться на

¹ bilir — употребляется у якутов в значении „прежде, раньше, давно“.

- ⁵ Tuksakī ērilcā zalwī: „Əməkəllu bīrakātkanəduk. Amūkəkakun tūrəwkəcā“. Zaitn əməcəl — ilan zār tuksakīl əməcəl. Ətirkənmə qurhəcəl zātəkān. Zālan ihwulcəl. Atirkəndulān gūcəl tuksakīl: „Əri ətirkənni doqotocō hoktorənduwun“. Atirkən gūcā: „Utəkəkūrsi ajat bakara doqkotocōwo ətirkənəmōw. Zālā iwkəllū!“ Atirkən qrkəwi qhikərsi qhītē, ətirkənīn iluqnaran. Tuksakīlwa walcəl. Umuqən tuksakī
- ¹⁰ cucapcā. Atirkən iktəcā tuksakīwa sēndulin oilonziwi. Senman kognohoki. Senin tuksakīqī əhītəkəndələ kogno.

D. D. Glazirōw. Tugirikan

6. Nimgakan

- Bilir bizəcən ətirkən də atirkən. Umuqəndu bizəcəl. Ekura-da acir nicəl. Tar ətirkən səksəlwa əlcā. Tuksakīlwa səksəlnicə. Ələ səkunmə wacā tuksakīwa. Ulləqin kətəkūn əcā. Tar ətirkən dəlkəniwi əcā. Tədu dəlkəndu nəcā ulləlwən. Atirkənīn qūcə. Ətirkənduwi wūciwki bicə. Ətirkənīn əwki zəptə. Dumajīlcā (zaldacā) ətirkən.
- ⁵ Diskəkī qrkənnmə hūrcəl. Tālā himimkūqūwə bakacəl. Zaldacā ətirkən: „Ədu takin bihin“. Atirkəndulāwi gūcə: „Ər takinmə hətəkənzəlim. Ekun-ka əzəm“. Takinmə hətəkəcā. Hətəkənīksək, amikan əcā. Atirkənīni gūcə: „Hətəkəkəl! Si nən amikan əziqās“. Atirkənīn hətəkəcā—amikan əcā. Əhītəkəndələ amikar bizərə.

I. P. Maksimow. Tugirikan

7. Nimgakan

- Bilirkəkun ətirkən bicə. Atirkənīn bicəl zūr. Söl sagdıl bicəl. Nuqartın zəmtəzəcəl. Nuqanqın ilan oronīn bicə. Ətirkən zalduwi gūcə: „Bəjudəw nada“. Bəjuhicə qrkəkī. qradu tōkīl əzalwatın icəcə. Ətirkən gūcə „Timi əməziqəw
- ⁵ дороге“. Заяц стал сзывать товарищей. „Подите сюда с речушек. Дедушка (дорогу) загородил“. Товарищи его пришли — тридцать зайцев пришли. Поволокли старика к его дому. Притащили домой. Старухе сказали зайцы: „Это твой старик замерз на нашей тропке“. Старуха сказала: „Мои детки, хорошо, (что) нашли моего замерзшего старика. Втащите в дом!“ Старуха дверь ремнем
- ¹⁰ привязала, старик ее встал. Зайцев начали бить. Один заяц убежал. Старуха ударила зайца по уху крюком. Ухо его почернело.
- До сих пор ухо зайца черное.

Д. Д. Глазирōв. Тунгирикaн

6. Сказка

- Давно жили старик и старуха. Вместе жили. Ничего у них не было. Старик ловушки начал делать. На зайцев ловушки поставил. Вот большого, очень большого, здорового зайца убил. Мяса много, много стало. Старик лабаз построил. Там в лабазе мясо сложил. Старуха сварила мясо. Старику дала.
- ⁵ Старик не ест. Задумался старик. Обратно в лес ушли. Там брусничник нашли. Подумал старик: „Здесь бревно есть“. Старухе сказал: „Это бревно перепрыгну, чем-то сделаюсь“. Бревно перепрыгнул. Перепрыгнувши, медведем стал. Старухе сказал: „Прыгай! Ты тоже медведем станешь“. Старуха перепрыгнула—медведем стала. До сих пор медведи живут.

И. П. Максимов. Тунгирикaн

7. Сказка

Давным-давно старик жил. Две жены у него было. Очень старые были. Они голодать стали. У них три оленя было. Старик подумал: „Промышлять надо“. Пошел за зверем в тайгу. В тайге следы сохатых увидел. Старик сказал: „Завтра приду

бәјүрдүлѳ. Тимѳ әмәсәл бәјүндүлѳ. Бәјүнмә бульталлан. Нуһан бәјүнмә иҫәсѳ тәгәт-
5 сәтѳвә. Нурмәһиҫә. Нуһанмән Һурмәсә, ирәктәдүк иҫгаран. Пәктирәнән — бәјүн
оҫканан. Әтиркән туksаран бәјүнҫиләви. Һигиллән бәјүнҫиwi. Һигрән, тәлгәтән, нәтирән,
нанназән дастан ҫләвән. Әптіләвән гаран. Һәнәһинән зүләwi, гәлзәнә әптіләвән.
Зүләwi әмәрән. Зүдүwi ҫләҫи зәпиллән. Зәпзәрәкин, тогон инкәризәwki. Әтиркән
гүнән: „Еkunma инкәризәрән?“ Гидаларан тоgowи purtatwi. Әтиркән аһинан.

10 Тәгәлтәнә тәгәрән, тоgowи иллаллан. Тогон әwki зәгдәллә әмәрән атиркән — еһан
cokoti. Tar атиркән гүнән әтиркәнми: „Тинәwә әдә гidalacās ehawāw?“ Әтиркән
залдаран. Атиркәнми гүнән: „Оronmor гәnnākәll!“ Атиркәнн әмүwрән oronmi. Әтиркән
тәпулirән, сәксәwән тоgodu ҫпкүрән. Тогон зәгдәллән.

P. Saharow. Gula

8. Nımҫakān

Nonon biсәl wәjәl, Dukajil gәrbicil, ҫmütәl halgacil, ҫmütәl Һәlәcil. Taril
biсәl tunҫazär, Һәнәзәсәl oktojoli. Бәјәwә naldicәl, Һәнәзәнәl, gәrbiciwә Cinänej.
Cinänej иҫәсѳ, Dukajil әмәзәрә. Kokollotwi garadancacә tarilwә. Taril gүсәl:
„Cijәkәcәnә kükәkinun дәgrә“. Tar Dukajil kokoļwә nәldidukin tikiwkil dunnәlә.
Cinänejwә zawalcәl Dukajil, kиксәнәl iktәlziwәr. Cinänej һәgdikun biсә. Nuҫar-
watın Cinänej algarduktin koҫkocә irәktәldulә. Cinänej weswә wәcән.

за зверем“. Назавтра пришел за зверем. Зверя стал промышлять. Он зверя
5 лежащим увидел. Стал скрадывать. Скрал его, из-за лиственницы прицелился.
Выстрелил, зверь упал. Старик побежал к зверю. Стал свежевать зверя. Осве-
жевал, разрезал на части, сложил, его шкурой прикрыл мясо. Ребро его взял.
Отправился домой, неся в руках ребро. Домой пришел. Дома мясо стал кушать.
Когда кушал, огонь зашипел. Старик сказал: „С чего шипит?“ Ткнул огонь
10 ножом. Старик улегся спать.

Наутро встал, огонь стал разжигать. Огонь не горит. Пришла старуха,
на глаз косая. Та старуха сказала старику: „Вчера зачем глаз мой уколол?“
Старик задумался. Старухе-жене сказал: „Поди оленя возьми!“ Старуха при-
вела оленя. Старик убил, кровь его в огонь вылил. Огонь запылал.

П. Сахаров. Гуля

8. Сказка

Вначале были люди, Дукаями называвшиеся, с одной ногой, с одной
рукой. Их было пятьдесят, шли по дороге. Человека встретили, идя, назы-
ваемого Чинаной. Чинаной увидел: Дукаи идут. Рукавицей бросился в них. Те
сказали: „Пташка с кукшей полетели“. Те Дукаи от бросания рукавицы упали
5 на землю. Чинаной схватили Дукаи, кусая зубами. Чинаной большой был. Их
Чинаной с ноги сбросил о лиственницы. Чинаной всех убил.

И. Георги

ТУНГУССКОЕ СКАЗАНИЕ¹

У тунгусов, которых я видел, нет никаких музыкальных инструментов, кроме особого вида дощатой, обтянутой кожей трехструнной скрипки, называемой ими „кур“; зато у них в большом ходу пение, правда, несколько однообразное, но довольно приятное.

В их песнях идет речь о любви, охоте, оленях, красивых местностях, о храбрых подвигах предков, часто о чудесах и приключениях. Некоторые из этих песен очень длинные, поэтому их не всегда поют, а иногда и рассказывают. При рассказывании каждый период начинают с последнего слова предыдущего периода. Благодаря любезности баргузинского комиссара г. Фернера, через которого я получил много сведений о тунгусах, я имею также перевод тунгусского сказания, которое они обычно поют. Я привожу здесь это сказание, так как оно дает возможность до некоторой степени ознакомиться со вкусами этого народа. Переводчику, повидимому, не удалось вполне схватить дух тунгусского языка. Может быть, многие слова заимствованы у монголов: они слишком роскошны для туземцев; имена героев — Долодай (властитель гор), Арсалан Бакши, из которого могло образоваться имя Арсалун (учитель львов) — монгольские. Но это сказание у тунгусов в ходу, они развлекаются пением и рассказыванием его. Они украшают его чуждыми картинками, наподобие того, как наши писатели украшают свои романы.

В одной стране жил князь Долодай, имевший две тысячи слуг. Он жил в городе, окруженном тройною стеною: наружной — деревянной, средней — каменной и внутренней — железной. У входа в его юрту стоял столб из стали, к которому он привязывал своего роскошного коня.

У него было семь княжен, и из них самая младшая — Сувудангина — была чрезвычайно красива и молода. У каждой из них было по служанке и по золотой телеге, в которой они часто ездили для развлечения в высокую, красивую местность.

Однажды неожиданно прилетела птица Ногой и так быстро унесла их по воздуху, что служанки не заметили, куда они девались. Лишь одна Сувудангина спаслась благодаря своему уму. Она превратилась в орла и улетела к своему отцу, и Ногой не мог найти ее, так как она смешила облака.

Она села на стальной столб, к которому был привязан конь. Конь испугался и стал так громко ржать, что многие юрты в городе развалились и многие люди упали без чувств.

Князь схватил свою саблю и хотел убить орла. Орел же обратился к князю с человеческой речью: „Прости, князь, и откажись от своего намерения, ибо я имею кое-что рассказать тебе“. Князь крайне удивился человеческому голосу и сказал: „Говори!“ — „У тебя было семь дочерей, а теперь у тебя нет ни одной“. От испуга князь не сразу смог ответить птице, но он сказал тихо: „Хо, хо, девушки, обязанные наблюдать за моими дочерьми, где мои семеро детей?“ — „Мы гуляли с ними по прекрасным полям и играли, и вдруг внезапно буря унесла их неизвестно куда“. Разгневанный князь хотел отсечь головы девушкам.

„Гнев твой напрасен, мой князь, — молвил орел, — Если бы ты даже был с ними, ты не мог бы спасти их. Караткакан Нойен, большой, сильный человек, прилетел с запада и увидел твоих детей. Он очень мудрый и у него есть вороной конь, такой быстрый, что облака и ветер не могут его догнать. Я — орел, твоя младшая дочь Сувудангина, убежала от него благодаря своему уму; я прилетела к тебе, чтобы узнать, можешь ли ты спасти меня от него, за него я не могу решиться выйти замуж, или же ты укажешь мне другого сильного человека, который может бороться с ним?“ — „Я уже стар, — ответил отец, — но если бы я даже был молод, я бы не мог тягаться с Караткаканом Нойеном. Но я слышал о герое с юга, которого зовут Кулудай. Он живет так далеко, что птица до него летит три года, а самый быстрый конь бежит десять лет“. — „О Кулудай я тоже слышала, — ответил орел, — но он не в силах побороть Караткакана, не знаешь

¹ Перевод из „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772 von I. Georgi. Erster Band. Spb. 1775, стр. 288 — 295. Ped.

ли ты более сильного героя? — „На востоке живет знаменитый герой, — возразил старик, — которого зовут Арсалан Бахши. Его конь Шаман Чагая знает, что происходит во всех странах; притом он быстрее птицы и даже ветра. До Арсалана однако так далеко, что ни птица, ни добрый конь не могут добраться до этой местности“. — „И я об этом слышала“, — сказала дочь и попросила у старика пищи на дорогу; он велел заколоть восемь верблюдов и дал их орду.

Целых семь лет летел орел без отдыха под самыми облаками, а порой и в облаках. Когда от земли исходил белый отблеск, он знал, что на земле зима; когда отблеск земли становился темным, он думал, что наступило лето. Однажды Сувудангина обнаружила прекрасную юрту. Направо от нее находился стальной столб, и у него семь гнедых коней. У них были золотые гривы, серебряные седла и уздечки. На каждом седле лежала рысья шуба. По левую сторону юрты к дубовому столбу было привязано семь рыжих оседланных коней. Гривы у них были серебряные, подковы стальные, седла и уздечки серебряные. На каждой из них лежала шуба из лисьего меха. Орел обратился в пучок шерсти, сел на крышу и стал смотреть в юрту. По правую сторону огня сидело семь юношей. Каждый из них изготовлял стрелу. По левую сторону огня семь служанок готовили меховую одежду, украшенную семью различными серебряными узорами. Юноши передали девушкам стрелы и спросили, видели ли они кого-либо, кто бы умел изготовлять более красивые стрелы. „Они красивы, — ответили девушки, — но Арсалан Бахши, живущий на востоке, так ловок и силен, что один его палец превзойдет все ваше искусство и силу“. Юноши сломали стрелы и бросили их в огонь. Когда семь служанок закончили платье, они спросили юношей, случилось ли им видеть более красивых, умных и ловких девушек. Те ответили: „Вы очень красивы, умны и искусны, но у князя Долодая есть семь дочерей; младшая из них, Сувудангина, настолько красивее, умнее и искуснее вас, что вы все не стоите ее ногтя“. Девушки сожгли свое платье.

Когда Сувудангина услышала это, она снова обратилась в орла и полетела дальше. Через год она заметила землетрясение, и когда она приблизилась к земле, то узнала, что это Арсалан Бахши изготовлял стрелы. Она полетела туда, где воздух дрожал от его работы, и увидела возвышение наподобие горы, на котором росли серебряные травы с золотыми цветами. По обе стороны горы находилось по озеру, наполненному молоком вместо воды. На самой горе стояла роскошная юрта; стены ее были из серебра, а крыша из золота. В юрте сидел человек; у него в руках была почти законченная стрела, и он просил богов, чтобы они дали ему перо для полета стрелы, чтобы ему никогда не приходилось дрожать перед врагом и чтобы ни один хищный зверь не мог убежать от него. Орел услышал это, вырвал у себя перо из правого крыла и бросил его в юрту. Арсалан взял его, удивился его величине, доделал стрелу и пожелал себе второе перо, которое и подучил из левого крыла. Он посмотрел вверх и увидел большого орла. „Кто ты, огромная птица? — Ты спрашиваешь меня, не сказав, кто ты такой? — „Я Арсалан Бахши“. — „Если ты Арсалан Бахши, то зачем же ты день и ночь изготавливаешь стрелы? — „Потому что я намерен пойти походом на запад. Там живет князь Долодай, и я женюсь на младшей из его семи дочерей“. — „Я и есть эта младшая дочь, Сувудангина“. — „Это ты? О, тогда иди ко мне“. — „Ты мне докажи сперва, что ты Арсалан Бахши. Я полечу через девять холмов и на десятом я водружу маховое перо. Твоя стрела должна пройти через девять холмов, на десятом она должна рассечь перо; после этого она должна пронзить еще пять холмов, а в шестом она должна застрять“. Птица сунула перо, Арсалан взял дук. Стрела пронзила девять холмов, на десятом она рассекла перо, прошла еще через пять холмов и застряла в шестом, откуда ее вытащил орел и вместе со стрелой полетел к герою.

После этого птица снова обратилась в красивую девушку, села к герою в юрту, разговаривала и спала с ним. Когда они на другое утро встали, то пришел любимый конь Арсалана и спросил: „Кого это господин мой держит при себе? — „Это красивая девушка, которую я взял в жены“. — „Ты добыл себе не жену, а опасность, — возразил умный конь, — и там, где ты хочешь жить, укрепил свою юрту двенадцатью железными цепями и надел твои походные доспехи и оружие. Если ты в полдень услышишь крики и град, сперва величиною с овец, а затем с верблюдов, то не выходи из своей юрты, ибо это придет герой Караткакан Нойен. Он разломает твою юрту и станет издеваться над тобою; но ты ничего не отвечай и оставайся в юрте. Если же ты выйдешь из нее, то ты никогда больше не увидишь своей жены“. Конь снова побежал на пастбище, Арсалан же все исполнил согласно его совету и остался сидеть в юрте.

В полдень он заметил землетрясение и услышал шум. Пошел град; первые градины были не меньше овец, а последние были величиной с верблюдов; при этом поднялась такая буря, что разорвались десять цепей, на которых держалась юрта. Вскоре после этого прибыл герой, ударил юрту сперва кнутом, а потом копьем. При этом он воскликнул: „Ты ли Арсалан Бахши, о котором весь свет говорит, что он храбр и непобедим? Теперь, когда я тебя вижу трусливо сидящим перед женщиной, я считаю тебя самым робким и жалким человеком под солнцем. Разве ты не слышишь, как ужасно мое прибытие?“

Арсалан не мог более слушать, он взял свой меч и вышел из юрты. Он никого не увидел и вернулся, но его жена пропала. Он позвал своего умного коня, взял свое оружие, сел на коня и указал. Ему казалось, что конь недостаточно быстро бежит, он ударил его, и конь понесся выше леса, чуть не под самыми облаками. Арсалан встретил орла, державшего в когтях его княжну; он выстрелил в него и тот раскололся от головы до хвоста. Княжна выпала из его лап и упала на землю, так же как орел, но как только орел коснулся земли, обе половины его снова срослись и он полетел со своей добычей дальше. В орла попала вторая стрела, и он потерял правое крыло, но он сразу же приставил его снова, и благодаря своему колдовству он излечивался от всех ран, которых он получил множество. Арсалан Бахши преследовал его в течение трех лет, а на четвертый год он достиг жилища орла. Город был окружен тройною стеною: наружной — каменной, средней — железной и внутренней — стальной. Орел сразу закрыл ворота и

выставил стражу. Арсалан взял свою стрелу, оперенную пером княжны, сказал ей: „О моя стрела, ты сделана не против врагов, помоги мне“ и разрушил три стены и жилище.

Караткакан примчался из города на лучшем своем коне и сказал: „Арсалан Бахши, уходи от меня с миром туда, где ты хочешь жить, ибо не ты, а я—первый жених. Я принес в свой лагерь семь княжен, предназначенных мною себе в жены. Одна хоть и убежала от меня, но все же она моя, а не твоя“. Арсалан ответил ему: „Пока у меня еще есть руки, ноги и жизнь, я не уйду. Только тогда, когда я всего этого лишусь, ты можешь взять мою невесту. Я хочу бороться с тобой“. „Пусть это будет,—сказал Караткакан Нойен,—на такой отвесной, высокой и узкой морской скале, что на ней едва можно стоять одной ногой“. „Где ты хочешь,—возразил Арсалан,—я приду“. Оба сели на своих лучших коней и отправились к месту битвы.

Караткакан превратился в оленя, а Арсалан в дикую козу (сайгу). Борьба была очень горяча. Олень превосходил козу силой, но когда он падал, то скатывался вниз, тогда как коза могла удержаться на скале. После трехдневной борьбы они увеличили свои силы. Олень превратился в лося, а коза—в кабана.

Борьба снова продолжалась три дня. После этого они стали бороться в человеческом образе, и для этого они избрали равнину. Они были верхом. Сперва они боролись копьями, а после вынули мечи, и когда все сломалось, то они взяли кнуты. Когда и эти сломались, они сошли с коней и стали бороться без оружия. Борьба продолжалась три года, и ни один не мог убить другого.

Наконец, кони вмешались в состязание. Конь Арсалана сказал: „Мой господин не убьет Нойена, так как он очень силен и бессмертен. Но я знаю, где его смерть. За тридцатью морями находится остров, там живет его сестра, стерегущая его смерть. Смерть его—в стреле, а стрела лежит в ящике, а ящик всегда в руке его сестры. Я постараюсь достать эту стрелу“.

Конь Нойена сказал своему господину почти то же самое: „Я знаю смерть Арсалана. Она—около его юрты в стальном столбе, к которому он привязывает своего лучшего коня. В столбе пила, а в пиле сидит его смерть. Оба коня отправились в путь, чтобы достать смерть врага. Когда конь Арсалана добрался через тридцать морей до острова, где стояла юрта сестры Нойена, он побежал по острову с такой силой, что юрта сестры упала от сотрясения. Сестра хотела схватить юрту; при этом она уронила из рук ящик со стрелой. Конь сломал ящик и убежал со стрелой во рту. Конь Нойена сломал столб Арсалана и принес пилу во рту.“

Когда оба коня одновременно приблизились к своим господам, то каждый из них захотел быть первым; конь Арсалана ударил коня Нойена задней ногой, причем смертоносная пила выпала из его рта; конь Арсалана схватил ее и проглотил и таким образом пришел со стрелой к своему господину. Этой стрелой Арсалан Бахши убил Караткакана Нойена, вошел в город Нойена, взял сперва свою жену, а потом и жен Нойена, его сауг и стада и стал жить в большой славе.

Г. Гут

ТУНГУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ *

Введение

О трудностях лингвистических занятий с тунгусами

Первой причиной поездки к тунгусам на Енисей, предпринятой мною летом 1897 года при содействии Академии Наук и Археологической комиссии в С.-Петербурге, были мои занятия с одной надписью¹ некогда столь знаменитого и для истории Восточной Азии столь значительного тунгусского народа юченей или нюйчжей, который во время наивысшего расцвета и развития своего могущества (1125—1231 гг. нашей эры) простирали свою власть над всей Манчжурией, Монголией и северной половиной Китая. Разбор этого текста привел к весьма существенным результатам: к частичной его расшифровке и к сознанию, что для более полного или по меньшей мере исчерпывающего разъяснения этого документа, как и немногих до сих пор мало известных юченских текстов², необходимо восстановление исчезнувшего юченского языка. Но для этого, как и для объяснения сохранившихся в китайских источниках более или менее полных списков слов этого языка³, нужно знать не только манчжурский, как раньше думали⁴, но и собственно тунгусские в более узком смысле наречия⁵. Так как большинство из этих наречий известно далеко не достаточно или совсем неизвестно, то я и решил изучить наречия различных тунгусских народностей и в связи с этим предпринять изучение их исторических памятников и их этнологического значения в Азии.

В конце мая 1897 года я начал свое путешествие из Москвы через Пермь, Тюмень, Тобольск и Томск и 16 июня достиг Красноярска. Отсюда я направился к кочующим на золотых

* Перевод из „Известий Академии Наук“, т. XV, № 3, СПб. 1901. В квадратных скобках даются уточнения Г. М. Васильевич. Ред.

приисках между Ангарой и Средней Тунгуской тунгусам, язык которых был до сих пор почти совсем не изучен. С этой целью я поехал по Енисею до устья реки Ангары; затем по Ангаре на восток, до деревни Рыбное, начального пункта южно-енисейских золотых приисков. Я начал путешествие по этой области 27 июня, проехал ее всю с юга на север и лишь после продолжительных бесплодных поисков, 9 июля я нашел первых тунгусов на золотых приисках близ реки Пит (правого притока Енисея), образующей северную границу этой области.

Я тотчас же начал свои исследования языка, но должен был сразу же, как и в дальнейшем, при столкновении с другими тунгусами этой области, убедиться, что заветия с ними для изучения языка представляют затруднения, которых я и мои ученые советники в С.-Петербурге не могли предугадать. Так как эти затруднения по большей части зависят от особенностей тунгусов, отличающих их от большинства прочих сибирских народов, то мне кажется очень важным их описание в интересах будущих исследований этого народа.

Мои старания были направлены к тому, чтобы получить какого-нибудь тунгуса Енисейской области постоянным проводником и учителем языка, чтобы с ним можно было отправиться к другим тунгусским племенам на верхнем Амуре.

Так достиг бы я дальнейшей цели своего путешествия и одновременно использовал бы промежуточное свободное время для научных целей. Я сделал все, чтобы найти между тунгусами Енисея спутника, который согласился бы следовать за мною. Я делал подарки, давал обещания, предлагал большое вознаграждение, но ничего не помогало. То они говорили, что они не могут жить без леса и покинуть жену и ребенка, что от тоски по ним они не выдержат; то указывали на то, что за время их отсутствия их олени погибнут от недостатка нужного ухода и их юрты и прочее имущество придут в упадок; то высказывали они свою боязнь заразиться болезнями, свирепствовавшими по деревням, главным образом оспой, — к сожалению, очень обоснованное опасение. К этому присоединяется почти невероятное отвращение тунгусов ко всякому другому занятию, кроме привычной им охоты и рыбной ловли и приготовления необходимых для этого орудий и инструментов, и меновой торговли. Даже если тунгус имеет много свободного времени, он предпочитает праздню провести его в своей юрте, чем делать что-нибудь ему непривычное, и особенно поступить к кому-нибудь на службу.

В конце концов мне удалось добиться согласия отдельных тунгусов провести со мной некоторое время в палатках на соседних золотых приисках, владельцы которых находились с ними в постоянных сношениях и были им хорошо знакомы, и там учить меня их языку. Один тунгус заключил со мной даже настоящий договор, который составил и подписал от его имени владелец приисков, на которых мы жили. Но хотя этот договор обязывал его, по крайней мере, на двадцатидневное пребывание со мной, он меня покинул через три дня. Другой, мой первый учитель, объявил мне сразу, что он останется со мной только несколько дней, а один старый тунгус выдержал только один день. Когда я с ним ласково раскланялся при его следующем посещении приисков, на которых я остановился, и предложил вознаграждение за некоторые сообщенные им этнологические сведения, он мне сказал: „Сегодня ты ласков и любезен, но недавно, когда ты мучил меня своими расспросами и мы с тобой поспорили, я был близок к тому, чтобы тебя побить“. Этот ответ указывает на отличительную черту дикости, которая проявляется в характере тунгусов, когда они считают себя оскорбленными, и так резко не согласуется с их обыкновенно спокойным и миролюбивым нравом; эта черта ясно указывает на самое большое затруднение, с которым вообще связано изучение языка у полудиких народов. Так как тунгусы никогда не получали самого элементарного обучения и не владеют письмом, их ум не делал ни малейшей попытки к достижению отвлеченных форм речи.

И вдруг я пришел и требовал от этих бедных, необученных голов размышлений относительно богатства форм их языка. Разве не было совершенно естественно, что при моих расспросах, особенно вначале, мне приходилось бороться с самыми большими затруднениями и что мои тунгусские учителя при моих настойчивых вопросах и изысканиях терали в конце концов терпение. Принимая во внимание, что они только на несколько дней были в моем распоряжении, я старался в это короткое время установить происхождение возможно большего числа форм и слов их языка и прибег к методу расспросов посредством русского языка (в большей или меньшей степени знакомого и моим учителям); этот способ обычно и применялся исследователями сибирских языков. Научно он менее ценен, чем естественный способ практического изучения языка, который затруднительнее и требует больше времени, но дает гораздо большие результаты и открывает исследователю самые трудные формы языка. С другой стороны первый метод доставил мне ценные сведения об умственных наклонностях моих тунгусских друзей, которых я был бы лишен при применении второго способа.

Сказанное можно пояснить примером.

Так как мои тунгусские учителя не имели ни малейшего понятия и, как выше показано, не могли знать, что меня интересуют формы языка, то они переводили мои русские вопросы не на свой язык, а отвечали на их содержание так, как этого требовало в данный момент положение вещей. Так, например, когда я говорил: „ты куришь“ и прибавлял: „скажи это на твоём родном языке“, мой учитель отвечал по-тунгусски (как будто это относилось к разговору), если он случайно курил: „я курю“, если он не курил: „я не курю совсем“. Если я хотел узнать третье лицо единственного числа, например: „он курит“, то, чтобы сделать это понятным моему учителю, так как он не видел никакого третьего присутствующего, кроме нас двоих, я должен был прибавить: „он, наш хозяин, Дмитрий Дмитриевич“ и одновременно показать пальцем на дом, перед которым мы сидели. Мой тунгус отвечал по-русски: „Как я могу знать, курит он или нет сейчас? Его и дома нет!“

К только что описанным трудностям изучения языка присоединялась еще одна, совсем другого рода. Она происходила от громадной жадности тунгусов к водке, с которой они познакоми-

лись через русских золотопромышленников, рабочих и торговцев. Без предварительного обещания водки нельзя было побудить ни одного тунгуса согласиться на самые незначительные занятия в целях изучения языка. И если они начинались, то мои тунгусские учителя их прерывали несчетное число раз требованиями „стаканчика водки“, которые я, смотря по обстоятельствам, то должен был отклонить (особенно вначале, чтобы отучить мешать, но главным образом чтобы сохранить его трезвым), то исполнять, чтобы он остался услужливым при моих дальнейших занятиях. О том, как мешали мне и затрудняли мою работу эти беспрестанные прерывания, эти вечные отказы, успокаивания и обещания, мне не приходится и говорить.

После всего, что я сообщал, понятно, что тунгусы находили мои занятия с ними, особенно вначале, в высшей степени для себя тягостными и утомительными. Поэтому было вполне естественно, что они на все мои просьбы дать образцы песен, изречений, сказок и рассказов вначале упорно отрицали существование таковых, а затем объявили, что хотя раньше и существовали у них песни и сказки, но они их забыли. Если я обращался к старикам, то они отсылали меня к молодежи: те должны знать сказки, потому что их память не ослаблена употреблением водки, как у стариков. Если я обращался с моими просьбами к юношам, то эти говорили опять, что им сказки рассказывали старики, потому что они должны знать и, кроме того, у них лучше память, чем у молодых людей. И постоянно слышала только одну коротенькую песню, которая, по утверждению золотопромышленников, переведена с русского, и вторую, состоящую из очень немногих слов. Это все, чего я мог от них добиться.

Сперва я думал, что они вследствие заметного и в других областях вырождения как бы окончательно забыли произведения своей национальной литературы, тем более что в старых русских произведениях, в которых описываются енисейские тунгусы, отрицается существование у них собственной народной литературы⁶.

Но отрицательные результаты моих старательных исследований в этом направлении ни в коем случае не могут считаться окончательными. Вследствие вышеописанных затруднений и препятствий, которые встретились мне при попытке изучения языка у тунгусов на золотых приисках, я решился на совместную жизнь с ними в юртах. Здесь мне удалось основательно подвинуть мои исследования именно относительно народной литературы. Вероятно, побужденные чувством большего доверия ко мне, вследствие моей совместной жизни с ними, тунгусы стали рассказывать мне сказки и т. п. После того как первое затруднение было устранено, мне удалось дружеским и внимательным обращением, подарками и обещаниями водки, выпытать у них произведения их народной литературы, но особенно старики среди моих рассказчиков не переставали меня уверять, что непривычно медленное рассказывание и диктование особенно более длинных рассказов для них чрезвычайно затруднительно. Большинство из них только с большим трудом и после долгих уговоров и споров соглашалось дать к своим тунгусским рассказам хотя бы частичный русский перевод или, по крайней мере, приблизительное изложение, описание или объяснение их содержания.

Когда обстоятельства принудили меня снова перенести мою деятельность на золотые прииски, то мои отношения с тунгусами, мое знакомство с особенностями их характера и мое знание их языка и литературного творчества были уже так значительны, что возвращение к старым, неблагоприятным условиям работы не могло серьезно повлиять на результаты моих исследований.

Таким образом удалось мне установить большую часть запаса слов и форм енисейско-тунгусского диалекта и записать довольно значительное число песен, сказок, шаманских изречений и заклинаний и даже отрывки древнего эпоса — старинных преданий, изложенных на таком древнем языке, что и сами тунгусы понимали его с большим трудом, а иногда и совсем не понимали.

В частности ценность полученного мною материала состоит в первую очередь в том, что он, насколько это нам известно, отличается от материала других тунгусских диалектов, а также и в том, что он дает нам возможность через сравнение форм, известных на других диалектах, главным образом форм глагола, установить их образование, происхождение и значение и вместе с тем получить понятие о лежащих в их основе общетунгусских воззрениях и умственных способностях.

Установленный мною запас слов отличается богатством и разнообразием содержания и особенно достоин внимания потому, что в нем есть выражение целого ряда понятий, которые или совсем не находят выражения или лишь приблизительно выражены в известных до сих пор чрезвычайно ограниченных записях тунгусских диалектов. Таким образом мои записи представляют существенное обогащение наших знаний по тунгусским наречиям вообще.

Что касается упомянутых образцов, то они особенно ценны как подлинные документы, вскрывающие дух языка, как основа для исследования построения предложений и периодов и многочисленных других относящихся к области синтаксиса лингвистических явлений, отчасти также и для знания древних форм, особенно важных для сравнительного языкознания и истории языка. Эти произведения тунгусской народной литературы имеют выдающееся значение и по содержанию, как благодаря указаниям на нравы и воззрения тунгусов и на разнообразные стороны шаманского культа, так и благодаря сведениям об упомянутых важных событиях из истории этого народа.

Для пояснения сказанного и, главное, чтобы ознакомить с характером и разнообразием тунгусской народной литературы, целесообразно привести некоторые произведения из моего сборника, составленного во время путешествия, и присоединить к каждому из них некоторые замечания, относящиеся к форме и содержанию. Точное исследование этих литературных образцов, особенно со стороны языка, завело бы нас слишком далеко, поэтому я оставляю его для более обширного издания.

В этих стихах наряду с аллитерацией в строках стихов выступает второй метрически-ритмический принцип: parallelismus membrorum. В 1-й строфе первая часть 3-го стиха находится в соответствии с первой половиной 4-го стиха. В 4-й строфе приведены в соответствие между собой стихи 1-й и 3-й через употребление одного и того же глагольного корня. Наиболее совершенно и отчетливо проведена параллель в строфах 2-й и 3-й, в которых 1-й и 3-й стихи и 2-й и 4-й по смыслу параллельны, причем соответствующие части характеризуются то подобием, то противоположностью содержания. В 3-й строфе очень ясно сопоставлены сходные по содержанию строки, в которых употреблен тот же самый словесный материал, хотя и в другом порядке.

Что касается формы стиха, то необходимо заметить следующее: хотя в введении говорится о родителях девушки, большая часть бранной речи вложена в уста одного лица, именно отца девушки. Также в начале и середине заключительной строфы происходит смена говорящих лиц.

Эта бросающаяся в глаза и достойная внимания, как часто встречающаяся, замена наглядно себе объяснение при разборе третьей песни, которая даст мне возможность к этому вернуться.

Содержание этого стихотворения, позволяет нам установить следующие этнографические данные из жизни тунгусов Енисея:

- 1) что при венчании непорочной девушки отец последней получает калым от жениха;
- 2) что он с своей стороны дает дочери приданое;
- 3) что при венчании порочной девушки калыма не дают;
- 4) что в таком случае невеста не получает приданого;
- 5) что, хотя в негодовании родителей по поводу увода их дочери и играют роль и стыд и горе, причиненные ею себе и всей семье, главным мотивом негодования все же следует считать материальные убытки от потери калыма.

Для первого приведенного факта — выплата калыма у различных тунгусских племен — мы имеем много¹⁶ доказательств; для второго — выплата невесте более или менее богатого приданого — имеются тоже достаточные подтверждения¹⁷, приведение которых завело бы нас слишком далеко; поэтому я и оставляю для более обширного издания. Они подтверждают существование этого обряда у различных тунгусских племен.

Третий момент — случай лишения калыма, если девушка порочна. Я считаю себя в праве сделать заключение о существовании этого обычая из первой части второй строфы; слова во второй строчке стихов „если ты повенчаешься“ дают указание на возможность законного венчания с возлюбленным или с другим человеком, который пожелает признать ее законной женой. На это же указывают слова *akin bakaldinne*, имеющие значение „так как ты вступаешь в связь с возлюбленным“, — толкование, которое эти слова вполне допускают. По указанию моего тунгусского учителя, их надо объяснить именно в последнем смысле, и к предыдущим словам: „ничего я не получу (первая строчка моего разделения текста) прибавить: „никакого калыма от будущего жениха“.

Четвертый момент — лишение невесты приданого, если она порочна. Нельзя сказать, указывая ли слова: „ничего я тебе не дам“ на общепринятый в таких случаях обычай или они выражают только намерение одного говорящего и представляют наказание за проступок данной девушки.

Мне не удалось найти ни у кого из других путешественников никаких сведений по третьему¹⁸ и четвертому пунктам; только у Латкина (Енисейская губерния, С.-Петербург, 1892, стр. 729) находим указание, что у енисейских тунгусов за порочную девушку уплачивается меньший калым.

Наконец пятый и последний момент — перевод недовольства из-за потери калыма над чувством стыда — кажется мне главным выводом из этой песни и имеет существенное значение как подлинное свидетельство о взглядах енисейских тунгусов. (Здесь мы имеем одновременно ценный документ для изучения наивных нравственных понятий вообще у всех примитивных народов).

Интересно отметить, что наряду с воззрениями, высказываемыми в этой песне, отсутствует то, о чем говорит Гикиш¹⁹, ссылаясь на указания Георги²⁰, именно: об обычае у байкальских тунгусов принуждать соблазнителя девушки вступить в законную связь, заставляя его даже побоями; иногда бывали даже случаи убийства виновного родственниками девушки. Вот как говорит Гикиш: „Эта строгость вызвана не моральным негодованием, но единственно материальным ущербом, в виду потери калыма“. Это замечание не обосновано никакими данными, заключение — лично Гикиша, которое он сделал, основываясь только на существовании обряда выкупа невесты. Если же мы рассмотрим изложенное Георги в подлиннике, то дело представляется в другом виде. Там значится (часть I, стр. 273) дословно: „Буд наказываться только у мужчин. Отец девушки и может взять из имущества любовника столько, сколько он захочет. И если любовник не желает жениться, то это желание вызывает побоями. Если дурной человек соблазнил девушку хороших родителей, то братья и родственники последней пронизывают его стрелой“. Из этого изложения ясно, что у байкальских тунгусов в случае увода или соблазна девушки выкуп за невесту не отпадает, а его величина зависит от отца невесты, который может распространить свои требования на те или иные владения жениха. Там самым отпадает материальное основание для негодования за нанесенный девушке позор и остается только моральное основание. По представлению Георги, для объяснения поведения родителей у байкальских тунгусов приходится принять только моральный мотив, так как вопрос о калыме отпадает. Из его слов ясно, что главной целью является восстановление чести девушки посредством замужества, и только в случае отказа жениха прибегают к принудительным мерам. Нет и речи о ненужной строгости, которую можно было бы объяснить как проявление гнева за несуществующие материальные эгоистические интересы. Что касается происходящих иногда убийств (стрелой) любовника родственниками девушки, то это указывает на остаток древнего обычая кровавой мести. Увод девушки у тунгусов Байкала еще в древние времена рассматривался как кровное преступление против чести всей семьи.

Таким образом окажется, что в последствиях, вытекающих из соблазнения девушки, существует заметная разница между обычаями байкальских и енисейских тунгусов, но это только если не признать, что обрисованное Георги положение вещей имеет место только тогда, когда речь идет об уводе или соблазне девушки против ее воли. В противном случае, если это происходит при ее согласии, соблазнитель освобождается от уплаты калыма (как это предполагает Гикий, (ср. прим. 18). Если согласиться с этим предположением, то обычай байкальских тунгусов сходится с затронутым в нашей песне „уходом“ у енисейских тунгусов, так как в этом случае, который говорит о потере калыма, речь идет, как это ясно вытекает из стихотворения, о полном согласии между девушкой и ее любовником. Если же это предположение не может быть подтверждено, то нужно констатировать разницу в обычаях обоих тунгусских племен. Этим наша работа усложнилась бы: 1) надо было бы найти аналогичные различия между этими племенами в других обрядах, в быте, представлениях и т. д., или установить их отсутствие; 2) исследовать, какое значение имело для образования этих различий соседство с одной стороны бурят, с другой — ояков, самоедов и особенно якутов.

3. Жалобная песнь осиротевшей девушки (Старая песнь, переданная Тимофеем Прокопием)

„ikaḡewat, ikaḡewat! arakōḡer!“
upkatkändewi soḡoḡonon;
əntilwā əntilduwi haḡaḡeynām,
arḡamuktaw oktirān.
āhila indawida arḡam aḡāwḡire!
arḡnikārdūwi suḡuḡuḡum.
arḡnam aḡem ḡulaḡkil!
amāka, ḡonərḡəl aḡamalā arḡunkila!
tikin āhila amukun [ostālen]²¹,
aḡaḡakāu ḡdan!²²
hukutəmḡun aḡewūkinən,
wikti arḡodotēḡem arḡarwal ḡulaḡkil!
āhila aḡim sāre wāḡajawī!

„Будем петь, будем петь! Мы хотим жаловаться!“
(пожалуемся)
О всех своих плачу я:
Оплакиваю своего отца и мать,
Теките мои слезы [слеза скатилась].
Я не хочу и не могу дольше жить [теперь я свою
жизнь не люблю!]
(И) моих братьев оплакиваю я [о весне — юности
своей плачу].
И все-таки я должна дальше работать и творить!
[не могу спать дальше!]
О боже, направь меня к хорошим людям [эвен-
кам!]
Теперь я осталась совсем одна,
Осталась одинокой [сирота стала].
И чтобы только насытить тело [живот],
Должны быть направлены мои помыслы отныне
и навсегда. [Поживу-ка, буду жить как-ни-
будь дальше].
Я не знаю больше ничего (на свете), о чем я
могла бы думать (и заботиться) [теперь не знаю
жизнь свою!]

В этом стихотворении, которое мой учитель называет древней песней, я решил самостоятельно произвести разделение стихов по содержанию. Аллитерация начала стихов встречается только в 1-й строфе, которая, как и 3-я, состоит из пяти строк, между тем как 2-я состоит только из трех строк. В этой песне встречается и аллитерация внутри стихов, хотя во 2-й и 3-й строфах она и не особенно четко выражена (ср. стр. 16, отрывок из песни о герое Марэвуле). Доказательством того, что эта хорошо знакомая нам из древне-немецкой и северной поэзии форма стихов встречается и в области монгольской литературы, могут служить сообщения Гальсаном Гомбоевым у Castrén-Schiefner, *Wirjätische Grammatik* (С.-Петербург, 1857, стр. 228—233) „60 бурятских загадок“ и приведенные Банзаровым известные молитвы шаманов (там же, стр. 234—239). Кроме того, в этих образцах встречаются отдельные с намерением подобранные полные рифмы в нашем смысле слова, расположенные рядом с основной рифмой (*Stabreim*).

Относительно формы важно заметить следующее: слова вступительных строк: „Будем петь, будем петь! Мы хотим жаловаться!“ заставляют предположить, что вступительные слова поются хором. Жалобная же песня, в которой представлено говорящим только одно лицо, исполняется одним голосом. Можно предположить, что это поэтическое произведение составляет часть большего (может быть, эпического) целого, в котором в предшествующей части песни рассказывается в кратком виде о смерти родителей и братьев девушки и в котором она сама изображена как определенная историческая или сказочная личность, хор же изображен состоящим из окружающих ее лиц — ее подруг и сверстниц. Как бы то ни было, во вступительных словах этой песни имеется ясное указание на существование хора, весь же остальной текст исполняется солистом. Это дает возможность объяснить указанное явление в песне о „сбившейся с пути истинного девушке“, где тоже встречается замена множественного числа единственным.

Если же действительно существует предполагаемая мною аналогия между обоими случаями, то можно допустить, что переход от родителей (в введении этой песни) к одному лицу (изображенному говорящим в главной ее части), под которым, очевидно, можно предположить отца девушки, имеет основание в распределении ролей между хором и соло.

Особенно интересно, что в песне об обольщенной девушке заключительная строфа опять переходит к хору, который следует представить себе состоящим из двух частей: одна часть исполняет повествовательные, объективные составные части стихотворения, как первая часть заключительной строфы и первая (вводная) часть вступительной строфы только что упомянутого

стихотворения, в то время как другая часть хора исполняет те части, в которых действует группа лиц (родственники или друзья), лично заинтересованных в судьбе главного лица (сольный голос), например, вторая часть заключительной строфы той же песни и первая строка в первой строфе „Жалобная песнь осиротевшей девушки“.

4. Орывок из песни о герое Марэвуле

(Старое предание, сообщенное Тимофеем Прокопием)

Жена Марэвула сказала *:

Marawul, äwa gucaŕ?
säkarwe kogökü,
qüre dawahul döldijem.

Марэвул, что ты сказал?
Мои уши далеко слышат [ушами своими злов],
Через два хребта гор слышу я.

Марэвул ответил:

deghinde bakŕanqam tadu döidecelqem.

На подмостках на четырех столбах нахожусь я,
там меня можно услышать [улучу, столбы (для
лабазы) сделаю, там услышу].
Столбы моих подмостков обглодали самоеды [Мои
столбы людоеды грызть начали].
Я зову, я зову; разве ты меня не слышишь?
Они хотят меня съесть!
На середине озера кусают они меня зубами [над
срединой моря начали соревноваться].

sakŕŕatwaw Boietil kägijje.

arim, arim; ähinne döldire?
qemüdere minne!
Iamoiem räkäkindu käkdemat käcilla!
[Iämä ojomrakakindu gegdumakäcilla]

Жена Марэвула возразила:

ädu oqer temaniädu!

Здесь должны мы жить на свете [что будем здесь
делать до утра?]

minä wärekü, saŕanilqenne.

Меня они убьют, ты будешь плакать [когда убьют
меня, заплачешь].

hürkärtü doŕotowädire;
si oŕnan oqenne?

Твои детки умрут [дети наши замерзнут].
Должен ли ты один остаться жить? [ты как-ни-
будь сделай].

ätan temani oqenne.

Нет, ты не останешься жить на свете [утро еще
не станет].

si da wäqenne.

Ты тоже умрешь.

Этот текст был мне передан Тимофеем Прокопием как древнее предание, но не как стихотворение. Я же все-таки думаю, что мы имеем дело со стихотворением, за это говорит эпитетическо-мифологическое содержание и еще более, чем в предыдущей песне, выступающая алитерация внутри стихов. Поэтому я предпринял деление стихов по их содержанию: так, мне кажется, что существуют три строфы: в 3 строки, в 5 или 6 строк и в 6 строк.

О содержании отрывка и герое Марэвуле мой тунгусский учитель сказал мне следующее: Марэвул кричал на скале, его жена слышала его: так громко он кричал. Он имел крылья и полетел; она слышала его издали (очевидно, надо дополнить: приближающихся, идущих домой). Он спрятался на высоких подмостках (похожих на те, на которые тунгусы кладут своих покойников) от самоедов (людоедов), потому что они, как показывают их русское имя, друг друга поедают²³ (очевидно, надо дополнить: и угрожали его съесть).

Если пополюнить эти отрывки стихотворения по указаниям моего учителя, то обнаруживается замечательный факт, что мы имеем дело с рассказом о герое, который в измененном виде встречается и у другого тунгусского племени, а именно у голыдов на р. Уссури, в настоящий момент по пространству очень отдаленного от тунгусов Енисейского племени тунгусского народа.

У Протодиаконова (I ч., стр. 4—6) мы находим рассказ о великом герое по имени Mokakkhi, о котором нам сообщается следующее²⁴: Он „обонел в один день гору Кыккй (около 100 верст). Теперь, после обхода, он отдыхает на Миц-Кхопко (горный хребет у с. Воронезского) и икает. Его жена вышла в это время (в лес) за дровами и услышала, как ее муж икает (на расстоянии 10 верст). Она принесла дрова домой и вышла вторично; в это время пришел ее муж. Она его спросила: „Где ты икал?“ Он ответил: „Я икал на склоне воронезского хребта“. Его жена ответила: „Удивительно! Как скоро ты оттуда пришел?“ [Он возразил:] „Какое же это расстояние? Ясно, что возможно (так скоро сюда) вернуться!“ [На горе он убил медведя и (вместе) с братом ночью его съел. После того вернулись они обратно домой. Дома он отдыхал, ничего не делал].“

Не подлежит сомнению, что здесь мы имеем дело с той же самой мифической личностью, как и в древнем рассказе енисейских тунгусов. И сходство имен слишком велико, чтобы быть случайным. К этому же присоединяется еще и то обстоятельство, что оба имени, Марэвул и Маракху, произошли от одного глагольного корня, значение которого яснее всего характеризует героя — его громкий голос, его способность быть услышанным на большом расстоянии, происхо-

* Весь текст представляет собою слова жены Марэвула. Ред.

дящий от корня *moa* — „кричать“, этот корень сохранился в этой форме (со звучанием *m*) до сих пор только в гольдском²⁵, маньчжурском²⁶ и ойротском²⁷ наречиях; может быть, и нерчинское — тунгусское *baklām* — я вою²⁸ относится сюда же.

О других подвигах героя Моракху и прежде всего о том, каким замечательным способом он убил свою мать и как потом он погиб сам, я расскажу на основании гольдских повествований в последующем моем более обширном труде.

5. Закливание шамана при лечении болящих членов тела

(Сообщено Тимофеем Прокопием)

Шаман говорит духу болезни, который внедрился в члены больного:

akirwal āhīlā etekellē
erūmat kākāfēgē!
doidicaš?

Никогда более [навсегда теперь кончайте]
Не причиняй боли! [худое причиняете]
Слышишь ты?! [слышите]

Здесь могут быть интересны некоторые сообщения моего тунгусского учителя о том, как шаман излечивает больные части тела, о процедурах его при лечении вообще и, наконец, о его положении как врача. Больное место на ноге, на руке и остальных частях тела шаман излечивает, накладывая дощечки по обе стороны больного места и затягивая их ремнями или веревками. Через два дня больное место наверняка должно быть излечено; резать же шаман не имеет права.

При церемониях лечения шаман зажигает свечи и молится христианскому богу или Иисусу Христу или Николаю-угоднику (милостивому Николу, который называется тоже Николаем-чудотворцем), одному из главных святых греческой церкви. Номинально теперь большая часть тунгусов крещена по православному обряду, но из сказанного ясно, как мало эта внешняя принадлежность к христианской вере отделила шаманизм. Характерно для их детских религиозных взглядов то, что шаман полученные от семьи пациента деньги кладет под стекло находящейся в юрте иконы, так что их можно видеть, и венчает эту икону при своих церемониях; при этом мой учитель заметил: „Шаман говорит очень умно, особенно, когда висит икона“. В вознаграждение за лечение шаман получает от каждого взрослого члена мужского пола семьи пациента пять рублей, или соболя, или оленя. У немощных он отказывается от оплаты. Из своей выручки он дает каждому одинокому старцу, каждой одинокой старухе и каждому осиротевшему ребенку, состоящим в родстве с пациентом, по три рубля. Это проявление социальной заботливости со стороны шамана достойно большого внимания: оно обрисовывает деятельность и положение шамана в моральном отношении в более благоприятном свете, чем раньше.

6. Закливание шамана против оспы

(Сообщено Тимофеем Прокопием)

šuwapcālmī pudapmān nīpākāñiḡe
upkaḡ torukoḡlo!

Схватите собак и с ними его [демона болезни]
и убейте всех (собак)! [Если шаманить ему собаками,
всех (их) убейте!]

Это требование убить всех собак в данной тунгусской орде и тем самым изгнать оспу имеет, по сообщению моего учителя, тот смысл, что духи убитых собак понесут болезнь обратно в деревню, из которой они пришли. Тунгусы думают, что оспа к ним заносилась, заносится и впредь будет заноситься из русских поселений.

Интересно сравнить с воззрениями, выраженными в этом заклинании, некоторые показания и выводы Бартельса в его книге „Die Medizin der Naturvölker“ (Лейпциг, 1893). В 87-м отделе этой книги (стр. 194—196) автор говорит о ловле и задержании демона болезни у различных народов. Различные предметы употребляются для вызова и задержания демона: ветки и листья, зерно перца, куклы и человеческие фигурки из пальмовых листьев. Эти предметы затем выносятся и выбрасываются или уничтожаются и тем самым приготавливается конец существованию демона болезни. В этом случае, продолжает Бартельс, демон болезни заключен в фигуру человека, иногда же встречается, что для этой цели ставится фигура зверя. Это бывает тогда, когда и злого духа, который причиняет болезнь, представляют себе в образе зверя (многочисленные примеры приведены Бартельсом, стр. 21—23). На Танембаре и Тиморландских островах старые женщины пытаются лечить эпилепсию, которая, по мнению жителей этих островов, вызывается птицей, сидящей в больном. Для этого они изготовляют изображение птицы. Вечером они приносят в жертву рис и куру и после этого стреляют в изображение (стрелами). И у индейцев-дакота очень часто стараются объяснить болезнь тем, что дух зверя или, лучше сказать, дух в образе зверя, проник в тело пациента. Тогда врач изготовляет из коры дерева изображение этого зверя и ставит его перед хижинкой больного в сосуд, в котором красная земля смешана с водой. Два или три индейца стоят с заряженными ружьями наготове. Как только врач подает им сигнал, они стреляют в зверя, изготовленного из коры, чтобы его уничтожить. Если найдутся еще какие-нибудь остатки от изображения зверя, в которого стреляли, то их старательно сжигают. Если это не исцеляет больного, то продолжается подобная же церемония²⁹, но вырезают уже другого зверя и опять стреляют в него.

В только что приведенных примерах говорится вообще о заключении демона болезни в изображение какого-нибудь зверя, а не в живом звере, как в приведенном нами заклинании тунгусского шамана. Мы наверно не ошибемся, если предположим, что требование, выраженное в последнем представляет более древнюю ступень развития по сравнению с первым обычаям замены

смерти самого приносимого в жертву зверя уничтожением его изображения. Вера в возможность вселения демона болезни в предмет или фигуру связана тесным образом с идеей умиловливания духов и исцеления больного посредством искупительной жертвы и развилась именно как следствие этой идеи. Этим объясняется, что мы в некоторых церемониях встречаем выражение обих этих представлений (например, в вышеуказанном случае).

Это показывает нам, что во всех случаях, где церемония заклинания встречается сама по себе, мы усматриваем вторичное образование, в котором первоначальный смысл уже утерян. Правильность этого взгляда вытекает из соображения, что по названному воззрению дикаря, для вызова демона из больного необходимо побуждающее средство, находящееся в предмете, в который надо заманить демона, с этого и надо начать церемонию лечения. Нельзя предположить, что при такой церемонии заклинания имеется в виду применение насилия по отношению к демону, так как примитивный человек боится демона. С другой стороны, тот же психологический аргумент принуждает нас принять, что более древняя ступень развития — умиловливающие жертвы. Связывающим звеном между этими двумя стадиями и является одновременное проявление: с одной стороны — желания примирения, с другой — тенденции удержать явившегося съест умиловливающую жертву демона и уничтожить его, одним словом, переход от способа укрощения или умиловливания к применению хитрости. Поводом к этому послужило то, что из экономических и частью моральных причин людей и животных при жертвах стали заменять их изображениями, а также ветками, листьями, плодами, а человеческие жертвы стали символически изображать, хотя и подлижными, но с незначительными повреждениями той или иной части тела кого-либо из родственников пациента. Так как надо было думать, что демон не будет доволен такими показными жертвоприношениями, то пустились на хитрость и жертву употребляли лишь для обмана, как приманку, чтобы с ее помощью поймать изгнанного из больного демона. Интересно заметить, что даже в довольно скудном материале, который по этому вопросу собрал Бартельс, мы находим примеры для каждой из вышеобозначенных трех ступеней развития.

Подробное доказательство я отложу до моего будущего более обширного труда, здесь же я хочу указать на то, что вышеприведенное тунгусское заклинание шамана представляет соединение обих обсуждаемых воззрений, а поэтому и принадлежит ко второй стадии развития. Здесь мы ясно видим переход из первой стадии, так как здесь идет речь еще о настоящем, а не показном жертвоприношении, но при этом уже выражена и идея задержания. Мысль заманить демона через жертву, которая здесь состоит из убитых собак, не была высказана моим учителем, наверно для него и его соплеменников давно утрачен настоящий смысл этого заклинания шамана.

7. Заклинание шамана при долго продолжающихся родовых болях

(Сообщено Тимофеем Прокопием)

štan baldärä amakan,
gorolje biđen.
sewunfeđir puđanman.

nikälä, nikälä!

oronno tarutkälä!

Она не рожает [не станет рожать] так скоро,
Начались родовые боли [долго уже].

Мы ее будем лечить изображением идола
[пошаманам на нее].

Лейте, лейте жертвенное питье! [свяжите,
свяжите]

Убейте (принесите в жертву) оленя!

8. Изречение шамана влюбленному, который хочет жениться

(Сообщено Тимофеем Прокопием)

ahilikalla tarāwa ahiwa
(или: ahatkāmma)
„puđanmān ajāum
adiwal bine“.

surūkullōo ǝntildulan
onmal gūndire ǝntillin.

Женись на той женщине (девушке)
[возьми в жены ту женщину].

„Я люблю ее [ее люблю]
одну из всех женщин на свете [сколько-то
будучи]“.

Пойди к ее родителям и
Скажи это каким-нибудь образом им!
[Что-либо скажут ее родители.]

П р и м е ч а н и я

¹ Надпись Jen-t'ai у Kai-fu у китайской провинции Хэ-нань; см. Devéria, в Revue de l'Extrême Orient, Paris, I, 1883 г., стр. 173—186, и мою краткую статью: Zur Entzifferung der Nüchi-Inscript von Jen-t'ai в „Известиях Академии Наук“, СПб. 1896, декабрь, т. V, № 5, стр. 375—378.

² Юенско-монгольско-китайская надпись со скалы Тыр у устья Амура, см. об этом статью Васильева в „Изв. Акад. Наук“, СПб. 1896, апрель, т. IV, № 4, стр. 365—367, и Grube „Vorläufige Mitteilung über die bei Nikolajewsk am Amur aufgefundenen Jučen Inscripten“, Берлин, 2 дек. 1896 г. — Далее в более древних и сложных, еще совершенно не расшифрованных рукописях, Kinz eu, которые Wylie опубликовал по китайскому изданию в I. R. A. S. XVII (1860), стр. 331—345.

³ Из находящегося в китайской Цинской истории * списка 84 слов юеней Visdelou опубликован в 34 в Herbelot's Bibliothéque Orientale, вып. in 4°, la Haye, 1777—79, том IV (1779),

стр. 268 (перепечатано в Langlès „Alphabet manichou“, 3 изд., Париж, 1807, стр. 38 — 39). Полный перечень сделал Klaproth, Asia Polyglotta, Париж, 1823, стр. 292 — 294, и после него Wylie в предисловии к своей книге „Translation of the Tsing wan k'e tung“, a Chinese grammar of the Manchu Tartare language, Шанхай, 1855, стр. LXXVI — LXXX. На это издание ссылается Harlez в своем сочинении „Niu-tchi et Mandchou“, Journal Asiatique, 1888, стр. 220 — 249. Из многоязычного словаря Hoz-i-yuo (см. Hirth в I. A. S. North China Branch, том XXII) Grube опубликовал 871 юеченское слово (Die Sprache und Schrift der Jučen, Лейпциг 1896, также статья Grube в T'oung Pao, том V, стр. 334 — 340).

⁴ Правильно было определено отношение между юченями и манжурами, именно относительно их языка, в первую очередь Harlez на основании лингвистических и исторических исследований, см. только что упомянутое сочинение. В нем (стр. 248) автор делает вывод в следующих словах: Манжуры принадлежат к той же семье народов, как и нюй-чжи, но они не являются их потомками и продолжателями их рода. Их язык находится в тесном родстве с языком нюй-чжи. Тот и другой являются диалектами одного наречия, но диалектами разнородными, представляющими на ряду со сходством и большое различие.

⁵ См. приведенное мною выше сочинение, стр. 376, и заключительный абзац, стр. 377

⁶ Например, у Степанова „Енисейская губерния“, 2 части. СПб., 1835, II ч., стр. 76.

⁷ См. Позднеев, Образцы народной литературы различных монгольских племен, ч. I, Народные песни монголов, С-Петербург, 1880, стр. 323.

⁸ Полное наименование сочинения: „Записки Общества изучения Амурского края, подотдела Амурской секции Русского Географического общества“.

⁹ См. Ивановский, Манчжурская хрестоматия, стр. 189, песнь 1, строфа 5; стр. 190, песнь 1, строфа 12; стр. 191, песнь 4, строфы 6 и 7.

¹⁰ Позднеев, стр. 326, в), а главным образом стр. 332, а).

¹¹ В строфе II неправильность намеренно не древнего происхождения, так как вместо взятого из русского языка „когда“ в начале 7-ой строки, которое, очевидно, внесено моим тунгусским учителем, знающим русский язык, наверно стояло тунгусское слово, и очень возможно, что равнозначное с „когда“ — *akin*. Подтверждается это тем, что мой учитель и в начале второй строки сперва говорил „когда“ вместо *kin* и заменил его тогда, когда я выразил свое удивление, что нашел русское слово в тунгусском тексте. Это доказывает, что у живущих в постоянных сношениях с русскими тунгусов внедрились русские слова так глубоко в язык и употребление, что тунгусы более не сознают их чуждого происхождения и употребляют их вместо первоначальных равнозначных — явление, которое я мог наблюдать в еще более замечательных случаях, а также в таких случаях, когда первоначальное слово молодому поколению тунгусов совсем не известно (забыто). Следующий пример вставления русских слов в тунгусский текст, даже совсем древнего происхождения, со стороны знающих русский язык тунгусов см. ниже, прим. 21.

¹² См. Ивановский, Манчжурская хрестоматия, стр. 189, песнь 1, строфы 1, 4 и 9; стр. 190, песнь 1, строфы 11 и 14; песнь 2, строфы 1 и 2; стр. 191, песнь 3, строфа 1; стр. 192, строфы 3 и 12.

¹³ См. Позднеев, стр. 60, строфа 2; стр. 77, строфы 1 и 6; стр. 78, строфа 2; стр. 88, строфа 7; стр. 95, строфа 6; стр. 107, строфа 1; стр. 110, строфы 1, 2, 6, и т. д.

¹⁴ См. Ивановский, Манчжурская хрестоматия, стр. 189, песнь 1, строфы 2, 3, (5), 9; стр. 190, песнь 1, строфа (12), 14; стр. 192, строфа 13.

¹⁵ См. Позднеев, стр. 60, строфа 2; стр. 64, строфа 4; стр. 66, строфа 1; стр. 77, строфы 3 и 6; стр. 78, строфы (1), 2 и т. д.

¹⁶ См. Brand, Neu vermehrte Reise-Beschreibung seiner grossen chinesischen Reise... 3 изд., Любек, 1734, стр. 99, Gmelin „Reise durch Sibirien“, ч. II, стр. 215 и 648, Геттинген, 1752; Georgi, Bemerkungen einer Reise im Russischen Reiche J. 1772, (СПБ., 1775), стр. 264; Middendorf, Sibirische Reise, том IV, часть 2, изд. 3, стр. 1497—1499 (СПБ. 1875); Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-Lande, том III, изд. 3, стр. 658 (С.-Петербург, 1895); Латкин I, стр. 129.

¹⁷ Георги, I, стр. 264; Миддендорф, I, стр. 1497.

¹⁸ Когда Hieklisch („Die Tungusen“, С.-Петербург, 1879, стр. 91) в приведенном выше отрывке говорит о потере калыма вследствие увода, его приходится обвинять, если он имеет в виду описание байкальских тунгусов у Georgi (часть I, стр. 273), в недостаточно тщательной разработке материала, как это показывает приведенный далее подлинный текст из книги Georgi. Если же он (как это показывают слово „уход“ и указание на безнаказанность девушки) делает вывод о различии обычая при добровольном и недобровольном уходе, так что калым отплатить только в первом случае, то можно предположить, что он относит слова Georgi только ко второму случаю. Все-таки его замечание об утрате калыма остается неподтвержденным источниками.

¹⁹ Hieklisch, I.

²⁰ Георги, I.

²¹ Русское слово „ostalén“ должно быть правильно, так как в женском роде „ostalná“, которое мой тунгусский учитель здесь вводит, как будто это принадлежит подлинному тексту и, очевидно, не создавая его нетунгусского происхождения, является совершенно лишним, так как прибавляет к совершенно ясным словам: „так я совсем одна“ дополнение „осталась“. Поэтому придется заключить, что русское слово стоит не вместо ранее бывшего здесь равнозначного с ним слова, как это указано в примечании 11, но что мой тунгусский учитель сам его прибавил, не создавая его непринадлежности к тексту, вследствие частых употреблений.

²² По смыслу вместо *ódan* — он стал, конечно, надо читать *ódam* — я стал.

²⁸ Русская народная этимология, происхождение названия „самоеды“ от русских корней *amo* — себя и *jed* — есть. О вероятности финского происхождения этого слова и его значении см. Fischer, *Sibirische Geschichte* (С.-Петербург, 1768, ч. I, Введение, стр. 118; Castrén, *Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker*, С.-Петербург, 1857, стр. 68.

24 Я слеую здесь русскому переводу, изд. Протодиаконовым.

²⁵ Grube, Goldisch-deutsches Wörterverzeichnis, СПб., 1900, стр. 119-в: мора — кричаща.

²⁶ Н. С. von der Gabelentz, *Mandschu-Deutsches Wörterbuch*, Лейпциг 1864; *мань-мань* кричать, бляеть, оленя заманивать, также приведено у Грубе.

²⁷ Леонтович, Русско-ороченский словарь в Записках Общества изучения Амурского края, том V, часть 2 (Владивосток, 1846), стр. 80; муррай — кричать; применено также у Грубе, I; при этом Грубе дает новый корень из другого произведения из ороческого языка.

²⁸ Castrén, Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre, C. - Петербург, 1856, стр. 94-е, 104-е.

²⁰ Все не имеющее для моих выводов значения части этой церемонии я пропустил, чтобы не усложнять изложение.

L. Ivm

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ВАРИАНТОВ ТУНГУССКИХ ПРЕДАНИЙ *

1. Kərāndə, Unani

... (Ünani): „əqə, əqi, gəkol, tədə-wəl-nun?“ — „əqə, tədə-wəl-nun?“ (Nə gən) təvəcillən, nən dəgüllən. Atırkın: „tədə-wəl-nun ödin“. Ünani atırkənna anullən, dəgüllən. Ünani Kərəndəwə gəjəktədən, kuşdəwəl. Ünani atırkənna (Həngükəllən: „Kərəndə ili nəgənə? nigüli-til, bərgi-til. Nəgənən öllən, məcdirən Kərəndəwə. Ünani istən, dəkəndən bə kucəqər. (Həngükəllən: Kərəndə ədərən, asiwən Ünani (Həngükəllən: „İdi dəkəndin Kərəndən?“ — „Üjə bəkəcəqər“. İtə bəgüllən dəkəndiwən. Kuşdəwəl, Ünani təcillən Kərəndəwə. Kərəndə dənən Ünani tətə bəgüllən kə-dəwəl. Kərəndə: „qəbəm əşikənən Ələkən, Ünani; ələkən, dəkəndən, kuşləp İləkə uyrukkən“. Kərəndə günən: „qəbəm-kən, həkwi təkəndən-kən, ələkən məyqə Ünənən, ə-dən Əkənna əmədinnə Ünənən bərgişək, bərgişək təgəndülə öktə. Harun, harun bərgişək, bərgişək. Kərəndə kuşlən Ünənən. Kərəndə Ünənəwə dəkəndən əlicillən. Ünənəwə Kərəndəwə dəkəwən tıpatən auran. Kərəndə əjən, b(İ)radu, əjən dəkəndən aurgən, ələkən b(İ)radu, kənən b(İ)radu. Ünani məcullən atırkəndülə. Kərəndəwə wəren, əjən b(İ)radu, günən: Kərəndəwə wəmə“. Atırkən əşin tədəwə: „Şi-kə-nən wəğənnə, əşin tədəwə, əşin tədəwəmətə. İ-İnwər wəwəks, əşin tədəwəməkkütə Nən anındulən istən, atırkəndülə. Atırkən kəwərən...

... Karəndü Uyanı değıtynəcə. Değıtynilən bişü. Ləməndü kəsilişü. Karəndəwə Uyanı ojarın, bəhrədu ojarın. Nuyan bəddən. Bəhrəduk albara jucami. Nuyan bəjəliwə wileñ, dəpən. Nuyan bəjəwə ədədən qəbqəmü, Uyanı Karəndəwə wərin. "Sı etəköl wədanı bəjəliwə Kəwəwə qərnna əhilər. Bəhrədu ojarın. Nuyan bəhrəduk juscərin. dəpkuwə ərğanil ipəcən. Oj hucəkən ödən (Karəndü bəgdeñ bəcən) Uyanı mucubinan, gənən atirkəndü: "Bı Karəndəwə wəne". Atirkən tərä aşın toğard, gənən; "sığarkə kətirä wəmi.." Atirkən amawmurən. Karəndü upatpa dəpən; "Atirkən süləcən. Karəndü ilmakta upatpa dəpən. Uyanı ajat suryrən, (Et əduk nənə ödən?) Atirkən Uyanı bəkarın, ilə ücin, ələ atirkən Uyanıwə igrəcən...

Корэндо, Уняны

... (Уняны): „Мама, мама, скажи, правильно ли (довольно ли)?“ — „Малыш, довольно ли?“ (Он начал ковать (крылья), опять взлетел. Старуха: „Довольно стало“. Уняны старуху оставил, взлетел. Уняны Корэнду искать отправился, чтобы биться. Уняны старуху спросил: „Корэндо где шёл (летел)? повыше ли, пониже ли?“ Пошел, нагоняет Корэндо. Уняны дошел, крылья (Корэндо) висят. Спрашивает. Корэндо спит, жену его Корэндо спросил: „Где крылья Корэндо?“ — „Вверху висят“. Притащили, укрепил крылья. Биться Уняны стал просить Корэндо. Корэндо начал есть. Уняны все еще просит биться. Корэндо: „Ем сейчас, подожди, Уняны, подожди, поем, биться начнем над самой серединой моря“. Корэндо сказал: „Ем, хорти наеваю, подожди... Уняны... ты-то что... Уняны поужи, пониже до посадки слухусь“. Головокружение, головокружение, пониже, пониже“. Корэндо стал биться с Уняны. Корэндо Уняны крыло ломать начал. Уняны Корэндо крыло двинул, сломал. Корэндо потонул в реке, утопал, крыло сломалось, не мог выйти, в море пропал. Уняны вернулся к старухе. Корэнду убил, утопил, сказал: „Корэнду убил“. Старуха не поверила: „Ты-то убьешь, не поверю. Если и убьешь ты, не поверю никак“. Опять к матери-старухе пришел. Старуха...

... Корэндо (и) Уняны полетели. Стали летать. На море начали биться. Коренду Уняны утопил, в реке утопил. Он пропал. Из реки не мог выйти. Он людей убивал, ел. Чтобы он людей прекратил есть, Уняны Корэндо убил. Ты перестань людей убивать. Много съел теперь*. В реке утопил. Он из реки выскочил. Восемь дней жил. В это время уменьшился (Корэндо большой был). Уняны вернулся, сказал старухе: „Я Корэндо убил“. Старуха не поверила, сказала: „Мышей вероятно убил“... Старуха... Корэндо все съел. Старуха осталась. Корэндо молодой все съел. Уняны хорошо ушел. (Чем же с тех пор стал?) Старуха Уняны нашла, людей нет. Только старуха Уняны воспитывала...

* Тексты д-ра Гута, из его полевых тетрадей, хранящихся в архиве Института востоковедения Академии Наук. Перевод сделан Г. М. Василевич. *Ред.*

2. Cufugdi

Cufugdi iŋaktaci, iktälin sürkamal, әrәktүн gimatpa аһиn urärä.

„Amākā iŋaŋiä ajuŋacinni?“ — „Talanaja ajama ūinni ūcakis ānā gärsi?“ — „Koktagda“. — „Nina-kinnä ānā gärsi?“ — „Tintandū gärsim“. Ugutatcārān Koktagda „Koktamatak ađam sularā, Tintamatan ātām sularā...“

...Tägrәp ūlakı әmәрān aŋıwa suwrān, һәкәrcәwә ūwrtān. Dәмәmәjә һәкәrcәn: „Ūlakı әlәš tinä aŋıwa?“ — „Amaka, bı ipkakuna tinām“.

Чулугды

Чулугды волосатый, зубы клыкасты, клюв не похож на gimat.

„Дедушка, бабками играешь (бабки перекатываешь)?“ — „Хорошего твоего верхового оленя как имя?“ — „Коктагда (копытистый)“. — „Собаки как имя?“ — „Тинтанду называю“. Села верхом на копытистого. „Копытистого не оставляю. Тимтамду не оставляю“.

„Узнаем, лиса пришла, женщину освободила, привязанную отвязала. Медведь сказал: „Лиса, почему освободила женщину?“ — „Дед, я иркакун освободила“.

В. Н. Васильев

ТУНГУССКИЕ ПРЕДАНИЯ ¹

Помещаемые ниже тунгусские предания записаны мной в Туруханском крае в 1905 году на обратном пути из Хатангской экспедиции. По завершении ее главных задач и разделении состава экспедиции на две партии для следования в обратный путь мне пришлось ехать с начальником ее И. П. Толмачевым, направлявшимся на Олекминск на реке Лене. Часть этого пути между озерами Ессеем и Якондой мы совершили с илимийскими тунгусами. В пути, на ночлегах, в чуме у тунгусов я занимался записыванием тунгусских слов и фраз и собиранием этнографических сведений. При этом же мне были сообщены и предлагаемые предания. Главным рассказчиком был тунгусский князь Николай Харагир, по прозвищу Чунго, человек выдающийся по уму в своей среде. Только одно предание — „Умна“ — рассказано другим тунгусом. Оба мои рассказчика не говорили на якутском языке, которым я владею, почему приходилось пользоваться переводом тех, которые знали этот язык, записывая предания уже на русском языке у себя в чуме, непосредственно за рассказом. При этом я старался держаться возможно ближе его духа. Пять из этих преданий относятся исключительно к тунгусскому быту. Одно, озаглавленное мною „Юраки“, по словам самого рассказчика, позаимствовано от юраков на реке Енисее. Наконец, последнее — „Дыгын“ — представляет, повидимому, один из вариантов известного якутского предания, заимствованный от якутов и несколько видоизмененный. Все эти предания приводятся здесь без всяких изменений, как были записаны мною в то время, в предположении, что под свежим впечатлением они были воспроизведены с большим сохранением колорита и что позднейшие поправки и переделки лишь отдалили бы их от духа рассказа.

I Уриән и Моһуна

Жил в старике витязь, по имени Уриән. Он был прекрасный охотник и неустрашимый боец. Не было зверя, которого он не мог бы догнать и убить; не было человека, который мог бы противостать ему; всех он побеждал, лучше всех стрелял и был сильнее всех.

Далеко шла слава об удалом, непобедимом витязе Уриәне: все тунгусы о нем знали и слышали, все были известны его подвиги. В то же время жил другой тунгусский витязь, Моһуна, также знаменитый, одолевший многих сильных и главных удалцов-тунгусов. Много слышался и Моһуна об Уриәне, и досадно ему было, что о нем говорят меньше, чем об Уриәне, и завидно; хотелось ему уничтожить славного Уриәна, но вступить с ним в открытый бой он не решился. Слава об Уриәне между тем росла да росла и не давала покоя Моһуна. Наконец, он собрал своих людей и направился к жилищам Уриәна. Жил последний на берегу одной речки, где стоял его чум и чумы его людей. Подкрался Моһуна со своими людьми к речке вечером, уже темнело. Уриән с частью своих людей в это время были дома. Моһуна, со своими людьми, держа в руках свои луки вверх, подобно рогам, стали перебрывать речку. Уриән слышал, что на воле происходит что-то, и, увидев в темноте какие-то торчащие кверху предметы вроде рогов, решил, что это дикие олени.

— Ну, утром поохотимся на них, а теперь темно, — сказал не подозревающий ничего Уриән и успокоился.

Люди его и работники разошлись тем временем по разным делам, кто в лес, кто куда. На одного из них как раз напали люди Моһуна, схватили бедного тунгуса, скрутили и привели к вождю своему. Моһуна посмотрел на схваченного и говорит ему:

— Скажи нам, как узнать твоего вождя, по каким приметам, и мы оставим тебя в живых, а иначе тебе грозит смерть.

Испугался пленник и говорит:

¹ Из „Живой старины“, в. I, СПб. 1908, стр. 362—370, и в. I, СПб. 1909, стр. 90—100. *Ред*

— Когда мы сядем за еду, он один лишь среди нас будет сидеть на камне¹ и, когда ему станут давать пищу, будет подставлять не голую ладонь, как мы, а таловые стружки, чтобы не смягчить на пальцах кожу и мозоли от тисны лука; вы это и примечайте.

— Хорошо, да смотри не проговоришься,—сказал Моуна.

Тунгус ушел и, конечно, никому не проговорился. Прошла ночь, наступило утро. Урийн со своими людьми сел на берегу у костра есть. Но только он принялся за еду, как над головой его прожужжала стрела, пущенная из-за кустов рукой Моуна. Не ожидавший ничего подобного Урийн метнулся с места и одним прыжком, без всякого оружия перескочил через речку, но здесь его догнала вторая стрела Моуна и впиалась ему в икру ноги. Безоружный и раненый Урийн сел на берегу, а враги его тем временем, выскочив из-за кустов, стали осыпая его тучами стрел.

Однако, и безоружный и раненый, Урийн так ловко отстранялся от направленных на него стрел, что ни одна из них не попала в него. Долго стреляли в него, но все без результата. Наконец, Урийн крикнул своим противникам:

— Что же вы один все стреляете? Бросьте и мне кто-нибудь свой лук и стрелы, попробую и я пострелять в вас.

Никто, разумеется, не бросил ему своего лука.

— Ну, все равно, —сказал тогда Урийн,—что мне теперь маяться хрому; скоро вы меня так или иначе доканаете, так стреляйте же хорошенько, —и, закрыв глаза, тотчас же пал, пораженный в нескольких местах стрелами.

Моуна с людьми очень скоро после этого справились и с людьми и с работниками Урийна. Жена Урийна сделалась добычей победителя, но перед тем, как быть уведенной, успела спрятать маленького своего сына под опрокинутый котел.

Довольно далеко от места побоища, в стороне, в лесу, жил престарелый отец убитого Урийна. Туда-то и направился Моуна. Явившись к старику, Моуна с насмешкой сказал ему:

— Убили сегодня одного мойку², но он оказался настолько худ, что даже мозги растаяли³.

Понял старик, какая участь постигла его сына, поник головой и проговорил:

— Как не быть сухим и не стать мозгам, в последние три года си один своей охотой и дичь прокармливал семь семей.

Посмотрел Моуна на старика, на его дряхлость и, решив, что не стоит убивать его, отправился к себе домой. По его уходе старик пошел к месту табора своего сына, увидел его труп, нашел под котлом мальчугана и, взяв его с собой, вернулся к себе домой. Стал старик воспитывать своего внука. Долго ли, коротко ли—известно, сколько прошло времени—мальчик уж подросток, стал резвиться, поигрывать луком, а скоро стал и охотиться. Гоняясь за дичью, каждый раз дальше и дальше от дома стал уходить сын Урийна: что ни день, то он позже и позже возвращался домой. Бродя так по лесам и лугам, между гор и озер, он увидел однажды затесь на дереве, там другую, третью. Затесь была старая, совсем посеревшая. Стал парень проследивать затесь и увидел, что она показывает чей-то путь, идя в одном направлении, правильно и на близком расстоянии друг от друга. Вернувшись домой, парень стал расспрашивать деда: какие это затеси на деревьях? Старик отделился незначител. Заинтересовали парня эти старые затеси, чулось ему, что тут кроется какая-то непонятная для него загадка. Чаще и чаще стал он приходить к этим затесям и пробовать проследить их и чаще и настойчивее расспрашивать о них деда. Спрашивал он его и об отце своем:

— Скажи же, дед, ведь должен быть у меня отец и мать; где же они или что с ними стало?

Но дед упорно молчал. Стал сын Урийна приходить к загадочным затесям еще чаще и проследивать их еще дальше, так что начал уходить не на день, а на несколько дней и настойчивее приставать к старику с расспросами. Видит старик, что парень возмужал и окреп и что его не удержишь: того и смотри, уйдет сам, и рассказал ему все об Урийне и его смерти.

— Был у меня Моуна,—добавил старик к своему рассказу,—посмеялся надо мной и сказал, что на обратном пути сделает затеси, чтобы его могли отыскать, если найдутся какие-нибудь родственники и мстители за Урийна. Но ты, дитя мое, не вздумай преследовать его; ты знаешь теперь, какой у тебя был отец, и не плох должен быть человек, которому удалось убить его; не тебе с ним тягаться.

Не таков был, однако, сын Урийна, чтобы его можно было испугать. Попрошался он со стариком, взял свои охотничьи спаряды и отправился в путь. Долго он шел и пришел, наконец к старому кузнецу. Здесь парень остался на некоторое время и заставил старика ковать себе оружие, а сам занялся охотой и прокармливал старика, пока тот ковал ему. Скоро старик выковал ему броню железную и множество стрел, но, догадываясь о том, кто может быть его заказчик, долго уговаривал его не ходить к Моуна и вернуться обратно. Тот опять-таки не послушался. Тогда старик указал ему путь к Моуна и пожелал ему успеха, и тот снова отправился в путь. Скоро показался лагерь Моуна. Снял сын Урийна с себя броню, колчан со стрелами, отложил лук, спрятал все это в лесу и сам, одевшись в рваную одежку, пошел к чумам. По середине лагеря стоял чум, сделанный лучше и просторнее других. Решив, что это и должен быть чум вождя, парень вошел в него. В чуме были одни женщины, мужчины же ни одного.

Стали женщины расспрашивать парня, кто он, откуда и зачем ходит. Пришелец выдал себя за заблудившегося сироту, случайно набредшего на жилище. Скоро стали слышны голоса возвращающихся с охоты охотев. Сын Урийна выглянул за дверь и, увидев подходящих к чумам людей,

¹ В те времена люди садились за еду не в чуме, а вне его, вокруг костра.

² Годовалый олений теленок.

³ Костный мозг оленя в сыром виде у тунгусов лакомое блюдо. У сухого животного он разжижается и теряет свой вкус, почему выбрасывается.

сразу и безошибочно определил, кто из них должен быть сам Молюна. Действительно, скоро вошел в чум сам Молюна и, заметив новое лицо, спросил, что это за парень. Тот сам повторил ему то же, что перед тем говорил женщинам.

— А накормили ли его? — спросил хозяин баб.

— Кормили, — ответили те.

Стал Молюна тут рассказывать, как он убил когда-то Урияна, как делая затеси, чтобы его могли найти.

— Видно, не было у Урияна родных, — закончил он, — иначе пора бы кому-нибудь притти.

— Гм, так ты хвалишься, оказывается, тем, что убил его хитростью, из-за угла! — воскликнул, сын Урияна, вскочив с места. — Я проследил твой путь и пришел по твоим следам.

Услышав это, Молюна кинулся на него с ножом, но тот успел выскочить. Крикнул тогда Молюна своим людям:

— Держите и убейте этого мальчишку!

Но Уриянов сын был уже далеко; он прибежал в лес, к тому месту, где спрятал свои доспехи, оделся, взял свои стрелы и лук и двинулся навстречу людям Молюна. Тем временем и сам Молюна, одетый и вооруженный, вышел к своим людям, а те уже начали стрелять в пришельца; уже целые тучи стрел летели на сына Урияна, но ни одна не могла попасть в него, так как он увертывался и отклонялся от каждой из них, между тем как люди Молюна один за другим падали, пораженные стрелами пришельца; ни одной стрелы он не пустил мимо; что ни выстрел, то убитый или смертельно раненый. Со свистом летели его смертоносные стрелы, опустошая ряды его врагов. Метко стрелял парень, ни разу не промахнувшись и скоро перестрелял всех людей и работников Молюна. Остались они вдвоем друг против друга; у них уже начали разрываться от стрел медные бляхи брони, а сын Урияна все приближается к своему противнику.

— Пощади, не убей; есть у меня дочь, возьми ее себе в жены; дам я тебе за ней оленей и другого добра, сохрани только жизнь мне, — взмолился Молюна.

Парень опустил свой лук и перестал стрелять. Помирившись, Молюна действительно выдал за него свою дочь. Тут же сын Урияна нашел свою мать. Долго ли прожил здесь сын Урияна — неизвестно, только однажды он собрался в обратный путь. Взял свою жену, мать, оленей с женским имуществом и двинулся в свою сторону. Дорогой, на обратном пути, он охотился. Иногда останавливался и дичал; тогда он ухаживал охотиться на целый день. Однажды на одной из таких остановок их догнал Молюна, хозяина не было дома. Молюна знал это; он давно уже следил за своим зятем и искал лишь удобного случая убить его. Выдача за него своей дочери была с его стороны лишь хитростью, спасшей ему жизнь. Придя в чум, Молюна приказал женщинам собрать всю кладь вокруг чума. Когда женщины исполнили это, он сказал:

— Сын Урияна придет вечером, позани; я спрячусь здесь, между кладью. Вечером, когда он будет возвращаться, вы откройте дверь чума ему навстречу, и когда он осветит его в темноте, я застрелю его.

Женщины не посмели послушаться. Завел Молюна между тюками и стал ждать. Наступил вечер, стемнело. Скоро послышались и шаги человека. Вот они ближе и ближе подходят к чуму. В это время раскраснелась дверь чума и огонь от костра осветил сына Урияна. Охотник подошел к чуму и только стал заносить ногу, чтобы войти, как мимо него прожужжала стрела.

— Ну, Молюна, на этот раз я тебя уже не пощажу, — проговорил сын Урияна, сразу узнав своего врага, и бросился к тому месту, откуда прилетела стрела. Увидев, что промахнулся, что старая опытная рука изменила, Молюна кинулся бежать; но не долго бежал он: стрелы, пушенные верной и сильной рукой Уриянова сына, поразили его на смерть. Так кончил Молюна свою жизнь, а сын Урияна с женой и матерью продолжал наутро свой путь.

2. Оран

Среди иликийских тунгусов был один человек, по имени Оран. Жил он на речке и, переправив ее за собой, добывал себе рыбу. Однажды человек около тридцати тунгусов направились к нему, чтобы убить его. На последнем ночлеге перед встречей с ним двое из них остались хозяйничать, а остальные направились к Орану. Подкрывшись тихонько лесом к речке, они увидели Орана. Тот был на своем заколе. Тут же в воде у закола был вбит развилыстый кол, на котором был повешен его лук. Из предосторожности он не оставлял своего оружия на берегу. Увидев Орана и неразлучность его с своим оружием, тунгусы не решились напасть на него и вернулись обратно. Когда они пришли к оставшимся двум товарищам, те спросили их, убили ли они Орана.

— Нет, — ответили те и рассказали, что видели.

— Эх, вы, столько человек — и побоялись напасть на одного! — заметили два оставшихся тунгуса. — Вы говорите так, как будто вы можете убить его, — возразили те, — так идите же сами и попробуйте убить.

— Что же, мы и пойдем! — сказали оставшиеся и действительно отправились.

Придя к заколу, храбрецы увидели, что Оран там уже нет и что он уключал, причем шел, не выбирая чистые места для своего аргиша¹, как делали и делают обыкновенно, а прорубая целые просеки, если попадалась чаща. Двигаясь Оран поэтому медленно, и тунгусы скоро подошли к нему настолько близко, что могли рассмотреть его, и, зайдя к нему сзади, спрятались за вывороченные корневища дерева, как раз против пути Орана, так что последний в своем стремлении идти прямо должен был непременно выйти на них.

Выбили они в двух местах глину с корневища вроде маленьких окошек и стали ждать. Скоро действительно подошел Оран и всего в каких-нибудь двух-трех сажнях от засады стал рубить

¹ Обоз.

мешавшее ему дерево. Один из спрятавшихся пустил в него из своего окошка стрелу, но промахнулся, так как Оран успел уклониться от нее, прокричав криком какой-то птицы. Страх тут валил на сидевших в засаде, и они бросились бежать. Оран пустил им вдогонку стрелу и убил одного из них. Затем он закричал:

— Эй, подожди маленько, я не убью тебя!

Тот остановился. Подойдя к нему, Оран спрашивает:

— Зачем вы пришли сюда?

— А чтобы убить тебя, — отвечает тунгус.

— А разве вы слышали об Орране, что пришли убить его?

— Как не слышать, все говорят о тебе, вот и пришли мы.

— А много вас?

— Да, порядочно, — ответил тунгус.

— Ну, так я не убью тебя, как и обещал: теперь же ты ступай и скажи своим, что видел Орана и что один из вас поплатился за свое желание убить меня, — и Оран морозно отпустил тунгуса.

Убить его больше никто не пытался.

3. Два брата

Жили два брата: старший, женатый, вел хозяйство, младший же, холостой парень, был лентяй. Однажды жена старшего брата заметила, что к ним подходит три вооруженных луками человека, и сообщила своему мужу. Тот посмотрел и видит, что действительно идут люди и, как ему показалось, довольно подозрительные. Затем старший брат говорит, обращаясь к младшему:

— Слышишь, брат! Если я увижу, что это — дурные люди, то я мигну тебе. Тогда ты скажи, что нужно приготовить дымокур для оленей (здесь надо заметить, что была комариная пора, и, вить, приготовить тихонько отказ и лук).

Брат ничего не ответил. Тем временем пришли замеченные люди, все вооруженные и очень подозрительного вида. Поговорил немного с пришельцами, хозяин мигнул брату, потом еще раз и еще, а тот и не смотрит на него; установил глазами в пол и сидит себе как ни в чем не бывало. В это время один из пришельцев вытащил нож и ударил им в левый; удар пришелся в самое сердце, и парень тут же умер. Увидя это, хозяин кое-как, в чем был, успел выскочить на двор; ни лука, ни чего другого, кроме старого отказа, он не успел с собой захватить и пустился бежать. Пришельцы пустились за ним, но им не удалось догнать его, и он спасся. Некоторое время он скрывался, но потом, когда вернулся наконец домой, то ни жены, ни чума, ни какого бы то ни было платья там уже не оказалось. Все было похищено; даже с брата его, с мертвого, было снято все, и он лежал голый. Ничего не осталось у бедняги, ни поесть или носить чего, ни одеться в чужом, ни укрыться где от стужи; остался он в одном лоскутном платье. Долго скитался бедняк в поисках своих обидчиков, питаясь чем бог пошлет.

— Неужели жена моя, баба умная, не придумает ничего, как нам опять соединиться? — думая он, а сам все искал да искал.

Наконец, ему удалось напасть на их след. Нашел он тут, на месте одного из почтовых, кусочек мяса, спрятанный его женой. В другом месте он нашел старые унты². Так находил он, дня изо дня в день по следам, в разных местах кое-какие необходимые для него вещи. Пока так скитался ограбленный муж, наступила уже осень; пошел снег, начался холод. Скиталец мерз, голодал, ночевал где придется, но шел все вперед, пока, наконец, не открыл убежища своих обидчиков. Однако он не мог ничего поделаться: похитители, три брата, из которых старший владел всем его добром и женой, всегда были на-стороже. Между тем морозы росли. Наконец, в один морозный день, после такой же ночи, старший брат говорит своим младшим братьям:

— Ну, враг наш теперь наверное уже замерз и более не придет, так что опасаться нам нечего больше.

— А пороз³ ваш был охотинчий? — спросил он, обратясь затем к своей пленнице.

— Да, был охотинчий, — ответила та.

— В таком случае я отправляюсь сегодня охотиться, — сказал он, — вы тоже можете идти поохотиться, если хотите, — добавил старший, обращаясь к братьям, и действительно уехал на охоту за дикими оленями. Братья тоже уехали в разные стороны. Осталась пленница одна домовничать. Заметив, что все разошлись из чума, следивший за ними ограбленный муж пришел в чум, где нашел свою жену.

— Ты еще жив? — воскликнула обрадованная женщина.

— Да, жив! Ну, а лук мой еще цел? — спросил в свою очередь муж.

— Цел. Каждый из них пробовал натянуть твой лук, но ни один не смог.

Взял человек свой лук, но, обессиленный долгим холодом и голодом, не мог и сам натянуть его. Женщина накормила его, напоила и спрятала, а пряча дала такой совет:

— Ты теперь голоден и слаб, так не стреляй издали, промахнешься, а выжди лучше и стреляй, когда они сядут за еду, чтобы бить наверняка.

Муж так и решил поступить, а сам спрятался. Время шло; день близился к концу. К вечеру один за другим пришли младшие братья и так же один за другим были убиты мстительной рукою

1 Большой нож в древке.

2 Обувь из оленьих камусов (ножных шкур).

3 Нехолошенный самец.

стрелка. Наконец, последним стал подъезжать и старший брат. Пороз под ним, почуяв старого хозяина, стал хorkать¹.

— Что ты хorkаешь? Или пришел твой старый хозяин? Нет, брат, шалишь, он уже теперь не придет, уж замерз, поди, где-нибудь! — говорил седок, сердясь на оленя и нанося ему удары палкой по рогам. Олень тем не менее не переставал хorkать. Подъехал охотник домой, оглянулся, осмотрелся, но, не заметив ничего подозрительного, вошел к себе в чум. Женщина собрала ему есть, но только он сел и взялся за первый кусок, как свалился, прозенный вражьей стрелой; смертельно раненный, он тут же умер, едва успев сказать вышедшему к нему врагу:

— Там я убил сегодня дикого оленя, так ты не бросай его; он жирный.

Муж же наутро, взяв указанного дикого оленя и забрав с собой жену, свое имущество и все, что принадлежало убитым, поехал на старое место, где жил раньше.

4. Iaha²

В роде Хирагир был один тунгус. Звали его Iaha. Он был знаменитый охотник, проворный бегун, человек ловкий и известный многим тунгусам. Женат был Iaha на тунгуске из Кундагир. Вместе с ним жили и все представители рода Хирагир, так что их было целое общество. Однажды кундагирцы решили истребить род Хирагиров и двинулись на них войной. Дело было весной. Много было кундагирцев, целое войско, вооруженные луками и стрелами. Много было и хирагиров. Придя к жилищам Iaha, кундагирцы начали пускать в хирагиров свои стрелы. Стрелы у них были оперены перьями из крыльев разных птиц. Тут же, среди кундагирцев, был и тесть Iaha; стрелы у него были оперены перьями из лебединых крыльев и резко выделялись среди стрел остальных кундагирцев. Когда началась стрельба, он поднял свою белую стрелу и помаhal ея в воздухе, чем давал знать зятю о своем присутствии. Тем временем, пока он махал, стрелы делали свое дело, и одна стрела угодила в затылок Iaha; когда он отворачивался, уклоняясь от стрел, Iaha свалился. После падения Iaha кундагирцы очень скоро перестреляли остальных хирагиров и затем ушли обратно. Возвращаясь после разгрома хирагиров, кундагирцы дорогой присели отдохнуть. В это время тесть Iaha, выдвинувшись из толпы, сказал:

— Был у моего зятя прекрасный нож; пойду-ка я поищу его!

С этими словами старик вернулся на место побоища. Придя туда, он отыскал Iaha и нашел, что он только ранен и что стрела засела у него в шейной кости. Вытащил он из шеи зятя стрелу, развел ему костер, усадил около костра и сказал:

— Ну, сиди тут; я скоро отделюсь от своих и приду к тебе.

Тесть ушел к своим, а Iaha остался у костра, среди своих убитых сородичей, лечиться от своей раны.

Вернувшись домой, кундагирцы по обыкновению разбрелись на лето. Отделился от всех и тесть Iaha и, отстав от своих, опять вернулся к своему зятю. Здесь он прожил все лето, кормя охотой больного и ухаживая за ним. Скоро Iaha совсем поправился и снова принялся за охоту и свои обычные занятия. Наступила осень. Тесть его опять вернулся к своим. Через несколько лет кундагирцы услышали, что Iaha жив и живет себе попрежнему и что у него опять есть народ, частью остатки не поповавших в разгром хирагиров, частью бродячий безродный народ, приставший к разбитому роду. Налю с Iaha покончить, решили кундагирцы и летом опять пошли на него. Приблизившись к жилью Iaha, они сначала потихоньку разведали, правда ли то, что они слышали. Оказалось, действительно Iaha был жив и около него имелся народ. Было время перед осенью. Iaha с людьми своими занимался охотой на гусей и питался ими. Стоял дождливый день, и Iaha и его люди сидели в чуме и ели гусей. В этот момент к ним незаметно подошли кундагирцы и пальмой³ перерубили верхнюю связку чума. Чум, оставшийся без опоры, рухнул на сидевших внутри, и, когда он придавил их таким образом, враги стали прикалывать их своими пальмами сквозь чумовые ножи⁴. Всех перекололи они, и лишь один вырвался из-под чума и бросился бежать. Кундагирцы бросились догонять его. Один тесть Iaha остался около чума и стал искать своего зятя. Под чумом было тихо; ни звука не слышно, ни стопа.

— Странно, — думал кундагирец — неужто Iaha не мог никак спастись? — и, отворачивая ножи, осматривал убитых, но все это были другие лица.

— Iaha, ты здесь? — окликнул он, наконец, его тихонько.

— Здесь, — раздалось из-под ноков.

Когда чум свалился на сидевших, Iaha понял, как это произошло, и уселся смиренно в середине чума, тогда как товарищи его завопили, стараясь вырваться и тем самым выдавая самих себя, и были все переколоты.

— Ну, так выходи скорее и беги: я один здесь, а товарищи все пустились догонять бежавшего.

Iaha вскочил; у него была лишь одна удочка да колчан со стрелами, вот и все, что он мог в темноте и второпях захватить. Выскочив из-под чума, он пустился бежать. Тесть его стоял тут, около чума, и смотрел ему вслед. Жаль ему было своего зятя, хотелось ему спасти как-нибудь его, но в то же время он боялся выдать себя товарищам и потому, дождавшись когда зять отбежал на значительное расстояние, крикнул своим:

— Эй, что же вы разбрелись и чего смотрите. Ведь Iaha убежал, догоняйте же его!

¹ Хрюканье оленя, напоминающее хрюканье свиньи, на севере называют «хorkаньем».

² В переводе — глаз.

³ Большой нож на древке.

⁴ Нюк — полотнище, сшитое из нескольких плохо выделанных оленьих кож служащее для покрытия чума поверх остова из шестов.

Двое, услышав крик товарища, немедленно погнались за беглецом. Хорошо бегая Іаһа, но и противники его бегали, видно, не дурно. Стали они его догонять. Бежал Іаһа между двумя ручьями, вниз по стрелке, к месту слияния ручьев, и, добежав до него, перепрыгнул через один из ручьев. Только перескочив через ручей, он споткнулся и стал на четвереньки, почему через голову его высыпались из колчана все стрелы. Собрать рассыпанное было некогда; только на ходу он успел поймать одну стрелу и, держа ее в руке, пустился бежать дальше. Преследовавшие его продолжали гнаться за ним, но так и не догнали. Убежав от смерти, Іаһа только и мог начать питаться тем, что добудет своей удочкой. Со временем же он поправился, опять устроился и стал жить спокойно; кулагирыцы больше не преследовали уже его. Обзавелся он семьей, пошел у него дети, выросли, поженились и нарождали в свою очередь детей. Так образовался тунгусский род Хирагир, который и по сие время здравствует и размножается.

5. Умна

Много лет тому назад, в старину, близ речки Киды, впадающей в Котуг, жил тунгус из рода Ельдагир, по имени Умна. Имел он жену и подростка-сына, по имени Уюльгу. Жила семья очень бедно. В те времена у тунгусов не только не было оленей, но не было почти совсем ни ружья, ни лыж. Он был очень беден. Единственно, что он имел в своем распоряжении из средств для пропитания, это — удочки. Уженьем рыбы семья Умна только и кормилась. Удиль все трое в разных конках озера. Зимой прорубали проруби и в них удили, а чтобы было где погреться, разводили тут у проруби костер. Так и жили они, перебиваясь кое-как; когда поймает какую-нибудь пучку, другую — поедят, а когда так и вовсе не поймает и сидит голодом. Жили, жили они так, только Умна стал замечать, что у жены что-то совсем перестала ловиться рыба.

— Что за оказия? — думал он. — Ловилась прежде у старухи рыба, а теперь что ни день, то она возвращается с пустыми руками.

Ломал, ломал Умна над этим голову и наконец осмотреть прорубь, в которой удит жена. Задумано — сделано. Осмотрел он без жены ее прорубь и видит, что там, на дне озера, лежат рыбы кости.

— Ну, сынок, видно, старуха решила уморить нас; должно быть, она тут же у проруби и ест добытую рыбу, так как там, на дне озера, лежат рыбы кости, — говорит он после этого сыну.

На другой день он отправил сына одного, а сам сказал, что придет потом. Сын ушел, но скоро услышал за собой крики.

— Ну, видно, отец убил мою мать, — подумал он, однако не остановился и пошел дальше.

Скоро видит он — идет отец, волоча за собой на веревке весь свой домашний скраб, нагруженный на оленью шкуру.

— Ну, сынок, — сказал Умна, подойдя к Уюльгу, — я убил твою мать; она, оказывается, одна, без нас съедала всю наловленную ею рыбу. Пойдем отсюда, все одно где умирать.

Сказав это, Умна пошел дальше, а сын за ним. Шли, шли они и вышли на одно озеро, где оказались старые человеческие следы. Остановился здесь рыбак и говорит сыну:

— Что же, поудим тут!

И, разойдясь в разные стороны, они стали удить. Спустя некоторое время, Умна заметил на другом конце озера человека, который начал подкрадываться к нему. Это был туринский тунгус, рыбачивший здесь, по имени Киняшкан. Он действительно заметил Умну и начал его скрадывать¹. Увидев, что незнакомец его скрадывает, Умна тотчас же разделся, положил свое платье у проруби наподобие сидящего человека, нахлобучил на него свою шапку, а сам спрятался под яр, в том месте, где должен был выйти скрадывающий его человек, и стал ходить. Скоро Киняшкан действительно вышел из него, не подозревая, что у проруби пустое чучело из платья. Как только он появился под яром, Умна выскочил на него неожиданно и сказал:

— Кто ты скрадываешь? Мос имя Умна, если ты его ищешь!

С этими словами он пустил в него стрелу, которая вонзилась тому в горло. Умер Киняшкан. Нашел у него Умна ружье и лыжи и, захватив их, на этих же лыжах пошел по следам убитого, захватив с собой сына. Завернув за мысок озера, они увидели еще одного человека, занятого уженьем. Заметил их и тот в свою очередь, но так как при нем никакого оружия не было, то, надев свои лыжи, он пустился бежать. К несчастью для него, у него в это время оторвался завязка на лыжах, чем и воспользовался Умна; догнав его, он тут же и покончил с ним. Оказалось, что это был младший брат Киняшкана. Убив второго, Умна отправился дальше по следам и скоро дошел до чума, где нашел жену Киняшкана, которую сделал своей женой. Стал он после этого жить здесь. Сын его не принимал никакого участия в его боях, ни поощрял его, ни порицал. Не долго сидел только здесь Умна. Захотелось ему еще походить с кем-нибудь и убить кого-нибудь и двинулся он к озеру Комешка. На пути к этому озеру он нашел еще одно озеро, где жили три семьи туринских же тунгусов. Заметив их, Умна дождался ночи и, когда все три семьи заснули, вырезал их всех сошными. Озеро с этих пор стало известно под названием Бунида, т. е. озеро могол. Покончив с этим, Умна двинулся дальше. Тем временем снег стал уже сходить, следов никаких уже нельзя было найти. По берегам уже открылась вода, и по ней можно было плавать на плоту. Двигаясь понемногу вперед, Умна однажды вышел на одно озеро, где увидел на плоту человека, ловящего рыбу. Тот в свою очередь заметил его. Оба приготовились к встрече. Но в это время рыболов узнал Умну по его сыну и издали крикнул ему:

— Здорово, отец Уюльгу, а ведь я чуть в тебя не стал было стрелять.

— А, здорово, Майна, ведь и я чуть не убил тебя, не узнал сразу!

¹ Подкрадываться.

Оказалось, что это был знакомый и какой-то родственник Умны из рода Яагир; у него тоже был сын подросток.

— Откуда идешь? — спросил Маймá, поздоровавшись с Умной.

— Да хожу, убиваю, — отозвался тот.

— Ага, но я тоже многих убил, — сочинил о себе Маймá, чтобы тот не стал храбриться над ним.

— Это хорошо, пусть боится, — ответил Умнá, поверив выдумке товарища.

Стали они жить вместе и ставить сообща сети, для чего поселились на озере. Только хоть и знакомы они были и родственники, но все время стерегли друг друга, не доверялись и опасались героломства. Вместе они ходили сети ставить, вместе смотрели их, вместе сидели дома и вместе ходили на охоту; словом, они были неразлучны и не спускали друг с друга глаз. Долго так прожили они вместе. Уже стали зеленеть деревья. Весна стояла уже в полном разгаре. Приятелям стало уже надоедать такое положение; Маймá стал уже утомляться; вечерами ему райше товарища стало хотеться спать, а Умнá вовсе не спал. Однажды Умнá заметил на горах Кяльы огонек и решил сходить туда поохотиться на бродящего по ним человека. Отточил он свою пальму, взял ружье и пошел, а Маймá остался, говоря, что одному нужно остаться при детях и семьях, чтобы защитить их в случае нападения. Ушел Умнá в горы, бродил, бродил в них, но нигде никого не нашел. Человек, повидимому, просто переночевал на них между камнями и ушел; следа никакого не осталось. Долго ходил Умнá по горам, напрасно измаялся, утомился и пошел обратно. Маймá тем временем немного передвинулся на новое место и стал поджидать товарища. Только ему не удалось устроить засаду, так как Умнá во-время заметил его, и они оба вместе пришли к месту новой стоянки. Бабы в это время шли лесом к этому же месту, чтобы собрать дорогой чумовых шестов.

— Эх, бабы-то не знают место и, пожалуй, заблудятся, — произнес Маймá, придя туда.

Умнá кинулся в лес и второпях забыл захватить ружье и пальму. Маймá тотчас же подхватил пооружение товарища и стал поджидать его. Скоро показался Умнá с чумовыми шестами.

— А вот и бабы! — крикнул Маймá.

Остановился Умнá, вспомнил, что забыл захватить оружие и, бросив шесты, кинулся было бежать за ними, но в это время Маймá ранил его из его же ружья в висок и, когда он упал, добил его пальмой. Убив отца, он хотел было убить и сына, но Умльгу так просил у него пощадить, что Маймá оставил его в живых и вместе с его маточей взял к себе.

6. Юраки

Однажды среди юраков потерялся один человек. Ходил ли он на охоту да заблудился или убит был где-нибудь, — никто не знал. Стали юраки искать его и нашли на снегу его след. Дело было весной. Найдя следы, два юрака отправились проследить этот след. Неизвестно, долго ли они шли или коротко, только явственный все время след в одном месте прервался и исчез, словно провалился. Посмотрели юраки туда, сюда — нигде ничего. В это время один из них случайно взглянул вверх и увидел висевшие на ветвях дерева человеческие кишки. Ничего другого не отыскалось, и искатели следов вернулись обратно. Был в это время среди юраков один мудрый человек, к которому все и обращались за советом в трудную минуту. Так и теперь юраки обратились к своему советчику. Тот сказал им:

— Соберитесь в числе ста человек и пойдите на то место, где висят кишки. Там надо будет устроить высокий дом с высокой же трубой, но без окон и без дверей, и прорыть в него издалека подземный ход, так, чтобы его не могли найти незнающие люди.

Так юраки и сделали. Собрали сто человек вместе с советником и отправились. Придя на указанное искателями следов место, они действительно увидели там висевшие на деревьях кишки и по совету своего мудреца построили высокий дом с высокой трубой; ни дверей, ни окон не сделали и прорыли подземный ход. Когда все это было исполнено советчик их и говорит им:

— Теперь возьмите сухожилий и свейте из них веревку такой крепости, чтобы все вместе не могли порвать ее.

Приготовили и веревку. Из веревки этой советчик устроил аркан и насторожил его на трубе дома так, чтобы снаружи не было видно, а свободный конец веревки пустил внутрь дома.

— Тот, кто убил или съел нашего товарища, во всяком случае вернется сюда видимым или невидимым и постарается войти в дом, для чего у него не будет другого пути, как проход в трубу, — сказал мудрец. — Будем же его караулить.

Все пришедшие юраки вошли через подземный проход в дом и стали ждать. Долго они ждали, будет ли что-нибудь. Наконец, однажды наверху, около трубы, послышался шорох. Юраки притихли. Шорох увеличился и послышался у отверстия трубы. Слышно было, как кто-то пытается проникнуть внутрь через трубу. Сидевшие внутри тогда схватились все за веревку и стали тянуть ее. Скоро что-то отделилось сверху и упало вниз. Рассмотрели, оказалось — человеческая рука, только крупнее, чем бывает у обыкновенного человека. Выйдя наружу, юраки увидели два человеческих следа, пришедших к дому, и один обратный. Взойдя на верх дома, они по следам узнали, что в то время, как они тянули веревку вниз, один из пришедших тянул своего товарища обратно, вверх, благодаря чему и оторвалась рука.

Посмотрели засадники на следы — они оказались крупнее обычных человеческих следов и шаг шире. Побоялись юраки идти по этим следам, спустились и хотели было вернуться обратно, но мудрец их настоял на противном; он говорил, что нужно во что бы то ни стало идти по следам и предпринять что-нибудь. Еще раз послушался народ своего советника и отправился за ним. Шли, шли они так лесом и вышли на место с очень крупными деревьями, толще обхвата.

— Стойте, — сказал советчик, — закидывайте аркан на деревья и сваливайте их общими силами по одному.

Закинули юраки аркан на верхушку дерева, затянули его и налегли всей силой. Дерево нагнулось, наклонилось и грохнуло на землю; только гул пошел по лесу. Затем еще свалили дерево, потом другое, третье и т.д.; долго они работали и много повалили деревьев.

— Теперь сделайте по числу нас луки из целых лиственниц и соответствующей величины стрелы и разбросайте их между сваленными деревьями.

Так юраки и сделали. Срубили каждый по две лиственницы и, обтесав их, сделали из одних бревен луки, а из других — стрелы и разбросали все это кругом.

— Ну, теперь ступайте сами домой, я один останусь здесь, — сказал советчик.

Товарищи его действительно ушли обратно, а сам он отошел немного к сторонке, на такое расстояние, чтобы можно было слышать человеческий разговор, спрятавшись там и стал ждать, что будет. Скоро к месту сваленных деревьев подошла кучка людей, человек сто, и остановилась. Был, оказывается, среди них тоже мудрец.

— Что это такое? — спросили прищельцы своего советчика.

— А поиграли, видно, ребята, — ответил тот.

— Что же, поиграем, коли так, и мы, — сказали люди и, подойдя к лесным, стали пытаться валить их.

Но как ни сильны были они, однако для каждого порознь занятие это оказалось непосильным. Не могли они свалить ни одного дерева.

— Хороши, однако, ребята и хорошо поиграли, — проговорили люди, — мы не можем ни одного дерева свалить. Как же мы будем преследовать таких людей? Они перебьют нас, как мальчишек?

— Верисметесь, друзья мои, домой, — произнес советчик, — они убили одного нашего человека, но мы убили одного ихнего человека; значит, человек за человека, и мы с ними квиты; искать нам с них, значит, нечего.

И прищельцы действительно ушли обратно, положив зарок — больше к юракам никогда и не приближаться. По уходе их поднялся с места и юрацкий мудрец и пошел к своим, где и рассказал все, что видел.

7. Дыгыи

Много, много лет тому назад, в старину, жил якутский шаман. Он имел трех сыновей, был беден и слеп. Сыновья охотились и охотой пропитывали себя и отца. Места были не изобильные, и жилось им в общем неважно. Старик постоянно уговаривал сыновей своих покинуть эту землю и переселиться в другие места, но те все отговаривались. Итти же при переселении нужно было через большой горац¹, переход через который требовал семидневного пути. Не было на этом гольце ни озер, ни ручьев, ни ключей каких-нибудь, из которых можно было бы добыть воды для питья; не было там ни леса, ни зверей каких-нибудь, ни птиц. Только трава росла на гольце, да и то не везде, а лишь местами, полосой по лошинам. Долго убеждал старик детей своих переселиться. Наконец, говорят ему сыновья:

— Ты говоришь все — переселитесь, а как же мы перейдем через горац? Разве можем мы семь дней прожить без воды?

— Ничего! Вы не бойтесь, что на гольце нет воды, решитесь только перекочевать, а там мы не пропадем и без воды не будем, — ответил отец.

Сыновья согласились и стали собираться в путь. Сборов у них было не много, богатств никаких не имели. Перед выступлением в путь старик велел сыновьям достать двадцать аршин холста и, распустив его, волочить по траве. Дело было летом; шли, выбирая травяные места. Утром холст намокал от росы; тогда доставали котел и выжимали в него воду из холста; затем холст собирали и шли дальше. Так они добывали себе воду и шли через горац. Через семь дней переселенцы спустились к реке, изобилующей рыбой и дичью. Основался старик с сыновьями здесь жить: сыновья попрежнему охотились, но только охота здесь была легче и богаче добычей. Стали переселенцы жить да поживать на привольных местах без хлопот и забот. Каждый день уходили сыновья на охоту и возвращались обремененные добычей. Однажды молодые охотники по обыкновению ушли на промысел и разбрелись за дичью в разные стороны. Один из братьев, увлеченный преследованием зверя, зашел слишком далеко от дома и заблудился. Долго ходил он, ища выхода из леса, но никак не мог выбраться из него и только дальше уходил от дома. Когда прошла ночь, он, утомленный ходьбой, завалился спать. На другой день повторилось то же самое: желая поспать, он только удалялся от него. Каждый день он до усталости шел, стараясь отыскать своих, и с каждым днем отбивался от дома все дальше и дальше. Целых три года блуждал он так, питаясь охотой. Никто не знает, как он выжил. Шел он так однажды лесом, потеряв уже всякую надежду отыскать когда-нибудь своих. Вдруг перед ним мелькнуло среди деревьев что-то странное. Он подошел поближе и увидел человека, занятого свежеванием только что убитого сохатого, но поразило его то обстоятельство, что не было у него никаких признаков головы. Страх взял охотника, но голод превозмог страх; дело было зимой, и он несколько дней уже не ел как следует; к тому же он подумал, что и бежать ему без лыж было некуда, а у безголового были лыжи, да не простые, а медные, обтянутые кожей. Взвесив все это в уме, якут смело направился к странному человеку. Тот его принял, привел к себе в жилище, бывшее тут неподалеку, и накормил его. Во время еды он заметил, что рот у его хозяина был на спине, на том месте, где должна была начинаться шея, и что при жевании у него подымались и опускались

¹ Чистое, голое, безлесное место (Даль).

вроде движения челюстей. Тем временем наступил вечер, и хозяин с гостем улеглись спать. Ночью, когда безголовый уже заснул, охотник осторожно встал и кончиком ножа сделал поперечные нарезки на лыжах хозяина, а сам пустился бежать. Спустя немного до него сади стали доноситься страшные крики, но никто его не догнал. Он был уверен, что безголовый не заметил нарезок на лыжах, наступил на них и сломал но все же продолжал бежать. По странной случайности это же бегство спасло его от бесцельного шатания и привело домой, к отцу с братьями.

Прошло много лет. От старика-шамана и его сыновей и следов не осталось. Только сохранилось о них предание, но зато осталось от них многочисленное потомство. От старика и его сыновей произошёл целый народ. Богато жили потомки шамана. На лугах у них паслись огромные табуны лошадей и стада рогатого скота; леса изобиловали зверем и дичью, на речках и озерах не переводилась рыба. Над этим народом властвовал могучий Дыгын, самый сильный и храбрый человек из всего племени. Богат и славен он был среди своего народа, и никто не мог сравниться с ним ни силой, ни богатством, ни хитростью. Были у него подручные люди, тоже лучшие и сильнейшие люди из всего племени после него, а среди них выделялся один, богатырь Чалла, уступавший в силе одному Дыгыну. Жил себе Дыгын среди своего народа и спокойно царил над ним, не зная ни забот ни хлопот; все его слушались и повиновались. Никого и ничего не боялся он, уверенный в своей силе и многочисленности своего народа. Множество работников пасло на лугах лошадей и коров, а свободные люди, кто одиночкой, кто группами, охотились в лесах и горах или рыбачили по речкам и озерам. Однажды группа из нескольких человек отправилась поохотиться. Долго бродили они в лесах, гоняясь за дичью; бродили несколько дней и зашли далеко от своих жилищ. Гоняясь за зверем, в один день они набрали в лесу на жиле одной вдовы. Около двери лежал самострел с семью нарезками на ложе для тетивы лука. Стали они пробовать его натягивать, но лук так туго, что лишь немногие натянули его до первой нарезки и только один — до второй. После этого охотники вошли в жилище, где застали только одну женщину. Стали разговаривать с ней, оказалась она тунгуской. Спросили ее, из скольких человек состоит ее семья. Она ответила, что их только двое с сыном.

— Где же он у тебя? — задали вопрос гости.

— На охоте, — ответила хозяйка.

— Как же он оставил свое оружие?

— Какое? — спрашивает в свою очередь женщина.

— Да вот то, что лежит на дворе у дверей, — говорят охотники.

— Ну, какое это оружие, — отвечает хозяйка, — это игрушка, которой баловался сын, когда был маленьким.

Скоро охотники ушли домой и, возвратившись к себе, рассказали обо всем, что видели и слышали. Удивился Дыгын, как это до сих пор никто ничего не слышал о таком силаче, и велел разыскать Чаллу. Когда тот явился, он, дав ему еще трех отборных силачей, послал его посмотреть и разузнать, что и как, и правда ли то, что сообщали охотники. Отправился Чалла указанным путем и через два дня дошел до жилища вдовы. Подойдя к дверям, он увидел тот же самострел и, упершись ногами в лук, обеими руками стал натягивать тетиву, но как ни старался, едва натянул за третью нарезку; до четвертой не мог. Затем, войдя в дом, он также нашел там одну лишь хозяйку. Сын ее опять был на охоте. Поговорив со вдовой, Чалла отправился обратно сообщить своему властителю о том, что он узнал. Вечером вернулся с охоты сын вдовы. Мать сообщила ему, что два раза у нее были якуты и оба раза пробовали натянуть его самострел.

— Каким путем они пришли? — спросил он.

Мать указала ему направление и добавила, что и в первый раз пришли с той же стороны. На другой день охотник-тунгус отправился по следам якутов. Придя к их местам, он увидел громадный табун лошадей, гонимый множеством работников, но не остановился, а пошел дальше, вперед табуна, по тому же направлению, по которому гнали табун. На пути ему попался холмик. Охотник взобрался на него и сел в ожидании табуна. Скоро действительно подошли лошади и стали проходить с двух сторон холма. Тогда тунгус взял свой лук, вставил стрелу, натянул лук и выпустил стрелу в табун. Стрела проскочила сквозь четырнадцать лошадей. Тогда он встал и пошел обратно домой. Пастухи же, придя к Дыгыну, рассказали ему о том, как совершенно неизвестный им человек одним выстрелом убил из их табуна четырнадцать голов и ушел обратно. Снова Дыгын призывает Чаллу и начинает совещаться со своими людьми. Наконец, они заставляют пригнать табун лошадей и, привязав их в одну шеренгу, начинают пробовать, кто сколько лошадей может прострелить. Оказалось, что простреливал одну, кто две, кто три; редкие простреливали четыре и пять, и только один Чалла прострелил семь лошадей. Сам Дыгын не пробовал стрелять. Попробовав на лошадях свою силу, Дыгын и его люди пришли к заключению, что бороться и воевать им с незнакомцем было бы не под силу.

— Нам не справиться с таким человеком, — говорил Дыгын, — лучше же постараться мы заслужить его расположение и сделать его своим человеком. Иначе он перебьет всех нас. Пусть отправятся к нему несколько человек во главе с Чалдой и скажут ему: „Дыгын ищет твоей дружбы и расположения и хочет выдать за тебя свою дочь. Сделайся нашим человеком и живи с нами“.

Так и сделали. Послы Дыгына точно исполняли то, что он им приказал. Тунгусский витязь охотно согласился на такое предложение и вскоре явился к Дыгыну. Тот его радушно принял и стал угощать. Было лето, стояла жаркая пора. Дыгын налил своему гостю в нескольковедерный деревянный сосуд разбавленного слегка водой кумыса. Гость поднял сосуд и только приложил губы, чтобы пить, как хозяин ударил в него копыем, но копые ударилось в пустое место на нарах. Гость успел во-время отскочить, но сделал это так легко и свободно, что не расплескал ни капли из сосуда. Видит Дыгын, что не одолеть ему никак тунгусского витязя, и говорит ему:

— Ты, друг, не обижайся и не сердись; не убить тебя я хотел этим ударом, а испытать твое удайство. Вижу теперь, что недаром так славят тебя, и я охотно выдам за тебя свою дочь.

Гость принял это за искренность и успокоился, хотя и был все время настороже. Скоро он женился на дочери Дыгына и зажил среди якутов. Четыре года он прожил среди них и все время был настороже. Ни разу за это время якуты не обнаружили своих враждебных намерений. Через четыре года он уже перестал опасаться, стал считать якутов своими друзьями и бросил свои предосторожности. Заметив это, якуты еще подождали с год, а на шестой убили его хитростью во время сна. Так погиб доверчивый тунгусский витязь, но не долго торжествовал и сам Дыгын.

Скоро пришли в его землю русские и стали воевать с ним. Однако у Дыгына было столько народа, что он мог противостоять им. Тогда русские, видя, что силой им не одолеть Дыгына, предложили ему мир и дружбу. Дыгын принял мир. Решили новые друзья отпраздновать свой дружеский союз и прекращение войны. Русские устроили пир и пригласили на него новых друзей. Во время пира гостей поили водкой — напиток до того времени неизвестный якутам. Пил и Дыгын, конечно, вместе с другими, и как ни был силен и крепок, но и он стал пьянеть и пошатываться. Скоро все гости были уже пьяны, а русским этого только и надо было. Когда якуты перепились все, русские напали на них и всех перерезали. Так кончил жизнь свою вероломный марь¹ якутов, а с ним падо и его царство.

В. Н. Васильев

ОБРАЗЦЫ ТУНГУССКОЙ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ²

Пересказ

1. Два шамана

Легенда

Были два знаменитых шамана, и захотелось им посмотреть на те места, где зимует птица. Обратились они в лебедей и подлетели осенью с лебединым стадом. Прилетели туда, где зимует птица; оказалось, что там тепло и что нужно линять. Все лебеди собрались линять.

— Как же нам-то быть? — советуются шаманы. — Нужно ведь и нам линять.

— Я буду линять вместе со стадом, — говорит один.

— А я буду линять где-нибудь совсем в стороне, а то, пожалуй, лебеде узнают и забудут на-смерть, — говорит другой.

Так и сделали: один стал линять со стадом, другой — где-то в стороне, скрываясь. Первого без перьев лебеде узнали и избили так, что он тут же умер, а второй, скрывшись, благополучно выжили и вернулся домой.

2. Лебедь

Рассказ

Когда-то в старину жил старый ворон со старухой женой. Была у них молодая дочь. Хотя старики были сами и неряшливы и нечистоплотны, но дочь у них была красавица. Увидел ее однажды лебедь; понравилась ему молодая ворониха. Решил лебедь свататься за нее. Старики, родители лебедя, не соглашались на союз своего сына с дочерью старого ворона. Тем не менее молодой лебедь присватался к молодой воронихе и, как видный и знатный жених, разумеется, получил согласие. Оставалось только сыграть свадьбу. Позвал старый ворон своего будущего зятя к себе в дом на свадебный пир. Поставили перед гостем стол (неизвестно, были ли тут родственники лебедя); невеста села со своим женихом рядом. Принесли в деревянной чашке какое-то кушанье и поставили на стол. Хотел было лебедь закусить, но только прикоснулся клювом к блюду, его сейчас же стошнило, так скверно пахло от поставленного кушанья. Противно стало лебедю; поднялся он из-за стола и улетел к себе, сбросив при полете со стола блюдо. С тех пор лебедь заказал, чтобы никто из лебедей не женился на дочерях ворона, так как вороны очень плохо едят, а ноги его и конец клюва, которыми он прикасался к блюду ворона, стали черными и уже никогда не могли отмыться.

3. Сын старика и старухи

Сказка

Жил старик со старухой. Очень стары они были; быть может, им было лет за девяносто, а может, и за сто. При том они были крайне бедны; не было у них ни скота, ни запасов. Питались старики чем и как придется. Наконец им стал угрожать голод; стало трудно добывать хоть что-нибудь.

— Как же будем жить теперь? У нас нет ничего! — говорили они друг другу уныло.

Думал, думал старик, гадал, гадал и наконец решил идти странствовать по свету; авось, что-нибудь и подвернется. Решил так старик и говорит однажды старухе:

¹ Тунгусы называют Дыгына царем якутов (по-якутски — саха ырахтабыта).

² Из „Записок Русского Географического общества по отделению этнографии“, т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 19—40. Ред.

— Ну, старуха, живи себе с богом, а я пойду искать, не найду ли где чего-нибудь. Буду ходить я три года.

Старик ушел. Долго ходил он по разным местам, питаясь кое-как тем, что найдется, но, прохолодив напрасно три года, вернулся назад, не найдя ничего. Возвратясь домой, старик застал свою старуху бьющуюся какого-то мальчугана.

— Откуда, старуха, тебе бог послал такое добро? До старости дожили, а ни разу его не было? — воскликнул он, увидев ребенка.

— И сама не знаю, старик, — говорит старуха, — проснулась однажды утром, а он лежит у меня на постели.

Стали старики воспитывать ребенка. Тот рос с каждым днем. Прошло несколько дней, может быть, месяц какой-нибудь, а из ребенка вырос уже здоровенный детина, мужик целый. Время шло. Парень уже совсем вырос, возмужал и окреп. Прошло еще несколько времени. Сын и говорит отцу:

— Отец, набери-ка восемь сум земли.

Стал старик набирать землю в сумы; трудился, трудился он, устал, изнемог; уж очень он был стар и слаб, но все же набрал сколько нужно земли. Взял сын сумы с землей и говорит отцу:

— Ну, отец, смотри по ту сторону балагана¹; как я брошу суму через балаган, там окажется лошадь.

Стал сын перебрасывать сумы с землей, и действительно, как перебросит суму, появляется лошадь, перебросит другую — вторая. Так он перебросил все восемь сум, и за балаганом очутились восемь лошадей.

— Это не простые лошади, — говорит сын, перебросив все сумы, — они испражняются не простым калом, а лошадьями же.

И в самом деле: как выложит какая-нибудь из этих восьми лошадей кал, сейчас же появляется новая лошадь.

— Ну, отец, теперь у тебя есть чем кормиться, голодать больше не будешь, — говорит сын.

Разбогатели старики; что ни день — прибывают да прибывают у них лошади. Всюду разбросались табуны старика, и развелось у него лошадей несметное число. Долго ли, коротко ли, только стал сын скучать у стариков. Стала прибывать у него сила могучая; стало его тянуть с кем-нибудь податься, потягаться, силой померяться, кости поразнять. Добыл он себе подстать сильного коня, железного, крылатого, и так стал говорить отцу:

— Ну, отец, питания я тебе достал вдоволь, лошадей у тебя много. Живи себе с богом, а я поеду поборознить по свету, богатырей поискать, силой потягаться. Если жив останусь, вернусь к вам когда-нибудь; если ж убьют, ну, прощайте тогда и не поминайте лихом.

Попрощался витязь молодой со своим, с матерью, сел на коня, свистнул, и только его и видели старик со старухой. Долго ехал витязь по горам, по лесам, по долинам. Стал он подъезжать к трем богатырям. Испугались двое из этих богатырей топота его лошади и попадали в обморок. А третий, сказав: „Эх, вы, испугались сына старика со старухой. Вот я усмирю его“, — пошел к нему навстречу. Завязался бой. Но недолго дрались они. Ударил стариков сын раз своего противника пятидесятипудовым посохом, другой раз, третий — слабость стал тот. Скоро он его и совсем убил и искрошил на мелкие кусочки. Не тропив двух товарищей убитого, победитель сел на своего коня и уехал дальше искать приключений. Много и долго он ездил по свету, много увидел и стран и людей, много раз дрался, многих убил. Нигде не нашел себе равного. И возгордился витязь. Думал он уже, что нет ему равного, что он только один и есть на свете сильный, славный и могучий богатырь. Заспесивился он; стал горд и заносчив. Едет он так однажды, преисполненный гордости, а конь его и говорит ему:

— Нужно, хозяин, вернуться! Пора! Не сдобровать нам, если двинемся дальше. Гибель нас ждет впереди, вернемся!

Рассердился витязь на свою верную лошадь, ударил ее своим пятидесятипудовым посохом и говорит:

— Глупое животное. Я тебя сделал, и ты же хочешь учить меня! Умней меня хочешь быть? Еще побил он свою лошадь и поехал дальше. Вдруг на пути его перед ним предстал маленький человечек, совсем карлик, и говорит ему:

— Ты, сын старика и старухи, сделался слишком силен и хочешь стать сильнее меня. Я тебе не давал такой силы. Ты зазнался и слишком возгордился, так что мне надо смирить тебя. Я уже давно жду тебя здесь.

Сказав это, карлик исчез. Богатырь был сначала крайне удивлен речами карлика и не мог сообразить даже, в чем дело, но потом, по исчезновении того, опомнившись, очень рассердился.

— Ах, ты! Еще разговаривает. Зачем я его не убил? Надо было убить. — И поехал дальше. Не проехал он, однако, и десяти шагов, как заметил перед собой стоящего на пути богатыря гигантского роста, выше леса стоячего. Подъехал к нему стариков сын и говорит:

— Как: добром будем говорить или по-худому встретимся?

— Вот мой посох лежит, — кивнул тот в сторону, — подними его, попробуй; поднимешь, ну, тогда и разговаривай со мной.

— Вот где наш конек! — молвил конь своему хозяину.

— Молчи! — ответил тот и, слезши с коня, стал поднимать посох.

Но только он взялся за него и попробовал поднять, как ушел по колени в землю; еще понатужился — увяз по пояс, а посох лежит, как и раньше, словно его и не трогали. Собрал тут гор-

¹ Так называют якуты юрту.

дый витязь все свои силы, уперся руками в посох, попробовал поднять и ушел в землю по шею. Тогда только понял он, что пришел тут его конец, смерть пришла, и стал завещать:

— Пусть голова моя станет столовой горой, спинной хребет — горною цепью, а ноги и руки — горными хребтами.

Так сын старика и старухи, могучий богатырь, слишком возгордившийся своей непомерной силой, погиб, обратился в столовую гору, хребты и горную цепь.

4. Богатырь-карик

Сказка

Жили-были десять человек, очень сильных; каждый из них мог поднять сто пудов. Однажды они сидели за едой. В это время к ним пришел маленький, худенький парнишка и сказал:

— Здравствуйте, господа.

— Здравствуй, — ответили те.

Гостя не пригласили сесть, не дали ему никакой отдельной посуды, а просто каждый отрезал от своей доли по куску мяса и поделился с ним. Пока парнишка ел мясо, хозяева расспрашивали его, не знает ли он богатырей где-нибудь, так как они-де такие богатыри, что каждый из них поднимает сто пудов, и что они хотели бы сразиться с кем-нибудь. Гость ответил, что не знает богатырей. Тем временем один из хозяев поднялся из-за еды и спустился зачем-то в погреб. Парнишка, кончив есть, обратился к хозяевам с вопросом, кто из них старший, чтоб он мог поблагодарить его за угощение. Те грубо ответили:

— Все мы хозяева; благодари всех.

— Почему я знал, кого нужно благодарить? — сказал на это парнишка, но сказал это таким громовым голосом, что все сидевшие за едой девять человек тут же и умерли от испуга. Жив остался лишь тот, кто был в погребе, но и он выскочил оттуда, смертельно испуганный.

— Хочешь быть моим товарищем? — спрашивает его парнишка.

— Хочу, — отвечает хозяин, трясаясь от страха.

— Ну, так идем со мной, — и с этими словами парнишка вышел из чума; хозяин за ним.

Здесь парнишка завязал своему спутнику глаза и, посадив его на что-то, поехал. Долго ли они ехали, коротко ли, только, приехав в одно место, остановились. Силач снял с себя повязку и видит: перед ним прекрасный чум. Парнишка открыл дверной полог и юркнул вовнутрь. Хотел туда же войти и богатырь наш, но как ни старался, не мог открыть дверь; нюк¹ был так тяжел, что он не был в силах даже приподнять его край. Наконец, спустя много времени привезший его хозяин вспомнил о нем и сказал своим ребятишкам, что там, за дверью, стоит, должно быть, приехавший с ним худенький мужичок, напрасно силясь открыть дверь. Ребятишки подняли нюк, и силач вошел в чум. Здесь он увидел, что привезший его человек, которого он принимал за парнишку, был отцом множества крошечных ребят, которые были много сильнее его, хотя их и едва видно было с земли. Угостили его хорошо, много было разной вкусной пищи.

Прошло дней пять-шесть. В одно утро хозяин спрашивает гостя:

— Хочешь ли быть моим спутником и товарищем?

— Хочу, — отвечает тот, не смея отказаться.

— Ну, так поедем.

Они вышли. На дворе стояла огромная лошадь. Опять маленький хозяин завязал глаза своему спутнику, и они поехали. Долго ли, коротко ли, приехали к одному прекрасному дому.

— Это мой дом, — говорит хозяин, — я живу здесь, когда собираюсь сражаться с богатырями. Теперь здесь, недалеко отсюда, есть три брата — богатыри, с которыми я и приехал биться.

Вошли в дом. Еды и питья здесь было довольно, ни в чем недостатка нет. Поели и легли спать. Наутро хозяин, выходя на двор, говорит:

— Сегодня я буду сражаться.

Скоро вслед за ним вышел и спутник его; но только он вышел, видит, что к нему идет огромный человек, выше леса стоячего. Товарищ маленького человека страшно испугался и стал низко кланяться незнакомцу. Тот и говорит:

— Что ты кланяешься, разве не узнал твоего товарища? У меня тут есть такая вода, выпив которой, я становлюсь таким большим. Только ты не рассказывай никому об этом. Ну, я пойду теперь драться, а ты сиди здесь и, если услышишь сильный шум и гром, не пугайся и не бей коня, чтобы уехать на нем. Если меня убьют, он сам уйдет отсюда и может спасти тебя. Сегодня я буду драться со старшим братом.

С этими словами великан ушел. Спустя немного времени оставшийся услышал страшный шум и гром и бряцание оружия. У него даже в глазах потемнело, как будто от страха, и он, сев на коня, стал понукать и бить его изо всей силы, чтобы уехать, но лошадь не повела даже ухом. В это время он увидел хозяина последней, окровавленного и усталого бредущего обратно.

— Ну, слава богу, с одним справился и теперь могу спать. Если ты услышишь какой-нибудь шум, буди меня, а если не сможешь добудиться, возьми молоток и бей меня им по лбу.

Говоря так, великан вошел в дом и тотчас же завалился спать. Три дня и три ночи проспал утомленный хозяин. На четвертый день товарищ его услышал какой-то шум и бросился будить его. Но как ни кричал он, как ни бил, ни толкал спящего, тот спал себе попрежнему и ничего не чувствовал. Тогда силач вспомнил о молотке и, взяв его, три раза ударил им богатыря по лбу изо всей силы. Тогда только проснулся спящий. Сообразив, в чем дело, он встал, оправился, основа-

¹ Нюк — полотноще, сшиваемое из нескольких оленьих замш и служащее для покрытия чума. Дверной проход закрывается концом одного из таких полотнищ.

тельно поел и затем, сказав своему товарищу, что теперь он идет сразиться с средним братом-богатырем и чтобы товарищ его остался ждать здесь и напрасно не бил лошадь, так как она все равно никуда не уйдет, пока он жив, он ушел из дому. Скоро биять донесся до оставшегося страшный шум, гром и бряцание; на этот раз ему показалось даже, что как будто небо потемнело, и перетрусивший мужик снова, забыв предупреждение, взобрался на лошадь и стал бить и погонять ее, чтобы убраться из страшного места; но лошадь попрежнему стояла как вкопанная. Через некоторое время вернулся хозяин, избитый и окровавленный еще более, чем в первый раз.

— Ну, бог помог и со вторым справиться. Этот был посильнее старшего брата. Теперь остался самый младший брат, самый сильный и страшный. Устал я, утомился и сейчас лягу спать.

Сказав это своему товарищу, богатырь вошел к себе и тотчас растянулся. Ложась, он сказал товарищу, чтобы тот разбудил его через пять дней. Ровно пять суток проспал он без просыпу. На шестые сутки товарищ разбудил его тем же порядком. Поевши как следует, великан опять ушел сражаться. Через некоторое время стали слышны такой страшный шум и гром, что бедному мужику небо стало казаться то белым, то красным, то черным. Наконец, спустя много времени возвратился боец, избитый и израненный более, чем когда-либо раньше.

— Ну, слава богу! Убил и последнего, — сказал он, подойдя и передохнув немного; — это были последние богатыри на земле; теперь уж не будет больше таких.

Спустя некоторое время он спохватился:

— Эх, жаль, забыл захватить золотое кольцо, надетое на мизинец убитого сегодня богатыря; надо было взять. Ну, да все равно лягу спать. Теперь я могу спать целую неделю; опасаться более некого, — и богатырь залег спать.

Долго сидел мужик дома и думал со скуки об убитых богатырях. Хозяин все спал. Захотелось мужику посмотреть убитых, но он не решался на это, так как спящий товарищ, перед тем как лечь, предупреждал его:

— Смотри, не вздумай ходить на место боя; последний богатырь очень худо лег.

Но, наконец, мужику нестерпимо стало сидеть; охота посмотреть на убитых перемогла страх, и он отправился. Недолго ему пришлось идти. Только он вышел на другую сторону леса, как видит — лежат недалеко друг от друга три человека, такие огромные, как отдельные холмы. Последний, недавно убитый, лежал, как-то свесившись корпусом, на правом боку, положив правую руку на левое плечо; на мизинце же этой руки блестело прекрасное золотое кольцо.

— Ах, какое хорошее кольцо, надо снять его, — подумал мужик и взялся было за руку убитого; но только что он коснулся руки, как она скатилась с плеча и придавила его, как пасть¹.

Таким образом он оказался придавленным и, как ни пытался освободиться, не мог. Долго так пролежал он тут. Мертвец уже начал разлагаться и пахнуть, а он все лежал; едва живой, мучимый голодом и жаждой. Наконец, через неделю, проснулся уснувший богатырь и, хватившись своего товарища, пробормотал про себя:

— Дурак этот наверное пошел на место боя.

Сказав это, он пошел туда и сам освободил своего еще живого спутника. Затем богатырь снял с убитого золотое кольцо и надел его, как обруч, вокруг туловища своего излеченного товарища, говоря:

— Носи, если нравится, — после чего они оба вернулись домой.

Придя туда, хозяин сходил ненадолго в лес, откуда вернулся попрежнему крошечным человечком. Покончив так со своими делами и приняв прежний облик, карлик с товарищем поехали домой, к семье хозяина.

Сколько времени по своему возвращении они прожили там — неизвестно. Только говорят однажды хозяин своему товарищу:

— Сколько пудов, ты говоришь, можешь поднять?

— Сто, — отвечает тот.

— Ну, что ж, эго хорошо, — говорит хозяин, — и я могу поднять пудов с тысячку; оно и ладно. Пойдем в город за покупками.

— Пойдем.

Пошли. Приходят в город и ходят по лавкам; маленький идет впереди, большой сзади. Все смотрят и дивятся. В одной лавке разговаривают друг с другом два старых купца, обращаясь частью к пришельцам или, вернее, к спутнику карлика. А надо заметить, что карлик предупредил своего спутника, чтобы тот как-нибудь не проболтался о богатырях.

— Были здесь, не так далеко отсюда, три богатыря, — говорит один купец. — Каждый год они писали в наши города, а нынче что-то нет письма. Что с ними случилось? Не слышали ли вы чего-нибудь о них? — обратился купец с вопросом к пришельцам.

Только что мужик открыл было рот, чтобы сболтать, что ему было известно, как маленький спутник слегка толкнул его, чтобы тот молчал. Но как ни слабо толкнул карлик, толчок, однако, был так силен, что раздробил ноги спутнику, и тот со стоном свалился на пол. Тут карлик внезапно исчез, словно в воду канул, а товарищ его, оставшийся один, рассказал все, что ему было известно.

5. Хуляк и ковшичан²

Сказка

Жили два приятеля — хуляк и ковшичан. Были они семейные, имели по несколько детей и жили на берегу реки, в двух чумах по соседству друг с другом. Однажды друзья, соскучившись сидеть дома, решили поехать вверх по речке. Сказано — сделано. Приготовили две ветки³, взяли с собой

¹ Пасть — ловушка для ликого зверя.

² Хуляк (хуля́н) — лисица; ковшичан (ковші́чан) — мелкая лесная птица.

³ Челюски.

кой-какой запас провизии и в одно утро двинулись в путь. Ехали тихо; река была спокойная, течение незаметно. Ночью дорогой, вытаскивали свои ветки на берег и ставили их носом туда, куда лежал их путь, чтобы по ошибке не ехать обратно. Долго плыли приятели; может быть, неделю, может быть, две прошли, как они расстались со своими чумами. Ничего особенного за время пути им не подалось. Стали в это время зарождаться у хуляна дурные мысли. На одном ночлеге, когда ковшичан уснул, хулян незаметно для товарища повернул ветки носом обратно, вниз по реке. Наступило утро. Ковшичан проснулся и стал будить товарища.

— Вставай, пора уже ехать.

— А разве рассвело уже?

— Рассвело, скоро уже день.

Встали приятели, сели в свои ветки и двинулись в путь. Течения попрежнему не было. Ковшичан не заметил, что едут обратно, и плавил спокойно. Долго плыли. Наконец, впереди почлись олени; их было не много, всего штук, может быть, десять, пятнадцать. В те времена вообще было не много оленей; штук десять, много двадцать у одного человека.

Подъезжают ближе.

— Что это, как один пороз похож на моего? — удивляется ковшичан.

— Глупый! Разве у тебя одного есть олени? — возразил хулян. — Мало ли бывает по ожих друг на друга оленей. Даже люди встречаются совсем одинаковые.

— А знаешь что, — сказал хулян немного спустя, — давай убьем этого оленя и съедем.

— Что же, давай, — ответил ковшичан.

Пороз ковшичана был убит и съеден. Проплыв еще немного, приятели увидели д. чума. Заметив их, хулян остановил своего товарища и говорит:

— Ковшичан! Видишь ли впереди два чума? Я раньше бывал здесь и немного знаю эти места. В этих двух чумах живут две женщины, и у каждой есть дети. Пойдем туда, перебежим их всех с детьми и угоним их оленей к себе домой. Хочешь?

— Ладно, — ответил ковшичан.

— Только вот что, — говорит хулян, когда ты будешь перебивать в том чуме, я покочу с этим чумом. Помни, что женщины эти очень хитры. Баба в том чуме, когда ты станешь убивать их, будет кричать тебе: „Муж, муж! что ты делаешь, зачем ты убиваешь своих детей! Иди с ума сошел!“ Дети, наученные матерью, также станут кричать: „Отец, отец! Зачем убиваешь нас! С ума сошел!“ Но ты не слушай их, это одна только хитрость, и убей их скорей.

— Ладно, — ответил ковшичан, — а ты так же сделаешь?

— Ну, конечно, — ответил хулян, и заговорщики разошлись по двум чумам: хулян пошел в свой чум, ковшичан в свой. Войдя к себе, хулян подговорил жену кричать: „Муж! Что ты делаешь? С ума сошел, что ли? Зачем убиваешь своих детей!“ А ребят своих научил кричать: „Отец, отец! Зачем убиваешь нас, с ума сошел, что ли?“ Научив их так, хулян начал стрелять из лука в чумовой шест, к которому прикреплена была перекладина с крюками для чайника и котла, а жена и дети хуляна принялись кричать и выть по его уговору. Услышав шум и крики в соседнем чуме, ковшичан начал расстреливать своих детей. Как ни плакали, как ни молили его жена и дети, он был неумолим и живо покончил со своей семьей. Когда, перебив своих, ковшичан явился в соседний чум, хулян стал хохотать над ним.

— Ха-ха-ха! ха-ха-ха! Я ковшичана обманул, и он убил своих детей; я ковшичана обманул, и он убил свою жену! Ха-ха-ха!

Горько стало ковшичану, обидно. Стал он думать, как бы отомстить вероломному другу. Время шло. Наступила осень. Пошел первый снежок. Озерки покрылись льдом.

Говорит однажды ковшичан хуляну:

— Пойдем за озеро, поохотимся немного.

— Что же, пойдем, пожалуй, — отвечает хулян, думая, что добродушный ковшичан позабыл уже обиду. Нужно было перейти через озеро. Легкий ковшичан пошел передом и шел, едва касаясь ногами льда и помогая себе слегка крыльями (хоть и люди они тогда были, а у ковшичана имелись крылья).

— Ковши, ковши! Лед что-то трещит под ногами, — говорит хулян.

— Полно, лед уже крепкий, — говорит ковшичан, — стучат только об лед мои слезы о моих детях.

Побежали дальше, но только сделали несколько десятков шагов, лед под хуляном обломился, и он погрузился в воду.

— Ковши, ковши! Помогн, я тону! — кричит хулян. — Тащи жердину.

— Сейчас.

Ковшичан побежал на берег и притащил оттуда жердь; но только жердью он не помогал выбраться хуляну, а наоборот, давил тонущего. Хулян барахтался, барахтался, но наконец устал и пошел ко дну. Но не такой он был парень, чтобы погибнуть. Пошел хулян ко дну и полая к язам. Узнали его язи и спрашивают:

— Ты, хулян, не шаман ли? У нас мать сильно больна, нужно бы пошаманить немного.

— Да, я шаман и, если хотите, могу пошечить вашу мать.

— Пожалуйста, хулян, пошамань, а мы уж тебя отблагодарим, если вылечишь.

— Хорошо, — говорит хулян, — сделайте в таком случае большое туру¹, продолжите лед на озере и поставьте туру так, чтобы оно выходило за лед. Затем принесите нюки и закройте нас, когда я стану вытягивать болезн из вашей матери. Мать ваша будет кричать: „Хулян убивает меня, хулян ест мою икру! Ловите хуляна, бейте его!“ — так вы не обращайтесь на это внимания, так как это болезнь будет кричать в ней, чтобы я не выгонял ее.

— Хорошо, — согласились язи.

¹ Шаманское дерево.

Устроили туру, притащили нюки, устроили занавес для матери. Начал шаманить хулян, а потом, спустя немного, забрался под занавес, распорол большой живот и начал есть ее икру.

— Ой, спасите, хулян ест мою икру, ловите хуляна, бейте его скорее! — закричала старуха, но наученные хуляном язи не тронулись с места. Кончив есть икру, хулян вышел из-под нюка и, говоря, что нужно теперь подниматься наверх, выбрался по туру на лед озера, где и хохотал досыта над простотой язей. Посмеявшись над язями, хулян отправился в лес, где встретил старика с двумя худыми оленями.

— Здравствуй, дедушка, — говорит хулян.

— Здравствуй, хулян, — отвечает старик.

— Почему у тебя, дедушка, олени такие сухие?

— Как же им не быть сухими, когда их у меня только два.

— Э-э, я бы их в три дня откормил, и они бы у меня разжирили.

— Ну, уж!

— Правда, откормил бы! — уверяет хулян.

— А ну, попробуй откормить моих, — говорит старик.

— Что ж, пожалуй, — соглашается хулян, — только, дедушка, оставь мне молоток свой; я со скуки буду учиться ковать.

Оставил старик хуляну оленей своих и молоток, а сам пошел домой, к своей старухе. Оставшись один, хулян, не долго думая, убил оленей и начал есть их, раскачивая молотком кости, чтобы добыть мозг. Дня через два является он к старику.

— Ну, что, хулян, где олени? — спрашивает старик.

— В лесу, разжирили так, что и не справишься с ними, — отвечает хулян.

Пошел старик в лес, увидел обглоданные кости и кой-какие остатки своих оленей и кричит оттуда на бегу своей старухе:

— Старуха, старуха, держи хуляна, он съел наших последних оленей!

Старуха была глуховата и обращается к хуляну:

— Скажи, хулян, что кричит мой старик?

— Он кричит, бабушка, — говорит хулян, — отдай, старуха, хуляну наш последний жир, привяжи его ему на хвост, так как он хорошо поправил наших оленей.

Привязала старуха к хвосту хуляна последний жир в пузыре, и тот удрал в лес, где хохотал над тем, как надул старика со старухой. Побегал хулян дальше и встретил несколько волков.

— Здравствуйте, волки, — говорит хулян.

— Здравствуй, хулян, — отвечают те.

Присел хулян к волкам, достал свой пузырь с жиром, привязанный к его хвосту, и начал есть.

— Что ты ешь, хулян? — спрашивают волки.

— Жир, — отвечает тот.

— Дай нам попробовать.

Дал им хулян жиру; попробовали волки.

— Вкусно, — говорят. — Где ты его достал?

— Там, в реке.

— Как в реке?

— Да так, сунул хвост в прорубь, просидел ночь, а наутро и вытащил пузырь с жиром.

— Та-ак, — говорят волки. — Научи же, хулян, и нас, как добывать жир из реки.

— Что же, пойдемте, пожалуй, — говорит хулян.

Пришли к реке, нашли прорубь; сунули туда волки свои хвосты и сидят, ждут. Сидел с ними и хулян, только хвост у него загнут вверх, вплоть к спине, так что его не заметить. Долго сидели охотники до жира. Был мороз; вода в проруби замерзла, а с ней вместе примерзли ко льду и волчьи хвосты. Как только заметил хулян, что волки прикованы крепко, захотел сейчас же и пустился бежать.

— Ха-ха-ха! Вот дураки. Как я их надул, — слышалось одураченным волкам.

Бежал, бежал хулян, проголодался, а жиру-то уже больше нет. Нашел он в лесу оленьи рога и стал грызть, но толку от этого не вышло; сломал только себе один зуб и побегал дальше. Скоро добрался хулян до одного чума, где было много народа и сделался у них гостем. Сидел он у них, ел, пил и беседовал. Много ли прошло времени или мало, только прибегают туда надутые хуляном волки. Бог их знает, как они освободили свои хвосты из льда; но только так или иначе освободились и пустились догонять хуляна. Дорогой нашли обглоданные им рога и его сломанный зуб. Подбежали они к чуму и совещаются:

— Как нам унять хуляна? Он теперь среди людей.

— Мы можем унять его только по зубам, одного зуба у него нет.

— Вот что, — говорит старший волк, — надо их всех насмешить; прыгайте вы один за другим через костер, а когда шерсть на вас будет загораться от огня, все будут хохотать, а вы примечайте, кто как смеется.

Так волки и сделали. Прибежали в чум и давай прыгать один за другим через костер. Костер был поряточный, прыгали волки тяжело, и то у одного, то у другого вспыхивали от огня то хвост, то брюхо.

Все сидевшие в чуме стали смеяться, что, мол, эти волки вздумали через огонь скакать, и как они прыгают недовко. Смеялся вместе с другими и хулян, но только все прикрывал рот, чтобы волки не заметили у него сломанного зуба. Однако хитрость не спасла его; волки заметили, так он все прикрывает рот, набросились на него и давай его бить и кусать. Долго били хуляна волки, но все же оставили его в живых, избитого до полусмерти, и ушли. Остался хулян, поворал некоторое время, а потом опять привялся за старые проделки.

Побежал хулян в лес и встретил медведя.

— Здравствуй, дедушка, — говорит хулян.

— Здорово, хулян, — говорит медведь.

— Ты где ночуешь, дедушка?

— А где придется.

— Брр! Это очень холодно, — говорит хулян, — я так всегда выбираю самые теплые места.

— Где же ты спишь? — в свою очередь спрашивает медведь.

— А я всегда сплю в таком месте, где раньше всего начинает греть солнце, например, на откосе горы, на выступе утеса и т. п. Хочешь, я покажу тебе хорошее место?

— Пойдем, — говорит медведь.

Привел хулян медведя на маленький выступ скалы, где едва могут улезть рядом два-три человека, и говорит:

— Вот хорошее место, здесь и будем спать. Ты, дедушка, человек старый, еще свалишься ночью в пропасть, так ложись к стене, а я лягу с краю; только если ночью я скажу тебе: по-двинься, дедушка, а то ты меня столкнешь, так ты подвигайся к стене.

— Хорошо, — говорит медведь, — и новые приятели легли спать. Медведь как лег на бок, так скоро и захрапел. Тогда хитрец перелег с другой стороны медведя и говорит как будто с испугом:

— Дедушка, дедушка, отодвинься подальше, а то теснишь меня и я скоро свалюсь.

Медведь хотел было отодвинуться, повернулся, но тотчас же сорвался и полетел вниз, где и разбился на-смерть. Хуляну только и надо было этого.

Он спустился вниз, распотрошил медведя, наделал из его сала колбасы, наелся досыта, пожил здесь немного, питаясь медвежатиной, а потом, сунув одну колбасу за штаны, побежал опять рыскать. Бежал, бежал он по лесу и добежал до мужика, добывавшего тес.

— Здорово, приятель, — говорит хулян,

— Здорово, — отвечает тот.

— Это ты, что ли, на двух женах женат?

— Я, — говорит тот.

— С которой же из них ты спишь теперь?

— С молодой, — говорит тот.

Присел тут хулян, высунув из-за штанов медвежью колбасу, отрезал от нее кусок и стал есть.

— Ты что это ешь, хулян? — спрашивает мужик.

— А репiс свой, — отвечает тот.

— Ну-у?! Врешь, хулян.

— Зачем врешь?

— И вкусно?

— Очень вкусно!

— А ну, дай попробовать.

Опять высунул хулян конец колбасы, отрезал от нее кусок, отдал ее мужичку, а остальное снова спрятал за штаны. Попробовав мужик колбасы — вкусно, понравилось.

— Да как же это ты делаешь? Врешь, поди? — говорит он. — Вель это больно, должно быть?!

— Нисколько, — говорит хулян, — отрежь конец репiс'a, а он сейчас же отрастет снова; вот попробуй у себя отрезать.

Боязно мужик, да и колбаса вкусна. А тут хулян опять режет свою колбасу и так аппетитно жует. Соблазнился мужик, извлек свой репiс, хватил по нему ножом, да тут же и свалился без слов и скоро от потери крови умер. Взял хулян приготовленный мужичком тес и пошел к его чому. Там его встретили дети умершего.

— Что это у нас отец как будто не похож на себя немного сегодня? — говорят ребятишки.

— Гм... как же не казаться другим, когда целый день работал и устал. Тащите скорей яхинга¹ (jähira) и пурульба² (пуруйба), — добавил он.

Хотя и неправильно назвал он скобель и коловорот, но дети все же привесли их. Начал хулян скоблить. Скоблил, скоблил, но только ничего у него не выходит. Бросил он скобель и доски и сказал:

— Устал, завтра доделаю, — и ушел в чум.

А тем временем сделалось уже темно. Поужинал хулян и лег спать с молодой женой умершего мужика. Ночью вдруг баба кричит:

— Ой, это не муж мой, а хулян; у него репiс костяной; бейте его топором. Ой, больно, бейте скорей!

Старая жена умершего схватила топор и ударила им с размаху, но хулян успел соскочить и убежать, а удар топором пришелся по лежавшей бабе и рассек ей живот. Умерла баба, а хулян бежит себе как ни в чем не бывало по лесу да посмеивается. Долго ли, коротко ли он бежал, только видит — стоит амбарчик, а около — санка, запряженная оленями. Подбежал ближе, видит — девушки грузят в винкири³ сушеный олений жир и другие съедобные запасы. Подошел к ним хулян.

— Здорово, девки!

— Здорово, хозяин!

— Что вы тут делаете?

— А жир хотим везти домой, да вот горе: не назм, как проехать напрямиком, а так уж очень далеко ехать; может быть, ты знаешь прямую дорогу и покажешь ее нам.

¹ Скобель. Хулян употребил неправильное, искаженное слово, сделавшееся благодаря этой сказке юмористическим. Правильно по-тунгусски скобель называется — ирiнчiнi.

² Лопарь, коловорот (слово искаженное вместо — пурупчана).

³ Сумы для оленьего выюка.

— О-о, эту дорогу я очень хорошо знаю и, коли хотите, могу показать ее вам, — говорит хулян. — Только положите меня в санку, рядом с винкирями, а сверху закройте; когда доедете до какой-нибудь речки, спрашивайте: какая эта речка? и я вам буду называть их.

— Ладно, — говорят девушки.

Набили они свои винкири жиром и другими съедобными вещами, нагроулили их на санки, посадили туда же хуляна и поехали в ту сторону, куда он им показал. Ехали, ехали и доехали до одной речки.

— Это какая речка, хулян? — спрашивают девки.

— Эта речка называется „Хуляльгы“¹, — отвечает хулян.

Едут дальше. Через некоторое время попадает другая речка.

— А это какая речка? — спрашивают хуляна.

— „Умурульга“², — отвечает тот.

Опять едут дальше; встречается третья речка.

— А это какая речка, хулян?

— Это речка „Дудильга“³, — отвечает тот с воза.

Едут девки дальше, и попадает им скоро еще речка.

— Ну, а это какая речка, хулян? — спрашивают опять девушки.

— Речка „Кумкальга“⁴, — отвечает тот.

— Ну, а теперь выпустите меня, девки, — говорит хулян, — отсюда уже близко до вашего дома, а к тому же и дороги дальше я не знаю.

Выпустили девки хуляна, и тот побежал в лес.

Но только он отбежал от них немного, сейчас же захохотал:

— Ха-ха-ха! Я девок надул. Ха-ха-ха! Я у них весь жир съел.

— А-а, хулян обманул нас, надо его догнать, — сказали девушки, сели в санку и пустились догонять его.

Побежал хулян в лес, а там был уже глубокий снег.

Бежал, бежал хулян и скоро стал уставать, а девушки его нагоняют. Что делать? Залез хулян на дерево и сидит, ждет.

Подъехали девушки к дереву и начали советовать, как достать оттуда хуляна.

— Надо срубить дерево, — говорит одна.

— Нет, это не годится, — говорит другая, — дерево упадет, хулян соскочит с него и опять убежит.

— Давайте подожжем дерево, — предложила третья.

— Правда, давайте, — согласились все хором.

Живо натаскали под дерево целые кучи хвороста и подожгли все это. Скоро затрещал хворост, задымил; стали подниматься огненные языки кверху, стали они жечь и палить хуляна. Стал хулян задыхаться в дыму, стал гореть и взмолился он тут огню:

— Ах, огонь, огонь, не сожги всего, а оставь меня в живых, хоть с рукав величиной!

Внял огонь просьбе хуляна и оставил его в живых, но только с тех пор он стал не больше рукава шубы.

Так был наказан хулян за свои проделки и сделался маленьким зверьком, а от него поили теперешние хуляны, маленькие и красноватые, как будто огненные.

СПб. Ноябрь 1907 г.

И. П. Толмачев

Заметка по поводу „Образцов тунгусской народной литературы“ в пересказе В. Н. Васильева⁵

Сказки и предания тунгусов, пересказанные В. Н. Васильевым, были собраны им во время Хатангской экспедиции Географического общества, работавшей в 1905 году под моим начальством в Туруханском округе Енисейской губернии. Когда мы в феврале 1905 года двинулись из Туруханска, к нам прикомандировали в качестве переводчика для тунгусского языка (В. Н. Васильев, превосходно владеющий якутским языком, с тунгусским имел дело впервые) тунгуса Илимбийского рода Данилу Хирагир, который и был с нами неразлучно во все время экспедиции, а во время плаванья экспедиции по рекам Котую и Хатанге, т. е. около двух с половиной месяцев, он был нашим единственным рабочим или, так как мы и сами были такими же рабочими, нашим помощником и товарищем, ехавшим с нами на равной ноге, спавшим в одной палатке, делившим все лишения и удовольствия экспедиции, радовавшимся вместе с нами нашим удачам и горевавшим над нашими печальями. Осенью, когда мы снова поехали на оленях в сопровождении большого числа инородцев, Данила удержал свое место в нашем чуме и был все время неизменным членом нашего общества. Он быстро привык к нам, даже привязался: любознательный до крайности, как все его соотечествен-

¹ „Начинаю развязывать“ (искаженное, вместо хулялим).

² „Верх винкиря“ (искаженное, вместо умурун).

³ „Половина“ (искаженное, вместо дудильман).

⁴ „Чисто, конечно“ (искаженное, вместо кумкам).

⁵ Из „Записок Русского Географического общества по отделению этнографии“, т. XXXIV, СПб. 1909, стр. 41—44. *Ред.*

ники, он всем интересовался, с живейшим участием прислушивался к нашему разговору, расспрашивал о том, о другом и сам рассказывал, что мог и знал, и между прочим целый ряд преданий и сказок, которые рассказываются среди тунгусов. В начале путешествия и летом, когда мы были завалены работой¹ и времени было мало, мы могли слушать эти рассказы только урывками. Позднее, когда быстро приближающаяся полярная зима все более и более сокращала рабочее время и длинные вечера сделались значительно свободнее, мы начали коротать их, рассказывая и слушая сказки. В это время и рассказывались обыкновенно сказки и предания, пересказанные здесь со слов Даниила В. Н. Васильевым. Сказки записывались также и другими участниками экспедиции, но В. Н. Васильев, в круг занятий которого входило и собирание сказок и преданий, более трудился над ними, чем это было возможно для нас; он постоянно возвращался к своим записям, не раз заставлял Данилу рассказывать снова, расспрашивал его об отдельных, неясно понятых местах, вообще прилагая все старания к возможно более точной записи рассказов Даниила, почему эти сказки и предания и печатаются им здесь только в своей редакции.

Данила Хирагир—сын сестры тунгуса Николая Хирагира, по прозвищу Чунго, бывшего во время нашей экспедиции старшиною или князем Илимпейского тунгусского рода. Данила вырос и воспитывался в семье своего дяди, затем служил работником у туруханских купцов, где и научился с грехом пополам говорить по-русски, благодаря чему он попал к нам в экспедицию, а еще ранее (в 1896 году) в экспедицию Асташева. Николай Хирагир, дядя нашего сказочника, является типичным тунгусом со всеми достоинствами и слабостями своего народа, патриотом которого его можно назвать вполне.

Тунгусы северной Сибири постепенно, но неукоснительно уступают перед более сильными якутами, теряют свой язык и, наконец, обьякучиваются совершенно. Процесс обьякучивания идет с севера и северо-востока, и в верховьях реки Хатанги мы и имеем как раз место, где идет бескровная борьба двух народностей. Такие патриоты-тунгусы, как князь Николай, инстинктивно борются за наследие своих родичей и прежде всего за свой язык. Так, про князя Николая, как и про некоторых других видных тунгусов, мы только в конце путешествия узнали, что они довольно прилично говорят по-якутски и во всяком случае понимают этот язык превосходно. Вначале же, при наших разговорах с князем Николаем, с которым нам пришлось иметь много дел, мы должны были пользоваться услугами Даниила как переводчика, отказываясь от содействия В. Н. Васильева, крайне существенного при всяких расспросах. Но Николай Хирагир борется и иначе за свою национальную самобытность. Он любит рассказывать тунгусам, собравшимся в длинные зимние вечера перед гостеприимным камельком его балагана, о том, как жили тунгусы прежде, какие они были удалцы, как непохожи они на своих выродившихся, слабых потомков—одним словом, является хранителем традиций и преданий своего племени. Он—большой любитель рассказывать сказки, чем, по словам Даниила, он готов заниматься напролет целые ночи, причем нередко сердится, если его не хотят слушать или слушают невнимательно, уходят, засыпают, так что слушание сказок является в иных случаях известного рода повинностью. Все тунгусские сказки и предания, сообщенные нам Даниилом, он слышал от своего дяди, что, конечно, делает их еще более для нас интересными. Но сообщенные здесь В. Н. Васильевым сказки представляют лишь часть того, что мы слышали от Даниила. Целый ряд его рассказов напоминал нам сказки Андерсена, Гримма, баллады Жуковского и Пушкина и др. Оказывается, что наш способ коротать во время экспедиции длинные зимние вечера применяется на всем севере как инородцами, так и русскими, и Данила по поводу многих из рассказанных им сказок мог указать, от кого он их слышал впервые. С каким удовольствием слушают инородцы сказки, мы видели сами, и я никогда не забуду, как рад был Данила, когда я в награду за его сказки рассказав ему про подвиги Ильи Муромца, как не забуду того восторга, с которым он прослушал знаменитую сказку „о рыбаке и рыбке“.

По словам Даниила, его дядя иногда рассказывает заимствованные сказки, но именно рассказывает, тогда как те предания, которые им считаются как бы своими, тунгусскими былинами, он поет. Но этот признак не является достаточным критерием. При отсутствии письменности и строгой преемственности преданий, что вызвано главным образом неимением определенных местожительств, сказания и предания не восходят в глубь веков и легко спутываются, и, быть может, внуки нашего Даниила будут петь сказку о рыбаке и рыбке, как поет теперь, возможно, Николай Хирагир какую-нибудь сказку, которую его дед или прадед слышал от русского торговца или казака.

СПб. Февраль 1908.

К. Рычков

ИЗ ОБЛАСТИ ТУНГУССКОГО ТВОРЧЕСТВА

1. Хенукучан

Тунгусская сказка¹

Старый Бамбай леговал на реке Кемчуге. Улова рыбы не было. Наступила осень. Было сыро и темно. Ветер сердито шумел, срывая последние листья с деревьев, а на реке показались забереги. Бамбаю с его большой семьей грозила голодовка. Остаться на реке Кемчуге и думать было нечего, а потому старик решил перебраться на другое место.

¹ Из „Сибирского архива“ 1913, № 12, стр. 530—535. *Ред.*

Кроме пяти малолетних детей, у Бамбая воспитывался еще сиротка, восьмилетний мальчик Хенукичан¹.

Бамбай решил бросить сироту на произвол судьбы, так как он не в силах был прокормить и родных детей, которым также неминуемо грозила голодная смерть. Перед отъездом Бамбай увел сиротку в лес, посадил его к комю векового кедра, дал ему огниво, кремь и немного рыбы, которую советовал есть по маленькому кусочку, и, обещая сиротке вернуться через три дня, оставил его.

Уныло воет резкий ветер в дождливую холодную осень. Мечется он по темному лесу, плачет и ропщет.

Сидит сиротка у дерева и слушает печальный вой ветра. Кругом нависли серые тучи. Грустно сделалось сиротке, и стал он подпевать ветру свою любимую песенку.

Один был рябчик,
Один—пикал.
Кто скажет: жалко,
Жалко бедного рябчика.

Так пел сиротка, а холодный ветер пронизывал его до костей. Наступили сумерки. Черные, липкие чудовища-тучи опускались к земле все ниже и ниже. Заморосил дождь.

Жмется сиротка к дереву, дрожит от страха и холода, прячет посиневшие ручки в ломотья своей одежды... Наконец дрема застилает ему глазки, и мальчик засыпает. В грезах мальчик видит родную мать, которую год тому назад съел дьявол-химер².

Вспенился сиротка обеими рученками за шею матери, а она любовно гладит его по головке, целует и крепко прижимает к сердцу. Вдруг видение исчезло. Вместо матери, как из земли выросло ужасное чудовище, с огненными глазами, костяное, с рогами и хвостом—страшное, как сама смерть. Ужас охватил сиротку: узнал он этого дьявола-химер, который съел его отца и мать. В первый раз видел Хенукичан этого дьявола во сне в ту ночь, как умерла его мать.

В долгие осенние сумерки он часто слушал рассказы старой Поньги, жены Бамбая, о страшном химере. Под монотонную речь старухи у него слипались глаза, а во сне он мечтал, бредил и грозил кому-то рученками. Ненавидел он этого дьявола всеми силами своей души. Много раз он намеревался поставить на него капкан. Много раз просил бога, горячо и убедительно, как могут просить только дети, убить этого дьявола громом, чтобы он не поедал людей, и вот этот дьявол теперь стоял перед ним, протягивал к нему свои отвратительные, костяные руки...

В это время опять явилась мать, мальчик вскрикнул от радости и кинулся к матери. Хотел было дьявол схватить в свои когти мальчика, но мать защитила свое дитя. Она взяла его на руки и понесла на высокую гору. Здесь она поцеловала свое дитя, шепнула ему на ушко: „иди к богу“ и скрылась....

Отправился мальчик к богу. Долго ли, коротко ли он шел, неизвестно. Наконец достиг роскошного дворца из белого камня. Дворец обнесен был высокой каменной стеной. У ворот стоял караульный.

Увидел караульный сиротку и от удивления даже разинул рот.

— Откуда ты? Кто твой отец? Как ты попал сюда?

— Я—человек средней земли. Нет у меня ни отца, ни матери. Имя мое—Хенукичан. Я пришел к богу просить у него какой-нибудь работы. Не даст ли боженька мне какой-нибудь работы,—сказал сиротка.

— Хорошо,—говорит караульный,—я пойду скажу об этом богу, а ты подожди здесь.

Пришел караульный к богу и говорит:

— Сиротка из средней земли Хенукичан пришел, просит у тебя работы.

— Знаю,—говорит бог,—добрый мальчишка, пусть вместо тебя караулит вход.

Караульный передал сиротке приказание бога, и мальчик стал караульным. Старательно относился сиротка к своей обязанности, зорко следил за тем, чтобы кто-либо не проник без его ведома к богу, и скоро привык к своей должности; повеселел, поправился и перестал тосковать по родной матери.

Стоит однажды сиротка, сторожит вход, вдаль посматривает и видит, к ужасу своему: идет прямо на него тот отвратительный дьявол, от которого спасла его родимая матушка. Перепугался сиротка, затрясся от страха и хотел было бежать, но пересилил свой страх и крикнул:

— Что тебе надо, дьявол поганый!

Химер устала на него свои огненные глазки и говорит:

— Пусти меня, пожалуйста, к богу. Я есть хочу.

— Нельзя,—отвечает сиротка.—Я сам пойду к богу, скажу ему, а ты подожди здесь.

Химер присела у входа, а сиротка побежал к богу, упал перед ним на колени и говорит:

— Боженька, химер пришла и говорит, что есть хочет. Убей, боженька, этого поганого дьявола, чтобы она людей не пожирала.

Выслушал бог сиротку, рассмеялся и говорит:

— Глупый ты. Скажи химер, пусть она три года ест людей среднего возраста. Иди и скажи ей так.

Сиротка был уверен, что бог поймет его, примет его слезы и просьбу и, без сомнения, убьет ужасного дьявола, причиняющего всюду столько горя и несчастий. Но каково было удивление мальчика, когда сам бог велел дьяволу поедать людей целых три года.

¹ Рябчик.

² Искаженное русское слово „смерть“.

Напугался мальчик, пошел обратно передать химер приказание бога. Идет и думает: „А ведь у меня дяди и тетки есть, съест их поганый дьявол“. Подумав мальчик, тряхнул решительно головой, улыбнулся чему-то и бодро пошел к химер. Та спрашивает:

— Что сказал бог?

— Бог приказал тебе есть на земле средние лесины три года.

Ушла химер. Три года она пожирала только лесины среднего возраста. Опустошила целые леса. Люди за это время не умирали. Не было ни слез, ни горя, всем хорошо жилось. Весело было сиротке. Но быстро пролетели три года, и химер снова явилась.

— Пусти меня к богу, я голодаю,—говорит она сиротке.

— Подожди немножко,—отвечает сиротка,—я сам скажу об этом богу.

Прибежал мальчик к богу и сказал, что пришла голодная химер.

Бог приказал:

— Скажи ей, чтобы она ела три года ребят.

Идет сиротка назад и думает: „А ведь у меня братья и сестры есть... Дьявол съест их“.

Химер спрашивает:

— Что сказал бог?

— Бог сказал, чтобы ты три года ела,—отвечает сиротка,—прутья тальника.

Ушла химер. Снова три года она пожирала только прутья тальника. Снова люди не умирали на земле, жили весело, радовались и хвалили бога; хорошо было и сиротке. Но незаметно пролетели и эти три года.

Явилась химер изможденная, исхудала вся, остались только кости да кожа, и просит мальчика:

— Пусти меня к богу, я с голоду умираю.

— Ну, этого нельзя,—говорит мальчик,—сам богу скажу об этом.

Пришел мальчик к богу и говорит:

— Пришла химер и жалуется, что пропадает с голода.

— Скажи ей: теперь, пусть три года ест старых людей,—приказывает бог.

Идет назад сиротка ко входу и думает: „Э, у меня есть дедушка и бабушка... Съест дьявол деда Бамбая и старую Поньгу“.

Химер спрашивает:

— Что сказал бог?

— Да что сказал бог: сухие деревья ешь три года.

Ушла химер. Опять три года грызла она сухие деревья. Люди не умирали, радовались и хвалили бога. Еще быстрее пролетели и эти три года. Сиротка уже поджидал дьявола, но химер не явилась. На этот раз она перехитрила мальчика: оборотилась мухой и незаметно пролетела к богу.

— Издыхаю с голоду,—жалуется химер богу.—Три года я ела средние деревья, три года ела одни только прутья тальника, три года грызла высохшие деревья. Людей расплодилось видимо невидимо; скоро места для них нехватит на земле.

Разгневался бог на мальчика и говорит:

— Поди съешь наперед лунишку.

Приходит химер к сиротке и говорит:

— Теперь за тобой очередь, так как бог приказал мне съесть наперед караульного.

— погоди, успеешь,—просит сиротка.—Дай подумать, да отпусти меня погулять на волю, хотя на три дня.

Химер согласилась обождать три дня и отпустила мальчика на свободу. Отправился сиротка обратно на среднюю землю, до которой достиг только на третий день. Оставалось жить один день. Страшно боялся сиротка ужасного дьявола, сердце сжималось от печали и страха, а время шло, и конец был близок.

Погоревал, поплакал мальчик и пошел отыскивать там вековой кедр, у которого его оставил старый Бамбай. Приходит смерть. Сиротка говорит:

— Подожди немножко, успеешь. Сделай милость, расскажи мне, пожалуйста, как ты попала к богу. Я стерег хорошо. Стены кругом непроходимые. Как же ты ухитрилась проскочить?

— Да так,—отвечала смерть,—я обратилась мухой и пролетела над самой твоей головой, а ты этого и не заметил.

— Ну, это ты лжешь,—говорит сиротка.—Ну-ка, теперь сделайся мухой да залезь вот в это дупло, тогда я тебе поверю.

Смерть тотчас обратилась мухой и залезла в дупло векового кедра. Сиротка быстро заткнула пробкой отверстие, и дьявол остался в дупле.

„Попался, поганый дьявол,—думает сиротка,—теперь уж я тебя не выпущу“.

Обрадовался мальчик счастливому исходу, запел песню и с радости даже заплясал вокруг старого кедра.

Назавтра Хенукичан отправился разыскивать старика Бамбая и старую Поньгу. Нашел он их скоро, на старом родовом месте. Старики обрадовались ему, и сиротка стал жить у них. Помогал старикам промышлять диких оленей, коз, сохатых, соболей, а летами добывать рыбу. Зажили старики богато.

Порой, в свободное от промысла время, Хенукичан рассказывал старикам про свои похождения: о том, как он был на небе, как просил бога убить страшного дьявола, как одурачил он этого дьявола и, наконец, как ему удалось совершенно избавиться от него.

Слушали старики и дивились его рассказам, а больше того — его мудрости. Скоро слава нем распространилась по всей земле. Люди стали уважать его. Богатство его год от года преумножалось, и стал Хенукичан самым умным, знатым и самым богатым человеком своего народа. Женился он на первой красавице и жил счастливо. Жил и другие хорошо, не умирали и даже забыли про самое смерть.

Так прошло много лет. Хенукичан стал уже стариком, волосы его побелели, как снег, кожа стала сухой, морщинистая; глаза впали, зрение потерялось.

В это время к Хенукичану явился бог и говорит:

— Куда ты девал химер? Отпусти ее.

Как ни стар был Хенукичан, но чувство бесконечного ужаса овладело им. Однако делать было нечего, и он в тот же день выпустил химер на свободу.

С остервенением и жадностью снова набросился страшный дьявол на людей, выбирал самых здоровых, которые всем своим существом чувствовали, что могли бы жить и наслаждаться жизнью.

Снова, как гадкая, липкая жаба, появилась смерть на земле, полились слезы, и люди стали вымирать целыми семьями и родами...

2. Медведь и карась¹

Однажды медведь вытащил из озера поставленную одним тунгусом сеть, в которой запутался карась. Медведь хотел его съесть, но карась заявил медведю, что так, просто-напросто, снапать и съесть не принято по звериним обычаям, а вместо этого предложил медведю следующее.

— Ты,—говорит карась,—живешь на земле, а я в воде; давай поменяемся на некоторое время условиями жизни, т. е. ты полезешь в воду, а я останусь на берегу! Интересно будет: кто из нас дольше выдержит. Если ты будешь дольше моего находиться в воде, чем я на земле, то я, разумеется, умру и тогда ты съешь меня.

Медведь согласился с доводами караса и тотчас забрел в озеро и погрузился на дно, а карась остался на берегу.

Долго медведь крепился в воде, но стал задыхаться, вынырнул и быстро выскочил из озера.

Отдохнул маленько и направился к карасю узвать, жив ли он.

Тот, видимо, прекрасно себя чувствовал: спокойно спал.

Это забесило медведя, он рассердился на караса, ударил его лапой и пошел прочь. Карась сплюснулся и стал похож на лепешку, а до этого случая карась был, по рассказам тунгусов, шарообразным, круглым.

3. Глухарь и лебедь

Однажды зима была страшно холодная. Птицы чуть ли не все померзли от стужи. Остался только один глухарь, но и тот следующей осенью, увидев отлетающих на юг лебедей, стал и плакать и проситься с ними лететь на зиму в теплые страны.

— Возьмите,—говорит,—меня, бедные лебеди, в теплые страны!

— Отстанешь!—отвечают лебеди.

— Нет, не отстану!—настаивает глухарь.

— Хорошо!—соглашается одна из лебедей.—На всякий случай я привяжу тебя к себе за веревочку. Согласен?

— Согласен!—отвечает глухарь.

Лебедь накинула глухарю на шею петлю поводка, а концы — в свой клюв, и приятели отправились в далекое путешествие. Сначала глухарь держался за лебедю, но затем стал уставать; наконец совершенно выбился из сил и лететь уже не мог. Лебедь с большим трудом дотащила его до первой остановки и говорит ему:

— Вот что, глухарь, оставайся здесь на зиму! Если мы, птицы, все улетим, тогда что же люди будут есть зимою?

Глухарь пуще прежнего заплакал и говорит:

— Нет, не останусь я!

— Здесь ты боишься холода, а там, на юге, ты умрешь от жара, и блохи тебя съедят заживо,—уговаривала глухаря лебедь.—Я тебе подарю на память белевские перья к крылышкам, только останься!

И лебедь поделилась с глухарем белевскими перьями, чтобы только он отстал.

Глухарь долго и безуспешно плакал, но все же послушал совета лебедя и остался на зиму в наших местах. От слез у глухаря покраснели глаза и брови. Кроме того, с этого времени у глухарей появились белевские перья в крыльях.

4. Почему тунгусы имеют оленей, а остяки нет?

Всякое явление первобытные люди рассматривают под углом зрения своей крайне оригинальной философии. Так, отсутствие стад оленьего скота у енисейских остяков, казалось бы, объясняется довольно просто, т. е. постоянной убылью оленей вследствие чуть ли не ежегодных эпизоотий и эпидемий, уносящих огромное число жертв, пополнить которое нет возможности. Однако сами остяки стараются объяснить это явление в несколько необычном для нас виде, но имеющем достаточно оснований и смысла с точки зрения первобытного человека.

Однажды, рассказывают остяки и тунгусы, на охоте встретились остяк и тунгус и поймали общими усилиями оленя. Каждому хотелось получить добычу целиком в живом виде. Но как это

¹ Из „Сибирского архива“ 1914, № 11, стр. 517—521. Ред.

было сделать? Подумали, подумали приятели и решили померяться силой, потянуться, с условием: кто одолеет, тот и получит добычу.

Тунгус ухватился за передние ноги оленя, а остяк за задние, и начали каждый тянуть оленя к себе. У остяка сорвались пальцы рук, и олень остался у тунгуса.

— Ну, хорошо, — говорит тунгус, — попробуем еще потянуться одной рукой, но для того, чтобы руки не срывались, привяжем их к ногам оленя!

Остяк согласился. После этого тунгус привязал свою левую руку к передней ноге оленя ремешком, а остяк свою правую руку к задней ноге оленя лыком и начали тянуть. Лыко не выдержало, лопнуло, рука остяка снова сорвалась, и олень остался у тунгуса.

Поэтому-то у тунгусов стали водиться олени, а у остяков нет... Не порвись лыко, и остяки были бы оленные...

Выходит, что от такой непредусмотрительности предка зависит благосостояние целого народа, который вследствие отсутствия стад оленного скота идет по пути к вымиранию...

Впрочем, многие данные говорят за то, что остяки никогда не были скотоводами, а икhtiофагами. Даже в приведенном легендарном сказании есть характерная подробность. Именно остяк привязал свою руку к ноге оленя не ремешком, как тунгус-скотовод, а лыком. Значит, остяк не мог раздобыться ремешком, в котором нет недостатка у скотоводов.

5. Летяга и мышь

В одно прекрасное время летяга встретила мышь и говорит:

— Дай бог, чтобы люди подошли, сгнили бы, как древесные пни гниют на земле!

— Нет, это мне не нравится, — отвечает мышь. — Так не годится! Пусть лучше люди живут, как жили, и умирают, как умирали!

Летяга стала доказывать ужасный вред, причиняемый людьми, а мышь наоборот. Слово за слово, и приятельницы чуть не дошли до драки. Наконец они согласились путем единоборства порешить вопрос чрезвычайной важности: быть или не быть людям? Если летяга одолеет мышь, то людям должно подохнуть, а если мышь одолеет летягу, то роду человеческому надлежит размножиться и наполнить землю.

Началась борьба.

Летяга хотела опрокинуть мышь, но та уперлась в землю хвостом и, в свою очередь, налегла на летягу, у которой, как известно, хвоста нет; та присела и опрокинулась на спину...

Так был спасен род человеческий...

6. Медведь

Первобытные люди не только не признают никакой пропасти между собою и животными, но во многих отношениях видят превосходство их над собой. Сила крупных зверей, хитрость, изворотливость, необыкновенное чутье и масса других инстинктов, которых лишен человек, все это дает достаточно основания относиться к животным как к существам крайне разумным и даже во многих отношениях превосходящих человека. Даже такие ничтожные животные, как мышь и даже комар, вошь и проч. дрянь, вызывают разные фантастические представления и не менее важны, чем крупные звери. Словом, каждое существо — это такой же тунгус, как и он сам, а иногда и более одаренный или разумом или силой...

Самым важным, большим и сильным животным тунгусы считают медведя. Перед ним бегут в паническом страхе все остальные звери, ударом лапы он может свалить самого сильного человека и раздавить его, как муху. Поэтому тунгусы оказывают ему знаки самого глубокого уважения и почести.

Однако одному недовольному медведю всего этого мало было, и он стал просить у господ бота большой палец к рукам.

— Дай, — говорит, — мне, боже, большой палец!

— Нет, — отвечает бог, — если я тебе подам большой палец, тогда мне придется подать лук собаке, а она, конечно, истребит ваш медвежий род... Нет уж, видно, не дам я тебе большого пальца, а то зазнаешься больно и будешь хвастать...

Очевидно, медведь понял значение большого человеческого пальца у рук, который вследствие своего относительного положения и подвижности является как бы отцом культуры, создателем искусства и пр.

Без большого пальца люди мало чем отличались бы от медведей, разве только тем, что умеют плевать...

П. Малых

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОРОЧЕНАХ И ИХ ФОЛЬКЛОРЕ ¹

Помещаемые здесь сказки записаны мною больше десяти лет назад у ороченых Баргузинской тайги, так называемых Баунтовских. За исключением одной, помещенной под № 10, это, собственно говоря, не сказки в общепринятом смысле этого слова, а своего рода исторические рассказы.

¹ Из сборника „Изучайте родной край“, Записки Забайкальского отделения Русского Географического общества. Чита — Владивосток, 1924, стр. 134 — 142. *Ред.*

Научное значение этих нескольких записей ничтожно, и они, конечно, ни в малейшей степени не характеризуют ороченский фольклор как таковой, так как получены случайно и несовершенным в техническом отношении путем: имея в то время своей задачей изучение материальной культуры орочен, я лишь изредка обращался к вопросам фольклора и на небольшом опыте мог убедиться, что эта задача очень трудна, так как без знания языка работа в этой области почти невозможна.

Сказки, которые, несомненно, представляли лингвистический и этнологический интерес, не поддавались переводу, так как ни сам сказочник, ни его слушатели и мои проводники не владели достаточно русским языком, чтобы одолеть повествование мифологического характера и найти нужные понятия и образы на русском языке. Это техническое затруднение, из которого так и не нашлось выхода, привело к тому, что в дальнейшем мне рассказывали уже сказки „полегче“, сюжетом которых были уже события, быт, а не миф.

К сожалению, я не мог вернуться к этому в дальнейшем. Жаление мое вызывается тем, что даже при тех слабых и неудачных попытках, которые мною предпринимались тогда, я убедился, что ороченский фольклор представляет много интереса и материала для исследователя, и этот богатый запас народного творчества гибнет на наших глазах вместе с его хранителями стариками-сказочниками, гибнет вместе с гибелью самобытной ороченской культуры, и может случиться, что в недалекие дни и самого орочен мы будем знать только по музейным манекенам, фотографиям да скудным записям немногих исследователей.

Фольклор орочен, в непосредственном соседстве с которыми мы живем десятки лет, не только неизвестен и не изучен, но даже больше — вызывает сомнения в существовании, и не редки случаи, когда человек, соприкасавшийся с ороченами в течение долгих лет, ничтоже сумняшеся, заявляет, что у орочен нет ни сказок, ни легенд, ни песен.

Такое мнение может очень легко возникнуть и показаться основательным, если принять во внимание следующее: орочен привык считать себя ничтожным человеком по сравнению с русскими, якутами, бурятами, с которыми он встречается.

Богатство культуры этих его соседей подавляет его. Дома, в которых живут русские, вещи их обихода, их оружие, письменность, равно как и многолюдство якутов, бурят, их богатство — все это заставляет орочен, который действительно все свое носит с собой, очень низко расценивать себя, свою культуру. И, быть может, поэтому самое интимное, душу своей народности — фольклор — прятать как можно дальше, хранить как можно сокровеннее для того, чтобы в своем кругу, для самого себя, знать, что и у него есть что-то, что делает его равным этим могущественным соседям, что-то свое, благодаря чему и орочен „хотя и не настоящие, а все-таки люди“, как сказал мне один старик-орочен.

Помимо этого, цивилизирующее влияние соседей сказывается на ороченской молодежи в том смысле, что она старается как можно больше походить на этих соседей и как можно меньше на орочен. В тех редких случаях, когда орочен выучивался русской грамоте, он считал нужным говорить как можно замысловатее, третировать земляков как можно больше и при всяком случае подчеркнуть разницу между ним, образованным человеком, и его невежественными сородичами. Модными делались одежда, обычаи, песни соседей, свое же забывалось, считалось ничего не стоящим.

И возможно, что самой основной причиной, почему эта область народного творчества остается скрытой, является то, что большинство сказок, легенд, песен связано с ритуальным моментом, является элементами религиозных обрядов, а следовательно, выявляется лишь в определенных случаях, при известных условиях.

Последнее предположение я основываю на следующих наблюдениях: хоровое пение и танцы орочен приурочиваются к определенному времени года и определенным событиям (свадьбы). В первый хоровод становятся все старики и старухи, как бы дряхлы они ни были, и лишь потом пение и танцы продолжает молодежь. Некоторые напевы этих хороводов носят характер „благодарения“ божества.

Что касается рассказывания сказок, то оно в отношении некоторых категорий сказок допускается лишь поздней осенью, в известное время, когда „Кичиги“ (созвездие Орiona) стоит высоко. Язык сказок, повидимому, также имеет особенности и формы, уже непонятные современным ороченам, чем и объясняется неудача их перевода.

Есть легенды, которые сознательно скрываются по тактическим соображениям. Так, от Д. Э. Ринчино, изучавшего бурятский фольклор, мне пришлось слышать легенду, объяснявшую причину вымирания орочен. По легенде причина эта заключалась в том, что когда орочен были подвластны чуть ли не великому Чингису, они чем-то разгневали хана, и он обрек их на смерть. Был слезан плот, посажен орочен с семьей и отпущен по течению какой-то неизвестной реки. После долгого плавания плот выбросило на берег в чужой земле, где и рассеялись орочен. Они не погибли, но все равно они обречены на смерть и потому вымирают.

Эту легенду Д. Э. Ринчино получил с пояснением, что старики хранят ее в тайне, чтобы народ не впал в уныние, зная свою обреченность.

Если по указанным выше причинам изучение ороченского фольклора представляет значительные трудности и благодаря им эта область ороченского творчества остается для нас до сих пор книгой за семью печатями, то необходимо отметить еще одну причину, по которой эта книга так и не может остаться непрочитанной. Причина эта — вымирание орочен. Вымирание это — процесс, происходящий на наших глазах, дающий определенные результаты в течение такого короткого срока, как 15—20 лет.

На наших глазах погибает своеобразная культура и носители ее. Изучение этой культуры скоро делается невозможным. Те старики-сказочники, которых я знал в 1912 году, уже умерли, вместе с ними погиб, несомненно, большой запас народного творчества; то, что они передали своим слушателям, если и дойдет до нас, то в очень незначительной части.

1

Сначала никто здесь не жил. Тайга пустая была, только зверь ходил. Потом пришел с моря один старик-орочен. Пришел по Витиму на Баунт. Стал жить. Зверя было много, рыбы, птицы. Здешнее место было ошынкан — теплая земля.

Старик пришел с Яю. Яю — река, в море идет.

Стал жить старик. Было у него пять сыновей. Стал старик делить семью. Одному сыну говорит: ты будешь нодагыр, другому: ты — труягыр, третьему: ты — огдолор, четвертому: ты — кындыгыр (кындыгыр значит меткий, попадающий: палку кинул — кыны, попал — кындыгыр), пятому: ты — лакшикагер (это значит хватун: все шибко берет, хватает).

Так назвал старик сыновей и разослал их в разные стороны. Пускай ищут себе жен. Сыновья ходили кто три, кто пять лет. Потом сходились. Что же — имя разное, будто чужие, ну, брали друг у друга женщин в жены. В своем роду ведь нельзя брать, только в третьем колене. Так стало пять родов.

(Записано от орочена Донгуль, Ильи Молчанова, на Усое)

2

Раньше жили не так. Хлеба не знали, водки не знали, соли не ели. Это когда соль стали знать, тогда перестали зверя слышать по духу. Раньше, когда соли не знали, зверя чуяли духом, как зверь сам.

Воевали с другими народами много. Воевали с тунгусами, которые жили у Баргузина. Тунгусы по-ороченски назывались „вокрой“, они жили на Быто. По Баргузину жили „мурчель“. Воевали с мамырами.

Жили как звери: ходили по лесу, ловили зверя, птицу. Потом догадались лук сделать. Тогда лучше стало — луком зверя били большого.

(Записано от орочена Тутто-Екима, на Аунике)

3

Раньше воевали много, с баргузинскими тунгусами, со всеми. Увидят друг друга, сейчас убьют. Но все наши били, рассказывают, наших не били.

Один раз наш ходил промыслять. Там тунгусы его увидели, убили. У него Керикан брат был. Керикан с двумя еще ороченами пошел туда, чтобы за брата им отомстить.

Теперь в Баргузин пойти надо харч брать. На коне итти надо сколько дней. Они так пошли. Что убьют — едят.

Пришли. Около юрт в лесу стали. Кто, филил ля, кто другой сядет близко к юртам, они на пятьдесят, на сто сажен стрелят из лука — убивают. Юрту стрелят — сквозь пробьют. Тунгусы испугались: так всех убьют. „Давайте, — кричат, — мириться“. Как — сделали гулянку. „Говори, за брата что хочешь?“ Керикан говорит: „У моего брата было десять пальцев на руках, за пять пальцев давайте пять девок, за пять — пятьдесят коней“.

Дали. Он пришел на Баунт, разделил всем девок, коней. Тогда у орочен стали кони.

(Записано от орочена Тутто-Екима, на Аунике)

4

Керикан убивал один сотню, тысячу людей. Его стреляют, не могут попасть, только раз в волоса попали. Он луком только водит — всех убивает.

(Там же)

5

Когда Керикан был маленький, умер у него отец. Орочены решили бросить его с матерью: что их таскать, пусть помрут.

Мать слышала этот разговор, взяла, зарыла уголь с огнем дальше, глубже. Те пришли, залили огонь, их бросили. Укочевали.

Мать достала уголь — огонь был.

Керикан взял лук, стрелы. У стрелы на конне нос птицы. Пошел. Нашел сохатого. Стрелил. Другого — тоже. Пришел, матери сказала: „Пошли следить, нашли — мертвы“.

Стало одежды много, мяса много. Стали жить. Керикан лук больше сделал.

А орочены ничего не промысляли. Пришли на старое место — огонь есть, мясо есть. Керикан их же кормил. Дали ему хороший лук. Ну, а с хорошим луком ему что...

(Записано от орочена Донгуль, на Усое)

6

Раз оставили Керикана сторожить, а он ушел в лес промыслять. Пришел — все убиты. Только сестру его, хорошая девка была, взяли, увели с собой. Он испугался — один. Убьют.

Сестра его, пока других убивали, успела лук его спрятать — сунуть в снег. Он нашел.

Взял, обжег себе унты, щеки обжег, идет — падает. Пришел к тем. Сестра его увидала, говорит: „Это наш пастух. Оленей пасты умеет, дров наладить может. Только стрелять не умеет. За это его кормили“.

Те говорят: „Пусть насет олений“. — „А почему обжег?“ — спрашивают. Сестра говорит: „Это мы все играли, жгли ему“. Ладно. Стал жить.

Только один старик все говорит: „Надо убить его“. Но те говорят: „Пусть живет“. Так они не стали ничего думать.

Керикан ночью встал, собрал все луки, раз — сломал. Разбудил их — они кинулись на него. Он стал стрелять. Убил всех.

Этот Керикан самый главный был. Однако от него все и пошло.

(Записано от орочена Конко-Тупарева, на Бонбахте)

7

Пришел на орочен народ, который звался „вокрой“. Было их без счета. Ороченые сделали кругом земляной вал и укрылись за ним от стрел, которыми осыпали их вокрой. Но худо было, вокрой подходили все ближе и ближе. Ну, ороченые надеялись на старого большого шамана, который был с ними. Стали просить его: спаси.

Шаман стал шаманить. Бубен будто гром гремел. Из тайги ему разные голоса откликались.

Три дня и три ночи шаманил шаман. Потом вышел из-за вала и стал перед народом вокрой.

Махнул шаман рукой, и от его руки пошла по тайге буря, вырывало деревья с корнем. Погибли вокрой, давай просить мира. Дали клятву не воевать.

Через год они тайком опять пришли на орочен. Напала на них худая болезнь. Они вернулись.

Вот какие раньше шаманы были.

(Записано от орочена Конко в местности Чулбули, где имеются остатки какой-то кольцевидной насыпи-вала)

8

Раньше лучше знали свою веру. Шаман свой человек был, постоянно говорили, все видели, узнавали. Шаман разный бывал: который черному богу шаманил, который доброму. В два места ходил шаман: в ошынкая (теплая земля) и к черному богу в землю. Когда шаман умирал, так, если он настоящий был, весь уходил.

Хоронили его, потом ходили туда сидеть день, два, три, придешь — его нет, ушел.

Когда умирал простой человек, шаман через год „следил“, куда ушел покойник: в ошынкан или в землю. Покойнику в дорогу клали все: котел, халат хороший, все.

(Там же)

9

Бог — добрый к ороченам. Дал им жить, веру дал и там даст что-нибудь. Веру так дал, старики рассказывают: жил давно один орочен с семьей. Раз сидит у юрты, смотрит — бог идет.

Подождал к нему, говорит: „Я сейчас пойду, там другой человек живет, ему дам веру, потом вернусь — тебе какую-нибудь дам. Ладно. Ушел бог и долго не было.

У орочена в семье кто-то болен стал. Ждал, ждал орочен бога — нету. Тогда стал орочен шаманить, стал делать из дерева рыб, ну, чего надо. Делает. Смотрит — идет бог. „Ты чего делаешь?“ — спрашивает. Орочен говорит: „У меня человек болен, я шаманить хочу“. Тогда бог говорит: „Ну, как знаешь, делай так“. И ушел. Так стал орочен шаманить.

10

Старуха старая в шалаше сидит. Колена у ней стальные. Сидит — ноги у нее стерпли, стала их тереть, коленей — отсюда вышли два ребенка, стали сосать колени. Два-три дня прошло, стали сами промышлять. Луки им старуха сделала.

Один раз прибежали испуганы: два каких-то на лошадей хотели их забрать. Старуха махнула топором, на три сажени выдолтила этих людей в землю. Стали попрежнему играть.

Нашли ровное место, стали пробовать, чей лук дальше бьет; оба хвастались: мой, мой.

Оба стрелили — обе стрелки ровно стоят в земле. Побежали — это моя, это моя; тянут, крепко стоят, не могут взять. Копать стали, больше копают — дальше стрелки в землю идут. Вовсе не видать стало.

Плакать стали, жалко стало. Ничего не могли сделать. Смотрели, какая это земля. Сели поговорить.

Удивляются, что это в земле что-то слышно, человек будто говорит там. Слышат, говорит: „Я вам лучишки отдам, вы у бабушки топор украдете“.

Топор украли, таском его потащили туда, где луки были, замахнулись — вышли из земли два человека, два на конях, кони чубарые. Чокучане — эти люди. Говорят старшему (брату): „Отдай младшего, много лучиков сделаем“. Не дал. Побежали, топор с собой. До старухи не добежали, чокучане их догнали, одного (младшего) взяли. К седлу привязали.

Один остался, плачет, топор домой потащил. Старуха слышит — плачет. Старуха как будто спала — шевелиться стала. Он говорит: „Мы напрасно там, в том ключе, играть стали, мы там луки пробовали (рассказывает, что было... чокучане зубами стрелы держали, брата взяли, я один остался)“. Старуха будто спросонья не знает, что делать. Села. „А где топор? Давай сюда“. Взяла топор, не смотря махнула, говорит: „Ах, жалко мальчишку, топор, если ты мне моего дела не справишь, не оправдаешь, то сгинь, пропади там. Если дело исполнишь, то приходи назад“.

Говорят топоры: „Гора не держи, лес попадет — сплошь вали, догонишь — там в землю схорони и горой закрой“. Так отправил топор.

Время идет, мальчишка все ходит там, где голос слышал, где брата взяли...

Топор догнал, в утесах схоронил. Мальчишки нет нигде — то ли спрятали, то ли бежал, — чокучане ведь в воде, под землей, под горой шли.

Топор рассказывает о своих трудах, сильно устал, мучился.

(Записано от орочена Конко-Тупарева, на Чипе. Рассказ этот сопровождался припевом, который менялся после различных строк. Сказочник рассказывал речитативом, иногда цел. Припев подхватывался слушателями. Припев можно приблизительно передать звуками: догхе, догхе конх, койюло-ва. Припев перевести не удалось).

Б. Иттер

ДВЕ СКАЗКИ

1. Каптандыр

У одного звенка было двое детей: мальчик пяти лет — Каптандыр и девочка четырех лет — Гарпалик. Было время такое, что оленей не было и промысла тоже не было, питались одними ягодами. В это время как раз ягод было тоже мало, и им грозила голодная смерть. Родители стали советоваться, что делать. Решили детей оставить, а самим уйти, чтобы не видеть, как дети будут умирать от голодной смерти. Выкопали яму, посадили туда детей, набрали ягод, сколько возможно было, поставили их в яму и ушли, куда глаза глядят. Дети, когда съели ягоды, стали голодать, и вот им пришла мысль просить хлеба у бога, и стали просить. И вдруг им упала булка хлеба. Они увидели, что подается, стали просить мяса, и им упала курница или птица. Так они жили двенадцать лет. Когда стали большие, они вышли из ямы; сестра отправилась разыскивать родителей, а Каптандыр стал богатырем и пошел разыскивать хорошее место. По дороге он попал в землянку, где жила старушка; он у нее спросил, где бы найти место с хорошим промыслом.

— Я не знаю, — сказала старуха, — иди прямо, найдешь другую старуху, она скажет.

Так он ходил три года от старухи к старухе, пока нашел хорошее место. Ему одному надоело жить, и захотел он жениться. Он слышал, что где-то за сухим морем живет дочь солнца, очень красивая и хорошая девушка. Долго скитался по разным местам, пока нашел море. Оно было без воды, в виде глубокой, большой ямы с песчаным дном; отправился он по морю и через долгое время дошел до богатого стойбища; в середине он увидел прекрасную дочь солнца. Каптандыр подошел, поздоровался и стал свататься, а дочь солнца посмотрела на него с сожалением и сказала:

— Я за тебя итти не могу, меня охраняет змей восьмизголовый, он должен скоро прилететь, и наверно тебе не сдобровать, много тут вашего брата полегло.

— А если я его убью, то пойдешь за меня? — сказал Каптандыр.

— Да, — ответила она.

Вдруг послышалось какое-то колебание земли.

— Ага, — сказала дочь солнца, — змей летит. — Каптандыр увидел вдалеке быстро движущийся огонь; скоро стало видно, что это — змей. Он прямо у дочери солнца и остановился. Каптандыр подошел с луком громадной величины и начал колотить по головам, и пошла кровавая борьба, тянувшаяся полгода. К этому времени он разбил семь голов, оставалась еще одна голова. Каптандыр взял за последнюю голову, разбил ее и стал рвать на части громадное тело змея. Потекла кровь рекой и наполнила все море, кровь впоследствии стала водой.

Потом Каптандыр женился на дочери солнца и пошел в обратный путь. По дороге пришлось драться со многими богатырями и царями, которых он всех победил. С тех пор он женился хорошей царской жизнью. А Гарпалик долго скиталась в поисках своих родителей; когда нашла, они оказались очень дряхлыми и были умом уже как дети, ничего не понимали. Гарпалик их оставила и пошла куда глаза глядят; через долгое время ей удалось выйти замуж и жить хорошей жизнью.

(Рассказал Василий Сыгир, Кондогырского сельсовета, в сентябре 1925 г. на речке Качоме)

2. Нургауль

Быль

По реке Элимпее (впадает в Нижнюю Тунгуску) лет 150 тому назад жил звенки по имени Нургауль. У него были две дочери и один брат — Хевакан. Нургауль был очень сильный и ловкий человек; ни один звенки не мог попасть в него стрелой, он на любом расстоянии увертывался от летящей стрелы, как горняк. Чувствуя свое превосходство, он обижал всех окружающих звенков: кого грабил, кого убивал и все забирал. Его имя произносили со страхом, а где жил и кочевал, его обходили далеко, чтобы миновать беды. Если кто к нему попадал, живым не уходил. Были случаи, когда он ходил сам разыскивать; найдя, он убивал всех и увозил имущество. Однажды, когда он был в розысках, ему попалась богатая звенкинская семья, там был дряхлый

старик, который его издали узнал. Зная, что пощады не будет, старик схватил годовалого мальчика и привязал ему половой член назад (может быть, девочку оставит), взял на руки, сел в угол, согнулся, качает и кричит. Остальные все выскочили наружу, чтобы сразиться, но Нургауль всех перебил. Пошел в чум посмотреть, что там делается. В чуме он увидел старичка, качающего ребенка; старик заплакал и стал просить Нургауля не убивать его и девочку. Нургауль подошел, посмотрел ребенка и заметил хитрость старика.

— Ладно, — сказал Нургауль, — оставлю тебе этого ребенка, хотя я вижу, что это — мальчик.

Забрав все ценности, ушел домой. После ухода Нургауля старик взялся за воспитание мальчика, которого звали Хуркокан. Он задумал сделать из него грозного мстителя за погибших. С пяти лет он стал учить мальчика ловкости увертываться от стрел, а также учил его метко стрелять. К пятнадцати годам Хуркокан стал до того проворный и бойкий, что старик не только не мог попасть в упор стрелой, но даже при выстреле сзади мальчик увертывался. Когда Хуркокану исполнилось семнадцать лет, он и говорит старику:

— Я пойду разыщу Нургауля и рассчитаюсь с ним за родителей.

Старик его отпустил. В это время был как раз наст. Хуркокан надел лыжи и пустился в путь. Долго он по тайге разыскивал, и вот однажды увидел след от лыж, не очень старый. Стал следить. В одном месте увидел, что было добыто мясо оленя и увезено. Пошел дальше. Нашел свежий след и, пройдя немного, увидел — лежит мясо, недавно добытое; остановился, давай жарить мясо. Слышит, кто-то идет из оленя. Он соскочил, приготовился, но увидел, что идут две женщины; когда подошли, он спросил:

— Чьи вы?

— Нургауля, — ответили они.

Хуркокан обрадовался, что наконец-то нашел.

— Ну, — сказал Хуркокан, — ничего обо мне Нургаулю не говорите, а то я нас первых убью; если ничего не скажете, я на вас женюсь.

Девушки испугались, дали слово ничего не говорить, навьючили на оленей мясо и пошли домой. Хуркокан идет поотдале сзади, чтобы не быть заметным. Дошли до дому, сняли вьюки. Подошел Нургауль, осматрел мясо и спросил, нет ли чьего следа.

— Нет, не выдали, — был ответ дочерей. Нургауль отрезал кусок мяса и поставил жарить к гомовуну, а сам пошел в чум. Когда мясо изжарилось, принесли в чум и поставили подле Нургауля, который тут же стал чай пить с мясом. В это время заходит Хуркокан, держа лук наготове. Нургауль удивился неожиданному гостю. Хуркокан сказал:

— Ты убил отца и мать, сестер и братьев, и я пришел рассчитаться за них, выходи на улицу, попробуем сразиться.

Нургауль взял лук со стрелами и вышел на улицу.

— Ну, — говорит Хуркокан, — начинай стрелять, ты старше.

И Нургауль стал пускать стрелу за стрелой, пока все не кончилось, а Хуркокан благодаря своей верности остался невредим. Потом Хуркокан натянул лук и сказал:

— Ты, видно, разучился стрелять. Вот смотри, как я стреляю, — и пустил стрелу прямо в лоб, а другую в грудь.

Нургауль вскрикнул и сказал:

— Я умираю и прошу тебя, оставь моего брата в живых, чтобы он меня похоронил, — и умер.

Хуркокан брата оставил, одну девушку взял себе в жены, забрал все ценности и ушел к своему дедушке. Брат похоронил Нургауля тут же на хребте, а сам ушел кочевать. Теперь так и называется этот хребет — „Нургауль“ (Нургауль был из рода Ошикир).

(Рассказал Веретешка, 55 лет, 7 сентября 1925 г. Речка Олимпя)

В. С. Пежемский

ДВЕ ЛЕГЕНДЫ ЕРБОГАЧЕНСКИХ ЭВЕНКОВ

1. Холи раздора

Как только появилась земля, Ховоки населил ее великанами, которые много, много лет жили на ней.

Первое время великаны жили хорошо, не враждовали между собой, но после они испортились, стали враждовать между собой, настолько озлобились, что, враждуя, поседали побежденных соседей. Неприятна была Ховоки жизнь великанов, и он решил убрать их с земли. Одних превратил в камень-утес, других сделал рекою, озером, болотом, а тех, кто был смелее и ходил к нему на небо, оставил там, превратив в звезды. Как только великаны вывелись на земле, Ховоки заселил ее людьми. Хорошо жилось людям в освобожденной земле: всего было вдоволь, никакая болезнь не касалась их, так как тут всегда был с ними Ховоки; он учил их, как ловить зверя и птицу, как поймать рыбу в воде. В то время люди не боялись и холода. Тело их сплошь было покрыто густою и длинною шерстью, под ней им было тепло и не было потребности иметь одежду.

Один раз Ховоки собрал людей и сказал им:

— Любимые мои дети, долго я был здесь с вами, и мне необходимо отлучиться от вас на три дня. Живите здесь так же, как жили при мне: не будет между вами ни ссор, ни зависти; ловите птицу и зверя, как я указал вам, ешьте их, ешьте также ягоды, которые редко ест зверь, у которых нет древесной опоры, а ягоды, растущие на деревьях, не ешьте; это — пища птиц и зверя; ждите меня откуда показывается солнце, не скучайте и не печальтесь.

Сказав это, Ховоки, провожаемый взорами людей, отправился в путь и скоро скрылся из виду.

Прошло много лет, половина людей, знавших Ховоки, покрылась сединами, а его еще не было, и не знали люди, когда он придет к ним. Неизвестно им было, сколько лет означают три дня, спустя которые должен был Ховоки явиться. Ожидая его, люди ворожили, но в ворожба ни к чему не привела; стало брать людей раздумье: не обманул ли их Ховоки, все ли то правда, что говорил им на прощание.

Начали есть без разбора все, что им попадалось на глаза: кислые и сладковатые ягоды с деревьев. Что же случилось? Как только начала есть ягоды, появилась среди них болезнь, после которой вся шерсть их опала, как лист осенью.

С удивлением люди увидели себя другими: то, что мы теперь закрываем, оголилось и бесстыдно торчало на виду. Женщины и молодежь, как более любопытные, хватились за половые признаки, некогда скрытые шерстью. Женщины не давали прохода мужчинам, а молодежь и даже взрослые приставали на каждом шагу к женщинам и девушкам; спокойно мог ходить лишь тот, кто связал себе из трав прикрытые (адапту). Поведение мужчин породило ревность (орголит), а вместе с нею начались ссоры и убийства.

С убийством узнал людей и Орумо (Харги), до этого он боялся даже близко подходить к людскому стойбищу.

С появлением среди людей Харги ворожба сменилась шаманством, и люди все более и более отделялись от Ховоки.

Оголенное тело забло от холода и изнывало от жары. Появились болезни, и люди стали вымирать.

Так прошло еще несколько лет; многие забыли совсем Ховоки, а те, кто помнил его, сердились на него за долгую отлучку и те болезни и мучения, которые из-за этого постигли людское племя. Это недовольство Ховоки передавалось от рода к роду и ненавистью гнезилось в сердцах новых поколений.

Многие годы стерли в памяти людей не только заветы, но и образ (вид) самого Ховоки. Смутно чего-то ждали люди со стороны восхода солнца, каждый по-своему соображая, что бы он стал делать, если придет Ховоки.

Но вот, перед началом одной из весен, в начале солнечного восхода, из блеска солнечных лучей выделился Ховоки и стал приближаться к людскому стойбищу.

Два-три старика, дожившие до прихода Ховоки, узнали его, обрадовались и сообщили это молодому поколению, но молодежь, схватив оружие, стала смущать других на убийство Ховоки. В людском стойбище поднялся шум и суматоха. Ховоки понял, что произошло с людьми. Не дойдя до стойбища на три перелета стрелы, остановился и стал упрекать людей. Упреки обобзили людей, и они бросились на Ховоки, чтобы поймать его (настолько еще люди были глупы), но он быстро стал удаляться вверх, где было солнце, и исчез в сиянии солнечного света. Обозленные люди решили добраться до Ховоки и наказать его. На своем собрании (уру) постановили: всем, кроме стариков и женщин, носить шапками в одно место землю, чтобы насыпать ее большим холмом-горой, по которой бы легче добраться к местожительству Ховоки.

Прошло много лет, и из людских трудов создалась высокая гора, далеко уходя ввысь своею верхушкою: несколько лет нужно было для того, чтобы достичь вершины и высыпать из шапки предназначенную для постройкы землю. Люди всходили на эту гору, а когда возвращались к стойбищу, то там уже находили новое поколение, говорящее на непонятном языке, и редко можно было найти старика, который бы с трудом объяснил возвратившемуся, что часть знакомых ему людей или в пути на гору, или, уже возвратясь, ушли отсюда в таком-то направлении.

Возвратившийся чувствовал себя одиноким, брал жену какого-либо ушедшего и с нею уходил в сторону от людского стойбища. Так люди рассеялись по всей земле от этого холма-горы, образуя роды и различные племена... На возвышенное место стали слетаться болезни, они быстро уничтожили остатки строителей и по сие время живут там, и холм раздора людей с Ховоки теперь является стоянкой болезней. При камлании дух шамана уходит к этому холму, чтобы яснее проследить ход болезни, губящей человека, так как родовые тропы торны и по ним болезнь гонит какой-либо род, как собаки зверя.

Поэтому худо, когда люди берут в жены из своего рода: тогда болезни легко разобраться чутьем в родовом следу и пожрать семью.

Если кто желает жить хорошо и спокойно, пусть берет жену из других родов (не близких): это перемешает родовые пути, и болезнь племени долго будет блудить чутьем в поисках семейства.

(Слышал от шамана Ширбауля Гавриила в 1920 г. в с. Ербогачен. Ширбауль умер в 1921 г. в стойбище Дегдовли, в 250 км. от Ербогачена).

2. Мангы-Дёромго

В прежние времена, далеко еще до появления людей, земля заселялась великанами, которые, подобно людям, селясь около рек, занимались охотой и рыбной ловлей. Насколько они были велики по сравнению с маленькими теперь людьми, можно судить по тому, что день у этих великанов равнялся ста и больше годам.

В своих поисках за добычей они не знали преград: большие реки перешагивали как маленькие ручьи, болота и озера перепрыгивали.

В умственном отношении великаны были слабы, жили отдельными семьями, враждовали между собой, побежденных пожирала, как и всякую добычу.

В те далеккие времена на берегу одной из земных рек жил великан с женою и дочерью. Проходил год за годом, незаметно подкрадывалась старость, а он все не мог дожидаться от жены сына. Но вот, на старости лет великанша родила сына. Мальчик был необычайный: большого роста, с огромной головой и с тремя глазами во лбу; с появлением на свет начал ходить на ногах и, подражая отцу, стал охотиться на птиц и сподручных ему зверей.

Каждый раз он приходил с обильной добычей, причем, чтобы мясо не портилось, он не убивал зверей или птиц до смерти, а только свертывал им шею и полуживых нес к отцу и матери.

Сестра позавидовала успехам брата и один раз попросилась идти с ним на охоту, чтобы видеть, как он ловит зверей. Брат взял ее, но, видя, что сестра не может понять всей тонкости его охотничьих приемов, показал на ней самой: завернул ей голову и в таком виде, полуживую, бросил у входа в шалаш вместе с добычей.

Разбирая добычу, мать среди зверей увидела дочь, позвала отца и сказала:

— Что это за зверь? Как он похож на нашу дочь.

Отец признал дочь; видя ее полуживой, предложил матери добить ее и сварить к ужину, а сына жестоко наказать. Мать воспротивилась, распрямила шею дочери, и она осталась жива, а сын, боясь наказания, бежал из родительского дома.

Покинув отчий кров, Мангы-Дёромго решил идти на небо — подняться на тот хрустальный свод, который прозрачным коллаком окружает землю, где в изобилии водятся дорогой и крупный зверь. Но чтобы взобраться на небесный свод, необходимо дойти до края земли, где вершины земного леса касаются неба, найти в небесном своде отверстие (хангар), которое известно Оксори (богу), Харги (чорту) и Догивки *, а также, но в редких случаях, „Хангар“ может найти и земной житель-герой. Мангы-Дёромго, как необычайный человек, нашел это отверстие и на своих лыжах легко помчался по небесному своду.

По пути догнал двух охотников: Торопливого и Хвастуна. Мангы-Дёромго расспросил их, за кем они охотятся. Те сказали, что гоняют лосей, но не могут догнать, а потому Торопливый торопит своего друга Хвастуна идти скорее за лосем, чтобы он к утру не скрылся из виду. Хвастун, имея за спиной котелок, уже заранее говорит, как он первым догонит лося и будет варить лосиное мясо. Мангы-Дёромго попросился в их компанию, и они втроем погнались за лосем. Скоро товарищи отстали от Мангы-Дёромго. Он один, как ветер, помчался за лосем, пересек на лыжах небесный свод и перед полночью увидел лося с левой стороны от себя, обернулся и пустил ему под лопатку двухконечную стрелу и убил лосиху, а теленок с перепуга метнулся в сторону, упал в хангар и таким образом очутился на земле (от теленка пошли теперешние земные лоси). Перед утром только пришли к убитой лосихе те два охотника — Торопливый и Хвастун. Современные люди в каждую ясную ночь теперь видят на небе охотничьи подвиги Мангы-Дёромго: след от его лыжи белой неровной полосой протянулся по небу¹, лось², лосенок³ и два охотника: Торопливый⁴ и Хвастун с котелком⁵; Мангы-Дёромго в правой стороне небесного свода⁶; стрела⁷.

Оставив охотников, Мангы-Дёромго пошел рыскать по небесному своду в поисках жителей. Когда он достиг середины неба, видит — стоит золотой шатер, как бы в воздухе, не касаясь хрустального свода. С трудом Мангы-Дёромго проник в шатер. Там его встретила старуха, заведующая землей и всем живым на ней, с красавицей дочерью. Мангы-Дёромго был приятен и облакан ими: они его раздели, высушили ему унты, накормили яствами со своего небесного стола. Мангы-Дёромго понравилась небесная жизнь, а еще более полюбила девушка, дочь старухи. Мангы-Дёромго женился на ней и сделался небесным жителем-охотником. Живя на небе, он не забывал земли, при удобном случае сгонял редких ценных зверей к небесному отверстию (хангар), делая их достоянием земных жителей.

Прошло незаметно несколько циклов лет. Мангы жил на небе и наслаждался уютом семейного очага. Временами ему приходила мысль посетить землю, узать о жизни родных, но он боялся оскорбить своим отсутствием жену и тещу.

В такие минуты тоски по земному он уходил на край неба и, свесившись с хрустального свода, плакал. Этим облегчал себя и возвращался к жене с красными от слез глазами. Это не ускользнуло от наблюдательности тещи. Один раз она спросила, почему он приходит с охоты с красными глазами. Мангы-Дёромго ответил, что, охотясь около земли, ему приходится соприкасаться с вершинами земного леса и лес хвоей бьет его по глазам. Старуха пошла к краю земли и стала наказывать лес; деревья сказали, что напрасно их наказывает госпожа-владычица земли, зять обманул ее: не от хвои у него красные глаза, а оттого, что часами плачет здесь по земной жизни. Узнав правду, старуха ничего не сказала зятю, но когда он пришел с охоты опять с крас-

* Мифической птице, переносящей героев в потусторонний мир.

¹ Млечный путь

² Четыре звезды Б. Медведицы

³ Первая звезда Б. Медведицы

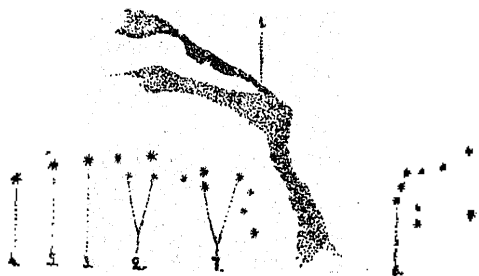
⁴ Крайняя звезда Б. Медведицы

⁵ Средняя звезда Б. Медведицы с еле мерцающей звездочкой

⁶ Трехзвездный Орion с прилегающими к нему созвездиями.

⁷ Три звезды от Орiona к созвездию Б. Медведицы.

У некоторых эвенкийских родов легенда о Мангы-Дёромго не сохранилась, но все они называют млечный путь: „Кингля Мангини“ (лыжня разбойника).

ными глазами, она сказала, что не следовало ему прибегать к обману, а лучше бы сказать правду: если ты тоскуешь по родине, то можешь посетить ее, и жена твоя на это время примирится с разлукой.

Дает ему теща своего восьминогного коня с копыевидными копытами, и Мангы-Дёромго вихрем мчится к стойбищу, где некогда оставил родных.

На том месте, где был их шалаш, он увидел огромные стволы вековых деревьев, а шалаш их почти врос и сравнялся с землей.

Привязав своего коня, Мангы-Дёромго тихо подошел к шалашу и стал прислушиваться к тому, что происходило внутри. Потом, найдя щель, увидел огромную великаншу, которая ворожила человеческой челюстью, подбрасывая ее вверх с восклицанием: „Куварк“. Если челюсть падала кверху зубами, она радовалась, а если книзу, ругалась и сердилась. Это была его сестра, сделавшаяся людоедкой: она съела своих родителей и их челюстями ворожила: когда вернется брат Мангы-Дёромго, чтобы покончить с ним счеты за случай на охоте. Брат вошел в шалаш, сестра узнала его, обрадовалась, подобрала челюсти предков, стала готовить оладьи, варить рыбу и мясо для угощения брата. На ночь постлала постель: по одну сторону шалаша для брата, а по другую, ближе к выходу, для себя, спрятав под изголовье большой топор, полагая, что с дороги брат крепко заснет, а она его, сонного, убьет. Брат заметил это и бдительно стал следить за сестрой: когда он дремал двумя глазами, третий глаз не спал и глядел на сестру. К утру сестра задремала; тогда Мангы-Дёромго нашел в бересте клей из рыбьих шкур и заклеил сестре глаза, а сам стремительно вышел из шалаша, поспешно отвязал коня и помчался. Сестра услышала конский топот, проснулась, но никак не могла открыть глаза; наконец ногтями продрала веки и бросилась в погоню за братом. Осминогий конь с трудом нес своего всадника по земле: его ноги с копыевидными копытами вязли в почве до колен. У отверстия (хангар) сестра уже догоняла брата, но конь напугал последние усилия и вскопился на небо, здесь он уже далеко оставил великаншу: его копыевидные копыта легко задерживались на гладкой поверхности неба, между тем как ноги великанши, обутые в унты, скользили, как по льду.

Поспешно соскочил с коня у входа в шалаш Мангы-Дёромго и передал теще о грозящей им опасности. Та успокоила его, приказала расплавить в больших котлах металлы: свинец, олово, железо, медь, серебро и золото, котлы поставила в ряд по дороге, а сама пошла навстречу великанше. Великанша по следам коня шла к месту нахождения брата. На пути она встретила старуху и начала борьбу. Три дня длился поединок. На четвертый день старуха хитростью поборола великаншу: толкая ее в зад пятки, опрокинула в котлы со сплавом, погрузив и продержав ее в каждом из них.

Великанша вскричала от боли, стала вырываться из рук старухи, а когда та выпустила ее, то она, обезумев, с прильнувшим к ее платью и телу сплавом, бросилась бежать на землю так быстро, что при прыжке разбилась в куски, рассеяв неравномерно по поверхности земли золото, серебро и другие металлы.

Ленинград 1 августа 1928 г.

(Слышана легенда 19 декабря 1920 г. в с. Ербогачен от тунгуса Кондогирского рода Дандина Василия, 70 лет.)

М. Ошаров

ТУНГУССКИЕ СКАЗКИ¹

Сказочный материал тунгусов Туруханского края характеризуется пятью-шестью десятками типовых сказок, за исключением вариантов и расчленений некоторых сказок на ряд самостоятельных отдельных сказок и к ним еще вариантов.

Нижеприводимые сказки записаны со слов сказочников, с возможной точностью. Однако переводить труднее, чем придумывать, поэтому отдельные места тунгусских сказок, благодаря языковым особенностям, чрезвычайно трудно переводимы. Например, в сказке „Недоумок“, построенной исключительно на нюансе созвучий совершенно различных по значимости слов, при переводе пропадает вся прелесть. Так, по-тунгусски и нянгта будет пятка, и нянгта — кедровый корень; или оран — порог (на реке), орон — олень. Дураку в сказке ведают нарезать нянгта, т. е. корней, он путает это со словом нингта и поэтому ловит детей, режет и приносит в подолы их пятки. Просят оленя (орон), он же лезет в оран, т. е. в воду, в порог и т. д.

По словам Гете, „истинный“ характер сказок состоит в том, что, не преследуя никакой моральной цели, они выносят человека из тесных рамок его внутреннего мира в безгранный

¹ Из журн. „Сибирские огни“, № 9—10, 1923, стр. 167—176. Текст сказок, обозначенных нами под №№ 18, 19 и 20 (стр. 282—283), взят из романа автора „Большой аргиш“, (М. 1935, стр. 61, 108—109, 154). Две сказки (№№ 2 и 5) первоначально помещены автором под заглавием „О лесе Моо и камнях Хишаль“ и „О медведе Амикане и кедровке Чагше“ в журн. „Охотник и рыбак Сибири“, № 3, за 1929 г., стр. 71—72 за подписью „М. А.“. Относительно второй из этих сказок автор делает следующее примечание: „Эта же сказка имеется у дубчинских остяков, где старый медведь называется „баат-хой“, а кедровка — „туколя“. Смысл тунгусы утверждают, что „чжянда“ (остяки) эту сказку взяли у тунгусов. Насколько это так, требуется проверить“. Текст первой сказки приводится автором также в его романе „Большой аргиш“, стр. 45. *Ред.*

внешний простор. Подавляющее большинство тунгусских сказок натуралистично. Волевой взлет фантазии творцов сказок не унес их в страны умопомрачительных див, а вывел лишь в пределы мира, ими освоенного, познанного и видимого. В тунгусском религиозном культе несравненно больше сказочной фантастики, нежели в их сказках. Тунгусские сказки материалистичны. В сказочном творчестве отразился промысловый бытовой уклад охотников-натуралистов. И сказка, как устное творчество, не синтезирует художественно-эмоциональную потенцию племени, а скорее дает иное объяснение: как было, почему так стало, откуда взялось то или иное явление, тот или иной предмет.

Слушая тунгусские сказки, не уходишь в несказанные миры, а созерцаешь реальный мир, пребываешь в быту той или иной действующей в сказке особи, в ее естественной среде — тайге, берлоге, гнезде и т. д. Для действия не придумано новой, необычной среды, фантастического фона, обстановки, условий. Даже комические сюжеты с их действующими силами изведены до естественной земной простоты.

1. Как лисица баб обманула

Узнала лисица, что в чуме бабы остались без мужиков, пришла к ним. Бабы палили мягкий олений рог и ели его. Увидела это лисица и засмеялась:

— Зачем вы едите кости? Почему не едите сладкую рыбу?

— Ели бы, да нет у нас рыбы. Где ее взять?

— Хо, я знаю речку одну. В ней рыбы полно. Поплывете со мной?

— Пойдем, пойдем, — обрадовались бабы.

— Ладно, — сказала лисица, — я поведу вас к рыбе, только есть ли у вас в турсуках¹ мука?

— Зачем тебе мука надо?

— Да без муки в речке худо ловится рыба. Хотите добыть, так берите турсук муки, кладите его в лодку и скорее поедом.

Лисица торопила баб, чтобы уплыть от чума, пока не вернулись мужики.

Взяли бабы последний турсук с мукой, посадили лисицу с собой в берестянку и поплыли вверх по реке.

— До рыбной речки не близко. Вы плывите, а я маленько усну. Будут попадаться по пути устья притоков, вы будите и спрашивайте меня. Да хорошенько смотрите, чтобы не проехать рыбную речку.

Вesят бабы, смотрят по берегам. А лисица прилегла рядом с мукой, накрылась меховым комуланчиком, прикинулась спящей и давай из турсука есть муку.

— Лисица! — будят ее бабы, — Смотри-ка, речка.

— А это речка Хулельго („не начинала“), плывите дальше.

Плывут бабы. Опять увидели устье.

— Лисица, ты спишь? Посмотри речку.

— Это речка Омьльго („убавила маленько“). Плывите.

Плывут, не отдыхают бабы. Хочется поесть рыбы. Увидели третье устье. Будят лисицу.

— Не эта ли рыбная речка? Спит крепко. Лисица, не эта ли рыбная речка? Мы ее проплываем.

— Проплывайте, — отвечает сонно лисица. — это речка Тыталыге („вровень с краями“).

Плывут бабы, а лисица полным ртом ест муку, будто спит.

— Э, лисица, сейчас будет четвертая речка. Не в ней ли рыба? Посмотри.

Лисица одним глазом из-под комулана взглянула, чтобы не показать мучной рот, и сказала:

— Тиховато едете. Эта речка будет Ушильге („половина“).

Сильнее vesят бабы, торопятся к рыбе, а лисица торопится есть муку. Показалась в придуке пятая речка. Говорят лисице:

— Мы видим речку. Не в ней ли будем ловить рыбу?

— Нет. До рыбной речки скоро доедем. Эта речка будет Хорольге („на дне осталось“). Плывите дальше.

Плывут. Лисица долизывает муку. Увидели снова речку, будят:

— Лисица, гляди — речка! Не в ней ли рыба? Какая это речка?

— Это речка Кумкольге („опростала“). Тут будем ловить рыбу.

Пристали к берегу, приколоты берестянку. Выскочила из нее вперед баб лисица и говорит:

— У меня что-то с брюхом неладно. Подождите меня, я сбегаю в лес. Если долго не будет меня, одни рыбачить начинайте, а рыбу кладите в турсук, его я под рыбу вам опростала.

И остались бабы без муки и без рыбы.

Июль. 1926 г. Джягдагли. Чум Гурсу.

2. О лесе и утесе

Амака сделал камень, дерево и велел им расти. Высоким стал камень и говорит дереву:

— Мо, ты видишь, какой я большой. Потом я стану не меньше самого Амаки.

Выслушало дерево камень — утес и камню сказало:

— Я стану не ниже тебя, Хишаль. За мою вершину будут задевать тучи.

Услышал Амака хвастовство, подошел к камню и сказал ему:

¹ Турсук — ильмок — переметная сума с берестяным усеченно-пирамидальной формы каркасом, обшитым сверху оленьим камусом или же тайменей кожей. Мучная вместимость турсука — 32 килограмма.

— Хишаль, ты хочешь стать больше меня. Это не плохо. Только ты станешь тяжелым и раздавишь себя. Это худо. Падая, ты поломаешь лес. Чтобы так не случилось, лучше я покажу тебе рост твой. — Амака смахнул рукой все лишнее с камня. — Вот таким, Хишаль, ты будешь века. Как только вершина твоя станет отрастать выше, она будет сама рассыпаться.

Потом Амака подошел к дереву.

— Мо, ты хвастало стать выше туч. Это плохо. Тебя будет сильно бить ветер. Корни не удержат тебя. Ты упадешь, передавишь людей и оленей. Вот тебе рост твой. — Амака захватил в руку ветки и, помаленьку сжимая пальцы, провел ею от комля к вершине и все лишнее оборвал.

— Таким ты будешь века, — сказал Амака дереву. — Если будешь перерастать, станешь сохнуть с вершины.

С тех пор большие переросшие утесы сами собой разваливаются в мелкие россыпи, а переросшие деревья сохнут с вершины.

Июль 1926 г. Джягдагли. Чум Гургу.

3. Волк и лисица

Холодно волку. Голодный он. Идет заячьей тропинкой. Думает зайца дойти. Встретился с лисицей. Думает: съем.

Лисица говорит:

— Волк, холодно мне, давай греться. Повеселимся.

— Как?

— Ты мне свяжи ноги, я стану прыгать, ты смейся.

Волк связал ноги лисице, начала она падать, перевертываться. Повеселила волка и говорит:

— Я устала. Развяжи ноги, да весели потом меня. Мне тепло. Давай свяжу тебе ноги. Псыграешь, и мне опять свяжешь.

Волк согласился. Лежит, встает, падает. Лисица хохочет. Устал, просит развязать, а лисица «играй» говорит — и в лес.

Лежит волк. Подлетела к нему белая птичка.

— Развяжи мне, птичка, ноги, я тебя вакормлю мясом, кишками.

Скривила себе птичка лапки об узел. Развязала волка. Задавил волк оленя, напился крови, разорвал брюхо, поел и оставил оленя птичке. Залезла она в брюхо, вымазала белые-перышки кровью, и пошли от нее красногрудые клесты.

Волк пошел следом лисицы. Нашел конский шевяк. Посмотрел: лисица грызла его. Сломала об него клык. Идет следом дальше, ищет лисицу. Смотрит — в лесу огонь, а кругом него лисиц много сидит.

— Это они на муняк¹ собрались, — подумал волк и сел с ними.

Смотрит кругом, ищет лисицу, что обманула его, а узнать не может. Все — как одна. Вспомнил о сломанном зубе, подскочил к огню и давай бить хвостом по костру. Хвост горит, а лисицы смеются.

Увидел беззубую, подсел к ней и говорит:

— Из подпаленного хвоста все уши перебежали на голову. Ты поищи мне маленько.

Лисица покусала вшей и говорит волку:

— Я тебе хорошо искала в голове; поищи и ты мне.

Волк кусал вшей, да спрашивал где поискать.

— За ухом сербит. Покусай там хорошенько.

Волк так куснул обманщицу-лисицу, что она сразу подохла.

Июль 1923 г. Катонга, В. Контора. Рассказал Тогача.

4. О зайце и шамане

Давно в старину это было. Один заяц нашел в лесу лопаточную кость и объявил по тайге себя большим шаманом.

Услышали об этом зайцы, обрадовались своему шаману и пошли все к нему. Больные пришли лечиться, другие узнать о судьбах своих. Большой шаман все знает.

Собрались. Зажгли костер. Сели кругом, ждут камланий шамана. Ударил он лапкой в свой бубен — костяную лопаточку, вытянулся, запел:

В горелом лесу — боов!
Дорога моя торная — поов!*

Подпрыгнул, потоптался, ударил в кость, запел:

В горелом лесу — поов!
Дорога моя торная — боов!*

Кувыркнулся через голову и то же:

В горелом лесу — боов!
Дорога моя торная — поов!
В горелом лесу — боов!*

¹ Собрание.

Зубнит да поет, поет да зубнит...

„В горелом лесу — боов!“

Ждали-ждали зайцы, когда их шаман шаманить начнет, да так и ушли ни с чем. С тех пор и живет великая слава в тайге о зайце-шамане большем.

Июнь 1925 г. Ерабо. Рассказал старик Калтан.

5. Медведь и кедровка

По тайге бродил медведь. Он был стар, голоден. Медведь искал в лесу себе пищу. Увидела его кедровка и стала над ним насмехаться.

— Дедушка-медведь, иди сюда, здесь орехи! — крикнула издали кедровка.

Услышал он, что птица его кушать зовет. Пошел к ней. Шел, шел... Вдруг снова слышит в стороне тот же голос.

— Дедушка, иди сюда, здесь орехи.

Показалось медведю, что он неладно зашел. Изменил путь. Идет на голос. Стал подходить близко. Кедровка перелетела на новое место, подальше, и опять закричала.

— Дедушка-медведь, иди сюда, здесь орехи.

Побежал голодный медведь на призыв, а там ни кедровки, ни орехов.

Кедровка перелетела в пустой лес и кричит:

— Дедушка-медведь, иди сюда, здесь орехи... иди сюда.

Долго бегал старик за перелетающей кедровкой, потом понял, что она обманывала его. Осердился, сказал:

— Ты меня, кедровка, обманывала, так помни: когда будет большой урожай ореха, ты никогда не будешь надеяться. Сколько бы ты ни ела, ты будешь все время голодная. Когда же ореха совсем не родится, ты будешь сильно голодать, мучиться и подыхать.

С той поры с кедровками так и стало, как сказал им дедушка-медведь.

15 декабря 1928 г. Сым.

6. Почему у медведя нет на лапах больших пальцев

Амака сделал шестипалым медведя и пустил его в лес.

Услышал медведь в себе силу и начал ломать, ворочать все, что попало ему в лапы.

Увидел это Амака и решил убавить силы у медведя. Он сказал ему:

— Чтобы ты стал смиреннее, я оторву от лап твоих большие пальцы. Зимами ты будешь спать в берлоге, летом выходить, кормиться орехами, корнями, ягодой, травой.

И оборвал Амака пальцы.

Пролежал медведь долгую зиму в темной берлоге, вылез из нее весной и стал просить Амаку вернуть пальцы.

— Ладно, — сказал Амака, — я верну тебе пальцы и дам человеку против тебя лук, стрелы, а собакам острые зубы.

Медведь надеялся на свою силу, взял от Амаки пальцы. Пошел. Встретился с человеком и с собакой, стали драться.

Пустил человек стрелу, впилась острыми зубами собака за зад, и закричал медведь:

— Амака! Возьми от меня большие пальцы, я лучше буду жить без них, спать зимами в берлоге, выходить весной и есть то, что ты велишь.

И оборвал Амака навсегда у медведя большие пальцы.

21 июня 1928 г. Байкит. Рассказал Сакура.

7. Откуда появились вши

На земле было много, много мышей. Люди ходили и ногами топтали в травах мышат. За это мыши возненавидели их. Они стали портить у людей одежду, грызли и поедали пищу. Тогда люди сделали высокие лабазы и на них стали прятать все от мышей.

Старая мышь придумала другое. Она нашла сеноставца¹ и говорит:

— Сеноставец, у тебя много вшей. Давай пустим их людям. Пускай их вши заедят.

— Нет, мышь, — сказал он, — аваньки народ хороший. Вшей своих я напускать им не буду. Худо они мне не делают.

Мышь рассердилась, ушла. Она тихонько залезла в чум и всех своих вшей пересадила в голлову больной женщины.

Женщина та умерла, а вши с нее расплозились по остальным в чуме и стали кусать их.

Так и не выводятся они у человека.

14 июня 1928 г. Юдукон. Чум Барды.

¹ Сеноставец или пищуха — маленький, рыжий бесхвостый зверек из семейства грызунов. Зимой спит в каменных россыпях. На еду заготавливает себе траву и сушит. Это — отличное сено, которое охотно поедает олень. Тунгусы считают его тружеником, не приносящим человеку никакого вреда, и относятся к нему с уважением. Мышь, как вредного грызуна, презирают.

8. О мыши и сенокосце

Мышь говорит сенокосцу:

— Помоги мне сделать так, чтобы все люди пропали.

Сенокосец ответил:

— Людей мне жалко. Пускай живут, кому они мешают?

— Нет, люди плохие, — сказала мышь. — Они топчут моих маленьких детей. Детей у меня много стало. Земли мало, жить негде.

— Места всем хватит, — говорит сенокосец. — Пусть будет народу еще больше. Народу больше станет — только веселее.

Долго спорила мышь, что люди плохие, но никак не могла переспорить сенокосца.

— Ладно, — говорит тогда ему худая мышь. — Если тебе людей жалко, тогда давай за них со мной бороться. Если ты меня переборешь, пусть умирают мои дети; а если побегу я, тогда пускай люди топчут детенышей твоих.

— Давай бороться, — согласился сенокосец.

Боролись. Мышь корнем всадила длинный хвост в землю и поборола бесхвостого сенокосца. Он проспорил мыши. Но чтобы не погибли ни отчих ног его дети, он ушел в каменные россыпи и теперь живет по рассыпам.

5 июня 1928 г. Байкит. Рассказал Дз. Ленгамз.

9. Богатырь и клей¹

Был давно один богатырь. Ходил он везде и на всем пробовал свою силу. За что ни возьмется, то и ломает, искрошит.

Богатырь хвастался силой, пугал. Все люди его боялись. Потом нашелся один смелый и говорит ему:

— Ты, говорят, очень смелый, а рыбьего клея, однако, не одолеешь.

— Какой такой клей? — ответил богатырь.

— Хочешь попытать?

Богатырь согласился. Он лег, смеясь, на облитую клеем² каменную плиту и долго лежал на ней неподвижно. Когда высох клей, богатыря сказал человек:

— Ну-ка, попробуй, вставай помаленьку.

Богатырь пошевелил плечами, спиной; но ни плечи, ни спина не шевелятся. Уперся ногами в плиту и не мог приподняться. Осердился, ударил из всей силы ногой в камень и пополам разорвался.

С тех пор и не стало на земле страшного богатыря.

21 июня 1928 г. Байкит. Рассказал тунгус Сакура.

10. Где тунгус нашел первую жену

У солнца не было жены. Оно вдовело. Жило со старым отцом-месяцем и красавицей дочерью.

На красавицу стал заглядываться молодой тунгус. Когда солнца не было в чуме, парень пришел к ней. Засиделись.

Вернулось солнце на стоянку. Некуда стало бежать парню. Спрятался.

Вошло солнце в чум, слышит худой запах в жилище, спросил дочь:

— В чуме у нас чем-то нехорошо пахнет. Ты не знаешь?

— Нет, — соврала та.

Солнце стало искать и по запаху нашло тунгуса. Рассердилось на красавицу-дочь и выгнало ее вместе с парнем.

Так и стала у тунгуса первая баба. Солнце же с седым отцом-месяцем откочевали на небо и аргитат по нему одинокие.

3 июня 1928 г. Юдукон. Рассказала старуха Дугдаг.

11. Про гагару

Амака сделал воду и пустил по ней птиц. Нестись — понадобилась земля. Призвал он к себе гагару, сказал ей:

— Укон, ты лучше всех умеешь нырять. Ныряй, достань со дна песок, и я сделаю землю (сушу).

Нырнула гагара, достала со дна песок, но не отдала его Амаке. Она сама хотела сделать землю.

Рассердился Амака на гагару, позвал к себе гоголя, сказал:

¹ То же в „Большом аргеше“, стр. 208. *Ред.*

² Клей тунгусы изготовляют сами из плавательного пузыря осетра, кожи налима. Лучшим считается клей осетровый. Он употребляется для подклейки камыса к лыжам, склеивания луков, проклейки тетивы и пр. и служит прекрасно.

— Момуру, ты хорошо умеешь нырять. Достань мне со дна песок, я сделаю землю.
Достал гоголь со дна песок, отдал его Амаке.
Сделал Амака землю, поймал гагару и наказал. Он вырвал у ней лапы с брюха и воткнул их к хвосту, чтобы она не умела ходить по земле и век жила в воде.

Лето 1923 г. Оскоба. Рассказал Марененок.

12. Почему люди стали шаманить

Амака сделал всех птиц, злой Харги сделал одну гагару. Пустил он гагару на воду и стал хвалиться перед добрым Амакою:

— Что твои птицы? Г.... против моей гагары. Мою гагару на воде никто ни догонит. Ее не поймает и твой человек.

Амака сказал Харги на это:

— Человеку я дам двузубое копые, и ты увидишь, как он добудет им твою гагару.

— Что гагаре твое копые? Она умеет нырять лучше всех твоих уток.

Амака дал аваньки (тунгусу) копые, он сел с ним в берестяную лодку и стал гоняться за мудреной гагарой. Загонял. Устала гагара. Воткнул ей в хвост копые и не дал унырнуть больше. Сидит гагара на копые, крутит головой во все стороны и кричит:

— Аваньки будет шаманом. Остак будет шаманом. Якут будет шаманом.

С той поры люди стали делаться шаманами.

18 июня 1928 г. Рассказал Барда. На рыбалке ниже Байкита.

13. О созвездии Хоглен-Сохатом¹

Встретились в лесу охотники — русский, остак и тунгус. Заспорили, кто лучше и быстрее ходит на лыжах. Русский говорит:

— Я лучше вас обоих умею бегать на лыжах.

Остак ему не уступал, тунгус же сказал:

— Завтра найдем зверя и попытать себя станем. Может, я плохой ходок?²

Утром пошли. Под горой нашли след сохатого. Побежали за ним. Русский добежал до подножья, остак выскочил на вершину, тунгус же в это время был за горой и добыл Хоглена.

Так и бегут по небу. Русский — плохой ходок, он век под горою с котомкой; остак — по-лучше ходок, он век на горе³; удалый же тунгус — век за горой⁴, век бежит передом за сохатым⁵. Посмотрите их ночью.

1920 г. Гагинда. Рассказал Калтан.

14. Мамонт и змей Чжябдар

Много-много было кругом воды, маленько было сухой земли. Негде было жить человеку, негде было пастись оленям. Горевал об этом человек. Подошел к нему мамонт, спросил:

— Отчего ты такой невеселый?

— Какое веселье, — сказал человек, — кругом одна вода. Как кочевать?

— Не печалься. Я тебе осушу землю.

И мамонт побрел по воде. Остался на маленькой суше невеселый человек.

Нашел мамонт за водой на песке змея, сказал ему:

— Пойдем, Чжябдар, со мной осушить землю, У меня — сила, у меня — гибкость. Ты мне помо-жешь. Будет тебе лежать на песке.

Не хотел идти змей, да уговорил его мамонт. Пошли осушать.

Забрел мамонт в воду, засадил в дно крепкие бивни и стал выворачивать со дна песок, глину и камни. Росли по сторонам из них равнины, горы, утесы. Ползла, завилась за мамонтом Чжябдар. Вился между равнин, гор и утесов. И потекла по его следу вода.

Ушел мамонт на полночь, ворочая мокрое дно; ползал всяко за ним гибкий Чжябдар. Так говорили давно старикам старики и теперь говорят молодые.

Мамонт сделал равнины, горы и скалы; Чжябдар протер телом своим дорогу для рек.

Осень 1923 г. Чавида. Рассказал Марененок.

15. Манн

Жили в чуме две безродных сестры. Имен их никто не знает. В месяц „Сараны“ сестры ух-одили из чума в лес копать на зиму для еды сладкую сарану⁶. Копают. Вдруг слышат — в стороне от них плачет ребенок. Пошли искать. Нашли оловянную зыбку, а в ней мальчик грудной. Жалко

¹ Созвездие Большой Медведицы.

² Звезда, называемая „Плохой ходок“ — русский, у которого на спине котомка с хлебом, котел. Он вечно сзади и под горой. [Крайняя из трех звезд Б. Медвед.]

³ Звезда „Остак“ — он с лопаточкой. При лыжной ходьбе остак на верхнем конце лыжной палки с кольцом для снега, имеет узенькую лопаточку. Найдя звериный след, он ею определяет, когда прошел зверь. Это задерживает его. Он век на горе. [Средняя из трех звезд.]

⁴ Звезда „Хава“ — удалый. Это аваньки. Он за горой и век передом. Он легок, с ним ничего нет.

⁵ Все остальные звезды [Б. Медв.] изображают богатырского сохатого Хоглен, которого настиг и добывает удалый — Хава. Обычно сохатый называется Моты. Хоглен — легендарный сохатый.

⁶ Сарана — луковичное растение, царские кудри. В былые время луковичи заменяли тунгу-сам муку.

стало сестрам плачущего ребенка. Отнесли в чум, накормили. Уснул ребенок, и сестры ушли опять копать сарану. Видят — в чуме огонь, над огнем — таган¹, а в ней варятся два больших сига. Кто все это сделал? Не знают. Ребенок мал и спит.

Поели голодные сестры мягкой рыбы, отдохнули и снова пошли собирать сарану. Они отошли далеко от чума, спрятались и стали говорить тихонько, кто затопил чум и откуда сиги... Старшая сестра говорит младшей:

— Нам надо скорее уйти из чума. Зыбку расплавить и горячим оловом облить ребенка, чтобы он умер.

Вдруг у чума появился большой-большой человек, вытянул двух червей — кзыр, положил в таган, помещивает их и поет:

Женщины ели рыбу. Она им нравится.
Черви, черви, сделайте сига́ми.
Когда женщины разжиреют,
Тогда я съем их.

Испугались сестры. Старшая опять говорит младшей:

— Этот ребенок сильно худой. Мы его будем растить, а он нас будет кормить глистами. Нет, надо убить его, самим же бежать с этого места.

Сестры вернулись в чум будто с работы. В чуме опять огонь, таган и в нем рыба — сиги. Ребенок спит. Вынули его из зыбки, закрыли своим одеялом, вылили из тагана уху, положили в него топить оловянную зыбку. Расплавили, вылили горячее олово на ребенка, чтобы убить. И вдруг перед ними с постели встал великан Мани в поясе оловянным.

Схватили сестры свою женскую сумочку и с ней от Мани побежали. Мани стал догонять их. Достала старшая сестра из сумочки кодерорун и со словами „Кодерорун, стань горами-хребтами“ бросила его через свое плечо.

И появились высокие-высокие горы. Отстал Мани. Запел:

Разорвитесь, крутые горы,
Образовавшиеся из женского кодероруна.
Дайте мне проход.

И разорвались горы на пологие седловины. Перебежал Мани по ним, стал снова наступать сестер. Старшая бросила брусok:

Брусok, стань утесом,
Огороди Мани.

И брусok сделался непроходимым утесом. Мани опять запел:

Точильный камень, сделанный
Женщинами из бруска,
Расколись на части.

Утес весь расщелялся в трещины, и Мани пошел через ущелье догонять сестер. Тогда старшая бросила через себя зубчатый чучун:

Чучун, стань горой
С густым-густым лесом.

И выросла вокруг Мани кольцом высокая-высокая гора с непроходимой тайгой. Мани был на дне котла и снова запел:

Гора из женского чучуна,
Разорвись узенькой щелью,
Я стану тоненькой гусеницей.
Проползу муравьем.

И разорвалось кольцо. Мани сбросил с себя оловянный пояс, чтобы пролезть в узкую щель, и стал догонять сестер. Тогда старшая бросила гребень из сохатинowego рога, заклиная:

Гребень, стань камнями, горами, лесом,
Чтоб нигде не было прохода.

И появилось много-много гор с каменными зубцами, выросла густая тайга, и потерялся в них маленький муравьем Мани².

13 июня 1928 г. Катанга. Рассказал старик Дылгунча.

16. Два брата — дурак и умный

Жили два брата — умный и дурак. Умный сарану копает в лесу, оленей стережет, зверей промышляет, белку. Все делает, а дурак только спит, ест, поет.

Жили братья одни, без женщины, в чуме. За дурака кто пойдет замуж? А за умного из-за дурака-брата девки не шли.

¹ Таган — глиняный горшок, употреблявшийся в прошлом для варки пищи.

² Другими сказочниками доподлинется и заканчивается эта сказка тем, что сестры бросают с себя бисерные пояса, которые превращаются в цветистые радуги и сплетя Мани.

— Стало лето. Понадобилась лодка рыбачить. Надо делать. Умный говорит дураку:
— Брат, я пойду в лес драть бересто на лодку, ты иди нарежь кедровых корней — нянгта, чтобы шить лодку.

Вернулся умный брат из леса с берестом. Увидел дурачка, спрашивает:

— Что, принес нянгта, где они?

— Вот, — и дурак вытряхнул из сумки нарезанные от детских ног пятаки.

— Эх, дурак, дурак. Что ты наделал? Я велел тебе принести нянгта (корней), а ты принес нянгты (пятаки). Эх, дурак. Пока нас за это не убили, давай скорей отсюда бежать.

Умный заседлал несколько верховых оленей, чтобы послать вперед дурака чум делать. Сам стал собираться и выючить борышши — вещи.

— Иди, — говорит умный дураку, — придешь к орану (порогу), поставишь оленей и там чум делай.

Прикочевал умный к порогу, а в лесу ни брата, ни оленей. Куда ушел? Смотрит, а он в воде: в самом пороге шести для чума ставит. Ставит, а их сбивает течением.

— Э, дурак, дурак. Я тебе велел привязать оронов (оленей) и тут чум делать, а ты залез в оран (порог). Вылезай!

Ночевали. Утром по туману собрал в лесу оленей, привел к чуму, часть заседлал и опять послал вперед дурака чум делать.

— Иди, — говорит, — дурак! Поднимешься на хребет, с него чину увидишь, спустишься к ней, там чум делай.

Пришел умный к сказанному месту. Олени тут, а брата нет. Посмотрел, а он на дереве и там на гнездообразной вершине (чине) шести чумовые ставит.

— Э, дурак, дурак. Слезь. Тут под деревом чум будем ставить.

Легли. Слышит умный: за ними погоня. Люди идут. Убивать стал. Схватил умный пальму и убил ею одного из них. Те убежали. Побежали дальше от них братья. Умный говорит дураку:

— Я из-за тебя убил человека. Ты виноват. Тащи. Его спрятать надо.

Несет дурак убитого. Идут. Дождик будет, тучи. Вдруг слышат — к ним навстречу чамдалы идут на оленях. Испугался умный и говорит брату:

— Прятаться будем. Лезь скорее с покойником на кедр.

Залезли. Полил дождь. Остановились чамдалы и спрятались под кедром. Пережидают дождь.

Устал держать дурак на себе мертвеца, говорит брату:

— Я брошу покойника.

— Не бросай, нас обоих чамдалы убьют. Ты виноват и держи.

Обессилел дурак и опустил на землю мертвеца. Испугались его чамдалы и кто куда разбежались со страху.

Присказка: с тех пор везде найдешь по тайге чамдалские чумища.

1926 г. Турама. Ночь на шаманском мольбище.

17. Богатырь Мани и Хоглен

Богатырь Сохатый-Хоглен похитил на земле день и с ним побегал по небу. Сделалась ночь. Мани надел лыжи, пошел Хоглена добывать. С ним был добрый лук и две большие стрелы.

Долго гнался Мани, сильно бросал вперед лыжи, широкий след их оставлял за собой. Близко стал к Хоглену, пустил в него первую стрелу, да на бегу по-темну облевил. Мимо стрела полетела.

Убегает с днем Хоглен, гонится за ним Мани. Долго бежали. Поравнялся Мани с Хогленом, забежал сбоку, натянул до уха тетиву и меткой стрелой остановил его.

Мани отнял день и понес его на землю. Он шел с ним к земле столько же, сколько за Хогленом гнался по небу.

С тех пор Хоглен уносит у земли день. Мани каждый раз догоняет его на лыжах, пересекает второй стрелой его путь и с полночи носит на землю добываемый день. Дает утром свет и уходит.

15 декабря 1928 г. Сым.

18. Неизвестные люди

Один парень искал белку, нашел в снегу чье-то чумище. Откопал снег, залез в чум — сидят люди. Сами мерзлые, а из ноздрей бегут сопли. Спросил — молчат. Добыл огонь, оттаяли, помаленьку зашевелились. Увидели огонь, испугались. Старичок и говорит:

— Человек, мы не знаем огня, мы таем от солнца. Ты нас убил. Теперь мы все умрем.

И людей этих с тех пор не видел никто больше. Сказывали старики: они сделались кипельными ручейками — юктами. Вода в юктах с осени мерзнет и всю зиму кипит-кипит. Лед — сопли. Весной они растают и станут опять кипуну-речки.

19. Медведь и бурундук

Голодный медведь вылез из берлоги. Кругом снег. Нечего есть. Нашел пеня, в котором зиму спал бурундук. Хотел свалить пеня и съесть бурундука, да пеня был крепкий, не по силе.

— Дедушка медведь, ты зачем сердишься на меня? — спросил бурундук из гнезда.

— Я сержусь на мокро. Оно разбудило меня и выжило из берлоги. Вышел, а еды нет, — отвечал медведь. — Не остался ли у тебя запас какой? Покорми. Я с осени ничего не ел.

Бурундук отдал медведю недоеденные запасы. Медведь съел и погладил за это бурундука по спине лапой... Спина зажила, а на парapiнах выросла другая шерсть. С тех пор бурундуки и стали полосаты.

26. Об иголке

Остячка, мать богатыря Пальны, знала, что наши бабы шьют воинам одежду стальной иголкой. Она наказала сыну, когда тот пошел скрадывать чум нашего богатыря Пачеки:

— Пальна, убивая Пачеки, ты не забудь захватить стальную иголку. Мне легко тогда будет шить тебе броневую одежду, чинить пимы.

Смелый, сильный был Пальна, но простоват. И воевал он черемуховой дубинкой. Он, как лисица рябчика, неслышно скрал сонного Пачеки, да палкой убить его не успел. Пачеки выскочил из чума горностаем, ушел в тайгу. Остяк не погнался за ним. Он думал, что тунгус бонится его силы и не вернется к жилищу. Пальна стал шариться в турсучках, в постелях. Крепко искал стальную иглу. Он не слышал, когда вернулся из леса Пачеки, подкрался к чуму и заколол Пальну в спину копьем. Потом собрал свое войско и прогнал навсегда остяков с матери Катанги к Енисею.

Е. Н. Широкогорова

НАРОДНАЯ МУЗЫКА В КИТАЕ¹

В настоящей статье я хочу обратить внимание музыкантов и других лиц, интересующихся китайским фольклором, на народную музыку китайцев. Европейцы совершенно незнакомы с этой музыкой, несмотря на то, что китайская культура вообще и в особенности китайское искусство очень хорошо изучены. Со времени опубликования работы патера Amiot² появилось несколько трудов о китайской музыке, как, например, недавно изданные работы Soulie³ и Fischer⁴, а литература о китайской музыке на китайском языке огромна, существуют сотни, а может быть, и тысячи работ по этому вопросу. В последнее время, Mr. Jasser, музыкант-профессионал и композитор при Московской консерватории (высшей музыкальной школе), который некоторое время жил в Китае, подготовил очень интересную работу о китайской музыке, рассматривая этот вопрос с чисто музыкальной точки зрения. Его предшественники, очевидно, не могли это сделать, так как они были скорее синологами, чем музыкантами. Но все эти исследования, написанные европейцами, и, насколько мне известно, все китайские работы по этому вопросу занимают „официальной“ музыкой китайцев, строго урегулированной принципами, выработанными древним Китаем.

Классическая китайская музыка уже изучена, между тем как народная музыка совершенно неизвестна. А между тем народная музыка, вероятно, лежит в основе музыки классических композиторов и является источником их музыкальной фантазии, наподобие того, как работы европейских классических композиторов, как Бетховен и др., и в особенности современных музыкантов развивают и украшают музыкальную сокровищницу народа, которая часто бывает вполне национальной и типичной для своего этнографического окружения. Этот крайне простой и легко поддающийся исследованию вопрос, повидимому, ускользнул от внимания музыкантов-профессионалов и историков музыки. Однако недавнее движение по собиранию и изучению народной музыки как этнографического материала уже дало плодотворные результаты. Еще задолго до войны в Москве профессорами консерватории и этнографами было учреждено общество для сбора материалов по народной музыке. За сравнительно короткое время это общество собрало значительное количество народных песен, а также и крайне простых музыкальных фраз, какие выкрикиваются уличными разносчиками и корабейниками в России. Современные русские композиторы, как, например, Гречанинов, Лядов, Аренский и некоторые другие, связали свои имена с этой работой. Издания этого общества в данное время охватывают несколько томов.

В Музее антропологии и этнографии в Петрограде в 1911-12 годах было также открыто отделение музыкальных фонограмм, которое, согласно идее организатора, в дальнейшем должно было развиться в специальное отделение для таких изысканий. С этого времени каждый исследователь снабжался фонографом и валиками для записей подлинной народной музыки среди народов Сибири и Азии вообще. В Соединенных Штатах это движение уже создало литературу, и изучение народной музыки в данное время сильно развилось⁵.

¹ Перевод статьи „Folk music in China“ из The China journal of science and arts, vol. II, Shanghai 1924, pp. 116—121. *Ред.*

² „De la musique des Chinois tant anciens que modernes“ в издании Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les mœurs, les usages, etc. des Chinois par les missionnaires de Pékin. Vol. VI. Paris, 1780.

³ Soulie, „La musique en Chine“. Paris, 1911.

⁴ Beiträge zur Erforschung der Chinesischen Musik. Leipzig, 1910.

⁵ Издания Смитсоновского института.

Что же касается собрания народной музыки в этой части Азии, то оно не очень развито, и мы имеем лишь случайный материал, собранный некоторыми исследователями¹.

Во время совместных экспедиций с моим мужем д-ром С. М. Широкогоровым в разные части Восточной Сибири и Маньчжурии я собрала значительное количество музыкальных материалов. Большая часть этих материалов — в фонограммах и находится в Музее антропологии и этнографии Академии наук в Петрограде. Небольшая часть была записана на месте по слуху и в данное время находится у меня. Эта коллекция была пополнена во время нашей поездки в Пекин в 1917-18 году.

Ниже я привожу ряд зазываний и песен китайских уличных торговцев, которые особенно типичны для китайцев. Разновидности в такого рода музыкальных манифестациях действительно замечательны, и можно предполагать, что число таких коротких песен в Китае достигает количества в несколько тысяч².

Приведенные здесь песни, конечно, являются характерными для северных китайцев. На улицах Шанхая мы услышим другого рода песни. Здесь я привожу несколько примеров пекинских песен³.

Для того чтобы показать разновидности, существующие в такого рода проявлениях народной музыки, я здесь привожу также несколько китайских, тунгусских и маньчжурских простых песен, которые они поют не с артистическими целями, а для собственного удовольствия и развлечения или же во время шаманских действий. При этом видно, что маньчжурские и тунгусские песни построены по другим принципам, чем песни китайцев.

Из этих примеров видно, насколько сложен вопрос о музыке этих народов. В разных группах имеются такие различия, что их легко отличить друг от друга даже без тщательного анализа. Не подлежит поэтому никакому сомнению, что этот род народного искусства находится

¹ Например, проф. А. Рудневым.

² В одной только Московской области было собрано несколько сот таких песен.

³ В настоящем издании записи китайских мотивов опущены. *Ред.*

в связи с другими проявлениями народной культуры, народной психологии и в особенности эстетического развития. Поэтому в дальнейшем изучение народной музыки должно идти рука об руку с нашим знанием языков, а в Китае — наречий. Географическое распространение и более простых зазываний корейников также представляет большой интерес, так как они являются естественной, почти бессознательной творческой силой народа. Собрание и изучение таких песен очень полезно для историков, но оно не менее полезно и для музыкантов, которые, без сомнения, найдут новые темы и мотивы для своих композиций.

Происхождение этих песен также крайне интересно. Для того чтобы показать пример происхождения песен, я привожу здесь тунгусскую песню, основанную на мотиве, непосредственно заимствованном от природы.

Тунгусы обычно подражали самцу-оленью, когда он кричал в начале осени, призывая других самцов к борьбе. С этой целью тунгусы пользуются инструментом из дерева и бересты. Животные, услышав такое подражание, подходят к охотнику, который таким образом может убить их. Очень характерно, что и про маньчжурского тигра говорят, будто он при своей охоте также пользуется подражанием любовной песне оленя.

Приложенные песни птиц также заимствованы тунгусами как мотивы для песен.

Таким образом непосредственное подражание звукам природы во многих случаях является источником народной музыки, так что изучение песен птиц и животных обычно должно идти рука об руку с собиранием и изучением человеческих музыкальных манифестаций.

Что же касается китайской инструментальной музыки, то она скорее принадлежит к классической музыке, чем к народной. Как известно, китайцы больше, чем большинство других народов, являются любителями театральных представлений. Китайский театр значительную часть своей программы отводит исторической драме, которая всегда сопровождается музыкой, а потому совершенно естественно, что старинная классическая музыка таким образом всегда распространялась среди китайцев. Согласно вышеприведенным источникам, число китайских музыкальных инструментов очень велико.

Очень подробные работы Sorel и Amiot фактически исчерпывают техническую сторону этого вопроса, но, собирание образцов инструментальной народной музыки также крайне важно, хотя и менее доступно с технической точки зрения, чем народные песни.

В виду того что главной моей задачей является привлечение внимания читателя к китайской народной музыке, мне придется указать практический способ собирания таких коллекций.

Лучшим способом, безусловно, является регистрация музыкальных манифестаций при помощи фонографа, но это не всегда возможно, так как певцы очень часто слишком застенчивы, чтобы выступать в присутствии чужих или для какой-либо специальной цели. В таких случаях приходится записывать песни по слуху. Такой материал, естественно, приходится очень тщательно исправлять, ибо ухо европейца не привыкло к китайскому музыкальному духу и при записи всегда возможны ошибки. Для фонограммных записей можно употреблять очень простые и дешевые фонографы. Валики необходимо регистрировать тотчас же после окончания представления. Всегда следует записывать быстроту вращения валика во время представления, а также и местность, провинцию, город, деревню и т. д., пол, возраст, социальное положение и т. д. исполнителя. Записанные собирателем детали никогда не мешают дальнейшей обработке материала, тогда как отсутствие необходимых данных может значительно снизить ценность собрания. Тем же подробностями следует снабдить каждую вещь, записанную по слуху.

По собственному своему опыту я могу сказать, что собирание такого рода материала не так трудно, как это может показаться сначала. Записанные вначале вещи, вероятно, не будут иметь большую ценность как надежный материал, и их придется исправить впоследствии, но как только собиратель научается различать характерные китайские комбинации, он может собрать очень надежный материал. Очень полезно заручиться при этой работе помощью самих китайцев, хотя имеется очень не много образованных китайцев, интересующихся народной музыкой своей страны. Однако в данное время в Китае так много колоний европейцев, что эта работа с легкостью может быть выполнена этими последними, которые, живя вдали от китайских культурных центров, находятся в наиболее благоприятных условиях для собирания материала.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От редактора	I
Объяснение транскрипции	IV
1. Г. М. Василевич. Материалы по фольклору эвенков Сибири	1—146
Введение	1
I. Сказки о животных	
1. Hulaki. M. Joligir. Turu	7
2. Hulaki, jantaki. I. Kaplin. Igärigdä	9
3. Sulaki, jantaki. N. Bajaki. Ciremьу	10
4. Hulaki, irgici. P. Putugir. Norvokö	11
5. Hulaki, iläl. I. Uwocän. Norvokö	—
6. Sulaki, wəje. B. Ədän. Urmı	12
7. Hulaki, ahäl. I. Kaplin. Igärigdä	—
8. Hulaki, amākā. I. Uwocän. Norvokö	13
9. Hulaki, amākā. W. Uwocän. Norvokö	14
10. Sulaki, ilä. O. Salatkin. Nəpa	—
11. Amākā. M. Joligir. Turu	15
12. Sulaki amikännun. P. Cəmba. Ciremьу	16
13. Hulaki amikännun. W. Putugir. Norvokö	17
14. Amākā əgkə gələttə. W. Lontogir. Ika	—
15. Əhə, pəkə. B. Ədän. Urmı	18
16. Hulaki həpənnun. Aw. Putugir. Dəkənnə	—
17. Hulaki, kəkəki. I. Uwocän. Norvokö	19
18. Sulaki, cipica. N. Salatkin. Nəpa	20
19. Sulaki, wəje. A. Salatkin. Nəpa	21
20. Hulaki, irgici. I. Uwocän. Norvokö	—
21. Mund'ukātkār. N. Bajaki. Ciremьу	22
22. Mund'ukātkār, jantaki. Ş. Kimā. Ciremьу	23
23. Mundukän. M. Joligir. Turu	25
24. Atirkän tuksakinun. D. Woul. Aparā	—
25. Amikän, koləmtənun. Ş. Kimā. Ciremьу	26
26. Atirkän, amikän. S. Bukocār. Tujir	—
27. Əwənkı kuhunnun. S. Bukocār. Tujir	27
28. Toroki, məkü. B. Ədän. Urmı	29
29. Nəkə, soligā. B. Ədän. Urmı	—
II. Мифы	
30. Olı. M. Joligir. Turu	29
31. İduk əküt əməran. I. Ləpal. D. Kätəngā	30
32. Dür nəkunahəl. I. Bukocār. Olokno	31
33. Hınuki. M. Joligir. Turu	32
34. Hınukicən. A. Kaplin. Dəkənnə	—
35. Horoki. A. Kaməbagir. Dəkənnə	—
36. On ımükəl wəje berkətcən. I. Uwocän. Norvokö	33
37. On ımükəl wəje dund ə hargilən surucən. Ş. Kimā. Ciremьу	34
38. Carcikän. I. Kaplin. Igärigdä	35
39. ımükəl wəje ugulələn dunnələ tukticən W. Uwocän. Norvokö	36
40. Hələdan. Ş. Kimā. Ciremьу	38
41. Kerəndə, Uğanı. Ş. Kimā. Ciremьу	41
42. Guriwul. Ş. Kiltinā. Ciremьу	45
43. Epkacən. Ş. Kimā. Ciremьу	52
44. Epkacən. N. Bajaki. Ciremьу	53
45. Nəmələn. Ş. Kiltinā. Ciremьу	52
46. Muriwul. Ş. Kiltinā. Ciremьу	59
47. Həwənātme həcı. N. Kaplin. Norvokö	64
48. Culingdi. A. Putugir. Dəkənnə	65
49. Cuygdi. I. Kaplin. Igärigdä	66
50. Berkəltun. I. Kaplin. Igärigdä	67
51. Berkəltun. N. Kaplin. Norvokö	69
52. Nurigdi Nand'unun. N. Bajaki. Ciremьу	70
53. İcəgdirə. Ş. Kiltinā. Ciremьу	72
54. Ahātkan. A. Kaməbagir. Dəkənnə	73
55. Anganı. W. Lontogir. Nəpa	74
56. Samən. N. Salatkin. Nəpa	—
57. Samən. N. Zujew. Tutura	75
58. Samən, wəje. S. Lontogir. Nəpa	—
III. Исторические предания. Былины	
59. Cəpicil A. Kaməbagir. Dəkənnə	76
60. İstif. N. Monahow. Igärigdä	—
61. İstif. A. Putugir. Dəkənnə	78
62. Ahı. I. Kaplin. Igärigdä	80

63. Iläl. M. Mucujir. Tökma	81
64. Capit. A. Kamvagir. Däkänne	82
65. Dırpu awankil. S. Lontogir. Nēpa	83
66. Iläl, iläl. W. Putugir. Norbokō	—
67. Ilä, capit. P. Putugir. Norbokō	84
68. Capitil. W. Kaplin. Norbokō	—
69. Šiktowul. Š. Kimā. Ciremby	85
70. Nara. Š. Kimā. Ciremby	87
71. Šerincā. Š. Kimā. Ciremby	88
72. Arka. I. Bajaki. Ciremby	90
73. Nurgowul. M. Joligir. Turu	91
74. Nurgowul. I. Uwocān. Norbokō	92
75. Ilan aghil. N. Kaplin. Norbokō	93
76. Cera. N. Monahow. Iparigda	94
77. Aqadākān. A. Mucujir. Tökma	97
78. Aqadākān. A. Putugir. Däkänne	98
79. Sodu Sordonco Söldam. B. Ədān. Urmī	99
80. Kildinākan. C. Slepowa. Sahalin	104
81. Duhin buya Umusginčan. A. Afonasjewa. Sahalin	115
82. Aqsırā-Bassırā. I. Zujew. Tutura	118
83. Əwankil. N. Bajaki. Ciremby	—
84. Iydan. N. Bajaki. Ciremby	119
IV. Бытовые сказки	
85. Iwul. D. Semwā. Ciremby	121
86. Iwul. Cera. I. Lontogir. Nēpa	122
87. Dulubun. A. Kamvagir. Däkänne	124
88. Ulak ilä nicō. N. Kaplin. Norbokō	—
89. Utirkācān. N. Janagir. Olokno	125
90. On uläkkitcān umūkēn wəja. N. Kaplin. Norbokō	126
91. Umūkēn culluwki mudurēn. P. Putugir. Norbokō	—
92. Ətirkān, atirkān. J. Lontogir. Nēpa	127
93. Baj. A. Kamvagir. Däkänne	128
94. Ahātkān, amākā. A. Kamvagir. Däkänne	—
95. On wəja amākāwa uläkkitcān. A. Kamvagir. Däkänne	—
96. On wəja amākānun tyyədəcān. Aw. Putugir. Däkänne	129
97. Uita. A. Kamvagir. Däkänne	—
V. Детские сказки. Загадки	
98. Cinekā. Š. Kimā. Ciremby	130
99. Pereden. N. Kaplin. Norbokō	—
100. Bəjatkān. H. Salatkina. Norbokō	131
101. (Считалки). M. Möldakitow. Kalār	132
102. Загадки (1—67)	133
VI. Шаманские песнопения	
103. I. Bajaki. Ciremby	136
104. Jand'arkā. Š. Kimā. Ciremby	—
105. (Проводы души) A. Kamvagir. Däkänne	138
106—107. (Обращение к духам) A. Kamvagir. Däkänne	139
108. *** Корпокојир. Токма	140
VII. Песни и припевы	
109. Ərkəgəyil. P. Bajaki. Ciremby	141
110. *** P. Bajaki. Ciremby	—
111. Припевы и импровизации (1—13)	142
112. Импровизация. I. Momo. D. Kātəngā	—
VIII. Новые песни	
113. Uräl. S. Gerasimow. Turik	143
114. Asäl. S. Gerasimow. Turik	—
115. Bu tattıl. (Группа студентов ИНСа)	144
116. Nəggeni. A. Salatkin. Nēpa	—
117. Kalār-əni sigjaldun. P. Möldakitaw. Tokko	145
118. Bragacın. M. Pawlow-Janagir. Kalār	—
119. Kuqakār wəsiwer. M. Möldakitaw. Kalār	146
120. Girkijəl, aknijəl	—
2. Т. И. Петрова. Сказки эвенков Приангарья	147—157
Введение	147
1. Kəğəndəş, Uqan. A. Cernousow. Kamenka	149
2. Akarāmə. A. Cernousow. Kamenka	150
3. Numpakan. A. Cernousow. Kamenka	—
4. Murāwul. I. Kirənew. Kamenka	151
5. Mujinə. N. Ollōda. Komo	152
6. Iwul. M. Beregow. Ənek	—
7. Iwuj	153

8. Sulaki. A. Cernousow. Kamenka	154
9. Sulaki. I. Kiranow. Kamenka	155
10. Toyo. P. Kiranow. Kamenka	156
11. Hınukicın. A. Cernousow. Kamenka	—
3. Г. А. Ниргунеев. Две сказки талочских эвенков	158—161
1. Nimgakawun. G. Torgonow. Hılgıllı. Talasā	158
2. Nucakın wəjə. G. Torgonow. Hılgıllı. Talasā	159
4. Е. И. Титов. Материалы по устному творчеству эвенков	162—214
Прибайкалья	162
Введение	162
1. Çayalaj-Çakulaj. D. Polin. Karama	165
2. Akşırə-Bakşırə. D. Polin. Karama	166
3. Şarātə. D. Polin. Karama	167
4. Hırkākān. D. Polin. Karama	168
5. Bolontur-woyatur. D. Polin. Karama	170
6. Ham-Huwin-Həşər-Bogdo. D. Polin. Karama	171
7. Əjnil. D. Polin. Karama	175
8. Ucanaj. D. Polin. Karama	176
9. Nimgakawun. D. Polin. Karama	179
10. Nimgakawun. I. M. Safonow. Tırka. Karama	180
11. Nimgakawun. I. M. Safonow. Tırka. Karama	181
12. Nimgakawun. F. K. Monastırew. Murınpa	182
13. Mağı. P. Starikow. Tutura	183
14. Akşırə-Bakşırə. P. Starikow. Tutura	—
15. Altānəj. P. Starikow. Tutura	184
16. Dəkimdəki. I. Komarıcin. Cənca. Aḡarā	185
17. Aşı. F. Şangın. Dagarā. Aḡarā	186
18. Bəw qılın, bərsullu. F. Şangın. Dagarā. Aḡarā	187
19. Nimgakān. J. Aeulew	—
20. Akı-Bakı. J. Aeulew	188
21. Şığəcən. J. Aeulew	—
22. Sulaki. J. Aeulew	189
23. N. Bukıdaew	—
24-27. J. Aeulew	190
28-35. N. Bukıdaew	192
36. Şonoto (ənin)	197
37-38. Şonoto (hırkākān)	—
39-44. O. Aeulewa	198
45. N. Bukıdaew	199
46. S. Kowalew	—
47-48. * *	200
49-50. I. Komarıcin. Cəncə	—
51-53 F. Şangın N-Angarsk	201
54. Sulaki, ətirkān. A. Nırguneev. Condak	202
55. Utān. A. Nırguneev. Condak	—
56. Şrunaj-Mərgən. A. Nırguneev. Condak	—
57. Altanaj. A. Nırguneev. Condak	203
58. Dəbə. A. Nırguneev. Condak	204
59. Ənikucən soronejın. Nırguneev. Condak	—
60. Bəjā A. Nırguneev. Condak	205
61. Bayatur. S. Baksanaew. (Turujayır). Cıpa	207
62. Sulaki. S. Baksanaew. (Turujayır). Cıpa	—
63. Carcıkān. S. Baksanaew. (Turujayır). Cıpa	208
64. Sula, cıwkān. S. Baksanaew. (Turujayır). Cıpa	209
65-68. * * * S. Baksanaew. (Turujayır). Cıpa	210
69. Əkətiki-əkətiki. Nənəwkətiki	211
5. В. И. Левин. Две сказки аянских эвенков	215—224
1. Nımkān I. W. Karamzin (Makagir). Ajan	215
2. Umki, sulaki. N. E. Pawlow (Makagir). Ajan	221
6. А. П. Козловский. Сказки тунгиро-олекминских эвенков	225—233
Введение	225
1. Nımgakan. I. P. Maksimow. Nəpugā	—
2. Zərtıgır * *	226
3. Turacıwki zahıkkān. M. S. Abramow. Olokno	228
4. Olı. M. S. Abramow. Olokno	229
5. Nımgakān. D. D. Glazirow. Tupirkān	230
6. Nımgakān. D. D. Glazirow. Tupirkān	231
7. Nımgakān. I. P. Maksimow. Tupirkān	—
8. Nımgakān. P. Saharow. Gıla	232

ПРИЛОЖЕНИЯ

И. Георги. Тунгусское сказание	233
Г. Гут. Тунгусская народная литература и ее этнологическое значение	235
Введение. О трудностях лингвистических занятий с тунгусами	—
Образцы енисейско-тунгусской речи	238
1. Колыбельная песнь	—
2. Сбившаяся с пути истинного девушка	—
3. Жалобная песнь осиротевшей девушки	240
4. Отрывок из песни о герое Марэвуле	241
5. Заклинание шамана при лечении болящих членов тела	242
6. Заклинание шамана против оспы	—
7. Заклинание шамана при долго продолжающихся родовых болях	243
8. Изречение шамана влюбленному, который хочет жениться	—
Примечания	—
Г. Гут. Фрагменты из вариантов тунгусских преданий	246
1. Kəṛānda, Uṛāni	—
3. Culuḡdi	246
В. Н. Васильев. Тунгусские предания	246
1. Урийн и Моуна	—
2. Оран	248
3. Два брата	249
4. Jāha	250
5. Умна	251
6. Юраки	252
7. Дыгын	253
В. Н. Васильев. Образцы тунгусской народной литературы	255
1. Два шамана	—
2. Лебедь	—
3. Сын старика и старухи	—
4. Богатырь-карлик	257
5. Хуляя и ковшичан	258
И. П. Толмачев. Заметка по поводу „Образцов тунгусской народной литературы“ в пересказе В. Н. Васильева	262
К. Рычков. Из области тунгусского творчества	263
1. Хенукичан	—
2. Медведь и карась	266
3. Глухарь и лебедь	—
4. Почему тунгусы имеют оленей, а остяки нет?	—
5. Летяга и мышь	267
6. Медведь	—
П. Малых. Несколько слов об ороченах и их фольклоре	267
Б. Иттер. Две сказки	271
1. Каптандыр	—
2. Нургауль	—
В. С. Пежемский. Две легенды ербогаченских эвенков	272
1. Ходы раздора	—
2. Мангы-Дёромго	273
М. Ошаров. Тунгусские сказки	275
1. Как лисица баб обманула	276
2. О лесе и утесе	—
3. Волк и лисица	277
4. О зайце и шамане	—
5. Медведь и кедровка	278
6. Почему у медведя нет на лапах больших пальцев	—
7. Откуда появились вши	—
8. О мыши и сеноставце	279
9. Богатырь и клей	—
10. Где тунгус нашел первую жену	—
11. Про гагару	—
12. Почему люди стали шаманить	280
13. О созвездии Хоглен-Сохатом	—
14. Мамонт и змей Чжябдар	—
15. Мани	—
16. Два брата — дурак и умный	281
17. Богатырь Мани и Хоглен	282
18. Неизвестные люди	—
19. Медведь и бурундук	—
20. Об иголке	283
Е. Н. Широкогорова. Народная музыка в Китае	—